

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XXXVI.

1892 Г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4

КИЕВСКАЯ СТАРИНА

**ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.**

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XXXVI.

1892 г.

ЯНВАРЬ

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1892.

СОДЕРЖАНИЕ.

	СТР.
ОТЪ РЕДАКЦИИ	1—IV
I. СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРОУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ. (Посвящается памяти А. А. Штебни). Н. В. Сумцова	1—10
II. ПРОТОИЕРЕЙ АЛЕКСІЙ АНДРІЕВСКІЙ. (Эпизодъ 1789 г.). В. Антоновича	11—22
III. О ЯЗЫКѢ И ПОЭТИЧЕСКОМЪ СТИЛѣ НАРОДНЫХЪ МАЛОРОУССКИХЪ ДУМЪ. П. Житецкаго	23—60
IV. РАСКОПКИ НА КНЯЖЕЙ ГОРѢ ВЪ 1891 Г. Нин. Беляшевскаго (съ двумя таблицами снимковъ)	61—104
V. КЪ ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ДУМЪ. (По поводу статьи г. Равиты о думахъ). А. Степовича	105—109
VI. ГЕТМАНЪ МАЗЕНА И ОСТЕРСКІЯ ОБЩІЯ ЗЕМЛИ. (Изъ исторіи землевладѣнія въ яѣво-бережной Українѣ). И. Лучицкаго	110—118
VII. «МАЛОРОУСКАЯ СУЕВЪРІЯ, КОИМЪ МАЛО КТО ВЪРИЛЪ, СОБРАННАЯ 1776 Г.». (Рукопись А. И. Чечи). Н. В. Стороженна	119—130
VIII. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ: 1) Къ исторіи славянофильства на Руси. 2) Письмо Ив. Носа къ прилуцкому полковнику Дм. Горленку о свадьбѣ его сына. В. Г. 3) Замѣчательный универсаль гетмана Мазена. А. Стороженна. 4) Старинное поученіе Переяславскому семинаристу при вступлении его въ Кіевскую Академію. А. Стороженка. 5) Упіятская колядка. Сообщ. Хр. Ящуржинскій. 6) Распоряженіе генераль-губернатора Глѣбова по случаю проѣзда турецкаго посланника черезъ г. Кіевъ (1764 г.) А. А. 7) Рукописныя замѣтки на поляхъ книги «Миръ человѣка съ Богомъ», Инокентія Гизеля, кіевской печати 1669 года. Н. П.	131—154
IX. БИБЛІОГРАФІЯ: 1) Графъ И. Толстой и Н. Кондаковъ.—Русскія древности въ памятникахъ искусства. В. четвертый. В. Щербины. 2) Ал. С. Фаминицынъ. Дома и сродные ей музыкальные инструменты русского народа: балалайка, кобза, бандура, торбанъ, гитара. А. Степовича. 3) Коваленко «О народной медицинѣ въ Переяславскомъ уѣздѣ, Полтавской губ. въ «Этнографич. Обозрѣніи» 1891 IX 141—150. 4) Řečoř, Lidova lečba u halických Malorusů vъ Časopis Musea českého 1891 г. LXV ч. 2 стр. 281—297. Н. С. 5) Письма Вас. Ив. Туманского и его везданныя стихотворенія. З. 6) Обзоръ замѣчательныхъ древностей воронежской губ. Л. Б. Вейнберга. Арк. Л—ниа. 7) Bibliografia litewska od 1547 do 1701, przedstawił Maurycy Stankiewicz. Арк. Л—нио. 8) Обзорѣніе журналовъ. 9) Книги, относящіяся къ южной Россіи, вышедшия въ концѣ 1890 и въ 1891 г..	155—188
ПРИЛОЖЕНИЯ: 1) Портретъ Александра Афанасьевича Штебни. 2) Дневникъ генерального подскарбія Якова Марковича.	
ОБЪЯВЛЕНИЯ	1—14

Дозволено цензур. Кіевъ, 30-го декабря 1891 г.

Отъ Редакціи.

„Кievская Старина“ начинаетъ одиннадцатый годъ своего изданія, и потому совершенно вправѣ поставить для самой себя вопросъ: выполнены-ли ею, и въ какой мѣрѣ, задачи научно-литературного журнала—вообще, и достигнуты-ли цѣли органа, посвятившаго себя разработкѣ вопросовъ края въ его историческомъ прошломъ—въ частности? Десятилѣтній періодъ существованія научнаго журнала, особенно въ провинціи,—это такой срокъ, при которомъ является полная возможность судить, какъ обѣ успѣшиности труда, такъ и о гарантіяхъ продолженія изданія на будущее время.

Первый издатель, покойный ѡ. Г. Лебединцевъ, конечно долженъ былъ задаваться этимъ послѣднимъ вопросомъ, но исключительно руководствуясь общими соображеніями о необходимости изданія въ Киевѣ научнаго журнала, который не быль-бы пріуроченъ къ специальному задачамъ университетскихъ наукъ, а носилъ-бы характеръ—скажемъ такъ—общественно-научнаго изданія на мѣстной почвѣ. Исторія края, такая характерная на протяженіи многихъ вѣковъ, конечно, можетъ и должна представлять интересъ въ своей разработкѣ, какъ для уразумѣнія современности, такъ иногда еще болѣе для руководства и надлежащаго направленія жизненныхъ фактовъ будущаго: „правители

и законодатели—такъ говорилъ Карамзинъ—смотрять на листы исторіи, какъ мореплаватели на чертежи морей". Но и помимо этого, у первого издателя нашего журнала должно было явиться однимъ изъ крупныхъ руководящихъ началъ то соображеніе, что Киевъ, когда-то центръ просвѣщенія всей Руси, нѣсколько позже—центръ юго-западно-русской науки, а теперь все-таки одинъ изъ крупнейшихъ просвѣтительныхъ пунктовъ юга Россіи, долженъ взять на себя починъ всесторонней работы надъ уясненіемъ историческихъ, этнографическихъ, литературныхъ, экономическихъ и всѣхъ прочихъ судебъ края. Указаніе на это можно видѣть въ попыткахъ прошлаго, которыя, сейчасъ-же послѣ открытия въ Киевѣ Университета, обнаружились въ стремлениіи создать органъ для оживленія среди общества научно-литературныхъ интересовъ. На страницахъ „Кievskoj Stariны“ было указано на то, какъ въ 1835 году, т. е. сейчасъ-же послѣ открытия Университета, явилась мысль у самой администраціи основать органъ „Kievskij Novosti“, между прочимъ помѣщая въ немъ „историческія и археологическія открытия“, а также сообщая факты по всѣмъ отраслямъ краевѣдѣнія („Kievskaya Stariна“ 1884 г., № 11, стр. 532). Еще болѣе такія указанія можно видѣть въ попыткахъ М. Максимовича издавать альманахъ „Kievlyanninъ“, вышедший впрочемъ только въ трехъ книгахъ. Не лишнимъ будетъ вспомнить тѣ строки, которыми открывался „Kievlyanninъ“ Максимовича въ 1840 году, таکъ какъ эти-же строки вполнѣ объясняютъ и появленіе на свѣтѣ „Kievskoj Stariны“ 10 лѣть тому назадъ. „Изслѣдованіе и приведеніе въ надлежащую извѣстность всего, что относится къ бытю Киева и всей Южной Руси—Кievskoj и Галицкой, составляетъ особенную и собственную цѣль моего Kievlyanna. Поэтому я покорней-

ше прошу всѣхъ, и особенно живущихъ въ южно-русскомъ краѣ, принять участіе въ изданіи „Кievлянина“. Это участіе можетъ быть двоякое: во 1-хъ, сообщеніе обработанныхъ уже статей вышесказанного содерянія; во 2-хъ, доставленіе мнѣ самыхъ матеріаловъ, каковы напримѣръ: старинныя историческія и всякия другія записки, грамоты, универсалы, акты, листы или письма, старинныя легенды, народныя преданія и пѣсни (безъ всякой поправки), также рисунки со старинныхъ церквей, монастырей, замковъ, надгробій и другихъ замѣчательныхъ мѣстъ и предметовъ“.

Нетрудно видѣть, что эта программа изданія можетъ быть повторена и теперь отъ слова до слова, и потому должна была указывать первому издаелью теоретическую потребность въ литературномъ органѣ, который продолжилъ-бы въ болѣе организованной формѣ дѣло, начатое въ Кіевѣ чутъ не полвѣка назадъ.

Конечно, всѣ эти общія соображенія побуждаютъ и теперешнюю редакцію „Кіевской Старинѣ“ продолжать нелегкое дѣло изданія научнаго журнала въ обстановкѣ провинціальной печати, такъ-какъ жатва научная все еще остается обильной и для будущихъ жателей; но кроме того, редакція имѣеть возможность теперь прибавить къ этимъ общимъ соображеніямъ и тѣ результаты, какихъ достигло изданіе въ десятилѣтній періодъ его существованія. Не останавливаясь на частичномъ указаніи тѣхъ изслѣдованій, матеріаловъ, мелкихъ замѣтокъ и рецензій, которые нашли себѣ мѣсто на страницахъ нашего журнала, мы можемъ указать на тотъ неоспоримый фактъ, что „Кіевская Старина“ этого первого десятилѣтія является необходимымъ пособіемъ для лицъ, занимающихся исторіей, литературой, этнографіей, культурой, не только мѣстной, но и общерусской, равно какъ и обще-славянской. И въ самомъ дѣлѣ, мы ви-

димъ постоянно встрѣчающіяся ссылки на нашъ журналъ въ капитальныхъ трудахъ русскихъ и славянскихъ ученыхъ, а это придаетъ намъ еще болѣе увѣренности въ томъ, что десятилѣтній трудъ редакціи былъ полезенъ для дѣла, а слѣдовательно и впредь будетъ внесенъ въ общую сокровищницу тѣхъ культурныхъ пріобрѣтеній, которые составляютъ украшеніе и славу дорогой намъ родины. Не взирая на всѣ трудности и препятствія, какъ материальныя, такъ и нравственныя, мы смѣло бѣремся за продолженіе начатаго дѣла, съ полной вѣрой въ то, что оно съ теченiemъ времени найдетъ сочувствіе не только въ людяхъ науки, но и въ средѣ образованной части всего русскаго общества. *Gutta cavat lapidem non vi, sed semper cadendo.*

Александр Афанасьевич Потемкин.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ.

(ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ А. А. ПОТЕБНИ)¹⁾.

Ближайшимъ поводомъ къ составленію изслѣдованія о современномъ состояніи малорусской этнографіи намъ послужилъ III томъ „Исторіи русской этнографіи“ А. Н. Шипина, вышедший въ августѣ 1891 г., всецѣло посвященный этнографіи малорусской. Новѣйшая малорусская этнографія представлена въ этомъ трудѣ слабо. Въ то время, какъ при обозрѣніи трудовъ малорусскихъ этнографовъ старого времени указаны кое-гдѣ внутренніе мотивы ихъ дѣятельности и мѣстами сдѣлана оцѣнка добытыхъ результатовъ, обзоръ новѣйшей этнографіи, послѣ Костомарова, Булиша и Чубинскаго, представляетъ перечень фактовъ біографическихъ и бібліографическихъ, причемъ нѣтъ соразмѣрности въ ихъ изложеніи, и мѣстами статистикамъ и историкамъ отведено болѣе мѣста, чѣмъ специалистамъ этнографамъ. Встрѣчаются пропуски; напр., пройдены молчаниемъ труды Волкова, Омельченка, Андреевскаго. Почтенному автору пришлось имѣть дѣло съ такимъ обширнымъ материаломъ, столь мало до сихъ поръ систематизированнымъ, въ добавокъ авторъ такъ расширилъ рамки своего изслѣдованія внесеніемъ въ него побочныхъ отраслей, историческихъ и беллетристическихъ, что несоразмѣрность частей, малочисленность самостоятельныхъ оцѣнокъ и пропуски въ материалахъ явились неизбѣжнымъ резуль-

¹⁾) Оъ души благодаримъ уважаемаго нашего сотрудника, предоставившаго намъ возможность, вместо некролога, помѣстить статью, посвященную памяти Александра Аѳанасьевича Потебни († 29 ноября 1891 г.), и привложить къ ней портретъ его.—Ред.

татомъ принятой авторомъ системы изслѣдованія. Чтеніе книги г. Пыпина навело меня на мысль сдѣлать къ ней пѣсколько дополненій. Въ статьѣ о современномъ состояніи малорусской этнографії я буду говорить о трудахъ А. А. Потебни, И. И. Манжурѣ, П. В. Иванова, г-жи Мошинской, г-жи Рокосовской, Руликовскаго, г. Андреевскаго и др., еле затронутыхъ у г. Пыпина или совсѣмъ опущенныхъ.

Я не буду останавливаться на вопросахъ, что движетъ современными этнографами въ изученіи народности: предыдущія-ли литературныя вліянія, любовь-ли къ наукѣ, или непосредственное общеніе съ народомъ и вытекающее отсюда чувство симпатіи къ нему. Тутъ легко впасть въ гаданія, въ предположенія, которыми можетъ воспользоваться и толковать по своему всякая публицистическая или національная тенденціозность. Не вижу особенной надобности въ опредѣленіи связей современныхъ этнографовъ съ прежними, связей книжныхъ и личныхъ. За немногими исключеніями, современная этнографія имѣетъ совершенно самостоятельное происхожденіе. Такіе собиратели и изслѣдователи прежняго времени, какъ Цертелевъ, Срезневскій, Максимовичъ, Метлинскій, Костомаровъ, почти вполнѣ забыты; за исключеніемъ Потебни, никто на нихъ не ссылается и не пользуется ихъ этнографическими трудами. Сборникъ Головацкаго у насъ еще мало извѣстенъ, и рѣдко кто имъ пользуется, не смотря на громадное обиліе заключающагося въ немъ пѣсенного материала. Чаще всего въ трудахъ новѣйшихъ этнографовъ собирателей можно найти ссылки на Чубинскаго, Рудченка и Драгоманова. Вообще, связь новѣйшей этнографіи съ прежней весьма незначительна. Материалъ собирается, а часто и издается, особенно часто въ польскихъ этнографическихъ изданіяхъ, безъ оглядки назадъ, безъ справокъ, что было уже ранѣе собрано и издано.

Въ изложеніи современного развитія этнографическихъ изученій малорусского народа мы съ возможной внимательностью будемъ слѣдить, во первыхъ, за тѣмъ, съ какими пріемами собирается и изучается материалъ, и, во вторыхъ, что даетъ намъ новаго современная этнографія, какъ великий кругъ

ея открытій. Послѣдняя задача весьма трудная, такъ какъ при разрѣшеніи ея требуются многочисленныя библіографическія справки, не только въ прошломъ русской этнографіи, но и въ современномъ европейскомъ фольклорѣ. Только при широкихъ сравнительно-этнографическихъ изученіяхъ возможна справедливая оцѣнка новѣйшихъ результатовъ малорусской этнографіи. Понятно, что тутъ исчерпывающей полноты и законченности не можетъ быть, по самому существу фольклора и по современной его научной постановкѣ.

Сравнительно-этнографическій обзоръ современного украинского фольклора долженъ объяснить космополитические и национальные элементы южнорусской народной словесности, быта и міросозерцанія. Какъ отдельному человѣку полезно знакомство съ другими людьми, такъ и народность отъ общенія съ другими народностями выигрываетъ въ разнообразіи и полнотѣ своего национального типа и въ богатствѣ своего литературного достоянія. Какъ ни трудно разобраться въ разнородныхъ элементахъ, изъ коихъ сложилась украинская народная словесность, но изученіе ихъ приводить къ убѣждению, что словесность эта, какъ и словесность великорусская, представляетъ весьма характерное соединеніе чертъ чисто-национальныхъ, специальнѣо своенародныхъ съ элементами инородными, причемъ чужое и свое переплелось большею частью такъ тѣсно, что нѣть возможности провести разграничительную черту.

А. А. Потебня.

Въ исторіи русской науки, въ частности въ исторіи Харьковскаго университета, Александръ Аѳанасьевичъ Потебня занялъ крупное мѣсто. Имя его пользуется почетной известностью и за предѣлами Россіи, въ славянскихъ странахъ. Въ области филологіи А. А. Потебня безспорно первая величина, что въ особенности стало ясно со смерти Миклошича. Съ знаменитымъ славистомъ Потебня сходится по обширной эрудиціи и по разносторонности научныхъ интересовъ. Глубокое изученіе формальной старины языка у Потебни идетъ рядомъ съ философ-

скимъ пониманіемъ, съ любовью къ поэзіи и искусству. Тонкій и тщательный анализъ, выработанный на спеціально филологическихъ изслѣдованіяхъ, получилъ блестящее приложеніе въ работахъ по этнографіи, въ особенности въ капитальныхъ рутадахъ о малорусскихъ и сродныхъ съ ними пѣсняхъ.

Печатными трудами значеніе Потебни не исчерпывается. Вліяніе его, какъ человѣка и профессора, было глубоко и благотворно. На каѳедрѣ онъ всегда былъ учителемъ въ лучшемъ, благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова: въ его лекціяхъ заключался богатый запасъ свѣдѣній, тщательно пропрѣренныхъ и продуманныхъ, слышалось живое личное увлеченіе наукой, обнаруживалось оригинальное міросозерданіе, въ основѣ которого лежитъ въ высшей степени совѣстливое и деликатное отношение къ личности человѣка и личности народа. Въ принципіальныхъ убѣжденіяхъ Потебня всегда былъ строгъ безъ малѣйшихъ уклоненій, безъ дружбы и безъ вражды, и рядомъ съ этой нравственной требовательностью, прилагаемой постоянно и къ собственной личности, стояло доброе, мягкое и гуманное чувство въ частныхъ проявленіяхъ личной жизни, въ отношеніи къ людямъ, обращавшимся за научнымъ совѣтомъ, указаніями и пособіемъ.

До послѣдняго времени, до выхода въ свѣтъ III тома „Исторіи рус. этнографіи“ А. Н. Пыпина, въ печати не было біографическихъ свѣдѣній о Потебнѣ. Тѣмъ пріятнѣе было встрѣтить у г. Пыпина автобіографію Потебни въ цѣлыхъ четыре страницы (420—424), что нѣсколько удивило и порадовало его учениковъ, знающихъ, какъ въ этомъ отношеніи А. А. Потебня всегда былъ скроменъ, какъ мало, совершенно случайно и мимоходомъ онъ сообщалъ о своемъ прошломъ.

Потебня—малорость по происхожденію, на что уже указываетъ его фамилія. Происхожденіе и этимологическое значеніе слова „потебня“ объяснено подробно самимъ А. А. Потебней въ IV вып. „Къ исторіи звуковъ“ (40): потебня, тебенек—корень татарскій, предлогъ и грамматическая форма русскіе, означаетъ кожаныя лопасти по бокамъ казачьяго сѣдла. Фамилія казацкая. На Дону въ великорусской формѣ Тебеньковъ.

А. А. Потебня родился въ 1836 г. въ небогатой дворянской семье Роменского уѣзда Полтавской губ., учился сначала въ Радомской гимназіи, потомъ въ Харьковскомъ университетѣ, по историко-филологическому факультету, который окончилъ въ 1856 г. Ко времени пребыванія А. А. Потебни въ университетѣ относится его знакомство съ студентомъ—медикомъ Мих. Вас. Нѣговскимъ, любителемъ и собирателемъ малорусскихъ народныхъ пѣсенъ. Въ завѣданіи Нѣговскаго была небольшая библіотека, состоявшая изъ сочиненій на малорусскомъ языке и относящихся до Малороссіи. Этюю библіотекой я пользовался, говоритъ А. А., что не осталось безъ вліянія на позднѣйшія мои занятія. Нѣговскій скончался въ молодыхъ лѣтахъ; но Потебня до послѣднихъ дней своей жизни хранилъ о немъ самыя теплые воспоминанія. Подъ вліяніемъ Нѣговскаго укрѣпился въ А. А. живой интересъ къ малорусской этнографіи, выразившійся впослѣдствіи въ видѣ капитальныхъ научныхъ трудовъ. Въ молодости Потебня собиралъ народныя пѣсни; часть собранныхъ имъ пѣсенъ вошла въ извѣстный сборникъ Чубинскаго. Въ своей автобіографіи Потебня неоднократно упоминаетъ съ признательностью о Петрѣ Александровичѣ и братѣ его Ник. Ал. Лавровскихъ. По совѣту П. А. Лавровскаго Потебня сталъ готовиться къ магистерскому экзамену, выдержалъ экзаменъ „благодаря снисходительности“ П. А. и Н. А. Лавровскихъ, черезъ П. Лавровскаго познакомился съ трудами Миклошича, Срезневскаго, Караджича. Въ автобіографіи Потебни нѣть ни малѣйшей тѣни отъ того темнаго облачка несогласія съ П. А. Лавровскимъ, научно-литературнымъ остаткомъ котораго служитъ обширная и суровая рецензія П. А. Лавровскаго во II кн. „Чтеній моск. общ. ист. и древн.“ 1866 г. на сочиненіе Потебни „О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій“. Для нравственной личности Потебни характерно, что онъ не отвѣчалъ своему строгому критику, хотя вполнѣ могъ это сдѣлать, подавилъ въ себѣ горечь личной неспріятности, и въ 1886 по кончинѣ П. А. Лавровскаго прочелъ въ засѣданіи Харьковскаго историко-филологического общества рефератъ о научныхъ трудахъ П. А. Лавровскаго,

съ безусловно объективной оценкой его научныхъ заслугъ, а въ своей автобіографіи подчеркиваетъ свою признательность братьямъ Лавровскимъ за ихъ просвѣщенное содѣйствіе на первыхъ по времени ступеняхъ его научной дѣятельности.

Въ числѣ профессоровъ, которыхъ слушалъ Потебня, былъ А. Л. Метлинскій. Въ автобіографіи Потебня говоритьъ: „Русскую грамматику читалъ по грамматикѣ Давыдова А. Л. Метлинскій, украинофилъ и добрый человѣкъ, но слабый профессоръ. Его сборникъ южнорусскихъ народныхъ пѣсенъ былъ первою книгой, по которой я учился присматриваться къ явленіямъ языка“. Несомнѣнно, что Метлинскій благотворно повліялъ на Потебню въ смыслѣ усиленія въ немъ живаго интереса къ малорусской народности и этнографіи. Метлинскій былъ человѣкъ простой, честный, добродушный и трудолюбивый. По словамъ его ученика Де-Пуле, дверь его квартиры была всегда открыта для студентовъ. Близость его къ студентамъ была идеальная, товарищеская. Пріобрѣсти дружеское, товарищеское расположение Метлинскаго легко было тому, кто писалъ не дурно, кто сочинялъ стихи, кто собиралъ или любилъ народныя пѣсни. „Народныя южнорусскія пѣсни“, о которыхъ упоминаетъ Потебня, вышли въ 1854 г. Въ предисловіи къ нимъ Метлинскій писалъ слѣдующее: „Проведши большую часть моей жизни на югѣ Россіи, я могъ трудиться надъ разработкою народнаго слова русскаго преимущественно только на одной изъ нивъ обширнаго поля царства русскаго, южнорусской или украинской. Усердно воздѣлывая то, что досталось въ удѣль по волѣ Промысла на мою долю, я утѣшался и одушевлялся мыслью, что всякое нарѣчіе или отрасль языка русскаго, всякое слово и памятникъ слова есть необходимая часть великаго, законное достояніе всего русскаго народа, и что изученіе и разъясненіе ихъ есть начало его общаго самопознанія, источникъ его словеснаго богатства, основаніе славы и самоуваженія. Языкъ русскій, какъ и всякий другой, образуется писателями; но силу свою и природное богатство беретъ изъ первоначальныхъ чистѣйшихъ родниковъ своихъ, изъ нарѣчій народныхъ“. Далѣе у Метлинскаго слѣдуетъ выраженіе, которое позднѣе Потебня по-

вторилъ, съ ссылкой на автора, какъ безусловно справедливое. Словесныя произведенія каждого русскаго племени заключаютъ въ себѣ и раскрываютъ часть богатства общаго, великаго народнаго духа“.

Послѣ сборника Метлинскаго вышло много гораздо болѣе крупныхъ по величинѣ, болѣе важныхъ въ научномъ отношеніи сборниковъ малорусскихъ народныхъ пѣсень; но нѣтъ ни одного между ними, за исключеніемъ сборника историческихъ пѣсень Антоновича и Драгоманова, въ которомъ такъ живо и рельефно выступала сила и красота народной поэзіи. Метлинскій внесъ въ свою книгу вновь записанныя пѣсни, не искаженные сторонними вліяніями; онъ не позволялъ себѣ составлять пѣсни изъ нѣсколькихъ варіантовъ и въ правописаніи держался господствующаго украинскаго нарѣчія; въ результатѣ получился сборникъ цѣлый и изящный, по внутреннему содержанію и внѣшней формѣ. Въ сборникѣ отразилась природа южнорусскаго края, народный бытъ, историческая воспоминанія. Пѣсни пошли одна за другой, какъ дикие полевые цвѣты, выросшіе на полѣ народной жизни.

Такова была приблизительно почва, на которой у Потебни выросли и окрѣпли научные этнографические интересы: непосредственное чувство любви къ родинѣ — сильное и глубокое, украинскія симпатіи подъ вліяніемъ Нѣговскаго и Метлинскаго и вѣсеславянскія научныя сочувствія подъ вліяніемъ братьевъ Лавровскихъ.

Къ этимъ воздействиамъ на Потебню, важнымъ и плодотворнымъ преимущественно по отношенію развитія въ немъ этнографическихъ интересовъ и научнаго опредѣленія ихъ, нужно еще присоединить сильное и благотворное вліяніе нѣмецкой филологической науки. Г. Соболевскій недавно замѣтилъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. въ рецензіи на „Исторію русской этнографії“ Пыпина, что „первообразомъ“ Потебни былъ Штейнталъ. Если съ такой легкостью отыскивать „первообразы“, то не останется ни одного мыслителя, ни одного художника. Потебнию затретъ Штейнталъ, Александра Веселовскаго—Бенфей; у Штейнталя и Бенфея окажутся свои „первообразы“, по естественной

преемственности научной мысли, и въ концѣ концовъ выйдутъ столь же скромныя и неизвѣстныя въ наукѣ имена, какъ имя нашего петербургскаго рецензента филолога. Эта вылазка г. Соболевскаго противъ Потебни, правда запрятанная въ подстрочномъ примѣчаніи, намъ представляется тѣмъ болѣе неудобной для самого г. Соболевскаго, что въ Харьковѣ еще живо помнить его докторскій диспутъ въ университѣтѣ, крайне снисходительное отношеніе Потебни къ молодому ученому и своеобразную защиту послѣдняго. Воздѣйствіе нѣмецкой науки на Потебню нужно понимать въ самомъ широкомъ смыслѣ. Въ сочиненіи „Мысль и языкъ“ (1862 г.) и „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“ (1874 г.) обнаруживается глубокое изученіе В. Гумбольдта, Штейнталя и Ладаруса, въ соч. „О нѣкоторыхъ повѣрьяхъ“ (1865 г.) изученіе Я. Гримма. Какъ человѣкъ сильного ума, Потебня не подчинялся ни одному авторитету, ко всѣмъ трудамъ относился самостоательно и критически. Такое изученіе нѣмецкой филологической науки Потебня продолжалъ до конца своей жизни. Такъ, въ 80-хъ годахъ онъ обстоятельно изучилъ и даль отзывъ о сочиненіяхъ выдающагося новѣйшаго нѣмецкаго филолога Бругманна.

Сочиненія Потебни распадаются на филологическія и этнографическія. Строгаго дѣленія между тѣми и другими нѣтъ. Въ сочиненіяхъ филологическихъ встрѣчаются цѣнныя этнографическія замѣтки и, наоборотъ, въ сочиненіяхъ по преимуществу этнографическихъ разбросаны замѣчанія о звуковыхъ особенностяхъ и этимологическомъ значеніи отдельныхъ словъ. На всѣхъ трудахъ Потебни лежитъ отпечатокъ его оригинальной личности, его своеобразнаго научнаго дарованія. Для Потебни наука была цѣлью жизни; ея интересы неразрывно сливались съ его личными интересами; къ научнымъ интересамъ онъ относился страстно, горячо, близко принимая ихъ къ сердцу. Выдающеся особенностью его ума была способность возвышаться надъ частнымъ, стремленіе возводить единичное къ общему. Съ высоты своихъ обобщеній онъ обозрѣвалъ частные факты, открывая близость и поразительное сходство въ такихъ явленіяхъ, которые кажутся при первомъ взглядѣ довольно отдален-

ными другъ отъ друга. Поразительной мѣткости его обобщеній способствовала обширность его познаній. Онъ не былъ узкимъ специалистомъ въ области славянской филологии: онъ владѣлъ обширными познаніями и въ области другихъ наукъ. Общіе выводы другихъ наукъ онъ привлекалъ къ своей специальности, и такимъ образомъ своему предмету сообщалъ удивительно широкую философскую постановку. Въ области изученія русского языка Потебня оставался и остается у насъ единственнымъ представителемъ философскаго направленія.

О филологическихъ трудахъ Потебни есть двѣ обширныхъ статьи (Срезневскаго и Будиловича), но значеніе Потебни, какъ филолога, этими статьями далеко еще не опредѣлено, и такое опредѣленіе остается дѣломъ будущаго. Недостаточно опредѣлена философская сторона въ сочиненіяхъ Потебни, и въ особенности мало оцѣнены его громадныя заслуги по изученію лексической стороны русского языка. Здѣсь Потебня глубоко затрагиваетъ интересы этнографовъ (напр., въ статьяхъ о названіи болѣзней, о словахъ, заимствованныхъ малоруссами отъ нѣмцевъ, румынъ, грековъ и др.) и историковъ быта и права (напр., о древне-русскихъ юридическихъ терминахъ).

Полная оцѣнка филологической научной дѣятельности Потебни въ настоящее время уже потому не можетъ быть сдѣлана, что послѣ смерти Потебни остался въ рукописи, вполнѣ приготовленной къ печати, громадный трудъ—продолженіе его докторской диссертации „Изъ Записокъ по русской грамматикѣ“, и затѣмъ другой также въ высокой степени цѣнный трудъ по теоріи поэзіи. Къ этимъ трудамъ относятся послѣднія строки въ автобіографической запискѣ Потебни: „О настоящихъ и будущихъ своихъ работахъ могу сказать только, что работать становится труднѣе (въ послѣдніе годы Потебня сильно и часто былъ боленъ), и я не знаю, удастся ли выпустить въ свѣтъ то, что накопилось за 20 и болѣе лѣтъ. Наиболѣе интересуютъ меня вопросы языкоznанія, понимаемаго въ Гумбольдтовскомъ смыслѣ: „поэзія и проза“ (поэтическое и научное мышленіе) „суть явленія языка“. Въ послѣдніе годы я читалъ нѣсколько разъ курсъ теоріи словесности, построен-

ный на этомъ положеніи. На очереди у меня грамматическая работа, связанная съ этимъ курсомъ, носящая два заглавія— для публики: „объ измѣненіи значенія и замѣнахъ существительныхъ“, для меня: „объ устраниеніи въ мышленіи субстанцій, ставшихъ мнимыми“, или „о борьбѣ миѳического мышленія съ относительно научнымъ въ области грамматическихъ категорій, по даннымъ преимущественно русскаго языка“...

Потебню неоднократно упрекали за изложеніе тяжелое и сухое. Это упрекъ не безосновательный, но требующій оговорки и ограниченія. Сухимъ и труднымъ для пониманія представляется его главный филологический трудъ „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“ и нѣкоторыя мѣста въ другихъ его сочиненіяхъ 70 и 80-хъ годовъ. Трудность обусловливается стремлениемъ ученаго къ возможно точному философскому опредѣленію грамматическихъ и логическихъ категорій. Ранніе труды Потебни (о символахъ, о мысли и языкахъ) написаны живо, просто, ясно, и въ этомъ отношеніи они довольно рѣзко отличаются отъ его позднѣйшихъ трудовъ. Рѣчь Потебни была жива и увлекательна. Онъ и здѣсь не сходилъ съ научной почвы; но то обиліе сухихъ фактovъ, которое подавляетъ читателя въ послѣднихъ сочиненіяхъ Потебни, на его лекціяхъ и въ частныхъ бесѣдахъ облекалось всепроникающей мыслью о торжествѣ разума, правды и добра, причемъ исторія языка, пѣсенъ и обрядовъ являлась вмѣстѣ исторіей мысли и исторіей человѣческой культуры.

Обращаемся къ изложенію и оценкѣ этнографическихъ трудовъ Потебни, изложенію по возможности, подробному, въ виду научной ихъ важности и въ виду того, что до сихъ поръ о Потебнѣ, какъ этнографѣ, въ научной литературѣ не было рѣчи.

Н. Ф. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРОТОИЕРЕЙ АЛЕКСІЙ АНДРІЕВСКІЙ.

(эпизодъ 1789 г.).

По запискамъ Феодосія Бродовича, лица, интересуючіяся судьбою юго-западного края въ XVIII ст., ознакомились съ страннымъ дѣломъ, возникшимъ на Волыни въ 1789 году. Дѣло это представляетъ несомнѣнно одно изъ самыхъ оригинальныхъ патологическихъ явлений общественной жизни; является оно, впрочемъ, прямымъ и логическимъ послѣдствиемъ тѣхъ ненормальныхъ условій общественного быта, которыя создало для себя и для цѣлаго края польское дворянство, владѣвшее имѣніями въ юго-западной Руси. Польськіе или давно уже ополячившіеся, хотя по происхожденію русскіе, дворяне юго-западнаго края заключились въ совершенно замкнутый сословный кругъ, рѣзко очерченный и не имѣвшій никакихъ точекъ соприкосновенія съ массою населенія края. По языку, религії, культурѣ, по подробностямъ этнографического быта они были совершенно чужды народной массѣ; въ юридическомъ и экономическомъ отношеніяхъ стояли къ ней враждебно. Сознавая, что народонаселеніе страны питаетъ къ нимъ крайне недружелюбныя чувства, дворяне не были въ состояніи, даже изъ побужденій сословнаго и личнаго интереса слѣдить за настроениемъ этой массы, понимать ея стремленія и средства противодействія; въ концѣ XVIII столѣтія мѣстные дворяне мало или вовсе не понимали языка окружавшаго ихъ народа и не

были въ состояніи прочесть строчки рукописи, написанной тѣмъ шрифтомъ и языкомъ, которымъ пользовались болѣе интеллигентные представители народа въ церковномъ обиходѣ, въ школѣ и литературѣ; они инстинктивно чувствовали, что находятся въ постоянной опасности, что живутъ на почвѣ, пронизанной глубокими и опасными минами, но не имѣли достаточно энергіи для того, чтобы изучить направленіе и состояніе этихъ минъ и принять мѣры защиты противъ ихъ взрыва. Чувствуя себя иноземною колоніею среди порабощенного края, они не запаслись ни должнымъ количествомъ гуманнаго чувства для того, чтобы смягчить поводы раздраженія, ни даже простой предусмотрительностью для того, чтобы по мѣрѣ возможности обезопасить свое положеніе. Очевидно, почва была подготовлена такимъ образомъ, что при первомъ, хотябы ничтожномъ, поводѣ безсознательная страшная паника должна была охватить дворянское общество и вызвать въ его средѣ самыя причудливыя явленія. Это и случилось въ 1789 году.

Нѣсколько фразъ, неосторожно сказанныхъ среди сеймовыхъ преній, и совершенно случайный единичный фактъ — убіеніе на Волыни помѣщика Вележинскаго его дворовыми людьми — привели въ ужасъ все дворянское населеніе южно-русскихъ воеводствъ: шляхтичи были увѣрены, что наступилъ роковой моментъ, угрожающій страшною гибелю всему ихъ сословію. Подъ впечатлѣніемъ паники и при полномъ незнаніи края возникали самыя странныя предположенія и галлюцинаціи. Принимая за положительные факты произведенія собственной фантазіи, зародившіяся подъ натискомъ страха, дворяне увѣрились въ существованіи громаднаго заговора, охватившаго будто бы невѣдомыми путями все населеніе края и готоваго вспыхнуть съ непреодолимою силою. Страстные вопли, раздавшіеся по этому поводу среди волынскихъ дворянъ, прервали ходъ занятій четырехлѣтняго сейма, на которомъ болѣе развитые представители шляхетства пытались было пріискать мѣры спасенія для распадавшагося организма Рѣчи Посполитой. На сеймѣ рѣшено было, отложивъ всѣ другія заботы, употребить экстренные, крайне энергичныя мѣры для того,

чтобы предупредить взрыв страшной катастрофы. Въ южно-русскихъ воеводствахъ были организованы шляхетскія комиссіи съ неограниченnoю властью для того, чтобы выслѣдить, предупредить и подавить предполагаемый заговоръ и подвергнуть надлежащей карѣ его участниковъ; въ распоряженіе комиссій предоставлены были всѣ скудныя, имѣвшіяся на лицо, военные силы Рѣчи Посполитой. Коммиссіи принялись за свое дѣло съ судорожною горячностью, внушаемою паническимъ страхомъ. Онъ публиковали воззванія, приглашавшія всѣхъ обывателей сообщать комиссіямъ замѣченныя ими проявленія мнимаго заговора и предписали военнымъ командамъ арестовать всѣхъ лицъ, которыхъ будуть кѣмъ бы то ни было оговорены или заподозрѣны въ участіи въ заговорѣ. Конечно, доносы въ комиссіи посыпались кучами: многіе вспоминали разговоры, шутки, даже жесты, которые случилось имъ наблюдать въ теченіе 2—3 послѣднихъ лѣтъ и которые теперь, при освѣщеніи текущаго настроенія казались крайне подозрительными; они bona fide сообщали комиссіямъ свои наблюденія и указывали десатки мнимыхъ заговорщиковъ; другое пользовались смutoю для того, чтобы свести счеты съ личными врагами, чтобы избавиться отъ гражданскихъ и уголовныхъ процессовъ, наконецъ для того, чтобы удалить лицъ, неудобныхъ для нихъ въ силу денежныхъ обязательствъ. Всѣ оговоренные безъ разбору были арестованы военными командами и препровождались въ города, въ которыхъ засѣдали комиссіи. Послѣднія производили допросы и слѣдствіе, сокративъ до минимума, особенно въ началѣ своей дѣятельности, формы судопроизводства и, въ силу своихъ полномочій, отбросивъ закономъ предписанныя гарантіи подсудимыхъ. Въ разныхъ воеводствахъ, смотря по составу комиссій и по степени раздраженія шляхетскаго общества, приговоры комиссій представляютъ различную степень поспѣшности. На Волыни — въ Владимірѣ, Кременцѣ и особенно въ Луцкѣ — дворянскія комиссіи отличаются особенно тревожнымъ настроениемъ; въ силу того онъ расточаютъ смертные приговоры весьма щедро, не изслѣдовавъ дѣлъ въ подробностяхъ, иногда на основаніи ясно несообразныхъ показаній. Когда пол-

года спустя волинськія комісії уб'дилися наконець, що заговора вовсе не існувало і що толки о немъ були не більше якъ продуктъ досужей фантазії, оказалось, що нѣ сколько десятковъ подсудимыхъ: крестьянъ, уніатськихъ священниковъ и коробейниківъ - старообрядцевъ поплатились безъ по-вода жизнью среди погони за фантастичною конспирацією. Гораздо хладнокровнѣ и разсудительнѣе були дѣйствія комісії кіевскаго воеводства, засѣдавшій въ Житомірѣ.—Члены ея, подобно волинскимъ своимъ собратіямъ, опубліковали воз-званіе, призывающее обывателей сообщить въ комісію свѣдѣнія о заговорѣ. Доноси посыпались и здѣсь отъ лицъ разныхъ сословій и состояній; военные команды и экономические уряды доставили массу лицъ оговоренныхъ, но комісія повела слѣд-ствіе спокойнѣе, сочла нужнымъ повѣрить факты, собрать по-казанія свидѣтелей и не торопилась окончательнымъ рѣшеніемъ дѣль. Между тѣмъ количество лицъ, состоявшихъ подъ аре-стомъ, страшно накоплялось; наконецъ военные власти поста-вили на видъ комісії, что онъ не имѣютъ достаточныхъ средствъ для наблюденія за арестантами, число которыхъ пре-восходить значительно число солдатъ житомирскаго гарнизона, и просили комісію ускорить рѣшеніе дѣль. Но комісія, по произведеніемъ слѣдствіямъ, пришла къ ясному убѣждѣнію о фиктивности предполагаемаго заговора и, не желая, съ одной стороны, подвергать жестокимъ приговорамъ очевидно ни въ чемъ неповинныхъ арестантовъ, съ другой—боясь оправ-дательными рѣшеніями вызвать негодованіе собственной среды, избрала уклончивый, средній путь: она препроводила и арестан-тovъ, и относившіеся къ нимъ документы процесовъ въ распо-раженіе мѣстнаго гродскаго суда. Судъ этотъ долженъ быть примѣнить къ подсудимымъ пріемы нормального судопроизвод-ства: онъ поручилъ своему инстигатору (прокурору) составить обвинительные акты, назначилъ подсудимымъ адвокатовъ, дол-женъ быть дополнить слѣдствіе опросомъ новыхъ свидѣтелей и исполнить массу юридическихъ формальностей, предписан-ныхъ литовскимъ статутомъ. Такимъ образомъ рѣшеніе дѣль затянулось, и гродской судъ приступилъ къ составленію при-

говоровъ уже тогда, когда паника среди шляхетского общества улеглась и когда оно убѣдилось вполнѣ въ призрачномъ характерѣ заговора; не удивительно потому, что всѣ приговоры гродского житомірскаго суда привели къ оправданію подсудимыхъ или къ ничтожнымъ взысканіямъ за несвоевременное произнесеніе бранныхъ или шуточныхъ словъ, за неповиновеніе экономическимъ властямъ и за другіе мелкие проступки. Единственное дѣло, окончившееся въ житомірскомъ гродскомъ судѣ строгимъ приговоромъ, — это было дѣло по обвиненію протоіерея Алексія Андріевскаго. Конечно, дѣло это не имѣло ничего общаго съ мнимымъ заговоромъ, по поводу которого было вчено, но при слѣдствіи обнаружились такие поступки о. Алексія, къ которымъ тогдашнее польское дворянство не могло отнестись равнодушно. Въ процессѣ свящ. Андріевскаго пришлось натолкнуться на черты своеобразной мѣстной культуры, непонятной и конечно не симпатичной для дворянскаго польского общества, и за эту то культуру пришлось поплатиться ея представителю. Главный *corpus delicti* въ дѣлѣ протоіерея Андріевскаго составляла найденная у него при обыскѣ рукопись историко-литературнаго содержанія.

О біографії прот. Алексія Андріевскаго мы знаемъ только тѣ факты, которые помѣщены въ обвинительномъ актѣ и въ текстѣ приговора, но они достаточно рисуютъ энергическую и глубоко преданную своему убѣжденію личность почтеннаго протоіерея ¹⁾.

Въ 1789 году онъ былъ уже человѣкъ не молодой.—Еще въ 1765 или 1766 году онъ былъ рукоположенъ въ священство уніятскимъ митрополитомъ Фелиціаномъ Володковичемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ перемѣнилъ свою прежнюю фамилію Дытюкъ на новую, заимствованную, вѣроятно, отъ отчества — Андріевскій. Принадлежность его къ уніатской церкви объясняется, вѣроятно, тяжело слагавшимися въ то время для православія обстоятельствами, но она не вытекала изъ его убѣжденій, стремившихся весьма отчетливо въ другомъ направлениі. Неудиви-

¹⁾ Книга гродская кіевская декретовая № 812, листъ 545.

тельно потому, что при первой возможности онъ навсегда разстался съ уніею. Въ 1768 году вспыхнуло крестьянское восстание, известное подъ названиемъ колівщины, быстро охватившее южную Украину, въ которой проживалъ молодой священникъ; польскіе паны и уніатскіе священники гибли или бѣжали изъ края, духовныя лица, расположенные по убѣждѣнію къ православію, почувствовали себя на время свободными отъ духовнаго и помѣщичьяго надзора и рѣшились воспользоваться минутою для того, чтобы возвратиться къ вѣрѣ предковъ и удержать въ ней своихъ прихожанъ. Вмѣстѣ со многими другими, насильно обращенными въ унію священниками, Алексѣй Андріевскій направился въ Переяславъ, где по его просьбѣ епископъ Гервасій возсоединилъ его съ православіемъ. Но, возвратившись на родину, онъ засталъ обстоятельства измѣнившимися: быстро вспыхнувшее крестьянское восстание было также быстро подавлено; многочисленный военный и гражданскія комиссіи судили и казнили его участниковъ; уніатское духовенство производило розыскъ о священникахъ,ѣздившихъ въ Переяславъ, пѣкоторыхъ предавало суду, остальныхъ лишало приходовъ. Многіе изъ нихъ, дѣйствовавшіе по мірскимъ побужденіямъ, являлись въ уніатскую консисторію съ повинною, объясняли свой переходъ въ православіе страхомъ грозившей отъ бунтовщиковъ опасности и подписывали отреченіе. Но среди священниковъ были также люди, руководившіеся глубокимъ убѣженіемъ, которое они предпочли житейскимъ выгодамъ; къ числу ихъ принадлежалъ и о. Алексѣй Андріевскій; онъ отказался принести повинную, былъ лишеннъ прихода и затѣмъ въ теченіе почти 20 лѣтъ велъ скитальческую жизнь. По временамъ громады сель, болѣе энергично стоявшія за православіе, призывали его къ себѣ на приходъ, но нигдѣ ему не удавалось удержаться: то уніатское духовенство съ помощью экономическихъ властей смѣщало его, замѣнила уніатомъ, то помѣщики отказывали ему въ презентѣ, и онъ долженъ былъ уѣзжать въ новое мѣсто или оставаться вовсе безъ дѣла¹⁾.

¹⁾ Въ 1780 году А. Андріевскій занималъ должность благочиннаго въ Хустовѣ и былъ избранъ окрестнымъ православнымъ духовенствомъ депутатомъ для

Наконецъ въ 1785 году судьба улыбнулась стойкому священнику; въ этомъ году состоялся актъ раздѣла украинскихъ помѣстій, принадлежавшихъ нѣкогда Вишневецкимъ, и послѣ прекращенія ихъ рода перешедшихъ къ ихъ наследникамъ: Радзивилламъ, Ржевускимъ, Любомирскимъ и т. п. Въ числѣ сонаследниковъ на долю князя Ксаверія Любомирскаго, кромѣ другихъ имѣній, достался ключъ Межирицкій (нынѣ въ черкасскомъ уѣздѣ киевской губ.), состоящій изъ м. Межирича и 11 окрестныхъ селъ. Кн. Ксаверій Любомирскій, генераль-маоръ русской службы, принадлежалъ къ небольшому кружку польской аристократіи, отличавшейся хорошимъ европейскимъ образованіемъ; люди этого кружка сознавали всѣ ненормальные отношенія, установившіяся въ Польшѣ, и, чувствуя невозможность устранить ихъ вообще, примѣняли другіе, болѣе гуманные принципы въ своихъ имѣніяхъ. Принявъ въ управлѣніе доставшійся ему имѣнія, кн. Любомирскій принялъ за ихъ устройство; на первомъ мѣстѣ его экономическихъ плановъ стояли заботы о поднятіи благосостоянія крестьянъ: онъ облегчилъ почти на половину повинности, сложилъ дани натурою, разрѣшилъ крестьянамъ своихъ имѣній пріобрѣтать поземельную собственность, многихъ самъ надѣлялъ ею, поощрялъ занятіе промыслами и т. п.

Между прочими формами въ управлѣніи своихъ имѣній кн. Ксаверій Любомирскій рѣшился держаться строгой вѣротерпимости и отказался отъ всякаго давленія на религіозныя убѣжденія населенія: вскорѣ представился ему случай проявить этотъ принципъ на дѣлѣ. Въ селѣ Бабичахъ, принадлежавшемъ къ Межирицкому ключу, громада призвала на приходъ Свято-Покровской церкви свящ. Алексія Андріевскаго, но уніатская консисторія помимо воли громады назначила своего ставленника; помѣщикъ имѣлъ рѣшительный голосъ въ решеніи этого дѣла: только на основаніи его презенты могъ удержаться на приходѣ одинъ изъ двухъ кандидатовъ. Когда громада изъ Бабичъ обрат-

поѣздили въ Петербургъ — съ перечнемъ жалобъ на притѣсненія, испытываемыя отъ уніатовъ; онъ собрался въ путь, но въ Переяславѣ епископъ Иларіонъ отмѣнилъ этотъ выборъ и назначилъ вмѣсто Андріевскаго другое лицо въ составѣ депутатій. (Сообщилъ П. Г. Лебединцевъ).

тилась къ кн. Любомирскому за рѣшеніемъ вопроса, онъ выслушалъ мнѣніе крестьянъ, познакомился съ обоими кандидатами и вполнѣ оцѣнилъ нравственную личность о. Алексія; громадѣ онъ отвѣтилъ, что въ ея волѣ удержать того или другого священника — къ кому будутъ прихожане обращаться за требами, тотъ и будетъ у нихъ священникомъ; презенту-же онъ предложитъ обоимъ. Дѣйствительно, онъ такъ и поступилъ, но при этомъ употребилъ своеобразный приемъ: съ уніятского ставленника онъ потребовалъ за презенту непомѣрно высокую плату, отцу же Алексію выдалъ ее даромъ. Оставленный прихожанами и нежелавшій платить назначенней цѣны за презенту, уніятский священникъ уѣхалъ изъ Бабичей, и приходъ остался во владѣніи свящ. Андріевскаго. Его испытанныя энергія и дружелюбныя отношенія, въ которыхъ онъ сталъ къ кн. Любомирскому, обратили на него вниманіе епархіального правленія, которое поручило ему управлѣніе обширнымъ Мошнянскимъ благочиніемъ. Три года пребывалъ въ этой должности отецъ Алексій и, благодаря какъ собственной энергіи, такъ и гуманному взгляду и поддержанію кн. Любомирскаго, онъ успѣль возстановить постепенно православіе во всѣхъ селахъ Межиричскаго ключа; въ 1788 году одинъ только приходъ при Успенской церкви въ селѣ Поповкѣ, смежной съ Бабичами, оставался во власти уніятского священника; хотя и здѣсь большинство жителей обращалось за исполненіемъ требъ къ отцу Алексію. Желая прекратить это неопределеннное положеніе, послѣдній неоднократно совѣтовалъ крестьянамъ, приходившимъ къ нему изъ Поповки, пригласить на приходъ православнаго священника, указывая на примѣръ всѣхъ другихъ селъ Межирицкаго ключа. Наконецъ, въ 1788 году по просьбѣ громады, онъ назначилъ въ Поповку православнаго ставленника; къ несчастію для полученія презенты встрѣтилось неожиданное препятствіе: въ исходѣ 1787 года кн. Любомирскій продалъ всѣ свои украинскія имѣнія, въ томъ числѣ и Межиричскій ключъ свѣтлѣйшему князю Григорію Потемкину. Новый владѣлецъ жилъ въ Петербургѣ, и путь къ нему за получениемъ презенты былъ слишкомъ далекъ и труденъ; назначенный-же имъ главноуправляющій полковникъ Сталь, не от-

важивался безъ инструкції владѣльца вмѣшиваться въ дѣло. Громада села Поповки отправилась было за рѣшеніемъ вопроса къ полковнику, но тотъ далъ уклончивый отвѣтъ и посовѣтовалъ крестьянамъ для рѣшенія духовнаго дѣла обратиться въ духовное вѣдомство и указаль имъ на Мотренинскій монастырь, игумены которого со времени извѣстнаго Мельхиседека Яворскаго считались правителями православныхъ церквей въ южной Украинѣ. Узнавъ о такомъ рѣшеніи полковника, униатскій священникъ Поповки поспѣшилъ явиться въ Мотренинскій монастырь раньше своего соперника и заявилъ полную готовность присоединиться къ православію, но здѣсь онъ не встрѣтилъ желанія воспользоваться его готовностію; оказалось, что священникъ этотъ не внушалъ къ себѣ довѣрія, такъ какъ уже нѣсколько разъ, смотря по теченію событий, онъ переходилъ изъ унії въ православіе и обратно. Возвратившись въ Поповку, онъ впрочемъ не считалъ свое дѣло проиграннымъ; онъ отказался отдать громадѣ церковные ключи и продолжалъ отправлять богослуженіе. Поповцы обратились вновь за совѣтомъ къ благочинному; о. Алексѣй сказалъ имъ, что впредь до рѣшенія княземъ вопроса о приходѣ они могутъ отправлять богослуженія въ частномъ домѣ, необходимыя-же церковныя облаченія и книги они могутъ взять изъ церкви, гдѣ предметы эти находились въ достаточномъ для двухъ священниковъ количествѣ. Слѣдя у этому совѣту, крестьяне вошли въ церковь и, послѣ службы, потребовали отъ униатскаго священника нужные предметы; получивъ отказъ, они помимо его запрета, взяли часть церковныхъ облаченій, свѣчей и двѣ богослужебныя книги и затѣмъ отправились слушать заутреню въ частномъ домѣ, гдѣ служилъ православный священникъ.

Между тѣмъ благочинный Андріевскій получилъ изъ экономіи весьма неутѣшительныя вѣсти. Кн. Потемкинъ, не желая раздражать мѣстнаго дворянства, отказался отъ вмѣшательства въ спорный вопросъ и потребовалъ, чтобы объявлено было крестьянамъ. Андріевскій обязанъ былъ заявить имъ, что дальнѣйшую борьбу изъ-за унії крестьяне должны вести собственными силами и не имѣютъ права впредь

ссылаясь на авторитетъ или ожидать поддержки владѣльца. Извѣстіе это привело жителей Поповки въ большое уныніе; православный священникъ бѣжалъ изъ села, крестьяне бросились къ униатскому священнику просить прощенія; послѣдній торжествовалъ и рѣшился отомстить благочинному за испытанную тревогу, благо пришло удобное время: только что отъ порядковой комиссіи получены были объявленія объ угрожающемъ заговорѣ и возванія о доставленіи свѣдѣній о подозрительныхъ лицахъ.

Въ началѣ апрѣля 1789 года о. Алексѣй получилъ частное извѣщеніе, что на него поданъ доносъ въ Коммиссію и что съ часу на часъ ему угрожаетъ арестъ. Отслуживъ заутреню, онъ призвалъ нѣсколько степенныхъ крестьянъ, рассказалъ имъ положеніе дѣла и просилъ защиты; онъ предлагалъ, чтобы крестьяне, когда жолнеры и униаты пріѣдутъ арестовать его, сбѣжались по сигнальному выстрѣлу изъ пистолета и воспротивились его аресту. Крестьяне однако отказались исполнить этотъ планъ; „мы не можемъ, говорили они, оказывать сопротивленія войску; такимъ поступкомъ мы можемъ навлечь гибель на себя и на наши семейства: поляки вырѣжутъ все село безъ остатка“;— затѣмъ они совѣтовали благочинному бѣжать и укрыться на время въ какомъ-либо монастырѣ. „Никакой монастырь не охранитъ меня, сказалъ о. Алексѣй, а вы потеряли, какъ вижу, всякое мужество; не такъ поступали ваши предки въ славное время Хмельницкаго“. Услышавъ такія рѣчи, крестьяне прекратили разговоръ и разошлись по домамъ. На слѣдующій день произошла ожидаемая катастрофа: отрядъ жолнеровъ окружилъ домъ благочинного и произвелъ въ немъ строгій обыскъ. Въ качествѣ подозрительныхъ предметовъ отобраны были: 4 ружья, 2 пистолета, большой кухонный ножъ (на слѣдствіи оказалось потомъ, что отецъ Алексѣй часто ходилъ на охоту, почему и держалъ запасъ оружія) и рукописная книга на русскомъ языкѣ.

20 апрѣля благочинный былъ уже подъ стражею доставленъ въ Житомиръ и 21 съ него отобраны первыя показанія въ засѣданіи порядковой комиссіи. Очевидно, здѣсь онъ не

потерялся и, видя трудность отстоять свое дѣло передъ лицемъ предубѣжденной экстренной комиссіи, онъ требовалъ перенесенія дѣла въ нормальные суды и постоянно предъявлялъ аппеляцію въ люблинскій трибуналъ. Тому-же методу защиты слѣдовалъ отъ имени владѣльца вызванный въ судъ представитель экономії кн. Потемкина; но требованія ихъ не были уважены, и дѣло о. Алексея вмѣстѣ съ другими было передано въ гродскій судъ. Послѣдній выдѣлилъ это дѣло изъ числа всѣхъ другихъ, подвергъ весьма тщательному изслѣдованию и 6 іюня постановилъ по нему окончательный приговоръ. Судъ призналъ священника Алексея Андріевскаго виновнымъ въ слѣдующихъ преступленіяхъ: онъ отзывался объ уни въ оскорбительныхъ выраженіяхъ; побудилъ крестьянъ села Поповки унести насильно изъ церкви принадлежности богослуженія; пытался побудить крестьянъ села Бабичей оказать сопротивленіе военной командѣ и, наконецъ, совершилъ самое тяжелое преступленіе, разсказывая имъ о бунтѣ Хмельницкаго и читая неоднократно объ этомъ предметѣ отрывки изъ рукописной книги, которая и была у него задержана при обыскѣ. Эту злосчастную рукопись рассматривали и члены комиссіи, и члены гродскаго суда, но ни тѣ, ни другіе не были въ состояніи прочитать ее, такъ какъ она была писана по русски; съ большимъ трудомъ розыскали въ числѣ канцеляристовъ лице, умѣвшее читать на этомъ языке, и вручили ему рукопись на разсмотрѣніе. Это оказалась одна изъ козацкихъ лѣтописей, судя по приводимому въ дѣлѣ нѣсколько разъ заглавію „*Xięzka o rewolucji Chmielnickiego*“. Это вѣроятно былъ списокъ или лѣтописи Грабянка (Дѣйствія презѣльной и отъ начала поляковъ крвавшой небывалой браніи Богдана Хмельницкаго), или лѣтописи Самовидца (Лѣтописецъ о началѣ войны Хмельницкаго), списокъ, который о. Андріевскій переписалъ еще до своего рукоположенія въ священники и потомъ любилъ прочитывать въ кругу родныхъ и знакомыхъ. Экспертъ, рассматривавшій эту книгу, далъ о ней такой отзывъ: „книга эта заключаетъ много ложныхъ рассказовъ о козакахъ и написана злостно, съ желаніемъ возбудить омерзеніе противъ поляковъ“, въ доказательство чего онъ пред-

ставилъ суду нѣсколько отрывковъ въ переводѣ.—Это мнѣніе эксперта и рѣшило дѣло не въ пользу подсудимаго. Судъ заключилъ, что всѣ перечисленныя преступленія ясно доказываются, „что священникъ Андріевскій—лице вредное для края и для общества, нарушавшее общественное спокойствіе и что онъ за свои поступки, исполненные соблазна, долженъ подлежать примѣрному наказанію“;—вслѣдствіе этого судъ опредѣлилъ заключить его на 12 лѣтъ въ каменецкую крѣпость, при чёмъ средствъ на его содержаніе правительство отпускать не было обязано, проживатъ же онъ долженъ на собственныхъ средствахъ, которая будетъ снискивать личнымъ трудомъ, работая при починкѣ крѣпостныхъ построекъ, т. е. говоря современнымъ языкомъ, онъ былъ отправленъ на 12 лѣтъ въ крѣпостная арестантскія роты.

На этомъ прекращаются архивные источники по дѣлу протоіерея Андріевскаго. Мы не знаемъ, былъ-ли онъ препровожденъ въ Каменецъ, или, можетъ быть, кн. Потемкинъ успѣлъ своимъ вліяніемъ отклонить или смягчить исполненіе приговора. Во всякомъ случаѣ, если приговоръ и былъ исполненъ, то историческая Немезида сократила 12 лѣтній срокъ заключенія. Въ апрѣлѣ 1793 года комендантъ Каменца — Злотницкій сдалъ крѣпость русскому генералу Дерфельду, и, конечно, вслѣдъ за этою сдачею послѣдовало освобожденіе узника.¹

Злосчастная рукопись, съигравшая столь фатальную роль въ процессѣ, была по приказанію суда опечатана въ отдѣльный пакетъ и сдана для храненія въ житомірскій гродскій архивъ; къ несчастью при передачѣ дѣлъ этого суда въ кіевскій центральный архивъ, пакета уже не оказалось на мѣстѣ, и интересный лѣтописный списокъ можно считать утеряннымъ-евозвратно.

В. Антоновичъ.

О языке и поэтическомъ стилѣ народныхъ малорусскихъ думъ.

Всякій разъ, какъ только мы останавливаемся мыслю на той или другой формѣ народной поэзіи, невольно представляются намъ готовыя категоріи, одинаковыя во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Сказка, пѣсня обрядная, пѣсня бытова и историческая, пословица, заговоръ, загадка—таковы обычныя формы поэтическаго творчества, въ которыхъ отливается народное міровоззрѣніе съ постоянствомъ и правильностью періодически смѣняющихся явленій природы. Это, можно сказать, общечеловѣческая почва, на которой возникаютъ общія свойства народной поэзіи, общій типъ ея, соотвѣтствующій наивному настроенію народныхъ массъ, проникнутыхъ вѣрою въ чудесное и связанныхъ во всѣхъ проявленіяхъ личной жизни подавляющимъ авторитетомъ преданія.

Но подъ массивными сводами преданія всегда жила личная мысль, вызываемая личными радостями и страданіями человѣческаго сердца и сопровождаемая безконечной смѣной разнообразныхъ ощущеній, не всегда выражаемыхъ обычными формулами поэтическаго слова. Опираясь на эти формулы, личное творчество создавало новые пріемы и средства поэтической техники для выраженія новыхъ оттѣнковъ мысли, новыхъ движений чувства. Это была работа вѣковъ, почти незамѣтная для смежныхъ поколѣній: едва пережитый моментъ, не отмѣченный именемъ своихъ представителей, не закрѣпленный письмомъ въ

памяти потомства, быстро сливался съ прошедшимъ, увеличиваля его поглощающую силу.

Такъ сглаживались въ народномъ поэтическомъ творчествѣ всѣ промежуточные линіи до такой степени, что съ первого взгляда народная поэзія кажется Палладой, вышедшей изъ головы Зевса.

Нужно сказать однако, что личная мысль не всегда опиралась на одну субъективную почву личной жизни. Нерѣдко она соприкасалась съ культурными вліяніями, проникавшими въ жизнь народной массы путемъ столкновенія ея съ другими народами, путемъ заимствованія разныхъ вѣрованій и преданій, которыхъ на чужой почвѣ имѣли уже литературную форму. Оказывается при изслѣдованіи мѣстныхъ сказаний, что они большою частью занесены изъ разныхъ мѣстъ, подобно оплодотворяющимъ сѣменамъ, которыхъ разносятся вѣтромъ изъ дальнихъ странъ.

Съ теченіемъ времени на помощь еъ личной мысли является организованная сила науки и школы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и особенные формы поэтическаго творчества, народная по міровоззрѣнію и языку, и въ то же время книжная по особенному складу мысли и способамъ ея развитія и выраженія. Къ такому сложному роду поэзіи относятся, по нашему мнѣнію, народная малорусскія думы. Онѣ представляютъ оригинальный плодъ народно-культурного творчества.

Считаемъ не безполезнымъ съ этой точки зренія остановиться на языке и поэтическомъ стилѣ малорусскихъ думъ, въ которыхъ явственно выступаетъ книжный строй рѣчи, доказывающій, что литературная дѣятельность малорусскихъ писателей не прошла безслѣдно для народнаго самосознанія.

Начнемъ съ рифмы и стихотворнаго размѣра думъ.

Прежде всего нужно имѣть въ виду, что въ обыкновенныхъ бытовыхъ пѣсняхъ есть много стихотворныхъ размѣровъ, но въ каждой отдельной пѣснѣ разъ принятый размѣръ не изменяется отъ начала до конца ея. Признакомъ того или дру-

гаго размѣра служить однообразная группа стиховъ, равномѣрныхъ по объему, т. е. по количеству удареній и даже слововъ, и связанныхъ между собою рифмой. Рифмуются обыкновенно сосѣдніе стихи, составляя такимъ образомъ стихотворный періодъ, заключающій въ себѣ опредѣленную мысль. Не только періодъ, но и каждый стихъ представляетъ самъ по себѣ нечто отдѣльное по смыслу. Поэтому въ чтеніи можно сдѣлать паузу послѣ каждого стиха, не разрывая представлениія въ сознаніи того, кто слушаетъ. Даже внутри стиха известное количество слововъ, примыкающихъ къ одному ударенію, представляется цѣльной синтаксической единицей. Единство размѣра въ каждой пѣснѣ находится въ связи съ самымъ мотивомъ ея, который представляетъ музыкальное цѣлое, распадающееся на музыкальные волны, причемъ каждый стихъ и даже полустишие соотвѣтствуетъ той или другой части мотива¹).

Что же мы видимъ въ думахъ?

Видную роль играетъ въ нихъ рифма. Въ угоду рифмѣ иногда являются невозможные формы словъ, напр.:

¹⁾ Въ послѣднее время выдвинуто въ наукѣ значеніе мотива въ построеніи пѣсенного размѣра. Нѣкоторые выводятъ размѣръ пѣсни изъ ритма, т. е. изъ музыкального начала, отрицаю всякое значеніе ударенія. „Метрическую точку зреяня русской народной поэзіи, говоритъ Вестфаль, нельзя назвать количественной, но она и не качественная (тоническая). Ее слѣдуетъ назвать музыкальной, такъ какъ ритмическія ударенія русской пѣсни опредѣляются только на пѣвомъ, и ничѣмъ не могло бы быть оправдано предположеніе, что русская пѣсня опиралась никогда на другое основаніе“. (О русской народной пѣснѣ, Русскій Вѣстникъ, 1879 годъ, Сентябрь). Дѣйствительно, мотивъ представляетъ нечто болѣе устойчивое, чѣмъ слова пѣсни, и нельзя отрицать громаднаго влиянія мотива на размѣръ стиха, особенно въ пѣсняхъ обрядныхъ.

Но въ изслѣдованіи Вестфала о русской народной пѣснѣ дѣло представляется такъ, будто бы пѣсня состоитъ не изъ словъ, а изъ однихъ нечленораздѣльныхъ звуковъ. По нашему мнѣнію, нельзя игнорировать словъ пѣсни, въ которыхъ выражается мысль, распадающаяся на отдѣльные моменты, отмѣченны логическимъ, или, лучше сказать, ритмическимъ удареніемъ. Если и трудно допустить обратное влияніе стихотворного размѣра на музыкальный, то, во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать соглашенія между тѣмъ и другимъ, которое достигается при исполненіи пѣсни, то растяженіемъ гласныхъ звуковъ, то звонической вставкой междисметій и союзовъ. Это обычные приемы въ народной поэзіи, посредствомъ которыхъ стихотворный размѣръ пѣсни какъ бы отстаиваетъ свою самостоятельность при столкновеніи своимъ съ мотивомъ ея.

«Тее промовляе,
Виттиля побылае».

(Дума о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова) ¹).

«Ивась Коновченко молодого (козака) совстричае,
Стременемъ у груди поторкае».

(Д. объ Иванѣ Коновченкѣ) ²).

«Старого козака конемъ побывае,
Меншого пидъ ноги затоптае».

(Д. объ Иванѣ Коновченко) ³).

Нужно сказать впрочемъ, что, при всемъ пристрастіи къ рифмѣ, слагатели думъ не особенно заботились объ ея обработкѣ. Щѣнилась только та рифма, которая сама, такъ сказать, напрашивалась въ стихѣ. Большею частію это глагольная рифма, неразнообразная и вообще скучная. Тѣмъ не менѣе она оказывала значительное вліяніе на образованіе самаго стиха. Какъ только появлялась въ ходѣ разсказа рифма, она тотчасъ выдѣляла стихъ:

«Первый старшій мижъ нымы пробувае —
Кишка Самійло, гетьманъ запорожскій,
Другой — Марко Рудый,
Судья еойсковий,
Третій Мойсій Грачъ,
Войсковий трембачъ».

(Д. о Сам. Кишкѣ) ⁴).

Четвертый и шестой стихи образовались подъ вліяніемъ рифмы, тогда какъ аналогическое приложеніе „гетьманъ запорожскій“ не составляетъ отдельного стиха, потому что не заключаетъ въ себѣ рифмы.

Непреднамѣренное и какъ бы случайное появленіе рифмы было до известной степени причиной неравномѣрности самыхъ стиховъ. Нѣчто подобное мы видимъ въ бытовыхъ пѣсняхъ:

¹) Историч. пѣсни Малор. нар. Автонов. и Драгом. I, 110.

²) Малорос. дум. и пѣс. Лук. 43.

³) Рукопис. сборникъ народ. малорус. пѣсень.

⁴) Малорос. дум. и пѣс. Лук. 15.

«Годи, маты, жалуваты, годи, маты, годыты:
 Присилы мене дыты,
 Якъ калыночку квиты....
 Годи, маты, жалуваты:
 Було мене, маты, не видааваты:
 Було мене маленькою дытыною пидъ червонюю
 поховаты» ¹⁾).

Здѣсь количественное однообразіе стиховъ подрывается рифмой, совпадающей съ законченностью отдельныхъ моментовъ мысли, причемъ дается предпочтеніе глагольной рифмѣ, которая оттѣняетъ эти моменты. Но, собственно говоря, это не пѣсенныи размѣръ: онъ составляетъ органическую принадлежность думы, и возникъ онъ тамъ, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, подъ иными вліяніями. Обыкновенно въ думахъ рѣдко встречаются стихи равномѣрные по объему: есть стихи болѣе, чѣмъ въ сорокъ слоговъ, и стоять они нерѣдко рядомъ съ стихами въ семь, восемь слоговъ, напримѣръ:

- (41) Эй не зъ гора—биды мойму пану Барабашу
 схотилося на славнїй України зъ кумомъ
 своимъ Хмельницкимъ великии бенкеты весчинаты!
- (13) На щобъ имъ кралевськи листы у двохъ читаты?
- (8) Не лучче бъ имъ изъ Ляхамы,
- (7) Мостиивымъ панамы ,
- (15) Зъ упокоемъ хлибъ-силь вичнии часы уживаты?»
 (Д. о Хмел. и Бараб.) ²⁾.

Иногда стихъ въ двадцать слоговъ стоитъ рядомъ съ десятисложнымъ, и этотъ послѣдній съ пятисложнымъ и четырехсложнымъ:

- (20) «Да ставъ же братъ найменшій, пишый пихотынецъ, зъ
 байракивъ прыбигаты,
- (10) Ставъ виты тернови захожаты,
- (5) У руки бере,
- (4) Къ сердцю влале,

¹⁾ Чуб. V, 564.

²⁾ Народ. южнорус. пѣсни Метл., 388.

- (7) Словами промовляе
 (7) И слёзами рыдае»¹⁾.
 (Дума о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова).

Каждый стихъ думы, каковъ бы ни былъ онъ по своему объему, заключаетъ въ себѣ одно риторическое удареніе.

Отсюда ясно, что въ стихѣ думы нѣтъ стопъ, такъ какъ каждый изъ нихъ равняется отдельной стопѣ²⁾). Въ помощь ударенію для болѣе отчетливаго различенія одного стиха отъ другаго является рифма, причемъ одна и та же рифма соединяетъ иногда болѣе десятка стиховъ. Такимъ образомъ, въ думахъ стопа какъ бы расширена до стиха, или, лучше сказать, она поглощается стихомъ, какъ въ аглютинирующихъ языкахъ предложеніе поглощается словомъ,—поэтому въ стихѣ думы нѣтъ надлежащей расчлененности, за то онъ представляеть нѣчто болѣе массивное, чѣмъ обыкновенная пѣсенная стопа. Стихъ думы иногда возрастаетъ до того, что мы имѣемъ въ немъ вполнѣ развитую и законченную мысль, въ чѣмъ легко убѣдиться изъ приведенныхъ выше примѣровъ. Стихъ этотъ связывается со многими другими стихами большею частью однообразной рифмой, поэтому отъ цѣлаго ряда такихъ стиховъ получается впечатлѣніе текучей, плавной рѣчи, которая привлекаетъ вниманіе слушателя не столько вѣшней постройкой, сколько содержаніемъ своимъ. Давно уже называютъ этотъ размѣръ мѣрною прозою, и дѣйствительно, отсутствіе въ немъ мелкихъ единицъ обыкновенного стихотворнаго размѣра и полная свобода въ построеніи приближаютъ его къ одушевленной рѣчи оратора, который незамѣтно для самого себя почувствовалъ въ своемъ произношеніи мѣрное теченіе рѣчи. Само собою понятно, что такого рода стихотворная мѣра, которая не можетъ стоять въ полной зависимости отъ музыкальнаго ритма. Извѣстно, что всѣ думы поются однимъ напѣвомъ, чрезвычайно типичнымъ, но по музыкальному рисунку очень

¹⁾) Записки о Кїн. Руси, Кулиша I, 35.

²⁾) Мы разумѣемъ тонико-риторическую, а не тонако-метрическую стопу, принятую въ литературномъ стихосложеніи.

незамысловатымъ¹⁾). Напѣвъ этотъ есть ничто иное, какъ мелодический речитативъ, которому дается экспрессія, сообразная съ смысломъ стиха, то живая и быстрая, то спокойная и медленная. Кроме того, пользуясь подвижностью стиха, для которого не обязательна соразмѣрность частей, обусловленныхъ однообразною правильностью музыкального такта, исполнитель думы является истолкователемъ стиха, сообщая ему то или другое выраженіе, сообразно съ настроениемъ собственного чувства. Отсюда лирическій, страстный тонъ, который вносить особую задушевность въ музыкальное исполненіе думы.

Такимъ образомъ, стихотворная форма думы находится въ полномъ соотвѣтствіи съ ея внутреннимъ строемъ, который выражается самимъ названіемъ ея.

Въ думѣ передается *продуманный* разсказъ о событии, и оттого поэтическая рѣчь думы требуетъ такого стиха, который бы безусловно принадлежалъ мысли, который бы отзывался на все ея малѣйшія требованія.

Всмотримся въ эту рѣчь.

Мы уже видѣли, что въ думахъ преобладаетъ глагольная рифма, и что она оказала свое влияніе на построение стиха. Понятно отсюда и влияніе ея на построение предложений: заканчивая стихъ, она заканчиваетъ и предложеніе, которое получаетъ вслѣдствіе этого особенный видъ, существеннымъ образомъ отличающій его отъ обыкновенного предложения, гдѣ сказуемое не отодвигается отъ подлежащаго къ самому концу. Любимой формой сказуемаго является въ думахъ сказуемое сложное съ глаголами: *маты, статы, моіты, буты* (послѣдній только въ будущемъ времени и изрѣдка во 2-мъ или 3-мъ лиц. единств. числ. настоящ. времени).

«Ой радъ бы и до тебе прибувати,
Та не знаю, сестро, де тебе *шукать* уже *маты*.
(Д. о сестрѣ и братѣ)²⁾.

¹⁾ О незначительныхъ видоизмѣненіяхъ этого наимѣва см. „Киевская Старина“ 1888 г. Іюль, Приложениія.

²⁾ Рукопис. сборникъ народ. малорус. пѣсенъ.

Можно было просто сказать: *шукаты*, —рифма не была бы нарушена, но глаголь *маты* въ данномъ случаѣ имѣть болѣе стилистическое, чѣмъ синтаксическое значеніе.

Чаще всего употребляется въ сложныхъ сказуемыхъ глаголь *стали* при другомъ глаголѣ въ несовершенномъ видѣ:

«*Сталы* сыны до розума дохожаты,
Сталы собы молоде подружжа *маты*,
Сталы свою матиръ ридненьку, вдову старенъку, зневажаты».
 (Д. о вдовѣ и трехъ сыновьяхъ¹).

Такимъ образомъ, дѣйствіе, расширенное до неопределенныхъ границъ, ограничивается, ибо придается ему начинательный оттѣнокъ.

Глаголъ *могты* употребляется иногда въ томъ же значеніи, какъ и *буты*:

«Иди ты, маты, въ свій домъ пробувати:
 Можемъ мы тебе за матку старенъку почитаты».
 (Дума та-же).

Но большею частію этотъ глаголъ въ соединеніи съ бы сообщаетъ дѣйствію условное значеніе:

«Ой *моїла-бъ* мене отцева—паниматчына молытва на Чорному мори ратуваты,
 Уже бъ я зная, якъ свою матиръ шануваты, поважаты».
 (Д. о бурѣ на Черномъ морѣ²).

Особенно любопытна форма сказуемаго съ 3-мъ лиц. един. чис. наст. врем. вспомог. глагола *есть*, который соединяется не только по старинному съ спрягаемымъ причастіемъ на *лъ*, но и съ наст. времен. изъявит. наклон.:

«Не *есть* се нась шабля турецька *порубала*,
 Не *есть* се нась пуля инычарська *постреляла*,
 А *есть* се отцева и паниматчына молытва *покарала*».
 (Д. о смерти трехъ братьевъ³).

«Се *есть* давній бидный невольные, Кишка Самійло, изъ неволи утикае».
 (Д. о Самійл. Кишкѣ⁴).

¹⁾ Народн. южно-русск. пѣсни Метлинск. 345.

²⁾ Истор. пѣсни малор. нар. Автон. и Др., I, 184.

³⁾ Сбори. украинск. пѣсень Максимовича, 1848 г., 18.

⁴⁾ Ibidem, 47.

При помощи есть въ обоихъ примѣрахъ сказуемое выдвинуто на первый планъ: одною частію его начинается предложеніе, а другою заканчивается.

Обыкновенно составныя части сложнаго сказуемаго разъединены въ предложеніи: между ними стоитъ подлежащее съ второстепенными частями предложенія. Нельзя не видѣть въ этомъ стремленія замкнуть мысль въ одно неразрывно цѣльное предложеніе.

Особенно рельефно это стремленіе выдается въ предложеніяхъ сложныхъ.

«Рука наша не здѣйметься,
Сердце наше не зосмилиться,
Булатна шабли не йме тебе, найменшого брата, рубаты»¹⁾.
(Д. о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова).

Предъ нами три подлежащихъ и три сказуемыхъ, ибо каждый изъ личныхъ глаголовъ имѣеть смыслъ только при своемъ подлежащемъ. Но всѣ эти глаголы тянутъ къ одному центру—неопределенному наклоненію, которое соединяется съ каждымъ изъ нихъ, какъ необходимый моментъ мысли и рѣчи, поэтому мы имѣемъ не три независимыхъ предложенія, но одно слитное—особенной, искусственно-риторической постройки, съ выдвинутымъ центромъ рѣчи, которая вслѣдствіе этого представляетъ строгое единство мысли.

Изъ того же логического начала вытекаетъ особенная склонность къ употребленію слитнаго предложенія, въ которомъ однородныя повторяющіяся части связываются обыкновенно однимъ узломъ. Слитное предложеніе мы видимъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда нужно описать предметъ со всѣми его признаками и особенностями или разсказать о явленіи въ послѣдовательномъ порядкѣ смѣняющихся моментовъ.

Встрѣчаются слитныя предложения значительныхъ размѣровъ:

«И вже мени не честь, не подоба, по риллямъ спотыкаты,
Жовтихъ чобить валаты,

¹⁾ Запорожская Старина, Срезневскаго, I, 35.

Дорогіи сукни пиломъ набывать,
А хочеться мени, маты,
Питы пидъ городъ Тягиню гуляты,
Славы — лыцарства доставаты»

(Д. объ Иванъ Коновченкъ) ¹⁾).

Иногда въ формѣ одного слитнаго предложенія развертывается широкая картина. Такъ, въ одномъ изъ вариантовъ думы объ Иванѣ Коновченкѣ весь подвигъ героя выраженъ въ формѣ слитнаго предложенія, заключающаго въ себѣ 14 глагольныхъ сказуемыхъ.

«Тогда же то Ивась Удовыченко, якъ одъ Хвылона, Корсуньскаго полковныка, благословеніе прынимавъ,
Самъ на доброго коня сидавъ,
Млждо козацькимъ табурамы пробигавъ,
Шлыкъ изъ себе скидавъ,
Хрестъ на себе злагавъ,
Отцеву й матчицу молыту спомынавъ,
Изъ усакимъ козакомъ сердечне прощеніе мавъ,
Старого козака риднымъ отцемъ узыавъ,
На турецкіи табуры пробигавъ,
Турецкіи паметы поперевертавъ,
Турукъ пятьдесятъ пидъ мичъ узявъ,
Девыятеро живцемъ извъязавъ,
Передъ Хвылона, корсуньскаго полковныка, въ наметъ
прыставлявъ» ²⁾.

Въ грамматическихъ свойствахъ слитнаго предложенія заключается важная стилистическая особенность малорусскихъ думъ. Мы разумѣемъ изобиліе въ языке думъ всякаго рода синонимовъ, входящихъ въ составъ слитнаго предложенія. Больше всего въ думахъ глагольныхъ синонимовъ. Они воспроизводятъ всѣ оттенки дѣйствія или усугубляютъ идею его до такой выразительности, что оно становится для сознанія не только очевиднымъ, но и необходимымъ фактомъ. Таковы, напр., глагольные синонимы въ выраженіяхъ: *прохалы* та *благалы*, *знас-видает*,

¹⁾ Украина. народ. пѣсни. Максимовича, 1834, I, 53.

²⁾ Народн. пѣсни Метлии, 419—420.

плач-рыдае, бижыть-пиобигае, жыве-прожывае, кляне-проклынае, квылыть-проквылие, үрае-выгравае,—или же въ слѣдующемъ четверостишии:

«Отецъ да й маты старшого сына *кляне-проклынае,*

Изъ очей *зянле,*

Середульншого сына *штытырь, жалуе, поважае,*

За *юстя прынимае.*»

(Д. о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова) ¹⁾.

Не такъ часто употребляются синонимическія существительныя и прилагательныя: *сриблю-злато, кумы-побратьиы, кайданы-зализо, (молитва) отцева-матчина, (душа) козацъка-молодецъка.* Тѣмъ не менѣе дѣйствующія лица всегда обрисовываются въ думахъ достаточнымъ количествомъ опредѣлительныхъ словъ и, такъ называемыхъ, приложеній, напр.:

«Лихъ Бутурлавъ,

Клюшныкъ галерський,

Сотныкъ Переяславський,

Недовирокъ хрыстиянський.

(Д. о Сам. Кишкѣ) ²⁾.

Еще рѣже встрѣчаются синонимическія нарѣчія: *рано-пораненъку, мало-трокы-небагато, тяжко-важко, смутно-жалібно* и т. п. Впрочемъ, мѣсто, время и другія обстоятельства, сопровождающія дѣйствие, всегда опредѣляются въ думахъ самимъ точнымъ образомъ. Вотъ примѣры:

«Тры брата ридненьки,

Якъ голубонъки сывенъки,

Изъ города, изъ Азова, зъ тяжкими неволи, у землю хрыстиянську, до битька, до матери, до роду утикали.

(Д. о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова) ³⁾.

«Робылося те дило въ суботу, проты воскресеняя, по заходи сонца».

(Д. объ Иванѣ Коновченкѣ) ⁴⁾.

«Якъ одѣ Кумиевщины та до Хмельницькыи,

¹⁾ Истор. пѣсни малорус. народа, Антон. и Драгом. I, 113.

²⁾ Малор. думы и пѣсни Лукашевича, 15.

³⁾ Ibidem, I, 106.

⁴⁾ Киевскій Телеграфъ, 1875, № 59.

*Якъ одѣ Хмельничины, та до Брянщины,
Якъ одѣ Брянщины, да ѹ до сего жъ то дни,
Якъ у земли кралевський да добра не було».*

(Д. о возстанії козаковъ при Хмельн.)¹⁾.

Тоиъ выписанныхъ нами отрывковъ строго - исторический и, такъ сказать, документальный. Во многихъ думахъ эта документальность доходитъ до того, что кажется, будто иныхъ фразы цѣликомъ взяты изъ какого нибудь исторического памятника. Въ думѣ, напримѣръ, о Семенѣ Паліѣ Мазепа

*«до короля шведскаго таки речи промовлне:
«Королю Шведскому, добродію, найяснійшій мій пане»²⁾.*

Слова Мазепы какъ будто бы внесены въ думу изъ официального письма его къ королю шведскому.

Этотъ, можно сказать, исторический реализмъ въ изображеніи явлений жизни сообщаетъ во многихъ случаяхъ языку думъ прозаическую реальность, которая встрѣчается обыкновенно въ дѣловой рѣчи писателя, обдумывающаго и исправляющаго каждую фразу своего сочиненія сообразно съ требованиями грамматической логики. Особенно рѣзко выступаетъ прозаический складъ рѣчи при наращеніи ея, когда необходимо бываетъ повторить тѣ или другія слова и выраженія, чтобы устранить всякую сбивчивость въ пониманіи того, что сказано выше. Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ:

*«Ой на Чорному мори,
На билому камени,
Ой то тамъ сидѣть ясенъ сокиль — билозерець....
На святее небо, на Чорнее море исыльно поглядае,
Що на святому неби, на Чорному мори, не гараздъ почынае:
На святому неби уси звезды шотьмарыло,
Половина мисиця у тьму уступыло,—
На Чорному мори не гараздъ почынае:
Изо дна моря сильно хвиля вставае,—
Судна козацьки, молодецьки на тры часты розбывае».*
(Д. о бурѣ на Черномъ морѣ)³⁾.

¹⁾ Записки о Южной Руси Кулиша, I, 56.

²⁾ Максимовичъ. Сборникъ украин. пѣсень. К. 1849 г.

³⁾ Записки юго-западнаго отдѣла географ. общ., I, 3.

Видно усилие мысли выразительно указать на то, что происходило на небѣ и на морѣ.

Послѣ общаго замѣчанія, что и тамъ, и здѣсь „не гараздъ починае“, идетъ разграничение, что именно происходило на небѣ, и что на морѣ,—разграничение, которымъ и объясняется самое повтореніе словъ обстоятельственныхъ мѣста.

Тотъ же прозаический складъ рѣчи слышится въ употребленіи придаточныхъ предложеній. Они скопляются иногда въ такомъ изобиліи, которое далеко переходитъ за предѣлы необходимости.

Безсоюзая рѣчь встречается рѣдко; наоборотъ, даже независимыя предложения снабжаются союзами, посредствомъ которыхъ обыкновенно соединяются придаточные предложения съ главными, напр.:

«*Якъ* иде украинскій козакъ, *то* ѿ корчму мынае,
А жыдъ выбигае,

Та украинскаго козака за чубъ хватае».

(Д. о восстаніи козак. при Хмельн.)¹⁾.

«*А якъ* то бувъ жыдъ Янкель,
То винъ коло школы похожае,
Та по школы плаче-рыдае».

(Ibidem).

Отношения придаточныхъ предложенийъ къ главнымъ не совсѣмъ сходны съ тѣми, какія мы видимъ въ обыкновенной рѣчи. Случается нерѣдко, что они вовсе не стоятъ въ непосредственной связи съ главными предложениями; напр.:

«А серебро-злато на тры часты паювалы:

Первую часть бралы,

На церкви накладалы,

На святого межигорьскаго Спаса,

На Терехтемировскій манастырь,

На святую сичовую Покровъ давалы,

Котри давнимъ козацкымъ скарбомъ будовалы,

Щобъ за ихъ вставаочы и лягаочы, мылосердного Бога благалы».

(Д. о Сам. Кашевѣ)²⁾.

¹⁾ Историч. пѣсни малорус. народа, Антон. п. Драг., II, 25.

²⁾ Малорус. думы и пѣсни, Лукашевича, 26.

Въ думахъ гораздо чаще встречается, такъ называемая, инверсія, чѣмъ въ обыкновенныхъ пѣсняхъ. Сравнимъ слѣдующія синтаксическія построенія:

«Есть у мене Иванъ Луговскій,
Который у мене дванадцать лить за джуру пробувавъ,
Вси мон козацьки звычай познавъ».

(Д. о смерти Б. Хмельницкаго¹⁾).

Здѣсь главное предложеніе соединено съ придаточнымъ обыкновеннымъ способомъ.

«Который чоловикъ отци своего, матиръ, штыть-поважае,
Тому Богъ во всякий часъ помагає».

(Д. о вдовѣ и трехъ сыновьяхъ²⁾).

Здѣсь изъ главнаго предложенія косвенное дополненіе (чоловикови) передвинуто въ придаточное, и здѣсь уже является оно подлежащимъ придаточнаго.

«А который чоловикъ отцеву и матчины молытву штыть-поважае,
То отцева-матчина молытва зо дна моря вынимаетъ».

(Варіантъ той же думы³⁾).

Здѣсь подлежащее главнаго предложенія сдѣлалось прямымъ дополненіемъ придаточнаго, которое тоже образовалось изъ косвенного дополненія предложения главнаго, какъ и въ предыдущемъ примѣрѣ.

«Якъ почали друзи, панове—молодцы, жыдивъ та ляхивъ зъ
Украины згоняты,

Та въ которого не было дранои, невирнои кожушыны,
То й той надивъ жыдивськи кармазыны».

(Д. о восстаниі козаковъ при Хмельницкому⁴⁾).

Союзъ *то* долженъ былъ бы стоять въ началѣ втораго стиха, но въ замѣнѣ *то* стоитъ *та* для связи съ первымъ придаточнымъ: причина въ томъ, что главное предложеніе отдѣлено отъ сопоставляемаго съ нимъ придаточнаго другимъ

¹⁾ Народныя южно-русскія пѣсни, Метлинскаго, 397.

²⁾ Ibidem, 354.

³⁾ Ibidem, 349.

⁴⁾ Историческія пѣсни малорус. нар. Авт. и Драг., II, 26.

придаточнымъ, включеннымъ въ главное тоже путемъ инверсіи. Такихъ примѣровъ въ думахъ множество, но мы выпишемъ еще одинъ для того, чтобы уяснить для себя стилистическое значеніе такого построенія рѣчи.

«Де булы въ поли стежки, дорижки,
Волоськими головами повымощувавъ;
Де булы въ поли глыбоки долины,
Волосью кровью повиловнювавъ».

(Д. о походѣ Хмельницкаго въ Молдавію¹⁾).

Исходною точкою мысли было намѣреніе выразить, что *всѣ „стежки и дорижки повымощувавъ“*, поэту приданое предложеніе ставится на первый планъ, прямое дополненіе главнаго предложенія аттрагируется, превращаясь въ субъектъ придаточнаго, отчего придаточное получаетъ большую независимость и выразительность. Повидимому, въ этомъ и заключается причина широкаго распространенія въ думахъ инверсіи и аналогическихъ съ нею оборотовъ рѣчи.

Само собою разумѣется, что постоянное употребленіе сложныхъ предложеній, переполненныхъ предложеніями придаточными и всякими пояснительными словами, въ родѣ описательныхъ выражений (*словами промовляе, слезами рыдае, добре дбае*), замедляетъ теченіе рѣчи. Она дѣлается тягучею и, что особенно важно, вполнѣ соответствуетъ логическимъ требованіямъ мысли, которая стремится къ выражению всестороннему, законченному. Оттого въ думахъ преобладаетъ, такъ называемая, периодическая рѣчь. Встрѣчаются часто образцовые періоды, какъ будто бы составленные по всѣмъ правиламъ риторического искусства: только неподдѣльная искренность, присущая народному слову, заставляетъ вѣрить, что эти періоды созданы народомъ, а не написаны рукою опытнаго стилиста.

Чтобы не разбрасываться въ массѣ материала, для выясненія нашей мысли выпишемъ нѣсколько стиховъ изъ думы о сестрѣ и братѣ.

Содержаніе ея очень простое.

¹⁾ Народныя южно-русскія пѣсни, Метлинскаго, 394.

Сестра просить брата, чтобы онъ провѣдалъ ее на чужой сторонѣ. Брать отвѣчаетъ отказомъ, потому что онъ живетъ:

«За темными лугами,
За широкыми полями,
За быстрыми риками».

Снова слышенъ голосъ сестры, сопровождаемый слезами:

«Прибудь же ты до мене:
Темны луженьки, ясненьки мъ соколонькомъ перелеты,
Широки поля малымъ—невелычкимъ перепелонькомъ перейды,
Быстры риченъки и озера билымъ лебеденькомъ переплывы,
Сядь-пады у моимъ двори сывымъ голубонькомъ,

Головку склоны,
Жалибненъко загуды,
Нехай я буду выхождаты,
Ой по голосу познаваты,
И на хлибъ, ва силь заклыкаты,
И на здоровья тебе, брате, буду пытаты».

Брать снова отвѣчаетъ отказомъ:

«Пойди, ты, сестро, до тыхого Дунаю,
Возьмы ты, сестро писку у билу ручку,
Посий ты, сестро, на каменю:
Колы той буде писокъ ча билому камени зижожаты,
Синни цвитомъ процвитаты,
Хрестатымъ барвинкомъ биленький камень устылаты,
Разнымы краснымы цвитамы украшаты:
Тоди, сестро, буду до тебе въ гости прыбуваты,
Твого жыття пры бидности доглядаты».

Тогда поняла сестра, что никогда уже не увидитъ она брата,— и вотъ изливаетъ она свое горе въ трогательной жалобѣ на безпріютное положеніе свое среди чужихъ людей:

«Якъ у нашего отца та й маткы, говорить она, пылы та идалы,
Тоди насть и кумы и побратымы добре знали,
А якъ насть прышыбла недобра година,
Одпуралась насть близькая и далекая, вся названаа сердешная
родына!
Тяжко, каже, братику....

Якъ птицы пернатий въ чистимъ поли безъ древа почуваты,
 Якъ тяжко, та важко живий рыбы безъ воды прожываты,
 Якъ тяжко та важко билий камень зъ сырои земли проты себезнаты:
 Ой такъ тяжко та важко на чужий сторони безъ кревной родны
 помираты¹⁾.

Мысль о томъ, что братъ не можетъ преодолѣть препятствій, лежащихъ на пути къ сестрѣ, выражена въ аллегорической формѣ дѣйствій, который должна совершить сестра, чтобы убѣдиться въ безвыходномъ своемъ положеніи. Первое дѣйствіе сестры обусловливаетъ слѣдующее за нимъ, которое въ свою очередь служитъ условіемъ для послѣдняго. Мы имѣемъ, такимъ образомъ, стройный *послѣдовательный* періодъ, въ которомъ всѣ члены состоятъ въ тѣсной и неразрывной связи между собою, и въ то же время каждый изъ нихъ представляетъ совершенно законченное цѣлое. Въ заключительныхъ словахъ сестры мы имѣемъ періодъ, такъ называемый, *противительный*, съ правильнымъ чередованіемъ повышенія и пониженія, изъ коихъ каждое распадается на два члена, при чемъ цѣлый рядъ синонимическихъ опредѣленій въ послѣднемъ членѣ усиливаетъ впечатлѣніе главной мысли,—а также *сравнительный* періодъ, не уступающій предыдущему по красогу и отчетливости рисунка, по полнотѣ и законченности выраженія.

Вся эта дума заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ обобщеній, вызывающихъ въ сознаніи слушателей размышленіе о судьбѣ людей, заброшеныхъ на чужую сторону, объ одиночествѣ и горькой долѣ ихъ вдали отъ своего рода-племени. Отъ народной малорусской думы именно вѣтъ *думой пѣвца*, которая располагаетъ слушателей къ размышлению, къ раздумью. Непѣдко въ самомъ концѣ думы пѣвецъ прерываетъ нить своего рассказа, чтобы высказать свою мысль. Въ одной думѣ семинарского содержанія рѣчь идетъ о томъ, что „лихой отчимъ“ прогналъ пасынка своего изъ дома. Скрѣпя сердце, покорилась участи родная мать его. Попалъ козакъ на чужую сторону, женился тамъ, но мысль о матери не оставляла его. Ёдетъ онъ на родину, чтобы провѣдать старую мать.

¹⁾ Записки о южной Руси, Кулиша, т. I, 24, 28.

Далѣе продолжаемъ словами думы:

«Ставъ второй отецъ—названый на зустрічъ его выхожатъ...
Отъ же то, панове·молодци, якъ же то Господь чоловикови
прывивъ,

Що зъ чужои стороны далекой прыбувавъ,
Свою матиръ старую пры смерты застававъ!
Скоро его стара маты на божий постели вздрила,
На свое лице християнске хрестъ соби положила:

«Чого жъ я бажала, того и дождала,
Сына своего пры смерты въ вичи повыдала!» ¹⁾

Иногда въ самомъ началѣ думы пѣвецъ высказываетъ общую мысль, которую затѣмъ развиваетъ въ послѣдовательномъ ходѣ разсказа. Такъ начинается, напримѣръ, дума о семейной жизни козака:

«Не одынъ козакъ самъ соби шкоду шкодывъ,
Що видъ молодои жинки у вийсько ходывъ» ²⁾.

Иногда дума начинается вопросомъ, въ которомъ собственно и заключается основная мысль ея. Таково, напримѣръ, начало думы о возстанії козаковъ послѣ бѣлоцерковскаго мира:

«Ой чы гараздъ, чы добре нашъ гетьманъ Хмельницкій почынавъ,
Що изъ ляхамы, изъ мостывымы панамы, у Билий церкви замыривъ?» ³⁾

Иногда непосредственно за вопросомъ слѣдуетъ и отвѣтъ.

Такъ, въ думѣ о Семенѣ Паліѣ, цари и князи, сѣхавши въ городѣ Лебединѣ,

«Велыкимъ дывомъ дыровали,
Одынъ до единою словамы промовляли:
«Про що то, панове, у земли християнський не стало порядку
ставати?»

— «Про то, панове, що стали проклътны бусурмане християнъ
братали вазывать».

— «Хто жъ тее зачынавъ?»

— «Начынавъ тее проклътны Мазепа...» ⁴⁾.

¹⁾ Чубинс. V, 849—850.

²⁾ Записки о Южной Руси, Кулиша, I, 215.

³⁾ Ibidem, I, 51.

⁴⁾ Сборн. украин. пѣсент., Максимовича, 1849 г.

Раздумье царей и князей („велькымъ дывомъ дыволалы“) изображено въ самомъ процессѣ его выраженія, т. е. въ соѣщаніи ихъ между собою.

Вообще въ думахъ дѣйствующія лица изображаются людьми размыслиющими, думающими.

«Ставъ Алканъ-наша дороги настыки пыты-пиднываты,
Сталы умыслы козацьку голову клюшныка розбываты» ...

(Д. о Сам. Кишкѣ)¹⁾

И затѣмъ слѣдуетъ изображеніе самихъ умысловъ. Пѣвецъ любить заглянуть въ душу своихъ героевъ:

«Зажурылася Хмельницкого сидая голова,
Що пры ёму ни сотныківъ, ни полковныківъ нема:
Часъ приходыть умираты,
Никому порады даты!»²⁾.

Такъ начинается дума о смерти Богдана Хмельницкаго.

Мысль о смерти выводить пѣвецъ изъ души самого Хмельницкаго. Эта мысль и есть движущая сила всей козацкой рады, которая изображается въ думѣ.

Не всегда спокойно думаютъ герои думъ. Напротивъ того, въ ихъ размышленіяхъ большою частію прорывается горячее чувство. Не всегда спокоенъ и пѣвецъ, изображающей своихъ героевъ. Онъ принимаетъ слишкомъ живое участіе въ судьбѣ ихъ. Онъ радуется, когда они торжествуютъ, и страдаетъ, когда они гибнутъ. То и другое настроеніе заставляетъ его отступать отъ обычновенного теченія рѣчи.

Иногда пѣвецъ какъ-будто бы не находить словъ для выраженія чувствъ, которыя подавляютъ его героявъ, и потому является невольно у него тотъ оборотъ рѣчи, который въ учебникахъ риторики известенъ подъ именемъ фигуры *умолчанія*. Вотъ какъ изображаетъ онъ, напримѣръ, смерть въ стени одного изъ трехъ братьевъ, бѣжавшихъ изъ азовской неволи. Измученный бѣглецъ

«До Осавуръ-могилы прыбувае,
На Осавуръ-могилу зихожае,

¹⁾ Малорус. думы и пѣсни, Лукашевича, 19.

²⁾ Сборн. украин. пѣснъ Максимовича, 1849, 44.

Тамъ соби безпечне девятоого дня спочывокъ мае,
Девятоого дня зъ неба воды — погоды выжыдае».

На девятый день пришлось ему «на безвидди, на безхлиби
погыбати:

«Девять день, говорить онъ, клиба въ устахъ не маю,
На безвидди, на безхлиби погыбаю...

Тутъ тее промовлявъ ...

Не стало словъ у умирающаго, и пѣвецъ спѣшилъ къ
изображенію самого момента смерти:

«Не чорна хмара налитала,
Не буйни витры винулы,
Якъ душа козацька-молодецька зъ тиломъ розлучалась»¹).

Но пѣвецъ не ограничивается внешними подробностями картины: онъ вводитъ въ нее самого себя, собственное свое настроение. Тяжело представить ему одинокую смерть козака, не оплаканного отцемъ и матерью, и вотъ онъ въ другомъ варианте той-же думы воспроизводитъ похоронный плачъ собственной души своей въ жалобномъ кукованы „сывои зозули“, которая

«Прылата,
Да у головахъ сидала,
Да жалибно закувала:
«Ой голово-голово, козацькая-молодецькая!
Се-жъ ты ни доышла, чи доила,
А ни хороше не сходыла...
А довелося валитися,
Звиру-итыци на поталу податыса!» ...²).

Вообще въ думахъ мы часто встречаемъ лирическое изліяніе чувствъ самого пѣвца въ формѣ, такъ называемыхъ, обращений, которые онъ дѣлаетъ или прямо отъ себя, или же отъ лица своихъ героевъ. Особенно энергичны обращенія, вызванныя общей картиной страны, въ которой происходитъ дѣйствие:

«Земле польска, Украино подольска!

¹) Записки о Южной Руси, Кулиша, I, 39.

²) Записки юго-западнаго отдѣла географ. общества, I; Материалы, 10.

Та вже тому не ричокъ и не два мынае,
Якъ у хрыстиянскій земли добра не має¹⁾.

Такъ обращается пѣвецъ къ странѣ, измученной бѣдствіями войны, чтобы разсказать затѣмъ о новыхъ бѣдствіяхъ, вызванныхъ восстаніемъ козаковъ при Богданѣ Хлельницкомъ.

«Ты, земле турецька,
Виро бусурманська,
Ты, розлуко хрыстиянська!
Не одного ты розлучыла зъ отцемъ, зъ матирю,
Або брата зъ сестрою,
Або мужа зъ вирною женою»²⁾.

Здѣсь настроеніе пѣвца высказываютъ томящіеся на каторгѣ турецкой невольники. Фактическаго седержанія въ этой думѣ нѣтъ. Стонъ невольниковъ—вотъ ея содержаніе, и это не только стонъ, но и проклятие, обращенное къ ненавистной имъ землѣ турецкой. За проклятиемъ слѣдуетъ молитва, которая произносится отъ лица пѣвца, хотя непосредственно связана она съ проклятиемъ, составляя какъ бы продолженіе рѣчи невольниковъ.

«Вызоволь, Господы, невольника зъ неволи
На простыи дороги,
На ясни зори,
На руськыи берегъ,
На край веселый,
Мижъ мыръ хрещеный»³⁾.

Глубоко симпатиченъ для пѣвца этотъ мыръ хрещеный, этотъ край веселый, который называется въ думахъ русскимъ краемъ, иногда козацькою землею, чаще же всего славною Украиною.

Но пѣвецъ смотритъ на свою родину печальными глазами. Безконечною гладью разстилаются передъ нимъ стены широки, по которымъ гуляютъ витры буйни или же ползутъ туманы сыви. На этихъ степяхъ растутъ травы зелени и синѣютъ мо-

¹⁾ Историческія пѣсни малорус. народа, Ант. в Драг. II, 25.

²⁾ Ibidem, I, 89.

³⁾ Ibidem, I, 90, 91.

илы высоки. Озаряются эти степи иногда пожарамы яснымы, и тогда найти траву можно только по берегамъ степныхъ рѣчекъ, вдоль которыхъ тянутся *очереты* *воздобни* и даже *луги темни*. Перерѣзаны степи балкамы глыбокымы и байракамы зеленымы, которые покрыты *тернами* *устымы*. Жители степей *возки сироманьци* да *орлы сизокрыльци*. На этихъ степяхъ происходятъ боевые схватки козаковъ съ турками и татарами. Вотъ передъ нами козакъ—*нетяга*, по прозванию *Голота*, который

«Не боиться ни огня, ни меча, ни третьего болота....

На козакові шапка-бырка,
Зверху дирка,
Травою пошыта,
Витромъ пидбыта:
Куды вие—туды и повивае,
Козака молодого прохоложае».

Онъ побѣждаетъ татарина на полѣ *килиимськимъ* и выскакиваетъ желаніе, что бы оно

«Лито ѹ зиму зеленило»

за то, что его

«при нещасливий годыни сподобыло».

Торжествуетъ козакъ, но печальна была бы судьба его, если бы удалось татарину,

«Жывцемъ его у руки взаты,
Да въ городъ Килію запродаты»¹⁾.

Не смерти боится козакъ, а неволи турецкой: только въ неволѣ, среди ежедневныхъ истязаній на каторгѣ, онъ впадаетъ въ уныніе. Тогда онъ умоляетъ сокола *ясного*, чтобы онъ подалъ вѣсть о немъ отцу и матери:

«Передъ воритъ мого батька и матери, говорить онъ,
сядь-пады,
Жалибненько проквылы,
Ще моему батькови и матери бильшого жалю завдай,
Та нехай мий батько добре дбае,
Скарбы збирае,
Зъ тажкои неволи турецькои выкупае»²⁾.

¹⁾ Записки о Южн. Руси, Килиша, I, 17.

²⁾ Историч. пѣсни малорус. народа, Автон. и Драг. I, 95—96.

Соколъ въ думахъ не только вѣстникъ, но и символъ вольной души козацкой. Въ одной думѣ говорится, что молодой соколенокъ попалъ въ неволю: запутали его тамъ въ серебряные путы, а около очей повѣсили дорогой жемчугъ, т. е. окружили всѣми приманками роскоши, что случалось не разъ съ плѣнниками, принимавшими бусурманскую вѣру, и особенно съ плѣнициами. Узналъ объ этомъ старый соколъ отъ орла-брата...

«На городъ-царьгородъ налитавъ,
На валу сидавъ,
Жалибно квылывъ-проквылявъ....
То соколи зачувало,
Смутно ся мало,
Головку склоняло
И крылечка опускало».

Чтобы разсѣять его тоску, турки сняли съ него и путы, и жемчугъ. Тогда

«Сокиль налитавъ,
Та на крыла взявъ,
Та на высоку высоту пидносывъ....
Эй, соколя мое, бездольне, безродне!
Лучше мы будемо по полю литаты,
Та соби живности доставаты,
А нижъ у тяжкий неволи, у панивъ, проживаты:
Эй то же то у панивъ слава, що исты и пыты,
Та тильки неволенъ свить по свиту походыты»¹⁾.

Вотъ этотъ *волниный свитѣ* и составлялъ для козака приманку, которая влекла его въ *степы шыроки*. Тамъ онъ дышалъ полною грудью, тамъ онъ сознавалъ свое человѣческое право жить, пока живется, пока есть убѣжденіе, что въ жизни не все еще потеряно. Онъ зналъ, что есть у него на родинѣ *отецъ и ненька-старенъка и сестырица-жалибныци, и родина кревная, сердешная*, которые позаботятся о немъ въ минуту жизни трудную, ибо

Якъ-то бѣться и тыца объ итыци,

¹⁾ Записки о южной Руси, Кулиша, I, 18.

А родына объ родыни:

Ой то такъ-то бьеться отець и маты объ свой кревний дытыни¹).

Зналъ онъ также, что не оставить его въ бѣдѣ това-
рыство кревне и сердешне. Съ этимъ славнымъ, войнымъ людомъ
привыкъ онъ

Чтобы «Неприятеля пидъ ногы топтаты»,

«славы-рыцарства достаты,
За виру християнську одностайно статы²),—
а въ часы отдыха

«пыта и гуляты,
Хорошии мысли маты³).

Одною изъ этихъ мыслей, завѣтною мечтою его жизни,
было умереть среди этого люда.

Только въ этомъ случаѣ онъ могъ надѣяться, что слава его
«Не вмре, не поляже»,

потому, что „лыцарство козацьке всякому роскаже⁴),—разска-
жетъ оно о томъ, какъ погибъ козакъ, какъ его похоронили. Утѣ-
шится бѣдная мать, когда узнаеть, что сына ея по козацки по-
ховалы, что сами козаки приготовили и могилу ему,

«Шаблямы, надилкамы суходиль коналы,
Шапкамы, прыполамы перстъ выбиралы,
И могилу насыпалы,
Въ семипьядни пыщали грымалы,
У сумерки жалибно выгравалы,
Славу козацьку выхвалилы⁵),—

¹) Ibidem.

²) Малорус. и червонорусскія думы и пѣсни, Лукашевича, 36.

³) Записки о Юж. Руси, Кулиша, I, 13.

⁴) Ibidem.

⁵) Ibidem, 56, 57. „Высока могила“ составляла обычную принадлежность ко-
зацкихъ похоронъ, о чёмъ свидѣтельствуетъ известный стихотворецъ Климентій,
жившій въ началѣ XVIII в.:

„Звычай козацкіе въ тыхъ ричахъ бувають,
Же въ поляхъ владутся и могилы высыпають,
Того ради, же въ войскахъ бывали и въ полю
Изъ непріятелами на потыкахъ въ бою,
Же бъ и по смертехъ щирость ихъ не запомынанна,
Дабы хвалебно людми честными вспомынанна“.

Основа, 1861 г., Январь, 207.

а послѣ похоронъ

«цивиленъкымы, сухенъкымы військовымы сухарцымы помыналы»¹⁾.

Будетъ она

«козакамъ хустки и рушныкы шыти даваты,

По церквамъ и по манастирамъ службы и паныхыды наниматы,

Заразомъ по своему сынови похоронъ и весилля одбуваты», —

будетъ она

«крамни платы купуваты,

Та лырныкамъ даруваты»²⁾, —

чтобы они сына ея поминали.

Такова была жизнь въ степной Украинѣ, которая ближе лежала къ славному Запорожью—центру борьбы козачества съ мусульманскимъ міромъ. Много было въ этой жизни порывовъ и увлечений, манила она къ себѣ словою героическихъ подвиговъ, давала она чувству свободы и независимости полное удовлетвореніе. Но недоставало ей прочныхъ устоевъ, культурнаго быта, недоставало той полноты и уютности, которая бывають плодомъ семейнаго счастья, семейныхъ радостей. Въ самомъ дѣлѣ, мы не видимъ въ думахъ, такъ называемыхъ, любовныхъ мотивовъ, которые занимаютъ, какъ известно, выдающееся мѣсто въ обыкновенныхъ бытовыхъ пѣсняхъ. Есть у козака сестра и мать, которая снаряжаютъ его въ походъ, которая горюютъ въ разлуке съ нимъ, о которыхъ самъ онъ думаетъ въ походѣ. Но никогда не вспоминаетъ онъ о девчинѣ, покинутой имъ въ родномъ селѣ, о любимой женѣ и детяхъ. Не могъ не чувствовать онъ лишения тѣхъ благъ жизни, которая достаются въ удѣль простымъ смертнымъ, не обладающимъ ни мужествомъ, ни словою героя. Не могъ не чувствовать этого и пѣвецъ, который относился къ семейному очагу съ чувствомъ религіознаго уваженія:

«Де мужъ зъ женою живе-проживае,

Тамъ святый Мицкай на радистъ ухожае»³⁾.

На этой семейной канвѣ пѣвецъ строить всю драму козацкой жизни: и борьбу козака съ матерью, которая умоляетъ его остаться дома, и одинокое скитальчество его вдали отъ роду-пле-

¹⁾ Записки ю-озац. отдѣла географич. общества, I, 21.

²⁾ Изъ рукописнаго сборника народ. малорус. пѣсень.

³⁾ Народныя южнорус. пѣсни, Метлинскаго, 355.

мени, и неудачи его, если забывалъ онъ *отщеву и матчины* молитву, и предсмертные минуты его жизни, когда онъ просить товарищей своихъ, чтобы они „тило его поховалы, звиру—*птыци на поталу не далы*“.

Отсюда глубоко скорбный, элегический тонъ, которымъ проникнуты думы о походахъ козака въ степи. *Жалоши*, плачь составляютъ, такъ сказать, органическую принадлежность самой фразеологии этихъ думъ, въ которыхъ обыкновенно *сестра брату словами промовляе, слизно рыдае, козаки жалибно выправають, славу козацку выгвалияютъ*.

Тѣ же *жалоши* въ царствѣ птицъ и животныхъ: голубь *жалибно гуде, жалю завдае, орлы и волки квылять-проквыляютъ*. Въ изображеніи природы преобладаютъ суровыя, темныя краски: „ничка темная, хмары темни, лугъ темный, мисъ темный, туманы сыви, голубъ сывый, кинъ вороный и сывый, зозуля сывая и сзыая, орелъ сзыый, вовкъ сирый, сиромансію“. Всѣ эти образы входятъ въ составъ сравненій съ явленіями человѣческой жизни, причемъ въ думахъ нерѣдко употребляется, такъ называемое, отрицательное сравненіе, необычное въ бытовыхъ пѣсняхъ:

«Не сыва зозуля закувала,
То вдова (матерь) заплакала (или) розмовляла»
(Д. о матери-вдовѣ и трехъ сыновьяхъ)¹⁾.

«Не сзыи орлы заклекотали,
Якъ то бидни невольники у тяжкий неволи заплакали».
(Д. о невольникахъ)²⁾.

Иногда сравненіе разрастается въ аллегорическое изображеніе печального события, появляющагося въ сознаніи лица, о которомъ идетъ рѣчь, сперва въ видѣ смутнаго сновидѣнія, а потомъ со всею очевидностью неумолимой правды. Снится, напримѣръ, вдовѣ сонъ *чудный-пречудный, дысный-предысный*, будто бы сынъ ея въ походѣ женился, понявъ соби *туркеню чужожемку*³⁾. Она

¹⁾ Народныя южнорус. пѣсни, Метлинскаго, 352.

²⁾ Сборникъ украинскихъ пѣсень, Максимовича, 1849, 10.

³⁾ Малорус. и Червонорус. думы и пѣсни Лукашевича, 45.

«Въ чорному оксамыти ходыть,
Билымы пидбийкамы пидбыта,
Сылу icroшeй мае,
Лику ихъ не знае,
Горда, пышна,
Панщны не робыть,
Цареви, королеви головки не склоныть».
(Д. объ И. Коновченкѣ)¹).

Долго не догадывалась вдова о значеніи этого рокового сна, пока товарищъ ея сына не сказалъ ей горькой правды, что сынъ ея:

«Понявъ соби цавянку—
У чистому поли могылу-землянку:
На могыли травы зелененъки
И цвity биленъки²).

Тогда бѣдная мать

«Якъ стояла,
Такъ упала,
Свита божого не ввыдала»³.

Сближеніе смерти съ бракомъ и могилы съ невѣстой или съ женой представляетъ, какъ извѣстно, одно изъ общихъ мѣсть въ народной поэзіи, какъ великорусской, такъ и малорусской, но въ думахъ оно развито съ такими подробностями, которыя ясно указываютъ на склонность пѣвца находить въ горечи разъ-дающаго чувства особаго рода утѣшеніе.

Иное настроеніе встрѣчаемъ мы въ думахъ о борьбѣ ко-
зачества съ „ляхами, мостиными панами“. Широкою историче-
скою кистью изображаетъ пѣвецъ эту братоубийственную борьбу
двухъ родственныхъ племенъ, которыя далеко разошлись между
собою въ соціальномъ и религіозномъ отношеніи,—борьбу двухъ
мировоззрѣній, двухъ порядковъ жизни—шихетско-аристократи-
ческаго и народно-демократическаго. „Уже жъ мы теперъ, го-

¹) Кіевскій телеграфъ 1873, № 59.

²) Народи. южнорус. пѣсни Метлинскаго, 424.

³) Кіевскій телеграфъ, 1873, № 59.

ворять козаки, ни въ чому воли не маемъ“, ибо „*вси шляхи, и торти, и церкви, и рики козацьки жыды зарандовали, а паны ляхи*“

«Велкую станцию вымышиляли,

Одъ козацькихъ, одъ мужыцькихъ коморъ ключи одбирали».

(Дума о возстанії козаковъ послѣ бѣлоцерковскаго мира и объ изгнанії живодѣй арендарей изъ Україны¹⁾).

Распоряжались они чужимъ добромъ, какъ своимъ собственнымъ, не останавливались даже предъ оскорблениемъ семейной чести женъ козацкихъ. И вотъ переполнилась чаша терпѣнія народнаго, и пролилась она пѣлыми потоками крови, подмывшими самыя основы польского государства.

Во главѣ движенія сталъ, какъ известно, Богданъ Хмельницкій. Онъ обрисованъ въ думахъ, какъ вождь опытный и энергический. Онъ пишетъ листы, дѣлаетъ воззванія къ народу, даетъ козакамъ *порядки козацьки*. Отношенія его къ козакамъ самыя искреннія и сердечныя: они для него *диты, друзи-небожата*²⁾, онъ для нихъ *батько козацький*³⁾. Думу думаетъ онъ тайно отъ всѣхъ:

«Тильки Богъ святий знае,
Що Хмельницкій думає-гадає».

(Д. о походѣ въ Молдавію)⁴⁾,

Но къ замысламъ батька своего козаки относятся съ полнымъ довѣріемъ. Они стоять предъ нимъ, *якъ малыи диты*. Они обращаются къ нему съ благожеланіями:

«Дай, Господы, щобъ мы зъ твоен головы пылы и гулялы,
А неприятеляши нози потоптали,
А виры християнськои на поталу въ вичный часъ не подалы!»

(Д. о Хмельницкомъ и Барабашѣ)⁵⁾.

Съ безпощадною жестокостью относится самъ Хмельницкій къ врагамъ своей родины:

¹⁾ Записки о Южной Руси, Кулиша, I, 53, ibidem, 56—65; Сборникъ украинскихъ пѣсенъ Максимовича, 1849, 74.

²⁾ Записки о Южн. Руси, Кулиша, I, 54.

³⁾ Сборникъ украин. пѣсенъ, Максимовича, 1849 г. 75.

⁴⁾ Украин. народ. пѣсни, Максимовича, 1834 г., 40.

⁵⁾ Историч. пѣсни налорус. нар. Авт. и Драг. II, 15.

«Одъ сна уставайте», приказываетъ онъ козакамъ,
 «Русъкыи отченашъ читайте,
 Лихивъ, мостивыхъ панивъ, у пень рубайте,
 Кровъ ихъ лядську у поли зъ жовтымъ пискомъ мишайте».

(Д. о Хмельницкомъ и Барабашѣ)¹⁾.

Подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ торжества козацкаго оружія надъ польскимъ въ думахъ о Хмельницкомъ рѣзко пробивается сатирическій тонъ.

Пѣвецъ воспроизводить обыденныя сцены жизни, въ которыхъ ярко выступаютъ передъ нами типическія черты поляка и еврея. Тотъ и другой не скрываютъ своего презрѣнія къ козаку, и въ то же время чувствуютъ въ немъ присутствіе бунтующей силы, которая ежеминутно можетъ прорваться неудержимымъ потокомъ. Они подозрительно слѣдятъ за каждымъ его дѣйствіемъ, смутно понимая, что живутъ, такъ сказать, на вулканѣ и дышутъ сгущеннымъ, удушливымъ воздухомъ, который долженъ разразиться грозой... Но вотъ наступила гроза. Сцена быстро измѣняется. Суетливо метаются изъ одного мѣста въ другое евреи: и трусливый *Оврамъ*, у котораго

«Бувъ невелыкій крамъ—
 Тильки голы да шпыльки—
 Що ходывъ до за Дніпромъ да дурывъ козацьки жинки»²⁾.—
 И богомольный *Лейба*, который «близыть,
 Ажъ живить дрижыть,
 Якъ на школу погляне,
 Его сердце жыдовське зивъяне»³⁾.—

и *Сруль*, и *Гершко*, и *Цмуль*, и *Ицикъ*, который взялъ свой бычыкъ, что-бы „кони поганяты

Да одъ пана Хмельницкого утикаты»⁴⁾.

Проклинаютъ они рабина *Мошку* за то, что бралъ
 «На Вкраини одкуну не потрошбу»⁵⁾.

¹⁾ Народная южнорусская пѣсни, Метлинскаго, 938.

²⁾ Записки о Юж. Руси, Кулиша, I, 60.

³⁾ Ibidem., I, 228.

⁴⁾ Историч. пѣсни Антонов. и Драгоман., II, 27.

⁵⁾ Ibidem., II, 28.

Вмѣстѣ съ евреями бѣгутъ и поляки, и они
 «Догадлыви бувалы,
 Уси по лисахъ, по кущахъ повтикалы»¹⁾

Съ чувствомъ удовлетворенного мщенія посылаеть пѣвецъ въ догонку бѣгущимъ врагамъ язвительное слово упрека и злораднаго смѣха.

Но „не всуе поляки, по выраженню позднѣйшаго лѣтописца, жалѣючи утраты Украины, раемъ свѣта польского ее нарічаху и провозглашаху“²⁾. Много разъ потомъ они возвращались назадъ, и снова „счиналися велыки войны на Украинѣ“³⁾, какъ при жизни Хмельницкаго, такъ и по смерти его. Самъ Хмельницкій не рѣшилъ задачи своей во всю ширину требованій, поставленныхъ ему народомъ,— не всѣ добились воли, не всѣ сдѣлялись козаками. Изъ среды самаго козацкаго сословія начали выдѣляться *дукы-сриблиныки*, которые стремились къ порабощенію не только поспольства, но и рядового козачества. Продолжалась такимъ образомъ жизнь, *смутками* и *печальми* переполненная. Не было въ странѣ силы, которая могла бы разорвать этотъ заколдованный кругъ, гдѣ угнетаемые, часто превращались въ угнетателей. При этомъ и самый идеалъ народный не былъ поставленъ на почву правового порядка, обеспеченаго материальной силой, которой обыкновенно располагаетъ государство.

До 1775 года жила еще запорожская Сѣчь, которая была слабымъ подобиемъ этой материальной силы,—и вотъ народъ создаетъ на этой, можно сказать, мнимой величинѣ фантастическій образъ запорожскаго гетмана, защитника бѣдныхъ и угнетенныхъ. Въ жалкомъ видѣ *козака-нѣтія* слоняется онъ на путяхъ ордынскихъ, въ поляхъ київскихъ. Вотъ одинъ разъ приходитъ онъ въ городъ Черкасы, гдѣ была городовая знать, значныи козаки, *дукы-сриблиныки*. Входитъ онъ въ корчму, а вслѣдъ за нимъ являются и *дукы*. Стали они пить и гулять,

¹⁾ Ibidem, II, 112.

²⁾ Лѣтопись Величка, Предисловіе къ I-му т.

³⁾ Историч. пѣсни. Антоновича и Драг. II, 10.

насмѣхаясь надъ оборваннымъ козакомъ, а затѣмъ приказываютъ „Насти Горовий, шынкарци степовий“, что-бы она вытолкала *нетьягу* „у потылыцу зъ хаты“. Слѣдуетъ затѣмъ комическая сцена борьбы шинкарки съ козакомъ, который, повидимому, со-знаетъ, что не рыцарское дѣло воевать съ женщиной; поэтому онъ ограничивается только тѣмъ, что

«Козацькымъ пытамы у поригъ зачилае,
А козацькымъ рукамы за одвирокъ хватае,
Пидъ мысныкомъ голову козацьку-молодецьку ховае».

Потѣшаются *дукы-срибляныки*. Одинъ изъ нихъ—болѣе добродушный

«Изъ кармана людську денежку вѣймавъ,
Насти кабашний до рукъ оддававъ».

Онъ приказываетъ ей на эту денежку отпустить *козаку-нетьялю* хоть плохого пива. Посылается Насти свою *наймычку* за этимъ пивомъ. *Наймычка*, конечно, на сторонѣ *козака-нетьяли*. Принесла она изъ погреба доброго пива, но, желая скрыть это отъ хозяйки, она

«Въ свитлыцу вхожае,
Свий нисъ геть одъ кинвы одвертае,
Будто те пыво воняе».

Выпилъ козакъ пиво и сталъ бушевать:

«Эй вы, ляхове, вражи сынове», говоритъ онъ, «и къ порогу
посувайтесь,

Щобъ було мени, козаку нетязи, де на покути изъ лантики систы».

Вынимаетъ козакъ свой кожаный *чересъ* и высыпаетъ на столъ кучу червонцевъ. Сцена быстро измѣняется, *дукы-срибляныки* предлагаютъ ему угощеніе. Но козакъ, въ отвѣтъ на эту любезность, подходитъ къ окну, отворяетъ форточку и зоветъ своихъ джуръ. Прибѣгаютъ джуры и одѣваютъ козака въ богатое гетманское платье:

«Батьку козацький», говорятъ они,
«Доки тоби тутъ пустуваты?
Часъ—пора иты на Вкраини батькуваты!»

Тогда только догадались дуки-сшибляныкы, что это былъ никто иной, какъ самъ „Ганжа Андиберъ, гетманъ запорожскій“. Дѣлаются они еще любезнѣ:

«Прысунься ты до нась, кажуть, блыжче,
Поклоныся мы тоби выжче,
Будемъ радыться, чи гараздъ-добре на славний Українни
прожываты».

Козакъ не пьетъ, а проливаетъ напитки, предложенные ему дуками, *на свои дороги шаты*:

«Эй, шаты мои, шаты!» говорить онъ, пытите, гуляйте!
Не мене шанують, васъ поважаютъ».

Дума заканчивается тѣмъ, что онъ приказываетъ козакамъ своимъ высѣчь передъ окнами корчмы разжирѣвшихъ богачей, чтобы они его

«спомыналы
И до вику памъяталы».

Козаки исполняютъ приказанія гетмана, приговаривая:

«Эй, дуки вы, дуки!
За вами луги и луки,
Нигде, нашому брату, козаку—нетязи, статы коня попасаты¹⁾.

Рѣшеніе вопроса патріархальное и, во всякомъ случаѣ, неубѣдительное для одной стороны и бесполезное для другой. Представитель беженнаго рыцарства, Ганжа Андиберъ, безъ сомнѣнія, не могъ найти выхода изъ того положенія, въ которомъ находились семейные козаки въ самой Українѣ, гдѣ гораздо было труднѣе стоять на высотѣ козацкаго долга,—не могъ онъ, конечно, и *батькуваты на Українни*. Здѣсь козаки-нетязи были безсильны въ борьбѣ за свое существованіе. Рано или поздно они должны были раздѣлить участъ по-сполитаго люда, т. е. подчиниться домашнему закрѣпошенію.

¹⁾ Отрывки изъ думы мы привели по тексту, напечатанному въ Запискахъ о Южной Руси Кулиша т. I, стр. 200—209.

Многіе изъ этихъ *нетягъ* оставляли семью и убогое хозяйство свое и приставали къ войску, чтобы искать счастья, которого не находили дома. Въ думѣ „о козацкой жизни“ изображается это явленіе, получившее, какъ видно, свои типическія черты въ эпоху разложения козачества.

„Покидаю тебе“, говорить козакъ, обращаясь къ козачкѣ, и прошу тебя, что-бы ты берегла „худобу“. Въ чемъ-же эта „худоба?“

«У комыни клочча смуга,
А въ запичку кишка муруга»¹⁾.

Выѣхалъ козакъ, не обращая вниманія на отчаянную мольбу жены остаться дома. Не сбылись заслышать ея, чтобы „побыло его въ чистимъ поли три недоли“: и добрый конь его не присталъ, и козаковъ онъ догналъ, и козаки его полюбили, и въ курень его пустили, да еще мало того „отаманомъ постановылы“. Казалось-бы, онъ все нашелъ, чего искалъ. Но тянуть его къ домашнему очагу. Пріѣзжаетъ онъ домой. Оказывается, что козачка

«Чотыри недили хаты не топыла,
Вона зъ шынку не выходыла»,—
Что «коло его двора нема и кола»,—
Что' жена его «горшкомъ воду носыть,
Ополоныкомъ диты напувае»²⁾

Съ тайнымъ сознаніемъ своей вины выбѣгааетъ козачка на встрѣчу своему мужу, но козакъ

«Ии келепомъ по плечамъ прывитае,
Карбачемъ по сыни затынае»³⁾.

Этотъ суровый привѣтъ перенесла козачка безъ огорченія. Въ ожиданіи счастливыхъ дней она угощаетъ козака, а на вопросъ злоязычныхъ сосѣдокъ, что у нея за знаки подъ глазами, она отвѣчаетъ, что пошла она

¹⁾ „Кіевская Старина“, 1884 г., Декабрь, стр. 640.

²⁾ Ibidem, 641.

³⁾ Записки о Южной Руси, Кузиша, 1, 218.

«въ хливъ, по лучыну,
Та пидбыла соби очи на ключыну.
Оттакъ тая козачка добре дбала,
Свого козака покрываля»¹⁾

Что-же козакъ? Онъ сидить въ корчмѣ, да „медь-вино
вругляе,

«Корчму сохваляе:
«Гей корчмо наша, корчмо-кнагыне,
Чомъ въ тоби козацького добра багато гыне?
И сама еси неошатно ходышъ,
И нась, козакивъ-нетягъ, пидъ случай безъ свытокъ водышъ»²⁾.

Въ этихъ словахъ, исполненныхъ иронического самообличенія, мы узнаемъ того-же пѣвца, который воспѣвалъ нѣкогда славные дни козачества... Перестроилъ онъ теперь струны своей кобзы, чтобы извлечь изъ нея иные тоны, близкіе къ отчаянію...

Таково въ общихъ чертахъ поэтическое настроение въ народныхъ малорусскихъ думахъ со всѣми его видоизмѣненіями. Свидѣтельствуетъ оно о томъ, что пѣвецъ стоялъ на высотѣ народно-национального самосознанія, представителемъ котораго было въ свое время козачество,—на высотѣ идеаловъ козацкой жизни съ ея шумною славою, съ ея недолговѣчной волей и измѣнчивой долей. Самое слово *козацкій* для него равнозначительно было со словами: *родной*, *свой*, поэтому онъ употреблялъ это слово для того, что-бы отличить свое отъ чужаго: *козацкая земля*, *вира*, *душа*, *голова*, *козацкое тило*, *козацкіи церкви*, *шляхи*, *тории*, *рики*. Но, независимо отъ этого козацкаго міровоззрѣнія, онъ чувствуетъ въ себѣ способность отзываться на всѣ радости и печали козацкой жизни живымъ творческимъ словомъ, въ которомъ слышатся самыя разнообразныя и притомъ сложныя чувства: есть въ этомъ словѣ всѣ оттенки смѣха, какъ и всѣ оттенки горя, переплетающіеся между собою въ самыя разнообразныя сочетанія. Это слово могъ сказать только

¹⁾ Ibidem, 219.

²⁾ Записки о южной Руси, Кулиша, I, 220.

пѣвецъ, усвоившій опредѣленный методъ мысли и чувства, тотъ методъ, который вырабатывается подъ вліяніемъ культурной привычки къ самонаблюденію, къ анализу пережитаго и передуманнаго. Мы думаемъ, что въ распространеніи этой привычки не мало важную роль играла южно-русская школа. Внутренніе признаки школьныхъ вліяній въ языкѣ и поэтическомъ стилѣ малорусскихъ думъ мы видѣли выше,—теперь укажемъ внѣшнія черты, сближающія думы съ старинными произведеніями южно-русской литературы.

Нельзя не замѣтить въ языкѣ думъ книжныхъ, церковно-славянскихъ элементовъ рѣчи. Они встречаются въ значительномъ изобиліи не только въ поучительныхъ, но и въ историческихъ думахъ.

Во многихъ случаяхъ, напримѣръ, пѣвецъ отступаетъ отъ обычного русского полногласія, замѣня слова: *голосъ, голова, золото, города, словами*: *гласъ, глава, злато, грады*,—или же прямо употребляется церковно-славянскія слова вмѣсто народныхъ: *перстъ, прахъ, уста, смырение, собрание, возлюблены, вздыхатъ, окушатъ, аще, паче, наипаче* и проч. Даже формы церковно-славянскія нерѣдко онъ предпочитаетъ народнымъ: *одъ суставъ, пидъ нози, будеши, рече, и т. п.*

Желая сохранить церковно-славянскій колоритъ рѣчи, пѣвецъ передѣлываетъ иногда слова такимъ образомъ, что они получаютъ не то книжный, не то народный видъ, напримѣръ: *опрошение, оматы, у руцяхъ, олиц*. По поводу послѣдняго слова известный исполнитель думъ Вересай замѣтилъ: „усе одно *вовки*, тильки тутъ не можно такъ казать“¹⁾.

Другой кобзарь, Федоръ Кононенко, пѣлъ одинъ разъ:

«Шапку изъ головы знимае»,

а въ другой разъ:

«Шлыкъ изъ головы знимае»,

но предложилъ записать это послѣднее выраженіе, объясняя первое тѣмъ, что онъ „по простому спивавъ“²⁾.

¹⁾ Записки юго-зап. отдѣла геогр. общества 1873 г., Материалы, стр. 13.

²⁾ Записки о Южной Руси, Кулиша, I, 179.

Такимъ образомъ, въ сознаніи позднѣйшихъ кобзарей языкъ думъ не есть обыкновенный, простой языкъ. Безъ сомнѣнія, такъ же смотрѣли на него и древнѣйшіе кобзари въ эпоху созданія самихъ думъ. Можно полагать даже, что въ старину онъ менѣе отшлифованъ былъ въ народномъ духѣ, чѣмъ теперь,—по крайней мѣрѣ, не забыты были въ немъ ста-ринные слова, забытыя нѣкоторыми позднѣйшими кобзарями¹⁾. Изъ словъ этого разряда особенно любопытны тѣ, которыя въ самомъ построеніи своемъ представляютъ слѣды творческаго искусства въ сочетаніи церковно - славянскихъ особенностей рѣчи съ народными. Мы разумѣемъ такія сложныя слова, какъ *домодергавецъ*, *злосопротысна* (хвыля), *модославне* (Запорожье), *златоглави* и *златосыни* (киндяки) и т. п.

Очевидно, подобныя слова могли явиться въ думахъ не иначе, какъ подъ вліяніемъ особеннаго умственного настроения, которое искало для своего выраженія соотвѣтствующихъ красокъ не только въ народномъ, но и въ книжномъ словѣ. Во всякомъ случаѣ, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что творцы думъ были люди отчасти книжные, и что они способны были не только къ усвоенію книжныхъ вліяній, но и къ переработкѣ ихъ въ народномъ духѣ.

Къ тому же выводу приводить насъ и наблюденіе надъ построениемъ предложенія, какъ въ думахъ, такъ и въ ста-ринной малорусской прозѣ. Обычное явленіе въ ней—это постановка глагольныхъ сказуемыхъ въ концѣ предложения, отчего получается иногда своего рода стихъ, рифмованный такимъ же образомъ, какъ и стихъ думъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ:

„(Паны) не только на здоровье ихъ (подданныхъ своихъ) чигалы, але и вѣру ихъ зломыты умышилялы, и власне яко зъ

¹⁾ Поразительный примѣръ забвенія старыхъ словъ встрѣчаемъ мы въ думѣ обѣ Иваѣ Коновченко, записанной отъ бандуриста Василія Макуленко, жителя Седневскаго, черн. у. въ 1854 г.: „Изъ дан-годыны“ виѣсто: „изъ день-годыны“, „ковиль-горелка“, виѣсто „оковыта-горилка“, „герція“ виѣсто „герцъ“ и т. п. Замѣчательно при этомъ, что одно искаженіе влекло за собою другое: выраженіе „единораль пол-ковницкы“ вынудило исполнителя думы исказить прозвище полковника, который называется у него то *Корсунскимъ*, то *Корсикимъ* для рифмы. Искаженіе языка выразилось слабостью этого варианта думы въ художественномъ отношеніи.

неволныкамы поступающы, одно податками выдираючи, и работы на нихъ вымышляючи, за слово въ нѣвѣчъ оборочаючи и забываючи, и на Бога не памятуючи, и кровь невинную проливаючи“.

(Слово о бездождіи, памятникъ ковца XVII в.)¹⁾.

«То ще-то паны-Ляхы,
Мостили паны,
По козакахъ и по мужыкахъ стацио посталы,
Да великую стацию вымышлялы,
Одъ ихъ ключи поотбиралы».

(Дума о бѣлоцерковскомъ мирѣ и войнѣ съ поляками)²⁾.

Или: „на той часъ христіане жидовъ небожныхъ вынуждали, иныхъ мечемъ забіали, иныхъ въ рѣкахътопили и иныхъ иного смертю розмало губили“.

(Мессія праведный, І. Галитовскаго)³⁾.

«Тоди то козаки.... здобу хорошу соби коло жыдивъ-рандаривъ малы,
На славну Україну прыбувалы,
Очертомъ сидалы,
Сребро и злато на три части паёвали».
(Дума о жидовскихъ откупахъ)⁴⁾.

Еще примѣръ:

„Скоро жолнѣре Иродови увойшли у Виолеемскій повѣтъ, заразъ почали чинити по малыхъ дѣточкахъ невинныхъ отвѣтъ: отъ персей матернихъ отрывали да поубіяли, и розмайти имъ смерти завадавали.... А дѣточки, яко немовятка будучи, того не знаютъ, они доинъмаютъ, ижъ то зъ ними жарти маютъ, за мечъ ручками сягаютъ, подъ мечъ головки свои хилюютъ, а они, оказанные, головки имъ истиняютъ“.

(Казанъ на соборъ пресв. Богородицы по рукоп. 1751 г.)⁵⁾.

«То ще мы, брате, недобре вчинялы,
По улицахъ добрымы киньмы үулялы,

¹⁾ Южнорусск. лѣтописи, изд. Бѣлоцерковскимъ, 1856 г.

²⁾ Записки о Южн. Руси, Кулиша, I, 52.

³⁾ Изд. Кіево-печерской лавры, 1664 г.

⁴⁾ Записки о южной Руси, Кулиша, I, 63.

⁵⁾ Материалы до литер. апокриф. Калитовскаго, 1884 г., стр. 22.

Дитки маленькии кињмы розбываалы,
Кровъ христыянську безневынно промывалы.
(Дума о бурѣ на Черномъ морѣ)¹⁾.

Замѣчательно при этомъ, что глагольная рифма, книжная по своему происхожденію, прочно утвердившись въ народныхъ малорусскихъ думахъ, отсюда уже въ свою очередь оказывала иногда замѣтное вліяніе на языкъ нѣкоторыхъ прозаическихъ произведеній старинной малорусской литературы. Такъ, въ Казаны на соборъ Пресв. Богородицы эта рифма стоитъ въ непосредственной связи съ поэтическимъ настроениемъ автора, которому знакомы были не только стихотворные произведения старинной малорусской школы, но и народныя малорусскія думы. Совершенно справедливо замѣчаетъ г. Сумцовъ, что „нѣкоторые преступленія Ирода въ этомъ Казаны напоминаютъ преступленія Алексія Поповича въ думѣ про бурю на черномъ морѣ,— горе родителей обрисовано чертами, сходными съ тѣми, которыя находятся въ невольничьихъ думахъ“²⁾). Отсюда видно, что въ старинной Малороссіи было живое общеніе между школой и народомъ. Много перекрестныхъ путей шло отъ народа къ школѣ, и обратно,—много людей двигалось по этимъ путямъ, внося въ школу народное міровоззрѣніе и вынося изъ нея научные пріемы мысли и рѣчи.

Намъ нужно всмотрѣться въ типическія черты этихъ людей, чтобы выяснить для себя условія, среди которыхъ возможно было творчество народныхъ малорусскихъ думъ.

П. Житецкій.

¹⁾ Записки о Южной Руси, Кулиша, т. I, 30.

²⁾ Киев. Старина, 1887 г. Сентябрь, 20. Можно встрѣтить иногда отраженіе языка думъ даже въ дѣловыхъ бумагахъ. Такъ, въ духовномъ завѣщаніи Я. Лизогуба отъ 1698 г. говорится, чтобы сынъ его Евфимъ „матки своей ни въ чёмъ, ховай Боже, не раздражалъ и не касялъчи ловинность синовескую противъ неи оказовалъ, т. е ону ѿтие, шановавъ и поважавъ“. (Кiev. Стар. 1882 г., Янв. 106).

Раскопки на Княжей Горѣ въ 1891 г.¹⁾

По порученію В. В. Тарновскаго я производилъ раскопки на Княжей Горѣ въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ 1891 г. Раскопки съ внешней стороны были обставлены очень хорошо: на горѣ устроено помѣщеніе для рабочихъ, работы производились очень тщательно, опытными землекопами въ числѣ десяти человѣкъ, нарочно для этой цѣли выписанными. Для того, чтобы ничего не пропустить, рабочіе были расположены такимъ образомъ, что каждому рабочему съ лопатой соотвѣтствовалъ другой, перебирающій руками вынимаемую землю; благодаря такому способу, даже самая мельчайшія бусинки не ускользнули отъ нашего вниманія. Работамъ отчасти мѣшалъ почти постоянно дувшій на горѣ вѣтеръ, поднимавшій мелкую и ёдкую пыль. Во время моихъ отлучекъ надъ раскопками наблюдалъ А. И. Шелюжко, которому считаю долгомъ выразить мою искреннюю благодарность, такъ какъ, благодаря его вниманію, дневникъ раскопокъ велся безъ перерывовъ.

Относительно мѣстоположенія Княжей Гора къ даннымъ, сообщеннымъ раньше²⁾, прибавлю еще слѣдующее. Кряжъ горы, въ 220 метровъ длиной, тянется по направлению съверо-востока. Валь, отдѣляющій городище отъ поля, имѣетъ 16,5 мет. длины и 9,5 мет. ширины; высота его съ внутренней стороны 4 мет., съ наружной стороны рва—5,6 мет. Глубина рва—4

¹⁾ Статья эта читана въ извлечениіи въ засѣданіи Историч. Общ. Нестора Лѣтописца 8 декабря 1891 г.

²⁾ См. „Княжа Гора“—„Кievsk. Star.“ 1890, декабрь.

метра. Въ поперечномъ разрѣзѣ поверхность горы представляеть очень небольшую ровную поверхность, отъ которой въ обѣ стороны идутъ отлогія покатости, каждая приблизительно въ 5 мет. ширины, переходящія затѣмъ въ довольно крутой обрывъ. Въ профиль Княжа Гора также не представляеть ровной линіи: она понижается, начиная отъ вала въ серединѣ, и потомъ къ концу, выходящему на Днѣпръ, поднимается. Съ юго-восточной стороны горы ясно замѣтны слѣды дороги; сохранились они ближе къ валу; остальная же часть, направлявшаяся къ выходу оврага на Днѣпръ, разрушилась и сползла внизъ. Вообще овраги по бокамъ горы были въ древности не такъ глубоки и круты, особенно въ нижнихъ своихъ частяхъ, какъ теперь. Дорога, начинаясь на берегу Днѣпра, шла по боку горы и, постепенно поднимаясь, входила въ ровъ, отдѣляющій городище отъ поля. Вѣроятно въ валу былъ сдѣланъ вѣзъ, такъ какъ и теперь въ средней части вала замѣтно углубленіе. Что касается устья р. Роси, то, по собраннымъ свѣдѣніямъ отъ старожиловъ съ Пекарей, оказалось, что не очень еще давно р. Рось впадала въ Днѣпръ гораздо ближе къ Княжей Горѣ, почти у самой ея подошвы.

По указанію проф. В. Б. Антоновича раскопки предполагалось начать у самого обрыва къ Днѣпру и землю изъ первой выемки спустить внизъ, но, приступая къ раскопкамъ 17 мая, вслѣдствіе нѣкоторыхъ затрудненій пришлось немного отступить отъ края. Раскопки велись поперечными дугообразными разрѣзами въ среднемъ въ 25 метровъ длиной; постепенно такими разрѣзами, одинъ за другимъ, была пройдена вся поверхность горы и часть вала. Разрѣзы охватывали ровную верхнюю площадку, два отлогія ската по бокамъ и части боковыхъ обрывовъ. Остальные части боковъ будутъ изслѣдованы въ слѣдующее лѣто. Культурный слой, перевернутый почти вездѣ предшествующими раскопками крестьянъ, залегалъ слоями различной толщины: по срединѣ иногда его совсѣмъ не было, главнымъ образомъ въ началѣ горы отъ Днѣпра; на боковыхъ отлогихъ скатахъ онъ не превышалъ 0,7 метр., въ нижнихъ же частяхъ разрѣза былъ гораздо толще—въ среднемъ 1 метръ,

что объясняется сползанием земли. Подпочву составляла желтая глина съ гнѣздами рыхлого камня; особенно много его было въ средней части. Во время раскопокъ въ разныхъ мѣстахъ попадались большие полусгнившіе корни дубовъ отъ лѣса, росшаго на горѣ сравнительно въ недавнее время.

По снятіи культурного слоя обнаружилась поверхность горы въ своемъ первоначальномъ видѣ; имѣла она слѣдующій видѣ: вдоль всей горы по срединѣ тянется бугоръ, состоящій изъ разной величины кусковъ рыхлого камня съ прослойками желтой глины; на первый взглядъ этотъ бугоръ похожъ на стѣну бутовой кладки; высота его въ среднемъ равняется 1 метру, ширина основанія отъ 2 до 3 метровъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бугоръ имѣетъ расплывшуюся форму; тогда основаніе его гораздо шире и сливается съ остальной поверхностью горы. По обѣимъ сторонамъ бугра идутъ двѣ неширокія террасы, принимающія иногда видъ ровныхъ площадокъ метровъ въ 5 шириной. Площадки эти искусственного происхожденія; въ одномъ мѣстѣ можно было наблюдать, какъ покатый бокъ былъ снятъ, и получилась небольшая площадка, одной стороной прилегающая къ раздѣльному бугру, часть же несрѣзанного откоса въ полъ-метра толщиной составляла другую ея сторону и ясно указывала, какимъ образомъ была сдѣлана площадка. На всѣхъ такихъ площадкахъ обнаружены остатки печей. Печи простыя глинобитныя, всѣ почти плохо сохранившися; съ упѣльшимъ сводомъ найдена только одна. Устраивались онѣ такъ: по срединѣ площадки прямо на землю дѣлали изъ глины точекъ толщиной въ 0,15—0,2 снт.; точекъ этотъ располагался параллельно бугру и имѣлъ въ длину приблизительно 1', метра, въ ширину—1 метръ или метръ съ небольшимъ. Одна изъ узкихъ сторонъ точка со стороны поля заканчивалась полу-кругомъ. Съ краевъ такого точка поднимался глиняный сводъ въ 0,1 метра толщиной. Такимъ образомъ получалась печь, выходившая отверстиемъ на сѣверо-востокъ. Низъ такой печи обыкновенно имѣетъ видъ гладкой потрескавшейся поверхности. Въ одномъ случаѣ на такомъ выжженномъ точкѣ найдены угли и куски пережженныхъ костей. Всѣхъ остатковъ печей, въ бо-

лье или менѣе разрушенномъ видѣ, обнаружено 22. Изъ нихъ, 9 находились на сѣверо-западной сторонѣ бугра, остальная же 13—на юго-восточной. Расположены печи иногда очень близко одна отъ другой, напр.—на разстояніи всего лишь одного метра. Что касается числа найденныхъ печей, то, по всей вѣроятности, первоначально ихъ было гораздо больше; ихъ уничтожали крестьяне во время своихъ раскопокъ, чѣмъ можно объяснить и то обстоятельство, что въ одномъ мѣстѣ печи попадаются часто, а затѣмъ, на довольно большомъ протяженіи, ихъ вовсе не встрѣчается. Вообще, судя по расположению печей въ мѣстахъ болѣе сохранившихся, первоначальное число ихъ должно было быть по крайней мѣрѣ въ два раза большее. Остатки печей обнаруживались родъ культурнымъ слоемъ на глубинѣ 0,6—1,5 метр. Начавши снимать часть вала, на довольно большой глубинѣ (2,15—2,8 метр.) нашли также 4 печи. Такимъ образомъ оказывается, что валъ былъ насыпанъ надъ остатками болѣе древняго поселка. Поселокъ этотъ состоялъ изъ небольшихъ хижинъ, иногда построенныхъ очень близко одна отъ другой. Изъ чего были сдѣланы хижины—теперь трудно сказать; остатковъ дерева, сгнившаго или обугленного, за небольшими исключеніями, совсѣмъ не найдено; нѣкоторое указаніе могутъ дать найденные, сравнительно въ небольшомъ числѣ, куски обожженной глины, на которыхъ съ одной стороны находятся отпечатки плетеныхъ вѣтвей—это остатки обмазки; слѣдовательно, на Княжей Горѣ были постройки плетеные, обмазанные глиной; но что были также и деревянныя, на это намекаютъ различнаго рода пробой, костили и гвозди, найденные въ большомъ количествѣ; гвозди попадаются иногда очень большихъ размѣровъ—до 0,2 метр. На самой горѣ, какъ я уже сказалъ, обугленного дерева найдено очень мало—всего нѣсколько незначительныхъ кусковъ брусьевъ, но за то внизу оврага съ юго-восточной стороны, ближе къ выходу на Днѣпръ, въ крутомъ нижнемъ обрывѣ обнаруженъ на глубинѣ приблизительно въ полъ-метра сплошной слой мелкаго угля въ среднемъ въ 0,2 метр. толщины. Слой этотъ залегалъ на довольно большомъ протяженіи; попадъ онъ на

дно оврага вслѣдствіе сползанія горы и вѣроятно составляетъ остатки если не построекъ, то сожженного частокола, которымъ было обнесено городище на Княжей Горѣ. Каменныхъ построекъ на горѣ по всей вѣроятности не было; тамъ найденъ всего лишь одинъ незначительный обломокъ кирпича въ 5 сант. толщиной, на одной сторонѣ кирпича, вдоль его, параллельно расположены полукруглые рельефныя полоски. Къ строительнымъ материаламъ можно было бы отнести круги довольно большихъ размѣровъ съ дырой въ центрѣ, приготовленные изъ замѣчательно твердой кирпичной массы; такого рода круги дѣйствительно употреблялись въ велико-княжескую эпоху для постройки колоннъ, но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло, какъ кажется, съ особаго рода жерновами; я вернусь къ нимъ еще разъ впослѣдствіи.

Всѣхъ вообще предметовъ при раскопкахъ этого года добыто тысячи полторы. Они относятся къ двумъ эпохамъ: къ каменному вѣку—предметовъ сравнительно немногого, и къ великокняжеской эпохѣ—такихъ большинство. Типичныхъ вещей бронзоваго вѣка при раскопкахъ не найдено, хотя можно было ожидать, такъ какъ между предметами съ Княжей Горы, раньше приобрѣтенными у крестьянъ, было нѣсколько бронзовыхъ архаического стиля, именно: небольшой браслетъ изъ пластинки въ 1 сант. шириной, украшенный двумя рядами выпуклыхъ точекъ и, совершенно такого же характера, кольцо, безъ спайки, съ однимъ концомъ, завернутымъ спиралью.

Предметы каменного вѣка состоять изъ кремневыхъ, каменныхъ, костяныхъ и керамическихъ. Я раньше думалъ, что систематическими раскопками можно будетъ выяснить порядокъ залеганія предметовъ каменного вѣка по отношенію къ таковымъ великокняжеской эпохи, но при раскопкахъ оказалось, что культурный слой почти вездѣ перерытъ крестьянами, и никакой послѣдовательности въ нахожденіи предметовъ не замѣчалось. Каменные орудія встрѣчались главнымъ образомъ ближе къ обрыву, что спускается къ Днѣпру; находили ихъ иногда почти что на поверхности. Керамическая издѣлія, особенно черепки, были разбросаны по всей горѣ на разной глубинѣ.

бинъ, хотя большинство найдено все таки ближе къ обрыву; много ихъ также попадалось прямо на поверхности, въ размытыхъ бокахъ горы. Болѣе опредѣленно положеніе костяныхъ орудій—они встрѣчались почти всегда въ самомъ низу культурного слоя, начиная съ середины горы вплоть до вала. Нѣсколько разъ костяные острія находились среди рыбьей шелухи и костей почти что на поверхности желтой подпочвы и по нѣсколько штукъ вмѣстѣ.

Кремневыя орудія. Что кремневыя орудія приготавлялись на горѣ, на это указываютъ два ядрища со слѣдами отбитыхъ ножиковъ. Одно—темнаго кремня въ 6 снт. длиной, отъ него были отбиты три небольшіе ножика. Другое—изъ кремня пепельнаго цвѣта, со слѣдами многочисленныхъ неудачныхъ ударовъ, въ послѣдній разъ отъ него былъ отбитъ ножичекъ 4 снт. длины и $1\frac{1}{2}$ снт. ширины. Здѣсь же, уже за одно, скажемъ и объ инструментахъ, служившихъ для отбивки. Инструменты эти очень просты—это, во первыхъ, кусокъ порфира неправильной овальной формы 9-ти снт. въ поперечникеъ, къ срединѣ онъ толще, болѣе же тонкіе края представляютъ шероховатую поверхность, получившуюся отъ частыхъ ударовъ о другой камень. Другой экземпляръ можетъ быть названъ отбойникомъ только предположительно; онъ изъ кварцевиднаго песчаника, неправильной круглой формы, 12 снт. въ поперечникеъ, со слѣдами отбоинъ, но не частыми. Кремень, изъ которого приготавлялись орудія, находится въ видѣ валуновъ тутъ же въ оврагахъ. Шлифованныхъ кремневыхъ орудій не встрѣтилось—все отбивныя. Это, во первыхъ, ножъ изъ сѣраго кремня, повидимому не цѣлый, 6 снт. длины и 2 ширины; сохранилась нижняя часть съ луковицей, получившейся при отбивкѣ; обѣ стороны мелко подправлены какъ съ верхней, такъ и съ нижней стороны. Затѣмъ слѣдуетъ очень интересный и рѣдкій экземпляръ пилочки (таб. I, № 1); материаломъ послужилъ тонкій кремневый голышъ, совсѣмъ какъ есть, въ корѣ; нѣсколькими ловкими ударами отбойника на одной изъ сторонъ сделано пять зубьевъ; длина этой миниатюрной пилочки 4 съ небольшимъ сант., ширина въ самой широкой части—2 сант.;

она вѣроятно вставлялась стороной противоположной зубьямъ въ роговую или деревянную ручку и, въ такомъ видѣ, могла служить для пиленія кости; а что пилочка была въ работѣ, обѣ этомъ свидѣтельствуетъ полировка зубьевъ. Слѣдующій разрядъ кремневыхъ орудій составляютъ тѣ, которыхъ принято называть скребками, название собственно довольно неопределеннное; изъ такихъ орудій найдено два тонкихъ изъ темнаго кремня—одинъ овальный въ 5 и $2\frac{1}{2}$ сант. въ по-перечникахъ съ кругомъ подправленными краями, другой въ видѣ правильной трапециі съ нижнимъ основаніемъ въ 5 сант. длины и вершиной—въ $2\frac{1}{2}$ сант., обѣ параллельныя стороны подправлены; и затѣмъ, пять болѣе грубыхъ, изъ которыхъ четыре небольшіе, пятый побольше. Скребкамъ обыкновенно приписывается назначеніе служить при выдѣлкѣ кожъ для соскабливанія мяса и жира, откуда и происходитъ ихъ название; но между ними, особенно на береговыхъ стоянкахъ, попадается очень много такихъ крошечныхъ экземпляровъ, что они ни въ какомъ случаѣ не могли быть пригодными для вышеназванной цѣли, а имѣли вѣроятно какое ниб. другое назначеніе, которое пока трудно объяснить. Кромѣ перечисленныхъ, на Княжей Горѣ найдено еще пять небольшихъ кремней неправильной формы со слѣдами отбивки. Въ общемъ, издѣлій изъ кремня найдено очень немного.

Каменные шлифованыя орудія встрѣтились въ большемъ количествѣ; приготавлялись они изъ мѣстныхъ кристаллическихъ породъ и изъ валуновъ, главнымъ образомъ изъ песчаника, діорита и гранита. За однимъ только исключеніемъ всѣ орудія найдены разбитыми, въ обломкахъ. Мы прежде всего остановимся на нѣкоторыхъ экземплярахъ, указывающихъ на фабрикацію орудій на Княжей Горѣ. Первое мѣсто занимаетъ часть молотка съ сохранившейся только задней частью; ширина его около 6 сант., толщина $3\frac{1}{2}$ сант.—молотокъ въ цѣломъ видѣ былъ небольшой; изломъ приходится какъ разъ на дырѣ, и тутъ можно прослѣдить за всѣмъ процессомъ сверленія: вполнѣ готовый молотокъ, кругомъ отшлифованный, начали сверлить; сверление производили круглой костью въ $2\frac{1}{2}$ сант. въ діаметрѣ,

полой внутри; для того чтобы ускорить сверление, въ нижней плоскости посрединѣ сдѣлано небольшое углубленіе; сверление шло успѣшно и уже была сдѣлана правильная дыра въ $2\frac{1}{2}$ сант. длины, до конца остался всего лишь 1 сантм.; но въ дырѣ оставался стержень, входившій въ полость кости, онъ вѣроятно мѣшалъ работѣ и его хотѣли удалить, и дѣйствительно, стержень былъ выбитъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ раскололся и самъ молотокъ,—нужно себѣ представить отчаяніе владѣльца молотка, погубившаго однимъ неудачнымъ ударомъ столько затраченныхъ усилий. Три каменные стержни, въ видѣ усѣченныхъ конусовъ, найденные въ разныхъ мѣстахъ на горѣ, также указываютъ на мѣстное производство орудій. Они получались при сверлении полой костью; верхняя плоскость ихъ гладкая—это часть шлифованной поверхности орудія, нижняя, обыкновенно болѣе широкая, неровная и шероховатая, получилась послѣ того какъ стержень былъ выбитъ изъ дыры; первый изъ нихъ 2 сант. длины, верхняя плоскость его 1 сант. въ діаметрѣ, нижняя— $2\frac{1}{2}$ сант. въ діам.; второй—2 сант. длины, верхняя плоскость $1\frac{1}{2}$ сант. діам., нижняя $2\frac{1}{4}$ сант.; третій— $1\frac{1}{2}$ сант. длины, верхняя плоскость $1\frac{3}{4}$ сант. діам., нижняя—немного больше. Единственный цѣлый каменный предметъ—это булава, въ видѣ шара, къ низу немного съуживающагося и сверху приплюснутаго; въ діаметрѣ въ среднемъ $5\frac{1}{2}$ сант.; очень хорошо сдѣланная дыра для ручки имѣеть 5 сант. длины и 2 въ діаметрѣ. Затѣмъ идутъ разбитыя орудія и куски ихъ. Передняя часть топора изъ глинистаго песчаника; топоръ сломанъ какъ разъ на дырѣ, но затѣмъ изломъ зашлифованъ, такъ что остались только самые незначительные слѣды дыры; такъ какъ эта часть топора еще довольно велика, то въ ней вѣроятно предполагалось просверлить новую дыру ипустить топоръ опять въ дѣло, съ этой цѣлью и была отшлифована задняя сторона; въ теперешнемъ видѣ топоръ имѣеть видъ треугольника въ 9 сант. длиной и $4\frac{1}{2}$ сант. въ поперечникѣ при изломѣ, толщина 3 сант.; между лезвиемъ и дырой внизу находится выемка; заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что топоръ орнаментированъ: на верхней плоскости идутъ три обронные полоски—одна посрединѣ, двѣ по краямъ; найденъ

близко къ обрыву на самомъ раздѣльномъ бугрѣ, на незначительной глубинѣ. Передняя часть большого топора; острѣе полукруглое; ширина $6\frac{1}{2}$ снт., толщина тоже $6\frac{1}{2}$ снт., длина дыры $5\frac{1}{2}$ снт.; въ нижней поверхности сдѣлана выемка для ускоренія сверленія; діам. дыры $2\frac{3}{4}$ снт. Самая передняя часть острѣя топора полукруглая; топоръ, вѣроятно, былъ довольно большихъ размѣровъ. Задняя часть молотка, ширина 6 снт., діаметръ дыры $2\frac{1}{2}$ снт. Часть топора-молотка съ дырой въ $4\frac{1}{4}$ снт. длины и 3 снт. ширины, изломъ на дырѣ. Боковой обломокъ молотка, длина дыры $5\frac{1}{2}$ сантм. Такой же обломокъ орудія изъ песчаника, длина дыры 6 снт., діаметръ— $2\frac{1}{2}$ сантм. Обломокъ молотка въ $5\frac{1}{2}$ снт. толщины. Цѣлую группу, довольно многочисленную, составляютъ орудія, которыя можно назвать пестами. Орудія эти попадаются въ Россіи и Западной Европѣ сравнительно рѣдко, гораздо чаще—въ Сибири и Сѣверной Америкѣ¹⁾). Пести употреблялись для растиранія зеренъ и краски; для послѣдней цѣли они служили еще въ ранній періодъ каменного вѣка²⁾). Пести съ Княжей Горы трехъ видовъ. Первый—грушевидный, наиболѣе подходитъ по своей формѣ къ пестамъ; цѣлый найденъ одинъ—изъ песчаника, высота $9\frac{1}{2}$ снт., основаніе съ закругленными краями имѣеть въ длину 7 снт., въ ширину 6; кверху пестъ съуживается и представляетъ отшлифованную кругомъ поверхность, принаровленную такъ, чтобы удобно было держать руками; затѣмъ есть еще половина такого же песта изъ песчаника и часть гранитнаго. Слѣдующій разрядъ составляютъ пести въ видѣ небольшихъ тумбочекъ, неправильной четыреугольной формы; они всѣ изъ песчаника; для растиранія употреблялась не только нижняя поверхность, но и верхняя, которая поэтому также имѣеть закругленную форму; цѣлыхъ найдено три—въ 8, $6\frac{1}{2}$ и $5\frac{1}{2}$ снт. высоты и 4—5 снт. въ поперечникѣ; кромѣ того, есть еще одна половинка. Третій видъ, который можно отнести къ пестамъ подъ нѣкоторымъ сомнѣніемъ,—это кубики

¹⁾ Апучинъ, „О вѣкѣ которыхъ своеобразныхъ древнихъ каменныхъ издѣліяхъ изъ Сибири“, въ Трудахъ VI Сѣвѣда, т. I, стр. 41 и слѣд.

²⁾ Оссовецкій, „Опытъ хронологической классификаціи находокъ каменного вѣка въ Россіи“, Тручи VI Сѣвѣда, т. I, стр. 54.

изъ песчаника со всѣми гранями обточенными и закругленными, такъ что кубики близко подходитъ къ формѣ шара; всѣхъ найдено 5—три въ 5 снт. въ поперечниѣ и затѣмъ въ $4\frac{1}{2}$ и 4 снтм. Сюда же относится очень интересный экземпляръ въ видѣ шара съ отбитой частью; на одной закругленной сторонѣ—гладкій желобокъ—это остатки дыры; шаръ сдѣланъ изъ разбитаго каменнаго орудія. Что орудія этого рода служили для расширенія, а не для шлифовки, на это указываютъ закругленія по краямъ тѣхъ поверхностей, которыми работали; эти закругленія никоимъ образомъ не могли произойти отъ шлифованія. Для послѣдней цѣли могъ служить тоже пестикъ, въ $6\frac{1}{2}$ снт. вышины, изъ твердой породы камня; низъ его представляетъ плоскую гладкую поверхность. Къ шлифованымъ камнямъ, имѣющимъ плоскія, а не закругленныя поверхности, можетъ быть отнесенъ небольшой валунъ песчаника съ отшлифованной одной стороной, и кусокъ песчаника въ 13 снт. длины съ нижней гладкой поверхностью и верхней полукруглой. Кроме того, на Княжей Горѣ найдено еще около 10 кусковъ разныхъ камней въ видѣ обломковъ отъ орудій, съ одной или несколькими шлифованными поверхностями.

Костяные изделия, встрѣчающіяся въ здѣшнемъ краѣ сравнительно рѣдко, имѣютъ съ Княжей Горы довольно многочисленныхъ представителей. Начнемъ съ самого простѣйшаго вида ихъ. Это острія или, какъ ихъ иногда называютъ, шила, приготовленныя изъ расколотыхъ костей (табл. I, №№ 3 и 10). Дѣлали ихъ слѣдующимъ образомъ: брали довольно тонкую круглую кость, полую внутри, раскалывали ее, и полученные куски кости съ одной стороны оттачивали на камнѣ, оттачивали при этомъ только самый конецъ, остальную же часть кости оставляли въ необдѣланномъ видѣ. Нѣсколько экземпляровъ сдѣлано изъ плоской кости (таб. I, № 5). Всѣхъ орудій такого рода найдено болѣе тридцати. Встрѣчались онѣ, какъ я уже говорилъ, большей частью въ самомъ нижнемъ пластѣ культурнаго слоя. Величина ихъ различна: начиная отъ 3-хъ снт. постепенно доходить до 17 снт. На одномъ экземпляре, въ $4\frac{1}{2}$ снт. длины, въ широкомъ нижнемъ концѣ продѣлана дырочка (табл. I, № 10). Инструменты этого рода

могли служить шилами, но вѣроятно употреблялись и для другихъ надобностей, напр. при орнаментировкѣ гончарныхъ издѣлій. Интересно одно острѣе въ 10 снт. длины (таб. I, № 6); оно сдѣлано не изъ расколотой кости, а изъ цѣлой, полой внутри; болѣе тонкій конецъ отточенъ, а въ нижнее широкое отверстіе могла вставляться палка и все орудіе тогда имѣло видъ копья. Было также одно острѣе или пило, приготовленное изъ кости большой рыбы. Слѣдующій затѣмъ разрядъ составляютъ четыре орудія, изъ которыхъ три имѣютъ видъ лопатокъ съ отточеннымъ концомъ, онѣ сдѣланы изъ большихъ колотыхъ костей и имѣютъ въ длину $4\frac{1}{2}$, $7\frac{1}{2}$ и 11 сантим. (таб. I, № 4); четвертое (таб. I, № 2)—изъ сплошной круглой кости, какъ кажется ископаемой, въ 12 сант. длины, съ одного конца слажено съ двухъ сторонъ на подобіе долота, такъ что получилось лезвіе въ 3 сант. ширины, къ противоположному концу оно тоньше; вѣроятно вставлялось въ ручку и исполняло роль топора. Быть можетъ, такого сорта орудія служили для обработки дерева. Къ орудіямъ съ опредѣленнымъ назначеніемъ относится нѣсколько штука рыболовныхъ крючковъ. Первый (табл. I, № 7), на которомъ я остановлюсь подольше, сдѣланъ изъ довольно тонкой костяной пластинки, сохранился не вполнѣ, и въ настоящемъ видѣ имѣеть $4\frac{1}{2}$ сант. длины); довольно далеко отъ нижняго конца находится зазубрина, противоположная же ей сторона представляетъ ровную плоскость; въ нижнемъ концѣ проверчена дырочка; этой крючекъ представляеть большую аналогію съ крючками, употребляемыми и теперь алеутами; но вышеописанный экземпляръ составляеть только часть крючка; въ цѣломъ видѣ, какъ это можно видѣть на алеутскихъ крючкахъ, эта часть приставлялась стороной противоположной зарубкѣ къ узкой костяной или перламутровой пластинкѣ, къ которой и привязывалась—внизу шнуромъ, продѣтымъ въ дыру, вверху же—поверхъ стержня (на нашемъ экземпляре отломанного); перламутровая блестящая пластинка играетъ въ этомъ случаѣ роль блесны. Другой крючекъ сохранился почти совсѣмъ (таб. I, № 15)—онъ изъ круглой кости въ 10 сант. длины; на разстояніи $4\frac{1}{2}$ сант. отъ нижняго конца (немного отломанного) сдѣлана

довольно большая зарубка, верхний конецъ, гдѣ прикреплялась леса, задѣланъ въ видѣ головки. Отъ третьего экземпляра (таб. I, № 8), повидимому ближе всего подходящаго къ типу теперешняго крючка, сохранился только стержень, въ верхней части которого сдѣлано кругомъ три насечки—для того чтобы не сползала привязанная леса. Послѣднее простѣйшее и древнѣйшее орудіе для рыбной ловли представляетъ жерлица (таб. I, № 14), въ видѣ небольшого кусочка кости, въ 6 сант. длины, кругомъ обточенного и къ обѣмъ концамъ заостренного; леса привязывалась посерединѣ. Трудно объяснить назначеніе костяныхъ небольшихъ конусовъ, иногда сдѣланныхъ изъ сплошной кости, иногда же (и чаще), съ отверстиемъ съ широкаго конца (таб. I, №№ 12 и 16); ихъ всѣхъ найдено 8; длина отъ 4 до $8\frac{1}{2}$ сант.; у одного изъ нихъ, самого меньшаго (таб. I, № 12), верхній острый конецъ сточенъ въ три грани,—быть можетъ, онъ служилъ для сверленія. Изъ привѣсокъ найдена только небольшая овальная костяная пластинка 3-хъ сант. длины съ дырой у края (таб. I, № 9). Обыкновенно между перечисленными костяными предметами каменнаго вѣка встрѣчаются зубы дикихъ животныхъ съ отверстіями для привѣшиванія,—на Княжей Горѣ найдено много зубовъ, но слѣдовъ дырокъ ни въ одномъ экземпляре не замѣчено. Кроме вышеперечисленныхъ болѣе или менѣе цѣлыхъ костяныхъ издѣлій, найдено много обломковъ, о которыхъ трудно сказать что-ниб. опредѣленное.

Керамическая издѣлія. Производство ихъ сосредоточивалось также на самой горѣ; такъ, тамъ найденъ довольно большой кусокъ глины, приготовленной или оставшейся отъ выдѣлки издѣлій. Издѣлія эти состоять изъ посуды и такъ наз. грузиль. Работа производилась прямо руками безъ помощи гончарнаго круга; глина сравнительно хорошаго приготовленія,—примѣсь кварца замѣчена только въ одномъ случаѣ; обжигъ также довольно хороши, хотя все еще остается неровнымъ. Къ сожалѣнію не найдено ни одного сосуда, относящагося къ этому періоду, цѣлымъ,—все куски, и куски при томъ недостаточные, чтобы по нимъ можно было восстановить форму этихъ первобытныхъ сосудовъ; можно лишь сказать, что въ большинствѣ

случаевъ они были большихъ размѣровъ, хотя найдена, напр., и одна очень маленькая чашечка съ густой примѣсью крупнаго кварца, относящаяся вѣроятно къ болѣе раннему періоду этой эпохи. Днища сосудовъ были двухъ родовъ: конусообразныя и плоскія, слѣдовъ клеймъ на нихъ не замѣчено. Толщина стѣнокъ въ среднемъ равняется 1 сантиметру. Наружная сторона сосудовъ или оставалась гладкой, лишь съ бороздками отъ лопатки, которой выглаживался сосудъ, или покрывалась орнаментомъ. Украшались орнаментомъ какъ верхнія части сосудовъ вмѣстѣ съ ободкомъ, такъ и весь сосудъ сплошь, даже и дно. Орнаменты весьма разнообразны; самый простой видъ ихъ—углубленія, сдѣланныя пальцемъ; вѣроятно, съ самаго начала такія углубленія произошли не намѣренно, вслѣдствіе поддерживанія сосуда рукою въ время лѣпки, затѣмъ уже ихъ помѣщали рядами, именно съ цѣлью украшенія; послѣ, палецъ замѣняетъ круглая палочка или кость, и углубленія съ соотвѣтствующими возвышеніями на другой сторонѣ, получаютъ правильную круглую форму; черепковъ съ орнаментомъ послѣдняго рода встрѣтилось на Княжей Горѣ очень немного; гораздо больше орнаментовъ изъ разнаго рода насѣчекъ, нарѣзовъ въ видѣ сосонокъ, треугольниковъ и т. п.; затѣмъ идутъ отпечатки веревочки, отпечатки-бороздки съ перегородками разной величины и формы; кроме орнаментовъ, сдѣланныхъ вглубь, очень много налѣпныхъ въ видѣ полосокъ и шишекъ. Эти простѣйшия виды въ разнообразныхъ сочетаніяхъ даютъ громадное число орнаментовъ, такъ что положительно, что ни черепокъ, то и новый орнаментъ. На сравнительно немногихъ черепкахъ отъ верхніхъ частей сосудовъ продѣланы дыры, служившія для подвѣшиванія,—дыры воронкообразныя, что указываетъ на то, что онѣ продѣланы уже въ обожженномъ сосудѣ, тогда какъ всѣ орнаменты сдѣланы по сырой глине. Грузила встрѣчаются разной формы и величины—шарообразные, въ видѣ усѣченного конуса, приплюснутаго шара, цилиндра съ перехватомъ посерединѣ, въ видѣ двухъ конусовъ, сложенныхыхъ вмѣстѣ основаніями и т. п. Онѣ всѣ ручной лѣпки и очень часто покрыты орнаментомъ такимъ же разнообразнымъ и такихъ же рисунковъ, какъ и черепки. Всѣхъ такого рода

грузиль, какъ цѣлыхъ, такъ и сломанныхъ, найдено около сорока штукъ, хотя большихъ между ними есть всего штукъ пять, всѣ же остальные средней величины и попадаются даже совсѣмъ небольшіе, которыхъ, можетъ быть, служили украшеніями. Приготавлялись также грузила изъ старыхъ черепковъ, которые обтачивали въ кружки и продѣлывали въ срединѣ дыры; найдено семь кружковъ только лишь обточенныхъ, но безъ дыръ, грузиль же готовыхъ, сдѣланныхъ изъ черепковъ, найдено 17. Отмѣтимъ то обстоятельство, что черепки, изъ которыхъ сдѣланы грузила, двухъ родовъ,—одни болѣе грубые ручной лѣпки, другіе—изъ глины хорошо приготовленной и обожженной и со слѣдами гончарного круга; эти послѣднія рода грузила нужно отнести къ болѣе позднему времени. Скажемъ здѣсь за одно и о крупныхъ грузилахъ, сдѣланныхъ изъ камня; ихъ немногого: овальной формы въ 11 снт. длины изъ мергеля, у края продѣлана дыра; четыреугольная плитка песчаника $11\frac{1}{2}$ снт. длины и 7 ширины, у верхняго, болѣе тонкаго края, дыра; неправильной формы плитка шифера также съ дырой у края; шиферная же плитка овальной формы съ косой дырой; тонкая плитка сидерита, съ отколотымъ пластомъ, въ видѣ треугольника съ полу-круглымъ основаніемъ; дыра, продѣланная въ вершинѣ, состоитъ изъ двухъ сходящихся воронокъ; небольшой четыреугольный кусокъ сидерита разломанъ какъ разъ на дырѣ, которая имѣеть такой же видъ, какъ у предыдущаго грузила. Есть еще одно грузило, тоже довольно крупное, сдѣланное изъ кирпичной массы, или даже прямо изъ куска тонкаго кирпича, оно неправильной четыреугольной формы, съ большой дырой у края, дыра носитъ ясные слѣды тренія веревкой, быть можетъ оно болѣе поздняго проиходженія. Закончимъ отдѣль керамики указаніемъ на небольшой желобъ неизвѣстнаго назначенія, сдѣланный изъ очень плотной глины; онъ имѣеть видъ корыта въ 12 снт. длины, 5 ширины и 1 глубины, одна изъ узкихъ сторонъ котораго слажена.

Къ числу предметовъ, одинаково относящихся какъ къ каменному вѣку, такъ и къ болѣе позднимъ эпохамъ, принадлежать праслицы, сдѣланныя изъ сланца чернаго, сѣраго, фио-

летового и розового цвета; местонахождение этого сланца въ овручскомъ уѣздѣ волынской губ., где и обнаружены громадные фабрики пряслицъ; на Княжу Гору пряслицы доставлялись вѣроятно уже въ готовомъ видѣ, такъ какъ следовъ обработки, въ видѣ испорченныхъ и недоконченныхъ экземпляровъ, не найдено. Въ заключеніе укажемъ на тѣ остатки пищи первобытнаго человѣка, которые обнаружены на Княжей Горѣ; это, во первыхъ, рыба средней величины—шелуха и кости ея довольно часто попадались въ нижней части культурного слоя, иногда вмѣстѣ съ костяными одувѣями простѣйшаго вида; затѣмъ, пищей служили днѣпровскія раковины—*Unio pictorum*; онѣ встрѣчались въ разныхъ слояхъ, въ одномъ случаѣ были найдены въ довольно большомъ числѣ. Громадное количество костей разныхъ животныхъ изъ породъ нынѣ существующихъ, костей большей частью разбитыхъ, а иногда и обугленныхъ, указываетъ, что и мясная пища не была въ пренебреженіи у этихъ береговыхъ жителей; хотя конечно не всѣ кости остались отъ этого периода; вѣроятно, большинство ихъ—остатки пищи болѣе поздней эпохи; но какія изъ костей древнѣе, какія новѣе—разобраться въ этомъ теперь безъ помощи палеонтологіи, вслѣдствіе смѣшенія слоевъ, нѣтъ никакой возможности.

Предметы великокняжеской эпохи, находимые въ Юго-Западной Россіи, состоять главнымъ образомъ изъ дорогихъ украшеній, рѣже монетъ, и представляютъ богатые клады, порученные землѣ въ минуту опасности. Болѣе же простые предметы домашняго обихода попадаются линь изрѣдка или въ могилахъ, или прямо въ землѣ, при какихъ нибудь случайныхъ раскопкахъ; въ послѣднемъ случаѣ, вслѣдствіе долгой живучести типовъ этихъ незатѣйливыхъ предметовъ домашняго обихода, является трудность при определеніи эпохи. Въ этомъ отношеніи Княжа Гора представляетъ замѣчательную и единственную въ своемъ родѣ мѣстность. Здѣсь, во время раскопокъ прошлаго лѣта, кромѣ очень богатыхъ и многочисленныхъ украшеній, найдена такая масса простыхъ бытовыхъ предметовъ, что мы можемъ съ большей или меньшей полнотой составить себѣ понятіе о всей жизни поселка на Княжей Горѣ.

семь вѣковъ назадъ въ различныхъ внѣшнихъ ея проявленіяхъ. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что многіе предметы съ Княжей Горы, касающіеся тѣхъ или другихъ занятій и ремесль, поразительно сходны съ таковыми и нынѣ употребляемыми въ крестьянскомъ быту, такъ что на первый взглядъ невольно является сомнѣніе въ такой ихъ глубокой древности, но сомнѣніе это уничтожается совмѣстнымъ нахожденіемъ этихъ вещей съ типичными вещами X—XIII ст. и потомъ, тѣмъ фактъмъ, что до сихъ поръ на Княжей Горѣ не найдено ничего, что можно бы было прямо отнести къ болѣе поздней, чѣмъ мы указали, эпохѣ. Да и сами предметы, послѣ болѣе тщательнаго разсмотрѣнія во всей ихъ совокупности, оказываются носящими въ себѣ черты глубокой старины. Приступая къ раскопкамъ, мы главнымъ образомъ и имѣли въ виду эти простыя, но цѣнныя для настѣ, мѣдныя, желѣзныя, глиняныя вещи. Мы надѣялись, и, какъ оказалось, не напрасно, что крестьяне окрестныхъ селъ, руководствуясь въ своихъ раскопкахъ спросомъ на извѣстнаго рода вещи и материальной стоимостью ихъ, оставятъ на нашу долю эти заржавленные косы, серпы, ножи, крючки и т. п., и дѣйствительно такого рода вещей въ слояхъ уже перерытыхъ крестьянами, а иногда и въ нетронутомъ культурномъ слоѣ, найдено очень много, такъ что одинъ и тотъ же предметъ имѣется иногда въ очень многихъ экземплярахъ. Какъ бы въ видѣ сюрприза подъ конецъ раскопокъ открыто четыре кіада, которые въ общей сложности представляютъ богатѣйший подборъ разнаго рода украшеній, очень интересныхъ съ художественной точки зрења. Хотя вещи этихъ кладовъ въ большинствѣ случаевъ уже извѣстны, но какъ дополненіе къ другимъ предметамъ, для полной характеристики состоянія культуры на Княжей Горѣ, клады эти пришлись какъ нельзя болѣе кстати. Кромѣ этихъ четырехъ кладовъ съ золотыми и серебряными вещами, найденъ еще одинъ съ исключительно желѣзными предметами, служившими вѣроятно въ хозяйствѣ одного лица, здѣсь были: нааральникъ, серпъ, долото, стамеска съ роговой ручкой, желѣзные тонкіе обручи отъ ведра и еще нѣсколько болѣе мелкихъ. Помимо этого, всѣ остальные

добытыя вещи находились спорадически на всемъ протяженіи горы, на разной глубинѣ, не рѣдко на самой подпочвѣ. Большое количество найденныхъ предметовъ указываетъ на сравнительно большую населенность данной мѣстности, хотя остатковъ самихъ обитателей горы найдено не много: кромѣ довольно рѣдко попадавшихся разрозненныхъ костей и череповъ, открыто всего лишь пять цѣлыхъ скелетовъ; пока еще не сдѣлано точныхъ измѣреній ихъ, и лишь можно сказать, что вообще населеніе Княжей Горы того времени, судя по этимъ пяти представителямъ его, обладало хорошимъ сложеніемъ; черепа ничѣмъ особыеннымъ не отличаются отъ современныхъ европейскихъ; у одного индивидуума, вѣроятно обладавшаго воинственнымъ характеромъ, нижняя челюсть была перебита почти что посерединѣ, послѣ она срослась, хотя все таки обладатель ея лишился навсегда нѣсколькихъ зубовъ. Изъ частей жилища сохранились, и то не вполнѣ, однѣ печи; мы уже знаемъ какъ онѣ устроены, а что эти печи относятся къ княжескому времени, обѣ этомъ свидѣтельствуютъ вещи этой эпохи, находимыя на одномъ уровнѣ съ печами, а одинъ небольшой кладъ, состоящій изъ серебряныхъ серегъ открыть въ самомъ устьи одной печи. Постройки, вслѣдствіе недостатка въ мѣстѣ, отличались вѣроятно небольшими размѣрами, ходъ къ нимъ шелъ по остававшемуся свободнымъ возвышенному срединному бугру; кромѣ этого и тѣхъ немногихъ предположеній, которыя мы высказали раныше, у насъ нѣть ничего, что бы ближе опредѣлило устройство и виѣшній видъ жилищъ того времени.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію мелкихъ вещей, имѣющихъ то или другое отношеніе къ жилищу. Отмѣтимъ прежде всего три желѣзные креста, 20—30 снт. длиной, съ утончающимся нижнимъ концомъ; они вѣроятно помѣщались сверху жилища или часовни; одинъ изъ нихъ найденъ на расчищенной площадкѣ, гдѣ также обнаружены и остатки печи. Всѣ три креста разной формы: первый — 18 снт. длины, верхній и два боковые конца заканчиваются кружками; 2-й — 19 снт. длины, концы расширены; 3-й — 27 снт. длины, подъ средокрестіемъ помѣщенъ полумѣсяцъ, вверху была еще небольшая перекла-

динка, но не сохранилась. Есть еще четвертый обломанный желѣзный крестикъ 8 сант. длины. Совершенно такого же рода желѣзный крестикъ, какъ три предыдущіе, съ заостренной нижней оконечностью я видѣлъ въ музѣѣ Одесского общества исторіи и древностей, но мнѣ не удалось узнать, откуда онъ и при какихъ обстоятельствахъ найденъ. Есть еще три небольшия мѣдные креста съ изображеніемъ распятія, два изъ нихъ вырѣзные, а одинъ какъ бы взятъ изъ верхней части энколпіона; съ исподней стороны ихъ приделаны мѣдные гвозди, посредствомъ которыхъ кресты прикреплялись или къ дощечкамъ, и тогда исполняли роль иконъ, что встречается и теперь, или же прибивались къ верхней перекладинѣ у дверей, какъ это обязательно и понынѣ дѣлаются всѣ старообрядцы. Изъ другихъ принадлежностей жилища найдены гвозди, пробои, завѣсы, скобы, задвижки, кольца, замки, ключи и т. д. Гвозди кузнечной работы, шляпки ихъ или круглые или продолговатые, на одномъ гвоздѣ шляпка состоитъ изъ четырехъ расположенныхъ крестообразно изогнутыхъ пластинокъ; на многихъ гвоздяхъ есть следы огня, многіе изъ нихъ найдены въ такомъ видѣ, какъ бы они находились вбитыми въ дерево, которое теперь уничтожилось, дерево повидимому было толстое, въ видѣ брусьевъ, и болѣе тонкое, въ видѣ досокъ разной толщины. Завѣсы въ большинствѣ случаевъ устроены очень просто и состоятъ изъ двухъ продѣтыхъ одинъ въ другой пробоевъ. Наружные запоры имѣютъ видъ—или желѣзной полосы съ отверстиемъ для пробоя, или желѣзного перекрученного прута, сбитаго вмѣстѣ и къ концу расширяющагося въ продолговатое кольцо; внутреннія задвижки состоятъ изъ продолговатой желѣзной полоски съ закругленными краями и съ узкимъ во всю длину отверстиемъ, такая задвижка двигалась по вбитымъ въ юсякъ стержнямъ; для того чтобы не легко было ее сдвинуть, на внутреннихъ сторонахъ отверстія нарѣзывались зубья, задерживавшіе стержни. Всѣ эти предметы разной величины и совершенно сходны съ тѣми, которые и теперь мастерятъ сельскіе кузнецы. Отличаются отъ современныхъ своимъ устройствомъ замки, которыхъ въ общемъ найдено около ста штукъ, они имѣютъ видъ

желѣзного цилиндра съ припаянной тонкой трубочкой, въ нихъ входитъ желѣзная дужка; замки разной величины—отъ 4-хъ до 12 снт. длины; большинство на цилиндрахъ имѣетъ украшенія въ видѣ продольныхъ припаянныхъ полосокъ, зигзаговъ и поперечныхъ обручиковъ; есть также два большихъ замка у которыхъ дужка съ одной стороны прикреплена на шарнирѣ, другимъ же концомъ входитъ внутрь замка—какъ и теперь. Это все наружные замки, изъ внутреннихъ не найдено цѣлаго ни одного, но, какъ кажется, есть куски отъ нихъ. Ключи также отличаются своеобразнымъ устройствомъ и состоятъ изъ желѣзныхъ стержней, иногда рѣзныхъ, на одномъ концѣ которыхъ въ перпендикулярномъ, рѣже горизонтальномъ направлении придѣланы рожки, имѣющіе сообразно съ отверстиемъ въ замкѣ разную форму, на другомъ концѣ стержня обыкновенно находится кольцо для привѣшиванія ключа; длина стержня доходитъ до 20 снт.; такихъ ключей найдено больше пятидесяти; найдены также три ключа—маленький и 2 большихъ, такой формы какъ теперь.

Для храненія разнаго рода припасовъ возлѣ жилищъ устраивались такъ называемыя пашенные ямы; ихъ всѣхъ вдоль по горѣ найдено 5; двѣ съ сѣверо-западной стороны бугра и три съ юго-восточной; ямы выкалывались въ желтой глиниѣ, составляющей подпочву, и, благодаря присутствію камней, иногда очень плотной. Четыре изъ нихъ имѣли круглую форму, одна—четыреугольную; вотъ ихъ размѣры: съ сѣверо-западной стороны—1) глубина 1,6 мет., діаметръ 1,2 мет., на днѣ слой истлѣвшаго проса 1— $1\frac{1}{2}$ верш. толщиной; 2) глубина 1 мет., діаметръ 1—5 мет., на днѣ немного рыбыхъ костей; съ юго-восточной стороны—1) глубина 2 м., яма книзу расширяется, такъ что діаметръ вверху равняется 1 метру, а внизу 1,2 мет., 2) сейчасъ же возлѣ предыдущей ямы обнаружена другая, неправильной формы, въ 1 метръ глубиной, 3) четыреугольная яма 2,8 мет. глубиной и 2,15 и 1,4 м. по сторонамъ.

Изъ простыхъ домашнихъ орудій отмѣтимъ: кресала для высѣканія огня; они сдѣланы или изъ сплошного продолговатого куска стали въ 7 снт. длиной и 2 тириной, или же съ

продольнымъ отверстиемъ въ срединѣ. Очень многочисленный отдѣль составляютъ желѣзные ножи—ихъ найдено около 80 штукъ; длина ихъ различна—отъ 7 и до 16 снт., всѣ они узкие, только одинъ $4\frac{1}{2}$ снт. ширины, съ одной рѣжущей стороны; обыкновенно у тупаго края проведена одна или двѣ бороздки; ножи вставлялись въ деревянныя или костяныя ручки—на нѣкоторыхъ экземплярахъ и до сихъ поръ замѣты слѣды приставшаго дерева, а одинъ ножъ найденъ съ цѣлой круглой костяной ручкой въ $7\frac{1}{2}$ снт. длины; у сравнительно небольшаго числа экземпляровъ ручка состояла изъ двухъ пластинокъ кости или дерева, приложенныхъ на продолженное лезвіе и скрѣпленныхъ заклепками; видно, что ножи были въ частомъ употребленіи, такъ какъ многіе изъ нихъ сильно сточены; складныхъ ножей не найдено. Найденные пять экземпляровъ ножницъ по устройству ни чѣмъ особеннымъ не отличаются отъ современныхъ, только развѣ немного грубѣе; кольца, въ которыхъ вкладываются пальцы, сделаны просто изъ загнутыхъ нижнихъ концовъ; размѣры ножницъ 15—19 сант.; есть еще ножницы для стрижки шерсти, 14 снт. длиной. Къ предметамъ домашняго обихода относятся также небольшіе мѣдные щипчики 8 сант. длиной, кроме того, есть цѣлый отдѣль предметовъ, назначеніе которыхъ пока нельзя объяснить; это, прежде всего, неглубокія мѣдныя чашечки съ круглымъ или квадратнымъ отверстиемъ въ срединѣ; въ эти отверстія вставлялись круглые или четыреугольные стержни въ 12 и менѣе сант. длины, нижній конецъ которыхъ представляетъ или плоскую головку, довольно устойчивую, или же развѣтвляется въ нѣсколько завитковъ; чашечекъ такихъ разной величины—отъ 5 до 10 сант. въ діаметрѣ, найдено около 15, стержней же прямыхъ три и фигурныхъ два; единственный экземпляръ такой чашечки въ 12 сант. діам. найденъ укрѣпленнымъ на трехъ ножкахъ въ 3 сант. вышиной. Затѣмъ попадаются, иногда по нѣсколько одинаковыхъ штукъ, желѣзные предметы тоже съ трудно объяснимымъ назначениемъ, таковы напр.: овальные кольца, треугольные звѣзды съ острыми шипами по краямъ, и нѣкоторые другіе. Очень велико число обломковъ посуды; посуда была глиняная, деревянная и металлическая. Глиняную посуду мы раздѣляемъ на привозную

и мѣстного приготовленія, какъ та, такъ и другая сдѣлана при помощи гончарнаго круга; послѣдняя состояла главнымъ образомъ изъ горшковъ съ широкимъ отверстиемъ, формы близко подходящей къ современной, предназначавшихся для варки пищи; размѣры ихъ были самые разнообразные: начиная съ небольшихъ въ 7—8 снт. вышиной, горшки, или въ этомъ случаѣ ма-котры, доходятъ, судя по обломкамъ, до очень большихъ размѣровъ. Орнаментъ на нихъ состоитъ изъ параллельныхъ полосокъ и неровныхъ, полукруглыхъ углубленій; ушки, обыкно-венно по одному, изъ прилипленной широкой глиняной полоски. Гораздо меныше посуды, тоже мѣстного приготовленія, дру-гой, болѣе вычурной формы, съ узкимъ небольшимъ или высо-кимъ горлышкомъ, прямымъ или воронкой; ушки съ двухъ сто-ронъ, изъ куска глины съ круглымъ отверстиемъ. Сосуды по-слѣдняго рода являются типичными представителями великокня-жеской эпохи, они часто попадаются и въ самомъ Киевѣ¹⁾; не-далеко отъ дер. Монастырка, что возлѣ Трактомирова, тамъ, гдѣ находятся остатки Зарубскаго монастыря, мы случайно на-брели нѣсколько лѣтъ тому назадъ, какъ кажется, на мастерскую такихъ сосудовъ, она расположена на самомъ берегу Днѣпра. На Княжей Горѣ найденъ цѣлымъ только одинъ такой сосудъ, онъ въ видѣ баклаги съ узкимъ горлышкомъ, вышина его 20 сант. Лучше сохранились очень миниатюрные сосуды, два изъ нихъ имѣютъ форму кувшинчиковъ, приблизительно въ 6 сант. вышиной и 4 въ діаметрѣ, а три остальные—небольшихъ флякончиковъ, довольно грубой работы, $3\frac{1}{2}$ сант. вышиною и $2\frac{1}{2}$ въ діаметрѣ, на нихъ замѣтны слѣды глазировки, въ видѣ шероховатой стекловидной массы. Посуда, которую мы считаемъ привозною съ юга, состо-итъ изъ большихъ амфоръ. Глина въ нихъ совершенно отли-чается отъ глины вышеописанныхъ горшковъ, она краснаго или пепельнаго цвѣта и очень хорошей выдѣлки, но, какъ кажется, не годится для огня, что было и лишие такъ какъ амфоры предназначались для храненія вина, меда и другихъ припасовъ.

¹⁾ Нѣсколько цѣлыхъ экземпляровъ хранится въ Церковно-археологическомъ музеѣ, при Киевской Дух. Академіи.

Амфоры найдены въ обломкахъ, когорыхъ также очень много, и лишь въ одномъ мѣстѣ подобрано много черепковъ, лежавшихъ въ одной кучѣ; они принадлежали двумъ амфорамъ, изъ которыхъ отъ одной только удалось склеить нѣсколько большихъ частей, а у другой, недостаетъ только бока и можно вполнѣ восстановить ея форму; она имѣетъ 45 снт. вышины и 30 снт. въ діаметрѣ въ самой широкой части, съ двухъ сторонъ узкаго въ 6 снт. горлышка приделаны двѣ длинныя ручки, книзу амфора съуживается, но не оканчивается острымъ конусонъ, а переходитъ постепенно въ чашеобразное, но все таки не устойчивое, дно. Многочисленные обломки другихъ днищъ показываютъ, что онѣ были такого же устройства. На этой, лучше всего сохранившейся, амфорѣ есть нѣсколько нарѣзовъ, представляющихъ изъ себя первоначальные знаки собственности; такъ, подъ ручкой помѣщенъ небольшой прямоугольный крестъ, дальше шелъ повидимому цѣлый рядъ фігуръ: сначала въ родѣ андреевского креста съ параллельными полосками вверху, внизу и посрединѣ, рядомъ—остатки какъ-бы буквы М, изъ этого же вѣроятно ряда, отдѣльный черепокъ съ нарѣзами—въ видѣ четырехугольника съ поперечной вертикальной полоской и двумя косыми горизонтальными. На одномъ изъ кусковъ другой амфоры, найденной вмѣстѣ съ первой, есть знаѣнье въ родѣ треугольника съ закругленными углами. Затѣмъ, нѣсколько такихъ знаковъ собственности вырѣзано на найденныхъ отдѣльно трехъ ручкахъ отъ амфоры; на первой знаки помѣщены въ двухъ мѣстахъ: вверху—въ видѣ двухъ широкихъ нарѣзовъ, и внизу ручки—въ видѣ трехъ узкихъ, косыхъ; на другой—три узкіе нарѣза сходятся подъ углами въ точкѣ; на третьей находится ясно определенная мѣтка изъ двухъ буквъ М В, съ помѣщеннымъ горизонтально надъ ними андреевскимъ крестомъ. Къ числу призванной посуды несомнѣнно относится верхняя часть небольшаго сосуда, покрытая хорошей глазурью. Изъ деревянной посуды сохранились обуглившіеся куски точеной чашки въ 4 снт. вышиной и приблизительно 18 снм. въ діаметрѣ. Были также въ употребленіи и деревянныя ведра, въ которыхъ между прочимъ сохранялись припасы; во время раскопокъ найдено нѣсколько

большихъ комьевъ обуглившагося пшена, комья эти отчасти сохранили форму той посуды, въ которой помѣщались, и посудой этой были ведра; отъ нихъ сохранились даже куски дерева, приставшіе къ комьямъ пшена. Отъ деревянныхъ сундуковъ остались только однѣ желѣзныя части—боковая ручка, петли и оковка; оковки состоятъ изъ вырѣзныхъ пластинокъ желѣза съ дырочками для гвоздей, имѣютъ видъ онѣ или узкой полоски съ копьеобразнымъ концомъ, или болѣе вычурную форму, напр.—андреевскаго креста, затѣмъ, какъ кажется, двухъ лопадинныхъ головокъ съ крестомъ посерединѣ. Что имѣли мѣсто въ хозяйствѣ боченки и кадки, на это указываетъ съ одной стороны присутствіе инструментовъ, употреблявшихся въ бочарномъ производствѣ, съ другой—нахожденіе тонкихъ желѣзныхъ обручей. Металлическая посуда почти исключительно сдѣлана изъ мѣди; на первомъ мѣстѣ стоитъ часть небольшой чашечки, сплошь орнаментированной конусообразными шишечками съ полемъ между ними, раздѣленнымъ полосками и бисеромъ. Цѣлая узкая чашечка, украшенная орнаментомъ и отчасти позолоченная, найдена вмѣстѣ съ другими вещами въ богатомъ кладѣ. Другого характера большая широкая чашка, съ гранеными сторонами, выпиной въ $5\frac{1}{2}$ сант., и съ диаметромъ вверху въ 12 сант., внизу 6 сант.; она орнаментирована точками, у края ея находится три ушка для цѣпочекъ; ушки прикреплены заклепками въ формѣ львинныхъ головокъ, въ ушкахъ сохранились остатки желѣзныхъ цѣочекъ, можетъ быть въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ чашкой отъ вѣсовъ. Есть еще нѣсколько обломковъ мѣдной посуды, имѣвшей повидимому форму кувшиновъ и небольшихъ чашекъ. Но самый многочисленный отдѣль составляютъ мѣдные ведра и котелки; материаломъ для нихъ служила тонкая листовая мѣдь; ведра сдѣланы не изъ одного сплошного куска, а изъ нѣсколькихъ частей, скрѣпленныхъ между собою мѣдными заклепками; скрѣпленіе было настолько прочно, что въ такихъ котелкахъ можно было варить пищу, какъ это можно заключить по цѣлому экземпляру котелка, находящемуся въ музѣѣ университета св. Владимира. Во время раскопокъ найдены сотни кусковъ листовой мѣди съ многочисленными заклеп-

ками, много также найдено ушекъ и дужекъ въ ведрамъ, онѣ большей частью желѣзныя; по дужкамъ можно судить и о размѣрахъ ведеръ; оказывается, что начиная съ самыхъ небольшихъ, они доходятъ до размѣровъ большихъ котловъ; только въ одномъ случаѣ найдена, какъ кажется, часть желѣзного ведра. Для большей прочности въ верхней части ведеръ по ободку направлялся мѣдный или желѣзный прутъ. Сравнительно на небольшомъ числѣ кусковъ, главнымъ образомъ верхнихъ частей, находится несложный орнаментъ. Къ нѣкоторымъ кускамъ отъ ведеръ пристали остатки ихъ содергимаго, но безъ химического анализа трудно сказать что это такое.

Мы не нашли ничего, что бы дало намъ представлениe о формѣ одежды обитателей Княжей Горы. Приготовлялась же одежда прежде всего изъ холста—въ нѣсколькихъ случаяхъ найдены истлѣвшія нитки, а на одномъ мѣдномъ бубенчикѣ замѣтны приставшіе кусочки холста, сохранившіеся благодаря мѣдной окиси. Найденные ножницы для стрижки шерсти даютъ право предположить выдѣлку шерстяныхъ тканей и производство изъ нихъ одежды. Была также, какъ видно, и очень богатая одежда—въ одномъ мѣстѣ открыты небольшие куски золотой парчи (таб. II, №№ 34, 35 и 36) и штампованныя нашивки на одежду. Парча двухъ рисунковъ; кроме того, вмѣстѣ находились остатки тканыхъ золотыхъ полосокъ; серебряные позолоченные нашивки, въ количествѣ трехъ, разной формы: круглая (она черезъ нѣкоторое время послѣ открытія разсыпалась), продолговатая четыреугольная (немного попорченная) (таб. II, № 37) и треугольная (таб. II, № 38), у нихъ у всѣхъ по краямъ маленькия дырочки для пришиванія. Для застегиванія употреблялись небольшія мѣдные пуговки въ видѣ шарика съ ушкомъ, бубенчики (къ одному изъ нихъ, какъ я выше упомянулъ, пристали кусочки матеріи отъ одежды), костяные пуговицы (таб. I, № 23), ихъ найдено около 15 штукъ, но цѣлыхъ всего 5; онѣ точеныя съ круглой дырой въ центрѣ, самая большая изъ нихъ— $2\frac{1}{2}$ сант. въ диаметрѣ, верхняя часть и ободокъ украшены орнаментомъ изъ черточекъ и кружковъ. Судя по числу найденныхъ какъ раныше, такъ и во время на-

шихъ раскопокъ, образковъ и крестовъ, нужно признать твердо установленвшимся обычай ношения таковыхъ. Ихъ надѣвали или прямо на тѣло, для чего предназначались обыкновенно небольшіе крестики-тѣльники, или поверхъ одежды; въ послѣднемъ случаѣ брались кресты-энколпіоны, доходящіе иногда до большихъ размѣровъ, и образки, иногда по нѣсколько вмѣстѣ. Крестиковъ тѣльниковъ найдено немного: одинъ янтарный съ орнаментомъ изъ кружковъ, нѣсколько мѣдныхъ, и два каменныхъ, т. н. корсунскихъ, хотя эти послѣдніе могли носиться и поверхъ платья; одинъ изъ нихъ шестиугольный (таб. II, № 3), 3-хъ сант. длины съ двумя одинаковыми поперечными перекладинками, три конца его обложены кругомъ золотой пластинкой, найденъ онъ въ кладѣ. Другой каменный крестъ, четыреугольный, 4-хъ сант. длины, обложенъ по концамъ серебряной пластинкой со вставленными камнями въ видѣ ромбиковъ, какъ кажется изъ мастики. Изъ образковъ, носимыхъ поверхъ платья, очень замѣчательны два, найденные въ кладѣ (таб. II, №№ 2 и 4); оба они золотые, круглые, въ $4\frac{1}{2}$ сант. въ диаметрѣ; каждый образокъ концентрическими кругами раздѣляется на четыре части: въ первомъ крайнемъ кружкѣ симметрично расположены 8 камней въ гнѣздахъ, слѣдующій ободокъ покрытъ орнаментомъ травами, возлѣ него ближе по срединѣ идетъ третій, въ видѣ желобка, здѣсь прежде помѣщался жемчугъ, теперь не сохранившійся, средній сплошной кружокъ занятъ изображеніями, сдѣланными византійской перегородчатой эмалью. На одномъ образкѣ (таб. II, № 2) находится погрудное изображеніе Божией Матери съ лицомъ, немного обращеннымъ въ сторону, правая рука лежитъ на груди, лѣвая приподнята, съ лѣвой стороны головы помѣщены буквы М и А въ видѣ монограммы. На другомъ (таб. II, № 4)—повидимому изображеніе Иоанна Богослова; поза придана такая же, только въ обратную сторону, справа головы буквы И СО съ титломъ наверху. Къ образкамъ придѣланы ушки, также со вставленными камнями; почти всѣ камни, можетъ быть вслѣдствіе дѣйствія огня, которому отчасти былъ подверженъ кладѣ, плохо сохранились. Обратные стороны совершенно гладкія. Позы эмалевыхъ изображеній, выражающіе

обращеніе къ кому то, даютъ поводъ предположить, что въ срединѣ между этими образками, находился еще одинъ съ изображеніемъ Иисуса Христа, до насъ не дошедшій, и тогда вся группа имѣла видъ такъ наз. „Денисуса“. Цѣлыхъ четвероконечныхъ крестовъ-энколпіоновъ найдено 7 и болѣе 15 половинокъ и обломковъ, нерѣдко испорченныхъ огнемъ. Величина энколпіоновъ различна: 6—10 снт. въ длину. Изображенія на нихъ сдѣланы рельефомъ или вырѣзаны вглубь, и линіи заполнены какой то металлической массой. Есть нѣсколько типовъ крестовъ, между ними нѣсколько повидимому болѣе раннихъ чѣмъ остальные; такъ, есть половина энколпіона съ немногого удлиненнымъ нижнимъ концомъ, на немъ очень грубо рѣзными линіями изображена стоящая фигура прямо, впереди ея помѣщена другая, доходящая до пояса первой, тоже прямо; быть можетъ, это изображенія Божіей Матери и Христа, вверху находится надпись буквами древней формы: ПАНАГІА; крестъ этотъ 7-ми снт. длиной. Изъ болѣе новыхъ энколпіоновъ отмѣтимъ два, оба они найдены цѣлыми. Первый сильно окисленъ, но все таки замѣтно, что по концамъ онъ былъ украшенъ повидимому эмалевыми кружками; когда его только что вынули изъ земли, то еще были ясно видны нитки, которыми онъ былъ перевязанъ накрестъ, что-бы не распадался, внутри его находилась какая то истлѣвшая масса. Превосходной сохранности другой энколпіонъ; на лицевой сторонѣ его помѣщено рельефомъ поясное изображеніе Божіей Матери съ воздѣтыми руками, по четыремъ угламъ—левъ, телецъ, орелъ и человѣкъ; на обратной сторонѣ, въ срединѣ на перекладинѣ расположена одежда Спасителя, надъ нею небольшой крестъ и по бокамъ его копье и губка на палкѣ, по угламъ—погрудные изображенія святыхъ. Очень интересенъ затѣмъ вырѣзной ангель съ державой въ правой руцѣ и въ очень тонко отдѣланной одеждѣ (таб. II, № 8); длина его $4\frac{1}{2}$ снт., вверху придѣлано ушко, изображеніе выпито изъ мѣди, вѣроятно съ примѣсью серебра. Чтобы покончить съ отдѣломъ крестовъ и образковъ, скажемъ за одно о трехъ каменныхъ и одномъ мѣдномъ образкахъ, хотя они повидимому не предназначались для ношенія на

груди. Мѣдный образокъ состоитъ изъ пластинки въ 8 сант. длины и $2\frac{1}{2}$ —4 сант. ширины, на которой помѣщается рельефное изображеніе святаго во весь ростъ съ благословляющей правой рукой и съ евангеліемъ въ лѣвой; надписей нѣтъ, вверху небольшая дырочка. Изъ каменныхъ образковъ цѣлый только одинъ (таб. II, № 13). Онъ сдѣланъ изъ сланца пепельнаго цвѣта и представляетъ изъ себя довольно толстую дощечку сант. 5 длиной съ погрудными изображеніями высокимъ рельефомъ на одной сторонѣ св. Николая, а на другой св. Сисинія, очень интересны надписи: НИКУЛА и СИСѢНИІ. Отъ второй небольшой односторонней иконки такого же камня сохранилась только нижняя половина—здесь было изображеніе воинъ, держащей въ правой руцѣ копье, а въ лѣвой щитъ. Третій обломокъ составляетъ вѣроятно часть большого образка; уцѣлѣло лишь изображеніе Божіей Матери съ буквами МР и ОУ по бокамъ; вверху, какъ кажется, изображеніе ангела и затѣмъ часть головы Спасителя; иконка эта тонкой, художественной работы. Вообще образки и кресты заслуживаютъ полнаго вниманія и всестороннаго изученія.—Очень разнообразныя украшенія, обнимающія собою почти всѣ, извѣстныя изъ велико-княжеской эпохи, виды, сосредоточивались главнымъ образомъ въ 4-хъ найденныхъ кладахъ,—спорадическая находки ихъ немногочисленны. Начнемъ съ головной повязки; отъ таковой найдено всего два мѣдныхъ покрытыхъ серебромъ полукольца; въ цѣломъ видѣ повязка состояла изъ цѣлаго ряда такихъ полуколецъ, нашитыхъ на жгутъ, сдѣланный изъ какой нибудь матеріи. Кажется, часть повязки составляютъ и 4 мѣдныхъ кольца съ несовсѣмъ пригнутыми концами; они составлены изъ двойной проволоки съ частыми насѣчками (таб. II, № 17). Самый многочисленный разрядъ украшеній составляютъ серьги. Онъ не сколько типовъ. Самый простой—гладкая серебряная проволока, свернутая въ кольцо, одинъ конецъ проволоки обыкновенно заостренъ, другой же или остается тупымъ, или расплощивался и заворачивался спиралью; такихъ серегъ найдено болѣе 70-ти (таб. II, №№ 31 и 33). Затѣмъ идутъ серьги т. н. кievскаго типа (таб. II, №№ 6, 15, 16, 20, 21, 23, 25, 26 и 28),

состоящія изъ большаго кольца съ надѣтыми на него тремя шариками, ажурными или сплошными, покрытыми бисеромъ; работа этихъ шариковъ на нѣкоторыхъ экземплярахъ достигаетъ верха совершенства; серегъ кіевскаго типа найдено серебряныхъ—болѣе 30-ти, и 6 золотыхъ. Найдено всего двѣ серебряныя серыги, также состоящія изъ большаго кольца, но вмѣсто шариковъ, посерединѣ помѣщена большая буса въ формѣ двухъ конусовъ, сложенныхъ основаниями (таб. II, № 27). Совершенно другой характеръ носятъ большія замкообразныя серыги, составленныя изъ двухъ выпуклыхъ пластинокъ, спаянныхъ вмѣстѣ, ихъ найдено 6 серебряныхъ и одна золотая. Серебряныя въ свою очередь раздѣляются на нѣсколько видовъ; такъ, три серыги украшены ажурнымъ ободкомъ въ видѣ арокъ, посерединѣ ихъ находятся кружки, въ которыхъ были изображенія, теперь плохо видны; они были также украшены жемчугомъ, такъ какъ для него устроенъ круглый желобокъ (таб. II, № 14). На четвертой изъ серегъ ободокъ изъ арокъ замѣненъ рядомъ припаянныхъ шариковъ, обѣ стороны ея раздѣланы чернью въ видѣ сложнаго орнамента, отчасти стертаго долгимъ носеніемъ серыги (таб. II, № 12). Двѣ остальные серыги не имѣютъ украшеній по ободку, на одной изъ нихъ орнаментъ также сдѣланъ чернью, а на другой наколами и изображаетъ на одной сторонѣ двухъ птицъ, съ сдвинутыми вмѣстѣ головами и разставленными врозь лапами, а на другой—въ срединѣ полумѣсяцъ и съ четырехъ сторонъ полоски орнаментовъ. Небольшая золотая серыга очень пострадала отъ огня, такъ что почти совсѣмъ уничтожилась перегородчатая эмаль, кото-рою она была украшена; эмалью на одной сторонѣ изображена птица съ распущенными крыльями, а на другой орнаментъ. Для шеи есть нѣсколько различныхъ украшеній; такимъ прежде всего можетъ быть ожерелье (таб. II, № 18), составленное изъ узкихъ золотыхъ или серебряныхъ штампованныхъ пластинокъ, ихъ найдено около 25 штукъ, 4-хъ рисунковъ; хотя такого рода ожерелье могло служить и головной повязкой. Типичнымъ шейнымъ украшеніемъ великокняжеской эпохи являются обручи, т. н. шейныя грифны (таб. II, № 32); ихъ найдено 4,—двѣ изъ

мелко перевитой серебряной проволоки и двѣ изъ перекрученной вертикальной спиралью серебряной узкой полоски, эти двѣ пос.гѣднія гривны пострадали отъ огня. Разнаго рода бусы найдено болѣе сотни; бусы были: золотые, въ видѣ миниатюрнаго боченочка (таб. II, № 10)—такихъ двѣ; серебряные, такой же формы (таб. II, № 12)—тоже двѣ, затѣмъ болѣе 60 простыхъ стеклянныхъ или же очень красивыхъ изъ композиціи, притомъ, начиная отъ самыхъ крошечныхъ до большихъ; есть 7 бусъ изъ горнаго хрустала, на горѣ же найдены и необѣланые куски хрустала, а также трехгранная буса, но еще безъ дырочки—все это указываетъ на мѣстное приготовленіе этихъ бусъ. Изъ сердолика найдено 4 бусы, изъ хальцедона 1, изъ розового песчаника 5 большихъ продолговатыхъ, штукъ 15 янтарныхъ, разной величины и формы, изъ мѣстнаго янтаря, и одна изъ раковины *Cyprea moneta*, со срѣзаннымъ верхомъ. Очень интересна буса, сдѣланная изъ кусочка черепка, съ обѣихъ сторонъ покрытаго зеленою глазурью; обстоятельство, что такимъ черепочкомъ таѣ дорожили, говоритъ о незнакомствѣ съ глазировкой сосудовъ и о рѣдкости таковыхъ. Между бусами, составлявшими ожерелье, вставлялись привѣски; одна изъ найденныхъ привѣсокъ имѣеть видъ овального выпукалого медальона, отчасти прорѣзного, орнаментъ котораго состоитъ изъ сдѣланнаго изъ шариковъ креста и сходящихся подъ угломъ прямыхъ линій, медальонъ мѣдный (таб. II, № 1); остальная пять привѣсокъ имѣютъ форму полумѣсяца, обращенного концами внизъ; два такихъ полумѣсяца золотые съ орнаментомъ травами (таб. II, № 5), два мѣдные и одинъ желѣзный. Къ привѣскамъ нужно отнести и предметы, которые можетъ быть имѣли значеніе амулетовъ; штукъ пять ихъ сдѣланы въ формѣ небольшихъ мѣдныхъ кинжалчиковъ съ дырочкой по срединѣ (таб. II, № 29), на нѣкоторыхъ дырочки нѣтъ; одинъ имѣеть видъ крошечнаго свинцового топорика съ дырочкой для привѣшиванія (таб. II, № 30). Браслеты были мѣдные, серебряные, золотые и стеклянны. Отъ мѣднаго браслета, сдѣланнаго изъ витой проволоки, найденъ только одинъ обломанный конецъ. Вполнѣ и превосходно сохранившимися найд-

дены два серебряные браслета, также изъ витой толстой проволоки, одинъ большой (таб. II, № 24), другой поменьше; на концахъ первого, сдѣланныхъ въ видѣ продолговатыхъ головокъ, помѣщена чернью арабская надпись на такихъ же головкахъ другаго браслета сдѣланъ орнаментъ, тоже чернью. Неизвѣстный доселѣ, какъ кажется, типъ представляеть изъ себя браслетъ, составленный изъ серебряныхъ полушариковъ, соединенныхъ колечками, на серебряныхъ же цѣпочкахъ къ этому браслету прикрѣплены двѣ подвески въ видѣ желудей (таб. II, № 24); всѣхъ звеньевъ отъ браслета сохранилось 14. Золотой браслетъ пайденъ только одинъ—онъ состоитъ изъ очень изящной цѣпочки мелкими колечками (таб. II, № 9). Обломковъ стеклянныхъ браслетовъ найдены сотни, стекло въ нихъ разныхъ цвѣтовъ. Изъ двухъ найденныхъ серебряныхъ колецъ, одно слѣдано изъ завернутой серебряной полоски безъ спайки, другое изъ двухъ перевитыхъ проволокъ къ концамъ утонченныхъ, тоже безъ спайки. Два золотые кольца совершенно такой формы какъ послѣднее серебряное, притомъ одно изъ этихъ колецъ громадныхъ размѣровъ и очень массивное (таб. II, № 11). Перстней также два серебряныхъ и два золотыхъ; щитокъ одного изъ серебряныхъ гладкій, на щиткѣ другого (таб. II, № 22) выгравированъ крестъ съ орнаментомъ; у золотыхъ перстней четыреугольные щитки имѣютъ гнѣзда для камней, но сами камни не сохранились. Какъ можно видѣть изъ приведенного перечисленія, разнаго рода украшенія были въ большомъ ходу у жителей Княжей Горы; на нѣкоторыхъ предметахъ есть ясные слѣды частаго и долгаго употребленія. Несомнѣнно, что большинство изъ указанныхъ украшеній было принадлежностью женскаго убора, хотя нѣкоторыя, какъ напр. шейныя гривны, могли носиться и мушинами. Близкое отношеніе къ украшеніямъ имѣютъ зеркала. Онѣ сдѣланы изъ сплава мѣди и олова или серебра и всѣ имѣютъ круглую форму; одна сторона гладко отшлифована, на другой въ центрѣ помѣщается ушко, въ которое продѣвается шнурокъ (въ одномъ экземпляре даже сохранился кусочекъ такого шнурка), поле кругомъ ушка покрывалось орнаментомъ изъ прямыхъ и кривыхъ линій. Цѣлыхъ

зеркаль найдено 8 штукъ, затѣмъ есть еще одна половинка и нѣсколько кусковъ. Размѣры ихъ различны—отъ 15 до 5 сант. въ діаметрѣ. Пропорція металловъ, какъ видно, не всегда бралась одинаково, такъ какъ однѣ зеркала бѣлѣе, другія—болѣе желтаго цвѣта. Какъ принадлежность, въ нѣкоторыхъ случаихъ мужскаго костюма, являются желѣзныя шпоры; ихъ найдено всего 4; состоятъ онѣ изъ заостренного стержня, прикрепленаго къ дужкѣ, охватывающей каблукъ, концы дужки загнуты и оканчиваются пряжками для ремня. Къ мужскому костюму относятся также желѣзныя и мѣдныя пряжки отъ поясовъ.

Пища состояла изъ мяса (найдена масса костей), рыбы (большое число различныхъ рыболовныхъ принадлежностей указываютъ на развитіе этого промысла), и растительныхъ продуктовъ. Изъ хлѣбныхъ растеній обнаружены рожь, просо и гречиха. Рожь найдена какъ въ видѣ обугленныхъ зеренъ, такъ и въ видѣ комьевъ муки. Мололи зерно посредствомъ особенныхъ жернововъ; хотя мы не можемъ возстановить устройство мельницъ, но, по всей вѣроятности, онѣ были ручные. Жернова приготовлены изъ очень крѣпкой кирпичной массы; кусковъ разбитыхъ жерни найдено много, толщина ихъ различна: отъ 2 до $\frac{1}{2}$ вершка, также различны и размѣры ихъ; найденный цѣлый жерновъ имѣеть $\frac{1}{2}$ метра въ діаметрѣ; обыкновенно одна сторона такихъ жернововъ представляетъ шероховатую поверхность, другая, предназначавшаяся собственно для размола,—гладкая. Очень распространеннымъ, какъ видно, продуктомъ было просо; оно найдено въ истлѣвшемъ видѣ на днѣ одной пашенной ямы, затѣмъ много иногда довольно большихъ кусковъ его въ видѣ сплавившагося шпена попадалась на всемъ протяженіи горы и наконецъ, въ нижней части одного разбитаго горшка, найдена перепаленная пшеничная каша. Менѣе всего найдено гречихи — нѣсколько зеренъ ея сохранилось внутри одного желѣзного замка. Открыты, кромѣ того, куски сосуда съ приставшими къ стѣнкамъ остатками какой то жидкой пищи, которую нельзя определить безъ анализа. Упомянемъ еще о находкѣ двухъ обугленныхъ лѣсныхъ орѣховъ, въ которыхъ въ каждомъ были продѣланы три неболь-

шія дырочки—не знаю для какой цѣли, и о косточекѣ финика, также обугленной; вѣроятно финики составляли дорогое и рѣдкое лакомство. Изъ напитковъ употреблялся медъ, такъ какъ жители горы были знакомы съ пчеловодствомъ, и, быть можетъ, вино, на что намекаютъ многочисленные остатки амфоръ.

Занятія и ремесла обитателей Княжей горы характеризуются найденными орудіями и инструментами. Изъ земледѣльческихъ орудій для вспахиванія земли служило рало. Сохранившіяся желѣзныя части его состоять изъ наральника, въ видѣ толстаго треугольнаго наконечника, который надѣвался на дерево; величина ихъ отъ 20 до 25 снт. длины и снт. 15 ширины; по двумъ краямъ, сходящимся подъ угломъ, и посрединѣ для большей крѣпости иногда придѣлывались къ нимъ толстыя желѣзныя полосы; всѣхъ наральниковъ найдено 4—три цѣлыхъ и одинъ сломанный. Впереди наральника прикрѣплялся большій желѣзный ножъ—„чересло“, который разрѣзывалъ землю, поднимаемую послѣ раломъ; такихъ ножей найдено 6, длина ихъ 45—50 снт. и ширина 6—7 снт. Совершенно отличаются отъ современныхъ косы; онѣ сдѣланы изъ довольно толстой желѣзной полосы, приблизительно въ 40 снт. длины и $4\frac{1}{2}$ снт. ширины, и при концѣ немногого загнуты; косы найдено 3 цѣлыхъ, одна съ отломаннымъ концомъ и два обломка. Интересно то обстоятельство, что, какъ мнѣ передавали, эти косы имѣютъ большое сходство съ косами, нынѣ употребляемыми Якутами. Больше найдено серповъ, длина ихъ обыкновенно 35 снт., ширина различна—отъ 2 до 4-хъ снт.; цѣлыхъ есть 6 и 12 обломковъ. Растенія, культура которыхъ была извѣстна обитателямъ Княжей Горы, насколько можно судить по открытymъ остаткамъ ихъ, были рожь, просо, гречиха и овесъ. Три найденные заступа указываютъ на существованіе огородничества; устройство заступовъ совершенно такое, какъ и теперь: овальное желѣзко набивалось на деревянную лопату, но одинъ изъ найденныхъ заступовъ немногого другой формы—желѣзко не овальное, а скорѣе треугольное; длина заступовъ 15 снт., ширина тоже около этого; есть еще одно желѣзко, повидимому отъ заступа, которое устроено иначе,

чѣмъ предыдущіе, именно такъ, что лопата не входила въ него, а оно прибивалось на конецъ лопаты. Во время раскопокъ не добыто ничего, что можно было бы отнести къ огороднымъ продуктамъ. Кромѣ перечисленныхъ, найдено еще нѣсколько разныхъ орудій, которые могли равнымъ образомъ употребляться какъ при земледѣліи, такъ и въ огородничествѣ; сюда относятся кикри—одна въ родѣ теперешней сапы, но гораздо массивнѣе, и двѣ другихъ — узкихъ съ заостренными обоими концами въ 17 и 20 сант. длиной, и, затѣмъ, цѣлый рядъ небольшихъ желѣзныхъ лопатокъ съ втулками для деревянныхъ ручекъ; такихъ лопатокъ найдено до 20 штуекъ, длина ихъ доходитъ до 13 сант. Изъ костей домашнихъ животныхъ очень часто попадались кости лошади. Отъ конской скелета сохранились: желѣзныя удила, состоящія изъ двухъ соединенныхъ желѣзныхъ стержней и двухъ большихъ колецъ по концамъ ихъ; удиль цѣлыхъ и сломанныхъ найдено около 15, затѣмъ больше 40 разной величины желѣзныхъ пряжекъ и столько же желѣзныхъ колецъ. Въ качествѣ привѣски въ сбровѣ могъ служить найденный желѣзный полумѣсяцъ 9-ти сант. въ поперечнике. Стремена того времени близко подходятъ къ современнымъ; стремя составляютъ дужка съ отверстиемъ вверху для ремня и нижняя перекладина въ видѣ сплошной овальной пластинки, на которую ставилась нога; стремена желѣзныя; изъ 8-ми найденныхъ цѣлыми, одно повидимому дѣтское. Изъ домашнихъ животныхъ были также быки,—найдены кости, и овцы, на что намекаютъ ножницы для стрижки шерсти. Очень интересны подковы для быковъ (по опредѣленію крестьянъ); ихъ найдено двѣ, представляютъ онѣ изъ себя неширокія желѣзныя полоски въ 9 сант. длиной, немного изогнутыя, имѣющія на одномъ концѣ шипъ а по срединѣ нѣсколько четырехугольныхъ дырочекъ для гвоздей. Несомнѣнно, что послѣ разбора и опредѣленія костей, будутъ констатированы и другія домашнія животныя.

Очень распространеннымъ занятіемъ между жителями Княжей Горы было рыболовство. Орудіями для него служили остроги, крючки и сѣти. Острогами били крупную рыбу; ихъ найдено 3 двухъ видовъ: съ однимъ стержнемъ, оканчиваю-

щимся зарубкой—такихъ 2, и съ двумя такими же стержнями въ родѣ вилки; остроги первого рода имѣютъ 20 и 25 сант. длины, второго—16 сант. длины. Но какъ видно, болѣе всего ловили рыбу удками. Крючки для удочекъ разнообразны. Есть два мѣдныхъ небольшихъ крючка въ 3 сант. длиной, затѣмъ громадное число желѣзныхъ—болѣе 120 штукъ, поперечникъ загиба у нихъ, составляющаго собственно крючекъ—отъ 2-хъ до $5\frac{1}{2}$ сант.; по величинѣ загиба дѣлался и стержень, онъ отъ $3\frac{1}{2}$ до 12 сант. длины, но есть 3 или 4 крючка, у которыхъ загибъ средней величины, а стержень удлиненъ до 14 сант. На внутренней сторонѣ крючковъ сдѣланы зарубки, лѣса же прикрѣплялась или къ кольцу, которымъ оканчивался стержень (такихъ немного), или привязывалась прямо къ стержню, на концѣ немного расплющенному. Болѣе усовершенствованный видъ представляютъ 4 крючка; это обыкновенные желѣзные крючки, но впаенные въ продолговатыя овальныя свинцовые пластинки, которая въ данномъ случаѣ играютъ роль блесны; длина ихъ отъ $2\frac{1}{2}$ до 12 сант. Хотя остатковъ сѣтей и не найдено, но на существованіе ихъ указываетъ, во первыхъ, найденная желѣзная лапка 7-ми сант. длиной; одинъ конецъ ея снабженъ тремя крючками, а другой оканчивается кольцомъ, къ которому прикрѣплялся шнурокъ; лапка эта служила для подниманія затонувшихъ сѣтей; во вторыхъ—большія тяжелыя грузила, которая не пригодны для удоекъ; таковыми могли быть нѣкоторыя вышеописанныя каменные и, кромѣ того, свинцовые, уже несомнѣнно принадлежащиа великокняжеской эпохѣ. Между послѣдними, есть одно очень тяжелое, въ видѣ овального куска свинца съ продѣланной дырой. Слѣдующія затѣмъ свинцовые грузила могли одинаково привѣшиваться какъ къ сѣтямъ, такъ и къ удкамъ. Между ними всего два, въ видѣ небольшого конуса, остальные, которыхъ болѣе сорока, состоятъ изъ узкой свинцовой пластинки, свернутой въ трубочку, пластинки разной ширины—отъ 2 до 5 сант. Во время раскопокъ найдено также нѣсколько кусковъ листового свинца, отъ которыхъ отрѣзывались по мѣрѣ надоб-

ности полоски для грузиль; одинъ изъ такихъ листовъ довольно большой—около 30 снт. въ квадратѣ.

На занятіе жителей охотой указываютъ найденные клыки дикаго кабана и олены рога, послѣдніе шли на разнаго рода подѣлки, какъ напр. ручки для инструментовъ. Можетъ быть, впослѣдствіи среди добытыхъ костей найдутся кости и другихъ дикихъ животныхъ. Для охоты употреблялись тѣ же орудія, что и для войны—стрѣлы, копья, но о нихъ дальше.

Орудія, указывающія на пчеловодство, состоять изъ 3-хъ желѣзныхъ прутьевъ, оканчивающихся съ одной стороны узкимъ длиннымъ ножемъ для подрѣзыванія, и съ другой—небольшой лопаткой для выбирания меда.

Признаками гончарного ремесла служатъ клейма на сосудахъ. Клейма обнаружены на сосудахъ, которые мы считаемъ мѣстного производства; помѣщаются они всегда на днищахъ, самый простой видъ ихъ—кольцо, сдѣланное рельефомъ, такихъ болѣе всего; затѣмъ есть клеймо, довольно неясное, изъ двухъ концентрическихъ колецъ, оно помѣщено на днѣ типичной баклаги, далѣе есть еще слѣдующія клейма: кольцо, раздѣленное пополамъ прямой выпуклой полоской; кольцо съ неяснымъ изображеніемъ звѣзды въ срединѣ; неправильный треугольникъ съ маленькимъ кольцомъ въ срединѣ; правильно сдѣланный треугольникъ съ небольшими треугольниками, приставленными къ угламъ, такъ что клеймо очень напоминаетъ букву Д. Днища съ клеймами, сравнительно съ общимъ числомъ найденныхъ днищъ, немного.

Изъ кузнечныхъ инструментовъ найдена небольшая наковальня $6\frac{1}{2}$ снт. длины, одна сторона эя представляетъ квадратъ въ 5 снт., другая 3 снт.; затѣмъ большой молотъ 11 снт. длины съ квадратными сторонами въ 5 и 7 снт.; кроме того, есть еще три молотка гораздо меныше: узкій молотокъ $15\frac{1}{2}$ снт. длины съ однимъ четыреугольнымъ концомъ и другимъ, расклепаннымъ лопаткой; молотокъ 11 снт. длины, одинъ конецъ его квадратный, другой немножко сплющенъ; изъ четырехъ найденныхъ напильниковъ, три плоскіе въ 14, 16 и 17 снт. длины, и одинъ—съ одной стороны плоскій, а другой—полукруглый,

24 снт. длины; какъ небольшіе молотки, такъ и напильники могли употребляться и въ другихъ ремеслахъ. Найденъ также кусокъ желѣзного шлака, что тоже имѣть отношеніе къ кузнечному ремеслу, и большой правильный кругъ въ 13 снт. діам. и 3—4 снт. толщины плохого желѣза, служившаго вѣроятно материаломъ.

Между цѣлыми найденными зеркалами есть одно, не вполнѣ отлитое; вѣроятно не хватило материала и оно осталось въ не-отдѣланномъ видѣ, эта половина зеркала даетъ указаніе на существованіе литейнаго искусства; на одномъ изъ цѣлыхъ зеркалъ есть даже клеймо мастера въ видѣ буквы Т. Найдено около десяти разныхъ кусковъ литой ажурной мѣди, поправленной иногда рѣзцомъ, представляющихъ красивые орнаменты изъ крестовъ, арокъ и т. п.; пока трудно сказать, что они изъ себя представляли, такъ какъ обломки сравнительно незначительны. Найдено также нѣсколько небольшихъ брусковъ мѣди, вѣроятно служившихъ въ качествѣ материала. Орнаменты на мѣдныхъ пластинкахъ выбивались и посредствомъ штампа; ихъ встрѣтилось нѣсколько, какъ болѣе простыхъ, каковы—выбитые полушарики, спираль, кругъ изъ двухъ полосокъ веревочкой съ рядомъ шариковъ въ срединѣ, грубое изображеніе птички, такъ и болѣе художественной работы. Къ послѣднимъ относится небольшая мѣдная пластинка, на которой изображена въ кругѣ, изъ двухъ выпуклыхъ полосокъ съ шариками внутри, птица—гусь или скопѣе утка; всѣ особенности этой породы птицъ переданы очень реально; для симметріи круга голова у птицы повернута назадъ; всѣ части птицы вполнѣ естественны, только въ одномъ случаѣ художникъ, убоясь видно такого полнаго реализма, снабдилъ приподнятое крыло декоративнымъ завиткомъ.

Относительно того, были ли свои ювелиры на горѣ, мы не имѣемъ положительныхъ данныхъ. Несомнѣнно, что нѣкоторыя изъ украшеній были привозныя, какъ напр. серебряный браслетъ съ арабской надписью и еще другія.

Изъ столярныхъ и плотничихъ инструментовъ есть нѣсколько, которые остались неопределеными; изъ определенныхъ есть, прежде всего, цѣлый подборъ желѣзныхъ топоровъ. Они

разной формы; у однихъ верхняя часть совершенно прямая, лезвіе ровное, въ нижней части сдѣлана выемка подъ прямымъ угломъ, у другихъ—лезвіе полуокруглое и нижняя выемка изогнута кривой линіей; третій видъ, ближе всего подходящій къ теперешнимъ топорамъ, имѣеть верхнюю и нижнюю стороны идущими подъ угломъ отъ обуха и заканчивающимися полуокруглымъ лезвіемъ; въ общемъ топоры напоминаютъ теперешнія малорусскія „сокыры“. Длина топоровъ отъ 14 до 21 сант. Цѣлыхъ найдено 8, и около 10 обломковъ. Долота сдѣланы изъ сплошного желѣза безъ ручки, острѣе срѣзано или на одну сторону, или на двѣ; ихъ найдено три: 16, 19 и 27 сант. длины. Стамески есть маленькая и большія, ровные и полуокруглые; онѣ вставлялись въ ручки, одна узкая стамеска въ 13 сант. длины, вставлена въ ручку изъ оленѣяго рога въ 10 сант. длиной. Изъ трехъ найденныхъ буравчиковъ, не превышающихъ длиной 13 сант., два имѣютъ крупную нарѣзку и одинъ мелкую. Отъ рубанка сохранилось только желѣзко 8-ми сант. длины и $4\frac{1}{2}$ сант. ширины. Струги состоять изъ желѣзной полосы, согнутой полуокругломъ, съ одной рѣжущей стороной; по концамъ этой полосы приправлялись ручки; струговъ найдено 2, средней величины. Есть еще инструментъ въ родѣ струга, у него желѣзная полоса согнута въ кольцо, къ которому придѣлана ручка; этотъ инструментъ предназначался для выбирания дерева при выдѣлкѣ корытъ, мисокъ и т. п., для этой же цѣли служили и нѣкоторые другіе изъ найденныхъ инструментовъ. Струги же, кроме общистки дерева, могли употребляться для вырѣзыванія обручей; къ бочарному ремеслу повидимому должны быть также отнесены два продолговатые желѣзные бруска, погредствомъ которыхъ набивали обручи. Небольшія стамески и рѣзы, помимо столярныхъ работъ, пригодны и для рѣзьбы по дереву, хотя остатковъ рѣзного дерева не сохранилось. За то уцѣлѣли небольшіе фрагменты кости съ вырѣзанными орнаментами. Есть также три костяные свистка въ 5 сант. длины съ вырѣзанными дырочками; въ одномъ свисткѣ такихъ дырочекъ три (таб. I, № 20). Найдено нѣсколько кусковъ кости, отпиленныхъ и распиленныхъ, предназначенныхъ для работы въ качествѣ материала. Загадку

представлеютъ двѣ костяныя пластинки съ острыми рожками на одномъ концѣ и съ четырьмя продѣланными въ каждой дырочками (таб. I, №№ 17 и 26). О знакомствѣ обитателей Княжей Горы съ токарнымъ искусствомъ говорятъ найденные обугленные куски деревянной чашки.

Для оттачиванія разнаго рода инструментовъ служили бруски, сдѣланые изъ обыкновеннааго краснаго песчаника. Бруски разной формы и величины; большинство ихъ—продолговатые, четыреугольные; почти всѣ сильно сточены; ихъ найдено около 50 штукъ. Въ одномъ случаѣ попался большой кусокъ песчаника, сточенный полукругомъ; онъ, быть можетъ, составляетъ часть точильного колеса. Орудія оттачивались какъ плоскія, такъ и острыя, оставлявшія въ этомъ случаѣ бороздки на брускѣ. Для болѣе тонкаго оттачиванія употреблялись небольшія точилки изъ темнаго и свѣтлаго сланца, нѣкоторыя изъ нихъ четыреугольныя, другія круглыя; онъ иногда привѣшивались, и для этой цѣли въ нихъ продѣлывались дыры; найдено ихъ немного—4 или 5 штукъ.

Жители Княжей Горы занимались между прочимъ и торговлей. Изъ предметовъ, указывающихъ на это занятіе, во время раскопокъ найдена небольшая мѣдная чашечка отъ вѣсовъ $4\frac{1}{2}$ снт. въ діаметрѣ, съ тремя дырочками по краямъ. Чашкой вѣсовъ могла быть и большая, съ остатками цѣпочекъ, описанная выше. Найдено также два мѣдныхъ предмета, которые, быть можетъ, служили разновѣсками; одинъ изъ нихъ въ видѣ квадратной плитки въ $3\frac{1}{2}$ снт. и около двухъ снт. высоты, въ срединѣ сдѣлано чашеобразное углубленіе, вѣсъ $37\frac{1}{2}$ золотн.; другая въ видѣ цилиндра около $3\frac{1}{2}$ снт. въ по-перечнике и $2\frac{1}{2}$ высоты, въ срединѣ также круглое углубленіе, вѣсъ $34\frac{1}{4}$ золотн. На торговыя сношенія указываетъ нахожденіе такихъ предметовъ какъ прядильцы, производство которыхъ сосредоточивалось въ овруцкомъ у. волынск. губ., а на сношенія съ болѣе отдаленными мѣстностями—раковина Cyprea moneta и обломокъ большой также морской раковины, бусы стеклянныя и изъ композиціи, амфоры, зерно финика, серебряный браслетъ съ арабской надписью и др.

Къ сожалѣнію не найдено ни одной монеты съ опредѣленіемъ мѣста чеканки и даты, найдено только пять серебряныхъ гривенъ кіевскаго типа, которыя были мѣстною монетою. На трехъ гривнахъ, на плоской сторонѣ ихъ, находятся рѣзы, которые служили, или знаками собственности, или знаками счета; состоятъ они изъ двухъ параллельныхъ линій, перечеркнутыхъ, на первой гривнѣ одной линіей, на второй двумя, на третьей тремя, также параллельными; гривны вѣсятъ: 1) $37\frac{3}{4}$ зол. 2) 38 зол. (три полоски), 3) $38\frac{1}{4}$ зол., 4) $38\frac{1}{2}$ зол. (двѣ полоски) и 5) $38\frac{3}{4}$ зол. (одна полоска).

Къ орудіямъ войны относятся прежде всего стрѣлы; стрѣлы найдены костяныя и желѣзныя; первыя, можетъ быть, относятся къ болѣе раннему періоду, чѣмъ великокняжескій, но во всякомъ случаѣ, мы сюда отнесли только тѣ костяныя стрѣлы, которыя очевидно сдѣланы не посредствомъ склаживанія и тренія, а металлическими инструментами. Самый грубый экземпляръ представляетъ довольно большая стрѣла—около 10 сант. длины (таб. I, № 13), сдѣланная изъ трубчатой кости. Болѣе правильно отдѣлана ромбическая стрѣла (таб. I, № 19). Вполнѣ же совершенный экземпляръ представляетъ продолговатая стрѣла (таб. I, № 21), украшенная посрединѣ и очасти по краямъ выпуклыми полосками, длина ея 5 сант. Цѣлый разрядъ составляютъ костяныя стрѣлы, сдѣянныя изъ длинной пластинки, срѣзанной въ четыре грани, такъ что въ разрѣзѣ получается узкий ромбъ (таб. I, №№ 18 и 22); острие у нихъ закруглено, конецъ же, который вставлялся въ древко, срѣзанъ съ двухъ сторонъ, на срѣзанныхъ плоскостяхъ нарѣзаны насѣчки для большаго укрѣпленія въ древко; такихъ стрѣлъ цѣлыхъ найдено 6, самая длинная изъ нихъ—9', сант. длины, кромѣ того, около десяти сломанныхъ. Кость въ этихъ стрѣлахъ хрупкая и темная, только одинъ экземпляръ не потерялъ ни цвѣта, ни крѣпости и вообще замѣчательно сохранился (таб. I, № 18). Къ стрѣламъ могутъ быть также отнесены костяные конусы, о которыхъ сказано выше, имѣющіе внизу отверстіе (таб. I, №№ 12 и 16). Громадное разнообразіе представляютъ желѣзные наконечники стрѣлъ. Они разной величины и формы: ром-

бовидные, листообразные, треугольные, въ видѣ стаместки, въ видѣ тяжелаго четыреугольнаго острія и т. д. Всѣ эти наконечники имѣютъ острый нижній стержень, который вбивался въ древко; есть только 4 стрѣлы съ втулкой, въ которую вставлялось древко; всѣхъ вообще стрѣлъ найдено болѣе 170 штукъ. Для большаго удобства при натягиваніи тетивы употреблялись кольца; одно такое костяное кольцо найдено во время раскопокъ (таб. I, № 11); на внутренней сторонѣ замѣтны слѣды отъ тетивы въ видѣ бороздокъ. Переходомъ отъ стрѣлъ къ копьямъ служать три плоскіе наконечника въ 7 и 9 снт. длины со стержнями, у двухъ изъ нихъ стержни эти на концѣ загнуты; наконечники эти вставлялись въ ручки и могли служить дротиками. Простейшій видъ копья представляетъ заостренный четыреугольный прутъ съ втулкой, въ которую вставлялась палка; есть два такихъ копья— $22\frac{1}{2}$ и 26 снт. длины. Затѣмъ, желѣзный прутъ принимаетъ въ разрѣзѣ видъ ромба, для ручки сдѣлана втулка, какъ и во всѣхъ слѣдующихъ копьяхъ; ромбическихъ копій найдено 3—въ 25, 29 и 30 снт. длины. Изъ плоскихъ листообразныхъ копій найдено одно легкое въ 3 снт. ширины, по бокамъ втулки идетъ орнаментъ изъ двухъ рядовъ дырочекъ, копье сломано и въ настоящемъ видѣ имѣетъ 27 снт. длины; кромѣ этого, есть три цѣлыхъ, очень тяжеловѣсныхъ, въ 5 и $6\frac{1}{2}$ снт. шириной и въ 33, 36 и 39 снт. длиной. Несколько найденныхъ четырехгранныхъ кусковъ могутъ быть какъ отъ копій, такъ и отъ мечей. Послѣднихъ не найдено ни одного, встрѣчались только перекладины отъ нихъ и кольца отъ ноженъ. Перекладиной прежде всего можетъ быть костяной предметъ въ видѣ узкой толстой пластинки въ 6 снт. длиной, съ продолговатымъ отверстиемъ въ срединѣ (таб. I, № 24). Желѣзныя перекладины (найдено 4 штуки) сдѣланы изъ желѣзной пластинки, къ концамъ суживающейся, въ 6, 9, $9\frac{1}{2}$ и 10 снт. длиной; пластинки или ровныя, или съ пригнутыми книзу концами, въ срединѣ находится узкое отверстіе въ 2, $2\frac{1}{2}$ и 3 снт. длиной. Такъ какъ мечей не найдено, то только по этимъ перекладинамъ можно судить о формѣ ихъ, именно, отверстія, продѣланныя въ перекладинахъ, съ одной стороны болѣеши-

рокія, съ другой узкія, даютъ основаніе предположить, что клинки были не обоюдоострые, а съ одной тупой стороной, были ли они прямые, или изогнутые въ видѣ сабли—неизвѣстно. Только въ одномъ случаѣ перекладина имѣеть одинаковые концы по бокамъ щели, во всѣхъ же другихъ случаяхъ одинъ конецъ гораздо длиннѣе другого; это обстоятельство также говоритъ въ пользу того, что только одна сторона была острая. Кажется, мы имѣемъ образецъ, хотя плохой, этого рода оружія; найденный обломокъ состоить изъ ручки въ 10 сант. длиной и части клинка; клинокъ, острый съ одной стороны, имѣлъ повидимому у тупого края борозду; ширина его $3\frac{1}{2}$ сант., длина сохранившейся части 11 сант. Отъ ноженъ, которыя повидимому были деревянныя, сохранилось нѣсколько желѣзныхъ ободковъ съ кольцами для привѣшиванія и желѣзные же наконечники. Къ оружію можно отнести также желѣзную булаву, въ видѣ граненаго куба 4-хъ сант. вышины, съ дырой для ручки, и мѣдный шаръ, съ ушкомъ для ремня, ремень приклѣплялся къ ручкѣ и одрудіе имѣло видѣ кистеня. Найдены только незначительные куски повидимому отъ шишака, именно, верхняя часть съ желѣзнымъ шпицемъ и кусокъ полукруглой бляхи отъ нижняго ободка.

Что касается языка обитателей Княжей Горы, то нѣкоторыя свѣдѣнія могутъ дать надписи на образкахъ и крестахъ; такъ напр., произношеніе имени Николая въ формѣ Никулы, затѣмъ название складныхъ крестовъ-энколпіоновъ панагіями и нѣкоторыя другія, въ общемъ немногочисленныя. Гораздо больше матеріала представляютъ эти надписи для палеографіи; даже при поверхностномъ просмотрѣ можно замѣтить, что надписи по начертаніямъ буквъ относятся къ разному времени, но все таки большинство ихъ славянскія. Вообще надписи на образкахъ и крестахъ Княжей Горы заслуживаютъ подробнаго изученія съ палеографической точки зрѣнія; въ нихъ пока заключаются единственныя указанія на эпохи, которыя пережилъ поселокъ на Княжей Горѣ.

Добытый археологическій матеріалъ не даетъ намъ никакихъ указаній касательно соціального строя жизни поселка.

Только развѣ съ экономической стороны нѣкоторыя данныхы представляютъ найденные клады. Кладовъ найдено четыре. Всѣ они представляютъ разную цѣнность. Самый богатый состоитъ изъ золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ вещей; вещи слѣдующія: золотыя—двѣ бусы; кусокъ плетеной цѣпочки; нѣсколько продолговатыхъ бляшекъ отъ повязки; двѣ подвески полумѣсяцами; тяжелое витое кольцо; такое же кольцо поменьше; два перстня съ гнѣздами для камней; браслетъ изъ цѣочекъ кольчаками; пять серегъ кievскаго типа; небольшая замкообразная серьга съ испорченной эмалью; два образка съ эмалевыми изображеніями Божіей Матери и Іоанна; серебряныя—небольшая бусинка; 14 звѣньевъ отъ браслета съ двумя привѣсками въ видѣ желудей; нѣсколько бляшекъ отъ повязки; перстень съ выгравированнымъ крестомъ; замкообразная серьга; такал же серьга съ ажурнымъ ободкомъ; витой браслетъ; 4 шейныхъ обруча; мѣдныя—складной крестъ (энколпіонъ) средней величины; небольшая орнаментированная чашечка; 7 круглыхъ бляшекъ съ отверстіями въ срединѣ; миніатюрный кинжалчикъ съ дырочкой; кольцо изъ мѣдной бляхи; два предмета неизвѣстнаго назначенія. Кладъ этотъ пострадалъ отъ огня, нѣкоторыя вещи испорчены, а нѣсколько золотыхъ и серебряныхъ расплавилось и слилось въ одну массу. Найденъ онъ недалеко отъ вала, съ юго-восточной стороны горы на глубинѣ 6—7 вершковъ, чѣмъ объясняется и то обстоятельство, что огонь досталъ вещи; кладъ найденъ прямо въ землѣ безъ всякой посуды. Второй, менѣе богатый кладъ, найденъ въ небольшомъ черепянномъ кувшинѣ съ той же стороны горы и на такой же глубинѣ; онъ состоитъ изъ слѣдующихъ серебряныхъ вещей: 5 замкообразныхъ серегъ; 19 серегъ кievскаго типа разныхъ рисунковъ; 16 серегъ изъ толстой проволоки, завернутой кольцомъ; пять шестиугольныхъ слитковъ—гривенъ кievскаго типа; кроме этихъ серебряныхъ вещей еще только одна золотая серьга кольцомъ изъ тонкой проволоки. Третій кладъ, найденный безъ всякой посуды все съ той же стороны и на такой же глубинѣ, заключаетъ лишь серебряныя вещи: 33 гладкія проволочные серьги; 7 серегъ кievскаго типа; гладкое сереб-

ряное кольцо и серебряный перстень. Четвертый кладъ, найденный съ той же стороны при отверстіи печи, состоитъ изъ 19 гладкихъ проволочныхъ серегъ. То обстоятельство, что клады найдены на такой незначительной глубинѣ, указываетъ на поспѣшность съ какою онѣ были скончаны; три изъ нихъ, найденные безъ посуды, вѣроятно были сложены въ платки и въ такомъ видѣ зарыты. Обиліе въ одномъ и томъ же кладѣ многихъ одинаковыхъ украшеній даетъ основаніе предположить, что клады принадлежали не одному лицу, а нѣсколькимъ, и можетъ быть составляютъ имущество цѣлыхъ семей. Присутствіе въ одномъ изъ кладовъ гривенъ намекаетъ на профессію обладателя клада, именно, на профессію торговца. Другіе предметы уже прямо указываютъ на классъ ремесленниковъ, каковы напр. гончари, кузнецы, плотники и др.

Единственный изъ обрядовъ, остающійся изслѣдователямъ отъ исчезнувшаго народа, есть обрядъ погребенія. При нашихъ раскопкахъ на Княжей Горѣ только въ пяти случаяхъ найдены цѣлые, нетронутые скелеты. Два костяка обнаружены съ юго-восточной стороны; одинъ изъ нихъ лежалъ головой на сѣверо-западѣ, на разстояніи 5-ти метровъ отъ раздѣльного бугра, въ узкой ямѣ, на глубинѣ 1,35 мет. отъ поверхности; другой—въ такой же узкой ямѣ, на глубинѣ 1,2 мет. и на 2,6 мет. отъ бугра, головой на юго-западѣ, руки у него были сложены на груди. Три остальные скелета найдены съ сѣверо-западной стороны, на глубинѣ около 1 мет. и на разстояніи 1,4 мет. отъ бугра; лежали они такъ, что голова одного приходилась у ногъ другого; головы на юго-западѣ; руки у всѣхъ положены на грудь. Нахожденіе этихъ скелетовъ на горѣ среди бывшихъ жилищъ, построенныхъ очень тѣсно, затѣмъ то обстоятельство, что трупы были зарыты неглубоко, показываетъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ нормальнымъ обрядомъ погребенія, всѣ эти признаки указываютъ на поспѣшность погребенія, вынужденную быть можетъ осадой, когда не было возможности скончанть мертвыхъ за валомъ.

Въ общемъ мы должны признать, что поселокъ на Княжей Горѣ, по крайней мѣрѣ въ послѣднее время своего суще-

ствованія, достигъ сравнительно высокой степени культуры. Даже на самыхъ незначительныхъ вецичкахъ сказывается стремленіе къ изящному, которое въ укашеніяхъ достигаетъ полнаго развитія. Изъ другихъ, болѣе мелкихъ, чертъ характера жителей Княжей Горы отмѣтимъ большую религіозность, на что указываютъ многочисленные кресты и образки; затѣмъ, пожалуй еще домовитость въ одномъ изъ ея проявленій, именно, въ заботѣ о цѣлости своего добра, такъ какъ найденные замки составляютъ одинъ изъ самыхъ многочисленныхъ отдѣловъ, что однако, съ другой стороны, не особенно говорить въ пользу строгой нравственности жителей поселка.

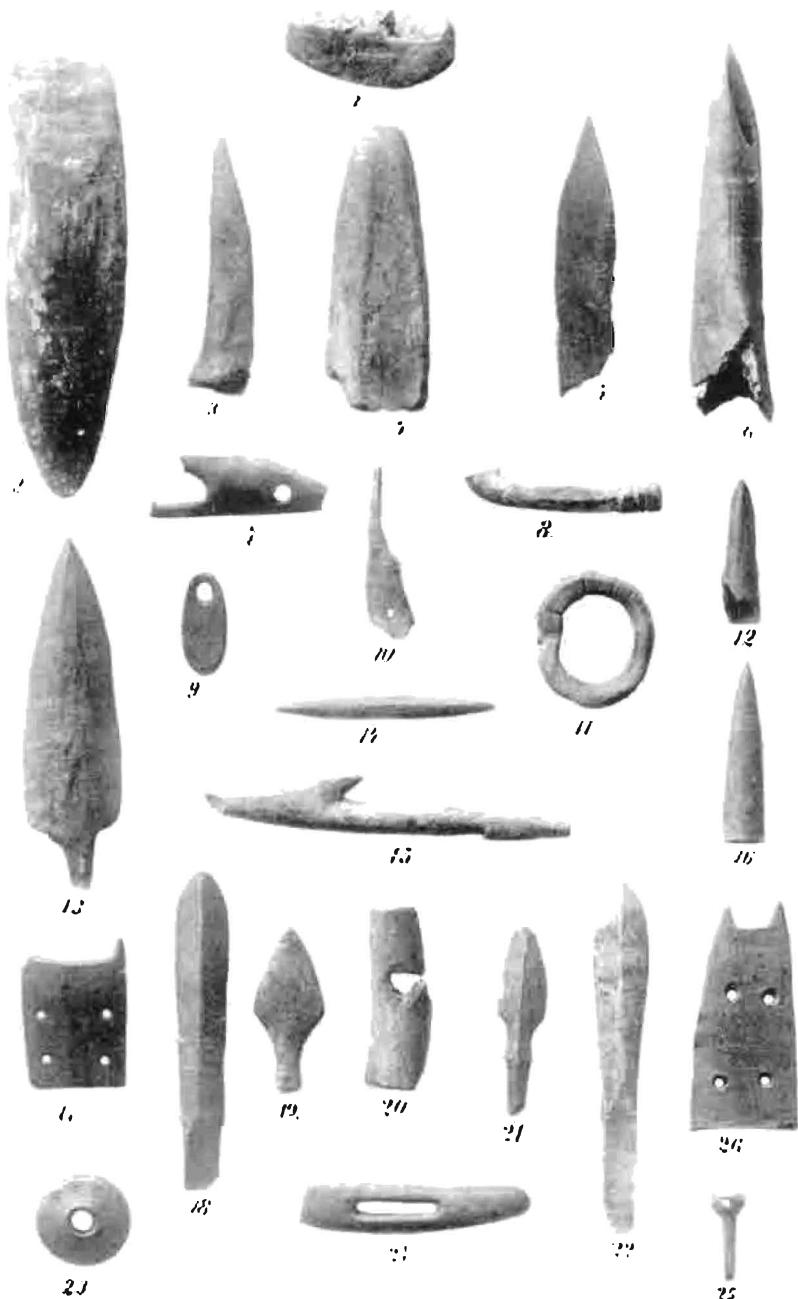
Жизнь поселка, прошедшая нѣсколько ступеней развитія и достигшія извѣстной полноты и разнообразія, была внезапно прекращена. Разрушеніе поселка, сопровождавшееся пожаромъ, произошло вѣроятно въ половинѣ XIII ст., такъ какъ большинство найденныхъ предметовъ относится именно къ этому времени.

Что касается того, съ какимъ собственно поселкомъ мы имѣемъ дѣло на Княжей Горѣ, то вопросъ этотъ вызываетъ нѣкоторая сомнѣнія. Съ одной стороны, географическое положеніе указываетъ на городъ Родню, съ другой же, кромѣ единственного лѣтописнаго упоминанія о Роднѣ подъ 980 г., мы не имѣемъ никакихъ лѣтописныхъ свѣдѣній о дальнѣйшей, несомнѣнно существовавшей и развивавшейся жизни этого поселка. Быть можетъ, вопросъ этотъ объясняется вообще неполнотой свѣдѣній въ нашей первоначальной лѣтописи.

Ник. Вѣляшевскій.

Таблица I.

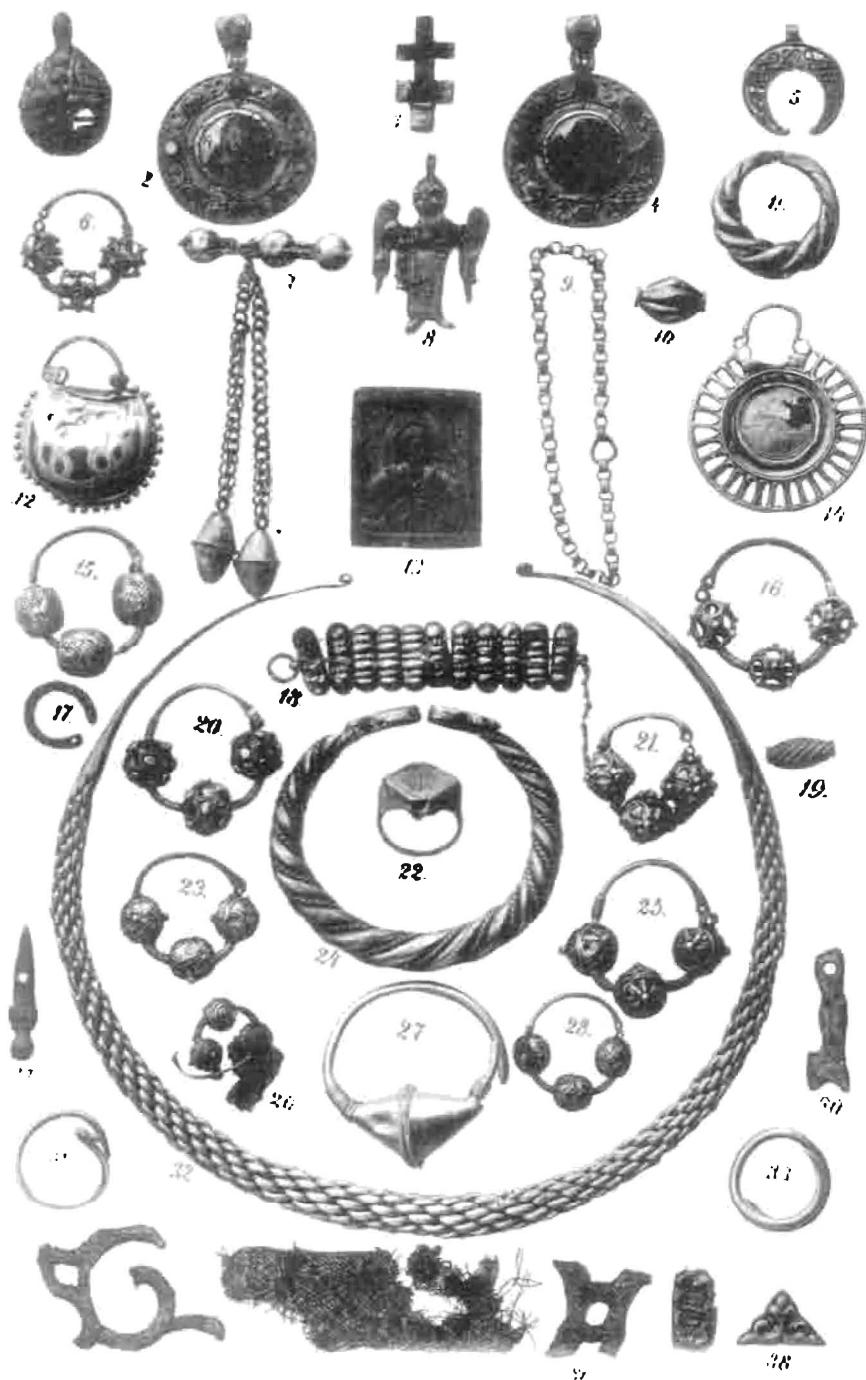

Семипечать С. И. Бульгакова.

Въ $\frac{1}{2}$ натуралъ. педичини.

Раскопки на Княжей Горѣ въ 1891 г.

Таблица II.

Составлено С. В. Кульгунко.

Въ $\frac{1}{2}$ натуральн. величины.

Раскопки на Княжей Горѣ въ 1891 г.

КЪ ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ДУМЪ.

(По поводу статьи г. Равиты о думахъ).

Въ польскомъ литературно - художественномъ еженедѣльнику „Тыгодникъ“ (Варшава) за 1890 г. намъ пришлось познакомиться съ довольно любопытной въ извѣстномъ смыслѣ статьей г. Ф. Равиты „Думы“ (№№ 16, 17, 18 и 19), где авторъ пытается между прочимъ рѣшить вопросъ о томъ, что такое малорусская дума въ ея существо, какова ея древность, въ чемъ заключались причины ея появленія. Съ нѣкоторыми особенностями взглядовъ г. Равиты мы и хотимъ познакомить нашихъ читателей и кстати указать степень основательности этихъ взглядовъ и права ихъ на научное вниманіе.

Статья начинается любопытнымъ признаніемъ автора, что польская литература „очень мало занимается литературою родственныхъ народовъ“, что прежде всего невыгодно отзывается на ней же самой. Этотъ укоръ современному польскому обществу весьма справедливъ: кто не знаетъ глубокаго равнодушія поляковъ (я говорю о господствующемъ въ польскомъ обществѣ теченіи) къ инославянскимъ изученіямъ. По отношенію къ русскимъ вообще, а въ частности къ малоруссамъ такое отношеніе еще не понятнѣе, еще непростительнѣе, и г. Равита совершенно вѣрно заявляетъ, что поляки и русскіе, живя бокъ о бокъ, часто даже одною государственною жизнію (какъ во время Рѣчи Посполитой—поляки, малороссы бѣлоруссы, теперь въ Австріи—поляки и червоноруссы, а въ Россіи—поляки и всѣ три русскихъ племени), не могли не вліять другъ на друга

въ племенномъ, общественномъ и культурномъ отношениі, а между тѣмъ факты такихъ взаимныхъ вліяній и воздѣйствій все еще не выяснены...

Въ частности, разбирая вопросъ о малорусской народной поэзії, г. Равита болѣе или менѣе полную самородность и самобытность усвояетъ только одному ея отдельу—думамъ; только этотъ отдельъ пѣсенъ онъ считаетъ полнымъ выражителемъ духа и всего душевнаго склада южнорусскаго народа. Преклоняясь предъ художественною силою думъ, малорусской эпикѣ 18 и 19 вв. онъ не придаетъ почти никакого поэтическаго значенія, отнимая у нея „свѣжестъ, силу и другія черты артистического творчества“.

Обстоятельство это онъ объясняетъ тѣмъ, что народъ, подобно пташкѣ пѣвчей, творитъ лишь при условіи извѣстной свободы въ культурныхъ, общественныхъ, экономическихъ и проч. отношеніяхъ. Мысль эта, если даже и признать ея справедливость съ извѣстными, впрочемъ, ограниченіями, можетъ однако быть отнесена лишь къ 19 вѣку, но едвали къ 18, когда еще происходили и стычки съ татарами, и частыя войны съ турками, въ коихъ южнорусское казачество играло далеко не послѣднюю роль, и разныя другія обстоятельства, которыхъ должны были, напротивъ, будить народную мысль и чувство, напр.: колівщина. Убийственной для духа народнаго работѣ козаковъ на каналахъ г. Равита придается, какъ мнѣ кажется, слишкомъ преувеличенное значеніе, да наконецъ не одна же эта работа заполнила собою весь 18 вѣкъ!...

Противорѣчивыя мысли мы встрѣчаемъ въ общемъ мнѣніи г. Равиты о присущей будто-бы единственно лишь думамъ самородности и самобытности въ области южнорусской народной поэзії. Наставляя неоднократно на такой самородности и самобытности, онъ однако самъ же заявляетъ и о томъ, что бандура, или кобза—вовсе не исключительно южнорусское музыкальное орудіе и ссылкою на мнѣніе извѣстнаго слависта Миклошича доказываетъ, что это орудіе было извѣстно не только грекамъ и римлянамъ, а позже болгарамъ, чехамъ, даже полякамъ, но и турецко-татарскимъ племенамъ, между прочимъ и

мадьярамъ; что, будучи ассирийского происхождения, бандура перешла въ Южную Русь изъ многочисленныхъ греческихъ поселений на сѣверномъ берегу Чернаго моря. Думы, по мнѣнию г. Равиты, тоже по своему происхождению стоять въ тѣсной, непосредственно преемственной связи съ пѣснями древнихъ греческихъ рапсодовъ; особенности этихъ пѣсенъ были будто бы усвоены населеніемъ южной Руси главнымъ образомъ въ византійскій периодъ русской исторіи, и къ таковымъ особенностямъ, перешедшимъ въ южнорусскія думы, онъ относить, наприм., ритмическую форму стиха и способъ декламаціи при помощи скандованія. Позднѣйшее козачество нашло въ нихъ уже готовую этическую форму, въ которую и вложило содержаніе своей поэзіи, въ видѣ изображенія героическихъ сторонъ своей жизни, которая оно нашло нужнымъувѣковѣчить при помощи существовавшей уже до того думы! Въ одномъ мѣстѣ (295 стр.) онъ даже прямо утверждаетъ, что „думы въ собственномъ значеніи этого слова,—вовсе не пѣсни, а лишь декламація, речитативъ, возглашаемый и звучавшій *takъ же точно, какъ и у греческихъ пѣвцовъ* (*dumy... wygłaszane tak samo, jak się wyglaszały rapsody greckie*). Помимо отмѣченного уже нами противорѣчія, въ этихъ мысляхъ слишкомъ много преувеличенія, чтобъ, конечно, бросится въ глаза всякому, кто имѣеть хоть какое нибудь понятіе о предметѣ! Можно ли въ самомъ дѣлѣ серьезно говорить о „способѣ декламаціи при помощи скандованія“, будто бы перенятомъ южнорусскими кобзарями отъ греческихъ рапсодовъ? Какое-такое скандование нашелъ авторъ въ нашихъ думахъ? Развѣ не ясно для всякаго, что стихосложеніе думъ основано вовсе не на метрическомъ, а на чистомъ тоническомъ началѣ? Что стихи думъ, при всей ихъ вольности въ смыслѣ величины (я говорю о неодинаковой длины стиховъ, что составляетъ въ думахъ обычное явленіе) то и дѣло риѳмуются между собою, что можно даже наблюдать въ нихъ чередованіе удареній, хотя и въ зачаточномъ состояніи? Слишкомъ рисковано, наконецъ, искать возникновенія думъ въ византійскомъ периодѣ русской исторіи, такъ какъ почти не имѣется (за исключеніемъ развѣ „Слова о полку

Игоревъ“) предшествующихъ, подходящихъ къ дѣлу, явл. Вообще мнѣнія г. Равиты о тѣсномъ, непосредственномъ исходеніи думъ отъ греческихъ рапсодій кажется намъ скомъ ужъ мало состоятельнымъ... Повидимому и самъ авторъ не очень то увѣренъ въ правдоподобности этого своего мнѣнія по крайней мѣрѣ, въ одномъ мѣстѣ (295 стр.) онъ, на ственный же вопросъ: какъ пѣли бандуристы (древніе прпественники козацкихъ кобзарей?) отвѣчаетъ: не знаемъ и когда не узнаемъ! (Nie wiemy i nie bѣdziemy nigdy wiedzieć). Такой отвѣтъ является однако же довольно страннымъ, и припомнить его же предположеніе, что бандуристы суть исконные преемники греческихъ кобзарей съ ихъ „декламацію помочи скандованія“.

Изъ другихъ мнѣній г. Равиты, неосновательныхъ даже невѣрныхъ, отмѣтимъ еще одно, бросающееся прямо глаза своею странностію и рѣшительно неизвѣстно на чѣмъ основанное. Онъ утверждаетъ, что съвернорусскія былины заключаютъ въ себѣ ничего изъ древнихъ южнорусскихъ традицій, кроме имёнъ великокняжескаго времени! (do bylin, opr. nazwisk z wielkoksiążęczej epoki: Władimir, Krasnoje Sołnys; Dobrynia i t. d. nic się więcej nie dostało). Можно ли быть такой мѣрѣ мало знакомымъ съ этимъ вопросомъ, принимающимъ такую задачу, какъ опредѣленіе законовъ происхожденія произведеній народнаго творчества? (Статья г. Равиты озаглавлена очень притязательно для общедоступнаго еженедѣльнаго изданія: „Очерки изъ исторіи народнаго творчества“).

Кто же не знаетъ, что взгляды народа на князя Владимира—Красное Солнышко въ былинахъ находятъ себѣ полное подтвержденіе въ лѣтописяхъ, что былинный Владимир является въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ двойникомъ лѣтописна. Такъ, напр., сущность отношеній лѣтописнаго Владимира дружинѣ отразилась и въ былинахъ, где отношенія Владимира Красна Солнышка къ богатырямъ имѣютъ тотъ же патриахальный характеръ. Въ дружину могъ попасть всякий „мужъ“ (не „мужикъ“: этотъ оставался при своихъ деревенскихъ людяхъ), была бы въ немъ только сила и храбрость, и къ Кра-

ну Солнышку отовсюду собираются и известные, и неизвестные богатыри, привлекаемые его ласковостью, его „почесными“ пирами, любовью къ которымъ отличался и лѣтописный Владими́ръ. Былинный Владими́ръ Красное-Солнышко набоженъ и часто бываетъ „у обѣденки церковной“; у лѣтописнаго князя Владимира—христіанина набожность тоже является преобладающею чертою. Даже пресловутая трусость былиннаго Красного-Солнышка находитъ себѣ объясненіе въ той неохотѣ къ военнымъ походамъ, какую мы замѣчаемъ въ лѣтописномъ Владими́рѣ-христіанинѣ, и въ тѣхъ неудачахъ, какія иногда случались съ нимъ (вспомнимъ, напр., его войну съ Печенѣгами, когда ему пришлось разъ даже укрываться отъ врага подъ мостомъ, гдѣ и былъ данъ имъ обѣтъ построить, въ случаѣ спасенія, церковь!).

Такихъ сопоставленій можно было бы привести еще немало, но и приведенныхъ, кажется, достаточно, чтобы видѣть, какъ неосновательно указанное мнѣніе г. Равиты о былинахъ, и какъ онъ, повидимому, самъ мало освѣдомленъ въ вопросахъ о происхожденіи и характерѣ разныхъ видовъ русского народнаго творчества, безъ чего однако едва ли можно пускаться на такой утлой ладье въ безбрежное море „очерковъ изъ истории народнаго творчества“.

А. Степовичъ.

ГЕТМАНЬ МАЗЕПА И ОСТЕРСКІЯ ОБЩІЯ ЗЕМЛІ.

(Изъ истории землевладѣнія въ лѣво-вережной Украинѣ).

Помѣщаемый ниже универсалъ гетмана Мазепы показался намъ не лишеннымъ интереса въ двоякомъ отношеніи: съ одной стороны, онъ представляетъ собою небольшую, но характерную страничку изъ исторіи той борьбы городовъ и сель съ монастырями за земли, которая началась еще въ XVII в. и затѣмъ красною нитью проходитъ чрезъ всю исторію Малороссіи XVIII в.; съ другой,—онъ яркими чертами обрисовываетъ намъ и организацію власти и управлениія, и ту крайнюю неопредѣленность компетенціи власти, предѣловъ ея дѣятельности и правъ, которые существовали въ Малороссії XVII и XVIII в. Мы займемся универсаломъ лишь съ точки зрѣнія поземельныхъ отношеній.

Въ мѣстности, къ которой относится нашъ документъ, борьба городовъ и сель за земли получила особенно рѣзкій характеръ, вслѣдствіе пріобрѣтенія здѣсь, въ области кіевской и остерской сотень, монастырями громадныхъ пространствъ земли. Почти вся полоса земли по Днѣпру отъ Десны до границъ нынѣшней черниговской и полтавской губ., и даже далѣе къ югу, находилась въ рукахъ то Кіево-Печерской лавры, то Межигорскаго, то Михайловскаго, то Братскаго монастырей и т. д., пріобрѣвшихъ ее, главнымъ образомъ, путемъ дареній или и просто купли (какъ напр. с. Чернинъ со всѣми угодьями, которое продалъ Межигорскому монастырю Скуминъ Тышкевичъ въ началѣ XVII в.¹⁾).

¹⁾ См. Рум. опись, документы остерской сотни, т. 8, № 1, 2, 3 п сл.

Если границы, отдалившиа имѣнія одного монастыря отъ другого и были (какъ видно изъ документовъ) проведены болѣе или менѣе точно, то нельзя сказать того же о восточныхъ границахъ ихъ, гдѣ они соприкасались съ землями, издавна принадлежавшими на правахъ общаго владѣнія и г. Остру, и селамъ, тянувшимъ къ нему. Здѣсь стремленіе раздвинуть предѣлы собственности до береговъ Десны и овладѣть всѣмъ пространствомъ и лѣсовъ, и полей, и сѣнокосовъ, отдалившихъ монастырскія приධѣлѣпровскія земли отъ теченія Десны, становятся рано замѣтными и выражаются въ созданіи близъ Десны небольшихъ владѣній въ видѣ оазисовъ, которые могли послужить центромъ дальнѣйшаго распространенія монастырской собственности. Но большая часть мѣстности, лежавшая по обѣимъ берегамъ Десны, съ центромъ въ Острѣ, съ незапамятныхъ временъ составляла предметъ общаго пользованія¹⁾ и Остра, и сель, тянувшихъ къ остерскому замку. Въ половинѣ XVI в., какъ видно изъ люстрацій, не только с. Выползовъ (или Выползковъ), но даже Чернинъ и масса другихъ составляли одно цѣлое съ Остромъ и тянули къ нему. Если временно нѣкоторыя села (какъ Выползовъ и др.) и попадали въ пользованіе либо кіевскихъ стольниковъ (напр. Яловицкаго), либо судей земскихъ (напр. Аксака), то лишь, большую частью, пожизненно²⁾, и въ XVII в. (къ 1652) многія изъ нихъ уже возвращены были вновь городу, какъ напр., то же село Выползовъ³⁾. Послѣ восстанія Богдана Хмельницкаго, общія земли, принадлежавшія Остру, были сохранены за городомъ, и въ пользованіи его жителей и жителей сель, тянувшихъ къ нему, находились, напр., на правомъ берегу Десны большія пространства лѣсныхъ и сѣнокосныхъ угодій, „вольныя пущи“ карпиловская, лутавская, выползовская и др. Только часть деревень мало по малу перешла въ частные руки, благодаря раздачѣ ихъ на рангъ. Когда въ 1730 г. назначено было слѣд-

¹⁾ Ib., ост. сотни, документы с. Бѣликовъ и Остра, въ томѣ документовъ, относ. до городовъ и цеховъ кіевского полка.

²⁾ Люстрація 1550 г., Архивъ юго-зап. Россіи, ч. VII, т. I, стр. 342.

³⁾ Ib., стр. 597.

ствіе о маєтностяхъ, то оказалось, напр., что села Выползовъ, Карпиловка и т. д., объявленныя было войсковыми, переходили въ XVII в., какъ ранговыя, изъ рукъ полковника Солонины въ руки знатнаго товарища Подтеребы („за службу“), затѣмъ полковника Григорія Карповича. Послѣдній, „на прошеніе монаховъ Кіево-братскаго монастыра, ордеромъ своимъ обывателемъ карпиловскимъ приказалъ, абы до монастыра Братскаго на опалъ дровъ привезти плитами, который ордеръ монахи Кіево-братскаго монастыра взявшіи у змѣнника Мазепи, по оному на с. Карпиловку и уѣздніе села въ подтвержденіе и въ содержаніе тѣхъ сѣль универсаль мимо вѣдома полковника и старшины полковой подступно виправили“¹⁾). Переходъ села Карпиловки и др. въ руки монастыря, переходъ, утвержденный гетманами до Мазепы, явился именно создателемъ оазиса, вдобавокъ закрывшаго путь изъ Остра въ „вольныя пущи“ остерскія. Уже въ 1686 году гетману Самойловичу, въ отвѣтъ на „суплѣку“, поданную ему отъ „обывателей, козаковъ и мѣщанъ“ Остра, пришлось выдать Остру охранный универсаль. Въ виду „кривдъ“, якобы учиняемыхъ „отцомъ ректоромъ и игуменомъ братскими кіевскими“, а именно отнятія у Остра „кгрунтовъ стариннихъ, полей, сѣножатей и пущи“, гетманъ заявляетъ, что онъ не давалъ „полювъ, сѣножатей и лѣсовъ острянскихъ преречонному отцу ректору“, и потому постановляетъ, чтобы „онъ (ректоръ) не мѣлъ ихъ въ томъ кривдити“ и чтобы остряне пушу и др. угодья „заживали и теперъ, якъ и здавна“²⁾). Но, видимо, универсаль оказалъ мало дѣйствія, ибо и новому гетману, Іоанну Мазепѣ, опять пришлось вѣдаться съ тѣми же жалобами. И болѣе всего жалобъ вызывало то обстоятельство, что монастырь неизвѣстнымъ намъ путемъ пріобрѣлъ с. Выползовъ, чрезъ который шелъ главный путь въ „вольныя острянскія пущи“. Уже въ 1689 году протесты и жалобы жителей и старшины Остра

¹⁾ Слѣдствіе о маєтностяхъ, кіевскій полкъ, № 4—5. На владѣніе ютии селами монастырь получилъ и утвердительную Высочайшую грамоту отъ царей Іоанна и Петра 1694 г. Р. О. докум. остерской сотни, т. 7, док. с. Карпиловки.

²⁾ Универсалъ 1686 г. іюля 8 дня, Р. О. документы относ. до городовъ и цеховъ кіевскаго полка.

и остерской сотни, вынудили Мазепу издать по вопросу о Выползовѣ новый универсаль¹⁾.

Новый гетманъ принялъ въ началѣ сторону Остра, призналъ справедливою „суплѣку“ его, „жебы село Выповзовъ, здавна къ городовѣ вашему належное, по прежнему знову ваше было для спокойного уезджаня въ пущу, за тымъ селомъ найдуючуся, і для безпечного уживаня всякихъ грунтовъ і хоторовъ въ томъ селѣ маючихъ“. Онъ обратился даже къ игумену и ректору братскаго монастыря съ просьбой уступить село В. жителямъ Остра. Но „жадане“ его не имѣло успѣха. Игуменъ на отрѣзъ отказался отъ уступки, и гетману пришлось лишь оградить права и опредѣлить обязанности обѣихъ сторонъ. Монастырь,— такъ было постановлено Мазепой,— „повиненъ самими тихо тяглими тамошними людми виползовскими владѣти, а козакамъ тамъ живучимъ і вамъ всѣмъ, хтоли колвекъ [якіе маєтъ въ селѣ хоторъ, і грунта, фольварки і всякія угодія, жадного утиску і перешкоди чинити, также і до пущи здавна городовѣ вашему прислушающей уежджати не маеть забороняти“.

Повидимому „справа“ о пущѣ должна была закончиться, но универсаль Мазепы также мало обеспечилъ права острянъ, какъ и универсаль его предшественника. „Чиненіе“ препятствій и „утисковъ“ со стороны управителей монастырскихъ, и карпиловскаго, и виповзовскаго, не только не прекратилось, но еще болѣе усилилось, вызывая новыя и еще болѣе энергическія жалобы. И это тѣмъ болѣе, что монастырь сталъ ссылаться на разрѣшеніе, данное ему тѣмъ же Мазепою, на его универсаль, котораго, впрочемъ, онъ не предъявлялъ, ибо его у него еще не было. Видимо, отдача совершилась на словахъ. Гетманъ, по крайней мѣрѣ, сталъувѣрять въ іюнѣ 1693 года, что уже три года тому назадъ, т. е. въ 1689—90 гг. онъ будто бы отдалъ Выповзовъ монастырю, т. е. въ то самое время, когда онъ писалъ свой универсаль въ пользу Остра. Три года шло препирательство, три года гетмана осаждали жалобами, пока онъ не послалъ грознаго универсала, отъ 27 іюня 1693 г., который мы сообщаемъ въ пол-

¹⁾ Ib. Универсалъ отъ 2 января 1689 г.

номъ его видѣ, а почти два мѣсяца позже, 4 августа 1693 же года, не выдалъ универсала и монастырю. „Да тамъ же въ остроицкомъ уездѣ, писалъ гетманъ остерской старшинѣ, вновь надаемъ селце, называемое Выповзовъ, зо всѣми до него здавна належными кирутами, полями, сеноожатми, лесами и озерами, для вспартия недостатковъ того брацкого монастыря кіевскаго, позволяющи зъ него всякие пожитки привлашати и звичайную повинность отъ тяглыхъ людей мнити¹⁾. Строго предписывалъ онъ, „абы нѣхто зъ старшини войсковой и мѣской не важился помененному отцу ректору зо всею братьею въ тихъ добрахъ и въ присканію зъ нихъ всякихъ пожитковъ жадной наименшой трудности и перешкоди чинити“.

Окончательная отдача Выповзова монастырю уже не ограничивалась только тяглыми людьми, какъ то значилось въ универсалѣ 1689 года. Село отдано было съ землями и угодьями, вопреки универсаламъ и Самойловича, и самаго Мазепы, и потому даже грозный тонъ универсала не содѣйствовалъ дѣлу умиротворенія. Противорѣчивыя распоряженія лишь усиливали обостренность борьбы, такъ что въ 1694 году оказалось необходимымъ послать цѣлую комиссию для улаженія отношеній, запутанныхъ двойственною политикой гетмана²⁾). Были призваны обѣ стороны, „острянскіе“ жители и чернцы братскаго монастыря, и вотъ что обнаружилось при разборѣ спора комиссарами. Жители Остра предъявили . универсалы Самойловича 1686 г., Мазепы 1689 и 1693 (июня 27 дня), въ силу которыхъ права ихъ на Выповзовскую пущу были, повидимому, поставлены вѣвъ всячихъ сомнѣній. „Волній и беспечній въ пущу Выповзовскую по дерево вступъ, ведлугъ стародавняго уживаня, безъ жадное одѣ отцевъ братскихъ перешкоди“ вытекалъ всецѣло изъ предъявленныхъ актовъ. Но намѣстникъ монастыря, отецъ Пароеній Родовичъ, и городничій карпиловскій, отецъ Лазарь Тарасовскій,

¹⁾ Р. О., докум. остерской сотчи, т. 7 док. с. Карпиловки.

²⁾ Два акта этой комиссии, одинъ, исключительно относящейся до Выповзовской пущи, отъ 24 окт. 1694 г., и второй, касающейся и другихъ спорныхъ пунктовъ, перевоза на Деснѣ и т. д. (1694 4 сентября), находятся въ Р. О., докум. относящ. до городовъ и цеховъ кіевскаго полка.

„продуктовали“ въ свою очередь универсалъ того же гетмана Мазепы и тоже несомнѣнно утверждавшій и ихъ права. Мазепа, какъ мы знаемъ, выдалъ монастырю универсалъ отъ 2 августа 1693 г. То былъ единственный универсалъ, который 70 лѣтъ позже могъ предъявить монастырь, когда документы такого рода были потребованы Румянцевымъ. Въ 1730 г., какъ мы тоже видѣли, „подступно“ взятый универсалъ не былъ предъявленъ, и въ слѣдствіи о маєтностяхъ отмѣчено: „а якого году универсалъ, о томъ не показали“ ¹⁾). Членамъ комиссії былъ предъявленъ универсалъ Мазепы отъ 14 іюня 1693 г., универсалъ, слѣды которого затѣмъ исчезаютъ, но о которомъ комиссары сообщили слѣдующее: „а той универсалъ дванадцями днями датою упредилъ унѣверсалъ послѣдній острянскій; о которомъ унѣверсалъ, братству кіевскому данномъ, острянамъ і всему полку кіевскому всякое кондиціи людемъ вступъ по дерево не только до пущи карпиловское і лутавское, але і до пущи виповзовское забороняеть і запрещаетъ“ ²⁾).

Остерской старшинѣ, козакамъ, мѣщанамъ и поспольству остерскому въ виду этого оставалось подчиниться рѣшенію комиссаровъ и принять съ совершенно неожиданными ограниченіями „вѣчное постановлене“, а именно, что „острянамъ не только до пущи виповзовское по всякое дерево волній вступъ и произдѣ безъ докладу, але и до карпиловское и лутавское пущи по лежачое дерево и по сухое волній также безъ докладу виздѣ маеть бити, а по дерево зась сирое и на будиноњ зюжое до карпиловское и лутавское пущи повинни будутъ остряне.... зъ докладу городничого карпиловскаго вгижджати и дерево рубати; а безъ докладу кождій такое дерево рубаючій грабежови подпадаетъ и подильгани маеть, а если бы таковой чоловѣкъ и таковое дерево рубаючій не далъ себе въ лѣсъ албо на дорозъ постиженій порубити, таковою передъ судъ належній запозвати городничому волно будетъ, а судъ слушную и неодволочную справедливость учинити повиненъ, подъ завладомъ на кождого сее постановлене доброволне ломающаго до скарбу войскового тысячу золотихъ“.

¹⁾ Слѣдствіе о маєтностяхъ, кіевскій полкъ. № 5.

²⁾ Р. О , циг. выше актъ комиссії.

Какъ сложились дальнѣйшія отношенія между монастыремъ и жителями Остра, мы, къ сожалѣнію, не знаемъ. Но, несомнѣнно, они не улучшились, несмотря на „вѣчное постановлене“. Тридцать четыре года спустя, въ 1728 году, гетману Даніилу Апостолу пришлось вновь разбирать „справу“ между монастыремъ и острянами. Слѣдя старымъ обыклюстямъ, городничій карпиловскій, отецъ Іезекіиль, сталъ „заборонять острянамъ свободной уиздѣ въ пущу“, что и вызвало новое разбирательство спора комиссарами, присланными какъ со стороны ректора, отца Иларіона Левицкаго, такъ и отъ полковника кіевскаго, Танскаго. Разбирательство привело къ „вѣчному постановленію“, но уже съ новыми добавленіями, показывающими, что споръ между монастыремъ и Остромъ принялъ болѣе широкіе сравнительно съ прежнимъ временемъ размѣры. Было повторено вновь все то, что постановлено и въ 1694 г. относительно дровъ и строевого лѣса. Но устраненъ былъ совершенно какой либо платежъ и датокъ со стороны острянъ за право рубить строевой лѣсъ (его, этотъ платежъ, очевидно, старались ввести). Затѣмъ дозволено было козакамъ и др. жителямъ „палити угля безъ докладу“, а также „рыбалкамъ по поймамъ риби уловити на московскомъ островѣ, лежачомъ за Десною, поневажъ тотъ островъ остерскій“¹⁾.

Что касается до правъ собственности на земли, лежавшія вокругъ Выповзова, т. е. именно тѣ, изъ за вѣзда въ которыхъ шла борьба и часть которыхъ одно время была пожалована Мазепой монастырю, то ихъ удалось удержать козачамъ и мѣщанамъ Остра за собою. По крайней мѣрѣ во время составленія „Описи“ въ 1766 году, монастырь, послыая вѣдомость тяглымъ людямъ своимъ, живущимъ въ Выповзовѣ, не отмѣтилъ никакихъ земель, которыхъ бы принадлежали ему. „Въ томъ селе монастырскомъ, говорится въ Описи..., никакихъ монастырскихъ принадлежностей нетъ, и именно поля пахатного, зарослыхъ лесомъ земель..., вигоныхъ для скота месть, рибнихъ ловель, футоровъ, лесовъ къ строенію годнихъ и дрова-

1) Р. О., документы, относ. до городовъ и цеховъ Кіевскаго полка.

ныхъ, сеннихъ покосовъ нетъ". Въ селѣ сидѣли только одни монастырскіе крестьяне (33 двора), да два козака. Весь доходъ монастыря составляли, во первыхъ, денежные взносы съ крестьянъ, во вторыхъ, барщина, которую крестьяне были обязаны выполнять въ пользу монастыря. Сумма взносовъ составляла 22 р. 60 к. въ годъ со всѣхъ дворовъ, а панщину отбывалъ среднимъ числомъ по 4 дня въ недѣлю каждый дворъ.

4-го декабря 1891 г.

И. Лучицкій.

1693.

Ход царского пресептного величества войска запорожского гетманъ Иоанъ Мазепа.

Всѣмъ обще обивателемъ полку Киевскаго, яко войскому товариству, такъ и посполитимъ людемъ, а особливѣ города Остра и города Козелца сотникомъ, атаманомъ, войтомъ и всѣмъ жителемъ ознаймуметь, ижъ донесена передъ насъ суплѣка ваша, въ которой ви прозвбу свою и предложене выражаете, абисмо ми, гетманъ, села Виновзка законникамъ брацкимъ во власть не давали, именуючи великую собѣ быти въ томъ кривду и шкоду, если бы оное село од мѣста Остра одйти мѣло, особливѣ будто до пущи волной чрезъ тое загорожена вамъ будетъ дорога. Для чего з великимъ прилежаниемъ договоруетесь у насъ того, щобъ тое село при городѣ Острѣ непремѣнно было заховано. Дивуемся теди ми велце тому вашому дерзновенію, же ви такою своею прикрою суплѣкою намъ докучати смѣете, хотячи нашу гетманскую въ полной владзи будучую по своей хотѣ унати волю. А зась намъ невольно учинити того, що укажетъ нашъ рейментарскій здоровій /розсудокъ и респектъ? Сами то призывають розумніе люде, же то рѣчъ добрая и хвалебная, ижъ з давнихъ часовъ цари и князи и иніи земскіи владзци и чанове мѣстнѣ ј месца святія наданіями своими ущедрали ј убогачали. А для чего жъ би теперъ, за рейменту нашего, не мѣло тое дѣятися, що есть прилично и по-житочно не тилено до пошдори, але и до розширеня хвали єжей? За такую теди вашу прикрою суплѣку, вижъ ви волю нашу зневолити усилюете, годилося било намъ сихъ вашихъ посланнихъ зневажити и до васъ отписати сурово, лечь, якъ вѣдаемъ, же не з совѣта всего

вашого товариства ѹ послонства, але од кількохъ особъ тое дѣется, которихъ часу своего обличити въ томъ не занехаемъ. Ј, такъ бачнимъ разсужденiemъ нашимъ все тое вамъ покриваючи, ласкаве до васъ од-
писуемъ, нехай вамъ вѣдомо будеть, що уже тому лѣтъ три, якъ ми тое село Виновокъ оффровали на мѣстнїца брацкїй, але для того до сего часу еще имъ не подавали въ послесцю, же било потребно намъ оное для виправженїя деревнї до потребной до мурованї церквей брацкїй ѹ вустинно виколской. Яко теди негодится намъ того слова нашего одмѣнити, такъ мусить тое село бити во власти мѣстнїца оного брацкого. Однакъ, яко тилко самыхъ людей того села таглихъ јмъ подаємъ въ послушенство, а лѣсовъ и боровъ вашихъ оstriцкихъ ѹ полковихъ до того села јмъ неодводилисмо ѹ не одграничилисмо, такъ ви не маєте себѣ тимъ турбовать, жеби пущи до города Остра ѹ всего того полку кіевскаго належной они, законники, въ потребахъ вашпхъ боронити вамъ мѣли, яко жъ не машь у нихъ стодко сили, аби въ томъ вамъ перечили, а до того ѹ ми волѣ јхъ въ томъ разширатися недопустим. Якою теди пущею передъ сїмъ ви до города Остра и до всего полку пожитковали, тоей и тепер безъ жадной трудности можете заживати, чого будте певне надежни. Що предложивши, значимъ вамъ всѣмъ доброго од Господа Бога здорови. Данъ въ Батуринѣ, юна
27 дня 1693 року.

Звишменованій гетманъ рукою власною (М. II.).

(Румянцевская опись, документы въ исторіи городовъ и цеховъ кіевскаго полка, рукоп. библіотеки университета св. Владимира).

„Малорусскія суевѣрія, коимъ мало кто вѣрилъ, собранныя 1776 года“.

(РУКОПИСЬ А. И. ЧЕПЫ).

Графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ-Задунайскій въ своей разнообразной дѣятельности за время своего свыше тридцатилѣтнаго (1764—1796 г.г.) управлениія Малороссіей, въ званіи президента малороссійской коллегіи и затѣмъ кіевскаго, черниговскаго и новгородъ-сѣверскаго генералъ-губернатора, обратилъ между прочимъ вниманіе и на народныя суевѣрія и сталъ принимать строгія мѣры противъ, такъ называемыхъ, чародѣевъ, наиболѣе способствовавшихъ, конечно, укорененію суевѣрій въ народной массѣ. Сталъ онъ такъ поступать въ первые же годы своего управлениія, несмотря на то, что, при назначеніи своемъ на должность малороссійскаго генералъ губернатора, онъ былъ поставленъ въ исключительно трудныя условія: Румянцевъ принялъ новую должность въ замѣнъ уничтоженной гетманской власти, а такъ какъ въ Малороссіи оставалось не мало поклонниковъ бывшей гетманщины, то онъ долженъ былъ на своемъ лицѣ вынести всѣ непріязненные чувства и придирчивыя требованія, которыми обыкновенно сопровождается ломка государственныхъ учрежденій»¹⁾.

Уже весною 1767 года былъ опубликованъ и разосланъ два раза—19 марта и 2 апрѣля—въ полковыхъ канцеляріи указъ малороссійской коллегіи, которымъ предписывалось «публиковать везде, дабы всякий проѣзжающій и проходящій имѣлъ крупную осторожность отъ такихъ злодѣевъ, которые напаиваютъ людей нѣjakимъ ядовитымъ питьемъ и сыскивать такихъ между шатающимися безнашортными и проѣзжающими по какимъ либо пашортамъ, не будеть ли кто гдѣ та-

¹⁾) Чтенія въ истор. общ. Нестора Лѣтописца. Кн. 5, отд. III, стр. 93.

кого зелія и питія составлять, прилежно присматривать, а за поимкою представлять на урады къ поступленію по законамъ и правамъ, обѣща таюому, кто такого злодѣя или таковыя зелія составляющаго объявить и обличить, 20 злотыхъ вознагражденія».

Очевидно, что у этихъ «злодѣевъ», пользовавшихся въ своей предосудительной дѣятельности приемами чародѣевъ, было желаніе вызвать волненіе въ народной массѣ съ какими-либо тайными цѣлями.

Если мы вспомнимъ современный выше приведенному указу обстоятельства, то, быть можетъ, обнаруженная Румянцевымъ послѣдность въ опубликованіи вышеприведенного указа и принятая имъ мѣры могутъ быть съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ объяснены предположеніемъ, что приемы чародѣйства были пущены въ ходъ съ цѣлями политическими, чтобы усилить противодѣйствіе правительственнымъ мѣропріятіямъ, вызвавъ смуту умовъ. Вотъ какъ характеризуетъ настроеніе Малороссіянъ въ эту эпоху новый ея изслѣдователь г. Теличенко.

Въ первые мѣсяцы 1767 г.¹⁾ «вся гетманщина сверху до низу была взволнована необыкновеннымъ для нея событиемъ: императрица Екатерина II призывала своимъ манифестомъ отъ 14 декабря 1766 г всѣ сословія Малороссії — шляхетство, рыцарство, гражданство и земство — въ задуманную ею комиссию для сочиненія проекта новаго уложенія и для совѣтовъ о способахъ къ достиженію общеноароднаго благоденствія. Манифестъ Императрицы вызвалъ въ Малороссіи довольно разнорѣчивые толки и всевозможныя сомнѣнія. Несмотря на дѣятельную роль и участіе новаго правителя Малороссіи, графа Румянцева, въ разъясненіи и популяризациіи содержанія Высочайшаго манифеста, послѣдній былъ далеко не всѣми понять въ желательномъ для вѣнценоснаго автора смыслѣ и немногіе изъ украинцевъ взглянули на него въ смыслѣ намѣренія Императрицы «возвести малороссійскій народъ на высшую степень счастья», какъ это было обѣщано при уничтоженіи гетманства. Предубѣжденные противъ всѣхъ реформъ и новшествъ, Малороссіяне какъ бы не хотѣли понимать истиннаго либеральнаго смысла манифеста Императрицы и циркулярныхъ листовъ о выборахъ графа Румянцева, съ которыми онъ обратился по изданіи манифеста ко всѣмъ сословіямъ Малороссіи».

¹⁾ Кіевская Старина, т. XXX, стр. 164.—Авсѣнько. Малороссія въ 1767 г. К. 1864. Стр. 1.

Понятно, что въ такое смутное время представителямъ оппозиціонныхъ взглядовъ было очень на руку пустить въ ходъ даже чародѣйство, чтобы увеличить броженіе, а Румянцеву необходимо было принять противъ этого энергической мѣры, такъ какъ по культурному состоянію всѣхъ классовъ населенія тогдашней Украины чародѣйство пользовалось правами полнаго гражданства. На правобережъ этотъ культурный «пережитокъ»¹⁾ до конца XVIII вѣка имѣлъ еще «свою административно юридическую санкцію²⁾—въ судебныхъ процес- сахъ этого времени признается возможность чародѣйственаго сношеп- нія съ нечистымъ, или чортомъ, какъ фактъ, не подлежащій сомнѣнію, не говоря уже о менѣе важныхъ проявленіяхъ заахарской, колдов- ской силы, вѣра въ которую, если и потеряла теперь свою граждан- ственность, то все таки сохранилась въ народной массѣ въ формѣ различныхъ суевѣрій и повѣрій³⁾, и даже не въ одной только на- родной массѣ. Г. Ефименко отмѣчаетъ фактъ, относящийся ко вре- мени всего за пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, по поводу подозрѣнія, введенного на проѣзжающихъ въ отравленіи воды во время холеры 1848 г., что въ Слободской Украинѣ холеру приписывали отравле- нию источниковъ и что уездныя полицейскія власти вполнѣ раздѣ- ляли народное воззрѣніе на причину холеры⁴⁾.

Чародѣйство, помимо исключительныхъ случаевъ, какъ какія- либо тайныя политическія цѣли, имѣло большое примѣненіе въ эпоху Румянцева въ Малороссії въ обыкновенномъ житейскомъ быту при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ. И противъ подвизавшихся на этомъ поприщѣ съ болѣе невинными цѣлями Румянцевъ прини- маль строгія мѣры, почему 29 февраля 1776 г. былъ опубликованъ слѣдующій указъ:

«По производству въ нѣкоторыхъ здѣшнихъ судахъ дѣль о ча- родѣянняхъ видимо, что и по сіе время не истребилось между простолюдинами таково злоторство, которое хотя ничего прямо въ себѣ не заключаетъ, кромѣ одного обмана, вселяющаго въ легковѣр- ныя души пустое воображеніе и страхъ, однакожъ многіе изъ просто- людиновъ по вкоренившемуся о сихъ злочинствующихъ сумнѣнію страждуть больше нежели бѣ по лживымъ ихъ вымысламъ могло что-

¹⁾ Вѣстникъ Европы. 1891 г. Мартъ, стр. 439.

²⁾ Киевская Старина, т. XV, стр. 196.

³⁾ Срв. Чубинскій. Труды этнографической экспедиціи, т. I, стр. 387 сл.

⁴⁾ Киев. Старина, т. VI, стр. 578 сл.

либо вредное привлючиться. Я рекомендую коллегі предписать судамъ генеральному и всѣмъ гродскимъ, такожъ и полковымъ канцеляріямъ, что естьли-бъ кто гдѣ могъ быть примѣченъ въ чародѣйствѣ, таковыхъ тотчасъ забирать подъ караулъ въ суды и доходить въ чемъ состоить сей чародѣйственный ихъ промыслъ и какъ гдѣ оной употребили и, открывъ ихъ врачи, или лучше сказать сумасбродства строго наказывать по законамъ, употребляя удобовозможные способы сходные съ законами, таково злочиніе вовсе истребить, а легковѣрныхъ въ ихъ суевѣріи оберечь. Графъ Румянцевъ-Задунайскій. 1776 г., февраля 29, № 89».

Насколько распространено было во второй половинѣ XVIII в. по всей Украинѣ убѣжденіе въ дѣйствительности чародѣйства, можно судить по нѣкоторымъ, сохранившимся до нашего времени, дѣламъ по обвиненію въ чародѣйствѣ.

Въ 1767 и 1768 годахъ въ дубенскомъ магистратѣ тянулось дѣло, въ которомъ подсудимымъ былъ нѣкій мѣщанинъ Тымко-Середа.

Свидѣтельскія показанія, собранныя по этому дѣлу, указываютъ, что Середа занимался постоянно чародѣйствомъ; такъ, онъ былъ приглашенъ солдатомъ Лашкевичемъ приготовить такое средство, чтобы росли дѣти у Лашкевича. Онъ сварилъ какіе-то два состава, указалъ ихъ употребленіе и часть одного изъ нихъ унесъ съ собою для другой практики. Послѣ его ухода, Лашкевичъ показалъ оставленные составы какой то бабѣ, которая признала одинъ изъ нихъ надлежашимъ, а о другомъ сказала, что его не годится и въ домѣ держать.

Главное же обвиненіе противъ Середы состояло въ томъ, что онъ сообщилъ мѣщанкѣ Духинской какой-то составъ, которымъ она облила мельника Карпа, когда тотъ въ совершенно пьяномъ видѣ лежалъ безъ чувствъ на дорогѣ, вслѣдствіе чего Карпъ получилъ параличъ обѣихъ ногъ. Свидѣтели показали, что самъ Середа похвалился, что онъ произвелъ болѣзнь Карпа. Онъ говорилъ многимъ свидѣтелямъ: «заработалъ я въ этомъ дѣлѣ 8 золотыхъ... Я, по просьбѣ Яцька Мельника, отнялъ ему ноги... Бѣсь его не возьметъ, а до конца отниметъ у него движеніе, потому-что меня Яцько Мельникъ просилъ, чтобы онъ пересталъ ходить...» Приговоръ магистратскій въ актовой книжѣ не записанъ¹⁾.

Весною того-же 1767 г. жившій въ Кіевѣ иностранецъ, Мартынъ Шеферъ, пришелъ къ капитану Соловкову, вѣдавшему поселив-

¹⁾ Материалы этнограф. etc., т. I, вып. 2, стр. 335 сл.

шихся въ Киевѣ иностранцевъ, съ жалобой на свою жену, Аксинью Григорьеву, мѣстную уроженку, что она производила де нацъ пимъ чародѣйство. При произведеніи дознанія выяснилось, что Аксинья дѣйствительно однажды говорила, что хотя де она намѣрена была очаровать своего мужа, но не очаровала, а въ другой разъ хвѣлилась, бывши рука объ руку, что она такъ мужу своему сдѣлаетъ, что онъ не будетъ о себѣ знать, хлопецъ ли онъ или дѣвка и что она де сейчасъ пойдетъ въ квартиру и сдѣлаетъ это. Протоколъ дознанія былъ переданъ въ духовное правленіе кіево-подольской протопопії.

Въ январѣ 1777 г. канцеляристъ Матвѣй Кудрявцевъ словесно донесъ кіевскому поліціймайстеру Семену Бутышеву о «причиненныхъ женѣ его чечерского больницкаго монастыря поваромъ Ивкою волшебствахъ». Показанія свидѣтелей при дознаніи обнаружили, что на рождественскихъ святкахъ у Кудрявцева собрались его знакомые п изрядно выпили, послѣ чего его жена не успѣла переступить черезъ порогъ изъ сѣней въ горницу, гдѣ сидѣли гости, какъ упала и ей сдѣлалось дурно. Бывшій въ числѣ гостей поваръ Іовъ, видя это, взялъ сиѣгъ и, положивъ сначала себѣ въ ротъ, далъ потомъ и Кудрявцевой, вслѣдствіе чего ее «зачело мучить и подымать съ полу и на полъ, самъ же онъ пошелъ домой». Когда его вернули обратно, то, пришедши, онъ и потребовалъ стаканъ воды и «зачель мѣрить на правой локоть Кудрявцевой воду и послѣ вымѣриванья давать ту воду пить вонервыхъ Кудрявцевой, а потомъ Кудрявцеву и гостямъ, и потомъ сказалъ,—будешь теперь все пить и веселиться и моей хозяйкѣ вичево не будетъ, только ночью одна притчинка еще зделавтца и чтобы при ней сидѣли люди и держали крѣпко за правую руку». При производствѣ дознанія по этому дѣлу у поліціймайстера, пострадавшая отъ чародѣйства Іова показала: «требовала я для по-правленія своего здоровья у вахмистра Василія Жилина ладону херувимскаго и свѣчи страстной, почему упоминаемый Жилинъ и послалъ жену свою за оними и принесши взяла и и пошла въ чуланъ, где сама себя окуривала при мужѣ своемъ; въ тожъ самое время на моей подушке показался лежить не знать откуда большой червякъ чорной длины) съ палецъ и положила ево на жаръ, въ тотъ, въ которомъ былъ ладонъ и свеча, а кухарь Іовъ, услыша отъ ладона духъ и отъ свечи благовонной, сказалъ, что де не по моему дѣлаютъ, а я того не люблю, и зачело ево трести, и унимала, чтобы оной еще бы на нѣсколко времія обождалъ, но онъ никако медля выбѣжалъ и побѣжалъ въ свой домъ; послѣ-жъ того куренія остатніе часы препро-

вождала сномъ благополучно, однако имѣю по сіе время не прежнее здоровье, а слабость во всемъ корпусѣ»¹).

Пріемами чародѣйства пользовались у насъ на Руси въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ жизни. Вслѣдстіе вѣры народной массы въ демоническое значеніе болѣзней²) самое широкое примѣненіе чародѣйства было въ случаяхъ лѣченія болѣзней, постигавшихъ какъ людей, такъ и домашнихъ животныхъ. Кромѣ того, пріемы чародѣйства были въ ходу для предотвращенія могущихъ постигнуть бѣдъ, чтобы способствовать усѣчку различныхъ хозяйственныхъ дѣлъ и чтобы повліять въ извѣстномъ смыслѣ на окружающихъ людей. Пріемы чародѣйства состояли въ зناхарскихъ дѣйствіяхъ и въ словесныхъ заклинаніяхъ или щентаніяхъ, причемъ въ послѣдніхъ чародѣйственная сила, по народному убѣжденію, заключается или въ таинственномъ смыслѣ произносимыхъ знахарями непонятныхъ словъ, или въ призываціи или упоминаніи Бога и христіанскихъ святыхъ, или въ заклинаніи принявшихъ образъ людей или животныхъ злыхъ духовъ.

Если бы было болѣе подготовленныхъ къ собиранию этнографическихъ данныхъ людей и если бы были средства къ изданию научнымъ образомъ всего того матеріала, который можетъ быть собранъ еще и въ настоящее время въ сферѣ народныхъ суевѣрій, то мы имѣли бы богатѣйшія данныя для изученія народного міровоззрѣння и быта, такъ какъ суевѣрное отношеніе ко всѣмъ явленіямъ обыденной жизни проходитъ яркой ниткой въ житейскомъ быту нашего селянина; но, къ сожалѣнію, и въ томъ, и въ другомъ, всегда ощущается недостатокъ.

Подробное изученіе народныхъ суевѣрій могло бы имѣть и практическіе результаты, такъ какъ при ближайшемъ ознакомленіи съ ними можно бы подмѣтить причины ихъ глубокаго воздействиія на народную психологію, разъяснить народу всю ихъ нелѣпость и замѣнить потребность въ суевѣрномъ объясненіи какого-либо явленія въ чародѣйственномъ устраниеніи его желаніемъ разъяснить себѣ истинные причины его возникновенія и примѣнить рациональные пріемы, чтобы обусловить нормальный исходъ его.

Что касается малороссійскихъ суевѣрій, то, кромѣ изслѣдованій на основаніи архивнаго матеріала В. Б. Антоновича, Амф. Лебедева,

¹⁾ Андріевской. Исторические матеріалы. Вып. 9, стр. 212—223.

²⁾ „Кiev. Стар.“ 1889 г. т. XXVII, стр. 300.

г. Сѣлецкаго¹), да нѣсколькихъ случайныхъ современныхъ замѣтокъ и записей, пріютившихся на страницахъ «Кievской Старины²), они представляютъ еще богатое поприще для собирания и изученія, на которомъ съ усъѣхомъ работали въ послѣднее время проф. Сумцовъ въ своихъ «Культурныхъ переживаніяхъ»³) и дръ Талько-Гринцевичъ, дѣлавшій недавно докладъ въ с.-петербургскомъ географическомъ обществѣ «о народной медицинѣ». Полный библіографіческій указатель записей и замѣтокъ по части народныхъ суевѣрій можно найти у М. Комарова—«Нова збирка народнихъ малорусскихъ приказокъ, прысливъвъ, помовокъ, загадокъ и замовлань». (Одесса, 1890 г.), а также вѣсколько записанныхъ заклинаній.

Хотя и тѣ приемы чародѣйства, которые могутъ быть наблюдаемы въ современномъ сельскомъ быту, являются запоздалыми культурными пережитками, передающими изъ-устъ въ уста, а слѣдовательно, мало измѣняющими свою форму и могущими послужить образчикомъ народныхъ суевѣрій и болѣе отдаленной поры, а тѣмъ болѣе конца прошлаго столѣтія, но по счастливой случайности мы можемъ ознакомиться до нѣкоторой степени съ малороссійскими суевѣріями эпохи Румянцева по современной имъ записи, составленной въ 1776 году известнымъ собирателемъ археографическихъ и этнографическихъ материаловъ обѣ Українѣ, Адріаномъ Ивановичемъ Чепой, полезная научная дѣятельность котораго остается и по-нынѣ безъ надлежащей оцѣнки, вслѣдствіе полнаго отсутствія пока какихъ-либо біографическихъ данныхъ о немъ.

Н. В. Стороженко.

Рукопись А. И. Чепы.

1. Кровь удержать. Первый способъ: «Ишло три калѣчечки черезъ три рѣчечки. Якъ тѣмъ калѣчечкамъ той воды не посити и не пить, такъ бы тебѣ, крове, нейти у сего раба Божого (имя рекъ), аминь (девять разъ). Сie переговорить трижды.

¹⁾ Матеріалии этнограф. etc., т. I, вып. 2, стр. 323—360.—„Кiev. Стар.“ т. XXVIII, стр. 1—21.—„Кiev. Стар.“ т. XV, стр. 193.

²⁾, „Кiev. Стар.“ 1885 г., № 12, стр. 730; ibidem, 1883 г., № 7, стр. 586 etc.

³⁾ „Кiev. Стар.“, т. XXVII, стр. 300—317.

Другой способъ: «На бѣломъ морѣ стоять бѣлые попы и бѣлые дьяви. Тамъ они бѣлые книги читають и кровь замовляють». Трижды сказавши, плюнуть на рану.

Третій способъ: «Бахаль святый Георгій на червономъ конѣ и въ червономъ жупанѣ; сострѣлся съ своимъ братомъ булатомъ; втялись они острымъ мечемъ и не втиались; втились въ червоный камень, якъ изъ того каменя кровь не текла и рана не болѣла, такъ бы въ (имя рекъ) раба Божего кровь не текла и рана не болѣла». Трижды сказать.

2. *Выноять черви, у скота бывающіе.* «Есть въ удовы девить сыновъ. Изъ девяти семь, изъ семи пять, изъ пяти три, изъ трехъ одинъ, а изъ одного ниодного, чтобъ выпали черви всѣ изъ (такойто по шерсти) скотины». Сие проговорить трижды; что и заочно можно сдѣлать, спросивши о шерсти.

3. *Предохраненіе отъ зла и легко родить.* Есть, ели, еила, ееосъ, етиръ, еели, ель, ерваонъ. Кто сіи слова при себѣ носить будетъ, тому никакое зло вредить не можетъ, а беременная женщина, имѣющая сіи слова при себѣ, легко родить дитя.

4. *Остановить змѣю.* Гдѣ увидишъ гадину ползущую, то на томъ ей пути положи сдѣланный съ прутьевъ или стеблинокъ крестъ; гадина на то мѣсто возвратится и будетъ ползать около креста.

5. *Способы отъ ужаленія змѣю человѣка и скотины.* Первый способъ: «Господи Боже нашъ! помоги и допомоги мнѣ грѣшному человѣку, а ты змѣи, Царице Листрице, созви свои сестры и посестры, выими свой синій зубъ и синія жилы изъ (имя рекъ) раба Божего, бѣлокураго ли, черноволосаго-ли, русаго-ли и проч.

Второй способъ, ежели злѣйшая укусить: Проговоря просьбу къ Богу Всемогущему, говори: «Анно, Царице Мистрице» и далѣе все такъ говорить, какъ выше написано, отъ слова: «созви» и проч.

Третій способъ, ежели наизлѣйшая укусить: Тоже начало проговоря къ Богу, говориши: «Рей гадина, обитающая на бѣломъ морѣ, на кудрявомъ деревѣ, запрещается отъ Матери Божіей Пречистой Приснодѣвы Маріи, чтобъ ея команды гады, укусившая (имя рекъ) человѣка или скотину (по роду и шерсть сказать) ни чѣмъ не вредила и язва исцѣлена да будетъ силою и молитвами Матери Божіей, которая повелѣваетъ уязвленному человѣку (имя рекъ) омитись не-початою чистою водою».

Четвертый способъ: «Первымъ разомъ, лѣшимъ часомъ, Господи Боже! мнѣ поможи и допоможи. Харіе, и ты Харвіе, и ты

веретѣльнице, въ морѣ на днѣ все воззвиженіе на тебѣ, заказуйте всему гаду рѣбому, половому черному и всему пресмикающемуся на земли отъ раба Божіего (имя рекъ) и отъ скотины (по цвѣту шерсти) отъ бѣлой кости, жиль и крови». Такъ говорить по трижды, рано поутру и ввечеру.

6. Уничтожить влюблчивость и пьянство. Когда случится увидѣть, что гадюка, или ужъ, поймавши жабу, давить, тогда наложкою или плетью оную жабу оборонить. И ежели кто влюбится въ кого, либо люди приманены въ шинкъ обаянно, тогда тѣхъ персонъ, тѣмъ чѣмъ жабу оборонилъ, вдарить и говорить: «якъ страшно жабѣ отъ гадюки пропадать, что она утѣкаетъ и боится, такъ бы вы вѣвали отъ дѣвки, или отъ горѣлки».

7. Отъ неплодія. Тотъ пупецъ, который баба при рожденіи дитяти отрѣжетъ, намочить въ водѣ и давать пить неродящей женщинѣ, станетъ родить.

8. О ковтунѣ на головѣ. Ковтунъ на головѣ изъ волосовъ дѣлающійся у мужчинъ или женщины вырѣзать ножницами, закопать въ землю и прибить осиновымъ коломъ, то никакого вреда не будетъ. Сie можно сдѣлать надъ ковтунами у лошадей бываемыми.

9. Отъ перелоюю конскихъ и другихъ животныхъ. Говори: «Боже! помоги и допомоги! Сидѣть войти и атаманъ въ концѣ стола, а діаволъ подъ столомъ. Стали судити, кому что удѣлити: атаману рукавицы, войту нагайлицы, а жиду перелоги». Трижды сie сказать, обойшовши себя и плевать назадъ себя за всяkimъ разомъ.

10. Чтобы потная лошадь не обпиласъ воды. За однимъ духомъ три раза скать: «пейте кони орданъ-воду Рождество Христово въ (такой-то день, надобно упоминать о будущемъ днѣ Рождества), вода вороная и кони вороные (или какой масти будутъ).

11. Отъ лихорадки. Первый способъ дѣячка села Семеновки (ширятинскаго уѣзда) стараго Романа: «Господи благослови! Ишовъ святый Авраамъ съ святымъ сыномъ Исаакомъ золотымъ мостомъ и встрѣтили дѣвицѣ простоволосыхъ семидесять четыре и стали ихъ пытати, что вы за люди.—«Мы де Иродовы дочки идемъ въ христіансскую землю людей мучити и красну кровь вышивати». И взаль святой Авраамъ со святымъ сыномъ Исаакомъ золотый жезль, стали ихъ бити и тлумити. «О святый Аврааме и Исааче! не бій насъ, не тлуми насъ». Кто сю заповѣдь будетъ знати, того во вѣкъ трасовица не будетъ держати, рабы Божіей (имя рекъ). Сie, написавши на паперѣ, носить на шеи три дни. Потомъ спалить и выпить въ водѣ

святой вечерней, но предь тѣмъ прочитати трижды — «Богородице Дѣво» и трижды Отче нашъ, и на каждой стихѣ по три поклона положить.

Другой способъ: Обрѣзавъ ногти на рукахъ и ногахъ въ самомъ пароксизмѣ, привязать къ живому раку и пустить въ воду.

Третій способъ: Въ мартѣ мѣсяцѣ наловить раковъ и живыхъ налить спиртомъ или крѣпкою водкою въ банкѣ. Сей спиртъ давать больнымъ лихорадкою въ самомъ пароксизмѣ оздоровѣТЬ.

12. *Отъ юрчики.* Давать питье слѣдующее: мужескому полу взять у голуба и изъ подъ праваго крыла изъ медянной жилы впустить въ сырую воду крови немнога, расколотить и давать пить, женскому полу такимъ же образомъ приготавлять кровь изъ голубки.

13. *Отъ судорогъ у собакъ.* Ежели собака заболѣТЬ судоргою, то бить его немножко мѣшкомъ, который былъ съ пашнею.

14. *Пожаръ уничтожить.* Взявиши въ руки то яйцо, или писанку, что въ день Свѣтлаго Воскресенія напередъ отъ кого получить, оббѣжать около пожара трижды, говоря сіе: «Во имя отца и проч. Огню Лавриче! якъ твоя жена на желѣзныхъ сковородахъ испеклася, якъ она не шумѣла и не стогнала и не болѣла и своей силы не расширяла, такъ и ты, огню Лавриче! теперь своей силы не расширай и больше не гори и не шуми по сей часъ и по мои слова». За каждыи разомъ сказать аминь девять разъ.

15. *Предохранить домовство отъ зла, чародѣйствомъ наносимо.* Когда въ осень на полѣ зелѣ, называемое перекотиполе, качается, то взять оно зелѣ, когда катится, ставши такъ, чтобы оно само въ руки вкотилось, положить оно въ округъ домовства на углахъ въ скрытныхъ мѣстахъ. Къ дому тому никакое зло отъ людей насыляемое не пристанеть.

16. *Отъ презору очей на человѣка и птицы.* Первый способъ: Проговоря о Бозѣ, говори: «вылетѣлъ чорный воронъ изъ чорнаго моря; очи у него червонные, нось, ногти и паногти; отогналъ онъ врачи и врачища отъ (имя рекъ человѣка, жены, дитяти) стрѣчены и попеченные, мужичie, женскie, хлопочиe, дѣвчачиe, и всякаго рода». Сіе трижды сказать, перекрестивши себя и уреченнаго.

Другой способъ: «Ишло двѣ бабы по воду съ двуми глеками. Глеки побились, ураки минулись и яко маюко зерно откатились отъ (имя рекъ) раба Божіего, или итицъ, и кто урекъ, и той утѣкъ».

17. *Отомнать волковъ и птицы.* Волки, чтобы ничего не вредили и на нивахъ итицы не ѿли посѣяннаго зерна, то какъ скоро

оторутся плугами, снять съ плуга борозенное колесо и обнести вокруг хутора, надѣть его на колъ, тамъ гдѣ держится скотъ. При засѣвахъ нивъ сіе колесо вывезти съ собою и обнести вокругъ заѣзданного поля.

18. *О камень жабинцъ.* Способъ сыскать оный: взявши большую жабу, называемую ропуху, заключить въ горшокъ или глечикъ, въ которомъ много дырокъ наверть и, завязавши, установить въ гнѣзда большихъ муравьевъ, которые мясо ея объѣдятъ, тогда въ ономъ горшкѣ между костями сыщется камень. Сей камень отвращаетъ отраву; ежели укусить кого гадина, пчелы, осы и шерши, то онымъ потереть укушенное, тотчасъ исцѣлится.

19. *Что и для чею класть подъ Пасху для освященія.* 1) Перецъ въ зернѣ крамовый, чтобы загодовывать птицъ и пчель, въ предохраненіе отъ уроковъ.

2) Морковь коренье—отъ курачей слѣпоты.

3) Хлѣбъ и соль—закармливать скотъ, коней и пчель.

4) Сало, хрѣнъ, яйцы, чеснокъ, масло, макъ и лѣшеницу--на разные потребы и на посѣвъ. Все оное хранить годится.

20. *Открывать кладъ.* Кладъ выкощанный иногда покажется угольемъ, то чтобы онъ объявился, то въ то уголье положить человѣческаго калу, отчего кладъ явится въ своеемъ видѣ.

21. *О мудростяхъ надъ ружьемъ.* Чтобы ружье неспалило, то помазать кремень медвѣжимъ жиромъ. Чтобы исправно било и не живило, то убить пулею или дробью птицу или животное, дать положать сутки, не вынимая пуль или дроби. Потомъ оные взять и распустить съ оловомъ, надѣлать пуль и дроби и тѣмъ стрѣлять. Ружья никто неизурочить, ежели, убивши птицу крука, вынять желчь и оною вымазать ружье.

22. *Отъ презору очей на ружье.* «Господи! очисти грѣхи мои, очисти и оружіе мое. Царь желѣзо! Булагъ желѣзо! Сивъ свинецъ! Буенъ порохъ! Уроки и уроцища стрѣченые и иопереченные, мужичіе и жоначіе».

23. *Уничтожить заговоръ ружья.* «Христосъ воскресе! діавольскую силу мои пуля пронесе».

24. *О водѣ отъ гусени и для росту часнику и луку.* Въ чистый четвергъ набрать изъ рѣки или колодезя воды на самомъ разсвѣтѣ, держать ее, а какъ капуста сойдетъ, покрошить тою водою, то не будетъ гусени. Тоже будетъ, ежели въ садахъ покрошить дерево. Въ осень, когда садить часникъ, обмоить въ той водѣ зубки, будутъ

выростать больше головки. Въ сей же водѣ мочить сѣмена цибули, выростеть крупная.

25. Открыть злодейство. Когда что украдено, то взявъ книгу Псалтирь и сыскавъ въ 10 каенізмѣ псаломъ—«Боже судъ твой Цареви даждь» —вложить въ самому оному псальму ключикъ отъ небольшаго желѣзнаго замка, концомъ, прищепнуть его книжкою, взять двоимъ человѣкамъ средними пальцами подъ кольцо ключика и скажавъ: «Ежели (имя рекъ, на кого подозрѣніе по имени и прозванію, уворовалъ, то изъви его, Господа Боже!» и читать на изусть, или изъ другой псалтира упомянутый псалъмъ; тутъ то, ежели именуемый виновенъ, повернется книжка, упадетъ на землю и точно тотъ виноватъ остается, яко жъ на невиннаго книжка не повернется и не упадетъ.

26. Табакъ, что бы росъ великій. Сажаючи оный полить, только первый разъ сказать: «не хай тебе чортъ больше поливае, а не я».

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ.

Къ исторії славянофильства на Руси. Въ трудахъ проф. М. Ф. Владимірского-Буданова «Исторія Університета Св. Владимира», помѣщены нѣкоторыя выдержки изъ циркуляра Министра Народ. Просв. графа Уварова, где были изложены правительственные воззрѣнія въ 40-хъ годахъ по вопросамъ о народности и о народныхъ началахъ. Циркуляръ этотъ имѣлъ въ виду указать тѣ точки зрения, какихъ по этимъ вопросамъ должны были держаться наставники среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній. Въ виду глубокаго интереса самого циркуляра, считаемъ не лишнимъ привести его цѣликомъ, какъ-бы въ дополненіе къ стр. 532—534 «Исторіи Університета Св. Владимира».

Списокъ съ предписаніемъ т. Министра Народного Просвѣщенія т. Попечителю Кіевскаго Учебного Округа, отъ 27 мая 1847 года, № 696.

Въ концѣ прошлаго столѣтія родилась между соплеменными намъ народами на западѣ, именно въ Богеміи, мысль, что всѣ народы славянскаго происхожденія, разсѣянныя по Европѣ и подвластные разнымъ скипетрамъ, должны когда либо слиться въ одно цѣлое, составить Государство Славянское. Эта мысль мало по малу овладѣла всѣми вѣтвями славянскаго племени въ Европѣ, сперва въ литературномъ, потомъ и въ политическомъ смыслѣ.

Отъ этого движения повсюду между народами славянскаго происхожденія усилилось стремленіе къ изученію языковъ, древностей и всѣхъ памятниковъ славянскихъ племенъ; но, къ сожалѣнію, это развитіе отдѣльныхъ вѣтвей славянскихъ недолго оставалось въ мирныхъ предѣлахъ науки: скоро подпало оно искашенію, частію отъ влиянія общихъ тревожныхъ идей политическихъ, частію отъ возбужден-

ныхъ предразсудковъ религіозныхъ, частію отъ собственныхъ недоразумѣній каждого племени. Европейское понятіе о славянствѣ раздробилось уже на столько вѣтвей, сколько находится отдельныхъ земель. Название славянства, драгоценное для восьмидесяти миллионовъ, разделенныхъ на многие народы, занимающихъ безмѣрное пространство, по языку своему именающихъ единое происхожденіе и древнее родство, какъ оказывается нынѣ, употребляется во зло подъ личиною чистаго братства. Эти идеи запада о славянствѣ естественно тяготѣютъ къ Россіи, какъ средоточію племенъ славянскихъ, потому что и въ языкахъ русскихъ, и въ вѣрѣ, и въ законахъ дышеть и бодрствуетъ древнее начало народной жизни, отъ различныхъ судебъ историческихъ давно умершее въ другихъ славянскихъ народахъ. Но и у насъ западныя понятія могутъ увлечь людей пылкихъ и непрозрѣвающихъ опасности своихъ мечтаний.

Для охраненія преподавателей принадлежащихъ къ вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія, существующихъ проливать въ юные умы учащихся благотворный свѣтъ истинныхъ полезныхъ знаній и чувствъ любви къ престолу и вѣрѣ отъ вреднаго вліянія разрушительныхъ началь, почитая священнымъ долгомъ съ Высочайшаго сопровождения Государя Императора, изложить значеніе народнаго начала въ видахъ правительства и мысли о семъ важномъ современномъ вопросѣ передать Вашему Превосходительству для конфиденціального сообщенія ихъ преподавателямъ и цензорамъ, въ вѣдомствѣ Вашемъ состоящимъ.

Вопросъ о славянствѣ въ отношеніи къ намъ представляеть двѣ стороны: одну, которую злонамѣренные могутъ употреблять на возбужденіе умовъ и распространеніе опасной пропаганды, преступной и возмутительной; другая же сторона содержитъ въ себѣ святыню нашихъ вѣрованій, нашей самобытности, нашего народнаго духа, въ предѣлахъ законнаго развитія имѣющую неоспоримое право на ионеченіе правительства. Русское славянство, въ чистой своей, должно выражать безусловную приверженность къ православію въ самодержавію; но все, что выходитъ изъ этихъ предѣловъ есть примѣсь чуждыхъ понятій, игра фантазіи или личина, подъ которой злонамѣренные стараются уловить неопытность и увлечь мечтателей. Раскрытию этого начала мы обязаны ближайшимъ знакомствомъ съ церковно славянскимъ языкомъ, на которомъ чтеніе священнаго писанія недавно чуждое высшимъ слоямъ общества, нынѣ понятно юному поколѣнію, одолжены знакомствомъ и съ другими славянскими нарѣ-

чіамъ, полезнымъ и необходимымъ для ученыхъ изслѣдований языка отечественнааго. Этимъ же направлениемъ главнѣйшиe памятники нашеj древней славяно-русской словесности вышли изъ забвениj; множество актовъ и документовъ обнародованы на иждивеніе правительства.

Но этому славянскому русскому, наимъ во всей чистотѣ прини-
маемому, должна быть чужда всякая примѣсь политическихъ идей;
тогда остальнымъ началомъ, въ немъ сокровеннымъ, будетъ Государ-
ственное начало, на которомъ непоколебимо стоять тронъ и Алтарь
собственно русское начало, русскій духъ наша святыни.

Въ этомъ славянствѣ мы, русскіе, должны искать своего род-
наго начала, источника и народнаго просвѣщенія. Каждый народъ
въ періодѣ самобытности своей вмѣщаетъ въ себѣ два элемента: об-
щій, наследственный отъ народа—родоначальника, исчезающаго въ
поколѣніяхъ, и частный, составляющей личность народа. Общій эле-
ментъ въ нацѣ есть родовой, славянскій; частный, нашъ собствен-
ный, русскій. Посредствомъ личности своей каждый народъ разви-
ваетъ въ жизни человѣчества особую мысль Проридѣнія и содѣй-
ствуетъ исполненію благихъ его предначертаній. Такъ всѣ славянскія
государства были въ свое время славны и могущественны, и всѣ какъ
бы по-очереди, пали: Моравія, Болгарія, Сербія, Померанія, Чехія,
Кроація, Славонія, Далматія, Боснія, Польша. Многіе Славяне даже
потеряли языкъ свой вмѣстѣ съ воспоминаніемъ о прежней самобыт-
ности: въ Помераніи, Мекленбургѣ, Саксоніи и въ другихъ странахъ
Германіи славянское нарѣчіе вытѣснено нѣмецкимъ, въ Морѣ—гре-
ческимъ, въ Венгрии—мажарскимъ. Этими славянамъ, утратившими
значеніе свое, свойственно съ сожалѣніемъ вспоминать славное про-
шедшее. Но Россія по волѣ Проридѣнія выдержала удары судебъ и
приобрѣла самобытность: претерпѣвъ многоразличныя, долговремен-
ныя бѣдствія, внутреннія и виѣшнія, она одна возносится надъ мо-
гилами единородныхъ государствъ и свою собственную личностью
представляетъ безпримѣрную Имперію по необыкнѣности владѣній, мно-
гочисленности обитателей и могуществу народнаго духа, благоговѣнно
переданная своей вѣрѣ, своему Государю, сохранившая свой языкъ,
знаменіе народнаго ума, народныхъ доблестей, народнаго чувства.
Тогда какъ прочіе славянскіе народы, въ изнеможеніи своемъ отъ чуж-
даго владычества, еще гордятся общимъ славянскимъ происхождені-
емъ, Россія, не помрачившая славы предковъ, славна своимъ народ-
ными доблестями, славна прошедшими и настоящими.

Итакъ, независимо отъ общаго славянства, въ дѣйствительности не существующаго, а измѣнившагося въ нѣсколькихъ славянскихъ племенахъ, мы должны слѣдовать за своими судьбами, свыше намъ указанными, и въ своемъ родномъ началѣ, въ своей личности народной, въ своей вѣрѣ, преданности къ престолу, въ языке, словесности, въ Исторіи, въ своихъ законахъ, правахъ и обычаяхъ мы обязаны утвердить живительное начало русскаго ума, русскіхъ доблестей, русскаго чувства. Вотъ искомое начало народное и не славинорусское, а чисто русское непоколебимое въ своемъ основаніи—собственно наша народность.—Великій преобразователь Россіи не все вновь въ ней создалъ: стихія для его творенія уже были приготовлены вѣнценосными его предшественниками: Могучею волею Петра I совершилъ въ свое царствование то, для чего потребны столѣтія; но онъ совершилъ то, до чего народы достигаютъ и въ постепенномъ своемъ развитіи. Какія слѣдствія его преобразованій? Мы, оставаясь русскими по духу и сердцу, сравнились съ европейцами въ образованности. Ломоносовъ, для пересозданія слова русскаго, тамъ же искалъ сокровищъ науки, гдѣ Петръ Великій находилъ ихъ для пересозданія государства. Чего жъ намъ ожидать отъ соплеменныхъ народовъ?—Отвѣтъ мы находимъ въ исторіи и прошедшей, и современной. Святая Русь бѣдствовала и страдала одна, одна проливала кровь свою за престоль и вѣру, одна подвигалась твердымъ и быстрымъ шагомъ на поприще гражданскаго своего развитія, одна ополчалась противъ двадцати народовъ, вторгнувшихся въ ея предѣлы съ огнемъ и мечемъ въ рукахъ. Все, что имѣемъ мы на Руси, принадлежитъ намъ однимъ, безъ участія другихъ славянскихъ народовъ, нынѣ простирающихся къ намъ руки и молящихъ о покровительствѣ, не столько по внушенію братской любви, какъ по расчетамъ мелкаго и не всегда безкорыстнаго эгоизма.

Съ такимъ воззрѣніемъ на нашу народность, я обращаю слово преимущественно къ тѣмъ представителямъ, которымъ досталось обрабатывать на ученомъ поприще участокъ славный, но и трудный—русскій языкъ и русскую словесность, съ прочими соплеменными нарѣчіями, какъ вспомогательными средствами для родного языка, Русскую исторію, исторію русскаго законодательства: имъ предпочтительно предъ другими принадлежить возбужденіе духа отечественнаго не изъ славянства, икрою фантазіи созданнаго, а изъ начала русскаго, въ предѣлахъ науки, безъ всякой примѣси современныхъ идей политическихъ. Преподаватели, слѣдуя видамъ и направленію

правительства, и научая ввѣренное имъ юношество тому или другому предмету, да поучать его впредь по-русски мыслить и чувствовать: только этимъ способомъ будущие члены общества составить одну великую семью съ одинакими мыслями, съ одинаковою волею, съ одинакимъ чувствомъ.

Таково возрѣніе Правительства на славянство вообще и на славянство въ отношеніи къ Россіи; таковы мысли о началѣ народномъ и народности, источникахъ народнаго Просвѣщенія, коимъ слѣдуетъ руководствоваться при направленіи умовъ учащагося юношества.

Университетъ св. Владимира, младшій между русскими университетами, созданный щедротами Государя Императора и всегда составляющей предметъ его особыхъ почечевій, имѣеть прекрасное, но вмѣстѣ и трудное назначеніе сливать и примирять между собою, на поприщѣ нравственнаго образованія, два доселѣ враждебныя начала, оба исходящія изъ одного корня славянскаго, соприосновенный во многихъ отношеніяхъ, но издавна разлученные гибельнымъ вліяніемъ противоборства вѣковаго. На преподавателей университета св. Владимира лежитъ обязанность самого бдительнаго вниманія,— обязанность тѣмъ настоятельнѣйшая, что подъ лициною славянства легко можетъ укрыться матежный духъ польскій, готовый уловить умы неопытнаго юношества и коварно увлечь его за собою. Проникнутые чувствомъ истинно-русскимъ и чужды ложныхъ понятій минимаго славянства, преподаватели университета св. Владимира внушать и питонцамъ своимъ, что для насъ ничего не можетъ быть славнѣе имени Русскаго, того знаменитаго нашего имени, которое съ основаніемъ государства нашего, повторилось и повторяется миллионами народа въ жизни общественной. Да слышится въ университетахъ имя Русскаго, какъ слышится оно въ русскомъ народѣ, который, не мудрствуя лукаво, безъ воображаемаго славянства, сохранилъ вѣру отцевъ нашихъ, языки, нравы, обычаи—всю народность.

Я не скрываю предъ собою, что вышеупомянутыя уклоненія отъ прямого пути возможны; но въ тоже время и увѣренъ, и имѣль счастіе всеподданнѣйше выразить Всемилостивѣйшему Государю Императору увѣреніе, что учащіе и учащіеся, принадлежащіе къ вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія, оправдаются ожиданія и надежды Монаршія: и это увѣреніе, съ полнымъ убѣженіемъ въ точности его исполненія, передаю въ настоящемъ случаѣ самимъ дѣлательямъ на ученомъ поприщѣ.

Богъ намъ да поможеть въ великому дѣлѣ народнаго Просвѣщенія, отъ котораго зависить настоящее и будущее Россіи!

Въ заключеніе я долженъ присовокупить, что это открытое и положительное изложеніе видовъ правительства въ дѣлѣ о началахъ русскаго просвѣщенія безсомнѣнно возбудить во всѣхъ благонамѣренныхъ стремленіе по мѣрѣ силъ оправдать довѣренность правительства и употребить всѣ старанія въ охраненію духа учащагося юношества отъ соблазна понятій, намъ непріятныхъ и вредныхъ. Между тѣмъ правительство, слѣдя неослабно развитіе сего важнаго, по обстоятельствамъ, дѣла тогда только было бы вынуждено обратиться къ мѣрамъ другаго рода, когда ожиданіе его могло бы оказаться тщетнымъ и мѣры кротости и довѣрія не достигли бы блажой цѣли.

Ваше превосходительство не оставите обращать особяное вниманіе на содержаніе сего предписанія и повременно доносить мнѣ о наблюденіяхъ Вашихъ по вышеизложеннымъ предметамъ, равно какъ и о распоряженіяхъ, кои, по мѣстнымъображеніямъ, могли бы въ послѣдствіи оказаться полезными.

Письмо Ив. Носа къ прилуцкому полковнику Дм. Горленку о свадьбѣ его сына. За девять лѣтъ до событій, погубившихъ Мазепу и его союзниковъ, одинъ изъ ближайшихъ къ нему людей, родственникъ его, прилуцкій полковникъ Дмитрій Лазаревичъ Горленко, женилъ единственнаго сына своего Андрея на дочери полковника миргородскаго, а послѣ гетмана, Данила апостола — Марії. Самъ онъ, какъ видно изъ приводимаго ниже письма, на свадьбѣ не присутствовалъ. Въ ту осень 1700 года часть малороссійскихъ войскъ ириняла участіе въ шведской войнѣ, отправясь подъ начальствомъ Обидскаго въ Ливонію. Въ числѣ другихъ были тамъ и козаки прилуцкаго полка. Но Горленко не принималъ участія въ походѣ, остался же дома, ожидая, по малороссійскому обычаю, молодыхъ къ себѣ послѣ свадьбы.

Жениха сопровождали многие изъ сослуживцевъ отца и, какъ бы во главѣ ихъ, полковой судья Иванъ Нось. Ему поручено было извѣщать о всемъ ходѣ дѣла, о числѣ и персоналѣ ожидаемыхъ гостей, къ приему которыхъ надо было приготовиться. Нось и даетъ отчетъ полковнику въ возложенномъ на него порученіи. Тонъ письма дышитъ покорнымъ искательствомъ. Не такъ, вѣроятно, относился къ Гор-

ленку этотъ самыи Носъ девять лѣтъ спустя, когда, за выдачу Меньшикову Батурина, онъ попалъ на полковничій урядъ въ Прилуки, а Горленко очутился въ эмиграціи. На полковничествѣ Носъ водворенъ былъ генераломъ Гнітеромъ, однимъ изъ помощниковъ князя Долгорукаго, усмиравшаго послѣ полтавской битвы мятежные полки.

Въ то время, къ которому относится печатаемое письмо, Носъ безматежно веселился еще въ Хомутцѣ, родовомъ имѣніи Апостоловъ и въ Великихъ Сорочинцахъ, полковничьей резиденції, гдѣ происходило вѣчаніе. Политическая диференціація этой, однородной пока, «весельной компаніи» произойдетъ только черезъ нѣсколько лѣтъ, при иныхъ обстоятельствахъ... — Сообщаемое письмо,—скорѣе записка, въ которой все дышетъ интересами данной минуты,—принадлежитъ къ числу не особенно многочисленныхъ частныхъ писемъ, ближе вводящихъ въ бытовую обстановку бытой жизни, чѣмъ обильнѣе сохранившіеся, но и болѣе сухіе офиціальные документы. Оригиналъ его сохранился въ нашихъ семейныхъ бумагахъ.

В. Г.

«Мосци пане полковнику прилуцкій, нашъ велце мосцівый пане и милостивый добродѣю!

Много можетъ благословеніе Божie и вашей милости пана и добродѣя нашего, албо, вѣмъ, за его посѣщенствомъ, щастливое во всей дорогѣ нашей зъ наймылшымъ его милостию паномъ сыномъ вашой милости панства маючи поведеніе, еще предъ заходомъ солнца въ пятокъ до Хомутца приспѣлисмо. Отколѣ, по вигодномъ начальному, службѣ Божій и снѣданю рушившихся и въ полѣ дороги призвойтое отъ стрѣтающаго насъ годныхъ персонъ принявши повитане, до Сорочинецъ власне на позны якобы обѣдъ, оздобне яко быта могло, вихалисмо, где, по обыкновенію веселную трактуючи церемонію и подарки роздавши, южъ щасливе дна нынѣшняго предо престоломъ Божіимъ дожывотная (сдай Боже на незамѣреніе Свѧта) между его милость паномъ сыномъ вм. м. панства и между ей милости панскою цоркою его милости пана полковника миргородскаго непраадрѣшимъ шлюбу союзомъ, при бытности тыхъ такъ годныхъ особъ которыхъ имя и число посылаемый отъ насъ вм. м. пану и добродѣевъ доводно изъявить реестръ, укрѣпилася пріязнь.

Якіе зась зъ его милостию паномъ полковникомъ миргородскимъ мають до дому вм. м. панства быти персоны, того яко отнюдь не можно было довѣдатися, такъ и вм. м. пану доносите трудно. Панъ

сотинеъ хиба нашъ полковый, по отиздѣ нашомъ, который конечно сего дна на ночь до Хомутца быти старается, можетъ о маючыхъ быти особахъ вм. м. пану и добродѣви доволно и доводно учынити извѣстно. А мы, тое тылко на сейчасъ предложивши по выездѣ кто зъ нами въ приданѣхъ будеть, ознайми неомѣшаемъ и мосдеся вашой панской навсегда, зъ найнижшими услугами нашими, отдаемъ.

Вм. м. пану и добродѣви всего добра сердечно жычливій и найнижшій слуга Иванъ Нось, судья полку прилуцкого со всѣю компанїею веселною. З Сорочинецъ, отъ 8 сентябрвя 1700 року.

Замѣчательный универсаль гетмана Мазепы. На страницахъ «Кievskoy Stariны» за предыдущіе годы и въ вышедшихъ отдѣльными изданіями трудахъ А. М. Лазаревскаго собрано не мало данныхъ для изображенія того процесса, какъ малороссійская козачья старшина послѣ Хмельницкаго безъ устали захватывала въ собственность оставшіяся свободными послѣ изгнанія поляковъ изъ лѣвобережной Украины, все равно занятыхъ или не занятыхъ козаками, земли; какъ она, не довольствуясь трудомъ послопитыхъ, обращала въ подданство или, по тогдашнему выраженію, въ послушенство свободныхъ козаковъ, вынесшихъ на своихъ плечахъ всѣ тягости войны Хмельницкаго, и какъ гетманы изъ-за узкихъ личныхъ интересовъ въ чемъ могли помагали при этомъ старшинѣ. Въ недавнее время г-жа Ефименко напечатала въ «Вѣстникѣ Европы» (августъ 1891 г. стр. 515—569) блестящій опытъ свода этихъ данныхъ въ одну цѣлую яркую картину.

Но до сихъ поръ не было извѣстно, чтобы со стороны гетманскаго уряда были попытки стать на сторону обижаемыхъ козаковъ и защитить ихъ хоть сколько-нибудь отъ злоупотребленій старшины. Теперь оказывается, что шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ гетманомъ Иваномъ Степановичемъ Мазепою въ 1691 г. Выражается онъ въ предлагаемомъ вниманію читателей «Кievskoy Stariны» универсаль, который и остается скорѣе свидѣтелемъ добрыхъ намѣреній Мазепы, нежели его настойчивости въ приведеніи задуманного въ исполненіе. Универсалъ печатается съ современной копіи, найденной нами въ книгѣ актовъ «мѣскаго уряда» м. Борисполя за 1612—1699 г., о которой мы сдѣлаемъ въ непродолжительномъ времени особое сообщеніе. Правописаніе оригинала оставлено въ печати безъ измѣненій.

А. Стороженко.

Пресвѣтлѣйшихъ державнѣйшихъ великихъ юсударей ихъ царскаго пресвѣтлого величества войска запорожскаго гетмана Ивана Мазепы.

Ихъ же царского пресвѣтлого величества войска запорожскаго полковникови кіевскому пану Константию Мокиевскому, обозному, судии, асауломъ полковимъ, сотникомъ, атаманомъ и всему старшому и меншому того полку товариству, войтомъ, бурмистромъ и всякаго чину людемъ, доброго жичачи здоровья, ознаймуемъ, ижъ дошло намъ вѣдати, же нѣкоторие зъ духовникъ и зъ свѣцкихъ людей особи, зъ ласки Божией и монаршой и зъ респекту нашего, рейментарской маетности подъ собою маючий, не поглядяющи на тутошние малороссійские обикновенія и на войсковіе порадки, не такъ, якъ бы са годило, але збитечне зъ жителями тихъ маетностей поступающи, стыглихъ людей надъ мяру обтяжаютъ, а козаковъ при неволняютъ во свое подданство. А если козакъ который по своей старииности держится реестра войскового и пилнуетъ козацкое службы, то такого розными способами кривдятъ, чинячи такую налогу, жеби албо зъ козацтва въ мужицтво силомою его притягнути, албо цале зъ жити маетности тоѣ прочь витиснути; черезъ що многіе козаки, надъ право волности войсковой, необычнои утерпѣли тягкости. А надъ то акоби и тое дѣется, же тиѣ особы, маетностями владѣючи, вивѣдуючи о давнихъ кгрунтахъ, поляхъ и съюзжатехъ панскихъ, якне за ладское держави при дворцахъ бывали, а отъ першое войны славное чамети гетмана Хмельницкаго пришли подъ область козацкую, смытью оніе отъ козаковъ отнимати и приворочать подъ свою владзу. Що лѣтъ противъ права войскового и противъ самое слушности, такъ и противъ волѣ нашое гетманское дѣется; ѹгдижъ що колвеъ добѣ рукоюхъ и лежачихъ, першихъ лѣтъ войны Хмельницкаго, отвагою рицерства войска запорозскаго зостало отнято и завладѣно, и уже чрезъ такъ не мало лѣтъ утверждалося козацкимъ заживанемъ, зъ того жадная рѣчъ не повинна быти отъ козаковъ отбирана. Поневажъ война оная Хмельницкаго была вщата не изъ иныхъ якихъ неуважникъ завзятостей, тилко за вѣру чистую и за церкви благочестия достойнаго, которые до униї римское кгвалтовне были потягнены, а тутже и за волности войсковиѣ, которые яромъ тяжкимъ были притиснени. Прото годни тиѣ отважники того и теперь заживати повинни, що имъ тогда шаблею и кровию загорнулось въ руки; а еслибы хто померъ, то потомки ихъ на томъ сидѣти мають. А такъ мы, гетманъ, черезъ сей нашъ унѣверсалъ, иже духовнаго чина просимъ,

такъ и свѣдкимъ людемъ приказуемъ, абы власти свои надъ маєтностями заживали мѣрне, такъ, якъ малоросийскогъ несетъ обикновеніе, не чиначи подданимъ жаднихъ вымысловъ и збиточникъ тягкостей, а особливе абы козаковъ, здавна въ тихъ маєтностяхъ мешкающихъ, жадною и найменшию кривдою не домикали, и кгрунтовъ жаднихъ здавна ими завладѣніхъ, хочъ бы такъ доводилось же за державы польское панскими найдовались, отнимать оныхъ не вожилися; опрочъ хибабы такие панские давніе кгрунта пусто, а не въ подѣлу и заживаню козацкому найдовались, то можноѣ державцомъ ниизвѣнѣмъ владзою своею ихъ огорнути; а що колвекъ, яко ся вышай поминуло, зъ початковихъ лѣтъ войны Хмельницкого, любъ слушнимъ подѣломъ, любъ завладѣніемъ зъ позволенія старшихъ въ область козацкую пришло, зъ того конечне абы отъ козаковъ жадное рѣчи не отбирано и ничимъ ихъ, ани порыванемъ на послуги, ани витяганемъ датковъ не обтяжано; ижбы козаки всѣ въ реестру войсковому найдуючися и услугъ козацкихъ не лениво и не хилтяно щиримъ пра-лжаніемъ всегда пилнуючи, при зуполнихъ войсковихъ правахъ и волностехъ найдовались и спокойне до всихъ духовникъ и свѣдкахъ маєтностей безъ жадное жили турбации. Во велимиѣ тое было непри-стойне и не справедливо, если бы козаковъ въ чиихъ же колвекъ маєтностехъ живучихъ которое одни съ продковъ своихъ, а другие сво-ими отвагами и крвавыми працами на волности собѣ заробили, теперь подъ рейментомъ нашимъ приневоление въ подданскіе работы и по-сполитие повинности были. А претожъ, чтобы таковий, любъ зъ духовникъ, любъ зъ свѣдкіхъ особъ сиѣль козаковъ въ подданство приневоляти, албо оныхъ кривдити и акимъ колвекъ обременятіи об-тяженамъ, одийскати зъ подданихъ здавна владѣть ихъ будущимъ кгрунта, албо вытискати оныхъ зъ маєтностей; противъ такого каж-дого мы гетманъ, звѣрхностю нашего рейментарскаго козаковъ бо-роначи, на отпоръ стати хочемъ, маючи мы въ нашемъ камъ-реніи, же зъ докладомъ монаршымъ у такового упорного державци маєтности во общое владѣніе войсковое одобрati роскажемъ. А до-кладаемъ тутъ и тое, же яко козаковъ въ реестрѣ войсковому буду-чихъ отъ налоговъ всакихъ и отъ повинностей посполитихъ боро-нимъ, заховуючи ихъ при волностехъ належачихъ, такъ и посполи-тихъ тяглихъ людей въ реестрѣ козацкій приймовати не кажемъ, жебы якъ козаки свои козацкое службы, такъ и посполитие люде свои тяглое повинности не премѣняно якъ теперь, такъ и во всѣ по-томкіе часы пилновали. О чомъ впразній у насъ есть монаршай

увазъ, и на томъ и наше есть неизрѣдьное постановление. Всего тeda того панъ полковникъ и старшина полковая зъ сотниками осмотривати повинни, абы сее универсальное виразное гетманское предложение наше ненаружне было заховано. А хто окажется въ якимъ колвекъ пункте быти противенъ, о томъ абы намъ не закрито давано знати. Пилно и эъ великимъ потверженемъ приказуемъ и поручаемъ всѣхъ Господу Богу. Данъ въ Батуринѣ ноеврия 20 1691. Звѣщенованный гетманъ рукою власною.

Мѣстце печати войсковой звонкой гетманской.

Старинное поученіе Переяславскому семинаристу при вступлениі его въ Киевскую Академію. Поученіе это написано Переяславскимъ іеромонахомъ Мисаиломъ Боничевскимъ, родомъ изъ с. Комаровки Переяславского уѣзда, для его внучатнаго племянника и воспитанника Никиты Васильевича Дрозда-Боничевскаго, когда послѣдній, окончивши курсъ Переяславской семинаріи, вступалъ въ Киевскую Академію. О. Мисаилъ не только внушалъ своему питомцу правила доброй жизни, но и стремился пробудить въ немъ благородное честолюбіе, разсказывая ему о судьбахъ его предковъ какъ съ отцовской, такъ и съ материнской стороны. Рассказъ о. Мисаила, основанный на семейныхъ преданіяхъ, имѣеть и исторический интересъ, сообщая любопытныя подробности о потомствѣ знаменитаго ватажка времени Руины, носившаго титулъ полковника, Дрозда (см. Костомаровъ, Руина, изд. 1882 г. стр. 77—92). Заботы престарѣлаго іеромонаха не прошли даромъ: питомецъ его Никита Васильевичъ Дроздъ-Боничевскій вышелъ очень образованнымъ для своего времени человѣкомъ и служилъ впослѣдствіи переводчикомъ Государственной и Иностранныхъ Дѣлъ Коллегіи и секретаремъ Россійского посольства во Флоренціи. Поученіе печатается съ копіи, сохранившейся въ с. Хоцкахъ Переяславского уѣзда въ семействѣ Дроздовъ-Боничевскихъ, съ передачей всѣхъ особенностей ея правоисписанія.

А. Стороженко.

Благодать Божія приско да будеть съ тобою, чадо Никито!

Аминь.

Зъ десятаго года возраста твоего азъ усыновихъ тя съ братію твою, и седмь лѣтъ до днесь пѣставахъ тя и трудихся о воспитованіи и просвѣщенніи твоемъ. Нынѣ же зане совершилъ еси въ. Перея-

славъ ученіе твое и отходиши въ Кіевскую Академію, азъ е старъ сый, и Богъ вѣсть аще паки узрю тя: дніе бо лѣтъ нашихъ аще въ силахъ осьмидесять и множае ихъ трудъ и болѣзнь: того ради пишу тебе для всегдашней памяти сіе, може послѣднее мое наставленіе. Во первыхъ, имъї страхъ Божій, иже есть начало всякихъ премудрости: спрѣчъ, соблюдай заповѣди Божіи и вси христіанскіи добродѣтели, въ нихъ же до днесъ утверждати тя тщихся. Не пропускай ни единого дне безъ молитвы ко Богу, яко всѣхъ благъ подателю, ниже праздниковъ безъ церковнаго его славословія. Всякую же четыредесятницу поновляй душу твою сватою исповѣдью и пречистыми таинствами. Присно же обучай себѣ ко благочестію изъ священныхъ писаній; и буди исправенъ предъ Богомъ и предъ людьми вѣрнымъ словомъ, и житіемъ чистымъ. Люби родственниковъ своихъ и добродѣющихъ тебѣ, спрѣчъ усердствуй имъ и буди благодаренъ. Чествуй старшихъ, наставниковъ же и учителей своихъ слушайся со благоговѣніемъ. Съ ровными обходись тихо и не провозносися; отъ бесѣдъ же нелѣпыхъ и злыхъ уклоняйся. Нижшихъ не презирай, ниже глумися, и никому не твори, чего самъ себѣ не хочешь. Се есть начало премудрости, средина же ей—познаніе сущихъ въ поднебеснѣй и всякое полезное искусство, науками и размышеніемъ стяжаемое; а конецъ—приложеніе сихъ къ жизни, иже тѣмъ и паче оживотворяется, и благодать тебѣ и ближнимъ твоимъ; долгота бо живота, рече Царь Соломонъ, въ десницѣ премудрости, въ шуйцѣ же еи богатство и слава. Удобно же видится отъ любящихъ ю и обрѣтайся отъ вищихъ ю. Приступи убо къ ней всею душою, взыщи ю, прильжно учася въ Кіевѣ, да поспішнѣе вся сія стижаєши; да отецъ твой и дядя Никита улучатъ черезъ тебя отраду и облегченіе подъ старость, и да весь родъ твой Дроздовъ, зъ стародавнаго своего славы и богатства достоянія низпадшій, паки черезъ тебе возстанетъ. Дрозды бо, праотцы твои, быша издревлѣ на Русѣ и подъ Литвою и подъ Лахами благородніи и сильніи крѣпостію и совѣтомъ защитники отечества и православной вѣры противъ бусурмановъ и Латиновъ; по десятихъ же лѣтѣхъ приложенія Малороссіи къ Московскому Царству, еже бысть въ лѣто отъ воплощенія Господня ^{АХНІА} (1654), сущу Гетьману Бруховецкому и велю повсюду смятенію, егда злокозненный Дорошенко за Днѣпромъ со единомышленниками своими, враговъ придержавшимися и поставившими его надъ собою Гетьманомъ, искаше вси тамошніи полки покорити, а Михаилъ Дроздъ, полковникъ Братславскій, отецъ працадѣда твоего, храбро ему сопротивляшеся, то, оскудѣвшей силѣ

его, взять бысть со градомъ Братславомъ и убиенъ отъ Дорошенка за вѣрность къ царю и къ законному Гетьману, иже за то притекшую къ нему вдову Дроздову и малолѣтнаго его сына Данила, прападѣда твоего прія честно, и представительствомъ старшины Адамовича, родственника ей, въ Чечери, даде имъ паянскій грунтъ и дворъ съ подданными и всѣми угодіями въ Хоцкомъ на помѣстье. Се начало Дроздоваго роду въ томъ селѣ кунно же и вина его упадку: аще бо и бѣ уже старшій Даниловъ сынъ Гавріилъ, прадѣлъ твой, Атаманомъ, обачѣ отъ раздѣлу реченаго грунту съ братію несогласія ради, и отъ пожару—домъ его вельми изнеможе поставилъ же паки воинскимъ смуткомъ и убиennу ему бывшу отъ Татаръ въ походѣ Крымскомъ, еще въ горшее паде расточеніе: дѣти бо его, сіе есть: дѣдъ твой Григорій съ братію, осиротѣла малолѣтны, подданіівъ, нажившись ихъ добромъ, отступиша, сусѣдніи же паны и козаки въ долгое межгетманство при новизнахъ управныхъ и земскихъ велію часть Дроздовой земли себѣ присвоиша. Егда убо возрасте дѣдъ твой съ братію, никому же ихъ некніжнихъ заступающу, нужда имъ бѣ и самимъ уже остатокъ ей пахати, въ козаки учинившеся, въ нихъ же тако и отецъ твой Василій съ дядькомъ Никитою и ты съ братіями Андреемъ и Грицкомъ родистесь. Ты же прозываешися нынѣ Боначевскимъ ради мене, яко пѣстуна и брата твоей бабки, по роду нашему Боняку, а по просту Боняку, иже произыде отъ одного воеводы иноплеменніческаго, крестившагося въ плѣну на Киевѣ съ двоими сынами въ Литовское обладаніе, и угодивши совѣтомъ и храбростю Гетьману Предславу Ландзикронскому и кралю Сигмунду Кажиміровичу Ягайлову, воспрія отъ нихъ волости на Волыни и тако живаше, откуды и Симсонъ Бонякъ, юноша и рицарь благообразный, бѣ въ наридѣ у краля Генрѣя Валуя въ лѣто Господне 1574 и обрѣте благодать предъ очима его, яко же быти ему при немъ и отъйти во францкую страну, идѣже оканиный преклонясь въ Латинскую ересь проименовася Мархисомъ—по писаніямъ его во свояси, отъ нихъ же ироклять. Возставшу же на Боняковъ гоненію, убѣжаша на сей бокъ Днѣпра въ Комаровку, идѣже волію Божію родъ сей до днесь во смиреніи своемъ ведется. Вся сія памятуй, да паче потщишися въ наукахъ, обаче не неради о здравіи твоемъ: есть бо главизна благодати. Иди убо и пиши миѣ часто: сего ради даю тебѣ со крестомъ, иконою приснодѣвы Марії и другими потребами еще и печатку мою, на ней же по синевицѣ могила, бунякъ бо есть сказуемое могила, якоже и наречеся единъ изъ сыновъ предреченаго

воеводы, отшедшій во страны греческія. Знаменіе же рода твоего есть птица Дроздъ на червленныхъ кроекахъ съ копіемъ и шаблею, и свыше шломъ. Богъ да благословить и соранить тя во всѣхъ путяхъ твоихъ. Аминь. Писахъ въ лѣто мірозданія Христова 1772 Індикта 6, мѣсяца Августа. Вуй и богомолецъ твой, Кафедральный Епископъ Иеромонахъ недостойный Міасиль.

Унітская колядка. Слѣдующая колядка извѣстна въ уманскомъ уѣздѣ подъ именемъ унітской. Въ настоящее время она приходитъ въ забвение, и ее можно услышать только отъ стариковъ, и то въ нѣсколько затемненномъ видѣ. Въ моемъ дѣтствѣ я долженъ былъ учить эту колядку и знать ее, какъ въ вѣкоторомъ родѣ народный катихизисъ. Въ «Очеркахъ исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаний и пѣсенъ» — Н. Ф. Сумцова (стр. 145) эта колядка называется *Евангелистской пѣсней*. Колядка состоитъ изъ вопросовъ и отвѣтовъ, которые, начиная отъ одного, идутъ до 12-ти въ такомъ порядке:

«А ты, Янчыкъ навченой
Межъ школами выбжаной!
Повидь мени, пани Янчыкъ,
Шо то иденъ есть?
—Иденъ сынъ Маріинъ,
Сынъ у неби скрулюе надъ намы!
«А ты, Янчыкъ навченой,
Межъ школами выбжаной!
Повидь мени, пани Янчыкъ,
Шо то два есть?
—Два алтари Мусіевыхъ,
Иденъ сынъ Маріинъ,
Сынъ у неби скрулюе надъ намы!
«А ты, Янчыкъ навченой,
Межъ школами выбжаной!
Повидь мени, пани Янчыкъ,
Шо то три есть?
—А три патріархи,
Два алтари Мусіевыхъ,
Иденъ сынъ Маріинъ,
Сынъ у неби скрулюе надъ намы!»

«А ты, Янчыкъ навченой и т. д.
Повидь мени, пани Янчыкъ,
Шо то четыре есть?»
— Четыре листы Евангелисты,
А три патріархи,
Два алтари Мусіевыхъ,
Иденъ сынъ Маріинъ,
Сынъ у неби сокрулюе надъ нами!

Такимъ образомъ идуть вопросы все далѣе, а въ отвѣтахъ повторяется все предыдущее; поэтому достаточно будетъ привести послѣдній вопросъ, чтобы знать этотъ своеобразный катехизисъ.

«А ты Янчыкъ навченой,
Межъ школами выбжаной!
Повидь мени, пани Янчыкъ,
Шо то дванадцать есть?»
— А дванадцать апостоливъ,
Однаццатый самъ Господь,
Десять Божихъ приказаний,
Девять Божихъ (чиновъ) ангельскихъ,
Восимъ Божихъ радостей,
Симъ сакраментивъ,
Шість крали или (sic) на Пресвентії Марії,
Пять разъ серпеной (sic) серны Панокъ безвинной,
Четыре листы Евангелисты,
А три патріархи,
Два алтари Мусіевыхъ,
Иденъ сынъ Маріинъ,
Сынъ у неби сокрулюе надъ нами!»

Здѣсь непонятный шестой отвѣтъ нѣсколько объясняется изъ сопоставленія его съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ галицкой колядки: шесть «грають лелю чаниковъ Маріовъ». («Очерки» Сумцова, 145).

Пятый отвѣтъ, надо полагать, произошелъ изъ такого выражения: пять разъ цѣрияной, цѣрпи Панокъ безвинной.

Слово *выбжаной* происходитъ отъ глагола — *выбжити* — выводить, воспитать: *пчолы выбжили матку*.

Такія выраженія, какъ: *на Пресвентії Марії*, *симъ сакраментивъ* сокрулюе указываютъ дѣйствительно на польское, или уніатское происхожденіе вышеупомянутой колядки.

Сообщилъ Хр. Ящуржинскій.

Распоряженіе генераль-губернатора Глѣбова по случаю проѣзда турецкаго посланника черезъ г. Киевъ (1764 г.)

1764 г. іюня 9-го дна по указу Е. И. В. генералъ аишефъ и кіевской губерніи генераль-губернаторъ и кав. Глѣбовъ, по увѣдомленію обрѣтающагося въ Константинополь д. ст. сов. и резиденты Обрескова о назначеннемъ отъ Порты Отом. къ высоч. Е. И. В. посланникѣ Дервишъ-Эфендіѣ, усмотря изъ имѣющихся въ кіев. губ. канц. дѣлъ, что предъ симъ для встрѣчи при васильковскомъ форпостѣ онаго Дервишъ-Эфендія, присланного въ 1755 г. отъ турецкого двора ко двору Е. И. В. посланникомъ, и для приёму и довольствія его пищею и прочимъ опредѣленъ и отправленъ быль въ состоящій за васильковскимъ форпостомъ карантинной домъ кіев. горн. секундъ (что иыпъ преміеръ) маіоръ Ефремовъ и при немъ одинъ поручикъ, одинъ лѣкарь да для кароулу и посылокъ ундеръ офицеровъ четыре, карапаль одинъ, гранадеръ тридцать человѣкъ, переводчикъ и два толмача, а какимъ образомъ оному маіору Ефремову въ принятіи и довольствованіи онаго посланника поступать, о томъ дана была ему инструкція; а по учиненному имъ ген. аишу и кав. Глѣбовымъ, сего іюня 2 дна опредѣленію и по посланнымъ указамъ и ордерамъ предложено находящемуся въ Киевѣ при молд. гус. полку брегадиру Подгоричани для встрѣчи упоминаемаго турецкаго посланника нарядить изъ того молд. гус. и сто человѣкъ гусаръ съ лошадьми и со всею принадлежащею воинскою амуниципею и съ потребнымъ числомъ офицеровъ и по востребованію, въ прибытіе онаго посланника къ здѣшней границѣ, быть онымъ гусарамъ во всякой готовности; васильковской погр. таможни дпректору Карасеву для онаго жъ тур. посланника состоящій въ низ. городѣ Киевѣ дворѣ Е. И. В. пѣвчаго Андрѣевскаго домъ, въ которомъ онай Карасевъ по найму имѣеть жительство, очистить; а находящемуся при васильковскомъ форп. кіев. гарн. подполковнику Нанину состоящій при томъ же форпостѣ казен. карант. домъ осмотрѣть и какъ для онаго тур. посланника и для его свиты покой, такъ и для лошадей его жъ конюшни и для повозокъ сарай имѣть въ надлежащей готовности и исправности и, ежели что требовать будетъ какой либо починки, оную ему исправить; кіевскому магистрату для онаго-жъ посланника и для его свиты надлежащее число удобныхъ квартиръ въ низ. гор. Киевѣ отвѣсть и содержать оныя во всякой готовности; и для равномѣрной онаго жъ тур. посланника встрѣчи отъ ген. войск. канц. требовано о командированіи изъ состоящихъ въ близости къ Кіеву мало-

российскихъ кіевскаго или Переяславскаго полковъ ста человѣкъ во-
заковъ съ потребнымъ числомъ старшинъ,—приказалъ:

1-е) для встрѣчи и пріему при васил. форп. помянутаго имѣ-
ющаго сюда бытъ тур. посланника командировать, по прежнему при-
мѣру, кіев. гарн. сек. маюра Гущина и при немъ одного оберъ-офи-
цера, да для карауловъ и посылокъ изъ воинскихъ служителей до-
бропорядочнаго и трезваго состоянія, а именно: четырехъ ундеръ-
офицеровъ, одного капрала, 30 человѣкъ гренадеръ, одного барабан-
щика, одного флейтщика, и одного фельдшера, съ принадлежащею
амунициею; но какъ о точномъ времени сюда онаго тур. посланника
пріѣзду еще неизвѣстно, то быть онымъ военнослужащимъ до пріѣзду
посланничего при своихъ командахъ, неотлучая однако ихъ ни-
куда, а по пріѣздѣ онаго посланника въ здѣшней границѣ и по во-
стребованію его Гущина означенныхъ оберъ и ундеръ офицеровъ съ
командою поручить ему Гущину, о чёмъ въ кіев. об. коменд. канц. и
къ нему Гущину послать ордера, а находящагося при К. Г. К. кол.
ин. д. переводчика Равича и двухъ толмачей отправить въ Василь-
ковъ въ то время, къ которому точной пріѣздѣ онаго посланника
назначенъ будеть;

2-е) ионеже не безъизвѣстно, что состоящій въ ниж. г. Кіевѣ
Андрѣевскаго домъ нѣкоторой требуетъ подчинки, то оному сек. м.
Гущину, какъ объявленной шѣвчаго Андрѣевскаго, такъ и назначен-
ные отъ кіев. маг-та въ ниж. г. Кіевѣ для тур. посланника и для
его свиты обывательскіе мѣщанскіе дома, кои кіев. маг-тъ долженъ
ему Гущину показать, такъ и состоящій за вас. форп-мъ каз. кар.
домъ немедленно осмотрѣть и, какой въ чёмъ онай шѣвчаго А-го
домъ требуетъ починки и въ коликое время ту починку можно
исправить и что на ту починку, на материалы и за работу ма-
стеровыми, потребно денегъ или не сыщется-ль въ ниж. г. Кіевѣ,
кромѣ онаго А-го дому, такого, въ которомъ оному тур. по-
сланнику безнужно стоять было можно, тако же въ какомъ состоя-
ніи каз. карант. домъ находится, и буде по усмотрѣнію его Гущина
явится для постою онаго посланника какой либо и мѣщанской домъ
способенъ, то онай кіев. маг-ту велѣть содержать въ готовности и
чистотѣ, а кои будутъ неспособны, то вместо тѣхъ требовать отъ
кіев. маг-та другихъ и о томъ къ нему, генералъ-губернатору, ре-
портировать, а между тѣмъ, какимъ образомъ оному сек. м. Гущину въ
принятіи онаго посланника при границѣ и въ protchemъ поступать,
о томъ для дачи ему изготавить съ надлежашимъ наставленіемъ ин-

струвцію; по полученії жъ о точномъ времени пріѣзду онаго посланника въ Киевъ извѣстія, о заготовленіи по тракту отъ Киева до С.-Петербургъ, по числу имѣющейся при ономъ посланикѣ свиты, подводъ, куда надлежить писать; что жъ принадлежитъ до лѣкаря, то въ посылкѣ онаго отсюда въ Васильковъ нужды не предусматривается для того что нынѣ при томъ васил. форп., по указу медиц. кол., для предосторожности отъ новѣтrenной болѣзни находятся по-граничные докторъ Полѣтика да лѣкарь Лигда, которой, что до его должности принадлежитъ, яко то въ пользованія больныхъ и въ протчемъ, долженъ исправлять и въ пріѣздъ тур. посланника въ здѣшней границѣ, о чмъ къ оному доктору Полѣтику послать ордеръ; а въ протчемъ надлежаще къ пріѣзду и отправленію изъ Киева онаго посланника чинить приготовленія.

А. А.

Рукописныя замѣтки на поляхъ книги „Миръ человѣка съ Богомъ“, Иннокентія Гизеля, кіевской печати 1669 года. Книга эта составлена извѣстнымъ южно-русскимъ ученымъ XVII вѣка Иннокентіемъ Гизелемъ для руководства священникамъ при совершениіи таинствъ и особенно таинства покаянія, по образцу римско-католическихъ руководствъ, извѣстныхъ подъ обычнымъ названіемъ *Casus conscientiae*. Въ 1888 году дефектный экземпляръ этой книги доставленъ въ библіотеку церковно-археологического музея при Кіевской духовной Академіи изъ полтавской губерніи преподавателемъ Полтавскаго Епархіального женскаго училища В. Ковалевскимъ. Экземпляръ этотъ представляетъ особый интересъ въ томъ отношеніи, что на поляхъ его есть значительное число рукописныхъ замѣтокъ, въ которыхъ, по поводу тѣхъ или иныхъ требованій книги, изображаются современные автору замѣтокъ недостатки дѣйствительной жизни. Замѣтки написаны въ концѣ XVII вѣка, вѣроятно, какимъ либо священникомъ, получившимъ школьнное образованіе, и могутъ дать некоторый материалъ для изображенія религіозно-нравственнаго и соціального положенія малорусскаго общества въ это время. Независимо отъ содержанія, онѣ не безъинтересны и по языку, приближающемуся къ простонародной малорусской рѣчи того времени. Представимъ параллельно, съ одной стороны, текстъ книги «Миръ человѣка съ Богомъ» или, по крайней мѣрѣ, содержаніе пунктовъ ея, которыхъ касаются замѣчаній, а съ другой — самыя эти замѣчанія:

„Миръ человека съ Богомъ“:

Стр. 147. „Апостолъ глаголеть: блудодѣянія ради, кіждо свою жену да иматъ“.

Стр. 148. Форма или совершение брака: „Азъ тебе взимаю себѣ въ жену, азъ тебе взимаю себѣ въ мужа“.

Стр. 149. Іерей долженъ испытывать о соизволеніи супружескомъ „и сіе благословеніемъ своимъ іерейскимъ утверждити долженъ“.

—Объ исповѣди передъ бракомъ въ смертныхъ грѣхахъ.

—„Добра супружескія... первое есть чадородіе“.

—„Второе есть вѣрность, дабы ни одинъ отъ супружниковъ не осквернилъ употребленія супружескаго ложемъ чуждымъ“.

Стр. 150. О томъ же.

—„Жена привязана есть закономъ, въ велико время живетъ мужъ ея“.

Стр. 151. Первое препятствіе къ браку есть насилие.

Стр. 152. „Подобнѣ яко же до купѣ требѣ согѣщанія вѣдающаго извѣстно о вещи извѣстной, лиже та сама непремѣнно имат куплена быти“.

—Не виѣюшій употребленія разума не можетъ имѣть и соизволенія на бракъ.

Стр. 154. Не безопасно вступать въ супружество и съ такимъ, который до брака лишился разума.

—Жениху должно быть не менѣе 14, а невѣстѣ не менѣе 12 лѣтъ.

Стр. 155. „Можетъ бо кто иногда на время, чрезъ чарование сотворити

Замѣчанія:

Добро то барзо Апостолъ святни учинилъ: бо лѣпшай терпѣти если жона перед очима въ меньшей раздѣженіи безмѣрного; нижели щоднія залоти строити не мающи жоны своее.

Передъ тымъ того николи паянъ не знали: ажъ Могила есть отворилъ имъ очи, а предъ ся и того при шлюбѣ не употребляютъ тілько чи шлюбиш: шлюбую: чи любиш: люблю а болѣеничого (абы тілько взятъ хутшыи подзолотого)

Рѣдко то бываетъ хиба въ розумныхъ поповъ.

Тому теперъ симются простаки, науетъ по браку рокъ цѣлы не причащ... повѣдаютъ же грѣхъ за...

То такъ бы мѣло быти, але не всѣ того наистрѣнія.

Рѣдко и тое живетъ.

Козаки едною жуковою не контентуются, але що городъ то иша.

А коли покинеть тутъ однаго тамъ другаго а тамъ третьего то попе вѣчай радъ не радъ мусинъ. Ажъ тутъ и отъ Бога грѣхъ. и отъ пастира бѣда попу.

Того теперъ не машъ хиба въ незолѣ, ховай Боже.

Много такъ стрѣлцѣ московскіе опустычиваютъ: же барзо людей опушкываютъ.

Але свати грѣшатъ що такихъ зводатъ.

А если же кто потантъ зъ нихъ недугъ свой, то и паче разорятись иматъ супружество такое безгрѣшно.

Тілько то у Литвѣ такихъ женатъ и въ Москвѣ: а у васъ нѣтъ.

Того барзо мно(го) у дурной Руси же (рѣдко) живетъ веселое же б... которое

сице венчанымъ коего отъ супружникоў”.

Неспособные къ супружеству должны жить, какъ братъ и сестра, и неразлучаться.

Стр. 156. Черноризци и черноризицы да не женятся“.

Супругъ, безъ соизволенія другаго супруга, не можетъ поступать въ монахи.

Грѣхъ, если бы духовниѣъ, или врачи, въ бѣдѣ чьей великой, не хотѣлъ просятъ совѣта у разумѣйшаго¹⁾.

— „Изобрѣтеніе новостей неподобающихъ“.

— „Аще кто изъ залога плодоноснаго пріемлетъ плоды, и истязуетъ возвращенія взамъ данныхъ пѣнзей своихъ всепѣльныхъ“.

— „Аще бы кто умалалъ честь дні святаго работою, или оставленіемъ божественныхъ литургій“.

— О подаваніи убогимъ.

— „Егда кто паче мѣры мыслить о стражаніи богатства“.

— „Наслие или хищеніе, егда кто пріобрѣтаетъ имѣнія чуждая неправедиѣ“.

— Продаваніе выше цѣны.

— „О лжѣ купецкой“.

— „Отлєзатѣніе писаній до иного писанныхъ; еже творити грѣхъ есть смертенъ“.

— „Послушати пѣсней или словесъ студныхъ, съ сладостю и вожделѣніемъ тѣлесности, или съ бѣдою до того, смертенъ есть грѣхъ“.

— „Степень нечистоты, „иже услаждаются въ ароматахъ и благоуханіяхъ жевъ безстудныхъ“.

— „Мерзкое употребленіе табаки“.

зъ молод(ыхъ) не было почар(свано)... албо панна албо иладенецъ.

Тото сут панове распутнаки на вѣсъ.

.... щеринъ архимандритою быль ... оженился.

А въ Москвѣ якому не подобаласъ жена то пострижен тую повесоли да другую помнят себѣ за жену.

У нашихъ попув простыхъ тое завѣсть.

Казнодѣи мудріѣ тое чинят.

Такъ чинятъ всѣ арендарѣ.

Не знаютъ по селахъ ни недили: ни свята.

Мало тепер милосердныхъ людей.

Всѣ купцѣ таковы и господарѣ иѣ-которые.

По—Лащовску.

О крамарѣ.

Жаденъ купецъ безъ того обыстися не можетъ: ажъ бы пересталъ торговати.

Ахъ ихъ много естъ же собѣ за замѣнішівъ грѣхъ того не маютъ.

А на веселяхъ у простакувъ що човѣтесь срамне естъ излаголати. (О горе что не слушаютъ и уѣбшавія священническаго).

Въ Полщѣ того много есть.

Чтѣте табачники и разумѣйте что творите заживающи сѣ часто.

¹⁾ Съ сего пункта и до 256 страницы нѣть указаній на страницы книги потому, что нумерація въ рассматриваемомъ экземплярѣ утрачена.

—Нарочитое возбуждение похоти".

—Обжорство.

Стр. 256. Не садуешь цѣловаться съ женщинами.

—Допускается женщина цѣловаться въ крайнихъ случаяхъ.

Стр. 257. Невозбранно цѣловаться образомъ честнымъ.

Стр. 258. Степень нечистоты—можное ликование или плясание.

—Воспрещение плясать духовными.

—Желаніе оскверниться во снѣ.

Стр. 260. Услажденіе нечистымъ сно-видѣніемъ.

Стр. 265. „Аще бы кто отъ невоздер-жанія въ дни постныхъ яль мясо, упира-вался".

—„Аще бы кто, не истрезвившись добрѣ, службу совершалъ.

—О чревоугодіи и расточительности.

Стр. 266. Яденіе человѣческаго тѣла.

Стр. 268. Объяденіе.

Стр. 269: О принужденіи къ пьян-ству.

—Упиться ради исцѣленія здравія извинительно.

Стр. 270. О пьянствѣ.

Стр. 272. „Къ стражанію мудрости потребно есть воздержаніе".

Стр. 274. О блевотинѣ и отрыжкѣ.

Стр. 291. Подобаетъ духовныхъ наи-чаще почигать",

Стр. 292. О неустойчивости при ма-лыхъ мученіяхъ.

Стр. 327. Нелюбовь къ исправляющимъ.

Ико тые которые пют конфертативу.

Але и горѣлка недобра и горчица и воробачее мясо и bulbus родъ есть цибули.

А зглаща на ноч небезлечно много ясти.

Якъ у Москвѣ цѣлюуть живъ пред всѣми, явне.

Грызнеровнымъ то трудно.

Як и на свѣтлое воскресеніе.

Тото на Українѣ и похвали у мужику.

Зрите духовницы.

Бывает и таа мысль у людей.

И тое бывает лихо у молодыхъ на-барзей.

Казацкая то и цнога еще.

Тут то попы вникните.

В Польской политицѣ тое живет.

Але в великій голодѣ и людем люде-ѣдят: якъ было под Кременцемъ Бере-стоцкого лѣта (Аппо 1651).

А на веселяхъ и бенкетахъ: що чи-нят политикове.

А що ж бы то была за чест: же бы кто з неѣ не впившись пошел трезво.

Наприклад гдѣ бы вина венгерского доброго кварту выпити.

Так же и есть же большей піанства загуба людем бѣдны.

Знаменай. А нашо ж п. п. казнодѣи предъ казанемъ вино пют або горѣлку любъ правда не кождай.

А простакови то и не честь коли он не убlyются бо еще з того хвалится.

Ахъ як на Українѣ мѣсто чести безчестія много.

Знаменай сие лютое непостоянство. Добре чинят москалѣ хок як мучат то оттерпится.

Простаки всѣхъ духовныхъ не любят а

Стр. 328. „Ни во что же вене духовна почитать“.

—О лѣнности.

—Разсѣянность въ церкви.

Стр. 335. Сопротивление познанной истины, напр. о геевѣ, страшномъ судѣ.

Стр. 340. Озлобленіе убогихъ.

Стр. 344. О выкупѣ пленныхъ.

—О непогребеніи на св. мѣстѣ и почину церковному богохульниковъ, еретиковъ и т. п.

Стр. 345. Невѣжду научити.

Стр. 352. „Щищо же и одеждою мѣрною должны доволимъ быти“.

—Отъ избытка церковныхъ имѣній нужно подавать убогимъ.

Стр. 354. Милостыня должна быть отъ праведнаго прибытка.

Стр. 355. „Лучше бы не даяти, ако да уцѣломудрятся“.

Стр. 369. „Самъ себе лѣвъ согрѣша злословия“.

Стр. 377. Позіравленіе необязательно и по отношенію къ друзьямъ.

Стр. 382. О честолюбіи и корыстолюбіи епископовъ.

—Нужно посвящаться только ради добра церкви.

—Епископъ долженъ имѣть при себѣ учительныхъ людей, если самъ не учитъ ясъ.

—О созваніи помѣстныхъ соборовъ.

Стр. 384. Приходской священникъ долженъ помогать въ смертоносіе, хоть и чрезъ другаго священника.

—О знаніи прихожанами молитвъ.

звлаща попувъ.

Якъ козаки.

Наши всѣ даки и попы сами не знаютъ что читаютъ.

А въ искалью то то и спраша що въ церкви о всемъ размовляти.

Мало простаки тому вѣратъ.

А у Москвѣ поти шелепами быватъ долгъ, поки ажъ отдастъ.

Немашь тепер такихъ же бы искушиль.

А наши попы того ничего не глядять абы тиляко заплатить гораздъ.

Почин тиляко запорозцовъ учти сам обачиштъ.

А блаваты же где подѣнемо не пурпуры.

Николи того у етиторовъ не бывало и не будетъ.

А козаки наши въ Полши церкви подрали да тут на Уѣ, анѣ мѣсто своего вадають на церкви еще и хлюбатся въ того (моячи яко давъ мое то).

Тут то броварники картники гултае нехай научатся що ходячи на тутуцъ осиничка просятъ або на щасте пройгратъ.

Яко попы и чернѣцъ що въ корчмах упиваются.

А на Українѣ що дни конечне треба здороватися.

Тепер и жаднаго епископа не машъ же бы духовне для церкви тиляко посвящался.

Добра, але рачей для свѣтскаго добра посвящаются.

У грековъ уже тепер учителя немашъ, всѣ купцы да кушнеры и епископы и митрополиты.

Того николи не маш ради злыхъ временъ.

То юже можнаа реч чрезъ викариев але самъ не пуйдетъ.

А другой путь и самъ не знае що и Отче наш умѣетъ.

Стр. 385. Не разрывать имѣющаго наложницу, если не разстанется съ ней.

Стр. 386. Обличеніе языгрѣшниковъ.

— „Аще бы проповѣдали ложная вѣкая чудеса“.

— Въ проповѣдахъ не слѣдуетъ забо-
титься о томъ, чтобы говорить новое.

Стр. 387. О нравоученіи въ проповѣ-
дахъ.

— О монахахъ, живущихъ въ мона-
стыря.

— Несоблюдение обѣта нищеты.

Стр. 391. О притиранияхъ лица.

Стр. 392. О блудѣ между обручен-
ными.

Стр. 394. Грѣхъ не отдавать до нау-
ки или художества дѣтей.

Стр. 400. „Мзду отъ господей вземше
и отдаваше отбѣгаютъ“.

Стр. 405. Грѣхъ праневоливать къ
супружеству.

Стр. 408. Грѣхъ, „аще судаша судьи
не относящееся къ нимъ“.

Стр. 416. О своеольныхъ купахъ
наѣздническихъ.

Стр. 417. Христіанъ въ плѣнѣ беруть.

Стр. 418. Плѣнныя проклинали роди-
телей своихъ.

Стр. 419. Грѣхъ—продавать по высо-
кой и покупать по низкой цѣнѣ.

Стр. 420. Вывозить хорошую монету,
а привозить худую.

Москалѣ всѣ начальни люди тут
живучи на службѣ имаютъ наложницы и
великое лихо човпут а мусать ихъ попы
ропрѣшати: бо заразъ бы кабалу на попа
ложили або казали его окрасти или обез-
честити.

Въ римскомъ костелѣ тое ведется, а
въ насъ похѣбства много и страшно тое
чинити.

У неуковъ попув того много.

Теперъ того и казнодѣя щоющо нового
новѣде, а безъ концептовъ и не казане.

Мало теперъ такихъ жеби нравоученіе
перестерегали, а хочъ кто такъ и учитъ:
то не любятъ и слушатъ.

Естъ такихъ много на Украинѣ.

А шкатула где з грошимъ подѣнется.
А солетерка з вудками: а барила з на-
стоями; А ящѣ: А шаты строеніе. А конѣ
коласы пахолки хлопцѣ.

Тое тилько въ Полщѣ а въ Москвѣ, а
тутъ у насъ того немашъ.

А по игрицахъ що дѣютъ и необруче-
нія, а трудно ихъ вывести хиба бы свѣц-
кала властъ.

Ахъ мню я въ томъ грискъ за моего
Артемона: любо не по волѣ моей болши
з немощи.

Все тое злое на Украинѣ за законъ
маютъ.

Тое дѣлаютъ москалѣ.

Якъ козаки судать малженство.

Якъ теперъ Кнашки Мурашки.

Все тое было за Хмельницкого и теп-
теръ естъ.

Якъ слышу на катаргахъ дѣется. ховай
Боже.

Всѣ, всѣ Клане звалица наибаранѣй.

Греки Москва тое чинять.

—Объ исповѣда и сожалѣніи о грѣхахъ.

Стр. 440. Объ исповѣда и выборѣ вопросовъ для кающагося.

Стр. 441. Объ исповѣди.

Стр. 443. О постриженіи священниковъ.

Стр. 449. О духовникахъ, не смѣющихъ обличать кающагося.

У москалю и не знаютъ що то жаловать за грѣхи: только всего каюса батушку.

А у Московскихъ требникіхъ хотѣтъ святія пришоль исповѣдатися, наслухаетъ сѧ чого и на умъ ему николи не приходило. Тото дурнота.

Нигдѣ того ничего духовинки наши не зваютъ кто не училъ казус Консценции иже естъ сѧ книга вине.

Тепер стригутся попы щобъ панцины не робити тиляко.

Такого мѣль небожчика Бруховецкаго духовника з Кавева Овофрія; що дріжалъ передъ нимъ онъ: а не сповѣдаючайся панъ Бруховецкій.

Н. П.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваемыя гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковыми. Выпускъ четвертый. Христіанскія древности Крыма, Кавказа и Киева. Спб. 1891.

Прекрасное издание гр. Толстого и проф. Кондакова довольно быстро подвигается впередъ и въ настоящемъ выпускѣ уже приближается къ осуществленію поставленной издателями задачи «представить историческое образованіе и развитіе древне-русского искусства въ точныхъ снимкахъ съ художественныхъ памятниковъ русской древности и старины»¹⁾). Въ первыхъ трехъ выпускахъ разсматриваются памятники народовъ, жившихъ на русской территории до появленія русского государства, въ настоящемъ выпускѣ издание впервые касается²⁾ памятниковъ искусства христіанского (византійского) и возникшаго подъ его непосредственнымъ вліяніемъ древне-русского. Имя проф. Кондакова, одного изъ извѣстнѣйшихъ изслѣдователей византійского искусства, служитъ ручательствомъ научнаго достоинства сочиненія. Все это придаетъ настоящему выпуску особенный интересъ.

По содержанію книга распадается на три отдѣла. Въ первомъ отдѣлѣ описаны христіанскіе памятники Крыма: развалины Херсонеса, пещерные города Крыма, а также развалины нѣкоторыхъ другихъ храмовъ и нѣкоторые памятники древне-христіанского искусства, найденные въ Крыму. Во второмъ отдѣлѣ описаны многіе храмы Грузіи и Арменіи, а также древніе кресты, иконы и евангелія, въ нихъ находящіяся (особенно подробно описана Хахульская икона Божіей Матери въ Гелатскомъ монастырѣ). Въ третьемъ отдѣлѣ находится подробное описание Кіево-Софійскаго собора и краткія свѣдѣнія о

¹⁾ См. „Русскія древности“, вып. I, предисловіе.

Михайловскомъ и Кириловскомъ монастыряхъ; въ заключеніе представлено описание древнихъ киевскихъ монетъ и печатей. Кроме описанія отдѣльныхъ памятниковъ, въ книгѣ встречаются и общія замѣчанія о нихъ,—такъ описанію христіанскихъ базиликъ Херсонеса предполагены общія свѣдѣнія объ этомъ типѣ храмовыхъ изданій, описанію грузинскихъ храмовъ—обстоятельная характеристика грузинской церковной архитектуры и орнаментики. При описаніи отдѣльныхъ памятниковъ составитель высказываетъ свое мнѣніе о ихъ древности и историческомъ значеніи, нерѣдко расходящееся съ общепринятымъ, но основанное на сравнительно археологическомъ изученіи памятника (таковы мнѣнія о древности Инкерманскихъ храмомъ и многихъ Грузинскихъ монастырей). Иногда приводятся и мнѣнія другихъ изслѣдователей, къ сожалѣнію не въ формѣ точныхъ ссылокъ, которыхъ могли бы послужить указаніемъ для желающихъ подробнѣе ознакомиться съ вопросомъ; впрочемъ этотъ недостатокъ въ извѣстной степени пополняется помѣщеннымъ въ концѣ книги спискомъ источниковъ. Таково въ общихъ чертахъ богатое и разнообразное содержаніе книги. Вся книга состоитъ изъ 176 стр. съ 168 рисунками, исполненными съ обычнымъ изяществомъ, къ которому пріучили читателей первые выпуски книги. Древностямъ Крыма посвящено 35 стр. съ 28 рис.; древностямъ Кавказа 75 стр. съ 58 рис.; древностямъ Киева 64 стр. съ 82 рисунками.

Отдавая полную справедливость указаннымъ уже достоинствамъ изданія, не можемъ не указать и на нѣкоторые недостатки. Такъ распределеніе отдѣловъ книги кажется намъ не совсѣмъ пропорциональнымъ значенію описываемыхъ памятниковъ для поставленной изда- телями задачи—представить образованіе и развитіе древне-русского искусства: второй отдѣлъ представляется намъ болѣе подробнымъ, чѣмъ того требовала необходимость (особенно подробное описание и многочисленныя, хотя и художественно выполненные, изображенія Хахульской иконы; третій, посвященный памятникамъ Киевской древности—слишкомъ краткимъ). Форма изложенія представляетъ тотъ-же недостатокъ, какъ въ первыхъ выпускахъ: слишкомъ много места отведено описанію отдѣльныхъ предметовъ, въ ущербъ общимъ разъясненіямъ, имѣющимъ особенно важное значеніе въ виду широкаго распространенія изданія въ обществѣ. Большое неудобство для поль- зованія книгою представляетъ отсутствіе оглавленія и даже раздѣленія текста на главы. Не смотря на популярный характеръ изданія, нѣко- торые специальные термины оставлены безъ объясненія, напр.: на-

стр. 63—екседра, на стр. 82—флеронъ, на стр. 23—колобій; впрочемъ послѣднее слово объяснено на стр. 35; за то терминъ «Деисусъ» объясненъ два раза — на стр. 84 и 123. На стр. 107 встрѣчается опечатка, которая можетъ привести читателя въ недоумѣніе: говоря о «крайней миниатюрности» фигуръ на одномъ крестѣ, авторъ указываетъ размѣръ фигуръ Иоанна Златоуста «всего 0,025 миллиметра» (вѣроятно нужно читать метра, или 25 миллиметровъ). Само собою разумѣется, что всѣ эти недостатки не умаляютъ значенія изданія, составляющаго одно изъ самыхъ видныхъ явлений русской исторической литературы.

Для мѣстнаго изданія особый интересъ представляетъ третій отдѣлъ книги. Большая часть этого отдѣла посвящена описанію К.-Софійского собора. Описаніе это представляетъ сокращенное изложеніе сочиненія гг. Айналова и Рѣдина¹⁾, которое составляетъ объяснительный текстъ къ изданіемъ Им. Р. Арх. Общ. снимкамъ съ мозаикъ и фресокъ Кіево-Софійского собора. Изслѣдованіе это, по словамъ авторовъ, «появленіемъ въ свѣтѣ обязано главнымъ образомъ проф. Н. П. Кондакову, подъ непосредственнымъ руководствомъ котораго оно писалось и обработывалось». Нельзя не порадоваться, что проф. Кондаковъ нашелъ возможнымъ сдѣлать доступною для обыкновенного читателя сущность этого прекраснаго но мало-распространеннаго изданія.

«Въ современномъ видѣ церковь Св. Софіи, говоритъ проф. Кондаковъ, походитъ болѣе на церкви монастырскія, нежели на ту «митрополію» — великую церковь, какую имѣлъ въ виду создатель храма Ярославъ. Въ настоящее время самый характеръ зданія, нѣкогда залитаго свѣтомъ, необходимымъ для глубокаго тона его мозаикъ, совершенно искаженъ, по причинѣ того, что храмъ погруженъ во мракъ облѣшившими его до верху пристройками». «Первоначальный планъ собора заключалъ въ себѣ пять нефовъ и соотвѣтственно имъ пять алтарныхъ абсидъ.... Съ трехъ сторонъ образуемаго пятью нефами квадрата устроены хоры и внутри этого же квадрата заключается вся мозаическая и фресковая роспись» (стр. 114—115). Опредѣливъ такимъ образомъ объемъ древняго храма, авторъ переходитъ къ подробному описанію мозаики и фресокъ, иллюстрируемому мно-

¹⁾ Кіево-Софійский соборъ. Изслѣдованіе древней мозаической и фресковой живописи Д. Айналова и Е. Рѣдина. Спб. 1889. Отдѣльный оттискъ изъ „Записокъ Имп. Русск. Арх. Общества“, т. IV.

жествомъ снимковъ. Особенный интересъ представляетъ здѣсь новое, принадлежащее проф. Кондакову, объясненіе фресокъ лѣстница¹⁾). По мнѣнію автора содержаніе лѣстничныхъ фресокъ К.-С. собора взято исключительно изъ древности византійской и никакого прямого отношенія къ древне-русскому быту не имѣть (стр. 148)».

За описаніемъ Софійского собора слѣдуетъ краткое описаніе Михайловскаго монастыря и сохранившагося въ немъ мозаичнаго изображенія Тайной Вечери, а также—нѣкоторыхъ фресокъ Кирилловскаго монастыря. Не можемъ не выразить сожалѣнія о томъ, что издатели дали далеко не полное описаніе кіевскихъ древностей. Мы не встрѣчаемъ здѣсь ни церкви Спаса на Берестовѣ, ни Трехсвятительской (св. Василія), ни Печерской, ни Выдубецкаго монастыря. Правда, нѣкоторыя изъ этихъ церквей не сохранились въ древнемъ своемъ видѣ, но, во первыхъ, этого нельзя сказать обо всѣхъ названныхъ церквяхъ, а во вторыхъ, даже неполные остатки древне-русской архитектуры представляютъ большой интересъ для исторіи образованія русскаго искусства. Такое умолчаніе представляется намъ тѣмъ болѣе страннымъ, что нѣкоторые изъ названныхъ храмовъ упоминаются въ книгѣ, но совершенно случайно и безо всякихъ объясненій.—такъ на стр. 124 упомянута фреска ц. Спаса на Берестовѣ, на стр. 75—печерская Богоматерь.

Нельзя не пожалѣть также, что изъ христіанскихъ древностей Кіева разматриваются одни только храмы и не упомянуты древніе барельефы, иконы, кресты и т. п., какъ это сдѣлано относительно монастырей Грузіи. Мѣстныя церкви, а также коллекціи общественныя и частныя могли-бы представить для этого достаточный материалъ.

Трудно согласиться съ слѣдующимъ отзывомъ автора о мозаїкѣ Михайловскаго монастыря: «общій характеръ стиля ниже софійской мозаики; уже нѣть той цѣльности въ манерѣ представленія апостольскихъ группъ, и мастеръ, не имѣя къ тому ни силъ, ни средствъ, ищетъ наивнаго разнообразія въ постановкѣ фигуръ; пропорціи утрированы до крайности: несоразмѣрно малы головки, руки и ноги, драпировкы спутаны, и подъ одеждами не чувствуется тѣла. Въ техническомъ отношеніи мозаїка отличается сѣрыми, безцвѣт-

¹⁾) Подробное излож. этого объясненія см. у Айналова стр. 102—133 съ ссылкою на ст. Н. П. Кондакова „о фрескахъ лѣстницы К.-С. собора и въ Зап. Имп. Русск. Арх. Общества“ т. III.

ными тонами и страдаетъ обиліемъ камня и шифера» (стр. 162—3). Соглашаясь съ указаниемъ на несовершенство техники (доказательствомъ можетъ служить, вромъ сказанного, и сравнительная непрочность Михайловскихъ мозаикъ), мы никакъ не можемъ согласиться съ отзывомъ о концепціи фигуръ, и авторитетному мнѣнію пр. Кондакова можемъ противопоставить не менѣе авторитетное мнѣніе пр. Прахова, который въ своей рѣчи объ открытии фресокъ Кирилловскаго монастыря¹⁾ говорить: «Сравните фрески и мозаики Софійскія, греческія XI вѣка, съ Михайловскими мозаиками и Кирилловскими фресками, русскими XII вѣка. Вы невольно остановитесь на той особенности, что въ живописи XII в. стиль, прежде условный и нѣсколько деревянный, уступаетъ мѣсто болѣшой естественности, болѣшой свободѣ. Взглядите на эти двѣ мозаики: Евхаристію Софійскую алтаря и Евхаристію Михайловскаго алтаря и для примѣра сравните апостоловъ, подходящихъ справа къ Іисусу Христу съ чашей—вы неминуемо отдадите преимущество Михайловскому изображенію.... Стиль колеблется, такъ какъ въ принесенныхъ Византию формы русская фантазія, овладѣвъ ими, начинаетъ вносить живыя наблюденія.... Вѣкъ XI былъ для настѣнъ вѣкомъ ученія, вѣкъ XII началомъ самостоятельной художественной дѣятельности». Намъ кажется, что достаточно взглянуть на помѣщенные въ книгѣ изображенія Софійской и Михайловской Евхаристіи, чтобы видѣть, кто изъ двухъ ученыхъ специалистовъ вѣрнѣе оцѣнилъ ихъ значеніе въ исторіи русского искусства.

В. Щербина.

Ал. С. Фаминцынъ: Домра и сродные ей музыкальные инструменты русского народа: балалайка, кобза, бандура, торбанъ, читара. Спб. 1891 г. II. З р. Исторический очеркъ съ многочисленными рисунками.

Недавно мы давали отчетъ на страницахъ «Кievской Старины» о замѣчательной книгѣ г. Фаминцына «Гусли»; теперь приходится говорить и еще объ одной его книгѣ, пожалуй, еще болѣе любопытной и замѣчательной. Повидимому, авторъ задался цѣллю исподволь, въ рядѣ изслѣдований, изучить и выяснить весь кругъ музыкальныхъ орудій русского народа на сѣверѣ и югѣ Россіи. И нужно сознаться, почтенный авторъ владѣть всѣми средствами для

¹⁾ Ж. М. Н. П. 1883. № 3.

этого: замѣчательной начитанностью, полнымъ знаніемъ предмета, въ которомъ онъ чувствуетъ себя хозяиномъ, трезвымъ критическимъ чутьемъ и чувствомъ мѣры. Въ настоящей книгѣ, какъ намъ кажется, предметъ исчерпанъ вполнѣ.

Состоитъ она изъ 6 главъ, сообразно количеству рассматриваемыхъ «родовыхъ» музыкальныхъ орудій, и изъ музыкального приложения, въ которомъ помещены ноты (пѣсни и пляски) для балалайки, бандуры (изъ репертуара покойного слѣпца бандуриста Остапа Вересаа) и гитары.

Мы разсмотримъ главнымъ образомъ тѣ результаты изслѣдованія г. Фаминцнна, которые относятся къ наиболѣе занимающимъ насъ инструментамъ кобзѣ и бандурѣ. По его, вполнѣ вѣроятному, мнѣнію, хотя въ настоящее время кобза и бандура, кобзарь и бандуристъ—выраженія тождественные, «но никогда существовало различіе между ними, съ теченіемъ времени утратившееся, такъ какъ въ противномъ случаѣ не было бы нужды называть одинъ и тотъ же предметъ, тѣмъ болѣе принадлежавшій къ обиходной жизни малорусса, двумя различными именами». Притомъ же оба эти имени—не русскія, а иностранныя, исходящія изъ двухъ прямо противоположныхъ центровъ. Произойти могла такая двойственность названія такимъ образомъ: старинный инструментъ, вошедши въ употребленіе въ народѣ, современемъ могъ замѣститься другимъ, болѣе новымъ, до извѣстной степени сходнымъ съ первымъ, но, вѣроятно, болѣе усовершенствованнымъ; имя нового инструмента не въ силахъ было истогнуть изъ народной памяти названія сходнаго съ нимъ прежняго, хотя и менѣе совершенного музыкального орудія, и въ результатѣ должно было получиться перенесеніе народомъ стараго названія на новый сходный предметъ, который и оказался, вслѣдствіе того, носителемъ двухъ именъ—своего собственнаго и перенесенного на него болѣе древняго, чужаго¹⁾.

¹⁾ Относительно взаимнаго отношенія этихъ музик. орудій, изъ которыхъ о малорусской кобзѣ собственно ничего не извѣстно, г. Фаминцнн приводить сообщеніе г. Ригельмана, писавшаго въ 1785—6 г. что „игра ихъ (т. е. малоруссовыхъ) бываетъ болѣе на скрипкахъ, на цимбалахъ, на гуслахъ, на бандурѣ и на лютнѣ, притомъ и на трубахъ. А сельскіе по деревнямъ играютъ также на скрипкахъ, на кобзѣ (родъ бандуры) и на дудкахъ“. Это свидѣтельство прямо указываетъ на первоначальную нетождественность кобзы и бандуры. (Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи. 1848 г. IV стр. 87).

Что касается до названий *кобза* и *бандура*, то первое авторъ вполнѣ справедливо признаетъ турецко-татарскимъ: слово это, въ формѣ *кобза*, *кобозъ*, *кобузъ* известно было несомнѣнно и древнимъ половцамъ¹⁾, въ татарамъ. Даже у теперешнихъ минусинскихъ татаръ (въ енисейской губ.) употребляется для сопровождения при пѣніи народныхъ богатырскихъ пѣсенъ балалайко-образное музыкальное орудіе, называемое *кобызъ*. Такъ же точно, намъ кажется, и бзура крымскихъ татаръ есть сокращенное кобзура. У турокъ *копузъ*—нѣчто въ родѣ гитары, снабженной одною толстою струною Въ Венгрии тоже издавна встрѣчается название «*кобзъ*» или «*кобозъ*», каковое, напримѣръ, въ словарѣ 1604 г. переводится черезъ слова: пандура, лира. У румынъ и до сего дна употребляется струнное музыкальное орудіе «*кобза*», очень схожее съ лютнею.

Что же касается слова «*бандура*, *пандура*», то г. Фаминцынъ производить его отъ арабскаго танбура, изъ которого будто бы по перестановкѣ, образовались, пандура или вандзура (болгарск.) и бандура (испанск. bandurtia, французск. mandore, итальянск. mandola, англ. bandore и пр.). Невародное происхожденіе бандуры, явившейся въ Малую Русь изъ западной Европы чрезъ Польшу, выразилось и въ томъ еще, что нѣкоторыя существенныя части бандуры слывутъ у малоруссовъ подъ иновѣнными названіями; таковы: *дейка* (голосная доска, верхникъ, отъ нѣмец. Decke), *бунты*, (длинныя струны, отъ нѣмецк. Bünde, навязки, лады на шейкѣ), названія струнъ: *басы*, *прима*, *терція*. Названія эти, по справедливому замѣчанію г. Фаминцына, свидѣтельствуютъ не только о заимствованіи вообще, но о заимствованіи сравнительно позднѣмъ²⁾... Описанія, даваемыя авторомъ избраннымъ имъ музыкальнымъ орудіямъ, отличаются замѣчательною обстоятельностью и снабжены множествомъ всякихъ рисунковъ, иллюстрацийъ.

¹⁾ Въ известномъ латино-персидско-куманскомъ словарѣ 1303 г. (Codex Cumanius, неизвѣстно кѣмъ составленъ) встрѣчается слово *кобузчи*—игрецъ на кобзѣ, по переводу В. В. Радлова; тамъ же есть и слово: *вобсаганъ*—псаломъ, псалмопѣвіе.

²⁾ По поводу филологическихъ объясненій г. Фаминцына мы должны замѣтить, что они иногда не отличаются ни определенностью, ни устойчивостью. Такъ, мы уже говорили выше, что слово „пандура, бандура“ онъ выводить, путемъ перестановки, изъ арабско-персидского „танбура“. На страницѣ же 32 въ примѣчаніи онъ самое это название „танбура“ пытается произвести, путемъ той же перестановки, изъ древняго восточного названія одного музыкального орудія „пандура“, о которомъ упоминаютъ Атеней, Юлій Поллуксъ и друг..

примѣровъ и пр. Относительно каждого орудія указанъ его строй, способъ игры на немъ, составныя части, разновидности, извѣстяйшия представители игры и пр., такъ что читатель имѣть возможность получить самое полное и отчетливое понятіе о занимающемъ его предметѣ. Особенно пріятно видѣть въ авторѣ вачитанность въ историческихъ народныхъ пѣсняхъ и вообще то вполнѣ законное уваженіе, съ какимъ онъ относится къ свидѣтельствамъ этихъ могучихъ произведеній народнаго творчества обѣ изучаемыхъ имъ предметахъ. Это, впрочемъ, иначе и быть не можетъ, если хотять обслѣдовать предметъ съ возможною всесторонностью, полною и безпристрастіемъ. Въ заключеніе назовемъ тѣхъ лучшихъ представителей игры на указанныхъ музыкальныхъ орудіяхъ, свѣдѣнія о которыхъ находимъ въ книгѣ г. Фамицына. Изъ бандуристовъ отмѣчены имъ въ особенности Бѣлиградскій (впослѣдствіи замѣтительный лютнистъ, прославившійся и за границею), Григорій Михайловъ (дворцовыи), Андрей Шутъ и знаменитый Остапъ Вересай; изъ торбанистовъ указаны Григорій и Каэтанъ Видорты, Онуфрій Вороожбюкъ и Иванъ Александровъ, уроженецъ вологодской губ.

Григорій Видортъ (род. въ 1764 г.) былъ, по свидѣтельству г. Максимова (см. «Сибирь и Каторга») однимъ изъ торбанистовъ Вацлава Ржевускаго, погибшаго въ повстаніи 1831 г., и въ честь своего господина, любителя коней и украинской музыки, слагалъ пѣсни, распѣвавшіяся впослѣдствіи по Сибири сосланнымъ на каторгу его ученикомъ Вороожбюкомъ. Вотъ одна изъ такихъ пѣсенъ, приведенная въ книгѣ г. Фамицына:

Гей выхавъ нашъ Ревуха
Въ чистый степъ гулаты,
Перевисывъ черезъ плечи
Сагайдачъ богатый.

Грай море! чорне море, биле море,
Сыне море, гала—гиду гу-гу-гу...
Сивы кони поимали
Гнѣзды и чорни
Тишите мене, щобъ не тужилъ,
Ревуха моторный

Грай море! и т. д. (припѣвъ).
Шахтамиръ, Тамира, (имена коней)
То мои соколы!
Коли всіду, смило віду
Не спаду николы.

Грай море! и т. д.

Григорій Видортъ умеръ въ 1831 г. уже на службѣ у Евстафія Сангушки, передавъ свое искусство сыну Каэтану, послѣднему, по словамъ г. Фаминцына, *торбанисту-художнику*. Сынъ Каэтана уже не обладалъ дарованіями дѣда и отца, но еще продолжаль тѣшить игрою на торбанѣ и пѣніемъ прежде сложенныхъ пѣсенъ Сангушка Романа. Игра на торбанѣ представляетъ, по своему размашистому, шляхетско-удалому характеру рѣзкую противоположность жалобному напѣву бандуристы, сопровождаемому трогательнымъ наигрышемъ его тоскливатого друга — кобзы. Несомнѣнно, игра торбанистовъ отразила на себѣ общій характеръ богатыхъ домовъ польскихъ вельможъ съ ихъ разнозданною жизнію, какъ и самъ инструментъ служилъ, главнымъ образомъ, къ униженному восхваленію и льстивому возведенію этихъ распущеныхъ людей. Этимъ, быть можетъ, можно объяснить то любопытное обстоятельство, что торбанъ, перешедшій въ Великую Русь изъ Малой, послужилъ въ первой изъ нихъ, главнымъ образомъ, для увеселенія посѣтителей корчмы и кабака, пѣсни же торбанистовъ скоро прославились необычайной нескромностью и цинизмомъ своего содержанія.

А. Степовичъ.

- 1) Коваленко «О народной медицинѣ въ Переяславскомъ уѣздѣ, полтавской губерніи», въ «Этнографическомъ Обозрѣніи» 1891 г. IX 141—150.
- 2) Řehoř, Lidova lečba u halických Malorusů, въ Časopis Muzea českého 1891 г. LXV ч. 2 стр. 281—297.

Въ послѣднее время въ Западной Европѣ и въ Россіи обращено серьезное вниманіе на медицину народную. Въ этой области фольклора сошлись интересы представителей различныхъ специальностей, медиковъ и этнографовъ. Въ европейской научной литературѣ существуютъ крупныя изслѣдованія о народной медицинѣ англійского ученаго Блэка (Black), испанскаго — Рубіо, нѣсколько статей нѣмецкихъ ученыхъ (Яна и др.). Въ текущемъ году вышелъ обширный и цѣнныи трудъ «Удзѣла „Medycyna i przesady lecznicze ludu polskiego“». Русская литература о народной медицинѣ довольно богата, но весьма разбросана. Главные труды принадлежать г. Флоринскому (лѣчебники и травники), г. Демичу (акушерство и гинекологія у народа) и г. Аршинову (о народномъ лѣченіи въ казан. уѣздѣ). Малорусская этнографическая литература въ послѣднее время дала двѣ статьи о народной медицинѣ: г. Коваленко «О народной медицинѣ въ Пере-

яславскомъ у. Полтавской губ. въ IX кн. Этнограф. Обозр. и статью 1. *Rehov'a* о народной медицине галичанъ въ послѣдней книжкѣ Часописа Чешскаго Музея. Статьи эти взаимно дополняютъ одна другую.

Статья г. Коваленка составлена исключительно по личнымъ наблюденіямъ. Въ статьѣ находится краткія замѣтки о міровоззрѣніи народа, о положеніи въ уѣздѣ земской медицины, объ отношеніи къ ней крестьянъ, о знахарахъ и др. лицахъ, занимающихся въ селахъ лѣченіемъ помимо научно-образованныхъ врачей. Статья написана живымъ слогомъ, читается легко, но бѣдна содержаніемъ.

Гораздо содержательнѣе статья 1. *Rehov'a*. Авторъ говорить по своимъ личнымъ наблюденіямъ, по фактическимъ даннымъ, разбросаннымъ въ разныхъ галицко-русскихъ изданіяхъ, преимущественно въ «Рокусіе» Кольберга. Личныхъ наблюденій немного, и при чтеніи статьи трудно разобрать, что собственно взято авторомъ непосредственно изъ народной жизни. Въ статьѣ перечисляются и мѣстами описываются народный лѣчебный средства отъ головной боли, болѣзней глазъ и зубовъ, кори, осипы, рожи, коросты, опухолей, кровотеченій, лишаевъ, чирьевъ, бородавокъ, заѣдъ, заногтицы и др. Приведено нѣсколько заговоровъ, не представляющихъ по содержанію чего-либо новаго или оригинального. Указано много травъ, входящихъ въ галицко-русскую народную медицину. Вообще статья г. Р. составляетъ полезный вкладъ въ малорусскій фольклоръ. И. С.

Письма Вас. Ив. Туманского и его неизданныя стихотворения. Черниговъ 1891 года.

Это рядъ писемъ поэта пушкинской эпохи В. И. Туманского въ своей двоюродной сестрѣ С. Г. Туманской, совершенно частнаго, даже интимнаго характера. Но этотъ самый характеръ, по своей непосредственности, сообщаетъ письмамъ бытовой, можно сказать, даже исторической интересъ: такъ проникнуты они духомъ своего времени, такъ вводятъ въ него читателя. Нельзя не признать поэтому счастливою мысль издателя книги, графа Г. А. Милорадовича, обнародовать эту частную переписку. Еще раньше, въ 1881 г. въ Петербургѣ, имъ же изданы «Стихотворенія В. И. Туманского». Напечатанные въ настоящей книжѣ стихи являются дополненіемъ къ прежде изданнѣмъ и взяты изъ оставшихся послѣ смерти автора бумагъ, альбомовъ и т. п.

В. И. Туманский (1800—1860 г.г.) былъ внукомъ послѣдняго малороссийскаго генеральскаго писаря Вас. Григ. Туманского, смѣнив-

шаго А. Я. Безбородка. Онъ учился въ харьковской гимназіи, Петровцовскомъ училищѣ въ Петербургѣ и слушалъ лекціи въ Парижѣ. Въ Петербургѣ былъ близокъ съ лучшими литераторами того времени. Въ 1823 году онъ поступилъ на службу въ канцелярію новороссійского генералъ-губернатора М. С. Воронцова и перебѣхалъ жить въ Одессу. Въ 1824 году познакомился и сблизился съ Шушкинымъ, бывшимъ тогда въ ссылкѣ въ Бессарабіи. Потомъ служилъ по дипломатической части, участвовалъ въ редакціонныхъ трудахъ Адрианопольского мирнаго трактата, былъ секретаремъ посольства въ Константинополь. Въ 1840 году перешелъ въ Государственный совѣтъ, гдѣ оставался до 1850 г. Послѣднимъ трудомъ Туманскаго были занятія по обизанности члена комитета обѣ улучшениіи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Измѣненіе отношеній между помѣщиками и ихъ крестьянами, задерживавшихъ материальное и нравственное развитіе огромной массы населенія, онъ считалъ давно необходимымъ. Въ Комитетѣ онъ былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ дѣятелей, вслѣдствіе чего былъ избранъ первымъ членомъ редакціонной комиссіи. Проектъ положенія обѣ улучшениіи быта крестьянъ полтавской губерніи, отличавшійся ясностью и сжатостью изложенія, писанъ имъ. Туманскій былъ избранъ депутатомъ въ Петербургъ для представленія проекта, но не могъ принять выбора по болѣзни. Оасъ умеръ до освобожденія крестьянъ, 23 марта 1860 года.

Стихи В. И. Туманскаго —(кромѣ него было еще два лица этой фамиліи, занимавшіеся поэзіей: братья Ант. Ант. и Фед. Ант. Туманскіе; послѣдній авторъ знаменитаго стихотворенія «Птичка») —стали появляться въ печати съ 1817 года и мелькали въ журналахъ и альманахахъ во всю пушкинскую эпоху.

Вѣрный послѣдователь пушкинской школы, Туманскій не лишенъ былъ поетического таланта, стихъ его легокъ, нерѣдко образенъ. Во всѣхъ произведеніяхъ его просвѣчиваетъ благородный его характеръ и образованіе. Это-элегіи, посланія къ друзьямъ, соцнеты, сихъ въ альбомы и т. п. излюбленныя по формѣ, типичныя произведенія пушкинского вѣка русской поэзіи. Написана имъ еще «Исторія Государственного Совѣта», до сихъ поръ неизданная.

Литературную известность Туманскому, больше чѣмъ его собственныхъ произведенія, сообщила одна, посвященная ему, строфа «Евгenia Онѣгина», въ которой Пушкинъ шутить надъ несуществующими одесскими садами, воспѣтыми Туманскимъ. Стихотвореніе, къ которому относится эта строфа, называется «Одесса». (Стих. Туманс.

Спб. 1881, стр. 85). Въ письмахъ и стихахъ Туманского разсѣяны многія черты интересныя для характеристики жизни и общества юга во время пребыванія тамъ Пушкина.

Изданныя нынѣ письма Туманского читаются какъ романъ, да они и внушены нѣжнымъ и постояннымъ чувствомъ, которому предѣлы поставлены были, кажется, родственною близостью. На протяженіи девяти лѣтъ (1822—31) длится эта беſѣда: разсказывается много о себѣ и объ окружающемъ, но чувствуется, что остается несказанымъ что-то, самое главное. Въ 1834 году С. Г. Туманская выходитъ замужъ. Нѣсколько раньше этого времени обрывается и переписка. Къ познѣйшему времени относится только два письма, которые звучать какой то грустной оглядкой на безвозвратно минувшую молодость.

В. И. Туманскій, внукъ генерального писаря, принадлежалъ ко второму поколѣнію, смѣнившему мурзиковъ малороссійской генеральной старшины. Но по всему складу своему онъ является уже представителемъ иной общественности, удержавшимъ национальные черты развѣ лишь въ глубокихъ основахъ характера, въ южной мягкости, полировкѣ. Къ этому времени все малороссійское въ новообразовавшемся дворянствѣ давно ужъ стало синонимомъ простонароднаго. Культурнаго наслѣдства генеральная старшина потомкамъ своимъ не оставила.

Z.

Обзоръ замѣчательнѣйшихъ древностей Воронежской губ. — Л. Б. Вейнберга (съ предисловиемъ и рисунками Е. Л. Маркоса) Воронежъ. 1891.

Г. Вейнбергъ, довольно извѣстный мѣстный писатель, въ послѣднее время заявилъ себѣ изданиемъ *Материаловъ по истории Воронежской и сосѣднихъ губерній* и небольшими изслѣдованіями и статьями въ воронежскихъ изданіяхъ и въ *»Русскомъ Архивѣ«*. На изданія его, являющіяся при сотрудничествѣ г-жи Полторацкой, уже обращено было вниманіе специалистовъ, какъ на важное пособіе при изученіи Воронежскаго края. Кроме этихъ работъ, г. Вейнбергъ принимаетъ весьма дѣятельное участіе въ *»Воронежск. Губ. Вѣдомостяхъ«* статьями разнообразнаго содержанія, трактующими и о злобѣ дни, и о мѣстной жизни, а также самыми разнообразными компиляціями. Намъ кажется, что послѣднее обстоятельство отчасти вре-

дить г. Вейнбергу, такъ какъ заставляетъ его разбрасываться, часто говорить поверхностно, наконецъ выходить изъ области фактовъ, ему хорошо известныхъ, и высказывать мало вѣроятныя гипотезы. По крайней мѣрѣ, въ послѣднемъ его трудѣ, о которомъ въ настоящее время мы намѣрены говорить, эти недостатки г. Вейнберга особенно ирко бросаются въ глаза.

Цѣль изданія—дать небольшой альбомъ мѣстныхъ древностей съ очеркомъ ихъ. По вѣнтиности изданіе очень удовлетворительно; рисунки, большую частью (хотя и не всѣ), характерные. Мысль дать такой альбомъ, даже помимо претензіи на новизну очерковъ, сама по себѣ, заслуживаетъ вниманія и сочувствія. Но г. Вейнбергъ желаетъ дать намъ также «изслѣдованіе». Изъ предисловія отъ автора мы узнаемъ, что предъ нами «трудъ еще незаконченный; это не болѣе, какъ результатъ предварительныхъ изслѣдований; тѣмъ не менѣе, начало сдѣлано». Экскурсіи совершились г. Вейнбергомъ «частью по собственному почину, частью же по порученію Ипп. Археологической Коммиссіи и г. начальника губерніи». Такимъ образомъ, продолженіе труда г. Вейнберга впереди; въ настоящей книжѣ онъ обращаетъ вниманіе почти исключительно на вопросы топографическіе, съ небольшими экскурсами въ область истории; археологическій изслѣдованія пока не производились.—Кромѣ предисловія «отъ автора» въ книжѣ есть еще 2 предисловія. Первое, г. Позняка, сообщаетъ намъ о томъ, что «горе людямъ, не имѣющимъ исторіи или забывающимъ ее, и что книга издана въ пользу дѣтскаго приюта. Второе, г. Маркова, болѣе пространное, разъясняетъ значеніе древностей и отношеніе къ нимъ нашего общества. Правда, мысли г. Маркова справедливы, даже не новы, но о нихъ въ настоящее время распространяются даже въ провинциальномъ изданіи, предназначенному для публики, излишне.

Своимъ небольшимъ замѣткамъ о нѣкоторыхъ древностяхъ Воронежской губ. г. Вейнбергъ предисылаетъ геологический очеркъ побережья Дона. Главная цѣнность работы автора состоится въ определеніи топографіи нѣкоторыхъ упоминаемыхъ древними источниками мѣстностей при верхнемъ Донѣ. Благодара близкому и личному знакомству съ мѣстностью и сопоставленію извѣстій, определеніе это ему удается вполнѣ. Г. Вейнбергъ иногда очень мѣтко опровергаетъ высказанные ранѣе взгляды по изслѣдуемымъ имъ вопросамъ. Ему удается въ первый разъ съ полной вѣроятностью установить положе-

женіе Донской бесѣды, Червленаго яра, Дивыхъ горъ¹⁾). Особенно любопытны пещерные памятники по Дону, Дивыи юры, производящія на путешественника сильное впечатлѣніе;—послѣднее отразилось на лиризмѣ при описаніи ихъ г. Вейнбергомъ. Въ нихъ сохранились пещерные храмы (Дивогорскій монастырь, Шатрище). Съ четверти XVII в. (послѣ пораженія Остриницы) явились здѣсь поселенцы изъ Украины. Наиболѣе цѣнныя изслѣдованія, отчасти затронутыя авторомъ и теперь, можно ожидать впослѣдствіи по вопросу о слѣдахъ казарской народности въ Воронежской губ. Въ настоящее же время г. Вейнбергъ привелъ въ сколько любопытныхъ данныхъ и соображеній. Будемъ надѣяться, что ему же удастся разъяснить этотъ сложный и любопытный вопросъ, хотя для рѣшенія его необходимо изслѣдовать подробнѣе обычай и вѣрованія, такъ называемыя, «субботниковъ», изслѣдовать самимъ тщательнымъ образомъ языки ихъ, наконецъ обратить вниманіе на антропологическія особенности и прослѣдить, насколько возможно, всѣ извѣстія о хозарахъ²⁾. Пока авторъ останавливается на указаніяхъ упоминаний объ имени хозаръ въ документахъ XVI и XVII в. «Какъ въ царскихъ грамотахъ, такъ и въ другихъ письменныхъ памятникахъ этой эпохи, въ особенности же въ земельныхъ документахъ, касающихся праваго прибрежья р. Воронежа, начинаютъ появляться указанія на Казарскія городища и поля, нерѣдко съ прибавкою слова *старое*». Даѣе г. Вейнбергъ приводить (изъ писцовыхъ книгъ) рядъ фамилій, какъ Шандыръ, Бырынь, Салманъ, Ханинъ и много другихъ восточного происхожденія, равно какъ и слѣдующія прозвища, представляющія повидимому переводъ съ какого нибудь восточнаго языка: Вострая игла, Широкіе штаны, Высокій колпакъ, Вострый глазъ, Каменное ожерелье, Пробитый лобъ и другія. Необходимо знать однако, насколько эти фамиліи являются необычными по сравненію съ писцовыми книгами другихъ мѣстностей. Во всякомъ случаѣ онѣ не могутъ быть твердыми точками опоры при рѣшеніи данного вопроса. Болѣе цѣнны

¹⁾ Какъ быстро исчезаютъ памятники древности, можно видѣть изъ слѣдующаго. При первомъ посѣщеніи г. Вейнбергомъ Донской бесѣды были имъ найдены 7 столбовъ и 1 столъ; спустя же очень непродолжительное время изъ 7 столбовъ уцѣлѣли только 2.—Окрестные жители ломаютъ ихъ для постройки шоссе.

²⁾ Весьма настоящаго года г. Вейнбергъ въ Императорскомъ Географич. Обществѣ читалъ рефератъ о слѣдахъ хазарской народности въ предѣлахъ Воронежской губ. Но онъ ничего существеннаго не прибавляетъ къ статьѣ его въ рассматриваемой нами книгѣ.

нерѣдко встрѣчающіяся въ воронежскихъ писцовыхъ книгахъ имена: Казаринъ, Казариновъ сынъ. Въ народномъ преданіи существуютъ указанія на жидовъ, жидовскія могилы. Въ связь съ этимъ авторъ ставитъ ересь іудействующихъ, съ которою церкви пришлось вести борьбу отъ св. Митрофана до св. Тихона († 1783 г.), епископовъ Воронежскихъ. «Субботниковъ» въ настоящее время мало; живутъ они преимущественно въ Бобровскомъ и Павловскомъ уѣздахъ.

Заканчивается книга описаніемъ памятниковъ въ Воронежѣ, сохранившихся отъ эпохи Петра Великаго.

Наиболѣе слабыми представляются намъ филологические экскурсы автора. Приведемъ одинъ примѣръ филологическихъ соображеній г. Вейнберга. «По поводу этого названія (Буиль камень)—говорить онъ—не могу не высказать слѣдующую догадку. Не принадлежалъ ли Бу-иль къ числу языческихъ боговъ, какъ и Яриль? Не произошло ли слово иль отъ эль, эль Шадай? и не слышится ли *Бу* въпольскомъ словѣ *Bòg* (Богъ)? Не обиталъ ли первый на возвышеностяхъ, а второй въ ущельяхъ, а послѣдній въ ущельяхъ и овражкахъ и не отсюда ли название бугоръ, буеракъ? Что касается втораго (?), то воронежцы еще въ концѣ прошлаго столѣтія чествовали и цирцевали кулачнымъ боемъ Ярыла подъ яромъ? Не было ли то 2 воинственныхъ злыkhъ божка и не отсюда-ли смыслъ словъ яр-ость и буй-ность,—также не назывался ли приближенный къ нимъ (?) бу-яр-инъ, впослѣдствіи боиринъ, какъ буеромъ — боера?... Далѣе столько же произвольныхъ сближеній, безъ всякаго объясненія. Такія сближенія не имѣютъ ровно никакой цѣни: словъ, начинающихся съ слога *бу* можно подыскать по-жалуй и больше 16, приводимыхъ г. Вейнбергомъ. Но подыскать ихъ безъ всякой системы, объясненій и принципа еще не значитъ высказывать «догадки, на которыхъ желательно, чтобы специалисты обратили свое вниманіе». -- Въ другомъ мѣстѣ (на стр. 60), понимая невѣрно простое указаніе первоначальной лѣтописи о дани ватичей и радимичей хозарамъ «что щелягу», г. Вейнбергъ говоритъ: «нѣть никакого основанія, полагаю, смѣшивать (?) славянское *щелягъ* съ западно-европейскимъ *шиллингомъ*, ибо послѣди. не древнѣе перваго». Оспаривать эти слова едва ли нужно. Припомнимъ, чтопольская форма *szelag*, церков. славян. СТЛАГЪ имѣютъ суффиксъ *ang* необычный въ чисто славянскихъ словахъ, что и другія слова съ этимъ суфиксомъ, напр. *пѣнѧзъ*, *кѣнѧзъ*, *витѧзъ*, *кладѧзъ* заимствованы у нѣмцевъ. Церковно-славянская форма этого слова: с(ъ)тлѧзъ,

стъльзь, стлѣгъ.—Странно, по нашему мнѣнію, сближеніе въ одномъ мѣстѣ имени *Саркель* съ титуломъ *епископъ Сарскій и Шодонскій*.

Книга г. Вейнберга, представляющая собою не изслѣдованіе, а скорѣе путевые замѣтки любознательного туриста, имѣть конечно значеніе, какъ объяснительный текстъ къ альбому мѣстныхъ древностей. Намъ, однако, кажется, что авторъ напрасно поторопился съ издаваніемъ, не закончивъ еще своихъ работъ и изученій мѣстныхъ древностей.

Арк. Л—нко.

Bibliografia litewska od 1547 do 1701, przedstawił Maurycey Stankevič. Krakow 1889 (Studia bibliograficzna nad literaturą Litewską II).

Небольшая книжка подъ этимъ заглавіемъ представляетъ, тѣмъ не менѣе, очень важное и цѣнное явленіе научной литературы о Литвѣ. Въ предисловіи авторъ ея констатируетъ тотъ фактъ, что въ настоящее время нѣтъ ни одного труда, который хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ представилъ обзоръ исторіи литовской литературы. А между тѣмъ эта литература, хотя и незначительная въ количественномъ отношеніи, не можетъ быть совсѣмъ игнорирована. Г. Станкевичъ предпринялъ поэтому рядъ изысканій, могущихъ подготовить болѣе подробное изложеніе литературного движения у литовцевъ. Въ 1-мъ выпускѣ его «Этюдовъ», изложенія исторіи литов. библіів, напечатанной въ Лондонѣ въ 1663 г. Второй выпускъ посвященъ библіографическому обзору сочиненій, вышедшихъ на литовскомъ языке съ 1547 по 1701. Всѣхъ сочиненій описано г. Станкевичемъ 59. Авторъ не ограничивается только заглавіемъ сочиненія, онъ даетъ историко-литературные комментаріи, приводитъ цитаты изъ нихъ и т. д. Благодаря всему этому, его этюдъ получаетъ особенное значеніе. На стр. I—XVI указаны главные труды, касающіеся исторіи литературы у литовцевъ. Нѣкоторыя дополненія къ книгѣ г. Станкевича слѣдованы были въ рецензіи «Живой Старинѣ» (1891, вып. 2). Кстати замѣтимъ, что Импер. географическимъ обществомъ печатается въ настоящее время полная литовская библіографія, составленная г. Балтромайтисомъ.

Арк. Л—нко.

Обозрѣніе журналовъ.

Вѣстникъ Европы—12. Сѣверный Вѣстникъ—12. Наблюдатель—12. Русскій Арх.—12. Русское Обозрѣніе—12. Русскій Вѣстникъ—12. Русская мысль—12. Историческій Вѣстникъ—12. Русская Старина—12. Biblioteka Warszawska—1—11. Ateneum—1—12. Przewodnik naukowy i literacki—1—11.

Вѣстникъ Европы XII. 1891 г. Въ отдѣлѣ: литературное обозрѣніе—краткій отзывъ и содержаніе книги Грушевскаго: «Очеркъ исторіи Киевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія (стр. 849—851).

Историческій Вѣстникъ XII. 1891 г. Илавайскій. Первый Лжедмитрій. Въ статьѣ этой излагается вкратцѣ предположеніе Костомарова о личности Лжедмитрія (стр. 658—659).

Ясинікій. Мои литературные дебюты. Воспоминанія автора о первыхъ его литературныхъ дебютахъ въ «Кievлянина» и «Кievскомъ Вѣстникѣ», касавшихся вопроса мѣстного управления въ 1870 г. (стр. 668—670).

Икскуль. Старый конногвардеецъ. Разсказъ ведется отъ имени старого солдата-малоросса Николаевскаго времени, характеризующій любовь солдата къ Государю (стр. 676—691).

Въ отдѣлѣ критики: краткій разборъ книги Пыпіва: «Исторія Русской этнографіи. Томъ III. Этнографія малорусская» (825—827).

Тамъ же краткій отзывъ о книгѣ Бочняновскаго: «Публичная библіотека въ Житомирѣ. По поводу ея 25-тилѣтія» (стр. 828—829).

Въ смѣси — краткій некрологъ извѣстнаго публициста А. А. Гатцука и ученаго архимандрита Леонида, въ своихъ сочиненіяхъ и статьяхъ разрабатывавшаго вопросы, касающіеся Малороссіи и ея исторіи (стр. 861—862).

Русская Мысль XII. 1891 г. Всео. Миллеръ.—Экскурсы въ область эпоса. Окончаніе статьи о вліяніи тюркскаго мотивовъ на русский богатырскій эпосъ (стр. 75—107).

Въ библіографическомъ отдѣлѣ—рецензія на книгу г. Романова «Бѣлорусский сборникъ. Вып. IV» (стр. 538); Соболевскій — «Лекціи по исторіи русскаго языка» (стр. 539); Корчакъ-Чепурковскаго: — «Отчетъ о состояніи врачебной помощи и народнаго здоровья въ херсонскомъ уѣздѣ въ 1890 г.» (стр. 553) и краткій похвальный отзывъ о книжкахъ на малорусскомъ языкѣ: «Оповиданія» Грыцька Чула, «Робинзонъ» В. Чайченко и «Чья робота важча?» В. Чайчевка (стр. 556).

Ateneum. 1891. 1—12. 2. Sejm galicyjski r. 1890 przez d ra A. Starzyńskiego. (стр. 274—299)

7. Разборъ книги «Archiwum ks. Sanguszko» przez A. Prachaskę.

12. Zasiedlenie Ukrainy. II (W epoce litewskiej) Przez Al Jabłonowskiego. (Начало 1888, +1 стр. 115—138, 308—319).

Biblioteka Warszawska. 1881. 1—11. 6—7. Obrona granic Rzeczypospolitej od Tatarów, przez K. Górskego (439—461 и 93—107).

8. Intryga Salomonka, kartka z dziejów Jana Mazepy, przer Ad. Darowskiego.

9. Kupiectwo lwowskie w XVI w. przez Wł. Łozińskiego (429—453).

Przewodnik naukowy i literacki. 1891. 1—11. 1—8. Szkice geograficzne z Karpat, przez A. Behmana (стр. 1—9, 97—106, 193—202, 289—293, 385—392, 481—491, 577—585, 673—682).

2—4. Wołyń i Podole w 2 połowie XVI w. przez R. (163—172, 252—260, 342—352).

2—3. Prawne stosunki własności tabularnej w Galicji, prez d-ra A. Pilata (127—134, 229—229).

5. Rzut oka na starożitną przeszłość Krzemience, przez I. D. K. (435—439).

5—7. Lasy wielkiej fortuny na kresach, przez Fr. Rawiteę (459—466, 543—550 e 646—652).

7—10. Przejazdki po Wołyńiu, obrazki z przeszłości i z teraznioszości, przez X (634—645, 748—757, 939—948).

9—11. Radymno, miasteczko i kIucz biskupów przemyskich, przez d-ra A. Prochaskę (769—777, 865—874, 977—986).

Книги, относящіяся къ южной Россіи, вышедшиа въ концѣ 1890 и въ 1891 г.¹⁾.

Анисенко В. Флора Крыма. Т. I. Ботанико-географ. очеркъ Таврическаго полуострова. Диссертација на степень магистра ботаники. (Съ 2 хромол. табл., картой и 2 политиц.). Спб. 1890. 8 д. 129 стр.

Акты, издаваемые виленскою археограф. комиссиєю. Т. XVII. Акты Гроднен. земск. суда. Вильно. 1890. 4 д LXXIII + 559 стр.

Акты по дѣлу гор. Павловска съ имеющими себя павловскими старожилами о землѣ. Производство острогожск. окруж. суда. Спб. 1891. 8 д. VII + 337 стр.

Andrijevskij A. Войтовство Ивана Сычевского въ Киевѣ (1754—1766) (Отт. изъ «Кiev. Ст.»). К. 1891. 8 д. 102 стр.

Антонович Кость. Якъ вибирати посла до Ради державної. Львовъ. 1891. 8 д. 15 стр.

Apologie der orthodoxen griechisch-orientalischen Kirche der Bukowina. Nr. 1 und 11, beleuchtet von einem griechisch-katholischen Seelsorger in der Bukowina. Czernowitz. 1890. 8 д. 29 стр. II. 30 cnt.

Архивъ кн. Воронцова. Кн. 37. М. 1891. 8 д. X + 472 стр. II. 3 р.

Архивъ юго-западной Россіи, изд. комисс. для разбора древн. актовъ, состоящей при кiev. под. и вол. ген.-губернаторѣ. Ч. 7. Т. II. Акты о заселеніи ю.-о.-зап. Россіи. К. 1890. 8 д. II + II + 644 стр. Ц. 2 р,

Балль Д. И. Новый историкъ Малороссіи. Рецензія на книгу А. М. Лазаревскаго «Описавіе Старой Малороссіи». Спб. 1891. 8 д. 148 стр.

Бажаньский Порфирій. Исторія руского церковного панія. Львовъ. 1891. 8 д. 86 стр. II. 50 cnt.

Balzer Oswald. Regestr złoczyńców grodu Sanockiego 1554—1638. (Materyał historyczne, wydawnictwo Towarzystwa histor. we Lwowie, t. I.). Lwów. 1891. 8 д. Стр. XVI + 263 + 2 hen.

Барановский Мечиславъ. Наука погляду. Провидникъ методичний до Образинъ, видаванихъ Товариствоъ педагогичнимъ. Зошитъ I, часть 1 и 2 Львовъ. 1891. 8 д. 77 стр. Ц. 40 cnt.

¹⁾ Свѣдѣнія заимствованы изъ № 1—226 „Правительственнаго Вѣстника“ и № № I—XII „Przewodnik'a Bibliograficzn'ago“ за № 1891 г.

- Барановский Бол.** Приписи, видносящися до испытивъ квалификаційнъ до школъ народнагъ, звичайныхъ и видиловыхъ. Львовъ. 1890. 8 д. 41 стр.
- Бартошевскій I. d-r. проф.** Педагогика руска, альбо наука о воспитавію. Львовъ. 1891. 8 д. VIII + 392 стр.
- ✓ **Баштовий І.** Українство на літературнихъ позвахъ зъ Московшиною. Львовъ 1891. 16 д. 214 стр. Ц. 50 сnt.
- ✓ **Бобровский П. О.** Матеріалы къ исторії русской греко-уніатской церкви, Копія писемъ члена брестскаго капитула, віленскаго офиціала А. Ю. Сосновскаго въ 1826, 27 и 28 гг. (Извл. изъ Ж. М. Н. Пр. 1891 г.). Спб. 1891. 8 д. 70 стр. Ц. 75 к.
- Бобровский П. И. Ант. Юр. Сосновский,** старшій соборный протоіерей, настоятель Св.-Николаевской церкви въ Клещеляхъ. (Одинъ изъ тріумвировъ брестскаго капитула). Ист.-біогр. очеркъ. (Изъ Литов. Еп. Вѣд.). Вильна. 1890. 8 д. VI + 202 стр.
- ✓ **Бобровский П. О.** Упраздненіе супрасльской греко-уніатской епархіи и возстановленіе віленской митрополичьей епархіи. Издѣданіе. (По док. арх. Св. Синода въ дѣлахъ гр.-уніатскихъ). Вильна. 1890. 8 д. 58 стр.
- Bolsunowski K.** Znaki pieczętne na ołówku, plomby, znajdywane w Bugu przy mieście Drohiczynie, studium sfragistyczne. (Odb. z. Wiad. numizm.-archeol.). Kraków. 1891. 4 д. 12 стр.
- Боржесевский Л. А.** Къ вопросу о паствищныхъ сервитутахъ. К. 1891. 8 д. 11 стр.
- Bostel Ferd.** Zydzi ziemi Lwowskiej i powiatu Żydaczowskiego w r. 1765 (Odb. z t. VI Arch. kom. histor. Ak. umiej.). Kraków. 1891. 8 д. 22 стр.
- Брайловскій С.** Василій Ивановичъ Туманскій. Біограф. и ист.-литер. очеркъ съ приложеніемъ неизданныхъ произведеній поэта. Изд. ж. «Пантонъ Литературы». Спб. 1890. 8 д. 48 стр. Ц. 50 к.
- ✓ **Бранцеевъ П. Д.** Очеркъ древней Литвы и Западной Россіи. Вильна. 1891. 8 д. VI + 150 стр. Ц. 60 к.
- Budzynowski dr.** Kronika miasta Sambora, zebrana i wydana ku uczczeniu 500-letniej rocznicy założenia m. Sambora. Sambor. 1891. 8 д. 52 стр.
- Будиловичъ А. сяиц.** Исторический очеркъ могилевской Св.-Парасковіевской церкви въ связи съ образомъ окатоличенія и ополяченія Заветрянской Руси (до р. Быстрицы). Варш. 1890. 8. д. 218 стр.
- Bucher B.** Galizische Thongefäße Mittheilungen des k. k. oester Museums t. VI. 1891. Wien. Стр. 279—281.
- Бульшевскій Н.** Кважа гора. Изд. ред. «Кiev. Ст.» К. 1891. 8 д. 9 стр.
- Wapowski Bernard.** De bello a Sigizwundo I, rege Poloniae, contra Moscos gesto a. 1508. Edidit Ios. Korzeniowski. (Odb. z t. XV Scriptores rer. polon.). Cracoviae. 1891. 8 д. 11 стр.
- Верхратский Иванъ.** Мотили шкодники господарству. Львівъ. 1890. 8 д. 28 стр. съ 8 рис.
- Wigura St.** Złotobrody emir, powieść ukraińska. Lwów. 1891. 8 д. 1 нен. + 266 стр. Ц. 2 złr. 40 cent.
- Wickenhauser Fr. Ad.** Molda oder Beiträge zur Geschichte der Moldau und Bukowina. Bd. II. Moldavisch und russich Kimpolonng der Lippowaner Czernowitz. 1891. 8 д. III + 109 стр.
- Wickenhauser Fr. Ad.** Molda oder Beiträge zur Geschichte der Moldau und Bukowina. IV. 2. Geschichte des Bisthums Radouz und

des Klosters Gross-Skit. Czernowitz. 1891. 8 д. 117 стр. Ц. 1 зlr. 20 сnt.

Вікторовъ-Пархомовичъ В. М. Чумакъ, або сыроту и осинне сонечко прыгріе. Оперетта у 3 діяхъ. К. 1891. 8 д. 120 стр.

Witkiewicz. S. Na przelęczy. Wrażenia i obrazy z Tatr. Ozdobione 135 drzeworytami w tekscie. Krakowъ. 1890. 8 д. 254 стр.

Владиміровъ П. В. проф. Очеркъ развитія творчества Н. В. Гоголя. Рѣчь, произн. на торжеств. актѣ Имп. унів. св. Владимира 16 янв. 1891 г. (Отт. изъ Унів. Изв. 1891 г.). К. 1891. 8 д. 46 стр. Ц. 60 к.

✓ *Волкодавъ.* Краткій очеркъ 25-лѣтней дѣятельности зміевскаго земства. (1865—1889). Изд. зміев. уѣзд. земства. Х. 1890. 8 д. 37 стр. + 2 табл.

✓ *Волынскій народный календарь на 1891 г.* Изд. Ф. И. Досинчука. (Годъ 3-й). Житоміръ. 1890. 8 д. 149 + 25 стр. Ц. 20 к.

Вся Одесса за 20 к. Штурмовитель по городу и справочная книга для прѣѣзжихъ. Планы города и театровъ. Изд. Н. Аксюка. (Годъ изд. 3-й). Од. 1891. 8 д. IV + 151 стр.

Въ Бескидахъ (Разсказъ изъ карпато-русской жизни). (Извлечен. изъ № № 321 и 322 «Одесск. Вѣстн.» Од. 1890. 8 д. 12 стр.

Wysocki Włodzimierz. Oksana, szkic sielankowy. Kijów i Odessa. 1891. 8 д. 72 стр. Ц. 60 к.

Galizien und die Bukowina, ausgegeben am 29 oct. 1890 (Post-Curse IX и X.). Wien. 1890. 8 д. 38 стр. съ картами. Ц. 35 сnt.

Galizien und. Bukowina, ausgegeben am 19 Iuni 1891. (Post-Curse IX und X.). Wien. 8 д. 40 стр. + 2 карты. Ц. 35 сnt.

Гала и Назаръ или добро за зло. Повѣсть, заимствованная изъ соч. Т. Г. Шевченко. М. 1890. 16 д. 106 стр.

Гамовъ И. Два брата. Дума изъ малорус. преданій. (О чёмъ говорила бандура?). Гомель. 1890. 16 д. 32 стр. Ц. 15 к.

Ганкевичъ Микола. Про жиночу неволю въ историчнимъ розвою. Студія. Львовъ. 1891. 8 д. 49 стр. Ц. 30 сnt.

General-Karte Neue von Mittel-Europa in 260 Blättern, hgb. von k. k. militär-geographischen Institut. Wien. 1890. Folio. 1: 1,200,000. (Oświęcim, Kowel, Kobrin, Drogiczyn, Rokitno, Żytomir, Troppau, Krakau, Radom, Lublin, Siedlce, Turka, Zamość, Łuck, Pińsk, Starokonstantynow).

✓ Herb nadany miastu Lwowowi dyplomem cesarza Jósefa II dnia 6 listopada 1789, z pieczęciami rajców lwowskich z w. XIV i ławników lwowskich z w. XV, oraz wizerunkiem herbu papieża Syxtusa i herbu miasta Lwowa na dyplomie papieża Syxtusa V. z d. 15 września 1586 r. Lwów. Folio. Carton chromolitogr.

✓ *Герсевановъ М. Н.* Обводнительные и ирригационные работы въ южной Россіи. (Сообщ. въ Имп. рус. технич. общ.). Изъ Зап. Имп. рус. техн. общ. 1891 г.). Спб. 1891. 8 д. 29 стр. и 2 табл.

Гетманъ Богданъ Хмельницкій или присоединеніе Малороссіи. Историч. пов. М. 1891. 16 д. 107 стр.

Gieżowski Juliusz. Iełena, rzecz osnuta na tle stosunków ludowych na Bukowinie. Lwów. 1891. 8 д. 144 стр. Ц. 60 сnt.

Главные моменты въ хозяйственномъ развитіи Херсонского края. Изд. херсон. губ. зем. упр. Херсонъ. 1890. 8 д. 16 стр. Ц. 20 к.

Глибовъ Л. И. Домырового! Жартъ въ 1 дн. Спб. 1891. 8 д. 39 стр. Ц. 15 к.

✓ Гильгуновъ М. Историческая записка о состояніи находящагося подъ Высоч. покровительствомъ Ея Императорскаго Величества кіев. женскаго училища дух. вѣдомства въ теченіи первого 25-лѣтія его существованія. 1861—1886. К. 1890. 8 д. 77 стр.

Гоголь Н. Ночь предъ Рождествомъ. Народное изд. М. 1891. 8 д. 70 стр. Ц. 20 к.

- Вій. Народ. изд. М. 1891. 8 д. 63 стр. Ц. 20 к.
- Страшная месть. Нар. изд. М. 1891. 8 д. 64 стр. Ц. 20 к.
- Вечеръ наканунѣ Ивана Купала. М. 1891. 16 д. 32 стр. Ц. 10 к.
- Майская ночь или утопленница. М. 1891. 16 д. 48 стр. Ц. 15 к.
- Заколдованное мѣсто. Народн. изд. М. 1891. 8 д. 32 стр. съ б рис. Ц. 10 к.
- Пропавшая грамота. Съ рис. Народн. изд. М. 1891. 8 д. 30 стр. Ц. 10 к.

Гоголь Тарасъ Бульба. Шуша 1891. 16 д. 61 стр. (Переводъ на армянскій яз.)

- Тарасъ Бульба. Пов. Народ. изд. М. 1892. 8. д. 162 стр. ц. 25 к.
- Годичный актъ въ кіев. дух. академіи 15 окт. 1889 г. К. 8 д. 50+39 стр.

✓ Голубевъ С. Материалы для исторіи западно-русской церкви (В. I.) (Отт. изъ V кн. «Чт. въ общ. Нестора лѣт.»). К. 1891. 8 д. VI+83 стр.

Гольбашъ Кистяки, образки зъ житя. Львовъ. 1891. 16 д. 98 стр. п. 15 cnt.

✓ Горленко В. П. Лубенскій музей Е. Н. Скаржинской. (Отт. изъ «Кiev. Стар.» 1890 г.) К. 1891. 8 д. 15 стр.

Gorczał Bronisław. Archiwum książeł Sanguszków w Sławucie. T. III. 1432—1534. T. IV. 1535—1547. Lwów. 1890. 4 д. XII+XXXV+556 стр. и IX+XXXIII+647 стр. Ц. по 8 zlr. за томъ.

✓ Гошкевичъ М. И врачъ. Заболѣваемость, смертность и брачность г. Херсона въ 1889 г. (Къ материаламъ по медиц. статистикѣ г. Херсона). Съ табл. Херсонъ. 1890. 8 д. 150 стр.

Грушевский М. Волынскій вопросъ 1097—1102 г. (Отт. изъ ж. «Кiev. Стар.»). К. 8. д. 37 стр.

✓ Дашкевичъ Н. П. Описанія Черноморья, составленное Эмидемъ д'Ас. коли въ 1634 г. (Отт. изъ V кн. «Чт. въ ист. общ. Нестора лѣт.»). К. 1891. 8 д. XI+46 стр.

Deiches Ernest. Halszka z Ostroga w dramacie i historyi (Od-bitka ze Swiata). Kraków. 1891. 8 д. 24 стр.

Dembitzer Chaim Natan. Klilath Iof, historia rabinów miasta Lwowa od r. 5278 do r 5650, todzież najsłynniejszych rabinów i autorów Polski i Litwy od r. 1492 do r. 1692, z rozprawą o synodzie 4 krajów w Polsce i Litwie, z uwagami krytycznymi i wstępiem. Kraków. 1888. 8 д. X+20 чен. стр.

Dzieduszycki Wojciech. Listy ze wsi. Seria II. Lwów. 1890. 8 д. IX+430 стр. Ц. 3 zlr. 20 cnt.

✓ Диатроповъ П. врачъ. Рождаемость и смертность населенія одесского градовачальства въ 1890 г. Изд. одес. гор. упр. Од. 1891. 8 д. 63 стр. и 8 табл.

Дивка-чернобрывка и сорокъ разбойниковъ. Народная казка. К. 1890. 16 д. 32 стр.

Добромульскій Д. К. Краткія свѣдѣнія о бессарабской губ. и географическая замѣтки. Для начал. народ. школъ Бессарабіи. Елисаветградъ. 1891. 8 д. 28 стр. Ц. 20 к.

Dowie Menie Muriel. A girl in the Karpathians. London. 1891.
8 д. 301 стр. Съ иллюстр. и картой Польши.

✓*Довнаръ-Запольський М.* Очеркъ исторіи Кравичской и Драговичской земель до к. XII ст. (Изъ Унів. Изв. 1890—91 г.) К. 1891. 8 д. VII+170 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Drzewiecki Iózef. Pamiętniki 1772—1852, wydane na nowo przez ks. dra St. Pawlickiego C. R. prof. Un. Jag. Kraków. 1891. 8 д. 3 нен.+366+1 нен. стр. Съ 2 портр. Ц. 2 złt. 40 снт.

Дѣятели слободской Украины прошлаго вѣка. А. III. (Отт. изъ «Кiev. Стар.»). К. 8 д. 23 стр.

Дѣць В. М. Кузнецъ Вакула или договоръ съ дьяволомъ. Пов. изъ малорос. жизни. М. 1890. 16 д. 72 стр.

✓*Екатеринославскій календарь на 1891 г. съ адресъ-календаремъ г. Екатеринослава.* Екатеринославъ. 1891. 8 д. 136 стр. Ц. 25 к.

Е. С. Семейная жизнь въ Подолі въ 1 пол. прошлаго вѣка. (Отт. изъ ж. «Кiev. Ст.») К. 1891. 8 д. 12 стр.

Житіе и успеніе св. равноапост. вел. князя кіевскаго Владимира. К. 1890. 8 д. 44 стр.

Житіе преп. Антонія и Феодосія печерскихъ ихъ сподвижниковъ. М. 16 д. 143 стр.

Житіе преп. Антонія и Феодосія печерскихъ. Спб. 8 д. 16 стр.

Житія преп. Антонія и Феодосія, чудотв. печерскихъ. М. 16 д. 36 стр.

Житія св. верховнихъ апостолбвъ Петра и Павла. Написавъ сельскій душпастиръ. Львовъ 1891. 16 д. 32 стр. Ц. 10 снт.

Житіе св. Димитрія, митрополита ростовскаго и ярославскаго. М. 8 д. 48 стр.

Житіе св. о. Николая архієпископа Миръ лакійскихъ, чудотворца. Написавъ сельскій душпастиръ. Львовъ. 1890. 16 д. 31+1 нен. стр. Ц. 10 снт.

Житія св., препод и богоносн. отецъ нашихъ Антонія и Феодосія Кіево-печерскихъ. М. 16 д. 106 стр.

Житіе св. преподобно-мученика Макарія, архимандрита овручскаго, Переяславскаго чудотворца. К. 1890. 8 д. 31 стр.

Житіе угодникбвъ Божихъ трехъ святителівъ: 1) св. Іоана Златоустого, 2) св. Василія Великого, 3) св. Григорія Богослова. Написавъ сельскій душпастиръ. Львовъ. 1891. 16 д. 38+2 нен. стр. Ц. 8 снт.

Жудро Ф. Исторія Могилевскаго Богоявленскаго братства. Могилевъ на Днѣпрѣ 8 д. 112 стр.

Zugrodzki Iózef. Kilka słów o dawniejszych dziejach Przemyśla z powodu 500-leciej rocznicy nadania mu prawa magdeburskiego. Przemyśl. 1890. 8 д. 26 стр.

✓*Зенкевичъ Хр. Хр.* Настоящее и прошедшее Крыма. Краткій географ. и истор.-этнogr. очеркъ. В. 1. Керчь. 1890. 8 д. 53 стр., ц. 20 к.

✓*Зерциловъ С.* Степное скотоводство въ новороссійскомъ краѣ, его прошлое и настоящее. Одесса. 1891. 8 д. 97 стр.

✓*Зинченко Н.* Мысъ Фюлентъ и Георгіевскій монастырь въ Крыму (891—1891) (По поводу 1000-лѣтняго юбилея основанія монастыря). Изд. ж. «Ко-лесья». Спб. 1891. 8 д. 22 стр.

3 *Івановець Іванъ* Життя хліборобивъ. Три этнографични образки. (Про-світа № 134). Львовъ. 1891. 8 д. VI+38+2 стр., ц. 10 снт.

3. Хлебоеки дължъ. Мандривки Ивана Войтовича по свити Божомъ. Землякамъ своимъ на хосенъ списавъ. Львивъ, 1891. 16 д. 31+1 нен. стр., п. 8 снт.

Lelewicki Alexander. Moje wspomnienia. Wyd. 3. Kraków. 1891. 8 д. 2+483+2 стр., п. 1 злг. 80 снт

Извлечение изъ протоколовъ совѣта кіев. дух. академіи за 1888—89 г. К. 1890. 8 д. 343+50 стр.

Liz. Uwagi na czasie I—III (Odb. z Reformy) Kraków 1891. 8 д. п. 20 снт. (I. Sprawa ruska, wspomnienia, spostrzeżenia, uwagi, wnoski (15).

Ienike L. Stefan Czarniecki. Urywek historyczny. Warsz. 1891 8 д. 168 стр., 1 портр. и 1 рис.

Историко-юридические материалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ губерній витебской и могилевской, хранящихся въ централ. архивѣ въ Витебскѣ и изд. подъ ред. и. д. архиваріуса сего архива М. Веревкина. Вып. 21. Витебскъ. 1891. 4 д. X+500+XL стр. Ц. 2 р.

✓ Исторический очеркъ развитія херсонской земской сельско-хозяйственной статистики. Изд. херс. губ. зем. управы. Херсонъ. 1890. 8 д. 24 стр., п. 30 к.

✓ Историческое описание гор. Кременчуга съ его уѣзда. Сравненіе прежняго судопроизводства съ современнымъ. Кременчугъ. 1891. 8 д. 40 стр.

✓ Календарь черниговской епархіи на 1891 г. Годъ 1-й. Черниговъ. 1890. 8 д. 334+2 нен. стр. Ц. 1 р. 25 к.

✓ Календарь черниговской губ. на 1891 г. Изд. черниг. губ. стат. ком. (Т. 5-я). Черниговъ. 1890. 8 д. 317+V стр. Ц. 1 р.

Callimachus Philippus Buonacorsi. Vita et mores Gregorii Sanocei, Leopoliensis archiepiscopi, edidit dr Ludovicus Finkel (Odbitka z Monumenta Poloniae hist. t. VI) Leopoli 1891. 4 д. 56 стр.

Каразинъ Н. Изъ русской жизни. Въ Малороссії (Безил. прил. къ жур. «Сѣверъ» за 1891 г.). Соб. 4 д. 6 рис.

Karwicki Józef Dunin. Wędrówka od źródeł do ujścia Horynia. Kraków. 1891. 8 д. 142 стр. 1 злг. 30 снт.

Карманый путеводитель по Ялтѣ и окрестностямъ. Изд. 2-е. Ялта. 1891. 16 д. 37+LIX стр. Ц. 20 к.

Karta hydrograficzna Galicyi z izohietami wykreslonymi w odstępach co 100 mm. opadu za r. 1889. (Dod. do Czasop. techn.). Lwów. 1890. Folio. 1: 1,250,000.

Кю И За батьковскій грѣхъ. Пов. изъ украинск. преданій. М. 1890. 16 д. 108 стр.

Keller F. C. Wild-Wald-und Sumpfbilder aus Westrussland, Reiseerinnerungen. Klagenfurt 1890. 8 д. 117 стр.

Кернеренко Г. Щетыныky. (Зъ народного життя). Харьковъ. 1891. 16 д. 24. стр.

✓Кievskij карманный путеводитель-календарь съ видами и планами города и театровъ на 1891 г. Изд. Г. Н. Шора. К. 1890. 16 д. 147+56 нен. стр. Ц. 30 к.

✓*Клаусъ А.* Изслѣдованіе грузового движенія по дорогамъ черниговской губ. Изд. ред. «Земск. сборн. черниг. г.» Черниговъ. 1891. 8 д. 16 стр.

Klonowicz Sebastian. Ziemie Czerwonej Rusi, Roxolania, przeklãd Ludwika Kondratowicza. Złoczów. Lwów. Р. 1891. 16 д. 65+3 нен. стр. Ц. 12 снт.

Клоновъ А. А. Сборникъ таблицъ, относящихся къ изслѣдованию дви-

женія грузовъ по Днѣпру, его притокамъ и днѣпровско-бугской системѣ, произведенному въ 1890 г. Тверь. 1891. 2 д. 97 стр.

Kolberg Oskar. Chełmskie, obraz etnograficzny. T. II, z materiałów pośmiertnych wydał dr. Iz. Kopernicki. Kraków. 1891. 8 д. VI+265 стр., ц. 3 złr.

— Przemyskie, zarys etnograficzny, kosztem museum im. Dzieduszyckich we Lwowie z pośmiertnych materiałów wydał dr. Iz. Kopernicki. Kraków. 1891. 8 д. XX+243 стр. съ портр. автора и 4 рис.

Колесса Олександеръ. При Каменному затони. Исторична картина З р. 1648. Лввѣ. 1891. 32 д. 18 стр.

Кондратченко М. Першій сніппъ. (Збирничокъ творивъ). К. 1891. 16 д. 26 стр., п. 10 к.

Костенко Ф. А. І. Помылълись. Водев. въ 1 д. съ куплетами. II. Закохані. Вод. въ 1 д. «Хорови писни народни». Новоочеркасскъ. 1891. 16 д. 66 стр., ц. 50 к.

✓ *Костомаровъ Мик.* Исторични монографія. Т. VI Гетьманование Ивана Виговскаго и Юрия Хмельницкаго. (Библіотека руска исторична підъ ред. О. Барвінського, т. XIII). Тарнополь. 1891. 8 д. 234 стр., ц. 1 złr. 60 сnt.

Котляревскій И. Енейда на малороссійскій языку перелицьованная. Изд. 2-е. («Дешев. бібл.») Соб. 12 д. V+290 стр., ц. 20 к

— Наталка полтавка. Малорос. опера въ 2 лѣист. Изд. 2. (Дешев. бібл.). Соб. 12 д. 59 стр.

Котляревскій И. П. Наталка Полтавка. Україн. опера. М. 1891. 16 д. 108 стр.

✓ *Коханский В.* Одесса и ея окрестности. Полный путеводитель и справоч. книга съ 3 пл. и 34 рис. Од. 1891. 8 д. XXIV+492 стр. Ц. 40 к.

Кравченко Ул. На новый пляхъ. Збирникъ поезій. (Бібл. літ.-наук. кн. 12). Лввъ. 1891. 32 д. 39 стр. Ц. 10 сnt.

✓ *Краевскій А. А.* Опытъ описанія скотоводства херсонской губ. и изысканія средствъ къ его улучшенію. Изд. херс. губ. зем. упр. Херсонъ. 1890. 8 д. 26 стр.

✓ Краткій отчетъ о состоянії Александровскаго могилевскаго реал. училища за 1889—90 уч. г. Могилевъ на Днѣпре. 1890. 8 д. 51 стр.

✓ *Кривенко В. С.* Потѣзка на югъ Россіи въ 1889 г. Съ 14 иллюстр. (Оттискъ изъ «Истор. Вѣст.») Соб. 1891. 8 д. 59 стр.

✓ *Круковскій В.* Отчетъ о состоянії черниговской гимназіи за 1888—89 уч. г. Черн. 1890. 8. д. 64 стр.

Левицкій Іванъ. Надъ чорнимъ моремъ Повисть Львивъ. 1891. 8 д. 279 стр. Ц. 90 сnt.

Левицкій Ів. Ем. Галицко-русская бібліографія за 1889 г. Лввъ. 1890. 8 д. 1+129 стр. Ц. 1 złr.

✓ *Левицкій О. И.* Луцкая старина. (Отт. изъ 4 кн. «Чт. въ истор. общ. Нестора лѣт.»). К. 1891. 8 д. 37 стр.

✓ *Левицкій О. И.* Опись актовой книги кіев. централ. архива № 2045 (Оффіц. изд. архива). К. 1890. 8 д. 61 стр.

Левицкій О. И. Очерки старинного быта Волыни и Украины. Вып. 2-й. (II. Матери-преступницы. III. Превелебный сватъ). К. 1891. 8 д. 32 стр.

✓ *Левікій Р.* Портовый городъ Анака. Екатеринодаръ. 1890. 16 д. 72 стр.

✓ *Леонтьевъ А. Н.* Опытъ указателя книгъ и статей, относящихся къ

- херсонской губ. (Прил. къ Херс. зем. сборн.). Херсонъ. 1890. 8 д. IV+208+9+IV стр. Ц. 2 р.
- Ливановъ Ф. В.* Георгіевскій монастырь въ Крыму. Изд. 2-е 16 д. 32 стр.
- Ликазъ Ісаакъ.* Справедливія подія. Зъ рос. мови переклада М Загирня. (Просвіта № 133). Львовъ. 1891. 8 д. 37+1 стр. Ц. 10 снт.
- Лисенко М.* Збирывкъ українскихъ писевъ. Першыи выпускъ. К. 4 л. 95 стр.
- Лисовскій Н. А.* Опыты изученія малорусскихъ думъ. Изд. полт. губ. стат. ком. Полтава. 1890. 8 д. 52 стр.
- Люкъ А.* Хроника умственного и нравственного развития кишиневскихъ евреевъ (1173—1890) и обзоръ еврейскихъ благотворительныхъ учрежденій по бессарабской губ. Вып. 1 Кишиневъ. 1891. 8 д. 32 стр.
- Lozinski Wł.* Patrycyat i mieszczanstwo lwowskie w XVI i XVII w. Wyd. 2 znacznie pomnożone. Lwów. 1892. 8 д. VI+434 стр. Ц. 10 zlr.
- Лохтинъ.* Днѣстровскій календарь и записная книжка за 1891 г. К. 1891. 16 д. II+14 лист. +50 стр.
- Лукичъ Василь.* Квятка. Иллюстрованый литературный збирникъ Львовъ. 1890. 8 д. 128 стр. Ц. 30 снт.
- Луцикъ Іеронимъ* Не шукай доли за морями. Львовъ 1891. 16 д. 40 стр. Ц. 10 снт.
- Лѣтопись Нестора. Ред. и прим. В. А. Яковleva (Учебная библіотека). Спб. 1891. 8 д. 86 стр. и 1 табл. Ц. 35 к.
- Малининъ В. Н. проф.* Воззрѣнія русскаго народа на личность царя въ быловой поэзіи. Рѣчь, произн. 17 окт. въ торж. собр. кіев. слав. благотв. общ. К. 1890. 16 д. 16 стр.
- Марина—дочь атамана запорожцевъ. Повѣсть изъ украинск. старины М. 1890 1890. 16 д. 107 стр.
- Марко-Вовчокъ.* Павло Чорнокрыль. Пов. о томъ, какъ мужъ жену убилъ и что изъ этого вышло. М. 1891. 16 д. 72 стр.
- ✓ Материалы для исторіи воронежской и съсѣднихъ губерній. Воронежскія писцовыя книги. Т. 2. Изд. ворон. губ. стат. ком. Воронежъ. 1891. 8 д. II+296 стр.
- ✓ Материалы для оцѣнки земель херсонской губ. Т. VI. Херсонскій уѣздъ. (Статист.-эконом. описание уѣзда) Сост. статистич. отдѣл. при херс. губ. зем. упр. (Съ 2 картами и 17 приложеніями). Херсонъ. 1890. 8 д. VI+400+329 стр.
- Materyały do klimatografii Galicyi, zebrane przez sekcyę meteorologiczną Komisię fizyograficznej с. k. Akad. umiej w Krakowie g. 1891 (Odb. ze Spraw. Kom. fiz.) Kraków. 1891. 8 д. 275+1 лист. стр.
- Материалы по археологіи Россіи, издаваемые ипп. археол. комиссіею. № 6. Древности южн. Россіи. Керченская христіанская катакомба 491 г. Изслѣдованіе Ю. Кулаковскаго. Съ 4 табл. рис. и 4 политах. Спб. 1891. 4 д. 30 стр. Ц. 1 р. 25 к.
- Matzura I. prof.* Illustrirter Führer durch die Beskiden und die angrenzenden Landschaften. Teschen. 1891. 8 д. 318 стр. съ картой. Ц. 2 zlr.
- Matyas Karol.* Słowniczek gwary ludu, zamieszkałego wschodnio-południową najbliższą okolicę Nowego Sącza (Odb. z t. IV Sprawozdań Kom. język. Ak. umiej.). Krakow. 1891. 8 д. 17+1 лист. стр.
- Maciejowski W. A.* Historya miast i mieszkańców polskich w kra-

jach dawnego państwa polskiego od czasów najdawniejszych aż do połowy XIX w. Do drugu przygotował Michał Rawicz-Witanowski (Odb. z XVII Rocznika Tow. przyj. nauk pozn.) Poznań. 1890. 8 d. 2 str. Ц. 3 марки.

Мельниковъ В. Какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. Ком. въ 3 д., 6 карт., передѣлана изъ пов. И. В. Гоголя. К. 1891. 16 д. 57 стр. Ц. 20 к.

Milkowski Z. (Iez T. T.) La question juive. (Odb. z Bull. de l'Instit nat. genev.). Geneve. 1891. 8 д. 25 стр.

Милорадовичъ юр. Г. А. Алфавитный списокъ дворянскихъ родовъ Черниговской губ., внесенныхъ въ дворян. родосл. книгу. Чер. 1890 г. 8 д. 29 стр.

Мирославскій Винниковъ К. П. Київський ярмарокъ, або симъ разъ поганый. Жартъ въ 1 дн. К. 1891. 16 д. 32 стр.

Михалевичъ И. К. Двадцатипятилѣтіе каменець-подольской русской публичной библиотеки. 1866—90 гг. Каменецъ — Под. 1891. 8 д. 54+XXIV стр.

Mischler E. dr. prof. Die Organiesirung der Landes-statistik in Bukowna. Czernowitz. 1891. 8 д. 13 стр. Ц. 30 снт.

Мордовцевъ Д. Л. Тимошъ и Фанатикъ. Истор. повѣсти. Спб. 1891. 8 д. 160 стр. Ц. 80 к.

Морозовъ А. П. Святославъ I передъ походомъ на болгаръ. Драмат. предст. изъ жизни нашихъ предковъ въ 4 дѣйств. съ хорами, пѣснями и плясками. М. 4 д. 44 стр.

Москаль захоче, той черта обмороche. Жартъ въ 1 дн. Скомпонувавъ Ф. У. Музыку поклавъ В. С. Б-въ. 1891. 16 д. 32 стр.

На Великдень. Последни дни учительства Господа нашего Іисуса Христа на земли, писля Св. Письма Нов. Зав. написавъ сильскій душастыръ. Львовъ. 1891. 16 д. 36 стр. Ц. 10 снт.

На память прежній и нынѣшній воспитанникаиъ петровскаго-полтавскаго кадетскаго корпуса. 1840—90 г. (Изъ ж. «Педаг. Сб.») Спб. 1891. 8 д. 15 стр.

✓ Народное образование въ Одессѣ въ вѣдѣніи городского общественного управления (1873—1889). Сост. стат. бюро при одес. общ. управл. Од. 1891. 8 д. 88 стр 3 табл. и планъ гор. Одессы.

✓ Народный календарь для Южной Россіи на 1892 г. Од. 1891. 4 д. 56 стр. Ц. 20 к.

Наумовичъ Ив. Псалтырникъ. Пов. изъ галицко-рус. народн. жизни. Изд. 3-е. М. 1891. 8 д. 159 стр.

Наумовичъ И. протоіерей. Псалтырникъ. Пов. изъ галицко русской народной жизни. Изд. 3-е. М. 1891. 8 д. 159 стр. Ц. 30 к.

✓ **Наумовичъ И. Г. протоіерей.** Червонная Русь, ея прошлое и настоящее. Чтеціе въ торж. собр. кіев. слав. благотв. общ. 17 окт. 1890. К. 1890. 8 д. 30 стр.

Nestor. Chronicon, cap. 57—67, in Romanorum sermonem convertit K. Łuczakowski. (Odb. z Spraw. gimn. rusk.). Lwów. 1891. 8 д. 19 стр.

✓ **Николайчикъ Ф. Д.** Городъ Кременчукъ. Историч. очеркъ. Спб. 1891. 8 д. 4 + 217 + 1 стр. Ц. 1 р. 25 к.

✓ Новороссійскій народный календарь на 1892 г. Одесса. 1891. 4 д. 48 стр. Ц. 20 к.

Общество юго-западныхъ жел. дорогъ. Материалы для составлениі тарифовъ на перевозку грузовъ по уманскому вѣтвию. Ч. I. Экономич. изслѣдованиe. К. 1891. 4 д. 570 стр.

Общество юго-западныхъ жел. дорогъ. Экономическое изслѣдование района новоселицкихъ вѣтвей. К. 1890. 4 д. XVI + 232 + 289 стр.

Общество юго-западныхъ жел. дорогъ. Отчетъ по эксплуатациіи дорогъ за 1890 г. Ч. I и II. Спб. 1891. 4 д. 57 + 53 печ. листа.

Олоновский Ом. д-ръ. Моему критикови, видповидь А. Пилинови на его статю « Особая исторія русской литературы ». Львовъ. 16 д. 47 + 1 чен. стр. II. 20 cent.

Олоновский О. Исторія литератури руской. Часть III. Виддялъ I. Львовъ. 1891. 8 д. 696 стр. + 3 чен.

✓ Одесский календарь для южной Россіи на 1892 г. Одесса. 1891. 16 д. 32 стр. Ц. 5 к.

Olizar Gustaw. Pamiętniki. 1798—1865 z przedmową I. Leszyca. Lwów. 1891. 8 д. XLIV + 300 стр. Ц. 3 złr. 60 cent.

Описаніе Киновія св. исповѣдника Стефана Сурожскаго (Судакскаго) или Казильташъ въ Крыму. Феодосія. 8 д. 32 стр.

Orzechowski Stan. Orichoviana, opera inedita et epistulae. 1543—1566. Vol. I. Edidit dr. Ioseph Korzeniowski. (Bibl. pis. polsk.). Cracoviae. 1891. 8 д. XXVIII + 740 стр. Ц. 3 złr. 60 cent.

Орловъ Н. полк. Штурмъ Измаила Суворовымъ въ 1790 г. (Съ порт., рис. и планами). Спб. 1890. 8 д. 197 стр. Ц. 1 р.

Ossowski G. O ceramice domowej w okresie grobów kamiennych skrzynkowych. (Odb. z Wiad. numizm.-archeol.). Kraków. 1891. 4 д. 16 стр. Ц. 30 cent.

Ossowski G. Sprawozdanie drugie z wycieczki paleontologicznej po Galicyi w r. 1890. (Odb. ze Zb. wiad. do antrop. kr.. XV). Kraków. 1891. 8 д. 1 + 88 стр. + 5 табл. Ц. 1 złr. 50 cent.

Ossowski G. Wykopaliny z kurhanu w Hromówce pow. Starokonstantynowskiego. (Odb. z Wiad. numizm.-archeol.). Kraków. 1891. 4 д. 16 стр. Ц. 30 cent.

Отчетъ кіевскаго отдѣленія Импер. рус. музыкаль. общества и учрежденіаго при немъ музыкального училища за 1889—90 годъ. К. 1890. 8 д. 71 стр.

✓ Отчетъ одесской городской публичной библиотеки за 1890 г. Од. 1891. 8 д. 16 стр.

Отчетъ о состояніи немировской гимназіи за 1889—90 уч. г. Немировъ. 1891. 8 д. 118 стр.

✓ Отчетъ попечителя кіевскаго учебнаго округа о состояніи учебныхъ заведеній округа за 1890 г. К. 1891. 8 д. V+41 стр., 43+4 вѣдомости, 65+28 стр., 30 вѣд., 50+14 стр., 41 вѣд., 14 стр., 7 вѣд., 13 стр., 27 вѣд., III+61 стр., 5+5+5 вѣд., 41 стр. 5+5+5 вѣд., 12 стр. 1+5 вѣд. 16 стр., 1+5 вѣд.

Отчетъ харьковск. отдѣленія Имп. рус. музыкаль. общества и состоящаго при немъ музыкального училища за 1889/90 годъ. Хар. 1891. 8 д. 64 стр.

Памятная книжка воронежской губ. на 1891 г. Вып. I. Изд. ворон. губ. стат. ком. Воронежъ. 1891. 8 д. VII+12 чен.+147+96 стр.

Памятная книжка гродненской губ. на 1891 г. Изд. гродн. губ. стат. ком. подъ ред. А. Э. Штритера. Гродно. 1890. 8 д. 24+XXXII+295+48+62+47 стр., ц. 1 р.

Памятная книжка и адресъ-календарь полтавской губ. на 1891 г. Сост. Д. А. Иваненко. Полтава. 1891. 8 д. IV+50+82+250+59+115+12 стр., ц. 1 р.

✓ Памятная книжка кіевской губ. на 1891 г. Сост. подъ ред. Д. И. Навротского. Изд. кіев. губ. стат. ком. К. 1891. 8 д. 213+31+70+23 стр., ц. 1 р.

Памятная книжка кіевского учебного округа Ч. IV. Черниговская губ. Изд. управлениі учебн. округа. К. 1890. 8 д. 161+XXIV стр.

Памятная книжка кіевского учебного округа. Ч. V. Полтавская губ. К. 8 д. 188+XXVII стр.

✓ Памятная книжка конотопского земства. 1865—1890. К. 1890. 8 д. 144 стр.

Papée Fr. dr. Scole i Tucholszczyzna Lwów. 1891. 8 д. 124 стр. съ картой и рис., ц. 1 злт. 60 снт.

✓ Петровский Д. А. Харьковъ въ карманѣ. Справочная книжка и календарь на 1891 г. Изд. 2-е. Хар. 1891. 8 д. 88 стр.

✓ — Путеводитель по Харькову Приложение къ справочной книжкѣ «Харьковъ въ карманѣ». Хар. 1891. 16 д. II+64 стр.

Петровъ Н. Отчетъ церковно-археологического общества при кіев. дух. академіи за 1889 г. К. 1890. 8 д. 34 стр.

— Извѣстія церковно-археол. общ. при кіев. дух. академіи за 1889 г. К. 1890. 8 д. 44 стр.

✓ Планъ гор. Новороссійска, изд. д. чл. кубан. обл. стат. ком. Е. Д. Фелицыныи. Екатеринодаръ. 1891. 1 листъ.

✓ Планъ города Одессы. Изд. В. Коханскаго и И. Желиловскаго. Одесса. 4 д. 1 стр.

✓ Планъ гор. Одессы. Од. 1 д. 1 стр.

Познанскій Б. Полячка. Видѣнное и слышанное. (Оттискъ изъ «Kiev. Star.»). К. 1891. 8 д. 30 стр.

Paul C. M. Die Karpathensandsteine des mährisch-ungarischne Grenzgebirge (Отт. изъ «Jahrbuch der k. k. geol. Reichanstalt») Wien. 1891. 4 д. 68 стр.

Полиньскій І. Стенографія руска. Львовъ. 1891. 8 д. 39+40 стр., ц. 1 злт. 50 снт.

Popovitch Om. Чума горилчана. Зъ нимъ Г. Щоке переповивъ и тверезимъ рускимъ читальнямъ прысвятыъ... Чернivци. 1890. 8 д. 72 стр.

Поповичъ Олексій, Маты удова и тры сыны, Сестра и братъ. Народны думы. К. 1890. 16 д. 24 стр.

Празднованіе 50-лѣтія профессорской дѣятельности В. А. Караваева (1840—1890). К. 1890. 8 д. 32 стр.

Преосв. Иларіонъ, епіск. полтавскій и Переяславскій. (Изъ ж. «Воскресный день») М. 16 д. 18 стр.

Путникъ (Н. Лендеръ). По Черному морю. Очерки и картишки. (Азовское побережье.—Закавказье.—Новороссійскій край и южный берегъ Крыма). Спб. 1891. 12 д. VI+247 стр., ц. 60 к.

Пытникъ А. Н. Исторія русской этнографії. Т. III. Этнографія малорусская. Спб. 1891. 8 д. VIII+425 стр.

Шлянство дѣтей въ Одессѣ. Составилъ другъ дѣтей. Изд. одес. общ. для борьбы съ вѣяствомъ. Од. 1891. 8 д. 21 стр.

✓ Пятничукій А. Очеркъ исторіи кіевской митрополіи въ періодъ времени отдѣльного ея существованія отъ митрополіи московской (1459—1686 г.) (Отт. изъ Могил. Еп. Вѣд.). Могилевъ на Днѣпрѣ. 8 д. 72 стр.

Рабій Фр. Коротка історія чудотворної ікони преч. діви Марії въ па-
рочільної церкви самборської. Самборъ. 1889. 16 д. 35 стр.

Равіта Ф. На красномъ дворѣ. (Na krasnym dworze). Истор. ром.
изъ врем. княж. Изяслава въ Кіевѣ. Переv. и изд. Ф. В. Домбровскаго. 8 д.
310 стр., ц. 1 р.

Rehman Antoni dr. Dolne dorzecze Sanu, badane pod wzeludem
postaci, budowy i rozwoju gleby. (Odb. z t. XXVI Sprav. Kom. fizyogr.
Ak. umiej.) Kraków. 1891. 8 д. 86 стр. съ картой.

Reichenberg Ch. N. Wie kann das Elend eines Theils der Juden
in Galizien und der Bukowina durch die Baron Hirsch'sche Zwölfmil-
lionen-Stiftung gemildert werden, eine Studie. Wien. 1891. 8 д. 34 стр.

Ретовский О. Указатель єводосійского музея древностей. Изд. 4-е доп.
и испр. Феодосія 1891. 8 д. 24 стр., ц. 15 к.

Ржевуский Л. Краткій исторический очеркъ Оршанскаго Кутейнскаго
женскаго монастыря. Орша 8 д. 8 стр.

✓ Родословная дворянъ и графовъ Милорадовичей. Червиговъ. 1890. 4 д. 13 стр.

✓ Розенштейнъ А. С. Описаніе гор. Мелитополя (таврич. г.) Мелитополь.
1891. 8 д. 13 стр.

Rolle Michał. Z życia ormian kamienieckich w XVII i XVIII w.
(Odb. ze Swiata). Kraków. 1891. 8 д. 24 стр.

Романовъ Е. Р. Бѣлорусскій сборникъ. Вып. 4. Сказки космогониче-
ская и культурныя. Витебскъ. 1891. 8 д. V+220 стр. Ц. 1 р.

— Бѣлорусскій сборникъ. Вып. 5. Заговоры, апокрифы и духовные
стихи. Витебскъ. 1891. 8 д. XV+448+3 вѣн. стр. Ц. 2 р.

**Rocznik statystyki przemyslu i handlu krajowego, wydany przez
krajowe biuro statystyczne, pod red. d-ra T. Rutowskiego (Oddział statystyki
przemyslu i handlu) Zeszyt XII. Produkcyja rolnicza na wielkiej
i małej własności ziemskiej. Lwów. 1889. 4 д. 22+нен.+24+1 нен. стр.**

**Rocznik statystyki przemyslu i handlu krajowego, wydany przez
krajowe biuro statystyczne pod red. dra T. Rutowskiego (Oddział statystyki
przemyslu i handlu). Zeszyt XIII: Przemysł domowy i ręko-
dzielniczy. I. Przemysł skórzaný. Lwów. 1889. 4 д. XXVIII+65+2 нен. стр.**

Русская классная библиотека, изд. подъ ред. А. Н. Чудинова. В. I. Слово
о полку Игоря. Текстъ памятника съ прим., прозаич. и поэтич. его переводы,
матер. для еравн. изученія, объяснит. статьи и словарь. Соб. 1891. 8 д.
VII+80 стр. Ц. 30 к.

Самійленко Володимиръ. Зъ поэзій. Частина I. К. 1890. 12 д. 47+
1 вѣн. стр. Ц. 20 к.

Самокишъ Н. Маневры въ юго-западномъ краѣ въ 1890. г. В. II. Спб.
4 д. 8 рис.

— Маневры въ юго-западномъ краѣ въ 1890 г. Рисунки. Вып. III.
Спб. 4 д. 8 рис.

Сапуновъ А. Замѣтка о коллегіи и академії іезуитовъ въ Полоцкѣ. Ви-
тебскъ. 1890. 8 д. 34 стр. Ц. 35 к.

✓ Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ г. Кіевѣ
въ частныхъ рукахъ. В. I. К. 1890. 4 д. 12 стр. Ц. 1 р. 85 к.

✓ Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ г. Кіевѣ
въ частныхъ рукахъ. Вып. 2. К. 1891. 4 д. 17 стр. и 8 табл.

✓ Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ г. Кіевѣ
въ частныхъ рукахъ. Вып. 3 и 4. К. 1891.4д. 6нен.+31 стр. и ХІІбл.рис.

Сборникъ харьковскаго историко-филологическаго общества. Т. 3-й. Хар.. 1891. 8 д. II+XXVII+341 стр. Ц. 2 р.

Св. Равноапостольный кн. Владимиръ и крещеніе Руси (изъ Карамизина). Чтеніе для народа. Сиб. 1891. 8 д. 28 стр.

Северъ. Задля святої землі. Стежка передъ хатою. Новисть. Переklärъ зъ польскаго Павло Кирчичъ. Львовъ. 1891. 8 д. 162+2 нен. стр. Ц. 50 сnt.

Siemiradzki J. dr. i Dunikowski E. prof. dr. Szkic gieologiczny królestwa polskiego, Galicyi i krajów przyległych (Objaśnienie do mapy gieolog.) [Odb. z Pamięt Fizyogr.]. Варш. 1891. 8 д. 141 стр. и 1 карта.

Сидоровъ Вас. Окольной дорогой. Путевые замѣтки и впечатлѣнія (Рига. Вильна. Киевъ. Одесса. Константинополь. Крымъ. Екатеринославъ). Спб. 1891. 8 д. II+338 стр. Ц. 1 р.

Симиренко Л. П. Опыт изслѣдованія промыщенаго плодоводства и плодоторговли. Съ 69 табл. рис. Од. 1891. 8 д. XII+253 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Skład c. k. Uniwersytetu im. cez. Franciszka I we Lwowie i program wyklađów w półroczu zimowem 1891—92. Lwów. 1891. 4 д. 44 стр.

Словарик географiczny królestwa polskiego i innych krajow словiańskich. Wydany pod red. B. Chebowskiego i W. Wałewskiego, wedlug planu F. Sulimierskiego i z pomocą zgromadzonych przez niego materyałów. Zeszyt 126. T. XI. Варш. 1891. 8 д. Стр. 401—480.

То же Zeszyt 127. T. XI. Варш. 1891. 8 д. Стр. съ 481 по 560.

То же Zeszyt 128 T. XI. Варш. 1891. 8 д. 561—640 стр.

То же Zesz. 129. T. XI. Варш. 1891. 8. д. 641—720 стр.

То же Zesz. 130. T. XI Варшава 8 д. Стр. 741—800.

Слово о полку Игоревѣ. Редакція и примѣчанія В. А. Яковлева (Учебная б-ка). Спб. 1891. 8 д. IX+41+2 нен. стр. Ц. 25 к

Соколовскій Н. А., врачъ. Бѣлая Церковь, васильк у. кіев. губ. въ медико-топogr. статист. и санитар. отношеніяхъ. (Материалъ для медицин. топографіи и статистики Бѣлой Церкви). Бѣлая Церковь. 1890. 8 д. III+74 стр. +30 табл. Ц. 1 р.

Сорокинъ Г., свящ. Свадьбы и свадебныя пѣсни у малороссовъ и великороссовъ м. Дмитровки, александрийскаго у. херс. г. Изд. ред. ж. «Кіевск. Стар.» К. 1891. 8 д. 54 стр.

Справа руска въ галицкимъ сойми р. 1890. Львивъ. 1890. 8 д. 32 стр.

Sprawozdanie dyrekcyi c. k. lwowskiego gimnazyum im Franciszka Józefa za r. szk. 1891. Lwów. 1891. 8 д. 77+2 стр.

Sprawozdanie dyrekcyi c. k. gimnazium w Brzeżanach za r. szk. 1891. Brzeżany 1891. 8 д. 91+2 нен. стр.

Sprawozdanie dyrekcyi c. k. gimnasyum w Złocz wie za r. szk. 1891. Złoczów. 1891. 8 д. 105+1 стр.

Sprawozdanie dyrekcyi c. k. gimnazium w Jaśle za r. szk. 1891. Jasło. 1891. 8 д. 57—118+32 стр.

Sprawozdanie VII dyrekcyi c. k. gimnazyum w Jarosławiu za r. szk. 1891. Jarosław. 1891. 8 д. 80 стр.

Sprawozdanie dyrektora c. k. IV gimnazyum we Lwowie za r. szk. 1891. Lwów. 1891. 8 д. 96 стр.

Sprawozdanie dyrekcyi c. k. gimnazyum w Przemyślu za r. szk. 1891. Przemyśl. 1891. 8 д. 116 стр.

- Sprawozdanie dyrekcyi с. к. wyższego gimnazyum w Samborze za г. szk. 1891. Sambor. 1891. 8 д. 88 стр. съ табл. и планами.
- Sprawozdanie с. к. gimnazyum w Sanoku za r. szk. 1891. Sanok. 1891. 8 д. 52+1 стр. съ табл.
- Sprawozdanie с. к. gimnazyum w Stanisławowie za r. szk. 1890—1891. Stanisławów 1891. 8 д. 67 стр.
- Sprawozdanie dyrekcyi с. к. wyższego gimnazyum w Tarnopolu za г. szk. 1891. Tarnopol. 1891. 8 д. 95 стр.
- Sprawozdanie dyrekcyi с. к. wyższego gimnazium realnego im. Franciszka Iózefa w Drohobizzu za rok. szkolny 1891. Lwów 1891. 8 д. 105 стр.
- Sprawozdanie XVIII dyrekcyi с. к. wyzszej szkoly realnej we Lwowie za r. szk. 1891. Lwow. 1891. 8 д. 53 стр.
- Справозданне III зъ діяльности руского товариства педагогичного Львовъ. 1891. 8 д. 8 стр.
- Справданне зъ діяльности центрального видилу товариства Просвіта за р. 1890. Львовъ. 1891. 8 д. 23 стр.
- Sprawozdanie z czynności Zakłada nar. im. Ossolińskich we Lwowie za г. 1890. Lwów. 1890. 8 д. 68 стр.
- ✓ Справочная карманская книжка по г. Харькову и календарь на 1891 г., съ видами главныхъ зданій г. Харькова X. 1890. 16 д. IV+178 стр.
- Старицький М. Риздвина ніч. Комико-лирична опера въ 4 д. и 5 карт. Музика М. Лисенка. Львовъ. 1890. 16 д. 64 стр. Ц. 30 снт.
- ✓ Сторожевескій Н. Мартинъ Пушкарь, первый полтавскій полковникъ. Житоміръ. 1890. 16 д. 27 стр.
- ✓ Сторожевескій Н. К. Кочубей и Искра. Историч. монографія. Житоміръ. 1891. 8 д. 68 стр.
- ✓ Стороженко А. В. Михайлівська и Покровська церкви въ г. Переяславѣ, полтавской губ. (Отт. изъ «Кiev. Ст.») К. 1891 г. 8 д. 15 стр.
- ✓ Статистический обзоръ дѣятельности харьковского губ. земства 1886—1889 г. Составленъ губ. управою. Кн. 1. X. 1890. 8 д. 109+67 стр.
- Statut fundacyi br. Hirscha dla popierania szkolnictwa ludowego w królestwie Galicyi i Lodomeryi z W. Ks. Krakowskiem i w ksiestwie Bukowiny. Kraków. 1891. 8 д. 9 стр.
- ✓ Стрельбцикій Уніатськіе церковные соборы съ к. XVI в. до возсоеди-аенія униатовъ съ православною церковью.. Изд. 2-е. Од. 1890. 8 д. 164 стр.
- Субботинъ А. П. Въ чертѣ еврейской осѣдлости. Отрывки изъ экономич. изслѣдований въ зап. и юго-зап. Россіи за лѣто 1887 г. Вып. II. Бѣлостокъ, и. Острополь, и. Полонное, Бердичевъ, Житоміръ, Кіевъ, Одесса и ихъ раіоны. Изд. ред. «Экон. Журн.» Спб. 1890. 8 д. 240 стр. Ц. 2 р.
- Судебный процессъ по искамъ харьков. обществ. управлениія и харьк. общества водоснабженія о контролѣ надъ поставляемой водопров. обществомъ жителями г. Харькова водою. Хар. 1891. 8 д. III нен. +116 стр.
- Сумцовъ Н. Ф. Писанки. (Отт. изъ «К. Стар.»). К. 1891. 8 д. 49 стр.
- Тарасенко Ив. Гаянуся. Ливобережна поема. Золотоноша. 1891 8 д. 148+1 нен. стр. Ц. 1 р.
- Тарасъ и Олеся. Разск. изъ малорос. старины. М. 1891 16 д. 69 стр.
- Tarnowski St. hr. O Rusi i Rusinach (Odb. z Krakusa) Kraków. 1890. 8 д. 68 стр. Ц. 20 снт.
- Теличенко И. В. Сословныя нужды и желанія малороссіянъ въ эпоху

Екатерининской комиссии. (Отт. изъ ж. «Кіев. Ст.») К. 1891. 8 д. 279 стр.

Терскій календарь на 1891 г Въ 2 кн. Подъ ред. И. Стефановскаго. (Годъ 1). Изд. Терск. обл. стат. ком. Владивказъ. 1890. 8 д. XV+52+259+48+104 стр.

Терскій Сборникъ. (Приложение къ Терскому календарю на 1891 г.) Подъ ред. И. Стефановскаго. Владивказъ. 1890. 8 д. VIII+274+176 стр.

Tomkowicz St. dr. Gotische Taufbecken aus der Umgegend von Sandez und Gorlice in Galizien (Odb. z Mittheilungen der k. k. Central-Commission zur Erforschung und Erhaltung der Kunst-und historischen Denkmale) Wien. 1891. 4 д. 4 стр. + табл.

Turczyński Juliusz. Nad. Czeremoszem, nowele z życia ludu huculskiego. Kraków. 1891. Мац. 8 д. 243 стр. Ц. 1 złr. 30 cent.

Turczyński Juliusz. Straszna družyna, obraz huculsczyzny z przeszłego stulecia (Odb. z. Reformy). Kraków. 1891 8 д. 157 стр. Ц. 80 cent

Улейниковъ Л. Еврейскія землемѣльческія колоніи екатеринославской губ. въ 1890 г. Сиб. 1891. 4 д. 15 печ. листовъ.

У наймы. (Образокъ зъ життя дніпровскаго повиту 1887/8 р.). Спб. 1891. 8 д. 24 стр. Ц. 10 к.

Фалькевичъ К. Два жовнѣри, повисть для старшихъ и молодшихъ. Львовъ. 1891. 16 д. 36 стр. Ц. 10 cent.

Falkowski Juliusz. Pamiątki po generale Benedykcie Kolyszce. Kraków. 1891. 4 д. 103 стр. и портретъ.

Фаминцынъ А. С. Домра и сродные ей музыкальные инструменты русского народа. Балалайка. Кобза. Бандура. Торбанъ. Гитара. Историч. очеркъ съ многоч рис. и нотными примѣрами. Спб. 1891. 4 д. III нен.+Ш+2 нен. + 218 + 14 стр.

Федъківъ Костъ. Квіточка, дарунокъ для молодежи. Львовъ. 1891. 16 д. 32 стр. Ц. 10 cent.

Федъковичъ О. Повисти. Часть I. Владисъ Михайло Начовскій. Львовъ. 1890. 8 д. VIII + 78 стр. Ц. 25 cent.

Флоберъ Густавъ. Легенда про Св. Юліана Милосердного, зъ французскаго переклавъ В. Савва. Львовъ 1891. 8 д ? стр. Ц. 10 cent.

Франко Іванъ. Лісъ Микита. Зъ німецкаго переробивъ. Львовъ. 1891. 8 д. 100 стр. и 17 иллюстр. Ц. 50 cent.

Ханенко А. И. Описаніе мѣстностей чернигов. губ. въ предѣлахъ бывшаго стародубскаго полка. (Извлечено изъ «Календаря черн. г. на 1891 г.»). Черниговъ. 1890. 8 д. 58 стр.

— Проеов. Феодосій (Углицкій), архіеп. черниговскій и новог.-сѣверскій, мѣстно читимый святитель. Ист. біогр. очеркъ. (Извл. изъ «Календаря ченигов. еп.» на 1891 г.). Черниговъ. 1890. 8 д. 34 стр.

Харьковскій водопроводъ и харьковское городское управлениe. Харьковъ. 8 д. 27 стр.

Харьковскій календарь на 1891 г. Въ 2 книгахъ. Изд. харьк. губ. стат. ком. (Годъ 19-й). Харьковъ. 1891. 8 д. X + 460 + 188 стр.

Харьковскій сборникъ. Літературно-научное приложение къ «Харьков. календарю» на 1891 г. Вып. 5-й. Изд. харьк. губ. статист. ком. подъ ред. члена-секретаря ком. В. И. Касперова. Харьковъ. 1891. 8 д. 4 нен. + 172 + 210 + XV стр. и 1 карта.

Хижняковъ В. М. О ревизії волостей въ иѣкоторыхъ уѣздахъ черниг. губ. Изд. Земск. Сборн. черниг. г. Черниговъ. 1891. 8 д. 130 стр.

Хилякъ В. Два старика. Рассказъ изъ жизни русскихъ галичанъ. Пер. А. Погодинъ. (Нар. чтенія). Спб. 1891. 8 д. 55 стр. Ц. 5 к.

Хозяйственно-статистический обзоръ херсонской губ. за 1889 г. Прилож. къ общему администр. и хозяйств. отчету за 1889—90 г. Изд. херс. губ. зем. упр. Херсонъ. 1890. 8 д. 161 стр.

Холмскій народный календарь на 1891 г. К. 1890. 8 д. 214 стр.

Chociszewski Józef. Podręcznik geografii ojczystej, zawierający treściwy opis ziem dawnej Polski, z uwzględnieniem dzisiejszych stosunków i podziału politycznego, dodana krótka wiadomość o Czechach i Rusinach. Poznań 1892. 16 д. IV + 283 стр. Съ 50 рис. и 8 картами. Ц. 1 т. 25 pf.

Ziffer E. A. Die Locolbehnien in Galizien und der Bukowina im Anschlusse an die k. k. priv Lemberg Czernowitz Iassy-Eisenbahn. Wien. 1891. 4 д. съ картой и 90 план. и рис. Ц. 15 złr.

Czerwiński dr. O rusinach i do rusinów. Lwow. 1890. 4 д. 7 стр.

Чудеса, совершившіся въ Киево-Печерской Лаврѣ, по свидѣтельству іеромонаха оной Аѳанасія Кальнофойского, изложенія въ книжѣ «Тератургімъ», имъ же составленной и напечатанной въ типографії Киево-Печ. Лавры въ 1638 г. К. 1890. 8 д. 48 стр.

Чугуевецъ П. А. Изъ украинскаго быта. Повѣсти и разсказы. Хар. 1891. 8 д. 298 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Чтенија въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца. Кн. 5-я. Изд. подъ ред. М. Ф. Владимірскаго-Буданова. К. 1891. 8 д. V + 34 + 182 + 227 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Череватенко И. Черноморецъ. Водевиль у двохъ діяхъ и 4 картинахъ. К. 1891. 16 д. 62 стр.

Чайченко В. Робинзонъ. Оповидання про те, якъ одинъ чоловикъ по чужихъ краяхъ мандрувавъ и якъ винъ самъ на острови середъ моря живъ. К. 1891. 8 д. 63 стр.

Чайченко В. Іванъ Котляревскій, український письменникъ. Житеписне оповидане. (Простити 132). Львівъ. 1891. 8 д. 32 стр. Ц. 10 cent.

Чайченко В. Чыя робота важча? Кузьмина. Три бажання. Казки. К. 1891. 8 д. 16 стр. Ц. 5 к.

Чулай Г. Оповидання: 1) Якъ я шершнivъ зъ грушы выкурювивъ. 2) Якъ я роя выганявъ. 3) Божий попустъ. К. 1891. 8 д. 36 стр.

Czerwiński z Fürstenhofu. O Rusinach i do Rusinów: I. Pro praeterito. II. Pro nunc et pro futuro. Kraków. 1891. 8 д. 15 стр.

Czołowski Al. Sprawy wołoskie w Polsce do r. 1412. (Ze studiów nad dziejami wołoskimi. II. Odb. z Kwartal. historycz.). Lwów. 1891. 8 д. 32 стр. Ц. 50 cent.

Czołowski Alex. dr. Lwów za ruskich czasów. (Odb. z Kwart. hist.). Lwów. 1891. 8 д. 42 стр. съ картой. Ц. 75 cent.

Szajnocha Wł. dr. prof. Źródła mineralne Galicyi, pogląd na ich rozpołożenie, skład chemiczny i powstawanie. (Odb. t. XXII Rozpraw Wydz. matem.-przyr. Akad. umiej.). Kraków. 1891. 8 д. 111 стр. Ц. 1 złr. 50 cent.

Szajnocha Wł. dr. prof Die Mineralquellen Galiziens (Отт. изъ Anzeiger der Akad. der Wissensch.). Krakau. 1891. 8 д. Стр. 47—49.

Шаповалов Г. Волынскій справочны календарь-путеводитель на 1891 г. Житомиръ. 1890. 8 д. 99 стр. Ц. 20 к.

Szaraniewicz Iz. dr. Prähistorische und früh. mittelalterliche Erdbauten in Galizien. Mittheilungen der k. k. Central. Commission zur Erforschung und Erhaltung der Kunst und hist. Denkmale. Wien. 1890. 4 д. Стр. 231—233.

Шеболдаевъ В. В. Очерки дѣятельности хирургич. отд. чернигов. губ. больницы за 1880. Черниговъ. 1891. 8 д. 78 стр.

Chevtchenko. T. Poésies de T. Chevtchenko. Genève et Prag. 1890 (1891) 16 д. VII + 258 стр. Ц. 4 fr.

Шематизъ всего клира греко-католической епархіи станиславовской на р. Б. 1891. Рочникъ VI. Станиславовъ. 1891. 8 д. XXIII+1 нен.+320 стр.

Шематизъ всего клира руско-католического епархіи соединеніи перемицкой, самборской и сяноцкой на рикъ отъ Рожд. Хр. 1891. Перешиль. 1891. 7 д. 280 стр.

Szematyzm królestwa Galicyi i Lodomeryi z Wielkiem księsiwem krakowskim na r. 1891. Lwów 1891. 8 д. XXIII + 988 стр.

Шестаковскій Ив. Несчастна доля. Орель. 1891. 16 д. 31 стр. Ц 50 к.

Шляпкинъ И. А. Св. Дмитрій Ростовскій и его время. (1651—1709 г.). Слб. 1891. 8 д XIV + 460 + 102 + III стр.

Яницкій Ал. Садъ и его плекане черезъ цілий рикъ. Практична книжечка для старшихъ и молодшихъ. Львовъ. 1891. 16 д. 64 + 1 стр. Ц. 20 cent.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1892 ГОДУ ЖУРНАЛА

ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ юля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, отъ 15 до 20 листовъ каждая.

ЦЕНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки 8 р.	съ пересылкой въ другіе города 9 р
съ доставкою въ С.-Петербургѣ 8 р. 50 к.	за границей 12 р
отдельно книга журнала 2 р.	

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, Рѣшенія Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената, платить за журналъ и за рѣшенія съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ другіе города 13 р. 50 к.

Рѣш. кас. деп. сената выходятъ и разсылаются одинъ разъ въ мѣсяцъ.

Лица, несостоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдельно на кассаціонныя рѣшенія по 5 руб. съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ иные города.

Допускается рассрочка подписки на журналъ въ слѣдующіе сроки: въ январѣ 5 руб. съ кассац. рѣш. 8 руб. и въ іюнѣ осталная до подписной цѣны сумма. Гг. дѣйствительные члены с.-петербургскаго юридического общества пользуются правомъ подписки на журналъ за половинную цѣну т. е. 4 р. 50 к. а съ кас. рѣш. 9 р. 50 к. Тоже право предоставляется студентамъ университетовъ и вообще учащимся и кандидатамъ на судебнныя и военно-судебныя должности, удостовѣрившимъ свое званіе.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться со своими требованіями исключительно въ редакцію „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права“, С.-Петербургѣ, уголъ Мойки и Фонарнаго, д. 1, кв. 38.

Подписка принимается: въ конторахъ журнала — при книжныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ: Анисимова рядомъ съ Публичною Библіотекою, Мартынова, Б. Морской, 30 и Чичинадзе, Невскій, 57; въ Москвѣ: Анисимова, на Никольской улицѣ, а равно въ конторѣ редакціи.

Оставшиеся (въ количествѣ четырехъ комплектовъ) экземпляры журнала продаются: За 1879, 1881, 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889 1890 и 1891 г.г. по 9 р., за каждый годъ, съ пересыпкою и по 7 р. безъ пересыпки. Отдельные книги журнала за означенные годы, по 2 р. съ пересыпкою.

—3—

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

Газета общественная, политическая и литературная

Выходитъ ежедневно:

Программа газеты: I. Правительственные распоряжения. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и вѣтшней политики и общественной жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы специальныхъ корреспондентовъ „Южного Края“ и „Сѣверного телеграфного агентства“. V. Послѣднія извѣстія. VI. Городская и земская хроника. VII. Извѣстія съ юга: корреспонденція „Южного Края“. VIII. Со всѣхъ концовъ Россіи (корреспонденція „Южного Края“, и извѣстія другихъ газетъ). IX. Вѣщая извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта X. Наука и искусство. XI. Фельетонъ: научный, литературный и художественный Беллетристика. Театр. Музика. XII. Судебная хроника. XIII. Критика и библиографія. XIV. Сиѣсь. XV. Биржевая хроника и торговый отдѣль. XVI. Календарь. XVII. Справочные срѣдствія. Дѣла, назначенные къ слушанію и резолюціи по нимъ округа Харьковской судебной палаты. XVIII. Стороннія сообщенія. XIX. Объявленія.

Редакція имѣть собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

Въ «Южномъ Краѣ» помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политика, имеющія отношенія къ текущимъ событиямъ.

Подписка на годъ:

На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.
Съ доставкою	12 "	7 , — " 4 , — " 1 ,	40 "
Съ перес. иногородн.	12 ,	50 , 7 , 50 , 4 , 50 , 1 ,	60 ,

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашению съ редакціей. Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ—въ главной конторѣ газеты „Южный Край“, на Николаевской площади, въ домѣ Питры.

—3—

Редакторъ-Издатель А. А. ЙОЗЕФОВИЧЪ.

1892 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1892 г.
на

„ВОЛЫНЬ“

газету политическую, литературную и общественную жизни.

Годъ четырнадцатый съ будущаго 1892 года „ВОЛЫНЬ“ будетъ выходить по прежнему ЕЖЕДНЕВНО, за исключениемъ воскресныхъ и послѣ праздничныхъ, дней по прежней программѣ.

1) Руководящія статьи по городскому самоуправлению и по вопросамъ жизни и вуждь западнаго края вообще и въ особенности Волынской губерніи, 2) Голограммы. 3) Городская хроника, 4) Хроника Волыни и Западнаго Края; текущія событія и статьи научнаго содержанія, 5) Извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ по остальной Россіи, 6) Политическое обозрѣніе иностраннаго государствъ, 7) Новые открытія и изобрѣтенія, 8) Библіографическій отрывок, 9) Разныя извѣстія 10) Биржевые свѣдѣнія, 11) Свѣдѣнія о разныхъ подрядахъ и торгахъ, по преимуществу въ предѣлахъ Волынской губерніи, 12) Разныя объявленія частныхъ лицъ, казенныхъ и общественныхъ учрежденій и 13) Фельетонъ.

Подписка принимается въ г. Житомирѣ, въ конторѣ редакціи, б. Бердичевской ул. домъ Духовнаго училища.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

12 м. р. 11 и. 4 р. 75 к., 10 м. 4 р. 40 к. 9 и. 4 р. 8 м. 3 р. 50 к. 7 м. 3 р. 6 и. р. 60 к. 5 и. 2 р. 10 к. 4 и. 1 р. 80 к. 3 и. 1 р. 50 к. 2 м. 1 р. 1 и. 75 к.

Изатель И. И. Коровицкій. Редакторъ К. И. Коровицкій.

—3—

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ.

на ЕЖЕДНЕВНУЮ ОБЩЕСТВЕННУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ПОЛИТИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ
безъ предварительной цензуры

„РУССКАЯ ЖИЗНЬ“

Основная задача газеты—оставаться вѣрной своему названію, т. е. посвящать свои силы возможно полному изученію вуждь родной земли.

Подписанная цѣна для иногороднаго съ пересылкой:

на годъ—9 руб., полгода—5 руб., три мѣсяца—3 руб., одинъ мѣсяц—1 рубль.
Разсрочка допускается со взносомъ не менѣе 1 рубля ежемѣсячно впередъ.

Новыми подписчикамиъ, которые внесутъ до ноября мѣсяца полную подписную сумму за годъ, „РУССКАЯ ЖИЗНЬ“ за ноябрь и декабрь текущаго года будетъ высылаться БЕЗПЛАТНО. Полугодовой подписчикомъ газеты будетъ высылаться бесплатно лишь за декабрь мѣсяцъ.

Лицамъ, желающимъ ознакомиться съ „РУССКОЙ ЖИЗНЬЮ“, газета высылается въ теченіе мѣсяца за шесть семикопѣчныхъ марокъ.

Требуемыя на газету адресуются:

Въ С.-Петербургъ, въ контору „Русской Жизни“, Невскій пр., д. 65.

— 3 —

Редакторъ-Издатель А. Пороховщикова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ

на еженедѣльный иллюстрированный популярно-научный журналъ для семейнаго чтенія

„ПРИРОДА и ЛЮДИ“.

Подписной годъ съ 1 ноября 1891 г. по 1 ноября 1892 г.

52 ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫХЪ НОМЕРА. Каждый № украшенъ 8—12 рисунками первоклассныхъ иллюстраторовъ и содержать въ себѣ 6—8 большихъ статей: популярно-научныхъ очеркъ по всѣмъ отраслямъ естествознанія, рассказы изъ путешествій и жизни различныхъ народовъ, живописныхъ очерковъ и картинъ чудес природы, біографій ученыхъ, путешественниковъ и изобрѣтателей, романовъ, повѣстей и разсказовъ и т. д., и т. д. Кроме того, въ каждомъ № помѣщается масса мелкихъ замѣтокъ о новѣйшихъ путешествіяхъ, изобрѣтеніяхъ, открытияхъ въ области естественной науки, полезныхъ соѣтствъ и рецептъ, научныхъ развлеченій и занятій и пр.

Въ будущемъ году въ журналѣ будутъ помѣщены: „Картины изъ жизни первобытного человѣка“—д-ра А. В. Елисеева, съ ориг. иллюстраціями А. М. Котляревскаго, статьи о сѣвѣщаихъ растеніяхъ и животныхъ, о пигмеяхъ, о дикаряхъ-земледѣлахъ, о предкахъ нашихъ животныхъ (съ рисунками, изображающими сцены изъ жизни вымершихъ животныхъ), о падающихъ звѣздахъ, о прошедшемъ и будущемъ нашей планеты, о кровавомъ дождѣ, „Въ Новый Свѣтъ“—большой разсказъ В. Ю. Дружинина, иллюстрированный худ. А. А. Наумовымъ, „Япония и японцы“—послѣднее произведение † путешественника Н. И. Пашино, „Індійскіе куредники“—рассказъ В. П. Желиховской, „Месть шамана“—рассказъ В. Я. Максимова, „За святую Русь“—историч. романъ Е. О. Шрекнера и мн. др.

12 ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ, которые составятъ великолѣпный альбомъ подъ общимъ заглавіемъ:

„ПРИРОДА и ЛЮДИ РОССІИ“.

Альбомъ будетъ состоять изъ 48 (по 4 ежемѣсячно) фототипическихъ снимковъ съ картинъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ: И. К. Айвазовскаго, проф. А. Н. Боголюбова, В. А. Георгиевскаго, акад. Ф. Ф. Горшельта, В. Г. Казаницева,

акад. А. Д. Кавшенко, Г. Ш. Кондратенко, А. И. Куинджи, проф. А. Ф. Лагорю, проф. А. И. Мещерского, акад. И. Е. Рыллина, Н. А. Сергеева, † акад. Р. Г. Судковского, акад. П. А. Черкасова, акад. И. И. Шишкова и мн. др.

Снимки будут отпечатаны на слоновой бумаге в формате журнала, выполнение их поручено фототипу Императорской Академии Художествъ В. И. Штейну.

Въ качествѣ оригиналовъ редакція получила разрѣшеніе воспользоваться картинаами, находящимися во дворцѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владимира Александровича, въ Императорскомъ Эрмитажѣ и Картиної Галлерее Императорской Академіи Художествъ.

При первомъ выпускѣ альбома (въ ноябрѣ мѣсяцѣ) всѣмъ подписчикамъ будетъ БЕЗПЛАТНО разослана художественно исполненная обложка изъ бристольскаго картона.

Цѣна журнала со всѣми приложеніями, съ пер. и дост., на годъ 5 руб.

Допускается разсрочка: при подписаніи 2 руб., къ 1-му апрѣля 2 руб. и къ 1-му іюля—1 рубль.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., 47.

— 3 —

Редакторъ С. Груздевъ. Издатель И. Сойкинъ.

Своевременно вышла НОЯБРЬСКАЯ книга журнала.

„ВОСХОДЪ“.

Для ближайшихъ книжекъ „Восхода“ имѣются, между прочимъ, слѣдующія произведенія:

Въ Изгнаніи. Очертъ изъ исторіи литовскихъ и польскихъ евреевъ въ концѣ XV столѣтія. Профессора С. А. Бершадскаго.—Творецъ „Исторіи Евреевъ“. Жизнь и сочиненія Г. Гретца. С. М. Дубнова.—Выходцы изъ Межеполля. Романъ. Часть вторая. С. О. Ярошевскаго.—Исключительные законы объ иноверцахъ въ талмудическомъ правѣ. Посмертное изслѣдованіе И. И. Шершевскаго.—Ерейское населеніе Петербурга въ соціальномъ и санитарномъ отношеніяхъ. Статистический очеркъ д-ра С. О. Грузенберга.—Приключение. Эскизы изъ нашего high-life М. С. Варшавскаго.—Историческая сообщенія. С. М. Дубнова.—Обѣтованная земля, съ картой палестинскихъ еврейскихъ колоній. Е. Хисина.—Выѣмное вліяніе и внутренняя жизнь русско-еврейскихъ эмигрантовъ въ Америкѣ Г. М. Прайса.—Самуилъ Абрамовичъ. Изъ захолустныхъ очерковъ. Елены Бердлевой.—Ереи и Антисемитизмъ. III. Физиология и психологія еврея. Статья члена французской академіи. А. Леруа-Болье.—Новые документы по исторіи евреевъ въ Польше и Литвѣ. Проф. С. А. Бершадскаго.—Неудачникъ. Рассказъ М. О. Грузенберга.—На западѣ. Путевые впечатленія и заграничные очерки. П. Я. Левенсона.—Святой господинъ. Исторический романъ изъ эпохи франкістовъ.—Стихотворенія С. Г. Фруга, Н. М. Минского, Константина Льдова, А. Федорова, Л. Медеѣдева и др.

Новые подписчики на 1892 годъ получать бесплатно первые листы романа, С. О. Ярошевскаго „Выходцы изъ Межеполля“, начавшагося печатаниемъ въ октябрьской книжкѣ.

Кромѣ того, по примѣру прежнихъ лѣтъ подписчики получать особое приложение къ журналу.

Цѣна на годъ журнала „ВОСХОДЪ“ и газеты „НЕДѢЛЬНАЯ ХРОНИКА ВОСХОДА“ 10 р., на полгода 6 р., на 3 мѣс. 3 р. За три послѣднихъ мѣсяца 1891 г. виѣтѣ съ преміей, по случаю десятилѣтія „Восхода“—5 р. За границей на годъ 12 р., на полгода 7 р. Разсрочка подписанной платы допускается только для лицъ, подписывающихъ съ 1-го Января на годъ, на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 4 р., къ 1 Марта 3 р., и къ 1-му Июля 3 р. Подписка принимается: въ главной конторѣ редакціи, С.-Петербургъ, Площадь Большаго Театра, 2-32, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

—2—

Редакторъ-издатель А. Ландau.

Открыта подписка на 1892 годъ

(третій годъ изданія)

НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ 1892 году журналъ будетъ выходить ежемѣсячно книжками въ 30 листовъ, „Русское Обозрѣніе“ будетъ издаваться по прежней программѣ, при сотрудничествѣ слѣдующихъ лицъ:

Н. Д. Ахшарумовъ, кн. М. Н. Волконскій, П. И. Вейнбергъ, В. П. Клюнниковъ, М. В. Крестовская, Котъ Муравьевъ, гр. А. А. Кутузовъ, К. Н. Леонтьевъ, Н. С. Лѣсковъ, Е. Л. Марковъ, К. Орловскій, Я. П. Полонскій, гр. Е. А. Саліасъ, А. А. Смирновъ, Д. И. Стахевъ, А. Стернъ, А. А. Фетъ, А. П. Чеховъ, П. П. Шатохинъ, И. И. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій), П. В. Безобразовъ, Л. Б. Бертенсонъ, А. А. Борзенко, Н. П. Вагнеръ, С. Васильевъ, А. Н. Веселовскій, А. И. Войковъ, Л. Н. Вороновъ, Георгіевскій, Н. М. Горбовъ, В. А. Григорющукъ, Н. Я. Гротъ, И. И. Дубасовъ, Н. Ю. Зографъ, Н. Д. Камкинъ, А. А. Кирѣевъ, Н. А. Любимовъ, Л. Н. Майковъ, А. И. Незеленовъ, Э. Л. Радловъ, С. А. Рачинскій, В. И. Сафоновъ, В. В. Святловскій, Вл. С. Соловьевъ, М. П. Соловьевъ, Н. Н. Страховъ, Бретъ-Гартъ (Bret-Harte). Dr. H. Brundhofeर, П. Бурже, (Paul Bourget), M. de Vogюэ (Melchior de Vogюé), Г. Вельшиггеръ, (Henri Welschinger), П. Леруа-Больз (Paul Leroy-Beaulieu), Э. Гартманъ (Eduard von Hartmann), Ж. Симонъ (Jules Simon), В. Стэдъ (William Stead) и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	За годъ.	За подгода.
Съ пересыпкой и доставкой во всѣ города Россійской Имперіи	15 р. 50 к.	8 ру. — кон.
За границу.	19 „ —	10 „ — ”

Отдельные №№ продаются въ конторѣ журнала по 1 р. 50 к.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: Москва, Тверской бульв., д. Зыкова, № 46, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

При подпискѣ въ конторѣ журнала допускается разсрочка подписанной платы по полугодіямъ и четверткамъ года.

— 3 —

Вниманию родителей и педагоговъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 Г.
НА ОБЩЕ-ПЕДАГОГИЧЕСКУЮ ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ
ГАЗЕТУ

„ШКОЛЬНОЕ ОБОЗРѢНИЕ.“

Въ изданіи участвуютъ слѣдующія лица, известныя своею дѣятельностью въ ученомъ, педагогическомъ и литературномъ мірѣ:

К. К. Абаза, Я. В. Абрамовъ, Н. Н. Багновъ, проф. А. В. Васильевъ, В. П. Вахтеровъ, проф. П. И. Вейнбергъ, Е. Н. Водовозова, проф. Н. Я. Гротъ, Ф. И. Егоровъ, К. В. Ельинпей, Л. Д. Журавлевъ, проф. А. И. Каичинсковъ, Е. И. Конради, (изъ Парижа), С. Н. Кулагба, Б. Э. Кетрицъ, проф. П. Ф. Лесгафтъ, В. Н. Макъ-Гаханъ (Нью-Йоркъ), В. В. Михайловъ, П. А. Нагель, А. П. Налимовъ, М. В. Овчинниковъ, В. И. Острогорский, М. Л. Песковскій, В. О. Португаловъ, А. С. Пругавинъ, А. С. Селивановъ, Д. Д. Семеновъ, проф. И. П. Севориковъ, М. М. Соколова, А. Ф. Соколовъ, А. Т. Соловьевъ, Е. Н. Тихомирова, Д. И. Тихомировъ, В. Г. Турчаниновъ, (изъ Христіаніи), И. Ф. Федоровскій, И. О. Фесенко, В. А. Хавкинъ, (въ Парижѣ), Е. И. Челпановъ, В. Н. Чековъ, Х. Х. Циакъ, проф. В. И. Шерльцъ, и мн. другіе.

Вышеприведенные имена гг. сотрудниковъ говорять сами за себя.

Форматъ изданія будетъ увеличенъ вдвое и вѣтшій видъ его будетъ значительно улучшенъ, безъ повышенія подписной платы.

Въ пользу голодающихъ Редакція жертвуетъ 2% со всей подписной суммы, поступившей до 1 февраля 1892 г.

Подробный проспектъ на 1892 г. высылается по требованію бесплатно.

Подписная цѣна съ доставкою и пересылкою на годъ 5 р.; полгода—3 р.; 3 мѣсяца—2 р.; для начальныхъ школъ, учителей и духовныхъ лицъ—4 р. на годъ; 2 р. на 6 м.; 1 р. ва 3 м. и 40 к. на 1 м. и за границу 6 р.

Съ новаго 1892 года, при конторѣ „Школьного Обозрѣнія“, въ Москвѣ, открывается складъ народныхъ книгъ и картинъ, учебниковъ, сочиненій по всѣмъ отраслямъ знанія, русскихъ и иностраннѣхъ, учебныхъ пособій—карты, глобусовъ и пр.

Адресъ конторы редакціи: Москва, Тверской бул., д. бар. Шеппенгъ, въ контору редакціи газеты „Школьное Обозрѣніе“.

—3—

Редакторъ издатель П. И. Гусаренко.

О Т К Р И Т А П О Д П И С К А НА
ОДЕССКІЯ
НОВОСТИ

Газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.
Выходит ежедневно, не исключая и понедельников (около 330 номеров в годъ и во всякомъ случаѣ не менѣе того количества, какое выпустить другія одесскихъ газеты).

Въ 1892 году газета „ОДЕССКІЯ НОВОСТИ“ будетъ печататься на специальномъ заказанной въ Парижѣ у Маринони ротационной машинѣ, способной выдавать 20.000 оттисковъ въ часъ, въ 8-ми столбцовомъ форматѣ и такимъ образомъ сдѣлается самой большой изъ южныхъ газетъ и притомъ самой дешевей. Выѣхъ съ тѣхъ огромное распространеніе газеты дало возможность пригласить новыхъ литературныхъ силъ и специальныхъ корреспондентовъ за границѣ.

Въ 1892 году въ газетѣ «Одесскія Новости» будутъ помѣщаться ПОРТРЕТЫ и ИЛЛЮСТРАЦІИ.

Подписная цѣна на 1892 г. остается та же, а именно:

Безъ доставки и пересылки:

Съ доставкой и пересылкой
въ другие города:

На 1 мѣсяцъ	— р. 90 к.	На 1 мѣсяцъ	1 р. — к.
„ 3 „	2 , 50 „	„ 3 „	2 „ 75 „
„ 6 „	4 , 50 „	„ 6 „	5 „ — „
„ Годъ	7 „ 20 „	„ Годъ	8 „ — „

За границу доплачивается къ подписной цѣнѣ по 60 коп. въ мѣсяцъ. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка во взносѣ подписной платы.

Новые подписчики на 1892 годъ получаютъ газету со дня подписки безъ всякой особой приплаты.

П О Д П И С К А П Р И Н И М А Е Т С Я

Въ Одессѣ: Въ Главной Конторѣ, Ланжероновская ул. (въ Пале-Рояль),
собств. домъ.

Въ отдѣленіи конторы—Пушкинская ул., № 11.

Въ отдѣленіи конторы на Молдаванкѣ—Прохоровская ул., домъ № 11.

Въ отдѣленіи конторы на Пересипи—Московская, домъ № 37.

— 3 —

**ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА
„БИБЛІОГРАФІЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ“**

НОВЫЙ, СПЕЦІАЛЬНЫЙ, БІБЛІОГРАФІЧЕСКІЙ, ІЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ПРОГРАММА ИЗДАНИЯ:

I. Бібліографія. Памятники древней письменности и печатныхъ произведений уссской и иностранной литературы, представляющія матеріалъ для бібліографіи.—Бібліографическая монографія по научнымъ и литературнымъ вопросамъ.—Бібліо-

графіа сочиненій русскіхъ и иностранныхъ писателей. — Исторія бібліографії.— Біографія и некрологи бібліографовъ, бібліофиловъ и ревнителей просвѣщенія.— Обозрѣніе общественныхъ и частныхъ книгохранилищъ, бібліотекъ и архивовъ въ Россіи и за границею.— Обозрѣніе монастырскихъ и церковныхъ книгохранилищъ въ Россіи.— Описаніе древнихъ манускриптовъ, старопечатныхъ и рѣдкихъ русскихъ книгъ, гравюръ, картъ и т. п.

II. Критика. Отзывы ученыхъ учрежденій и обществъ о произведенияхъ печати

III. Книжное дѣло. Типографское, издательское и книжноторговое дѣло, его прошлое и настоящее.— Обозрѣніе дѣятельности и успѣховъ въ литографскомъ, граверномъ, фотографическомъ и другихъ искусствахъ, имѣющихъ отношеніе къ печати.

IV. Извѣстія и замѣтки—о различныхъ событияхъ и случаяхъ въ книжномъ мірѣ; о дѣятельности ученыхъ обществъ, о съѣздахъ, ученыхъ экспедиціяхъ и т. п. Протоколы засѣданій ученыхъ обществъ.

V. Смѣсь. Мелкія замѣтки, имѣющія отношеніе къ книжному дѣлу и бібліографіи
Вопросы и отвѣты по бібліографіи.

Приложения: 1) Капитальнія изслѣдованія по бібліографії. 2) Лѣтопись русского книгопечатанія: распоряженія Правительства по дѣламъ печати, списки русскихъ книгъ и указатель статей въ періодическихъ изданіяхъ за истекшій мѣсяцъ, гоцсіа. 3) Книжныя новости антикварного магазина П. Шибанова и другихъ книгопродавцевъ.

Иллюстрація въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ: портреты, рисунки, снимки съ рукописей, книгъ, гравюръ, древнихъ картъ и т. п.

Объявленія о книгахъ и предметахъ, имѣющихъ отношеніе къ печати.

Журналъ будетъ выходить съ начала 1892 г., ежемѣсячно (каждое 15-е число)
вніжками in 8°, въ размѣрѣ отъ 4-хъ до 8-ми печатныхъ листовъ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ съ доставкой и пересыпкою	6 р. — к.
За границу.	7 р. — к.

На другие сроки подписка не принимается.

Цѣна номера въ отдѣльной продажѣ — р. 75 к.

Кромѣ того для юбителей будетъ печататься 50 нумерован-

ныхъ экземпляровъ на лу шой бумагѣ. Цѣна такому годо-

вому изданію съ доставкой и пересыпкой 15 р. — к.

Подписка и объявленія принимаются въ главной конторѣ редакціи (Москва, Петровская линія, Антикварная книжная торговля П. Шибанова), и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы. Гг. иногородные благоволятъ обращаться исключи-
тельно въ Москву въ главную контору редакціи.

— 1 — Редакторъ А. Н. Соловьевъ. Издатель П. П. Шибановъ.

Открыта подписька на 1892 г. (66-й годъ изданія)

„ОДЕССКІЙ ВѢСТИНІКЪ“

газета политическая, литературная, экономическая и коммерческая.

Выходитъ ЕЖЕДНЕВНО, не исключая понедѣльниковъ

Въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ ежедневно помѣщаются:

1) Телеграммы общія.	3) Передовые статьи по внутренней и
иностранный политикѣ.
2) Телеграммы коммерческія.	

- 4) Газетное обозрение.
 5) Маленькая хроника (феольетон, заметки на злобы дня).
 6) Внутренний извѣстія.
 7) Иностранный извѣстія.
 8) Мѣстная хроника (одесская и южно-русского края).
 9) Корреспонденціи (русскія и загран.)
 10) Искусство и литература.
- 11) Судебная хроника (общихъ и военныхъ судовъ).
 12) Отголоски (летучія замѣтки по разнымъ предметамъ).
 13) Смѣсь.
 14) Феольетонъ (литературный, научный, беллетристический и другія).
 15) Торговая свѣдѣнія.
 16) Справочный отвѣтъ.

Для иллюстраціи статей обѣ особо выдающихся лицахъ или фактахъ въ „Одесскомъ Вѣстнике“ печатаются портреты и рисунки, относящіеся къ событиямъ дня.

Условія подписки

для многородныхъ съ пересылкой и въ Одессѣ съ доставкой:

на 12 мѣсяцевъ 12 р. — к.

“ 6 “ 7 р. — к.

“ 3 “ 3 р. 75 к.

Всѣ новые подписчики „Одесского Вѣстника“ на 1892 г., подписавшіеся на срокъ не менѣе 3-хъ мѣсяцевъ, получать, и всѣ номера за 1891 годъ, со дnia поступленія подписки.

Кредитъ допускается: для частныхъ лицъ по соглашенію съ Главной Контрольной, а для лицъ, служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ за поручительствомъ ихъ казначеевъ.

Разсрочная подпись платы допускается для годовыхъ подписчиковъ: 1) по полугодіямъ съ платою по 6 руб. не позже 1 января и 1 июня; 2) по третамъ года по 4 руб.: не позже 1 января, 1 апрѣля и 1 Августа и 3) по четвертамъ года по 3 руб.: не позже 1 января, 1 марта, 1 июня, и 1 сентября.

Разсрочка даетъ возможность лицамъ съ ограниченными средствами уплачивать подписные деньги частями безъ лишней приплаты противъ годовой цѣны.

Адресъ Редакціи и Главной Конторы: Одесса, уголъ Пушкинской и Поляцкой д. Кассо. № 14.

— 2 —

Редакторъ *M. Аркомъль*.

Издатель *B. Кирхнеръ*.

БИБЛІОГРАФЪ

1892.

ИЗДАНІЕ ПЕРІОДИЧЕСКОЕ

Годъ VIII

(12 №№ въ годъ).

Ученымъ Комит. Мѣста Народн. Просв. рекомендованъ для основ. библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ.—Учебныхъ Комит. при Св. Синодѣ одобрено для приобрѣтенія въ фундаментальныя библиотеки духовныхъ семинарий и училищъ.—По распоряженію Военно-Учебного Комитета помѣщенъ въ основной каталогъ для офицерскихъ библиотекъ.

Отд. 1-й. Исторические, историко-литературные и библіографические материалы-статьи и замѣтки; разборы новыхъ книгъ; история, теорія и практика книговѣдѣнія библіотечное, издательское и книжноторговое дѣло прежде и теперь; хроника книговѣдѣнія. Вопросы и отвѣты.

Отд. 2 й (справочный). Лѣтопись книгопечатанія: 1) каталогъ новыхъ книгъ, 2) указатель статей въ периодическихъ изданіяхъ; 3) Rossica (указатель иностраннѣи сочиненій о Россіи); 4) правительственные распоряженія по дѣламъ печати; 5) библиографическая извѣстія и объявленія.

Съ основанія „Библіографа въ немъ принимали участіе:

В. А. Алексѣевъ, И. Ф. Анненскій, А. И. Барбашевъ, проф. Н. И. Барсовъ, Я. Ф. Березинъ-Ширлевъ, проф. К. Н. Бестужевъ Рюминъ, В. Ф. Бояновскій С. Н. Брайловскій, С. К. Буличъ, И. В. Быковъ, Е. А. Бѣловъ, Н. Н. Вакуловскій, А. Васильевъ, К. П. Галлеръ, Н. В. Губерти, И. В. Дмитровскій, В. Г. Дружининъ, проф. М. А. Дьяконовъ, И. И. Зингродзскій, А. А. Ивановъ, Е. П. Кавелина, проф. Н. И. Карьевъ, Д. Ф. Кобеко, И. А. Колеко, М. А. Куплетскій, проф. А. С. Лаппо-Данилевскій, Н. Ф. Леонтьевъ, И. А. Ливиценко, Н. Н. Лихачевъ, Х. М. Лопаревъ, акад. Л. Н. Майковъ, А. И. Малеинъ, В. И. Межевъ, графъ Г. А. Миорадовичъ, А. Е. Молчановъ, И. Я. Морошинъ, Н. Н. Огюбинъ, проф. С. Ф. Платоновъ, Н. И. Позняковъ, С. И. Повомаревъ, С. Л. Пташицкій, Э. Л. Радловъ, А. И. Савельевъ, А. А. Савичъ, А. Ф. Селивановъ, С. М. Середонинъ, проф. А. И. Соболевскій, С. Л. Степановъ, В. Н. Сторожевъ, А. А. Титовъ, И. Ф. Токмаковъ, П. М. Устимовичъ, Н. Д. Чечулинъ, И. А. Шляпкинъ, проф. Е. Ф. Шмуруло, Д. Д. Языковъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за годъ: съ дост. и перес. въ Россіи 5 р., за границу 6 р.
отдельно нумеръ 50 к., съ перес. 60 к.

Плата за объявленія: страница—8 р.; $\frac{3}{4}$ стрн.—6 р. 50 к.; $\frac{1}{2}$ страницы—4. р. 50 к.
 $\frac{1}{4}$ страницы—2 р. 50 к.; $\frac{1}{8}$ страницы—1 р. 50 к.

О новыхъ книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются
бесплатныя объявленія или помѣщаются рецензіи.

Подписка и обставленія прививаются въ книжномъ магазинѣ „Нового Времени”—А. Суворина (Сиб., Невскій просп., д. № 38). въ редакціи. Кроме того подписка принимается во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжкахъ магазинахъ.—Гг. ино-
городніе подписчики и заказчики объявлений благоволятъ обращаться непосредств-
енно въ редакцію

—2— Адресъ редакціи: Сиб., Забалканскій (Обуховскій) просп., д. 7. кв. 13.

ЗАРЯ

большая иллюстрированная политическая, общественная и лите-
ратурная газета

будетъ выходить съ 1-го января 1892 года по два раза въ недѣлю, въ объемѣ
2-хъ—3-хъ листовъ въ каждомъ №, съ рисунками, портретами и картинами, съ еже-
мѣсячными литературными и художественными приложеніями.

Цѣль изданія—соединить въ себѣ политическую газету и литературный жур-
налъ. Въ ежедневныхъ газетахъ читатели получаютъ массу сырого матеріала, въ
которомъ не легко разобраться, въ особенности вслѣдствіе постоянно встрѣча-
ющихся противорѣчий. Общественная и политическая жизнь приняла сложныя формы

и въ своемъ быстромъ течениі осложняется все болѣе и болѣе; въ нее входить новые факторы, новые силы, съ которыми уже приходится считаться. Въ настоящее время уже не любознательность, а необходимость требуетъ отъ каждого гражданина ориентироваться въ томъ, что совершаются въ его отечествѣ и въ мірѣ, и эта необходимость сознательного отношенія къ общимъ вопросамъ жизни становится все настоятельнѣе, все полнѣе, распространяется все далѣе и далѣе въ глубь народной массы.

Этими соображеніями выясняются задачи изданія, подобнаго газетѣ „ЗАРЯ“. Выполненіе этихъ задачъ—трудъ тяжелый, въ особенности у насъ, гдѣ печать поставлена въ совершенно исключительныя условія, являясь единственной почти выразительницей общественныхъ и народныхъ нуждъ. И мы не беремъ на себя смѣлости утверждать, что „ЗАРЯ“ всецѣло выполнить намѣченную нами программу. Мы считаемъ достаточнымъ сказать, что „ЗАРЯ“ будетъ всими силами и средствами стремиться въ тому, чтобы внести въ жизнь русской семьи общечеловѣческія идеи правды, добра и красоты и ясное, сознательное, справедливое отношеніе ко всѣмъ выдвигаемымъ текущую жизнью вопросамъ. Говорить только правду, снимать маску со всякой лжи, ратовать противъ всякаго угнетенія, произвола и насилия, радоваться каждому проявленію свѣтлой мысли, свѣтлаго и честнаго чувства, всецѣло и беззагѣтно служить тому, чтобы приблизился часъ разсвѣта,—вотъ все, что мы можемъ объѣщать нашимъ читателямъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

на газету „ЗАРЯ“ со всѣми приложеніями,
съ пересыпкой во всѣ города Россіи и доставкой:

НА ГОДЪ 6 РУБ., НА ПОЛГОДА 3 РУБ., НА 3 МѢСЯЦА 1 РУБ. 50 КОП.

Газета можетъ быть выслана съ наложеннымъ платежомъ, съ прибавленіемъ 30 коп. на почтовые расходы.

Допускается разсрочка платежа на всякихъ условіяхъ, которыхъ подписывающійся призываетъ для себя возможными.

За границу: на годъ—10 руб., на полгода—5 руб.

ТРЕБОВАНІЯ АДРЕСОУ ГСЯ: въ Главную Контору газеты „Заря“,—Москва, Петровка, домъ Кредитнаго Общества, при типографіи И. И. Родзевича. —2—

Разосланы подписчикамъ

36 И 37 ВЫПУСКИ

НАСТОЛЬНОГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

изданія Т-ва А. ГАРБЕЛЬ и Ко въ Москве, Тверская, Б. Гибѣдниковскій пер.
домъ Мартыновой.

Объясненіе словъ (Ерунда—Збручъ).

Подписька продолжается только до выхода 50 выпуска. Отдельные выпуски продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Въ канторѣ имѣются для продажи еще

слѣдующія изданія: Завоеваніе Алжира, Изъ жизни животныхъ, — 30 коп. съ перес. Программы для среднихъ учебныхъ заведеній сост. Горбуновъ — 50 к. Временные правила для волостныхъ судей, гдѣ введеніи Земскіе Начальники — 50 коп.

Лиць — желающихъ выписать словарь наложеннымъ платежомъ, контора и. ч. по-корѣйше просить высыпать на почтовые расходы на 1 руб. почтовыхъ марокъ, и зачтутся въ счетъ уплаты.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ
на ежемѣсячный общепедагогический журналъ для школы и семьи
,РУССКАЯ ШКОЛА“.

Въ теченіи 1891 года въ „Русской Школѣ“ напечатаны между прочимъ слѣд. статьи: 1) Страшилка изъ исторіи воспитанія въ Россіи конца прошлаго вѣка. Изъ воспоминаній А. П. Степанова; 2) Изъ моихъ школьніхъ воспоминаній А. А. Фета; 3) Забытый міръ (изъ пансионскихъ воспоминаній). П. В. Засодимскаго; 5) Начальное образование и народныя училища въ Зап. Европѣ и въ Россіи въ XIX вѣкѣ. Н. Х. Весселя; 5) Импер. Марія Феодоровна въ ее заботахъ о Смольномъ институтѣ. М. И. Радомской; 6) О мѣрахъ къ ограниченію распространенія заразныхъ болѣзней въ школахъ. Проф. Н. И. Быстрова; 7) Душа ребенка въ первые годы жизни. Проф. Н. И. Лавге; 8) Механизмъ вниманія. Его-же; 9) Что такое общее образование? Проф. Н. И. Карцева; 10) Педагогическая и филосовская подготовка учителей среднихъ учебныхъ заведеній. М. И. Демкова; 11) Современная французская идея о воспитаніи, П. О. Каптерева; 12) Картинки семейнаго воспитанія. А. К. Молотова; 13) Что такое дѣтская книга и дѣтскій журналъ и чѣмъ они должны быть. К. Н. Модзалевскаго; 14) Дѣти и итицы. Проф. Д. Н. Кайгородова; 15) Отношеніе семьи и школы къ вопросу о репетиторствѣ. М. И. Крыгина; 16) Къ вопросу объ обремененіи учениковъ нашихъ гимназій. Я. Г. Мора; Къ вопросу о переутомленіи учащихся. С. А. Будаевскаго; 18) Профессиональная школа и подъемъ отечественной промышленности М. Л. Песковскаго; 19) Цѣль и средства преподаванія низшей математики. С. И. Шокоръ-Троцкаго; 20) Къ вопросу о преподаваніи естественныхъ наукъ въ специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Проф. П. Ф. Лесгата; 21) Преподаваніе географіи въ послѣднее пятидесятилѣтіе и желательная постановка этого предмета въ нашихъ средневучебныхъ заведеніяхъ. А. И. Пуликовскаго; 22) очерки частной инициативы въ дѣлѣ народного образования въ Россіи. Я. В. Абрамова; 23) Народное образование въ Московской губерніи. И. П. Бѣлоконскаго; 24) Народное образование въ Восточной Сибири, Его-же; 25) Къ вопросу о значеніи и задачахъ русской народной школы. А. М. Тютрюмова; 26) Специальный практическія задачи русской народной школы. Н. А. Феликовса; 27) Какія училища нужны для Петербурга К. К. Сентъ-Илер, 28) Къ вопросу о журналахъ для народа и народной школы. А. М. Калмыковой; 29) Къ вопросу о книгѣ въ жизни нашихъ дѣтей и юношества (Разборъ девяти новыхъ книгъ для дѣтскаго чтенія). Ея-же.

Въ вышедшихъ книжкахъ помѣщены также рецензіи на педагогическія сочиненія, брошюры и руководства, дано обзорѣніе наѣсолькихъ педагогическихъ жур-

начовъ, иностранныхъ и русскихъ за 1890 г., рядъ статей по хроникѣ школьнай жизни въ Германіи и въ Россіи и наконецъ библиографический указатель педагогическихъ сочиненій, учебниковъ и книгъ для дѣтскаго и народнаго чтенія, вышедшихъ съ 1-го ноября 1890 г. по 1-е июня 1^о91 года.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (уголъ Лиговки и Басейной, гимназія Гуревича) и въ главныхъ отдѣленіяхъ конторы: въ книжныхъ магазинахъ Карбасникова, „Нового Времени“, а также и въ книжномъ складѣ А. М. Калмыковой. Подписанная цѣна въ Петербургѣ безъ доставки—шесть руб. въ годъ; съ доставкою шесть руб. пятьдесятъ коп., для иногородныхъ съ пересылкою—семь руб. Гг. учителямъ и учительницамъ сельскихъ и начальныхъ городскихъ школъ дѣлается съ подписной платы одинъ руб. уступки.

—2—

Редакторъ-издатель Я. Г. Гуревичъ.

салемъ. Алексѣйца послалемъ въ Роменъ, а казалемъ ему взять оттуду сюда вина у 4 бутылкахъ, виходокъ (?) корѣни и сюда привезти Хелкидоцкого, а до родителки послалемъ папѣрковъ два, пургуючаго и потного лѣкарствъ. Лѣкарство на ишохондрію нача-лемъ у вечеру братъ.

26. П. Василь, сотникъ наказний глинскій, пріехалъ у Луку. П. Андрѣй, послѣ прошку пургуючаго, якого ему зъ алтечки да-лемъ скрунуловъ З, мѣль *sedes* З. Капитанъ 9 роти полку Інгер-моланскаго, рано бувши у менс, сказалъ, что прійшолъ указъ въ нему—остоятись тутъ у Луцѣ, а далѣй не ити, а то для того, что всему полку стать по надъ Днѣпромъ, въ Чигириндуровѣ, Верен-їевцѣ и другихъ селахъ, казано. Послалемъ листъ до коровау-скаго старости, жеби бранокъ овецъ 100 и барацовъ 20 прислаль у Сухоносовку; а черезъ козака глинскаго писалемъ листомъ до Сухомузкаго и Орановскаго, чтобъ они зехали къ Томари для ос-мотру футора и слободки Семеновки продаемихъ; особливежъ до ег Орановскаго цедулою писалемъ о господарскихъ разныхъ интересахъ. Староста лучанскій повернувшись зъ Дохвицѣ, оказалъ что у Нещеретовомъ лѣсѣ половлені злодѣе, зъ 6 конми и З мѣхами соли и били въ доцросѣ. У старости позичивши гропей З копи, послалемъ сторожа лубенскаго въ Прилуку, зъ листомъ до п. Фе-дора, а казалемъ ему купить цукру голову, картъ 2 и 2 фунти родзѣнокъ свѣжихъ. Соколничій зъ конми пріехалъ зъ Ромна. Ему же, сторожеви, казалемъ ворочающись, заехать до сотника срѣбран-скаго зъ писмомъ моимъ, въ якомъ прошеніе о визначенію кляви-кордовъ выражено. Въ Роменъ до самой писалемъ о присилцѣ сюда полуимисковъ и Алексѣя пѣвчаго.

27. Гудимъ пріехалъ зъ Ромна зъ листомъ родителскимъ и привезъ вина З бутылки и 4 полуимиски цѣни. Черезъ козака чор-нускаго послалемъ въ Чорнухи, до сотника наказнаго чорнускаго, отвѣтъ на листъ его писанній о тертицяхъ мѣскихъ Янковскимъ затраченнихъ, жебы отшукать. Туды же послалемъ листъ до Ора-новскаго и въ ономъ включенній другій листъ до Томари, о томъ чтобъ позволилъ имъ осмотрѣть продаемого футора писанній, и тре-

тій листъ до атамана лубенскаго, о сливахъ, кущикахъ, которихъ достать 1000. Трембачъ Петро юсковскій привезъ письмо отъ правителей зъ Глухова, чтобъ до его утрати биль причетнимъ атаманъ юсковскій. Атаманъ глинскій суплѣковалъ о своей дочерѣ, сѣдячай въ вязеню за безчиніе.

28. Солдатъ пріехалъ зъ Глухова зъ указомъ колежскимъ, въ якомъ выраженно тое, что въ добавку еще въ поле лубенскій регламентовъ и экземпляровъ о содержаніи овецъ прислано 4485, которое давать би имъючимъ овци до 50 числа, а не меншъ, и зъ росписками, которое въ колегію присылать би; и оній солдатъ отсюду отправленъ въ Роменъ зъ листомъ и зъ тимъ же указомъ до правителей, чтобъ они отобрали оніе регламента, рапортовали доношеніемъ колегію черезъ него. Зубко, молодицъ родителскій, поехаъ въ Глуховъ, а писалемъ черезъ него до родителки о моемъ тутъ до вовторка медленіи; да самой—о зробленню 20 завѣсь до дверей и о сафянѣ—пошить мнѣ двѣ пари чоботъ; а до правителей листъ приложилемъ лохвицкого сотника Гамалѣи, писанній зъ Цариціна, чтобъ росписали по сотняхъ, даби утѣкаловъ новихъ въ вязеню брали и увѣдомляли би насъ, если где обищутся. Такъ же и о цигану Федору, даби онъ въ Глуховъ ехалъ за циганскимъ атаманствомъ, буде похочеть, а передомъ ко мнѣ пріехалъ бы¹⁾. Глинскій Василь отехалъ на время въ Глинскъ, а въ пятокъ мѣль бити. Григорій Андрющенко лохвицкій явился зъ листомъ правителскимъ о учиненю зъ попа сатисфакцїи, котораго въ Роменъ зъ тимъ отправилемъ, же тамъ будуть судить. Самойловичъ прилуцкій зъ жителемъ зъ Ісаиемъ Фукаломъ явились и декретъ, данній въ Ромнѣ, презентовали въ справѣ ихъ. Войтъ лохвицкій, бувши тутъ, донесъ, что злодїи поймани и бѣ коней, а давнїйшій у Цися се-мій, которихъ зъ розискомъ въ Роменъ посыдать. Брать и. Андрѣй вернулся зъ мисливства дводневного и привезъ болшъ 20 зайцовъ.

29. Фукало и прилуцкій Самойловичъ, взглядомъ шабль укра-денної у Фукала, помирились и мировое дали мнѣ доношеніе. Зъ

¹⁾ См. статью г. Плохинскаго—Цыгане Старой Малороссии, въ Этнографич. Обозр. 1891 г.

Ромна писма принесени отъ писара Савѣцкого о томъ, же о чомъ и обозній писаль 21 сего октовор.; отъ родителки, о здѣланію кошари на бранки въ Андрѣевцѣ. Писалемъ въ Глинскъ до п. сотниковой о сливахъ 500. Зъ Чорнухъ подано письмо о знайденіи грошахъ 3 рубляхъ, жеби на церковь, а не чолобитчику отдать. Алексѣецъ повернулся зъ Ромна; о Алексѣю Хелкідоцкомъ хоруючомъ донесль. Отъ лукомского сотника писмо о Петру крамару, убійцѣ, проявившомся. До Ромна къ самій писалемъ о 2 коняхъ, мѣючихъ зъ Лохвицъ прислатись. Гудимъ молодикъ отклонился и отехалъ въ Рочень. Целулу родителскую, о здѣланію кошари, старостѣ тутейшому лучанскому далемъ и велѣлемъ въ оной выраженное исполнить. Полковникъ Шереметевъ прибуль на свою квартиру въ Лохвицю.

30. Сторожъ лубенскій зъ Прилукъ повернулся и привезль картъ пару и цукру голову канарскаго у шесть фунт. Ему же доплатить грошай казалемъ хлопцеви пол. 6 шага. Онъ же привезль отъ пана Федора писмо и въ писмѣ включеніе тестаментъ покойнаго п. судіи прилуцкого о селѣ Перервинцахъ и листъ его же до родителя писанній о футорѣ Перервинскомъ. Зъ Чигириндуброви козакъ подаль листъ отъ тамошней старшины о томъ, что 4 роти Інгерманского полку, туда пришедшіе, сами беруть у людей сѣно и дрова, также дошки байдачніе и кажутъ на раскатахъ у городѣ караули и пушки туда звозити. Федоръ, циганъ роменскій, прѣхалъ взглядомъ атаманства циганскаго. Надзиратель Нелидовъ билъ у мене и вечераль. П. братъ Андрѣй повернулся зъ мисливства, где поймалъ зайцовъ 30 и лисицъ 2. Обозній повторне писмо прислаль ко мнѣ о томъ же, о чомъ и 21 сего октовор. Цилюрикъ Ходецкій зъ Ромна зъ пявками прїехалъ. Пересталемъ пекгулокъ братъ. Отнисалемъ на писма, до лукомскаго—о Петру Кривомъ, что велено о ему розискать атаману лубенскому и Григорію Котляренку, а Мартиневскую, злѣгнууюся зъ овчаремъ, а пойманную, отпустить на поруки; обѣ обидахъ себѣ отъ Кодинца и Даця чинячихся, жеби суплѣку написаль, а не картки. До Чернуского отнисалемъ, зсилаючись на словесное мое предложеніе, о грошахъ,

если нема доводу, то отказать и чтобъ писмо до Орановского послать певнымъ кимъ, которое писано о зеханю его въ Перервинцѣ и переписѣ всего. До чигир., что о всемъ томъ писано до Чернаховскаго комисара, жеби было имъ учинено облегченіе, о чомъ и до Чернаховскаго писанъ жъ и листъ ихъ приложенъ для извѣстія. До обозного отписалемъ, что ложне хтось доносиль прокурору, же будто скаржившимся до господина Румянцева на родителя, награжденіе не учинено, ионеже Рубашному зол. 100 отложено и теперь на ратушѣ лежать, а ему не отдано за его отлученнемъ; Богданенку наказано часть старостѣ, а часть людямъ токаровскимъ заплатить, да кудась онъ и повѣялся, то можетъ бить затимъ и не взяль грошей тихъ; Ющенковой Данилисѣ—зол. 100, вместо милостини, хоть и кутия фундаменталная есть; а перекоповскій козакъ, скаржившійся, неявился. Окончилемъ зъ тимъ, что еслибы праведно и безпристрастно сужено было, тобъ лутше и полезай на сторону родителскую показалось. Братовая п. Андрѣева поѣхала въ Роменъ.

31. Павки, лѣкарство пріймалемъ. Листи, вчорайшого дня пописанніе, отправилемъ, опрочь до обозного отписанного. Сторожъ, до маіора Кологривова зъ листомъ о баранахъ посыпанній лохвицкій. повернулся, не винаймовши его въ Сумскомъ полку нѣгде. Отъ старости короваюскаго получилемъ листъ отвѣтній, что бранокъ овецъ 100, а барановъ 20 отослалъ въ Сухонсовку. П. Василь глинскій пріѣхалъ зъ Глинска, а сказалъ, что розродилася Федору Зарудному вчорайшого дня Анастасія. Отъ канцеляристи Троцкого пріѣхалъ зъ листомъ слуга его, въ якомъ пишеть о курѣнчикахъ, въ Лазуркахъ себѣ отъ правителей опредѣленнихъ, и о футорянахъ, въ Лубнахъ жиющихъ, даби ихъ старшина не обѣтяжали грабежами. Кошю указу сенатскаго, до старшины енер. писанного, прислалъ о нарядѣ бунчуковыхъ къ Гилянъ и приданку къ нимъ 1500 или 2000 козаковъ, на пришлое 1725 лѣто. Іосифъ Василиченко пріѣхалъ сюда и знову отехалъ за инструкціею, данною ему, о переписѣ господарей, имѣющихъ свои овцы, чтобъ сюда оную привезти ко мнѣ. Зъ и. Василемъ глинскимъ сторговалисмося за конѣ вороніе въ 120 зол.

Ноевр. 1 неделя. Листъ до обозного, отвѣтній на его писмо 21 октовор. врученное мнѣ, послалемъ. Брать и. Андрѣй поехалъ въ Роменъ. Отцемъ Федоромъ лучанскимъ и. Зарудній уличенъ зосталъ, что въ его пиль горѣлку. Комисарь пол. Черняховскій бувъ и о жестокости полковника Шер. говориль. На листъ Савѣцкого писара, о томъ же, о чомъ и обозній писалъ, писанній отвѣтъ, та-ковій же якъ и до обозного, послалемъ въ Глуховъ. Такжѣ и до Василя господара писалемъ, отвѣтующи на его писмо и предлагаючи, чтобы онъ повсякій тиждень мене увѣдомляль о тамошнихъ поведеніяхъ. Особливо о садовнику, винницѣ, млинахъ и грошихъ, а барзѣй о листѣ моемъ до господина брагадира писанномъ. До отца Фоми писалемъ о томъ же інтерессѣ, якій въ листѣ къ обозному вираженъ есть.

2. Петра трембача зъ писомъ до сотника наказ. лукомскаго отправилемъ, чтобы онъ противъ его суплѣки, якая тамъ же вклю-чена, розискалъ и если возможно его зъ атаманомъ юсковскимъ привель до помѣрковання; буде же нѣть, то прислаль би обидвѣ сторони въ Роменъ. Ему жъ далемъ и другое писмо до Григораша, чтобы зъехавши въ Городище, розискалъ о пожару учинившомся въ домови тамошнаго сотника, яковій суниплѣкуетъ произшедшій бити отъ Саганки. И. Василь глинскій отехалъ, которому о сли-вахъ говорилемъ. Цись приехалъ въ Лохвицю и ознаймилъ о 6 коняхъ, посланпихъ въ Роменъ, а о самомъ, мѣючомъ сюда въ Луку прислатись, и отехалъ знову. Черняховскій, комисарь полко-вій, отехалъ въ Роменъ выправлять провіянтъ и фуражъ въ Чигириндуброву, куда и полкъ Інгерманланскій рушилъ на винтерквар-теру. Писалемъ до глинского и. Василя у вечеру, чтобы прислаль для подему моего санѣ сюда. Тогда жъ и до роменской старшини писалемъ о учиненіи порадку подъ нинѣшнє ярмарковое время и управлениіи справъ всякихъ.

3. Зъ Глинска санѣ привезли. Велѣлемъ старостѣ двѣ кадки зробить, одну у 40, а другую у 60 квартъ. Старостѣ лучанскому говорилемъ, что мѣль конь присланъ бити отъ Цися, и о другимъ чтобы присланъ билъ, казаломъ. По обѣдѣ виехалемъ зъ Луки и

не доеждаючи Токаровъ, стрѣтилсѧ зъ обознимъ, которій мнѣ показовалъ термъну листу до прокурора писанного о члобитчикахъ родителскихъ. Пріехавши въ Токарѣ, видѣлемъ коней своихъ тамъ стоячихъ 26. Староста приблудившихся двохъ буланихъ коней, до футора Артополотскаго, показовалъ носатихъ чили зорозуючихъ¹⁾). Виехавши оттуду, пріехалемъ у футоръ Артополотскій, где кобиль двѣ моихъ гнѣдихъ и лоша подпалое видѣлемъ. На ночь пріехалимъ въ Андрѣевку.

4. Рано зъ Андрѣевки къ Ромну виехалимъ, а на дорозѣ подаль мнѣ листъ козакъ перекоповскій отъ отца Софѣцкого зъ Кіева, о его помислной тамъ гостинѣ. Пріехалемъ въ Роменъ передъ службою. Бувъ прaporщикъ Інгермоланскаго полку, пріехавшій за провіянта отправкою къ Чигириндуровѣ. Комисарамъ полковимъ велѣленъ диспозицію учинить въ сотнѣ роменской. Щековскаго полку отъ прaporщика, пріехавшаго конѣ покупать, приходилъ вахмистръ, требуючи сѣна для коней. Алексѣеви Холкидоцкому далемъ коней рижострокатихъ 2, должнихъ за клавицимбаль на Москву въ его взятій. Подводъ сухоносовскихъ 6 воловихъ въ Роменъ пришли, а на нихъ сира куховъ 4, масла фасокъ 10, да дробини поголовя (?) 50, що все на Засуллю Алексѣїцеви зложити казано, а подводи отпустить назадъ и на нихъ кухву горѣлки въ Сухоносовкѣ послать. Швецъ Лысій паръ двѣ чботъ мнѣ зъ сафяна викроилъ. Коней 6 зъ Дохвицѣ присланнихъ и 2 мѣшки соли.

5. Юско Зубко подалъ мнѣ указѣ зъ вой. енер. кан. о прислкѣ двохъ мѣщанъ до пріему провіянта и надсмотрщика надъ ними значкого товариша; особливо листъ отъ Столповскаго зъ комплементомъ. Отъ Бяловскаго, о указѣ п. п. бунчуковимъ въ Гилянѣ готоватись. Отправилемъ въ Глуховъ писма: 1) до швакгровъ, о доношениі, жебы оное сочинилъ Бяловскій о ланцужку моемъ, 2) до Бяловскаго, о томъ же и о указѣ; 3) до Троцкого, о томъ же указѣ; до Василя господара, о поведеніяхъ господарскихъ. Писмо отвѣтное до п. Павловой отправилъ, чтобъ сюда пріехала въ Роменъ,

¹⁾ Золозуючихъ?

зъ Бабакомъ, для поради, якъ его въ Глуховъ отправить въ дѣлѣ
еи зъ Кочерженкомъ. Воротелякъ Петро явилася зъ Шлюсска, пріѣ-
хавши и дзиїгарицъ мой направленій привезлъ, за которой далъ
тамъ 4 таляр. битихъ безъ чвертки, а копѣйками полъ 8 копи.
Антонъ принюсь книгъ двѣ, въ Кіевѣ купленнихъ: 1) октоихъ и
ярмодойчикъ, а третью русскую, позиченню отъ мене отцу ректору,
алкоранъ.

6. Ездилемъ на Засулле, где коней злодѣйскихъ лохвицкихъ
3 казалемъ Алексѣйцеви взяти, а 3 оставити; еще жъ въ Лохвицѣ
у Цися отобрать 2 казалемъ, а его вишравлемъ разставити конѣ
въ Бурумцѣ всѣ, оставивши тутъ тилко въ Токарахъ четверенъ 2,
сивого и царичанского и возовихъ 10, итого 20. Ему же позво-
лилемъ продать скиртъ зъ 10 сѣна, роменцамъ, зъ нимъ же для
тоей куплѣ поехавшимъ туда на Кривую Руду, якое на 9 роту
мѣютъ отдавать. Слѣпій сенецкій, бувши у мене зъ листомъ прави-
телскимъ его оправдающимъ, отпущенъ въ домъ зосталь. Яковъ Лит-
вишко приходилъ ко мнѣ зъ реестромъ доводящихся денегъ въ казну
отъ родителскихъ добре, болшъ 50 р. Комисари полковіе отехали
отсюду въ Лохвицю. Зъ Чигириндубротской сотнѣ тамошній сторожъ
привезлъ доношеніе и вѣденіе о принятыхъ регламентахъ и екземп-
лярахъ о содержанії овецъ предлагающихъ. П. Селецкій, сотникъ
дѣвицкій, пріехалъ зъ Сулаку въ Роменъ и подаль писма до ясне-
вел., брегадира и мене писанніе, зъ которихъ въ послѣдномъ вира-
женно, что принцъ грузинскій, уходя преслѣдованія отъ Порти ота-
манской, удался подъ протекцію всемилостивѣйшаго нашего государя,
а съ нимъ всей компании, зачисляя епископовъ 6, архимандритовъ
14 и прочіихъ монаховъ и служителей всѣхъ и женской полъ 1185.

7. Манджось Григорій бувъ у мене и сказалъ про сегнѣтъ, что
жидови робити далъ. Онъ же и мѣнуціи мнѣ на прошлій годъ при-
нюсь. Отецъ Савѣцкій пріехалъ зъ Кіева, новоустроенъ протопопою
Роменскимъ. Онъ же привезлъ указъ архіерейскій освятити церковь
ст. Николая и отца Іоанна паки намѣстникомъ устроити. Зъ се-
нечкою еонѣ прислані утѣкачи, которихъ знову отослано туда жъ,
а ведено ихъ подъ арестомъ держать. Бывшій комисаръ полковій

Вишневскій, бувши у мене, подалъ на писмѣ, что у его денегъ 48 руб., на неналичныхъ взятихъ. Сотникъ дѣвицкій п. Селецкій отѣхалъ въ Дѣвицу. Зъ Глинска въ Глуховъ послано сливъ венгерскихъ 270, а черешень 80. Черезъ сторожа лохвицкого послани листи до брегадира и ясневелмож. родителскіе зъ Сулаку, и мои, и до п. Скоропадскаго, обѣ интересѣ человитчиковскому, разговоренномъ отъ прокурора обозному. Рондзѣкъ старій чорнай разобрали на новій, ременъ чили тясму обсадить, а въ немъ штучокъ всѣхъ малихъ и великихъ 145, а додѣлатъ потреба хвостиловъ 8, штучокъ малихъ 2, пуклинъ 1, на носѣ наконечникъ 1, и того всѣхъ имѣть бить штучокъ 157. Романови реестръ данъ покупокъ разныхъ и у войта велено позичить денегъ. Григорашъ Губскій, наехавши на домъ писара Савѣцкого, где греки стояли, поссорился зъ ними и побился, чего ради зъ жалобою кгреки приходили ноччу.

8. Неделя. П. Василь глинскій привююль коней воронихъ пару, въ Луцѣ сторгованыхъ за 130 зол. Прос(вя)щали церковъ ст. Николая, отецъ Савѣцкій зъ отцемъ Ioannomъ и отцемъ Стефаномъ службу Божью служили. Рано у мене бувъ надзвиратель Нелидовъ, зъ которимъ о 3 колахъ вешникахъ въ Луцѣ стоящихъ, говорилемъ. Черезъ Славѣнскаго отъ родителки писано до Михайла ревизора, въ Лохвицу, и до Стефана зборщика въ Лубнѣ, жеби въ казну за збори въ казну расплатились. До Василя господара въ Глуховъ писано, жеби прислаль сюда желѣза штабного пудовъ 3 на глинскихъ подводахъ. До Алексѣйца писалемъ, жеби верхового вороного коня отослалъ въ Коровай. Лоренцовъ, прикажчикъ хоружовскій, зъ женою своею бувъ у насть. Андрѣй Стаковичъ прїехалъ въ Роменъ и бувъ у насть и сказовалъ о грошахъ зъ Седнева и Чернѣцова повезеннихъ въ Глуховъ, при маюру Федору Кошелеву.

9. Отецъ Фома, протопопъ пѣратинскій, прїехалъ. Ходили по ярмарку и покутили дещо. Громѣчиха старая на сына своего Кирила дала сундукъ. Федоръ Зарудній зъ узваромъ прїехалъ, которого за уши рвали. Бутурлимъ, пяний, бивъ Василца нижника.

10. Воскъ нашъ проданъ зосталь, камень по 26 зол. и 5 коѣкъ, а воску всего было, по сказцѣ Романа, 15 камней и 8 фун-

това. Салогубъ прилуцкій приходилъ за своимъ зятемъ, тутъ въ полку начавшимъ теперь жить, жеби на его респектовать, поколь обживется. Гончаръ лубенскій привезъ двѣ статуи. Господинъ генералъ маоръ и маоръ отъ гвардіи Александръ Ивановичъ Румянцовъ, пріехавшій въ Глуховъ 3, виехалъ зъ Глухова 6 ноевр. въ Кіевъ, а оттолъ въ Цариградъ посломъ. Отъ Василя, господара, двократніе получилиемъ писма о тамошнемъ поведеніи, одно, черезъ козака, а другое черезъ сторожа Якима лукомскаго. Черезъ того же писмо отвѣтное отъ Троцкого о походѣ получилиемъ бунчуковимъ. Слугамъ розданни гроши на барму именно: Роману 15, Мартину 12, Тарасу 9, Вѣжевскому пол. 8 зол.; машталѣрамъ кожухи, чоботи и рукавицѣ. Здешнему сотникови указъ на писмѣ подъ штрафомъ далемъ, жеби козаковъ опредѣлиль до розсылки регламентовъ. У лазнѣ мился. Бутурлимъ пяний, рано прійшовши, фуріовалъ. Листовъ два отъ панеи Павловой и отъ мене до правителей о посылаючомся въ ея дѣлѣ Кирилу Бабакови за стряпчаго, составили. Отъ сторожа Якима, зъ Глухова пріехавшаго, извѣстилися, что сотникъ смѣловскій, виправленній зъ Сулаку зъ болѣниими, повернулся въ домъ свой.

11. До Василя господара писалемъ черезъ Парфененка глуховскаго, въ отвѣтъ на его писма, и о протчемъ домашнемъ поведеніи и чтобы даль мѣрнію пива пивакграмъ. До русановскаго старости о волу моемъ, зъ Куцупѣвщины туда приблудившомся, писалемъ, чтобы онъ видаль его намъ. До Горба писано, жеби жителя села Тарандинецъ успокоилъ и свой грабѣжъ 6 воловъ выкупилъ. Трембачи 3 явившись побились передъ нами, съ которихъ двохъ за тое за друкъ посажено. Гончареви лубенскому полтавляра далемъ и фарбъ рознихъ и 6 фунтовъ олова, на зробленне статуй, купили, а писалемъ до атамана лубенскаго, чтобы ему глини возвъ 3 зъ Комишной привезено, а до старости александровскаго, чтобы даль ему харчи: житной, гречаной и пшеничной, ему же и контэрфектъ (портретъ) п. судія прилуцкого данъ. Повторе до старшини лохвицкой писано, жеби присылали зборщика до провіянта, якъ надлежитъ зъ доношеніемъ. Отецъ Фома, протопопъ пѣратин-

скій, переписавши зъ себѣ зъ книги ст. Василія Вел. літургію его, отехалъ домой, которому чорную козлину купилемъ. Золотарь Бородатій взяль 140 штучокъ рондзѣка для позлоти, на которую ему купилисмо 6 лотовъ живого срѣбра. Кирило Бабакъ отправленъ въ Глуховъ въ дѣлѣ п. Павловой, черезъ которого писалемъ до Васила, чтобы онъ бувъ въ дворѣ, а конѣ его отосланыбы были зъ человѣкомъ его жъ въ Тулиголови. Да въ томъ же листѣ писалемъ о шаблѣ, данной шабельниковѣ, жеби отшукалъ оную. Получилемъ листъ отъ Орановскаго писанній о томъ, чтобы бувши онъ съ Сухомузкимъ въ селѣ Перервинахъ, зревѣдоваль тамошнє рѣчѣ, якихъ показалось именно; людей лутшихъ 23, а въ нихъ воловъ 30, а коней 4, а пѣшихъ 6, стада дрикгант. 9, клячъ 63 и другихъ коней, всѣхъ же числомъ 184, а воловъ рабочихъ 20, четвертаковъ и третяковъ 27, коровъ 25 и прочей скотини, которой всей зъ волами будетъ на 121, такъ же и прочаго дворового птаства, свиней, пашнѣ. Отъ атамана лубенскаго и Григорія Котляренка получилемъ писмо и інквизиціи о убійствѣ Петромъ лукомскимъ учинившомся, къ которому и самъ онъ повинился, только оное причитуетъ своего ума изступленію.

12. Отъ швакровъ зъ Глухова писма, и отъ Якова Дуброви зъ Смѣлого о томъ, что денегъ 100 зол. позиченихъ, не можетъ еще уплатити намъ, подані листи. Столновскій и Савѣцкій, писарь, пріехали зъ Глухова. Зъ Питербурху Іванъ Перехристенко пріехалъ и писма отъ иѣвичъ государинѣ імператрицѣ, оправдающіе Калѣвѣцкаго отъ клевети Васила Дейнеки, подалъ. Кузма, асаулъ артилер., зъ Лукомля пріехалъ и о тамошнемъ сотникови, прошедшаго пятка въ Лукомлѣ пріехавшомъ, говорилъ. Трембачи два, Никола да Новотний, наказаны за предерзости. Отправили писма: до Орановскаго, о зеханнію его въ Перервинахъ; до лубенской старшини, о Петру Крамару лукомскому, убійцу; до пѣратинскаго атамана, о войтови тамошнемъ, зъ наказаніемъ за его предерзости; до лохвицкой старшини, о допросѣ Нещерета въ дѣлѣ злодѣевъ. Надзоритель бувъ. Полтарацкій лѣкаръ пріехалъ въ Роменъ.

13. Сотникъ смѣлянскій пріехалъ въ Роменъ. Полторацкій

бувъ. Столповскій сватаныне себѣ зъ дочерю Манджосихи Григории учинилъ. Листъ послали черезъ лубенского сторожа до Славянского, о присилцѣ сливъ. Мартинъ молодикъ повернулся и на пробу привезлъ горѣлки простой, которая началась робитись въ Сухоносовцѣ прошлого (?). Козакъ глинскій, отпровадившій сливи въ Глуховъ, повернулся назадъ. Черезъ сторожа пѣратинского Божка писалемъ до п. Федора въ Прилуку, жеби присялъ мнѣ кошюреестру п. судії покойного и обявилемъ, же посылали въ Переяславъ и чтобъ присялъ мнѣ унѣверсали на оное селце п. судії даниє. Мартиномъ привезенни тулѣпановъ З и насѣння ихъ же въ красолѣ, отъ Милорадовичевої Стефанової. На рондѣкъ позолотити далемъ золотареви червонихъ два, якіе Верещацѣ казалемъ заплатить по 11 зол. Надзиратель зъ отцемъ Павломъ Свѣтомъ пробалякали и сили у насъ. Писаръ Савѣцкій, не сказавши, отехалъ зъ Ромна въ Луговики.

14. Вовка люде принесли. Грошей 100 рублей далемъ Верещацѣ Петру, зъ которихъ 300 зол. отдалъ церковныхъ должнихъ отъ мене, а 200 еще у его обрѣтаются. На сватаню у п. Столповскаго вечеромъ булисмо и просидѣли. Онъ же бувъ у мене и зъ хусткою кланялся.

15. Неделя. Гарбузъ машталѣръ пріѣхалъ зъ Токаровъ отъ коней за овсомъ, а тамъ коней стоять нашихъ—19, а злодѣйскихъ 3. Черезъ его до токаровскаго старости при писмѣ послалемъ 10 зол., на покупку овса, для тихъ же коней. Романъ молодикъ мой вчорайшого дня ушивши, внѣ ума билъ и теперъ болить. П. Петро Тарновскій, індукторъ, бувши у насъ принюсь око тютюну и голову цукру. Комаровскій рисовалъ многихъ на паперѣ. Зъ Глухова повернулся сторожъ лохвицкій зъ отвѣтними писмами ясневел. и брегадира о полученныхъ писмахъ родителскихъ. Получилемъ листъ зъ вой. енер. канц., жеби дать вѣденіе о селяхъ державскихъ за руками державцовъ, по якимъ крѣпостямъ оніе имѣютъ.

16. П. Петро, індуктаръ, присялъ ко мнѣ своего служителя о кухвѣ горѣлки взятой у Конотопѣ отъ тамошнаго фактора,

родителской, жеби взять оную. Укази листами послалемъ въ сотни о томъ, чтобъ старшина присыпали въденія о селяхъ державскихъ, почему оніе въ державѣ чіей обрѣтаются, за руками державскими. До чернуской старшини отписалемъ на ихъ листъ, жеби утѣкацовъ держали, козакамъ кгрунтовъ своихъ продавать не давали, и зборщикъ тамошній, бувшій зъ выборомъ давнаго долгу своего за войтовства его на людяхъ учинившогося, подождалъ до повороту родителскаго. До Горба Бурумскаго писалемъ, жеби сюда для ста-роства въ Луку пріездилъ. До Орановскаго писалемъ, жеби въ Винницѣ сухоносовской все устроено противъ порадку винничного Сухомузкого, такъ же о куплѣ лѣса и млина. Петро Верещака отдавши 300 зол. церковныхъ долгу, еще отдалъ п. Дяченку Василю зъ моихъ же грошай 271 зол. и такъ уже п. Василю все заплачено. Особливо онъ же отлѣчилъ п. Василю глинскому, пріехавшему теперь сюда, за кухву меду зборного, въ Глинску на мою потребу взятого, 88 зол. а за вороніе кони, у его же купленніе, отлѣчилъ же ему 130 зол. Онъ же п. Василь привезлъ грошай 25 зол. но сполна и отехалъ. Надзиратель приходилъ и говорилъ о подводахъ, подъ рибу до Глухова потребныхъ. Зъ мѣщечка Федко отлѣчилъ 7 копѣ грошай себѣ за камень верхній, въ Глуховѣ лежавшій, а до нашего млина взятій.

17. До Орановскаго писалемъ листъ и черезъ чернуского ко-зака послалемъ, въ которомъ включилемъ и облѣкъ Петра Іванова Свѣтлового зятя, отъ которого доводится намъ грошай 120 зол. Получилемъ отъ Булюбаша, сотника чигириндубр., писмо о чиня-чихся сотнянамъ тамопнимъ обидахъ отъ консистентовъ, и отписа-лемъ тогда же о томъ же и до полковыхъ комисаровъ писалемъ. До лубенской старшини писалемъ о присланню двохъ мѣщанъ въ зборщики до магазейну. У атамана требовалъ о суплѣку, взглядомъ протопопства. Въ Глинскѣ послалемъ мѣди фунтъ 157, на зроб-ленне казаповъ 3 винничныхъ, сороковыхъ съ трубами 9, эъ ко-торихъ въ каждомъ ваги булобъ по 9 фунт. Ломака поехалъ за тютюною десятиною и оному, жеби дано козака въ Глинскѣ, писалемъ.

18. Мѣди остатней зважили, ажъ показалось З каменѣ безъ двохъ фунтовъ. Стаковичъ зъ Дороженкомъ, бувши у мене, протестовались, что сотникъ смѣловскій побилъ жестоко слугу Дороженкового. Онъ же Стаковичъ, узявиши у мене писмо причинное до аютанта княжего о себѣ, поехалъ въ Ахтирку до князя, на услугу. До Нѣжина посланъ козакъ зъ листами, до полковника Толстого, зъ родителскими и моими. До Карапаева о сѣмени луку нѣмецкого, до Петра Тарнавіота о дриганту и наметику (палатка) кругломъ. До Прилуки посланъ сторожъ лохвицкій зъ письмами: до п. Федора, о присланню учѣвorseловъ на селце Перервинцѣ и о кнізѣ *Żywoty s. Ouscow*¹⁾, зъ другимъ до обозного, питаючи, який респектъ зъ полку показанъ щетчику ихъ. Божко повернулся зъ Прилуки зъ отвѣтомъ отъ п. Федора и реєстръ привезъ худоби, легкованной отъ небожчика судіи и судіиной, именно: де-негъ 9000 зол., воловъ рабочихъ 70, коровъ 53, назимковъ 24, коней 40, кобиль зъ лошатами 30, дригантовъ 2, овецъ 400, козъ 60, свиней 200, срѣбро цѣн. мѣ. въ 100 рубляхъ; модерунокъ всякий женскій въ 1000 рубляхъ, у Переволочной камень и ступи вешняки, у Новой Греблѣ 2 колѣ млива, хлѣбъ у амахъ на 10000 зол., заѣво на прошлій рокъ 70 осмачокъ прилуцкой мѣрѣ, каретъ спаленъ, шоръ etc. на 100 рублей; всего будеть по порахунку п. Федора въ томъ же реєстрѣ вираженномъ на 40500 зол. Слѣнскій, бувши у мене, кланялся. Посля Яковъ Дуброва пріехалъ.

19. Черезъ презента послали писма въ Глуховъ, въ колегію доношеніе одно, питаючись откуду баарани ва заводъ до спускання зъ овцами по указу, надлежить брати и обявляючи, что посылаемъ за оними въ слободи сторожа лохвицкого, але и Кологривова маюра и баарановъ не сискаль тамъ. До канцеляріи енер. двѣ доношеній: 1, прося резолюціи о колодникахъ, которихъ умножилось тутъ, 2, о козакахъ новыхъ утѣкачахъ, проявляючихся, о що зъ ними чинити. Черезъ его жъ, до Василя господара, о рознихъ ин-

¹⁾ *Żywoty Świętych*, Лазаря Баарановича, напеч. въ Кіевѣ, въ 1690 г.

терессахъ и о спроданю риби, писалемъ и послалемъ грошей 50 р., жеби оніє тулиголовскому старостѣ далъ на покупку жита. Черезъ Якова Дуброву писалемъ до городничого смѣловскаго о томъ, чтобъ продаль кобиль 10 мнѣ, на плодъ, стада алоевскаго. Черезъ того жъ презента писалемъ до п. Скоропадскаго комплментъ и до Троцкаго объ указѣ о бунчуковихъ. Молодикови п. Андрѣя, поехавшому въ Суми, на ярмарокъ, дала 15 зол. сама на покупки. Уманецъ Степанъ пріехалъ зъ указами зъ канцеляріи и съ коллегії, жеби бунчуковіе готовалися въ походъ до Гилянѣ, такъ же и козаковъ полку лубенскаго нарадить бы 375, зъ дѣйствителнимъ сотникомъ. У лазнѣ булисмо. Асаулъ арматний Кузма отпущенъ зъ листомъ до лукомской старшины, жеби ему козаковъ въ полковихъ интерессахъ давано. Черезъ его жъ писано до старшины лубенской, жеби зехавши въ Лукомле, изслѣдовали и аппробовали розискъ о беззаконницѣ и дѣтоубійцѣ. Въ одномъ мѣщечку, зъ присланнихъ отъ Сулаку, недолѣчились 15 шаг., а въ другомъ 13 зол. Дядко поехалъ до Луки, а Опанасъ, тамошній староста, отстановленъ для чародѣянія, якъ слишно, отчасти (?).

20. Кафисму третью переведлемъ зъ іннихъ діялектовъ, противу єврейскаго, на славенскій. Шубу оправити казалемъ и на оправку оной мало не все футро самой пойшло. Горба бурумскаго жона пріехалши, сказала о ему, что умеръ. Атласть червоний панѣ дала на кафанъ. Поехали панѣ и моя сама до Бубновъ, где мѣютъ до коммунѣ приступать. Прапорщикъ Волжинъ пріехалъ въ Роменъ.

21. Коммунѣковался я и Зтрудній. Прапорщикъ и прочіи були на водцѣ и отійшли. Родителка зъ мою самою повернулись зъ Бубновъ, въ Роменъ. Отъ Орановскаго получилемъ листъ, въ которомъ ознаймуетъ, что бувши у и. Томарѣ увѣдомились о продаемомъ футорѣ на Чумгачку и слободцѣ Семеновцѣ; у футорѣ—дворъ, хатъ людскихъ 7, а межъ ними тяглихъ 3, близъ футора лѣсъ въ довжѣ—на версту, вширь—узкій, и пустий ставочокъ, а Семеновка отъ футора у 3 верстахъ отстоитъ, где хатъ 30, межъ ними тяглихъ 12; берегъ сѣнокосній на милю, ставочокъ въ селѣ

у версту, другій ставокъ зъ млиномъ, а въ Семеновцѣ и футорѣ становится сѣна будто на 100 воз., и за тое все будто править 12000 зол. Петро Лукомскій, убійца, приправаженъ въ Роменъ и посаженъ за арештъ.

22. Неделя. Укази посланы въ сотни, о нарадѣ козаковъ 375 въ Гилянъ зъ бунчуковыми товариствомъ, именно: зъ смѣлянской, ром., лох., сенец., гор., чорн., пѣр., лубен., лук., а посланы въ З руки, Воротелякомъ, Іваномъ Ющенкомъ, и Славѣнскимъ. Особливе зъ інструкцію да зъ другимъ указомъ, посланъ Григор. Манджось до п.п. бунчуковыхъ. Зъ колегіи указовъ, 2 получилемъ: 1, о томъ, чтобы магазейнъ направить въ Веремѣевцѣ, построенній полкомъ миргородскимъ, а 2, о подрадѣ—купить роговъ пороховыхъ, бичихъ или коровихъ, не малое число. Таراسъ молодикъ, повернувшись отъ коней, сказалъ, что буланіе приблудніе носатіе суть и ихъ лѣчать у Луцѣ. Бородатій золотарь приносилъ позиченный рондзѣкъ, въ немъ штучикъ всѣхъ 153, а ваги фунтъ и 3 лоти, а рондзѣкъ обсаженъ на черномъ ременѣ. Обѣдали у насъ прапорщикъ Волжинъ, отецъ протопопъ и отецъ намѣсникъ и сотниковъ глинская и отчасти пѣдпіихомъ.

23. Сторожъ лохвицкій повернулся зъ Прилуки зъ отвѣтомъ отъ п. Федора, что унивѣрсалы на Перервинцѣ запечатаны въ скринѣ у п. судіной столчай суть. Отъ обозного прилуцкого о щетчику, же ему зъ полку жадного нѣть проспекту, и обѣ овцахъ чили баранахъ, копія указу колежскаго. Отъ п. судіной писмо и книгу полскую *Żywoty świętych* (?) привезено. Роднѣцкій, брата п. Андрѣя слуга, повернулся зъ сумского ярмарку и сказалъ о п. Стефану Миклапевскому, тамъ обрѣтаючись, и о умершемъ п. Василеви сумскомъ. Провіантмайстеръ Полянскій, зъ коллегіи посланній осмотрѣть магазейновъ, проехалъ въ Роменъ и бувъ у мене. Компанѣцѣ явились зъ указомъ давать имъ мисячное и на конѣ отъ декавр. до мая, давать по два возн сѣна и 30 гарцивъ овса, албо по конѣ грошей на мисяцъ. Эть вой. енер. канцел. листъ присланъ, жеби гудимовская старшина сѣлская, сотнѣ глинской, заплатили 23 рубля, 6 л., 4 д. въ походную канцелярію князя

Голѣціна, въ Ахтирку, за необявленнаго бѣглого дракгуна, а тому, которій мнился зъ очимъ дракгуномъ на платте, дать наказаніе 40 ударовъ, о котого присилкъ сюда, такъ же и доправкѣ денегъ, писалемъ до глинскаго сотника.

24. Романъ молодикъ болѣе сутокъ пючи, панії многія безчинія починилъ, между которими шинкарку обезвѣчилъ барзо, и посаженъ за друкъ. Молебенъ за именинницу государиню імператрицу, зъ семочисленнимъ стрѣлянinemъ пушечнимъ, отправивши, були всѣ у насъ на водцѣ. Брать п. Андрѣй зъ своею женою поехали зъ Ромна въ Суми. До отца Іоанна мутинскаго послалемъ, черезъ смѣланскаго козака, 5 зол., а просилемъ, жеби коганця на образецъ прислалъ намъ. О направленію магазейна, миргородскимъ полкомъстроенного, писалемъ до сотниковъ чигир., луком. и Іосифа Шишка. П. Зарудній далъ на себе писмо, подъ потераніемъ футора, если станетъ горблку отселѣ пить, кромѣ крайней нужди. Поѣхъ бѣловодскій, Федковъ братъ, поклони посередъ церкви бивъ. Бувъ я у Павла ключника, который сталъ обмагатись въ своей хоробѣ.

25. Козакъ повернулся зъ Нѣжина, посыпаний туда зъ письмами, и привезль сѣмѧ нѣмецкого луку и писмо отъ дворецкаго полковничаго Каратаева, а отъ Петра індуктара о продаемомъ дрикганту турецкомъ за 20 р. Посаженіе за арештъ за безчинія, наказаніи всѣ кіевимъ боемъ. Алексеецъ, конюшій, пріехалъ въ Роменъ и донесль, что продаль сѣна нашего людамъ пять скиртъ, за 60 талар. Онъ же подалъ писмо отъ Орановскаго, въ якомъ пишеть, что въ сухонсовской винницѣ виробылось 6 кадокъ горблки, якой и проба, же не худа, прислана. Тютюну въ Сухонсовцѣ зложили пашушъ 3010. Лѣсокъ тамъ же въ Сухонсовцѣ купили за 10 талар. Полковникъ Ямбурскаго полку, иноземецъ Гротъ, пріехалъ переѣздомъ въ Роменъ, у котого я бувши извѣстился, что отъ князя Голѣціна опредѣленъ зъ бунчуковими ити въ Гиланъ, полку его бывшій маіоръ, а нинешний подполковникъ Іванъ Василіевичъ Шодимовъ. Родителка мнѣ и моей самой сукна на кунтушѣ дала и протчего. Кровъ пускалемъ зъ головной жили правой руки. О Василевѣ сумскомъ иначай, что живъ, стало слишно.

Странствующие школьники въ старинной Малороссії.

По отрывочнымъ статистическимъ даннымъ, уцѣлѣвшимъ отъ прошлаго вѣка, можно судить о томъ, какъ широко распространены были народныя школы въ старинной Малороссії¹⁾. Обыкновенно, вмѣстѣ съ церковью строили и школу: здѣсь жилъ *пань-дякъ* съ своею дружиною пѣвцовъ и чтецовъ церковныхъ²⁾). Уже изъ этого видно, что мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ не случайнымъ, навѣяннымъ соображеніями, чуждыми народному міровоззрѣнію и народнымъ симпатіямъ.

Остановимся на этомъ явленіи со стороны внутренней связи его съ умственной и нравственной жизнью малорусскаго народа.

Нужно замѣтить прежде всего, что дьякъ занималъ свое положеніе не по сословному происхожденію своему изъ духовнаго званія, а по должности, которая доступна была для всѣхъ сословій³⁾. И однако же это было лицо немаловажное въ при-

1) Основа, 1862 г., Май, статья А. Лазаревскаго: „Статистический свѣдѣнія объ украинскихъ народныхъ школахъ и госпиталяхъ въ XVIII в.“ — Журналъ Мин. Нар. Просв. 1864 г., Январь, статья Сухомлинова: „Училища и народное образование въ черниг. губ.“ — Руководство для сельскихъ пастырей, 1864 г., ст. Крыжановскаго: „Очерки быта малорусского сельского духовенства“ — Українська старина, Данилевскаго, 1864 г., „Харьковская народная школы 1732—1863 г.“ — Земской сборникъ черниг. губ., ст. Ефименка: „Народное образование въ черниг. губ.“

2) Черн. Епарх. Вѣд., 1865 г., 340. Еще до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ Малороссіи дома, гдѣ живутъ церковнослужители, называются школами.

3) Только въ 1771 г. кievскій митрополитъ Гавріїлъ Кременецкій сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы кандидатами на должность дьяка были исключительно дѣти лицъ духовнаго званія, а въ 1778 г. при томъ же митрополитѣ введены были въ церковные приходы такъ называемые *штаты*, по которымъ полагалось при

ходѣ. При одной церкви могло быть два и даже три священника, но всегда былъ одинъ только дьякъ, избранный громадою за *добрый часъ*, за надлежащее знаніе службъ церковныхъ и умѣніе вести ихъ благолѣпно и благочинно. Этого мало. Отъ дьяка требовались таланты педагога, потому что онъ самъ долженъ былъ заниматься обученіемъ помощниковъ своихъ при исполненіи службъ церковныхъ. Какъ учитель школы, онъ назывался *панъ-бакаляръ*, а какъ начальникъ ея—*панъ-дирехторъ*.

Въ чемъ же заключалось его *бакалярство*? Кого, чему и какъ учили дьякъ?

Учили онъ *молодиковъ* *школьныхъ*, какъ жившихъ въ школѣ, такъ и приходившихъ въ нее. Жили въ школѣ безпріютные сироты, которымъ некуда было дѣваться, приходили—дѣти козаковъ и посполитыхъ, людей богатыхъ и бѣдныхъ. Въ извѣстной вертепной драмѣ Климъ и жена его—люди бѣдные, но это не мѣшало имъ послать своего сына въ школу, при чемъ за трудъ бакаляра расплачиваются они вмѣсто денегъ свиньей. Этотъ живой гонорарь, какъ дьяку, такъ и всѣмъ обитателямъ школы, пришелся по вкусу:—„Ци, ирци, фертикъ Иванецъ“, восклицаетъ дьякъ, обращаясь къ одному изъ школьноръ, очевидно, сожителю своему,

«Слиши сюды зило,
Климій сотворывъ намъ честь,
Давъ свыначе тило».

Когда санная была унесена, дьякъ обращается къ Климу съ благодарственной рѣчью:

«Обреченнюю вашу жертву, говорить онъ, съ благодарностю
пріемлемъ

И выю вамъ объемлемъ!»

одномъ священнику два, при двухъ—четыре, при трехъ—шесть причетниковъ. Съ того времени выдающееся положеніе дьяка въ приходѣ начало все болѣе и болѣе суживаться (Руковод. для сельскихъ пастырей, 1861 г., № 49, 79—80). Что касается до заштатныхъ церковниковъ, то въ 1788 году Екатерина II предписала обратить ихъ въ военную службу при черноморскомъ адмиралтействѣ. О переселеніи ихъ въ Новороссійскій край, см. любопытную замѣтку П. Иванова въ „Кievsk. Starina“ 1891 г., Май.

Прослезился Климъ отъ такой торжественной учтивости письмёного человѣка¹⁾.

Какъ видно, голодное житѣе было въ школѣ — особенно для молодиковъ школьніхъ, но оно скрашивалось надеждой, которую въ душѣ лелеялъ каждый изъ нихъ, со временемъ сдѣлаться дѣякомъ, а потомъ, по меткому выраженію народному, *выдряпаться и на попа*²⁾. Нужно было только усвоить всю премудрость школьнную, которая начиналась обыкновенно съ изученія *граматки* (букваря) и расширялась по мѣрѣ изученія *псалтыря* и *часословія* — основныхъ богослужебныхъ книгъ, подготавливавшихъ молодика къ практическому заявленію своихъ способностей и познаній предъ всею громадою — на клирость, въ церкви. Нужно было также изучить всѣ напѣвы церковные — восемь гласовъ на „Господи, воззвахъ“, восемь гласовъ на „Богъ Господь явися намъ“ и столько же гласовъ на ирмосы, да сверхъ того, изучить пѣніе *самолласное*, т. е. тѣ же псалмы и ирмосы на свой собственный голосъ, и *подобное*, т. е. пѣніе двойнаго текста на одинъ и тотъ же глашъ³⁾.

Не легка была эта наука. Многіе такъ и оставались *молодиками* на всю жизнь, исполняя низшія причетническія обязанности при церкви⁴⁾. Особенно трудно было изученіе *граматки*. Сопровождалось оно обычными въ старинной школѣ *наказаніями по тѣлу*. Какъ былъ горекъ этотъ корень ученія, можно видѣть изъ одной шуточной вирши, которая сохранилась въ народномъ пересказѣ до настоящаго времени.

«Казавъ мени баляръ промовыты: «Азъ, Азъ!»

А якъ же я не вымовывъ, винъ по пыци: «разъ, разъ!»

Крыкнувъ же винъ у друге: «А ну, кажы: Букы!»

Ой ще жъ бо я не вымовывъ — попавъ въ ёго руки.

Крыкнувъ дали въ третай разъ, что бъ вымовывъ: «Виде!»

¹⁾ Малорус. вертепъ, Г. Галагана, „Кiev. Стар.“, 1882 г. Октябрь, 35—36.

²⁾ Руководство для сельскихъ пастырей, 1861 г., № 39, 138.

³⁾ Українск. старина, Данилевского, стр. 297.

⁴⁾ Въ спискѣ церковниковъ отъ 1765 г., находившихся въ г. Переяславѣ, показаны въ числѣ *молодикоевъ* школьніхъ лица разныхъ возрастовъ отъ 12 до 39 лѣтъ. См. Архивные отрывки для исторіи полтавск. епархіи, А. Лазаревскаго, Вып. I, 1887 г.

А вже жъ ёго жвава рука по чуприши вде.
 Ой акъ сказавъ у четверте: «вымовлай: живите!»
 «Ну-те жъ, хлопци, заразъ ёго на лавку кладите!»
 И просыся, и молывся, а ще бильшъ злякався,
 Бо задалы таку хлосту, що й свита зцурався»... ¹).

Въ субботу, обыкновенно, *промовиллы* всѣ молодики школьные передъ паномъ бакаляромъ то, что было выучено въ теченье недѣли: кто изъ нихъ не твердъ былъ въ познаніяхъ, тотъ получалъ *суботника*. Чуть не до нашихъ дней исполнялось это старинное правило, обозначенное еще въ XVI в. въ уставѣ луцкой братской школы, гдѣ говорится, что по субботамъ „ди-даскалъ маєть дѣтамъ и памятного не боронити, по чаши школьнай испити“ ²).

Однимъ словомъ, школа была суровая...

И однако же народъ предпочиталъ ее такъ называемымъ народнымъ училищамъ, которыя въ концѣ прошлаго вѣка Екатерина II начала заводить въ Малороссіи. Давно уже выяснено, что главная причина нерасположенія народа къ этимъ училищамъ заключалась въ бюрократическомъ характерѣ ихъ: они были разсадниками мелкаго чиновничества и всякаго рода канцелярскихъ сутягъ и ябедниковъ, которые были несимпатичны для народа ³). Въ свою очередь мы скажемъ, что въ новыхъ училищахъ народъ не нашелъ удовлетворенія своимъ церковно-общественнымъ потребностямъ, которые заключались не въ одной грамотности, приспособленной къ церковному богослуженію, но и въ усвоеніи навыковъ и вкусовъ, можно сказать, эстетическихъ и даже отчасти литературныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, было бы грубою ошибкою сводить все образовательное значеніе старинной малорусской школы только къ граматкѣ, псалтирю и часловцу...

Мы имѣли возможность пересмотрѣть не мало школьныхъ сборниковъ, составленныхъ въ прошломъ и въ началѣ настоя-

¹) Старосв. Бандуриста, Н. Закревскаго, 1866 г., 122.

²) Акты, издан. времен. комиссіей, I, 108.

³) Жур. Мин. Нар. Просв., Январь, 1864 г., Сухомлиновъ „Училища и народное образованіе въ черн. губ.“, 9, 39.

щаго вѣка и предназначенныхъ для практическаго употреблѣнія въ школѣ и виѣ школы. По своему формату они напоминаютъ наши записныя книги и заключаютъ въ себѣ массу всякаго рода стихотвореній на языкахъ славянскомъ, книжномъ малорусскомъ, народномъ малорусскомъ и даже польскомъ. Нерѣдко встречаются въ этихъ сборникахъ и народныя пѣсни съ нотами и безъ нотъ. Изученіе этого матеріала, по нашему мнѣнію, должно служить основой для разъясненія интересующаго насъ вопроса о происхожденіи своеобразныхъ пріемовъ мысли и рѣчи во многихъ произведеніяхъ народной поэзіи и особенно въ народныхъ малорусскихъ думахъ.

Считаемъ необходимымъ прежде всего возстановить для себя отжившій образъ людей, которые занимались составленіемъ школьніхъ сборниковъ, удовлетворявшихъ, какъ видно, литературному вкусу и нравственнымъ потребностямъ своего времени.

Это были старинные *спуден* высшихъ латинскихъ школъ и странствующіе дьяки, которые носили въ народѣ характерное прозваніе *мандрѣванныхъ дьяковъ*. Тѣ и другіе назывались также *пиворѣзами*—полагать надобно—по особенному пристрастію ихъ къ употребленію пива.

Извѣстно, что въ старину и высшая школа въ краѣ, Академія кіевская, не обеспечена была отъ нужды и голоданія. Содержалась она на доходы съ имѣній братскаго монастыря да на доброхотныя подаянія съ кіевскихъ и повѣтовыхъ обывателей¹⁾). Сборъ этихъ подаяній организованъ былъ посредствомъ такъ называемыхъ *конгрегаций*, но пользовались этимъ сборомъ только немногіе *спуден*, жившіе въ самомъ братствѣ, большая же часть бѣдняковъ, приходившихъ въ братскія школы со стороны, должна была промышлять сама о себѣ. Лучшіе изъ нихъ поступали на *кондитцію* въ дома шляхетныхъ людей

¹⁾ Первый жалованій обладъ Академіи положенъ грамотою царей Петра и Иоанна Алексѣевичей въ 1694 г. Повелѣніо было отнускать изъ кіевской казны на Академію, которая въ то время называлась еще Колледгіей, по 50 р. денгаами и по 50 четвертей хлѣба. Затѣмъ это содержаніе постепенно увеличивалось и дошло чрезъ столѣtie въ 1797 году до 12 тысячъ рублей въ годъ. (Описаніе Кіева, Закревскаго I 162).

въ качествѣ домашнихъ наставниковъ, которые носили въ то время солидный титулъ *инспекторовъ*. Остальнаѧ братія тѣ спились по церковно-приходскимъ школамъ, получая отъ прихожанъ скудное вознагражденіе пищею и дровами. По неволѣ приходилось добывать средства къ жизни испрошеніемъ подаяній. Цѣлыми толпами ходили по улицамъ города *миркачі*, получивши€ это название отъ первого слова пѣсни, въ которой выражались благожеланія домохозлевамъ за милостыню. Въ праздники Рождества и Воскресенія Христова они являлись въ дома обывателей съ поздравительными виршами и праздничными кантами. Когда же наступало время лѣтнихъ каникулъ, безпріютные бѣдняки расходились по всему краю съ разными запасами школьной мудрости, чтобы собрать какіе-нибудь денежные зачасы на учебное время года. Это были своего рода хожденія въ народъ—такъ называемыя—*эпетиціи*, послѣ которыхъ кіевская Академія не досчитывалась многихъ питомцевъ своихъ. Одни изъ нихъ увлекались обстановкою сельской жизни, о которой мечтали еще въ школѣ.

«Любезно село!» говорится въ одной рукописи прошлаго вѣка,
 «Когда увижу твои сладчайшіе страви—
 Капусту, горохъ, рѣшу, бобъ, въ салѣ варени?
 О вечери щасливі! О ночь блаженнѣ!» ¹⁾).

Подъ вліяніемъ этой обстановки они затягивались глубже и глубже въ тину повседневной жизни, утѣшая себя мыслю, что наука не составляетъ ихъ призванія. Есть любопытная *приказка* въ той же рукописи, изображающая это настроение:

«Не пнись, что тебѣ не дано отъ Бога:
 Безъ Бога, знаешь, ниже до порога.
 Если не рожденъ, не сунься въ науку:
 Ахъ, многи черезъ то въ вѣчну впали муку!
 Не многихъ мати породила къ школѣ.
 Хотъ ли блаженъ бытъ?
 Будь сыть въ твоей долѣ» ²⁾.

¹⁾ Рукоп. Кіево-Михайлова монастыря, № 1752.

²⁾ Ibidem.

Многіе изъ эпетентовъ томились жаждою приключеній и исчезали безслѣдно на „славномъ Запорожьѣ“, слагая головы свои въ тревожной жизни войскового братства. Болѣе счастливые изъ нихъ находили тамъ же свое призваніе въ *каламаръ* войскового писара. Не мало было и такихъ, которые съ дерзновенною душою переступали черезъ порогъ панского дома въ качествѣ вольныхъ людей, а потомъ сами не знали, какъ вырваться на волю¹⁾. Но главнымъ убѣжищемъ для всѣхъ странствующихъ школьниковъ была сельская школа. „Школа всякимъ страннымъ домъ есть вольный“, гласить старинная народная пословица²⁾. Здѣсь бросали якорь утомленные странники на болѣе или менѣе продолжительное время. Иные оставались въ приходѣ навсегда въ качествѣ дьяковъ или же помощниковъ мѣстного дьяка. Другіе шли дальше, постепенно усваивая привычку къ бродячей жизни, исполненной всякихъ треволненій и злоключеній. Нужно сказать, впрочемъ, что и весь посполитый людъ въ то время тоже пользовался правомъ вольного перехода отъ одного пана къ другому до самаго закрытия крестьянъ. Всѣ искали счастія въ передвиженіи съ мѣста на мѣсто, кромѣ тѣхъ, которые посредствомъ урядовъ и другихъ привилегированныхъ положеній получали возможность свѣтъ себѣ теплое и прочное гнѣздо. Понятно, что и кочеванье школьниковъ изъ одной школы въ другую не могло казаться тогда явленіемъ страннымъ или же постороннимъ. Такъ, изъ самыхъ условій жизни выработалась въ старинной Малороссіи своего рода передвижная школа изъ бродячихъ школьниковъ, которые быстро превращались въ мандрованныхъ дьяковъ³⁾.

¹⁾ Українск. старина, Данилевскаго, 298—299.

²⁾ Українські приказы, Номиса, стр. 119.

³⁾ Случалось иногда, что видъ странствующаго школьника принимали на себя люди, желавшіе избѣжать опасности или же уйти отъ бѣды. Въ Лѣтописи Величка есть любопытное извѣстіе о противнике Дорошенка, гетманѣ Стрѣлевскомъ. Онъ былъ разбитъ однимъ изъ отрядовъ войскъ Дорошенка и „отъ вастоловившаго ему тогда бѣди, самъ и тамъ тулячися, спасъ гоноръ свой гетманскій титулъ школарскимъ“. (т. II, 224).

Чтобы познакомиться съ бытомъ и нравами этихъ людей, остановимся на автобіографіи одного изъ нихъ, Ильи Турчиновскаго, который „по школамъ волочился“ въ первой четверти прошлого вѣка¹⁾.

Турчиновскій былъ сынъ березанскаго сотника, учился сперва въ мѣстной березанской школѣ, а потомъ въ низшихъ классахъ кіевской Академіи, откуда взятъ былъ матерью домой для помощи въ хозяйствѣ и „за домашнею суетою всего позабылъ“—и вотъ онъ началъ странствовать „для повиданія болѣе свѣта и ученія“. Сперва онъ состоялъ писаремъ дворовымъ при сотникѣ синявскомъ Мандрикѣ, а затѣмъ отправился съ двумя подобными себѣ искателями приключеній въ г. Могилевъ-Литовскій. На дорогѣ произошла между ними скора. Спутники его—„лютые Диоклитіяне“, какъ онъ говорить, чуть было не убили его, но ограничились тѣмъ, что отобрали у него деньги. Въ пограничномъ селѣ Поповой Горѣ принять онъ былъ „до половины дьяковской“ и пріютился въ приходской школѣ, но „лютые Диоклитіяне“ донесли на него сотнику компанейскому, который стоялъ въ томъ селѣ, что Турчиновскій по дорогѣ дьяковъ въ школахъ обижалъ, книги и деньги у нихъ похищалъ, поэтому тою же дорогою они возвращаться назадъ не могутъ. Сотнікъ велѣлъ отобрать у него деньги, книжки и одежду и забить въ колодки, какъ вора, а за отобранныя вещи приказалъ шинкаркѣ подать судьямъ и тѣмъ „лютымъ Диоклитіянамъ“ меду. Начался шумный пиръ съ пѣніемъ, заставляли пѣть и осужденнаго: „еднакъ я,—говорить Турчиновскій,—хочай и покушался слѣвать, но за обливаніемъ слезъ не могъ и гласу отвести“. Отъ шума и гамы пирующихъ проснулся атаманъ компанейскій, который въ это время спалъ на печи. Оказалось, что это былъ давній знакомый отца Турчиновскаго. Дѣло приняло иной оборотъ. Турчиновскаго распросили, какъ слѣдуетъ, возвратили ему все имущество его, а клеветниковъ забили въ колодки на цѣлые сутки. Мало того—

¹⁾ Рукопись первой половины XVIII в., напечатанная въ „Кіевской Старинѣ“, 1885 г., Февраль.

сотникъ компанейскій оставилъ его при себѣ писаремъ. Но не таковъ былъ Турчиновскій, чтобы усидѣть на одномъ мѣстѣ. Отпросился онъ у сотника въ Могилевъ „для обученія языка латинскаго и провидѣнія по свѣту людскаго обхожденія“. Переизмовалъ онъ въ Могилевѣ въ школѣ при покровской церкви, а весною поступилъ въ іезуитскую школу. Случайно услышалъ пѣніе его православный епископъ въ церкви Преображенія Господня и, узнавъ, что пѣвецъ былъ православный, пригласилъ его въ должность пѣвческую. Іезуиты прогнали его отъ себя, какъ схизматика. И на новомъ мѣстѣ не обошлось безъ приключеній. Посторился онъ съ регентомъ архіерейскаго хора, который, злобствуя на него, во время всенощной на Свѣтлое Воскресеніе Христово „пхнулъ его изъ хорѣ черезъ жѣлѣзные балісы“. „Летѣлъ я, говоритъ Турчиновскій, исъ хорѣ на доль, и ежели бы не потрапилъ на женскія главы, то бы о камень мармуръ разбился. И многимъ женамъ повреждены были главы, а единой старусѣ и вся глава сломилась, якая у три дня и умерла“.—Регентъ, боясь гнѣва архіерейскаго, принялъ католическую вѣру и продолжалъ преслѣдовать Турчиновскаго. „Бѣгая того зла“, отпросился онъ у архіерея съ двумя пѣвчими въ г. Шкловѣ, гдѣ пристроился въ качествѣ регента при монастырѣ Благовѣщенія. Прожилъ онъ здѣсь четыре года. Но и тутъ, по обыкновенію, напались враги у него. Одинъ разъ вмѣстѣ съ какими-то странствующими двумя студентами изъ Киева на Свѣтлое Воскресеніе „выправилъ“ онъ „діалогъ зъ интермедіею, на якій многолюдствіе благочестивыхъ собралось, и римлянъ, и самихъ езовитовъ, и доменѣканъ, и жидовъ“. Мѣстный органистъ доминиканского кляштора, по наущенію католическаго духовенства, пригласилъ его до „органовъ спѣватъ“. Турчиновскій отказался, не смотря на приказаніе губернатора. За это органистъ съ замковыми драгунами избилъ его до полусмерти. Пришлось лѣчиться отъ побоевъ, но по выздоровленіи обиженный съ своими пѣвчими засталъ „того органѣсту въ ночное время въ шинку и отреванѣжалъ ему такожъ кіями и шаблями“..... Послѣ этого происшествія нельзя уже было оставаться въ Шкловѣ, поэтому Турчиновскій,

„забравши всѣхъ пѣвчихъ, дубомъ по рѣкѣ Днѣпру пустился внизъ“. На дорогѣ судно наскочило на хорчу, пловцы єдва спаслись, благодаря прибрежнымъ рыбакамъ, а имущество ихъ вмѣстѣ съ судномъ затонуло. Добрались они кой-какъ до Чернигова. Здѣсь два спутника Турчиновскаго поступили на службу къ архиерею Радіону Жураковскому, а самъ Турчиновскій вмѣстѣ съ остальными четырьмя пѣвчими пріютился по просьбѣ генерального обознаго Якова Лизогуба въ Седневѣ въ качествѣ дьячка. Жиль онъ тамъ цѣлый годъ, чтобы заработать на одежду и, „мало пріодѣвшись“, прибыль на свою родину, гдѣ засталъ еще въ живыхъ отца, и мать, и всѣхъ родныхъ своихъ. „Въ дому мало поживши“, направился онъ въ Переяславль, гдѣ и принять былъ регентомъ въ „катедру“. Въ 1718 году женился и въ томъ же году епископомъ Переяславскимъ Кирилломъ Шумлянскимъ рукоположенъ за заслуги пѣвческія въ священники на родину, въ м. Березань.—Такъ окончилась дьяческая карьера Турчиновскаго, который, вслѣдствіе беспокойнаго нрава своего, претерпѣвалъ не мало всякихъ бѣдъ и въ должности священника.

Отдѣляя то, что относится къ личнымъ качествамъ самого Турчиновскаго, не можемъ не признать въ немъ одного изъ типичныхъ представителей мандрованныхъ дьяковъ. Всѣ они, какъ и Турчиновскій, отличались въ большей или меньшей степени продерзостью нрава и отвагой, управляемой голодомъ и выносливостью въ испытаніяхъ всякаго рода. Въ дополненіе къ этимъ чертамъ занимающаго насъ типа приводимъ отрывки изъ одной интерлюдіи Довгалевскаго, нигдѣ еще не напечатанной, по рукописи первой половины прошлаго вѣка¹⁾.

Начинается интерлюдія монологомъ одного пиворѣза, который размышляетъ о томъ, куда бы ему „приодѣвшись мало“ помандровать—въ Березну или въ Коропъ. Плѣняетъ его градъ Коропъ, гдѣ всяkie

«користы бивають», вуда
«И соборніи нашї учащають,

¹⁾ Рукопись Кієво-Межайловскаго монастыря, 1736 года, № 1710.

Всѣмъ той камень, прибѣжище зайцемъ и мы, —
Гдѣ братія животъ свой жаждеть скончевати.
Камо и азъ шествую алчній, жаждній пити,
Да животъ мой въ градѣ томъ могу кончти,—
Въ немъ-же мы отъ дѣтскихъ лѣтъ криличествовали
И ио шагу изъ диму рокового брали.
И тамъ насть братія соборнѣйша знаеть,
Только туди появлюсь, то вся прибѣгаеть
Подъ нашу милость, даби клиру сопричтити,
И соборъ мижъ братію добре утвердити.
Не только жъ мы умѣемъ клиромъ управлнти,
Но можемъ еще кувшти разніе писати.

Является другой пиворѣзъ. Завязывается между ними разговоръ. Мы бывало, говоритъ новый пришелецъ,

«Якъ колись на мѣсцѣ бували,
То до мене всѣ странни въ школу приходжали,
Ми бувало всіого по достатку маємъ,
И хто прійдетъ къ намъ въ школу, любезно вгощаемъ:
Веліе баше число у насъ горѣлицѣ,
Полни чванцы текущы зъ подъ трубной криницы,
И всего, слава Богу, баше по достатку,
Що у людей, то и въ насъ—всякого статку,—
Да и теперъ богати: маємъ воли и телицы,
Иже купно мандрують по стѣнѣ къ трубницѣ.
«Не хвалѣтесь, отвѣчаетъ своему собрату первый пиворѣзъ,

«бо и мы блощичного роду,
Маємо по достатку и всякого плоду,
Доволствуемъ же зѣло, что хлѣба пѣ куса,
Все ходачи по школѣ справляемо труса,
Нетрасши кучерамы, да спаты лѣгаемъ;
А уставши раненко, бражку подливаемъ».

Собесѣдники затѣмъ распрапиваютъ другъ друга, откуда кто идетъ. Первый говоритъ, что идетъ онъ „зъ Середнои Буди“, что хотѣлъ бы пойти въ Березну, но боится,

«бо построивъ штуки,
Такъ щобъ не попастися протопопѣ въ руки».

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

Рѣшаются они вмѣстѣ идти въ Коропъ, излюбленный го-
родъ пиворѣзовъ, но чтобы „добре зальзатись“, находить нуж-
нымъ снять портреты другъ съ друга:

«Нашередъ мене зволте вмалювати,
А потомъ мы важеџѣ будемъ рисовати».

Въ это время приходитъ къ нимъ мужикъ съ вопросомъ:

«Скажѣть, панове декы, мудріи вы люде,
Чи Кавель Кавеля вбивъ, кому брехни буде,
Чи минѣ-бѣ то съ кумомъ, чи моему свату:
Все не даетъ просвѣтку—дай же его кату!»
—«Не бойся онагрику¹),— отвѣчаетъ ему одинъ пиво-
рѣзъ,—кума побѣдиши,

Аще на горѣлицу шага положиши».

— «Мы тобѣ, пане даче,— говорить мужикъ,—
и всіого потроху
Дамо крупѣвъ и солы, ишона и гороху».

Пиворѣзы приготовляются затѣмъ къ снятію портретовъ.
Захотѣлось и мужику, чтобы и съ него сняли портретъ.

«Добре,— отвѣчаетъ ему первый пиворѣзъ,—
мы служитъ охочѣ,
Отмалюемъ усіого, только заялющъ очи».

Мужикъ закрываетъ глаза, а нашъ любитель „штуки“
вымазываетъ ему краской все лицо, при чмъ товарищъ его
высказываетъ сожалѣніе, что малаляръ

«не залѣпивъ ему рота,
Якъ пїйде до ґромады да войту исваже,
Той намъ кіами ктитаръ пекарню помаже».

Не обошлась эта проказа нашимъ пиворѣзамъ даромъ.
Собрались въ школу пріятели наивнаго мужика, чтобы проу-
чить проказниковъ.

«Гледи лишъ, Тарасе,— говорить одинъ изъ мужиковъ,
«да стань отъ порога,
То мы легкобитовѣ припиллемъ рога,

¹) Онагръ—*asinus ferus*.

И юнъ, ... синъ, поднявъ смѣхъ зъ нашего брата.
Коли бъ що добрѣ таки, а то шараната».

Сцена оканчивается посрамлениемъ пиворѣзовъ: „забиваютъ,—говорятъ они убѣгая,—нищету нашу и печаль нашу... Обійдоша мя псы мнози... Жезль твой и палица твоя та мя утѣшиста... О Бозъ моемъ прелѣзу стѣну... Сонмъ лукавихъ обдержанша мя”...

Картина, очевидно, снятая съ натуры. Дѣйствія въ ней мало, но типы обрисованы выпукло и ярко. Пиворѣзы стоятъ передъ нами, какъ живые. Нѣсколько они подходятъ къ той категоріи людей, которыхъ въ наше время обыкновенно называютъ неудачниками. Изъ школы они не вынесли законченныхъ знаній и пустились по свѣту промышлять обрывками науки, которая въ цѣломъ своемъ составъ была для нихъ, „яко темная вода во облацѣхъ воздушныхъ“. Съ этими обрывками они появлялись въ народѣ и озирали его съ высоты своего школьнаго величія. Лучше всего выразилъ это настроеніе въ виршахъ своихъ монахъ Климентій, современникъ Турчиновскаго, человѣкъ тоже пиворѣзного типа:

«Въ простого мужика простый есть обычай,
А въ письменнаго особый, политичный звычай»¹⁾.

Не симпатиченъ для настъ этотъ „зывчай“—въ безцѣльной игрѣ жизнію строить всякія „штуки“, рисоваться передъ народною толпой въ качествѣ удалыхъ, добрыхъ молодцевъ, „залицьтесь“ съ поселянками посредствомъ портретовъ, конечно, за невозможностію имѣть при себѣ фотографическія карточки нашего времени. Не симпатична для настъ эта полуписьменная и даже совсѣмъ пьяная удаль, подогреваемая убѣжденіемъ, что можно въ худшемъ случаѣ спрятать концы въ воду и избѣжать надлежащаго возмездія.

Тѣмъ не менѣе возмездіе, какъ видимъ мы изъ интермедіи Довгалевскаго, было возможно. Въ народѣ, тогда еще не закрѣпощенному, сохранялось чувство человѣческаго достоинства:

«Що се тобѣ, Артюша, сталося таке,

¹⁾ Основа, 1861 г., Январь, 176.

говорить пріятель мужика, надъ которымъ пошутили пиворѣзы,
 Що жъ мы въ іерше изъ роду видимо отъ сеє,
 Що такъ отъ легкодуха терпѣтииуть людѣ?
 Едже, якъ не выбемо, то изъ нась смѣхъ буде».

Мы должны понимать слово „въ іерше“ для данного слу-
 чая въ той мѣстности, гдѣ случилось это происшествіе, но
 полагать надо бно, что и въ другихъ мѣстахъ оно вызвало бы
 тѣ же прискорбныя для пиворѣзовъ послѣдствія. При этомъ
 нужно еще имѣть въ виду и то обстоятельство, что—такъ или
 иначе—а все-же пиворѣзы состояли въ материальной зависимости
 отъ того самого мужика, которому они любили, какъ говорится,
 пустить пыль въ глаза, поэтому они не могли давать полной
 воли дурнымъ привычкамъ своимъ. Напротивъ того, въ соб-
 ственныхъ интересахъ своихъ они должны были выдвигать пе-
 редъ нимъ лучшія качества свои—не столько научные позна-
 нія, которыхъ у нихъ были скучны, сколько литературные и
 вообще художественные вкусы и навыки. Мы видимъ изъ
 интермедіи, что они умѣютъ и рисовать, и куншты разные
 писать и, конечно, церковныя пѣсни и канты разные распѣ-
 вать. Все это шло на потребу сельского люда для удовлетво-
 ренія, главнымъ образомъ, его религіознаго чувства. Но такъ
 какъ это чувство непосредственно сливалось съ поэтическимъ
 міровоззрѣніемъ народа, съ бытовыми подробностями его жиз-
 ни,—то для нась сдѣлается совершенно яснымъ, почему весь
 этотъ пиворѣзный людъ пользовался поддержкой и даже сим-
 patіями народа. По крайней мѣрѣ, въ народныхъ пѣсняхъ
 нѣтъ сердитыхъ нотъ, вызванныхъ недостатками и слабостями
 пиворѣзовъ. Есть пѣсни о дѣякахъ, изображающія нѣкоторыя
 неудачные похожденія ихъ въ область женской красоты, но
 онъ сложены въ добродушно шутливомъ тонѣ, который свидѣ-
 тельствуетъ о томъ, что дѣявъ былъ свой человѣкъ въ приходѣ,—не только свой, но и симпатичный человѣкъ, безъ кото-
 раго немыслимо было обычное теченіе сельской жизни въ са-
 мыхъ интимныхъ проявленіяхъ ея.

Нужно сказать, впрочемъ, въ чести пиворѣзовъ, что они
 сами расположены были къ сознанію собственныхъ своихъ не-

достатковъ и даже къ сатирическому изображенію ихъ. Люблили они упражняться въ сочиненіяхъ, направленныхъ къ самообличенію. Въ школьніхъ сборникахъ прошлаго вѣка нерѣдко попадаются жестокія по тону обращенія къ пиворѣзамъ, чтобы они отстали отъ главнаго порока своего—пьянства. Комизмъ этихъ обращеній усиливается литературной формой ихъ, обусловленной специальнымъ занятіемъ пиворѣзовъ: это именно форма обычныхъ церковныхъ чтеній и пѣснопѣній. Въ одной рукописи церковно-археологического музея при кievской Академіи мы нашли не малое количество такого рода произведеній подъ слѣдующими заглавіями: „Правило увѣщательное пияницамъ, пѣваемое не въ церквахъ, но въ школахъ“; „Отъ посланія бахусового къ пиворѣзамъ чтеніе“; „Отъ притчей пиворѣза Березовскаго чтеніе“; „Синааксаръ на память пияницамъ о изобрѣтеніи горѣлки“; сверхъ этого—пѣсни на разные ирмосы, тропари и кондаки. Приводимъ для образца одинъ изъ кондаковъ, гласть пятый:

«Радуйтесь, пиворѣзы, и паки реку: радуйтесь! Се радости день приспѣваетъ, день, глаголю, праздника рождественскаго зближется! Востаните убо отъ ложей своихъ и воспрімѣте всякъ по своему художеству орудія, содѣлайте вертепи, склейте звѣзду, составте шартисы,—егда же станете по улицахъ со звукомъ бродить, пущюще сивухи, приймутъ васъ козаки во кровы своя»¹⁾.

Пиворѣзнымъ настроеніемъ вѣеть отъ этого кондака, поэтому мы и думаемъ, что онъ могъ быть составленъ въ средѣ самихъ пиворѣзовъ или же въ средѣ людей пиворѣзного происхожденія. Мы разумѣемъ осѣдлыхъ дьяковъ, въ составѣ которыхъ входили многіе пиворѣзы, бѣжавшіе изъ латинскихъ школъ. Постепенно сливаясь съ народною массой, они превращались такимъ образомъ изъ латинниковъ въ псалтирниковъ и относились уже отрицательно къ своему прошлому, которое любили изображать въ „кунштахъ и виршахъ“ юмористическаго содержанія на тему о томъ, что „стоить латина, привязана лицъ тиномъ“ и т. п. Такова, напримѣръ, полувираша, полу-

¹⁾ Рукоп. Церковно-Археолог. музея при Кіевск. Академії № 151.

п'єсна: „Бувъ Грыцько мудрый родомъ зъ Коломыи“. Нерѣдко встрѣчается она въ школьныхъ сборникахъ XVIII в., даже и теперь еще не позабыта въ народѣ. Выступаетъ этотъ Грыцько передъ нами, какъ „мудрый“ латинникъ, который такъ „учився добре на философії“, что на шестнадцатомъ году уже и „псалтырку знає“. Вотъ приходитъ онъ домой. Отецъ приглашаетъ къ себѣ пастуховъ, чтобы они его „запытала и, що знае, спробували“. Пастухи люди скромные: они чувствуютъ себя въ неловкомъ положеніи, „бо винъ филозофи“. Присмотрѣвшись ближе къ этому „филозофи“, они осмѣливаются сказать ему, что и „мы ту латыну знаємъ, только тебе ся питаемъ, якъ-то по латынѣ женутъ въ поле свинѣ, скажи ты намъ“. Взялъ Грыцько книжку и „пишовъ до хлива, ставъ у кутку съ презенцію, мовитъ свинямъ орацію: алянтусъ, свинянтусъ, згризантусъ травантусъ на стерниску“. Голодные свиньи бросились къ дверямъ и разбѣжались. Тогда „батько Грыцька за чуприну: а за що ты, скурвый сыну“, выругалъ свиней и разогналъ ихъ. Видѣть Грыцько, „що не жарты, забравъ въ торбу усь карты, далъ Грыцько—въ обѣ ноги, мановыкомъ безъ дороги, руками махае, писенку складае самъ о соби“¹).

Таковы были люди, подвизавшіеся на церковно-педагогическомъ поприщѣ въ старинной Малороссіи. Мы видѣли, что они далеко не свободны были отъ разныхъ нравственныхъ недостатковъ, отчасти неизбѣжныхъ въ томъ положеніи, которое они занимали: безъ кормила и руля шли они на встрѣчу всѣмъ случайностямъ жизни, „не ощущая на хребтахъ своихъ, какъ говорится въ одной сатирѣ на пиворѣзовъ, отягощенія торбъ, бездѣльными шпаргалами наполненныхъ“²). Въ виду этой обстановки нашихъ старинныхъ педагоговъ, мы не беремъ на себя смѣлости въ рѣшительномъ тонѣ осуждать ихъ съ точки зрѣнія современныхъ намъ этическихъ требованій отъ народного учителя. Знаемъ мы, что и въ то время могли смотрѣть на нихъ съ укоризной люди, которые учились въ тѣхъ же

¹) Рукописный Сборн. XVIII в. Кабальчича, списанный Нейманомъ.

²) Рукоп. Церковно-Археолог. Музей при кіевск. Акад. № 151.

латинскихъ школахъ, но, благодаря своимъ талантамъ и счастью, проложили себѣ болѣе широкій путь въ жизни. Воззрѣнія этихъ людей, тоже не безгрѣшныхъ въ разныхъ иныхъ отношеніяхъ, меныше всего могутъ служить надежной точкой опоры для оцѣнки мелкихъ дѣятелей просвѣщенія, которые довольствовались убогою и скромною долей сельскихъ бакалыровъ, и потому не остали послѣ себя громкихъ именъ, отмѣченныхъ въ исторіи края. Между тѣмъ въ нихъ-то, по нашему мнѣнію, и заключалась вся сила просвѣтительного движенія, начатаго по инициативѣ народа и не отрывавшагося въ старину отъ народной почвы. Это взаимодѣйствіе народныхъ и книжныхъ вліяній, въ связи съ подвижнымъ составомъ старинной малорусской школы, многое объясняетъ намъ, какъ въ міровоззрѣніи малорусского народа, такъ и въ поэтическомъ выраженіи этого міровоззрѣнія.

Обратимся теперь къ самому содержанію „бездѣльныхъ шпаргаловъ“, которые служили для молодиковъ старинной нашей школы лакомой приправой къ изученію граматки, псалтиря и часовника.

П. Житецкій.

О Т Ъ Р Е Д А К Ц И И.

Въ „Киевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельный изслѣдованія по истории южной Россіи и разнообразные материалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, рассказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народного быта, или служить проявленіемъ народного творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычай религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Бібліографическая свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по истории южной Россіи сопровождаются критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ истории южнорусского народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежать въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

„Киевская Старина“ выходит въ 1892 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, 1-го числа каждого мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Открыта подписка на „КИЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1892 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписька принимается въ редакціи журнала „Киевская Старина“, Кузнецкая, № 14.

Редакція отвѣтаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присыдать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Киевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 и 1891 по **8 р.** за 12 книжекъ, съ пересылкою **10 р.** При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдельныя книги за 1882—91 г. по **1 р.**

Издатель И. М. Гамалѣй.

За редактора Е. Нивлицкій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

**ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.**

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XXXVI.

1892 Г.

ФЕВРАЛЬ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1892.

СОДЕРЖАНИЕ.

	СТР.
I. СТРАНСТВУЮЩИЕ ШКОЛЬНИКИ ВЪ СТАРИНОЙ МАЛО- РОССИИ. П. Житецкаго	189—205
II. СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРОУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ. (<i>Продолжение</i>). Н. Ф. Сумцова.	206—225
III. МАЛОРОССІЯ ПО РАЗСКАЗАМЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВЪ КОНЦА ПРОШЛАГО И НАЧАЛА НЫНѢШНЯГО СТОЛѢТИЯ. Л. Синицкаго	226—259
IV. БАРСКАЯ ОКОЛИЧНАЯ ШЛЯХТА ДО К. XVIII В. Этнограф- ический очеркъ. М. Грушевскаго	260—277
V. КАРТИНЫ МОЕГО ПРОШЛАГО. Б. Познанскаго.	278—294
VI. ПУТЕШЕСТВІЕ ИМПЕР. ЕКАТЕРИНЫ II ВЪ ЮЖНУЮ РОС- СІЮ ВЪ 1787 ГОДУ. Г. В. Есипова.	295—306
VII. ПОМИНКИ ПО А. А. ВОСТОКОВЪ. И. Каманина.	307—311
VIII. ПАМЯТИ КН. В. Н. РЕПНИНОЙ. Н. С.	312—313
IX. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ вопросу о ваучномъ изданіи «Кобзаря» Т. Г. Шевченка. В. Науменко. б) Письмо Ив. С. Тургенева къ А. Д. Оболонскому по по- воду выкупа родичей Т. Г. Шевченка пзъ крѣпостной зави- симости. В. Н.—ка. в) Письмо Т. Г. Шевченка къ А. Д. Оболонскому. В. Н.—ка. г) Воспоминанія о Т. Г. Шевченкѣ Е. Б. Піуновой (Шмидгофф). В. Н.—ка. д) Къ помѣщаемымъ двумъ рисункамъ Т. Г. Шевченка. е) Воспоминанія о по- койномъ А. А. Потебнѣ. ж) Выставка картинъ кіевскихъ художниковъ. З. з) Письмо В. Ганки къ министру народн. просв. гр. Уварову. А. С.—ча. и) Къ истории г. Киева и его окрестностей въ XV—XVII вв. А. Стороженка. і) Изъ фа- мільныхъ преданій и архивовъ. Н. В. Стороженка. к) Листъ Тамоеніи Цыцюры. Сообщ. В. Сторожевъ. л) Необходимыя поправки. Н. Ф. Сумцова.	314—349
X. ЦБЛІОГРАФІЯ: а) Этнографическое обозрѣніе. 1891 г. книги VIII, IX и X. Я. Ш. б) Откликъ въ пользу голодающихъ. А. Марковича. в) Щербановская волость елисаветградского уѣзда бересинской губ. В. Ястrebова. г) Народные обычай, суетѣрія, предразсудки и обряды крестьянъ саратовской губ. 2 вып. XIX т. Арх. Л.—нко. д) В. С. Карцовъ и М. Н. Мазаевъ. Опытъ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей. Арх. Л.—нко	350—364
ПРИЛОЖЕНИЯ: 1) Шортретъ Тараса Григорьевича Шевченка. 2) Хата Шевченка въ с. Кириловкѣ. 3) Дневникъ генерального подскарбія Якова Марковича.	
ОБЪЯВЛЕНИЯ	1—4

Странствующие школьники въ старинной Малороссії.

По отрывочнымъ статистическимъ даннымъ, упълѣвшимъ отъ прошлаго вѣка, можно судить о томъ, какъ широко распространены были народныя школы въ старинной Малороссії¹⁾. Обыкновенно, вмѣстѣ съ церковью строили и школу: здѣсь жилъ *панъ-дякъ* съ своею дружиною пѣвцовъ и чтецовъ церковныхъ²⁾). Уже изъ этого видно, что мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ не случайнымъ, навѣяннымъ соображеніями, чуждыми народному міровоззрѣнію и народнымъ симпатіямъ.

Остановимся на этомъ явленіи со стороны внутренней связи его съ умственнаю и нравственнаю жизнью малорусскаго народа.

Нужно замѣтить прежде всего, что дьякъ занималъ свое положеніе не по сословному происхожденію своему изъ духовнаго званія, а по должности, которая доступна была для всѣхъ сословій³⁾. И однако же это было лице немаловажное въ при-

¹⁾ Основа, 1862 г., Май, статья А. Лазаревскаго: „Статистическія свѣдѣнія объ украинскихъ народныхъ школахъ и госпиталяхъ въ XVIII в.“—Журналъ Мин. Пар. Просв. 1861 г., Январь, статья Сухомлинова: „Училища и народное образованіе въ черниг. губ.“—Руководство для сельскихъ настырей, 1864 г., ст. Крыжановскаго: „Очерки быта малорусскаго сельскаго духовенства“. — Українська старина, Давилевскаго, 1864 г., „Харьковская народная школы 1732—1863 г.“—Земской сборникъ черниг. губ., ст. Ефименка: „Народное образованіе въ черниг. губ.“

²⁾ Чери. Епарх. Вѣд., 1865 г., 340. Еще до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ Малороссіи дома, гдѣ живутъ церковнослужители, называются школами.

³⁾ Только въ 1771 г. кіевский митрополитъ Гаврій Кременецкій одѣжалъ распоряженіе о томъ, чтобы кандидатами на должность дьяка были исключительно дѣти ліцъ духовнаго званія, а въ 1778 г. при томъ же митрополитѣ введены были въ церковные праходы такъ называемые *штаты*, по которымъ полагалось ври-

ходѣ. При одной церкви могло быть два и даже три священника, но всегда былъ одинъ только дьякъ, избранный громадою за *добрый часъ*, за надлежащее знаніе службъ церковныхъ и умѣніе вести ихъ благолѣпно и благочинно. Этого мало. Отъ дьяка требовались таланты педагога, потому что онъ самъ долженъ былъ заниматься обученіемъ помощниковъ своихъ при исполненіи службъ церковныхъ. Какъ учитель школы, онъ назывался *панъ-бакаляръ*, а какъ начальникъ ея—*панъ-директоръ*.

Въ чемъ же заключалось его *бакаларство*? Кого, чemu и какъ училъ дьякъ?

Училъ онъ *молодиковъ школыныхъ*, какъ жившихъ въ школѣ, такъ и приходившихъ въ нее. Жили въ школѣ безпріютные сироты, которымъ некуда было дѣваться, приходили—дѣти козаковъ и посполитыхъ, людей богатыхъ и бѣдныхъ. Въ извѣстной вертепной драмѣ Климъ и жена его—люди бѣдные, но это не мѣшало имъ послать своего сына въ школу, при чечѣ за трудъ бакаляра расплачиваются они вмѣсто денегъ свиньей. Этотъ живой гонораръ, какъ дьяку, такъ и всѣмъ обитателямъ школы, пришелся по вкусу:—„Ци, ирци, фертикъ Иванецъ“, восклицаетъ дьякъ, обращаясь къ одному изъ школяровъ, очевидно, сожителю своему,

«Спиши сюды зило,
Клымій сотворывъ намъ честь,
Давъ свиняче тило».

Когда свинья была унесена, дьякъ обращается къ Климу съ благодарственной рѣчью:

«Обреченну вашу жертву, говорить онъ, съ благодарностю
пріемлемъ

И вилю вамъ объемлемъ!»

одномъ священникъ два, при двухъ—четыре, при трехъ—шесть причастниковъ. Съ этого времени выдающееся положеніе дьяка въ приходѣ начало все болѣе и болѣе суживаться (Руковод. для сельскихъ пастырей, 1861 г., № 49, 79—80). Что касается до заштатныхъ церковниковъ, то въ 1788 году Екатерина II предписала обратить ихъ въ военную службу при черноморскомъ адмиралтействѣ. О переселеніи ихъ въ Новороссійскій край, см. любопытную замѣтку П. Иванова въ „Кievск. Старина“ 1891 г., Май.

Прослезился Климъ отъ такой торжественной учтивости письмёна чловѣка¹⁾.

Какъ видно, голодное житѣе было въ школѣ — особенно для молодиковъ школьніхъ, но оно скрапивалось надеждой, которую въ дунгѣ лелеялъ каждый изъ нихъ, со временемъ сдѣлаться дѣякомъ, а потомъ, по меткому выраженію народному, *выдряпаться и на попа*²⁾. Нужно было только усвоить всю премудрость школьнную, которая начиналась обыкновенно съ изученія *граматки* (букваря) и расширялась по мѣрѣ изученія *псалтырь* и *часословія* — основныхъ богослужебныхъ книгъ, подготавливавшихъ молодика къ практическому заявленію своихъ способностей и познаній предъ всею громадою — на клирость, въ церкви. Нужно было также изучить всѣ напѣвы церковные — восемь гласовъ на „Господи, воззвахъ“, восемь гласовъ на „Богъ Господь явися намъ“ и столько же гласовъ на ирмосы, да сверхъ того, изучить пѣніе *самогласное*, т. е. тѣ же псалмы и ирмосы на свой собственный голосъ, и *подобное*, т. е. пѣніе двойного текста на одинъ и тотъ же гласъ³⁾.

Не легка была эта наука. Многіе такъ и оставались *молодиками* на всю жизнь, исполняя низшія причетническія обязанности при церкви⁴⁾. Особенно трудно было изученіе *граматки*. Сопровождалось оно обычными въ старинной школѣ *наказаніями по тильгу*. Какъ былъ горекъ этотъ корень *ученія*, можно видѣть изъ одной шуточной вирши, которая сохранилась въ народномъ пересказѣ до настоящаго времени.

«Казавъ менні баляръ промовыты: «Азъ, Азъ!»
А якъ же я не вымовывъ, винъ по пыци: «разъ, разъ!»
Крыкнувъ же винъ у друге: «А ну, кажы: Буки!»
Ой ще жъ бо я не вымовывъ—поцавъ въ ёго руки.
Крыкнувъ дали въ третий разъ, що бъ вымовывъ: «Видѣ!»

¹⁾ Малорус. вертепъ, Г. Галагана, „Кiev. Стар.“, 1882 г. Октябрь, 35—36.

²⁾ Руководство для сельскихъ пастырей, 1861 г., № 39, 138.

³⁾ Українск. старина, Данилевского, стр. 297.

⁴⁾ Въ спискѣ церковниковъ отъ 1765 г., находившихся въ г. Переяславѣ, показаны въ числѣ молодиковъ школьніхъ лица разныхъ возрастовъ отъ 12 до 39 лѣтъ. См. Архивные отрывки для исторіи подтаск. епархіи, А. Лазаревскаго, Вып. I, 1887 г.

А вже жъ ёго живава рука по чупрыни иде.
 Ой якъ сказавъ у четверте: «вымовляй: живите!»
 «Ну-те жъ, хлопци, заразъ ёго на лавку кладите!»
 И просывся, и молывся, а ще бильшъ злябаясь,
 Во задалы таку хлосту, що й свита зцурався»... ¹⁾).

Въ субботу, обыкновенно, промовляли всѣ молодики школьные передъ паномъ бакаляромъ то, что было выучено въ теченіе недѣли: кто изъ нихъ не твердъ былъ въ познаніяхъ, тотъ получалъ *суботника*. Чуть не до нашихъ дней исполнялось это старинное правило, обозначенное еще въ XVI в. въ уставѣ луцкой братской школы, где говорится, что по субботамъ „ди-даскаль маєть дѣтямъ и памятного не боронити, по чапи школьной испити“ ²⁾).

Однимъ словомъ, школа была суровая...

И однако же народъ предпочиталъ ее такъ называемымъ народнымъ училищамъ, которыя въ концѣ прошлаго вѣка Екатерина II начала заводить въ Малороссіи. Давно уже выяснено, что главная причина нерасположенія народа къ этимъ училищамъ заключалась въ бюрократическомъ характерѣ ихъ: они были разсадниками мелкаго чиновничества и всякаго рода канцелярскихъ сутягъ и ябедниковъ, которые были несимпатичны для народа ³⁾). Въ свою очередь мы скажемъ, что въ новыхъ училищахъ народъ не нашелъ удовлетворенія своимъ церковно-общественнымъ потребностямъ, которыя заключались не въ одной грамотности, приспособленной къ церковному богослужѣнію, но и въ усвоеніи навыковъ и вкусовъ, можно сказать, эстетическихъ и даже отчасти литературныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, было бы грубою ошибкою сводить все образовательное значеніе старинной малорусской школы только къ граматикѣ, псалтирю и часловцу...

Мы имѣли возможность пересмотрѣть не мало школьніхъ сборниковъ, составленныхъ въ прошломъ и въ началѣ настоя-

¹⁾ Старосв. Баандуриста, Н. Закревскаго, 1866 г., 122.

²⁾ Акты, издан. времен. комиссіей, I, 108.

³⁾ Жур. Мин. Нар. Просв., Яваръ, 1864 г., Сухомлиновъ „Училища и народное образование въ черн. губ.“, 9, 39.

щаго вѣка и предназначенныхъ для практическаго употребленія въ школѣ и внѣ школы. По своему формату они напоминаютъ наши записныя книги и заключаютъ въ себѣ массу всякаго рода стихотвореній на языкахъ славянскомъ, книжномъ малорусскомъ, народномъ малорусскомъ и даже польскомъ. Нерѣдко встречаются въ этихъ сборникахъ и народныя пѣсни съ нотами и безъ нотъ. Изученіе этого материала, по нашему мнѣнію, должно служить основой для разясненія интересующаго насъ вопроса о происхожденіи своеобразныхъ приемовъ мысли и рѣчи во многихъ произведеніяхъ пародной поэзіи и особенно въ народныхъ малорусскихъ думахъ.

Считаемъ необходимымъ прежде всего возстановить для себя отжившій образъ людей, которые занимались составленіемъ школьныхъ сборниковъ, удовлетворявшихъ, какъ видно, литературному вкусу и нравственнымъ потребностямъ своего времени.

Это были старинные *студеи* высшихъ латинскихъ школъ и странствующіе дьяки, которые носили въ народѣ характерное прозваніе *мандробанныхъ* дьяковъ. Тѣ и другіе назывались также *пиворѣзами*—полагать надобно—по особенному пристрастію ихъ къ употребленію пива.

Извѣстно, что въ старину и высшая школа въ краѣ, Академія кіевская, не обезпечена была отъ нужды и голоданія. Содержалась она на доходы съ имѣній братскаго монастыря да на доброхотныя подаянія съ кіевскихъ и повѣтовыхъ обывателей¹⁾). Сборъ этихъ подаяній организованъ былъ посредствомъ такъ называемыхъ *конгрегаций*, но пользовались этимъ сборомъ только немногіе *студеи*, жившіе въ самомъ братствѣ, большая же часть бѣдняковъ, приходившихъ въ братскія школы со стороны, должна была промышлять сама о себѣ. Лучшіе изъ нихъ поступали на *кондитіи* въ дома плахетныхъ людей

¹⁾ Первый жалованій окладъ Академіи положенъ грамотою царей Петра и Іоанна Алексѣевичей въ 1694 г. Повѣльно было отпускать изъ кіевской казны на Академію, которая въ то время называлась еще Коллегіей, по 50 р. деньгами и по 50 четвертей хлѣба. Затѣмъ это содержаніе постепенно увеличивалось и дошло чрезъ столѣtie въ 1797 году до 12 тысячъ рублей въ годъ. (Описаніе Кіева, Закревскаго I 162).

въ качествѣ домашнихъ наставниковъ, которые носили въ то время солидный титулъ *инспекторовъ*. Остальная братія тѣспиналась по церковноприходскимъ школамъ, получая отъ прихожанъ скучное вознагражденіе пищею и дровами. По неволѣ приходилось добывать средства къ жизни испрошеннемъ подаяній. Цѣлыми толпами ходили по улицамъ города *миркачи*, получившиye это название отъ первого слова пѣсни, въ которой выражались благожеланія донохозяевамъ за милостыню. Въ праздники Рождества и Воскресенія Христова они являлись въ дома обывателей съ поздравительными виршами и праздничными кантами. Когда же наступало время лѣтнихъ каникулъ, безпріютные бѣдняки расходились по всему краю съ разными запасами школьнай мудрости, чтобы собрать какіе-нибудь денежные запасы на учебное время года. Это были своего рода хожденія въ народъ—такъ называемыя—*эпетицii*, послѣ которыхъ кіевская Академія не досчитывалась многихъ питомцевъ своихъ. Одни изъ нихъ увлекались обстановкою сельской жизни, о которой мечтали еще въ школѣ.

«Любезно село!» говорится въ одной рукописи прошлаго вѣка,
 «Когда увижу твои сладчайшіи страви—
 Капусту, горохъ, рѣшу, бобъ, въ салѣ варени?
 О вечери щасливіи! О ночь блаженій!»¹).

Подъ вліяніемъ этой обстановки они затягивались глубже и глубже въ тину повседневной жизни, утѣшалъ себя мыслю, что наука не составляетъ ихъ призванія. Есть любопытная *приказка* въ той же рукописи, изображающая это настроеніе:

«Не пинись, что тебѣ не дано отъ Бога:
 Безъ Бога, знаешь, ниже до порога.
 Если не рожденъ, не сунься въ науку:
 Ахъ, многи черезъ то въ вѣчну впали муку!
 Не многихъ мати породила къ школѣ.
 Хочъ ли блаженъ быть?
 Будь сыть въ твоей долѣ»²).

¹⁾ Рукоп. Кіево-Михайлова монастыря, № 1752.

²⁾ Ibidem.

Многіе изъ эпетентовъ томились жаждою приключеній и исчезали бесследно на „славномъ Запорожье“, слагая головы свои въ тревожной жизни войскового братства. Болѣе счастливые изъ нихъ находили тамъ же свое призваніе въ *калагаръ* войскового писаря. Не мало было и такихъ, которые съ дерзновенною душою переступали черезъ порогъ панского дома въ качествѣ вольныхъ людей, а потомъ сами не знали, какъ вырваться на волю¹⁾). Но главнымъ убѣжищемъ для всѣхъ странствующихъ школьниковъ была сельская школа. „Школа вскимъ страннымъ домъ есть вольный“, гласитъ *старинная народная пословица*²⁾). Здѣсь бросали якорь утомленные странники на болѣе или менѣе продолжительное время. Иные оставались въ приходѣ навсегда въ качествѣ дьяковъ или же помощниковъ мѣстного дьяка. Другіе шли дальше, постепенно усваивая привычку къ бродячей жизни, исполненной всякихъ треволненій и злоключеній. Нужно сказать, впрочемъ, что и весь посполитый людъ въ то время тоже пользовался правомъ вольного перехода отъ одного пана къ другому до самаго закреѣщенія крестьянъ. Всѣ искали счастія въ передвиженіи съ мѣста на мѣсто, кромѣ тѣхъ, которые посредствомъ урядовъ и другихъ привилегированныхъ положеній получали возможность свѣтъ себѣ теплое и прочное гнѣздо. Понятно, что и кочеванье школьниковъ изъ одной школы въ другую не могло казаться тогда явленіемъ страннымъ или же постороннимъ. Такъ, изъ самыхъ условій жизни выработалась въ старинной Малороссіи своего рода передвижная школа изъ бродячихъ школьниковъ, которые быстро превращались въ мандрованныхъ дьяковъ³⁾.

¹⁾ Українск. старина, Данилевскаго, 298—299.

²⁾ Українські приказки, Номиса, стр. 119.

³⁾ Служалось иногда, что видъ странствующаго школьника привинали на себя злѣ, желавшіе избѣжать опасности или же уйти отъ бѣды. Въ Іѣвописи Величка есть любопытное извѣстіе о противнике Дорошенка, гетманѣ Стрѣвскомъ. Онь былъ разбитъ однимъ изъ отрядовъ войскъ Дорошенка и „отъ вастовившя ему тогда бѣди, сѧмъ и тамъ туляючися, спасъ гоноръ свой гетманскій титуломъ *школьскимъ*“. (т. II, 224).

Чтобы познакомиться съ бытомъ и нравами этихъ людей, остановимся на автобіографіи одного изъ нихъ, Ильи Турчиновскаго, который „по школамъ волочился“ въ первой четверти прошлого вѣка¹⁾.

Турчиновскій былъ сынъ березанскаго сотника, учился сперва въ мѣстной березанской школѣ, а потомъ въ низшихъ классахъ кіевской Академіи, откуда взятъ былъ матерью домой для помощи въ хозяйствѣ и „за домашнею суетою всего позабилъ“—и вотъ онъ началъ странствовать „для повиданія болѣе свѣта и ученія“. Сперва онъ состоялъ писаремъ дворовымъ при сотникѣ синявскомъ Мандрикѣ, а затѣмъ отправился съ двумя подобными себѣ искателями приключеній въ г. Могилевъ-Литовскій. На дорогѣ произошла между нимиссора. Спутники его—„лютые Диоклитіяне“, какъ онъ говоритъ, чутъ было не убили его, но ограничились тѣмъ, что отобрали у него деньги. Въ пограничномъ селѣ Поповой Горѣ принялъ онъ былъ „до половины даковской“ и пріютілся въ приходской школѣ, но „лютые Диоклитіяне“ донесли на него сотнику компанейскому, который стоялъ въ томъ селѣ, что Турчиновскій по дорогѣ дѣяковъ въ школахъ обижалъ, книги и деньги у нихъ похищалъ, поэтому тою же дорогою они возвращаться назадъ не могутъ. Сотникъ велѣлъ отобрать у него деньги, книжки и одежду и забить въ колодки, какъ вора, а за отобранныя вещи приказалъ шинкаркѣ подать судьямъ и тѣмъ „лютымъ Диоклитіянамъ“ меду. Начался шумный ширъ съ пѣніемъ, заставляли пить и осужденнаго: „едиакъ я,—говоритъ Турчиновскій,—хочай и покушался спѣвать, но за обліяніемъ слезъ не могъ и гласу отвести“. Отъ шума и гамы пирующихъ проснулся атаманъ компанейскій, который въ это время спалъ на печи. Оказалось, что это былъ давній знакомый отца Турчиновскаго. Дѣло приняло иной оборотъ. Турчиновскаго распросили, какъ слѣдуетъ, возвратили ему все имущество его, а клеветниковъ забили въ колодки на цѣлые сутки. Мало того—

¹⁾ Рукопись первой половины XVIII в., напечатанная въ „Кіевской Старинѣ“, 1885 г., Февраль.

сотникъ компанейскій оставилъ его при себѣ писаремъ. Но не таковъ былъ Турчиновскій, чтобы усидѣть на одномъ мѣстѣ. Отпросился онъ у сотника въ Могилевѣ „для обученія языка латинскаго и провидѣнія по свѣту людскаго обхожденія“. Переизмовалъ онъ въ Могилевѣ въ школѣ при покровской церкви, а весною поступилъ въ іезуитскую школу. Случайно услышалъ пѣніе его православный епископъ въ церкви Преображенія Господня и, узнавъ, что пѣвецъ былъ православный, пригласилъ его въ должность пѣвческую. Іезуиты прогнали его отъ себя, какъ схизматика. И па новомъ мѣстѣ не обошлось безъ приключеній. Поссорился онъ съ регентомъ архіерейскаго хора, который, злобствуя на него, во время всенощной на Свѣтлое Воскресеніе Христово „пхнулъ его изъ хоръ черезъ жемчужные балсы“. „Летѣлъ я, говоритъ Турчиновскій, искъ хоръ на долгъ, и ежели бы не потрапилъ на женскія главы, то бы о камень мarmurъ разбился. И многимъ женамъ повреждены были главы, а единой старусѣ и всемъ глава сломиласъ, якая у три дня и умерла“. — Регентъ, боясь гнѣва архіерейскаго, принялъ католическую вѣру и продолжалъ преслѣдовать Турчиновскаго. „Бѣгая того зла“, отпросился онъ у архіеря съ двумя пѣвчими въ г. Шкловѣ, где пристроился въ качествѣ регента при монастырѣ Благовѣщенія. Прожилъ онъ здѣсь четыре года. Но и тутъ, по обыкновенію, нашлись враги у него. Одинъ разъ вмѣстѣ съ какими-то странствующими двумя студентами изъ Киева на Свѣтлое Воскресеніе „выправилъ“ онъ „діалогъ зъ интермедіею, на якій многолюдствіе благочестивыхъ собралось, и римлянъ, и самихъ езовитовъ, и доменіканъ, и жидовъ“. Мѣстный органистъ доминиканскаго кляштора, по наущенію католического духовенства, пригласилъ его до „органовъ спѣвать“. Турчиновскій отказался, не смотря на приказаніе губернатора. За это органистъ съ замковыми драгунами избилъ его до полусмерти. Пришлось лѣчиться отъ побоевъ, но по выздоровленіи обиженный съ своими пѣвчими засталъ „того органѣсту въ ночное время въ шинку и отреванѣжалъ ему такожъ кіями и шаблями“.... Послѣ этого происшествія нельзя было оставаться въ Шкловѣ, поэтому Турчиновскій,

„забравши всѣхъ пѣвчихъ, дубомъ по рѣкѣ Днѣпру пустился внизъ“. На дорогѣ судно наскочило на корчу, пловцы едва спаслись, благодаря прибрежнымъ рыбакамъ, а имущество ихъ вмѣстѣ съ судномъ затонуло. Добрались они кой-какъ до Чернигова. Здѣсь два спутника Турчиновскаго поступили на службу къ архиерею Радіону Жураковскому, а самъ Турчиновскій вмѣстѣ съ остальными четырьмя пѣвчими пріютился по просьбѣ генерального обознаго Якова Лизогуба въ Седневѣ въ качествѣ дьячка. Жиль онъ тамъ цѣлый годъ, чтобы заработать на одежду и, „мало пріодѣвшись“, прибыль на свою родину, гдѣ засталъ еще въ живыхъ отца, и мать, и всѣхъ родныхъ своихъ. „Въ дому мало поживши“, направился онъ въ Переяславль, гдѣ и принять былъ регентомъ въ „катедру“. Въ 1718 году женился и въ томъ же году епископомъ переяславскимъ Кирилломъ Шумлянскимъ рукоположенъ за заслуги пѣвческія въ священники на родину, въ м. Березань.—Такъ окончилась дьяческая карьера Турчиновскаго, который, вслѣдствіе беспокойнаго нрава своего, претерпѣвалъ не мало всякихъ бѣдъ и въ должности священника.

Отдѣляя то, что относится къ личнымъ качествамъ самого Турчиновскаго, не можемъ не признать въ немъ одного изъ типичныхъ представителей мандреваннѣхъ дьяковъ. Всѣ они, какъ и Турчиновскій, отличались въ большей или меньшей степени продерзостью нрава и отвагой, управляемой голodomъ и выносливостью въ испытаніяхъ всякаго рода. Въ дополненіе къ этимъ чертамъ занимающаго насъ типа приводимъ отрывки изъ одной интерлюдіи Довгалевскаго, нигдѣ еще не напечатанной, по рукописи первой половины прошлаго вѣка¹⁾.

Начинается интерлюдія монологомъ одного пиворѣза, который размышляетъ о томъ, куда бы ему „приодѣгшись мало“ помандровать—въ Березну или въ Коропъ. Плѣняетъ его градъ Коропъ, гдѣ всякие

«користы бывають», куда
«И соборніи нашѣ учащають,

¹⁾ Рукопись Кієво-Михайлівскаго монастиря, 1736 года, № 1710.

Всѣмъ той камень, прибѣжище зайцемъ и маты,
Гдѣ братія животъ свой жаждетъ скончевати.
Камо и азъ шествую алчній, жаждній пити,—
Да животъ мой въ градѣ томъ могу кончить,—
Въ немъ-же мы отъ дѣтскихъ лѣтъ криличествовали
И по шагу изъ дому рокового брали.
И тамъ нась братія соборнѣйша знаеть,
Только туди появлюсь, то вся прибѣгаешь
Подъ нашу милость, даби клиру сопрочтити,
И соборъ мижъ братію добре утвердити.
Не только жъ мы умѣемъ клиромъ управляти,
Но можемъ еще куншти разніе писати.

Является другой пиворѣзъ. Завязывается между ними разговоръ. Мы бывало, говорить новый пришелецъ,

«Яѣ колись на мѣсцѣ бували,
То до мене всѣ странини въ школу приходжали,
Ми бувало всіого по достатку маємъ,
И хто прійдетъ къ намъ въ школу, любезно вгощаемъ:
Веліе баше число у нась горублицѣ,
Полни чванцы текущы эъ подъ трубной криницы,
И всего, слава Богу, бишѣ по достатку,
ІЦо у людей, то и въ нась—всякого статку,—
Да и теперъ богати: маємъ воли и телицы,
Иже купно мандрують по стѣнѣ къ трубницѣ».
«Не хвалѣтесь, отвѣчаетъ своему собрату первый пиворѣзъ,

«бо и мы блощицкого роду,
Маємо по достатку и всякого плоду,
Доволствуемъ же эѣло, что хлѣба иѣ куса,
Все ходачи по школѣ сиравляемо труса,
Потрясши кучерами, да спнаты лѣгаемъ,
А уставши раненко, бражку подливаемъ».

Собесѣдники затѣмъ распрашиваютъ другъ друга, откуда кто идетъ. Первый говоритъ, что идетъ онъ „зъ Середнои Буди“, что хотѣлъ бы пойти въ Березну, но боится,

«бо построивъ штуки,
Такъ щобъ не попастися протопопѣ въ руки».

Рѣшаются они вмѣстѣ идти въ Коропъ, излюбленный го-
родъ пиворѣзовъ, но чтобы „добре залѣзтись“, находить нуж-
нымъ снять портреты другъ съ друга:

«Нашередъ мене зволте вмалювати,
А потомъ мы важець будемъ рисувати».

Въ это время приходитъ къ нимъ мужикъ съ вопросомъ:

«Скажѣть, панове дeki, мудріи вы люде,
Чи Кавель Кавеля вбивъ, кому брехна буде,
Чи миївъ-бъ то съ кумомъ, чи моєму свату:
Все не даєть просвѣтку—дай же его кату!»

—«Не бойся онагрику¹⁾,— отвѣчаетъ ему одинъ пиво-
рѣзъ,—кума побѣдиши,

Аще на горѣлицу шага положиши».

—«Мы тобѣ, пане даче,—говорить мужикъ,—
и всіого потроху

Дамо крупѣйъ и соли, іпона и гороку».

Пиворѣзы приготовляются затѣмъ къ снятію портретовъ.
Захотѣлось и мужику, чтобы и съ него сняли портретъ.

«Добре,— отвѣчаетъ ему первый пиворѣзъ,—
мы служити охочь,

Отмалюемъ усіого, только занлющъ очи».

Мужикъ закрываетъ глаза, а нашъ любитель „штуки“
вымазываетъ ему краской все лицо, при чёмъ товарицъ его
высказываетъ сожалѣніе, что маляръ

сне залѣпивъ ему рота,
Якъ пѣйде до громады да войту іскаже,
Той намъ кіамъ ктитаръ іекарню помаже».

Не обошлась эта проказа пашимъ пиворѣзамъ даромъ.
Собрались въ школу пріятели наивнаго мужика, чтобы проу-
чить прооказниковъ.

«Гледи лишъ, Тарасе,—говорить одинъ изъ мужиковъ,
да стань отъ порога,
То мы легкобитовъ пришилаемъ рога,

¹⁾ Онагръ—*asinus ferus*.

И юнъ, ... синъ, поднявъ смѣхъ зъ нашего брата.
Коли бъ що добре таки, а то шарапата».

Сцена оканчивается посрамлениемъ пиворѣзовъ: „забивають,—говорятъ они убѣгая,—нищету нашу и печаль нашу... Обійдоша мя псы мнози... Жѣзль твой и палица твоя та мя утѣшиста... О Божъ моемъ прелѣзу стѣну... Сонмъ лукавихъ обдергаша мя”...

Картина, очевидно, снятая съ натуры. Дѣйствія въ ней мало, но типы обрисованы выпукло и ярко. Пиворѣзы стоятъ передъ нами, какъ живые. Нѣсколько они подходятъ къ той категоріи людей, которыхъ въ ваше время обыкновенно называютъ неудачниками. Изъ школы они не вынесли законченныхъ знаній и пустились по свѣту промышлять обрывками науки, которая въ цѣломъ своемъ составъ была для нихъ, „яко темная вода во облацѣхъ воздушныхъ“. Съ этими обрывками они появились въ народъ и озирали его съ высоты своего школьнаго величія. Лучше всего выразилъ это настроеніе въ виршахъ своихъ монахъ Климентій, современникъ Турчиновскаго, человѣкъ тоже пиворѣзного типа:

«Въ простого мужика простый есть обычай,
А въ письмѣннаго особый, политичный звычай»¹⁾.

Не симпатиченъ для настъ этотъ „звычай“—въ безцѣльной игрѣ жизнію строить всякія „штуки“, рисоваться передъ народною толпой въ качествѣ удалыхъ, добрыхъ молодцевъ, „залицаться“ съ поселянками посредствомъ портретовъ, конечно, за невозможностію имѣть при себѣ фотографическія карточки нашего времени. Не симпатична для настъ эта полупьяная и даже совсѣмъ пьяная удалъ, подогрѣваемая убѣжденіемъ, что можно въ худшемъ случаѣ спрятать концы въ воду и избѣжать надлежащаго возмездія.

Тѣмъ не менѣе возмездіе, какъ видимъ мы изъ интермедій Довгалевскаго, было возможно. Въ народѣ, тогда еще не закрѣпощенномъ, сохранилось чувство человѣческаго достоинства:

«Що се тобѣ, Артюша, сталося таке,

¹⁾ Осипова, 1861 г., Январь, 176.

говоритъ пріятель мужика, надъ которымъ пошутили пиворѣзы,

Що жъ мы въ первше изъ роду видимо отъ сее,

Що такъ отъ легкодуха терпѣтимуть люде?

Едже, якъ не выбемо, то изъ наасъ смѣхъ буде».

Мы должны понимать слово „въ первше“ для данного случая въ той мѣстности, гдѣ случилось это происшествіе, но полагать надобно, что и въ другихъ мѣстахъ оно вызвало бы тѣ же прискорбныя для пиворѣзовъ послѣдствія. При этомъ нужно еще имѣть въ виду и то обстоятельство, что—такъ или иначе—а все-же пиворѣзы состояли въ материальной зависимости отъ того самого мужика, которому они любили, какъ говорится, пустить пыль въ глаза, поэтому они не могли давать полной воли дурнымъ привычкамъ своимъ. Напротивъ того, въ собственныхъ интересахъ своихъ они должны были выдвигать передъ нимъ лучшия качества свои—не столько научная познанія, которыхъ у нихъ были скучны, сколько литературные и вообще художественные вкусы и навыки. Мы видимъ изъ интермедіи, что они умѣютъ и рисовать, и куншты разные писать и, конечно, церковныя пѣсни и канты разные распѣвать. Все это шло на потребу сельского люда для удовлетворенія, главнымъ образомъ, его религіознаго чувства. Но такъ какъ это чувство непосредственно сливалось съ поэтическимъ міровоззрѣніемъ народа, съ бытовыми подробностями его жизни,—то для наасъ сдѣлается совершенно яснымъ, почему весь этотъ пиворѣзный людъ пользовался поддержкой и даже симпатіями народа. По крайней мѣрѣ, въ народныхъ пѣсняхъ нѣть сердитыхъ нотъ, вызванныхъ недостатками и слабостями пиворѣзовъ. Есть пѣсни о дьякахъ, изображающія нѣкоторыя неудачныя похожденія ихъ въ область женской красоты, но они сложены въ добродушно шутливомъ тонѣ, который свидѣтельствуетъ о томъ, что дьякъ былъ свой человѣкъ въ приходѣ,—не только свой, но и симпатичный человѣкъ, безъ котого немыслимо было обычное теченіе сельской жизни въ самыхъ интимныхъ проявленіяхъ ея.

Нужно сказать, впрочемъ, къ чести пиворѣзовъ, что они сами расположены были къ сознанію собственныхъ своихъ не-

достатковъ и даже къ сатирическому изображенію ихъ. Любили они упражняться въ сочиненіяхъ, направленныхъ къ самообличенію. Въ школьніхъ сборникахъ прошлаго вѣка перѣдко попадаются жестокія по тону обращенія къ пиворѣзамъ, чтобы они отстали отъ главнаго порока своего—пьянства. Комизмъ этихъ обращеній усиливается литературной формой ихъ, обусловленной специальнымъ занятіемъ пиворѣзовъ: это именно форма обычныхъ церковныхъ чтеній и пѣснопѣній. Въ одной рукописи церковно-археологического музея при кievской Академіи мы нашли не малое количество такого рода произведений подъ слѣдующими заглавіями: „Правило увѣщательное пияницамъ, пѣваемое не въ церквяхъ, но въ школахъ“; „Отъ посланія бахусового къ пиворѣзамъ чтеніе“; „Отъ притчей пиворѣза Березовскаго чтеніе“; „Синааксарь на память пияницамъ о изобрѣтеніи горѣлки“; сверхъ этого—пѣсни на разные ирмосы, тропари и кондаки. Приводимъ для образца одинъ изъ кондаковъ, гласъ пятый:

«Радуйтесь, пиворѣзы, и паки реку: радуйтесь! Се радости день присѣваєтъ, день, глаголю, праздника рождественского зближется! Востаните убо отъ ложей своихъ и воспріймѣте всикъ по своему художеству орудія, содѣлайтѣ вертепи, склейтѣ звѣзду, составте партеры,—егда же станете по улицахъ со звукомъ бродить, пущуце сивухи, приймутъ васъ казаки во кровы своя»¹⁾.

Пиворѣзнымъ настроениемъ вѣять отъ этого кондака, поэтому мы и думаемъ, что онъ могъ быть составленъ въ средѣ самихъ пиворѣзовъ или же въ средѣ людей пиворѣзного происхожденія. Мы разумѣемъ осѣдлыхъ дьяковъ, въ составѣ которыхъ входили многіе пиворѣзы, бѣжавшиѳ изъ латинскихъ школъ. Постепенно сливалась съ народною массой, они превращались такимъ образомъ изъ латинниковъ въ псалтирниковъ и относились уже отрицательно къ своему прошлому, которое любили изображать въ „кунштахъ и виршахъ“ юмористическаго содержанія на тему о томъ, что „стоить латина, привязана пидь тиномъ“ и т. п. Такова, напримѣръ, полувириша, полу-

¹⁾ Рукоп. Церковно-Археолог. музей при Киевск. Академії № 151.

пѣсня: „Бувъ Грыцько мудрый родомъ зъ Коломыи“. Нерѣдко встрѣчается она въ школьныхъ сборникахъ XVIII в., даже и теперь еще не позабыта въ народѣ. Выступаетъ этотъ Грыцько передъ нами, какъ „мудрый“ латинникъ, который такъ „учився добре на философії“, что на шестнадцатомъ году уже и „псалтырку злавъ“. Вотъ приходитъ онъ домой. Отецъ привлѣпаетъ къ себѣ пастуховъ, чтобы они его „запытали и, що знае, спробували“. Пастухи люди скромные: они чувствуютъ себя въ неловкомъ положеніи, „бо винъ филозопъ“. Приемотрѣвшись ближе къ этому „филозопу“, они осмысливаются сказать ему, что и „мы ту латыну знаемъ, только тебе ся питаемъ, якъ-то по латынѣ женутъ въ поле свынѣ, скажи ты намъ“. Взялъ Грыцько книжку и „пишовъ до хлива, ставъ у кутку съ презенцію, мовитъ свинямъ орацію: алянтусъ, свинянтусъ, згризантусъ травантусъ на стерниску“. Голодныя свиньи бросились къ дверямъ и разбѣжались. Тогда „батько Грыцька за чуприну: а за що ты, скурвый сыну“, выругалъ свиней и разогналъ ихъ. Видѣть Грыцько, „що не жарты, забравъ въ торбу усь карты, далъ Грыцько—въ обѣ ноги, мановыкомъ безъ дороги, рукамы махае, писенку складае самъ о себи“¹).

Таковы были люди, подвизавшіеся на церковно-педагогическомъ поприщѣ въ старинной Малороссіи. Мы видѣли, что они далеко не свободны были отъ разныхъ нравственныхъ недостатковъ, отчасти неизбѣжныхъ въ томъ положеніи, которое они занимали: безъ кормила и руля шли они на встрѣчу всѣмъ случайностямъ жизни, „не ощущая на хребтахъ своихъ, какъ говорится въ одной сатирѣ на пиворѣзовъ, отягощенія торбъ, бездѣльными шпаргалами наполненныхъ“²). Въ виду этой обстановки папихъ старинныхъ педагоговъ, мы не беремъ на себя смѣлости въ рѣшительномъ тонѣ осуждать ихъ съ точки зренія современныхъ намъ этическихъ требованій отъ народного учителя. Знаемъ мы, что и въ то время могли смотрѣть на нихъ съ укоризной люди, которые учились въ тѣхъ же

¹) Рукописный Сборн. XVIII в. Кибальчича, спісанный Нейманомъ.

²) Рукоп. Церковно-Археолог. Музея при кіевск. Акад. № 151.

латинскихъ школахъ, но, благодаря своимъ талантамъ и счастью, проложили себѣ болѣе широкій путь въ жизни. Воззрѣнія этихъ людей, тоже не безгрѣшныхъ въ разныхъ иныхъ отношеніяхъ, меныше всего могутъ служить надежной точкой опоры для оцѣнки мелкихъ дѣятелей просвѣщенія, которые довольствовались убогою и скромною долей сельскихъ бакалавровъ, и потому не остали по послѣ себя громкихъ именъ, отмѣченныхъ въ исторіи края. Между тѣмъ въ нихъ-то, по нашему мнѣнію, и заключалась вся сила просвѣтительного движенія, начатаго по инициативѣ народа и не отрывавшагося въ старину отъ народной почвы. Это взаимодѣйствіе народныхъ и книжныхъ вліяній, въ связи съ подвижнымъ составомъ старинной малорусской школы, многое объясняетъ намъ, какъ въ міровоззрѣніи малорусскаго народа, такъ и въ поэтическомъ выраженіи этого міровоззрѣнія.

Обратимся теперь къ самому содержанію „бездѣльныхъ шпаргаловъ“, которые служили для молодиковъ старинной націей школы лакомой приправой къ изученію граматки, псалтира и часовника.

П. Житедкій.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРОУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ.

(ПРОДОЛЖЕНИЕ).¹⁾

Первый печатный трудъ А. А. Потебни — магистерская диссертациі „О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи“ 1860 г. (въ 154 стр.)—давно уже вышелъ изъ продажи и въ настоящее время составляетъ библиографическую рѣдкость. Въ ряду другихъ трудовъ А. А. Потебни это сочиненіе слабое. Здѣсь Потебня пошелъ по пути, проложенному Н. И. Костомаровыи въ 1843 г. въ сочиненіи „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи“. Костомаровъ отыскивалъ символы въ пѣсняхъ; Потебня останавливается на символикѣ въ языке, причемъ располагаетъ символы по единству предполагаемаго въ нихъ основнаго представлениія. По опредѣленію Потебни, символика въ языке возникла изъ потребности возстановить забываемое собственное значеніе словъ, вмѣстѣ съ лексическимъ ростомъ языка. Авторъ вкратцѣ отмѣчаетъ три главные отношенія символа къ опредѣленному имъ предмету: сравненіе, противоположеніе и отношеніе причинное. Болѣе всего символизма обнаруживается въ женскихъ пѣсняхъ, въ зависимости отъ консерватизма женщины. Символизмъ находится въ обратномъ отношеніи къ силѣ постороннихъ вліяній, а потому онъ обнаруживается яснѣе у русскихъ и сербовъ, чѣмъ въ пѣсняхъ чеховъ, поляковъ, лужичанъ и хорватовъ.

¹⁾ См. Киевская Старина, 1892 г., № 1.

Сочинение Костомарова объ историческомъ значеніи русской поэзіи, повидимому, было неизвестно Потебнѣ, когда онъ писалъ свою магистерскую диссертацию. На Костомарова нѣтъ ссылокъ. Книга Костомарова богаче содержаніемъ и оригинальнѣе по методу и группировкѣ фактовъ. Сравненіе этого первого труда Потебни съ послѣдующими его сочиненіями, свидѣтельствуетъ о быстротѣ и силѣ его научнаго развитія. Уже сочиненіе „Мысль и языкъ“, написанное черезъ два года, составляетъ большой шагъ впередъ, а въ сочиненіяхъ Потебни 70 и 80 годовъ трудно узнатъ автора книги „О символахъ въ славянской народной поэзіи“.

Въ книгѣ разсмотрѣны символическія значенія словъ: *пить, питье* (желать, стремиться, любить, цѣловать, блудъ, свадебный пиръ; женитьба, какъ символъ битвы и смерти; питье воды—слезы), *тида* (хлѣбы—символы мужчинъ и женщинъ), *горечь* (горе, печаль; символика горькихъ растеній, полыни и пр.), *согляд* (печаль, непріятность); *сладости* (любовь, счастье, милый), *таяніе* (голодъ, жажда, печаль), *кованье, огонь* (любовь, гнѣвъ), *дымъ и пыль* (печаль); краткая замѣтка о заговорахъ на 31—33 стр.; *морозъ* (сближается съ огнемъ, означаетъ жажду, печаль, заботу); неудачное объясненіе слова химорода (отъ зима, хима) на стр. 36; *свѣтъ* (солнце-дѣвица, мѣсяцъ-мужчина, князь; смѣщеніе пола; красота, любовь, веселье); *блѣлый* (названія цвѣтовъ; блѣлый въ значеніи свѣтлый, красный, зеленый, красивый, милый), зеленый (малорус. граничный, свѣтлый, молодой, красивый, веселый), *красный, каміна* (символъ дѣствства, красоты, любви), *золото* (свѣтъ, красота), *черный, черная туча, темная ночь* (печаль, вражда, смерть и пр.), *быстрота* (красота, любовь, умъ, свѣтъ, сила), *найти* (узнать, развѣдать), *поймать* (сосватать), *вода холодна* (здравье, сила, молодость), *копать криницу* (любить, сватать), *вода въ кринице* (дѣство), *вптерѣ* (быстро, приносить человѣка, гостей, уносить человѣка — „зavіявсь“, „повіявсь“, приносить вѣсть, моръ—повѣтріе), *слюна* (слово, порча); гаданія вѣтромъ и водою на 84 стр.; *утопить* (погубить), *разливъ* (горе, недруги), *слезы* (роса, дождь), *литъ, обливанье и обсыпанье* (обливанье дѣвицъ у колодца на 97;

рождественские обряды съ кашей на 100—102); *облако* (ткань, дымъ, символъ покрыванія, изобилія и красоты); *листья* (одежда; зеленые листья—символъ брака; опаданіе листьевъ—разлука); *рой* (густота, изобиліе, красота; символъ молодаго и поэздань); *вить, вязато, нить, путь, узда* (сватанье, дѣвица, женщина, любовь и бракъ, завиваніе кудрей—любовь и счастье; счастливыя примѣты о паукѣ и паутинѣ; обрученіе; заручины; кромѣ любви, узда, возжи, ярмо означаютъ еще неволю, нужду; рыночные обряды въ зависимости отъ символа вязанія на 132); *ключъ и замокъ* (символы власти, дѣвицы, росы, силы слова); *рвать* (переходъ въ ткать, плести, чесать, рѣзать, бить); *платье* (рубаха—дѣвица, рвать ткань—любить); *дорога* (ходить по дорогѣ—любить); *орать* (любить, жениться), *равнина, поле* (воля, приволье) и *горы* (горе, неволя).

Фактическій матеріалъ почерпнутъ большею частью изъ сборниковъ Метлинскаго и Терещенка, затѣмъ изъ Гаупта, Кульды, Сахарова, Кулиша, Жеготы Шаули, Караджича, Войцицкаго и статей Буслаева.

Въ диссертациі Потебни о символахъ уже ясно и отчетливо обнаружились этнографические интересы автора. Потебня вкрайтъ останавливается на обрядахъ, сказкахъ, заговорахъ, примѣтахъ. Нѣкоторыя этнографическія детали, еле отмѣченныя въ диссертациі 1860 г., внослѣдствіи были подробно разобраны Потебней. Такъ, въ томъ же направлениі символическаго толкованія языка и поэзіи написаны статьи „*О связи иль-которыхъ представлений въ языке*“ (1864 г.), и „*Переправа черезъ воду, какъ представление брака*“ (1867 г.). Это символическое направление проходитъ во всѣхъ послѣдующихъ трудахъ Потебни, въ томъ числѣ въ лучшихъ позднѣйшихъ, напр., въ рецензіи на сборникъ пѣсень Головацкаго и въ сочиненіи о малорусскихъ и сродныхъ пѣсняхъ, но уже въ сопровожденіи многихъ примѣровъ и съ надлежащей научной аргументаціей.

Въ 1865 г. А. А. Потебня въ „Чтенияхъ въ общ. ист. и древн. рос.“ помѣстилъ обширное (310 стр.) изслѣдованіе „*О мифическомъ значеніи иль-которыхъ обрядовъ и повѣрій*“. Символическое толкованіе словъ обнаруживается во многихъ под-

строчныхъ примѣчаніяхъ, изрѣдка въ текстѣ. На первомъ мѣстѣ стоитъ миѳологія. Это было время господства въ Россіи миѳологической теоріи. Въ Германіи увлеченіе миѳологіей начинало уже ослабѣвать. Въ 1859 г. вышло знаменитое предисловіе Бенфея къ Панчантантрѣ, положившее начало новому направленію — учению о литературномъ и бытовомъ заимствованіи, которое повело къ ограниченію миѳологической теоріи. Но въ Россіи въ 60-хъ годахъ учение это не успѣло окреѣнить. На поприщѣ миѳологического изслѣдованія повѣрій и обрядовъ Потебня имѣлъ уже талантливыхъ предшественниковъ, Срезневскаго, Буслаева, Аѳанасьеву, отчасти Бодянскаго и Шеппинга, но Потебня не послѣдовалъ за ними въ выборѣ темъ, въ распределеніи матеріала и въ выводахъ. Его учитеями и руководителями оказались выдающіеся представители нѣмецкой миѳологіи, Я. Гrimmъ, Мангардтъ и Вольфъ. Потебня выбиралъ темы и распредѣлялъ матеріаль самостоительно; но въ выводахъ, въ освѣщеніи и толкованіи обрядовъ и повѣрій — обнаруживается вліяніе нѣмецкихъ образцовъ.

Сочиненіе распадается на три большія главы. Первая посвящена рождественскимъ обрядамъ (1—80); вторая трактуетъ о бабѣ-Ягѣ (81—232) и третья о змѣѣ, волкѣ и вѣдьмѣ (233—310). Каждая глава представляетъ самостоятельное цѣлое.

Изслѣдованіе *о рождественскихъ обрядахъ* оказалось наиболѣе продуктивнымъ въ научномъ отношеніи, по обилію фактическихъ данныхъ и тѣсной связи ихъ съ жизнью народа. Начинается это изслѣдованіе съ описанія сербскаго *бадняка* (сожиганіе въ печи бревна), посыпанія хлѣбныхъ зеренъ, возжиганія свѣчей и чествованія плуга. Далѣе говорится о посвященіи солнцу и жертвоприношеніи свиньи, быка и оленя, отчего пошли и обрядные *кушанья*: свинина, колбасы. Въ концѣ изслѣдованія собрано много матеріала обѣ обрядовомъ употребленіи хлѣба и каши. Съ 1865 г. русская наука не стояла на мѣстѣ, и въ то время, какъ Потебня оставилъ шаткую почву миѳологии и предался специально филологическимъ занятіямъ, всѣ части его труда о рождественскихъ обрядахъ были другими учеными исправлены, развиты, переработаны, и наконецъ въ

новое время появились самостоятельные научные труды по тѣмъ же отдельамъ фольклора, и въ этихъ трудахъ выдвинуты новые материалы и новые точки зренія. Прежде всего крупныя исправленія внесены П. А. Лавровскимъ въ рецензіи 1866 г. Эти исправленія касаются преимущественно предложенныхъ Потебней толкованій отдельныхъ словъ (баднякъ, млинъ, ядро и др.). Толкованія обрядовъ и повѣрій, предложенные Лавровскимъ, сравнительно съ его филологическими поправками, имѣютъ мало значенія. Обрядовое употребленіе свинины и родственныя обряды подробно обслѣдованы А. Н. Веселовскимъ въ „Розысканіяхъ“ (1880 г.); обрядовое употребленіе хлѣба разработано мной въ 1885 г. въ специальной монографіи „Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ“, причемъ трудъ А. А. Потебни былъ для меня драгоценнымъ пособіемъ. Позднѣе въ 1887 г. вышло сочиненіе Гуссона „Histoire du pain à toutes les époques et chez tous les peuples“, содержаніе котораго, довольно жидкое, не отвѣчаетъ громкому заглавію, интересное сочиненіе чешскаго ученаго Коштала „Chléb v pověrach a zvyzich lidu českeho“ (1886), небольшая моя статейка „Starodawne sposoby przyrzadzania chleba“ въ „Вислѣ“ 1890 г. Сюда же относится небольшое сочиненіе Штауба „Das Brod im Spiegel schweizer-deutscher Volkssprache und Sitte“ (1868 г.).

Изслѣдованіе о бабѣ-Ягѣ до настоящаго времени сохранило большую научную цѣнность, по обилію разнороднаго этнографического материала. Въ началѣ изслѣдованія Потебня говоритъ о Гольдѣ и Бертѣ, затѣмъ сближаетъ съ этими миѳическими лицами бабу Ягу, на основаніи некоторыхъ общихъ повѣрій о мыши и воронѣ. Далѣе идетъ сближеніе съ бабой Ягой Гвоздензуба, бабы Руги, бабы Коризмы, Покладней бабы и Марены. Большия сомнѣнія вызываютъ дальнѣйшія миѳическая толковація сказокъ о лисѣ и сближеніе ихъ съ сказками о бабѣ Ягѣ. Значительный интересъ представляеть разборъ сказки обѣ Ивасѣ и вѣдьмѣ, въ связи съ мнѣніями Ф. И. Буслаева обѣ этой сказкѣ. Большой научный интересъ имѣеть разборъ основныхъ мотивовъ сказокъ о злой мачихѣ. Изъ частныхъ сказочныхъ мотивовъ весьма подробно разсмотрѣны: кобылья голова,

сказочные жабы, чудесные по быстротѣ кони, женщины-лебеди, южнославянскія вилы, связь вилы со звѣздою, мотивы о бабиныхъ дочкахъ, о черепахѣ, ракѣ, пчелѣ и щукѣ въ народной словесности, въ частности по связи ихъ съ бабой Ягой. Статья оканчивается сближеніями Яги съ Пятницей и Недѣлей, не выдерживающими научной критики. Погрѣшности въ миѳическомъ толкованіи обрядовъ и повѣрій не роняютъ статью въ научномъ отношеніи. Дѣло въ томъ, что подстановки неба, тучи, зимы, висящія въ воздухѣ, легко отдѣлимы отъ богатаго пущенного въ ходъ этнографического материала, и всякий безпристрастный и добросовѣстный этнографъ найдетъ въ статьѣ Потебни о Ягѣ цѣнное и полезное пособіе по многимъ отдѣламъ фольклора. Основныя положенія о миѳическомъ значеніи Яги вѣрны, по крайней мѣрѣ, до настоящаго времени ни мало не поколеблены. Г. Ганушъ-Махаль, авторъ новѣйшаго изслѣдованія о славянской миѳологии (*Nákres slovanskeho bajeslovi*, 1891 г.), вполнѣ раздѣляетъ основное положеніе Потебни о миѳическомъ значеніи Яги, какъ образъ зимнихъ бурь и тучъ; съ славянскими повѣрьями о Ягѣ онъ сравниваетъ древне-греческія о горгонахъ (66 — 68). Статья Потебни о Ягѣ вредитъ обиліе частныхъ мотивовъ, такія сближенія (сказки о лисѣ и др.), которыя не имѣютъ связи съ сказками о Ягѣ и привлечены гадательно. Эти детали имѣютъ самостоятельную цѣнность; но въ экономіи статьи они представляются часто лишними и нарушаютъ цѣльность содержанія и послѣдовательность въ изложеніи основныхъ мотивовъ сказокъ и повѣрій о Ягѣ.

Третья глава, посвященная *сближенію змѣя, волка и вѣдьмы*, представляетъ также цѣнное научное изслѣдованіе, не въ силу самаго сближенія, искусственного и натянутаго, а по подбору и обработкѣ сыраго этнографического материала. Строгій критикъ сочиненія „О миѳич. знач. нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій“ П. А. Лавровскій отдаетъ справедливость автору, что „концемъ своего изслѣдованія онъ заготовилъ подробный материалъ для критической его разработки“. Потебня начинаетъ третью статью съ опроверженія мнѣнія Аѳанасьевъ о змѣѣ, какъ громовомъ божествѣ, и говоритъ о связи змѣя съ водой, съ тучами, причемъ подро-

было останавливаются на сказкахъ о борьбѣ богатырей со змѣемъ изъ-за похищенныхъ послѣднимъ царевенъ, сказкахъ о трехъ царствахъ, сказкахъ о Кощеѣ Безсмертномъ, гдѣ Кощей замѣняетъ змѣя, сказкахъ о змѣиныхъ дочкахъ и женѣ змѣя (=туча) и сказкахъ о сватахъ на дочери змѣя (сказки объ Иванѣ Голикѣ и др.). Далѣе слѣдуютъ замѣчанія о волколакахъ, упрыахъ и вѣдьмахъ, предположенія о миѳическомъ значеніи ихъ, приложимыя вполнѣ къ вѣдьмамъ, но большую частью ошибочныя относительно волколаковъ и упрыгей. Статья оканчивается интереснымъ обзоромъ растительныхъ обереговъ отъ вѣдьмъ, чеснока, крапивы, терновника и осины.

Сочиненіе Потебни „О миѳическомъ значеніи обрядовъ“ вызвало обширную (въ 102 стр.) и суровую критику П. А. Лавровскаго во 2 кн. „Чтеній московск. общ. истор. и древ.“ 1866. Рецензія Лавровскаго сильна по отрицанію, но слаба и безцвѣтна въ смыслѣ положительномъ. Рецензентъ удачно и мѣтко вскрываетъ слабыя стороны въ выводахъ Потебни, не давая своихъ собственныхъ и не восполнняя этнографического материала. Слабостью положительныхъ данныхъ объясняется, что рецензія Лавровскаго не оставила въ наукѣ замѣтнаго слѣда. Лавровскій признаетъ въ сочиненіи Потебни „усидчивую продолжительность и добросовѣтность труда, не отрицаетъ пользы его для науки, по крайней мѣрѣ, со стороны подбора фактовъ славянского материала и сближенія ихъ съ фактами другихъ родственныхъ народовъ“ (102); но въ то же время Лавровскій обстоятельно обвиняетъ Потебню въ томъ, что онъ „придалъ слишкомъ много значения случайному сходству и слишкомъ мало обратилъ вниманія на специальныя условія народа, неизбѣжно вліявшия какъ на физическую его сторону, такъ и на нравственную“, не обратилъ вниманія на христіанскія элементы и подгоняя факты подъ предвзятую идею. Послѣдній упрекъ, подкрѣпленный многочисленными ссылками и выписками, для Потебни былъ полезенъ. Десять лѣтъ спустя Срезневскій писалъ: „Читая произведенія (Потебни 60-хъ годовъ), нельзя не удивляться начитанности изслѣдователя и умѣнию пользоваться знаніемъ многихъ языковъ и про-

изведеній народной поэзіи и миѳологіи многихъ народовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его широкой сообразительности въ пріиска-
ніи соотношеній между представленіями и въ сравненіи год-
ныхъ для него данныхъ, замѣченныхъ имъ въ самыхъ разно-
образныхъ источникахъ. Немудрено, что самое обиліе запасовъ
его памяти и легкость ими пользоваться давали ему силу увле-
каться, и что эта сила увлеченія должна была нерѣдко побѣж-
дать въ немъ сдержанность его ума, готоваго столько же под-
чиняться несомнѣннымъ доказательствомъ, сколько и сомнѣ-
ваться во всемъ, что не объясняется такими доказательствами.
Увлечение заставляло приходить къ выводамъ, показавшимся
другимъ слишкомъ смѣлыми или и невѣрными, хотя и къ та-
кимъ же, какіе были защищаемы изслѣдователями, достойными
полнаго уваженія, и между прочимъ такими даровитыми, какъ
Яковъ Гrimmъ и Буслаевъ. Самая увлеченія такихъ людей
важны для успѣховъ науки, для выработки пріемовъ работы и
пріемовъ критики, для оцѣнки важности данныхъ, нужныхъ
для выводовъ и выводовъ изъ нихъ. Разматривая съ этой сто-
роны труды Потебни, нельзя не быть признательнымъ ему
за нихъ, такъ же, какъ, напр., и Лавровскому за строгій раз-
боръ части ихъ. Только время и послѣдующія изслѣдованія
многихъ дѣятелей могутъ показать, что именно изъ соображеній
Потебни должно считать достояніемъ науки" (*Срезневскій*,
Отчетъ, 17—18). Можетъ быть, не безъ вліянія критики Лав-
ровского развелась въ Потебнѣ съ теченіемъ времени большая
осторожность въ выводахъ. Въ послѣднихъ, самыхъ крупныхъ
по величинѣ и достоинству, этнографическихъ трудахъ Потебни
эта осторожность уже такъ велика, что встрѣтила осужденіе со
стороны А. Н. Пыпина: „Новые труды ученаго автора, гово-
ритъ г. Пыпинъ, въ высокой степени цѣнны для специалистовъ
громадной массой наблюдений надъ стилемъ народной пѣсни,
ея метафорическими и символическими образами, миѳологиче-
скими намеками, психологической подкладкой; жаль, однако,
что авторъ все время остается только изслѣдователемъ коммен-
таторомъ, собираетъ богатый материалъ любопытныхъ сопоста-
вленій и уклоняется отъ общаго вывода о стилѣ и миѳологии-

ческомъ содержаніи изслѣдованныхъ имъ областей народной поэзіи,—вывода, который въ рукахъ многоопытнаго изыскателя могъ бы быть особенно поучителенъ, между прочимъ какъ руководство для послѣдующихъ работниковъ на этомъ поприщѣ” (Ист. русск. этногр., II, 153).

Сочиненіе Потебни „О миѳическомъ значеніи обрядовъ“ къ малорусской этнографіи относится косвенно, по обилію вошедшихъ въ него (преимущественно въ первую главу) малорусскихъ повѣрій и сказокъ.

Не имѣть прямого отношенія къ малорусской этнографіи и другое ближайшее по времени (1866 г.) сочиненіе Потебни *О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчий* (въ Филол. Запискахъ и отдѣльно). Отзывъ объ этомъ сочиненіи—Срезневскаго въ его Отчетѣ, стр. 19 — 20. Основное положеніе Потебни, принятное Срезневскимъ, состоитъ въ томъ, что раздробленіе древне-русского языка, отличного уже отъ другихъ славянскихъ, на нарѣчія началось многимъ раньше XII вѣка, потому что въ началѣ XIII в. находимъ уже несомнѣнныя слѣды раздѣленія великорусского нарѣчія на сѣверное и южное, а такое раздѣленіе необходимо предполагаетъ уже и существованіе малорусского, которое болѣе отличается отъ каждого изъ великорусскихъ, чѣмъ эти другъ отъ друга.

Въ 1867 году Потебня напечаталъ двѣ большихъ статьи этнографического содержанія: „О долѣ и средныхъ съ нею существахъ“ (во II т. „Древностей“ Моск. арх. общ.) въ 44 стр. и „О купальскихъ огняхъ“ (въ „Археол. Вѣстнике“: Москов. археол. общ.) въ 19 стр. Обѣ эти статьи, въ особенности вторая (о купальскихъ огняхъ), сохранили до настоящаго времени научную цѣнность по обилію материала, подбору его и выводамъ.

Въ настоящее время народныя представленія о Долѣ имѣютъ обширную научную литературу. Въ 60 годахъ материала было еще мало, и материалъ былъ очень разбросанъ. Можеть быть, широкая научная разработка Доли обязана именно тому, что Потебней былъ заложенъ прочный фундаментъ. Въ началѣ статьи Потебня говорить о названіяхъ Доли и Недоли (счастье, доля,

срече, намјера, случай, притча, пригода, рокъ, лихо, бѣда, горе, журба) и обѣ отношеніи Доли и Недоли къ человѣку (приходить къ человѣку, помогаютъ или мучатъ и пр.). Далѣе слѣдуетъ утвержденіе, что Доля и Недоля—не олицетворенія, какъ думалъ Ф. И. Буслаевъ, а миѳическія существа съ объективнымъ бытіемъ. Въ доказательство этого положенія слѣдуютъ обстоятельный указанія на связь Доли и т. п. съ несомнѣнно миѳическимъ лицомъ—домовыемъ, на связь Доли и души, Доли и болѣзней, Доли и Усуда сербскихъ сказокъ. При этихъ параллеляхъ и сопоставленіяхъ собрано много материала о домовомъ, скандинавской фольгіи и дѣтской сорочкѣ, о народныхъ представленіяхъ о болѣзняхъ вообще, въ частности о лихорадкахъ. Въ концѣ статьи находится подробный обзоръ сербскихъ сказокъ обѣ Усудѣ, въ которомъ Потебня усматривалъ верховное миѳическое существо—подателя доли. Къ этой статьѣ Чотебни можно примѣнить тотъ упрекъ, который Лавровскій сдѣлалъ Потебнѣ по поводу сочиненія о миѳическомъ значеніи повѣрій: полное невниманіе къ повѣрьямъ, сложившимся на христіанской апокрифической почвѣ, что въ особенности приложимо къ той части, где рѣчь идетъ о лихорадкахъ.

Съ легкой руки Потебни научная литература обогатилась цѣлымъ рядомъ крупныхъ изслѣдований о народныхъ представленіяхъ о долѣ: Боровиковскаго (1867 г.), г. Крауса (1889), г. Александра Веселовскаго (1883 и 1891), г. Васильева (1890), г. Довнаръ-Запольскаго (1891) и И. В. Иванова (1892 г.). Въ ряду этихъ изслѣдований труды Боровиковскаго (въ IV кн. „Чтений“ москов. общ. истор. и древн. рос. 1867 г.), г. Васильева (въ Этнogr. Обозр. 1890, № 1) и г. Иванова (въ IV т. Трудовъ харьк. истор.-филол. общества) построены всецѣло на украинскомъ материалѣ. Въ научномъ отношеніи на первомъ мѣстѣ стоитъ обширный трудъ г. Веселовскаго.

Статья „О купальскихъ огняхъ и сродныхъ съ ними представленіяхъ“ и въ настоящее время представляется наиболѣе крупной и цѣнной въ научной литературѣ о купалѣ. Съ 1867 года появилось довольно много нового материала; но материалъ этотъ не подвергался подробному научному обслѣдованію. Моя

краткая статья въ „Культурныхъ переживаніяхъ“ (§ 57) и также краткія статьи г. Соболевскаго (въ Рус. Филол. Вѣстн.) и г. Іануша-Махала (въ Nakres slov. bajeslovi) не могутъ въ совокупности замѣнить статью Потебни. Правда, въ этой статьѣ нѣтъ многихъ купальскихъ обрядовъ и повѣрій; но за то тѣ немногія детали, которыя привлекли къ себѣ вниманіе Потебни, разобраны имъ весьма обстоятельно. Въ началѣ статьи находится сближеніе купальскихъ костровъ съ топленіемъ и сожиганіемъ Марены—въ доказательство, что купало—праздникъ солнца. Далѣе слѣдуетъ интересный обзоръ фактовъ о добываніи огня посредствомъ тренія и о всемирномъ небесномъ деревѣ; но лучшая часть статьи—послѣдняя, гдѣ Потебня говоритъ о громовомъ и солнечномъ значеніи омелы, лѣщины, дуба, плакуна, вербы и папортника. Мнѣніе о связи этихъ растеній съ небеснымъ огнемъ, можетъ быть и несостоятельное въ нѣкоторыхъ фактическихъ деталяхъ, въ основаніи представляется весьма вѣроятнымъ. Подборъ фактовъ сдѣланъ широко, въ особенности много собрано о папортнике. Во всякомъ случаѣ, будущему изслѣдователю купальскихъ обрядовъ и повѣрій придется серьозно считаться съ мнѣніями Потебни, придется пользоваться собраннымъ имъ материаломъ. Можно надѣяться на скорое появленіе такого специального труда о купалѣ, въ которомъ купальские обряды и пѣсни будутъ разобраны во всей ихъ полнотѣ и со всѣхъ сторонъ. Есть основаніе думать, что такимъ изслѣдованіемъ подарить науку современная польская этнографія, можно думать въ виду того усердія, съ которымъ польские этнографы собираютъ материалъ, какъ польский, такъ и южнорусскій. Лучшій, наиболѣе полный сборникъ малорусскихъ купальскихъ пѣсенъ и обрядовъ принадлежитъ г-жѣ Мошинской въ V т. „Zbiór wiadomości do antrop. krajoowej“. Въ прошломъ году г. Любичъ составилъ подробную программу (kwestionariusz) для собранія свѣдѣній о купальскихъ обрядахъ и пѣсняхъ (Sobótka). Эта программа вызвала уже цѣлый рядъ замѣтокъ и материаловъ въ журналѣ „Wisła“, въ частности въ 1 кн. „Вислы“ 1891 г. любопытный материалъ г. Ястржембовскаго.

Въ 1870 года Потебня въ „Филологическихъ Запискахъ“ помѣстилъ „Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи“, вышедшия въ 1871 г. отдельно книгою въ 134 стр. Въ 1875 г. Срезневскій писалъ объ этой книгѣ: „По характеру изложенія это дѣйствительно замѣтки; но кто, прочтетъ эти замѣтки, захочеть дать себѣ отчетъ въ томъ, что онъ изъ нихъ узналъ, тотъ будетъ въ состояніи не только опредѣлить звуковыя особенности малорусского нарѣчія сравнительно съ великорусскимъ въ ихъ повременномъ развитіи, общемъ и мѣстномъ, но и ясно отвѣтить на нѣкоторые трудные вопросы фонетики русскаго языка вообще, имѣя средство доказательно оспаривать нѣкоторыя изъ ихъ прежнихъ рѣшеній, могшихъ казаться окончательными. Нельзя при этомъ не замѣтить, что свои наблюденія г. Потебня извлекъ изъ очень богатаго подбора источниковъ, какъ древнихъ и старинныхъ, такъ и современныхъ. Нельзя также не быть ему признательнымъ за желаніе быть безпристрастнымъ, дававшее ему рѣшимость сознаваться въ ошибкахъ, отказываться отъ мнѣній, оказавшихся невѣрными, искать не доказательствъ предвзятой мысли, а какъ можно болѣе данныхъ для наиболѣе вѣрнаго свода ихъ къ выводу“ (Отчетъ, 22). „Замѣтки“, цѣнныя въ филологическомъ отношеніи, не даютъ ничего этнографическаго въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Только на стр. 62—64 находится любопытная замѣтка о трехъ малорусскихъ словахъ дзыглыкъ, дженжурый и дзиндзиверъ. Останавливаясь на славянскихъ словахъ съ дж, дз, Потебня говоритъ: „Малорусскихъ словъ съ дз, дж несравненно больше, чѣмъ сколько вошло въ словарь Аѳанасьева. Я укажу здѣсь на три иностранныя слова, въ коихъ въ украинскомъ говорѣ стоять дз, дж: дзиглиѣкъ, польск. zedlik, zedel есть нѣмец. sessel по нижненѣмецкому произношенію съ t; джиджулаха, приджиджулистья—принадлежитъся, откуда дженджурый—нарядный, серб. кинджуритися—рядиться, джинджеръ—какое то украшеніе и въ переносномъ смыслѣ эпитетъ человѣка, и джинджуха—стеклянная бусина, и третье слово — дзиндзиверъ, по мнѣнію Потебни, malva moschata—растеніе съ прянымъ запахомъ (по мнѣнію другихъ—althea officinalis или malva silvestris). Отъ вы-

сокаго ствола растенія переносное значеніе дзиндзиверъ—молодецъ (въ Эннейдѣ Котляревскаго и въ народныхъ пѣсняхъ). Потебня указываетъ далѣе, что въ хожденіи за три моря Аѳанасія Никитина (1468 г.) упоминается зенъзебиль (*zinziber officinale*), и затѣмъ, по даннымъ у Пата, указано греческое слово дзиндзиверисъ и его италіанскія и нѣмецкія искаженія (*zenzevere*, *giengiero*, *ingwer*, инбиръ). Этими данными вообще опредѣляется происхожденіе малор. дзиндзиверъ, причемъ Потебня не берется рѣшать, перешло ли это слово прямо изъ греческаго или черезъ италіянскій, что тоже возможно.

Со времени „Замѣтокъ“, или, точнѣе, со времени „Купальскихъ огней“, т. е. съ 1867 г. и до конца семидесятыхъ годовъ, до 1877 и 1878 г., Потебня работалъ въ области специально филологической. Въ это время имъ были напечатаны „Записки по русской грамматикѣ“, первая часть „Къ исторіи звуковъ“ и разборъ „Очерка звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія“ г. Житецкаго. Можно было подумать, что Потебня совсѣмъ оставилъ этнографію, и по этому поводу появились даже сожалѣнія, высказанныя авторитетными людьми науки. Такъ, Срезневскій въ своемъ академическомъ отчетѣ 1875 года писалъ: „Можно даже пожалѣть, что г. Потебня, насколько это можно видѣть изъ издаваемыхъ имъ нынѣ трудовъ, уже не продолжаетъ трудиться въ направленіи, котораго исключительно держался въ первые годы своей ученно-литературной дѣятельности: даровитость, управляемая опытностью и желаніемъ сознательно объяснять неясное самому себѣ и потомъ уже другимъ, всегда можетъ быть порукою въ пользу дѣятельности людей науки, въ какомъ бы направленіи они ни трудились“.

Опасенія были напрасны. Въ концѣ 70-хъ и въ 80-хъ годахъ Потебня снова выступилъ на поле этнографическихъ изученій и обогатилъ науку капитальными трудами, далеко превосходящими его этнографическія изслѣдованія 60-хъ годовъ, по методологіи, обилію фактовъ и осторожности въ выводахъ.

Второй періодъ этнографической дѣятельности Потебни охватилъ ровно десятилѣтіе, начался въ 1877 году съ объясненія одной малорусской пѣсни XVI в. и закончился въ 1887

г. объемистымъ трудомъ о колядкахъ. Этнографические труды Потебни этого періода стоять къ Малороссіи гораздо ближе, чѣмъ отмѣченные выше труды о рождественскихъ обрядахъ, бабѣ Ягѣ, Долѣ и Купальскихъ огняхъ.

Въ малорусской этнографіи выдаются по научной обстановкѣ 3 изданія памятниковъ словеснаго народнаго творчества: „Историческая пѣсни Антоновича и Драгоманова (1874 г.)“, „Малор. пѣсня по списку XVI в.“ Потебни (1877) и „Корницкая свадьба“ Н. А. Янчука (1886 г.). Каждое изъ этихъ изданій имѣеть свои особенности; въ одномъ преобладаютъ историческая толкованія, въ другихъ филологическая; но всѣ эти изданія должны быть настольными книгами при собираніи, обработкѣ и изданіи этнографическихъ материаловъ, какъ образцы высокаго уваженія къ народному слову, трудолюбиваго и добросовѣстнаго изученія народныхъ пѣсенъ въ цѣломъ и въ мелкихъ подробностяхъ. Тутъ важно содержаніе и методъ изслѣдованія, пріемы издателей, самое отношеніе ихъ къ предмету изслѣдованія. У Антоновича и Драгоманова методология отчасти заслонена и ослаблена богатствомъ самого содержанія пѣсенъ, ихъ высокими художественными достоинствами. Потебня и г. Янчукъ оперируютъ надъ материаломъ сравнительно мелкимъ и блѣднымъ, и потому самая работа ихъ стоитъ болѣе на виду; отчетливѣе обрисовываются всѣ ихъ пріемы и выводы.

Статья Потебни „Малорусская народная пѣсня по списку XVI в.“ (текстъ и примѣчанія) была сначала напечатана въ Филол. Запискахъ, потомъ вышла въ оттискахъ (53 стр.). Здѣсь находится разборъ малорусской пѣсни, напечатанной въ „Чешской грамматикѣ“ Благослава (1571 г.) въ числѣ образцовъ славянскихъ нарѣчій. Пѣсня эта—„Дунаю, Дунаю, чому смутенъ течешь“—позвѣстуетъ о томъ, какъ на берегу Дуная сражались три арміи, турецкая, татарская и волоская. Стефанъ, воевода волоскій, не можетъ жениться на любящей его дѣвушкѣ, потому что она не ровня ему, и не можетъ бросить ее, потому что любитъ ее. Дѣвица бросается въ Дунай, и Стефанъ ее спасаетъ (причемъ предполагается и женитьба). Комментаріи раздѣляются на четыре главы: 1) о языке, 2) о размѣрѣ, 3) о

началахъ пѣсень и 4) о главномъ содержаніи пѣсни о Стефанѣ. Въ первой главѣ отмѣчены чехизмы и случаи дательного на *ми* и *ти*, *намъ*, *вы*, *вамъ*, во второй—о размѣрѣ пѣсни о Стефанѣ въ 12 слоговъ въ стихѣ и о цезурѣ. Эта маленькая глава представляетъ зародыши тѣхъ обширныхъ изслѣдованій о размѣрѣ пѣсень, какія вошли въ рецензію на сборникъ пѣсень Головацкаго (1878 г.) и въ сочиненія о малорусскихъ и сродныхъ пѣсняхъ (80-хъ годовъ). Въ этой главѣ Потебня высказываетъ слѣдующее положеніе, подробно развитое въ упомянутыхъ его трудахъ: „Говорить здѣсь о ямбахъ, хореяхъ и проч., хотя бы и тоническихъ, нѣтъ другаго основанія кромѣ школлярной рутины. Единственный метръ есть именно полустишие. Размѣръ народной пѣсни первоначально возникаетъ вмѣстѣ съ напѣвомъ, почему синтаксическое дѣленіе стиха совпадаетъ съ естественнымъ дѣленіемъ напѣва“. Въ краткой четвертой главѣ говорится о символическомъ значеніи героического средства дѣвицы броситься въ Дунай. Главная сила статьи заключается въ обширной третьей главѣ (14—50), трактующей о народной поэзіи съ новой стороны. Здѣсь Потебня „безъ притязаній на полноту“ отмѣчаетъ слѣдующіе пріемы: 1) начала пѣсень безъ приступа, съ события или рѣчи дѣйствующаго лица, или съ краткаго и сухаго обозначенія мѣста и времени; 2) начала съ непосредственнаго воспріятія пѣвца; 3) начала съ символа; 4) начала, изображающія дѣйствія пѣвца и приводящія его къ извѣстнымъ наблюденіямъ, составляющимъ содержаніе пѣсни; въ силу того, что такія начала характеристичны для заговоровъ и причитаній надъ мертвыми, Потебня посвящаетъ нѣсколько страницъ заговорамъ и плачамъ; 5) начала съ подробнаго описанія мѣстности дѣйствительной или идеальной, описанія, равнаго основному содержанію пѣсни или даже переростающаго это содержаніе; 6) начала, въ которыхъ не самъ пѣвецъ видѣть поле, море и пр., а птица съ высоты полета, причемъ широкая сцена, какъ и въ началахъ предыдущаго №, представляется иногда тройственное дѣленіе; къ этимъ началамъ подходятъ начала со звѣзды или съ животныхъ, и 7) начала, въ которыхъ разрабатывается

внутреннее содержание пѣсни и мысль пѣвца внутри самой пѣсни находитъ новое движение мысли по спирали къ центру, своего рода einschachtelung. Такія начала встречаются въ величальныхъ пѣсняхъ. Эти положенія снабжены многими примѣрами.

Въ статьѣ „Малор. пѣсня по списку XVI в.“ Потебня неоднократно обращается къ „Слову о Полку Игоревѣ“. Въ началѣ статьи есть замѣтки о языке Слова, въ концѣ—о запѣвѣ автора Слова“. Очевидно, что Потебня въ это время обстоятельно изучалъ Слово о Полку Игоревѣ въ связи съ народной поэзіей, преимущественно южнорусской. Результатомъ этихъ изученій было обширное изслѣдованіе о Словѣ, напечатанное въ „Филол. Запискахъ“ 1878 г. (были оттиски). По существу дѣла, этнографический материалъ, приведенный въ обиліи, имѣетъ здѣсь служебное значеніе, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частностей, имѣющихъ общее этнографическое значеніе, наприм., замѣтокъ о молоткѣ, саблѣ съ очами и о вѣщихъ перстахъ (12—14), Велесѣ, вилетѣ и пр. (22), образахъ Дива, Горя, Обиды (28—31, 36, 69, 97), сравненіяхъ князя съ солнцемъ (44), разныхъ эпитетахъ (44, 45), значеніи словъ свычай и обычай (48—50), символѣ битвы (62), символѣ погибели (79, 94), символахъ печали и слезъ (84—90), толкованіе собственныхъ имёнъ Роменъ (городъ по рѣкѣ, роменъ=литов. ramus, тихій, спокойный) и Оскелъ (105), толкованія словъ буй, буево и др. (112), о символѣ разлуки (114), символахъ битвы (125), символѣ любви и брака (148), о пѣнніи лебедей (151). Замѣтки о символахъ, повторяющая общія мнѣнія, высказанныя въ мастерской диссертациіи 1860 г., обставлены примѣрами изъ народной словесности, что придало символическимъ толкованіямъ прочную опору.

Въ 1878 г. въ Отчетѣ объ уваровскихъ преміяхъ было напечатано одно изъ крупныхъ сочиненій Потебни—рецензія на сборникъ галицкихъ пѣсенъ Головацкаго (89 стр.). Это сочиненіе известно лишь немногимъ специалистамъ. Малая известность его обусловлена помѣщеніемъ въ такомъ изданіи, которое имѣетъ очень ограниченный кругъ читателей. Оттиски

были, но, кажется, въ небольшомъ количествѣ и въ продажу не поступали. Затѣмъ, эта статья Потебни съ трудомъ читается; она состоить изъ отдельныхъ замѣтокъ; встречаются отступленія; проекладываются новые пути для изученія пѣсенъ, требующіе отъ читателя усиленнаго вниманія, рѣчъ скжата, сильная и мѣстами тяжелая. А между тѣмъ—это единственное сочиненіе Потебни, гдѣ на ряду съ научными деталями высказались общіе взглѣды и убѣжденія автора по вопросамъ обѣ отношеніи народности къ цивилизації, о значеніи денационализации и др. т. п. Самъ Потебня дорожилъ этимъ трудомъ преимущественно съ этой стороны, какъ видно изъ слѣдующихъ его словъ въ автобіографіи: „Изъ того, что мнѣ приходилось говорить о народности, заимствованіи и т. п. въ печать попадали только строки, напр., въ разборѣ пѣсенъ Головадскаго“. Самыя характерныя страницы (29—34), нашедшія мѣсто въ академическомъ изданіи, въ настоящемъ случаѣ могутъ быть переданы лишь въ сокращеніи. Основная мысль автора достаточно отчетливо высказана въ слѣдующихъ строкахъ:..... „Отождествленіе народности со стариною и мнѣніе о ложности западной цивилизації можетъ подорвать довѣріе къ націонализму въ тѣхъ, для кого это ученіе не стоитъ крѣпко и не связано неразрывно съ самимъ предметомъ ихъ занятій.... Если бы постороннее вліяніе на народность было само по себѣ пагубно, то новыя народности не возникали бы вовсе..... Ошибка состоять здѣсь въ представлениі народности только содержаніемъ. На дѣлѣ народность реальная по отношенію къ своему прошедшему; но какъ условленная имъ совокупность способовъ воздействиія на новыя вліянія, она формальна до такой степени, что съ сохраненіемъ ея совмѣстимо даже полное, лишь бы постепенное, отрицаніе прежняго содержанія. Языкъ, согласно съ этимъ, есть не только одна изъ стихій народности, но и наиболѣе совершенное ея подобіе. Какъ немыслима точка зрѣнія, съ которой видны были бы всѣ стороны вещи... такъ невозможна всеобъемлющая безусловно-лучшая народность. Если бы объединеніе человѣчества по языку и вообще по народности было возможно, оно было бы гибельно для общечеловѣческой мысли,

какъ замѣна многихъ чувствъ однимъ, хотя бы это одно было не осязаніемъ, а зрѣніемъ. Для существованія человѣка нужны другіе люди; для народности—другая народности“..... Въ этихъ словахъ заключается примиреніе цивилизациіи и націонализма и сознательное служеніе обѣимъ великимъ силамъ новаго времени. Въ этихъ словахъ выразился тотъ Потебня, какимъ онъ былъ въ жизни, на каѳедрѣ, во мнѣніи своихъ учениковъ—Потебня гуманистъ и мыслитель.

Рецензія Потебни на сборникъ пѣсень Головацкаго состоитъ изъ двухъ главъ. Въ первой главѣ, послѣ краткихъ историческихъ замѣчаній о Галичинѣ, Угорщинѣ и Буковинѣ и обѣ этнографической картѣ Головацкаго, слѣдуютъ замѣтки о названіяхъ горъ, перешедшихъ изъ Галиціи на сѣверъ и сѣверо-востокъ (бескѣди, грунь, диловання и щелопокъ), племенныхъ галицко-русскихъ названіяхъ (гуцулы, бойки и лемки), о словахъ, свидѣтельствующихъ обѣ инородныхъ вліяніяхъ на галичанъ (румын. брындза, вурда, кглякъ, струнка, греч. бескиды, колиба, нѣмец. плекати). Далѣе слѣдуетъ объясненіе обычаевъ и названій ихъ: мѣшенье (пробное доеніе коровъ, отъ корня ма—мѣрить, откуда мѣсяцъ, какъ измѣритель времени), лещадь (бирки, счетныя палочки, расколотыя съ одного конца), токма (установленіе цѣнны на овецъ на сходкѣ сельскихъ старшинъ, срав. съ точно, притча, приткнути, ровно, справедливо), эти замѣтки (21, 25) любопытны по существу, въ частности, по обстоятельной аргументаціи. На 24 стр. Потебня привелъ сказку о томъ, какъ „попъ телявся“, которую слышалъ въ Пенз. губ. Въ послѣднее время издано нѣсколько варіантовъ этой сказки, въ I т. „Смоленскаго Сборника“ Добровольскаго (белорусская), въ „Сборникѣ“ Манжуры (малорусская, на стр. 94), въ Кроптадіа въ I т. (великорусская). Потебня объясняетъ этой сказкой ту насыщливую пѣсню, гдѣ говорится, что Бойко отца своего сѣвѣль, что, однако, весьма сомнительно. Сказка сама по себѣ, а насыщка надъ Бойками сама по себѣ, и между ними не видно ничего общаго. Галицкая пѣсенька отличается вполнѣ мѣстнымъ колоритомъ.

Вторая глава имѣеть самостоятельное научное значеніе. Здесь находится оцѣнка сборника Головацкаго по полнотѣ,

правописанію и распредѣленію пѣсенъ. Въ эту главу вошло обширное и цѣнное изслѣдованіе о формальныхъ основаніяхъ дѣленія пѣсень. Относительно величины сборника г. Потебня говоритьъ: „Изъ наличныхъ сборниковъ галицко-русскихъ пѣсень сб. Г. большій и лучшій; всѣ его отдѣлы въ настоящее время незамѣнимы, а отдѣль колядокъ и щедровокъ по количеству поэтическихъ мотивовъ и красотѣ образцовъ значительно превосходитъ соотвѣтствующій отдѣлъ сборника Чубинскаго“. Потебня принятное Головацкимъ этимологическое правописаніе признаетъ неудобнымъ, по недостаточности его научнаго опредѣленія. „Издание произведеній устной словесности, говоритъ Потебня, должно быть закрѣплениемъ ихъ грамотою прежде всего въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ застаетъ наблюдатель. Смѣщеніе этого чисто-научнаго дѣла съ дѣломъ практическимъ, каково образованіе объединяющаго письменнаго языка, вносить неправду въ то и другое... Если нѣть средства записывать фонетически вѣрно, т. е. нѣть нужнаго для этого знанія, досуга, вниманія, то на нѣть и суда нѣть. Лучше блѣдный и даже искаженный образъ народнаго слова, чѣмъ никакого. Но извиненіе не есть оправданіе, и.въ принципѣ стоитъ крѣпко, что сборникъ образцовъ устной словесности долженъ удовлетворять и требованіямъ языкознанія. Съ этимъ согласно только правописаніе, систематически избѣгающее иносказаній, умышленно ничего не маскирующее, не объединяющее, а представляющее раздѣльно то, что и существуетъ раздѣльно, не преслѣдующее другихъ цѣлей, кромѣ научныхъ“.

Въ статьѣ о формальной систематизаціи пѣсень Потебня исходитъ изъ того положенія, что разряды малорусскихъ и др. среднихъ пѣсень характеризуются прежде всего напѣвомъ и размѣромъ. Опредѣленіе пѣсень по напѣву дѣло очень трудное, требующее знанія музыки. „Для того, чтобы это дѣло могло у насъ пойти впередъ, нужны прежде всего многочисленные собиратели, руководящіеся эстетическими побужденіями; развитіе же образованнаго общества въ этомъ направленіи встрѣчаетъ у насъ не только внутреннія, но и внѣшнія препятствія“. Немного иначе обстоитъ дѣло съ размѣромъ, какъ болѣе простой

и легче доступной формой пѣсни. Потебня предполагаетъ, что съ определеніемъ размѣра опредѣлятся широкіе потоки пѣсен-наго преданія и облегчено будетъ отыскиваніе развѣтвленій и сліяній болѣе узкихъ теченій, образующихъ генеалогическую сѣть. Внѣшнія основанія распределенія поведутъ къ болѣе внутреннимъ основаніямъ подраздѣленій, именно, по средству поэтическихъ образовъ. По формулѣ, гдѣ въ скобкахъ заключенъ стихъ, дѣленія которого по слогамъ означены цифрами, и гдѣ поставлено число передъ скобками, обозначающее сколько разъ повторяется стихъ для составленія куплета, — по этой формулѣ Потебня указываетъ на слѣдующіе выдержаные размѣры: колядки— $[5+5]$, веснянки— $[5+5]$ или $[5+3]$, коломыїки— $[8+6]$, талалайки— $[6+6]$. Свадебныя пѣсни и думы отличаются неопределеннымъ количествомъ слоговъ. Определеніе размѣра безъ привычки дѣло мѣшкотное и утомительное, тѣмъ болѣе, что практическіе результаты представляются проблематичными. Потебня производилъ эту работу легко: произнося въ слухъ стихъ, онъ выступжалъ по столу пальцами, и размѣръ быстро опредѣлялся по числу ударовъ въ зависимости отъ числа слоговъ. Въ наукѣ, сколько мнѣ известно, только польскій этнографъ Нейманъ усвоилъ предложенный Потебней способъ определенія размѣра и съ успѣхомъ приложилъ его въ сборникъ малорусскихъ пѣсенъ въ VIII т. „Zbiór Wiadomości do antrop. krajowej“.

Нѣсколько интересныхъ страницъ посвящено началамъ пѣсенъ, указывающимъ на личность слагателя, преимущественно гудульскихъ пѣсенъ. Эти начала (со звона, съ крика кукушки и др.), по словамъ Потебни, отвѣчаютъ выраженіямъ газетъ: „намъ сообщаютъ“, „упорно держится слухъ, что“... На этихъ же страницахъ (64—80) разбросаны замѣтки о символическомъ значеніи рѣки—рѣчи, дождя—слуховъ, купаться—женихаться, пить—любить и др., замѣтки, восполняющія примѣрами то, что уже было высказано въ диссертациіи 1860 г. о нѣкоторыхъ символахъ.

Н. Ф. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Малороссія по разсказамъ путешественниковъ конца прошлаго и началы нынѣшняго столѣтія.

Путешественныя записки Василя Зуева отъ С.-Петербурга до Херсона въ 1781 и 1782 году. СПБ. 1787 г.

Путешествіе въ Малороссію, издающее К. П. Шаликовымъ. М. 1803 г.

Другое путешествіе въ Малороссію его же. М. 1804 г.

Досуги кримскаго суды или 2-о путешествіе въ Тавриду. Павла Сумарокова. СПБ. 1803 г.

Поверхностныя замѣчанія по дорогѣ отъ Москвы до Малороссіи. 3 части. О. фонъ Гуна, переводъ съ иѣм. М. 1806 г.

Письма изъ Малороссіи, писанныя Алексѣемъ Левшинскимъ. Харьковъ 1816 г.

Записки русскаго путешественника А. Глаюлева (путешествіе 1823 года). Т. 1-й. СПБ. 1837 г..

Путешественники—авторы вышеуказанныхъ сочиненій, авторы тѣхъ разсказовъ о Малороссіи, которые мы хотимъ передать въ настоящей статьѣ, отличались неодинаковыми, въ иныхъ случаяхъ даже рѣзко противоположными индивидуальными чертами, почему интересы каждого изъ нихъ привлечены были различными сторонами жизни посѣщенного ими края; но даже при разсказѣ объ одномъ и томъ-же явленіи, оцѣнку этого явленія дѣлаютъ они съ самыхъ различныхъ точекъ зренія и дѣлятся со своими читателями неоднородными впечатлѣніями.

Изъ указанныхъ нами путешественниковъ первымъ по времени посѣтилъ Малороссію академикъ Зуевъ. Сообщаемыя имъ свѣдѣнія отличаются большою разносторонностью. Естествоиспытатель по специальности, главнымъ образомъ онъ говоритъ объ оро- и гидрографіи страны, ея фаунѣ и флорѣ, но старается также собрать всѣ свѣдѣнія о численности населенія,

его занятіяхъ, торговлѣ и промышленности края, сообщаетъ свѣдѣнія о городахъ и поселеніяхъ, вдается иногда даже въ филологическія изысканія; такъ, онъ даетъ краткій словарь цыганскихъ словъ.

Для князя *Шаликова*, какъ онъ самъ признается, „самою любезною буквой въ алфавитѣ является я“. При такой привязанности къ этой буквѣ и при сантиментализмѣ, доходящемъ до карикатурности, которымъ въ добавокъ отличается этотъ авторъ, онъ не могъ дать особенно подробныхъ свѣдѣній о Малороссіи. Въ его сочиненіи, какъ заявляетъ онъ самъ, „нѣть ни статистическихъ, ни географическихъ описаній“: „его не посыпали путешествовать, онъ добровольно поѣхалъ—слѣдовательно, и разсказываетъ о томъ, о чёмъ хочетъ разсказывать“; авторъ воздерживается также отъ описанія образа жизни въ Малороссіи, такъ какъ „быть обласканъ жителями, можетъ ли путешественникъ описывать чѣравы, образъ жизни ихъ и т. д. Бываютъ-ли такія картины безъ черныхъ тѣней? А можно-ли дозволить ихъ себѣ на счетъ тѣхъ людей, которыхъ гостепріимство обязало настѣ благодарностью?“ Вместо всѣхъ этихъ описаній, которыхъ путешественникъ съ одной стороны не хочетъ, съ другой—не можетъ дать, онъ наполняетъ оба томика своихъ „путешествій“ приторно-сантиментальными лирическими изліяніями по поводу красоты природы, привязанности своей къ друзьямъ, тѣхъ или другихъ знакомствъ, по поводу, наконецъ, увлеченія какой-нибудь „нимфой“. Изліянія по адресу этихъ „нимфъ“ и женской красоты вообще во многихъ случаяхъ заставляютъ заподозрѣть въ нашемъ путешественнике полное извращеніе нравственного чувства. Все это дѣлаетъ „Путешествія“ Шаликова не особенно цѣнными, но 2—3 описанія *праздничной* стороны жизни малороссійскихъ помѣщиковъ и то косвенное освѣщеніе, которое, мимо воли автора, бросаютъ эти описанія на положеніе крѣпостного населенія, не позволяютъ оставить ихъ безъ вниманія.

При всѣхъ своихъ достоинствахъ Шаликовъ является сверхъ того еще галломаномъ. Рѣзкой противоположностью Шаликову въ этомъ отношеніи былъ *Сумароковъ*. Онъ—пламенный „пат-

ріоть своего отечества", большой поклонникъ всего своего, русскаго, особенно русской литературы, которую онъ ставить такъ высоко, что побѣдоносно задаетъ вопросъ: „что, неужели-же произведенія Шекспира превосходнѣе драмъ творца Семиры?“ Весьма незначительная часть „Путешествія въ Тавриду“, Сумарокова посвящена Малороссіи, да и въ этой незначительной части далеко не всѣ свѣдѣнія отличаются особенно высокой цѣнностью.

Гунъ—нѣмецъ по національности, врачъ по профессії. Какъ сына промышленной страны, его интересуютъ прежде всего вопросы промышленности, какъ врача—медико-санитарные; и по тѣмъ и другимъ вопросамъ онъ сообщаетъ относительно Малороссіи интересныя свѣдѣнія. Сообщаетъ онъ также свои этнографическія наблюденія; одѣнву этихъ наблюденій мы сдѣлаемъ ниже, при передачѣ ихъ.

Письма изъ Малороссіи *Левшина* обличають въ немъ умнаго и просвѣщенаго наблюдателя. Значительная часть его писемъ къ другу посвящена передачѣ различныхъ историческихъ свѣдѣній о посѣщенныхъ имъ мѣстахъ Малороссіи, свѣдѣній, известныхъ всякому, знакомому съ исторіей, и заимствованныхъ Левшиномъ изъ лѣтописей и существовавшихъ въ его время историческихъ сочиненій; но кромѣ этихъ общеизвѣстныхъ историческихъ свѣдѣній, Левшинъ сообщаетъ также много своихъ непосредственныхъ наблюденій, которыя мы и передаемъ ниже.

У *Глаголева* находимъ нѣсколько интересныхъ сообщеній по поводу вещественныхъ памятниковъ. Что-же касается его „наблюденій“ надъ людьми, то, какъ увидимъ ниже, если они и представляютъ какой-либо интересъ, то исключительно для характеристики автора этихъ „наблюденій“.

Послѣ этихъ краткихъ замѣчаній о сочиненіяхъ указанныхъ нами путешественниковъ, перейдемъ къ самому разсказу ихъ о Малороссіи и прежде всего остановимся на ихъ этнографическихъ наблюденіяхъ.

Этнографическія наблюденія мы находимъ у Сумарокова, Гуна, Левшина и Глаголева. Зуевъ считаетъ этнографическія свѣдѣнія о Малороссіи общеизвѣстными и потому отказывается давать ихъ.

По Сумарокову малороссы народъ болѣе веселый и свободный, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Россіи, „скромный, тихій, добросердечный, богомольный и гостепріимный; но праздный, трусливый, непроницательный и въ гнѣвѣ незнающій мѣры“; въ драку малороссы вступаютъ, будто-бы, по стадному чувству; они медленны въ движеніяхъ, причемъ къ медленности ихъ пріучають волы (sic), любятъ выпить въ компаніи за бесѣдой, но не набрасываются сразу на вино, а напиваются по-маленьку, къ концу приятной бесѣды. Жены малороссовъ одѣваются чисто, чуждаются черной работы, хорошия поварихи, склонны къ пьянству. При сватовствѣ жениху съ невѣстой позволяетъ даже спать вмѣстѣ, но цѣломудріе при этомъ не нарушается.

Мы не будемъ останавливаться на разборѣ наблюденій Сумарокова, просимъ только сравнить ихъ съ приводимыми ниже наблюденіями Левшина, гораздо дольше прожившаго въ Малороссіи и лучше изучившаго ее. Гунз, при полномъ незнаніи малороссийскаго языка,—въ чемъ самъ признается,—былъ поставленъ въ крайне неблагопріятныя условія при этнографическихъ наблюденіяхъ. Онъ принужденъ былъ или говорить съ чужихъ словъ, или ограничиться чисто вѣщими наблюденіями. Но даже и эти вѣшнія наблюденія далеко не всегда отличаются точностью и объективностью: путешественникъ привыкъ къ европейской вѣшности своихъ соотечественниковъ, всякая другая кажется ему дикой, грубой, варварской. Все это заставило Гуна сдѣлать цѣлый рядъ курьезныхъ, а подчасъ даже прямо дикихъ замѣчаній и сравненій. Такъ, малороссы черниговской губ., благодаря своимъ темнымъ свитамъ и темнымъ усатымъ лицамъ, напоминаютъ путешественнику медвѣдя; малороссіянокъ по одеждѣ онъ не можетъ отличить отъ жидовокъ; заботы о головныхъ уборахъ кажутся ему страннымъ кокетствомъ въ женщинѣ, одѣтой въ нагольную шубу.

Что нравится путешественнику—это то, что крестьяне очень учтивы, а женщины кланяются съ важною осанкою. Возлѣ Яготина крестьяне рослы и стройны, отличаются темнымъ цвѣтомъ лица; волосы у нихъ темнорусые, острижены и подбриты; крестьяне здѣсь „добронравны, послушны, боязливы и особливую

имѣютъ склонность къ музыкѣ; но лѣнивы и непредусмотрительны". Одежда женщинъ состоитъ изъ плахтъ и „кафтаничковъ“. „Волосы заплетаютъ дѣвицы отмѣнно красиво“; головной уборъ, устраиваемый ими, можетъ прослужить недѣлю,

Возлѣ Борисполя Гунъ замѣчаетъ, что „черты женскихъ лицъ переходятъ въ правильнѣйшія и красивѣйшія“.

Путешественнику пришлось быть въ шинкѣ возлѣ Шептаковъ на пиру послѣ вчерашней крестьянской свадьбы. Онъ слышалъ тамъ пѣсни, которыхъ нашелъ совершенно татарскими, и видѣлъ танцы, въ которыхъ принимали участіе даже 60-лѣтнія старухи. Танцы ему также не понравились: онъ находитъ, что плясавшіе „уподоблялись уязвленнымъ тарентскими или украинскими тарантулами людямъ“. Женихъ и невѣста въ Малороссіи, хотя-бы ухаживанія продолжались годы, умѣютъ „сохранять высочайшее благо—невинность“. Ибо „горе новобрачнымъ и всему ихъ семейству, если гости въ своемъ ожиданіи найдутся обманутыми. Музыка и танцы тогда прекращаются, не-благопристойные пѣсни занимаютъ ихъ мѣсто; окна, двери, все, что въ домѣ находится, даже и печи, разламываются; матери новобрачной, найденной обезславленною, привязываютъ лошадинный хвостъ и такъ водятъ ее по всей деревнѣ, при осмѣяніи сбѣжавшагося народа... Гости не расходятся, хотя-бы свадьба на счетъ новобрачнаго продолжалась цѣлую недѣлю, доколѣ любопытство ихъ не удовлетворится“.

Левшинъ съ большой похвалой отзывается о пламенной любви малороссовъ къ отчизнѣ и уваженіи ими памяти предковъ. Въ Бѣлоцерковѣ онъ хотѣлъ купить у одного мѣщанина ружье съ надписью: „Бѣлоцерковскаго полка“, но тотъ ни за что не хотѣлъ уступить его, такъ какъ оно ему досталось по наслѣдству. „Черта похвальная!“ замѣчаетъ авторъ: „поступокъ, показывающій, что малороссияне любятъ предковъ своихъ, любятъ славу ихъ и чтутъ память тѣхъ козаковъ, которые храбро защищались и поражали поляковъ подъ предводительствомъ Хмельницкаго, одержали 14 побѣдъ надъ Волохами подъ начальствомъ Свирговскаго и отличались потомъ неустрашимостью при взятіи Азова!“ Такую-же любовь къ родинѣ и

гордость подвигами предковъ автору пришлось наблюдать и у весьма многихъ другихъ малороссовъ.

Малороссы религіозны, честны, мужественны, удивительно терпѣливы, господа своему слову, безукоризненно хранять ввѣренный имъ тайны, отличаются семейными добродѣтелями, всегда уважали и уважаютъ собственность: „воровство было презрительнейшимъ проступкомъ у самыхъ древнѣйшихъ малороссіянъ; оно и теперь здѣсь въ омерзѣнїи“. Счастливая природная обстановка дѣлаетъ малоросса склоннымъ къ веселости.

Благодаря плодородію почвы, у малороссовъ нѣтъ особыхъ стимуловъ къ труду; дешевое, вслѣдствіе свободы винокуренія, вино еще больше отвлекаетъ ихъ отъ работы.

Сравнивая полтавскихъ малороссовъ съ черниговскими, Левшинъ указываетъ на то, что менѣшее плодородіе почвы черниговской губерніи заставило жителей этой губерніи искать подсобныхъ промысловъ, такъ какъ одно земледѣліе не можетъ прокормить ихъ, почему черниговцы трудолюбивѣ и предпріимчивѣ полтавцевъ; въ тоже время первые хладнокровнѣ, смѣлѣ, но также и мрачнѣ послѣднихъ; въ образѣ жизни черниговцевъ не наблюдается такой чистоты и опрятности, какъ въ Полтавщинѣ.

Женщины у малороссовъ трудолюбивѣ мужчинъ: онѣ не только исполняютъ всѣ работы по домашнему хозяйству, но часто отправляютъ и работы мужчинъ.

Къ недостаткамъ малороссовъ принадлежатъ ихъ гордость и непокорливость, неудержимый гнѣвъ, если вывести малоросса изъ терпѣнія, и нерасположеніе ихъ къ великороссіанамъ. Путешественнику приходилось слышать отзывы: „Добрый чоловикъ, да москаль“. Дѣтей пугаютъ „москалями“ и „при семъ имени устрашенное дитя перестаетъ кричать“.

Малороссы отличаются умными лицами, важной и величественной осанкой. Женщины миловидны, хотя красавицы между ними рѣдки. „Пляска малороссіянъ стройна и прекрасна, пѣсни ихъ нѣжны, выразительны и, по большей части, протяжны. Гибкостью, чистотою и пріятностью голосовъ они превзошли почти всѣхъ жителей Россіи“.

Отношения жениха и невесты отличаются большою непринужденностью, но обычай не позволяет имъ переходить за определенную черту. „Восходящее солнце освещаетъ ихъ во взаимныхъ ласкахъ, вечерняя заря застаетъ ихъ въ томъ же положеніи, а не рѣдко и мрачная завѣса ночи скрываетъ ихъ, покоящимися сладкимъ сномъ въ объятіяхъ другъ друга. Но горе тому, кто употребить во зло сію свободу! Стыдъ, поношеніе и даже презрѣніе ожидаютъ какъ ихъ, такъ и отцовъ съ матерями“.

О малороссійскомъ языке у Левшина всего нѣсколько словъ, не обличающихъ въ авторѣ особенно близкаго знакомства съ этимъ предметомъ.

Что касается этнографическихъ замѣчаній Глаголева, то они сводятся къ фантастическимъ анекдотамъ, не дѣлающимъ чести ни наблюдательности, ни остроумію автора. Малороссы у него выставляются какими то кретинами, да при томъ еще кретинами жестокосердыми. „Отъ того, кто показался малороссіянину по чему-либо страшнымъ, онъ бѣжитъ, какъ заяцъ, за плетень или за дерево и, спрятавши одно лицо, думаетъ, что онъ и весь не видимъ“. Малоросъ—выродокъ среди славянъ, у которыхъ гостепріимство—национальная добродѣтель. Онъ отказываетъ путешественнику въ пристанищѣ. „Упрямство въ этомъ малороссіянина доходитъ иногда до жестокосердія, не смягчаемаго ни просьбами, ни жалостью къ путешественнику, оставляемому подъ открытымъ небомъ въ ненастное время“. Фактовъ въ подтверждение этого авторъ не приводитъ ни одного, напротивъ того, черезъ 4 страницы послѣ только-что приведенного отзыва онъ говоритъ прямо противоположное по поводу богомольцевъ, идущихъ въ Киевъ: „сіи пилигриммы имѣнемъ вѣры вездѣ“ (конечно, и въ Малороссіи, черезъ которую имъ приходится проходить въ Киевъ) „находятъ себѣ готовую трапезу и отверстое пристанище. Страннопріимные крестьяне, слѣдя ученію Евангелія, „страненъ бѣхъ и введосте мене“, за все это не требуютъ отъ нихъ другаго возмездія, кроме молитвы предъ святыми угодниками“.

Всѣ почти указанные нами путешественники говорятъ о любви малороссовъ къ прекрасному, изящному, которая сказы-

вается между прочимъ въ опрятности и украшенияхъ ихъ жилищъ. Жилища часто бѣлится или смазываются глиной (Гунъ говоритъ, что возлѣ Яготина ихъ трижды въ недѣлю смазываютъ внутри глиной); Левшинъ говоритъ объ украшениіи малороссіянами своихъ жилищъ картинами, Гунъ указываетъ на то, что внутренность избы, а особенно образа украшаются желтыми цвѣтами, ноготками, шапочками, рутою и др. травами.

Но, заботясь о чистотѣ жилищъ, малороссы недостаточно вниманія обращали на чистоту тѣла: Гуна поражало отсутствіе бань у крестьянъ. Изрѣдка лишь приходится ему указать, что въ селѣ есть общая баня; большею-же частию, ни общихъ, ни собственныхъ бань совсѣмъ нѣтъ. Должно быть, отсутствіемъ бань объясняются наблюдавшіеся Гуномъ случаи заболѣванія чесоткой, хотя эта болѣзнь, по его словамъ, встрѣчается здѣсь рѣже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Россіи. Наиболѣе же распространенными болѣзнями въ Малороссіи нашъ врачъ—путешественникъ считаетъ перемежающуюся лихорадку, золотуху, воспаленіе глазъ, а особенно болѣзнь венерическую, которая „сдѣлалась почти здѣшнею національною“. Ему часто попадались обезображенныя лица, застарѣлые формы болѣзни. Общій голосъ распространителями этой болѣзни называется проходящіе полки. Отъ венерической болѣзни малороссы лѣчатся сублиматомъ (сулепомой). „Всѣ малороссіяне утверждаютъ, что ихъ отцы и дѣды также вообще знали и употребляли сублиматъ, какъ и они, изъ чего выходитъ, что Свитенова солюція¹⁾ была здѣсь прежде известна, чѣмъ самому Свитену“.

Приходится Гуну указывать также на страданія отъ укушенія тарантоловъ. Лѣчатся отъ этихъ укушеній маслянымъ настоемъ на тарантулахъ же. Сообщеніе Гаммарда и Лафонтина, будто малороссы болѣютъ колтуномъ, нашимъ путешественникомъ опровергается.

Что касается дѣла врачебной помощи, то, по словамъ Гуна, оно находилось въ самомъ печальномъ положеніи: отъ

¹⁾ По справкамъ, наведеннымъ у специалистовъ, „солюція“ подъ такимъ наименіемъ теперь не имѣетъ примѣненія.

Почепа и до Києва, почти на розстанні 500 верстъ, онъ не нашелъ нигдѣ „ни доктора, ни лѣкаря“; по недостатку въ лѣкаряхъ, лѣчать женщины, „даже дворянки, отставные офицера и жиры; но многіе благовоспитанные помѣщики имѣютъ въ своихъ деревняхъ небольшія сельскія аптечки и обученныхъ подлѣкарей изъ собственныхъ людей“. Изъ „благовоспитанныхъ“ и благорожденныхъ врачевателей—дилетантовъ Гунъ называетъ Томару, владѣльца с. Томаровки.

Даже города страдали отъ полнаго почти отсутствія врачебного персонала. „Во всемъ Переяславлѣ одинъ только врачъ г. штабъ-лѣкарь Захаржевскій, человѣкъ, какъ говорятъ, больной и самъ“. Гуну приходилось проѣзжать по имѣніямъ графа Алексѣя Кириллыча Разумовскаго; имѣнія эти раскинулись на громадное пространство, но врачебная часть находилась въ нихъ въ самомъ жалкомъ состоянні. Весь врачебный персоналъ сосредоточивался въ Почепѣ и состоялъ изъ штабъ-лѣкаря, человѣка съ достоинствами, но за глубокой старостью къ врачеванію уже не способнаго, и подлѣкаря—„послѣдній есть не что иное, какъ подлѣкарь въ настоящемъ смыслѣ“. Въ Почепѣ же существовала и аптека.

При такомъ жалкомъ врачебномъ персоналѣ даже оспа была привита только ничтожному количеству дѣтей, и масса дѣтей умирала отъ натуральной оспы.

Одною изъ задачъ путешествія Гуна было внесеніе большого порядка въ врачебное дѣло въ графскихъ имѣніяхъ. Онъ проектировалъ устройство больницъ въ Почепѣ, Шептакахъ и Яготинѣ и заведеніе лѣкаря въ каждой экономіи; лѣкарей онъ постарался выписать тотчасъ-же. Видя, какъ, вслѣдствіе непрѣмѣнія знающихъ повивальныхъ бабокъ, страдаютъ при родахъ и затѣмъ различными послѣродовыми болѣзнями крестьянскія женщины, Гунъ предложилъ графу учредить въ Почепѣ повивальную школу, которая высыпала бы ученыхъ повивальныхъ бабокъ въ каждое большое селеніе. Самъ Гунъ вездѣ, где могъ, прививалъ оспу и не только дѣтямъ, а также и овцамъ, въ виду того, что между овцами весьма распространено было заболѣваніе оспой, убивавшей цѣлые тысячи этихъ животныхъ.

Маленькая больница и аптека имѣлась еще у генерала Гудовича въ с. Ивайтенкахъ. Гудовичъ желалъ расширить больницу и поставить ее на надлежащую ногу, почему, при помощи Гуна, и выписалъ врача.

Этотъ же самый Гудовичъ заботился не только о лѣченіи, но и о надлежащемъ питаніи своихъ крестьянъ. Живя постоянно въ деревнѣ, принуждаемый болѣзняю проводить, особенно осенью и зимой, все время въ комнатѣ, Гудовичъ хорошо изучилъ хозяйственную литературу и специализировался въ приготовлениіи поваренныхъ травъ. Его знанія пригодились ему для изобрѣтенія особаго супа, въ составѣ котораго между прочимъ входили сыръ и ветчина. Это была довольно тяжелая пища для слабыхъ желудковъ, но для людей, трудящихся на тяжелой работѣ, не можетъ быть, по мнѣнію Гуна, лучшей пищи.

Ген. Гудовичъ отличался вообще весьма гуманнымъ отношеніемъ къ крестьянамъ: не смотря на всѣ громадныя выгоды, которыя ему доставляло разведеніе конопли, онъ отказался отъ разведенія этого растенія, такъ какъ „обработаніе его сопряжено съ величайшимъ для крестьянъ трудомъ, сколько тягостнымъ самимъ по себѣ, столько-же и крайне вреднымъ ихъ здоровью“.

Не часто приходится Гуну говорить о такихъ гуманныхъ помѣщикахъ. Кроме упомянутаго уже нами Томары, онъ называетъ еще гр. Завадовскаго, на котораго крестьяне работаютъ изъ 3-хъ недѣль одну, „чего нигдѣ въ Украинѣ не найдете“. Онъ платитъ за каждую привезенную фуру песку, известіи и т. п. При выборѣ мѣста для дома въ его имѣніи Тепловкѣ гр. Завадовскій просилъ гр. Разумовскаго¹⁾ остановиться на такомъ мѣстѣ, постройка дома на которомъ не повлекла бы для крѣпостныхъ особыхъ затрудненій въ дѣлѣ доставленія материаловъ.

Заботливымъ помѣщикомъ былъ еще полковникъ Будлянскій, владѣвшій 4000 душъ въ м. Чемерѣ, с. Сребряномъ и

¹⁾ Самъ гр. Алексѣй Кир. Разумовскій не отличался особенно мягкимъ отношеніемъ къ крестьянамъ. См. „Семейство Разумовскихъ“ А. А. Васильчикова, т. II, стр. 109.

др. У него каждый хозяинъ имѣлъ пару воловъ, столько же коровъ, 10—15 овецъ, а иногда и лошадь. Въ хлѣбъ изъ крестьянъ почти никто не нуждается; если же и случится у кого-нибудь подобная нужда, то хлѣбъ дается ему въ займы безъ росту. Изъ 3-хъ недѣль на этого помѣщика крестьяне работаютъ только одну.

Вообще же материальное положеніе крѣпостныхъ было не завидно. Гораздо чаще, чѣмъ о благосостояніи крестьянъ, Гуну приходится говорить объ ихъ бѣдности, указывать на недостатокъ у нихъ скота, на неприглядность ихъ жилищъ. Онъ зналъ имѣніе, гдѣ 300 душъ имѣютъ только 10 воловъ. Возлѣ Яготина стѣны крестьянскихъ домовъ состоятъ изъ плетня, обмазанного глиною. Окна самыхъ различныхъ размѣровъ, смотря по тому, какой величины удалось достать стекло хозяину, иногда они бываютъ не больше 2" въ діаметрѣ. Въ Бахмачѣ Гунъ былъ также пораженъ крайней бѣдностью и неприглядностью крестьянскихъ жилищъ. Онъ полагаетъ, что „между Тунгузовъ, Киргизцовъ, Чувашей и Вотяковъ, обитателей столь несправедливо хулиной Сибири, можно несравненно лучшее находить убѣжище, нежели здѣсь“.

И вообще вездѣ дома—хижины, трубы на нихъ—хворостяные, иногда связанные соломой; при такомъ устройствѣ домовъ и отсутствіи пожарныхъ инструментовъ путешественникъ удивляется, какъ до сихъ поръ во всей Малороссіи не выгорѣли всѣ города и деревни.

Совершенно инымъ было материальное положеніе многихъ помѣщиковъ, изъ которыхъ некоторые владѣли тысячами и десятками тысячъ крѣпостныхъ. Гунъ путешествовалъ съ графомъ Алексѣемъ Кирилlyчемъ Разумовскимъ, у котораго въ Малороссіи было 27135 душъ мужскаго пола, да кромѣ того еще въ Великороссіи болѣе 7000 душъ; прибавляя къ этому числу ровное число женщинъ, общее количество крѣпостныхъ гр. Разумовскаго Гунъ опредѣляетъ въ 68270 человѣкъ¹⁾.

¹⁾ Въ имѣніяхъ Черниговской губ.. принадлежавшихъ гр. Кир. Григ. Разумовскому, по ревизіи 1782 г. было—душъ мужскаго пола 43038, женскаго 41139,

Вмѣстѣ съ Разумовскимъ Гунъ посѣтилъ его имѣнія, а также имѣнія нѣкоторыхъ другихъ крупныхъ помѣщиковъ. Эти крупные помѣщики и хозяйство вели въ крупныхъ размѣрахъ.

Въ *Ивайтенкахъ* (ген. Гудовича) на широкую ногу было поставлено овцеводство; число настоящихъ испанскихъ овецъ и барановъ достигало 1000, кромѣ того было еще много овецъ смѣшанной породы. На этомъ овечьемъ заводѣ производились опыты искусственного улучшения породы, и опыты эти увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Заводъ давалъ свыше 5000 руб. дохода въ годъ. Число головъ крупного рогатого скота доходило въ Ивайтенкахъ до 1000. Существовали въ имѣніи также еще буйволы и ослы, но они служили лишь для украшения ландшафта, а не для хозяйственныхъ цѣлей.—Мѣстный помѣщикъ стремился также къ улучшенню и въ дѣлѣ хлѣбопашства; кромѣ обыкновенной пшеницы, онъ сѣялъ еще египетскую, арнаутку и др. сорта.

Въ *Баклани*, принадлежавшей къ почепской экономіи гр. А. К. Разумовскаго, на Судости кромѣ мукомольной мельницы существовала еще и маслобойня, по предположенію Гуна, единственная въ Россіи, гдѣ масло вездѣ выбивается въ-ручную. Надзоръ за маслобойней порученъ механику-англичанину. Въ 3-хъ верстахъ отъ Баклани находилась англійская ферма, гдѣ разводились новыя для края растенія: картофель, рѣпа. И въ той же Баклани, гдѣ сельское хозяйство было поставлено на широкую ногу, гдѣ поемные луга были покрыты сотнями стоговъ сѣна, жизнь народа была очень неприглядна: маленькие дворы съ полуразрушенными службами, низкія и крайне тѣсныя жилища, почти полное отсутствіе лошадей и коровъ. Не многимъ лучшіе крестьянъ жили однодворцы или, какъ ихъ называетъ Гунъ, новые дворяне (ихъ было 64 семейства въ Баклани)¹⁾.

а всего 74177. („Имѣнія въ Черниг. губ. Гр. Кир. Гр. Разумовскаго“, изд. Черниг. Губ. Статист. Комитета. Черн. 1891). О томъ, какъ раздѣлены были малороссійскія имѣнія гр. Кир. Разумовскаго, см. „распределительную запись имѣній“ гр. К. Г. Разумовскаго между его сыновьями“ въ „Очеркахъ, замѣткахъ и документахъ по истории Малороссіи“ Ал. Лазаревскою. Киевъ. 1892. (стр. 77—85).

¹⁾ О Баклани см. „Описаніе старой Малор.“ Ал. Лазаревскою, стр. 267—268.

Возлѣ *Шептаковъ*, въ 7 верстахъ отъ нихъ, находился мѣдеплавильный заводъ гр. Алексѣя Разумовскаго (одинъ изъ 3-хъ въ Малороссіи; 2-й принадлежалъ гр. Андрею Кир. Разумовскому, 3-й гр. Завадовскому). Двигательною силою на заводѣ была вода, приводившая въ движение молотъ и мѣхъ. На заводѣ, гдѣ работало, подъ управлениемъ мастера-нѣмца 13 человѣкъ, изготавливались трубы для винокуренъ.

Въ Шептакахъ существовалъ овечій заводъ, гдѣ число овецъ доходило до 1000, изъ нихъ 200 было настоящихъ испанскихъ. Шерсть передѣлывалась въ сукна на собственной суконной шептаковской фабрикѣ, основанной еще фельдмаршаломъ Кирилломъ Разумовскимъ. Фабрика находилась подъ управлениемъ шведа, на ней работало около 60 человѣкъ, по большей части дѣтей. Другую суконную фабрику въ графскихъ имѣніяхъ нашему путешественнику пришлось видѣть въ 2-хъ верстахъ отъ Батурина, при Сеймѣ. Въ ней на 15 станкахъ работали самое разнообразное сукно, отличавшееся прочной окраской. Управлялъ фабрикой тоже иностранецъ, отецъ шептаковского фабриканта; при немъ состояла еще мастеръ—нѣмецъ. Подъ самыми же Батуриномъ имѣлась еще свѣчная фабрика, на которой выдѣлывались прекрасныя столовыя свѣчи. Въ 1801 г. эти свѣчи были нѣсколько хуже выдѣлывавшихся тутъ же годами 18 раньше, такъ какъ тогда выписывали марсельскую свѣтильню; послѣ же французской революціи ее замѣнили сарентской. На свѣчной фабрикѣ—всѣ мастера—мѣстные жители.

Управляющимъ Батуринымъ имѣніемъ былъ англичанинъ. Вѣроятно, ему экономія обязана была тѣмъ, что нашла возможнымъ пользоваться на винокуренныхъ заводахъ въ качествѣ топлива торфомъ, который во множествѣ былъ отысканъ подъ самимъ Батуриномъ.

Гунъ упоминаетъ еще о большой суконной фабрикѣ кн. Н. Б. Юсупова возлѣ Прилукъ, поставлявшей сукна для арміи, но самъ онъ этой фабрики не видалъ.

Въ *Яготинѣ*, принадлежавшемъ гр. Алексѣю Разумовскому, Гунъ осматривалъ чулочную фабрику, на которой съ женой и 8 крестьянскими мальчиками работалъ нѣмецъ Штромъ,

нѣкогда бывшій директоромъ громадной чулочной фабрики, стоявшей до 4-хъ миллионовъ. При этомъ же имѣніи существовали мукомольные мельницы, овечій заводъ, обширный погребъ для винъ; скирды хлѣба образовали цѣлыя удицы.

Въ Яготинскомъ имѣніи были обширныя теплицы, которыми завѣдывалъ нѣмецъ-садовникъ. Гунъ приводитъ списокъ болѣе 200 видовъ различныхъ растеній, росшихъ въ этихъ теплицахъ¹⁾). Графъ не доволѣствовался заведеніемъ теплицъ, а производилъ также опыты искусственного лѣсоразведенія, и эти опыты увѣнчались успѣхомъ. Онъ желалъ также ввести улучшенія въ сельское хозяйство: недовольный практиковавшимся у него, какъ и вездѣ, примитивнымъ способомъ молотьбы хлѣба, онъ мечталъ о постройкѣ англійскихъ молотилокъ.

У Алексея Разумовскаго существовали конные заводы въ селахъ Черниаховкѣ и Андреевкѣ. Въ Черниаховкѣ была кромѣ того ковровая фабрика, на которой ткались коврики для стульевъ. Въ послѣднемъ селѣ, какъ и въ другихъ графскихъ селахъ, была масса хлѣба: Гунъ видѣлъ здѣсь до 80 скирдъ, изъ которыхъ нѣкоторые стояли уже 6 лѣтъ. Въ 18 верстахъ отъ Яготина въ деревнѣ Лозовый Яръ у графа стояло 144 скирды хлѣба; по пути отъ этой деревни до Яготина во всѣ стороны, куда хваталъ глазъ, видно было множество скирдъ сѣна.

Въ Тепловкѣ и Драбовкѣ, имѣніяхъ гр. Завадовскаго, существовали обширные конские заводы, вмѣщавшиѳ около 1600 лошадей. При Драбовкѣ имѣлся манежъ, одинъ изъ лучшихъ частныхъ манежей въ государствѣ. Кромѣ конского завода, въ Тепловкѣ существовало и овцеводство; число овецъ испанской породы здѣсь доходило до 5000; существовали также улучшенные породы коровъ и свиней. Въ виду полнаго безлѣсья вокругъ, на квадратной верстѣ была заведена древесная школа.

Изъ помѣщичьихъ заводовъ Гунъ указываетъ еще небольшой конскій заводъ и ковровую фабрику въ имѣніи Томары—

¹⁾ О любви гр. Алексея Кир. Разумовскаго къ садоводству, особенно о его Горенскомъ ботаническомъ садѣ, содержавшемъ 2000 родовъ растеній и стоимвшемъ до 500.000 рублей, см. у А. А. Васильчикова „Семейство Разумовскихъ“ т. II, стр. 42 и слѣд. О садѣ въ Яготинѣ *ibidem*, стр. 110.

Томаровкѣ. Нужную для ковровой фабрики шерсть доставляли имѣвшіяся въ экономіи 500 овецъ.

Очень интересны упоминанія Гуна о межигорской фабрикѣ фаянсовой посуды, заведенной въ 1799 г.¹⁾ и управляемой 200 кіевскихъ гражданъ, и особенно—подробный разсказъ о палошковской глинѣ, добываемой вблизи Глухова въ дачахъ Ив. Андр. Марковича. Свѣдѣнія о глинѣ Гунъ передаетъ со словъ владѣльца—Марковича, который сообщилъ нашему путешественнику о тѣхъ льготныхъ условіяхъ, которыя онъ готовъ предложить всякому, кто пожелалъ-бы завести на мѣстѣ фабрику для приготовленія фарфоровой посуды. Глина въ Палошкахъ найдена въ началѣ царствованія Екатерины II англичаниномъ Гарднеромъ, пріѣхавшимъ въ Россію съ цѣлью завести фарфоровый заводъ и получившимъ позволеніе искать фарфоровую глину въ предѣлахъ всей имперіи. Лучшею изъ всѣхъ найденныхъ Гарднеромъ глинѣ оказалась Палошковская. Слой ея начинался очень не глубоко отъ поверхности земли, но теперь (1804 г.) поверхностный слой глины уже выбранъ и ее приходится добывать на глубинѣ 2—4 саж. Марковичъ устроилъ шахты и штолни для добыванія глины, гдѣ работаетъ по 40—50 человѣкъ, которые въ зимніе мѣсяцы накапываютъ до 30.000 пудовъ. Гунъ увѣряетъ, что съ самаго начала работъ въ шахтахъ не было ни одного несчастнаго случая.

Переходя къ промышленности края вообще, кромѣ тѣхъ свѣдѣній, которыя сообщимъ ниже въ разсказѣ о городахъ, здѣсь мы передадимъ общую характеристику малороссійской промышленности, дѣлаемую Левшинымъ.

Кромѣ земледѣлія, доставляющаго главныя средства пропитанія, очень важную статью для Малороссіи составляетъ скотоводство: въ ней очень много конскихъ заводовъ, разводится также много быковъ, овецъ и свиней. Большиіе доходы даетъ садоводство и пчеловодство: число ульевъ въ Малороссіи (черниговской и полтавской уберніи) доходитъ до

¹⁾ Выдѣлка посуды началась съ 1801 г. О судьбѣ этой фабрики см. у Н. Закревскаго „Описаніе Киева“ (М. 1868 г.), т. II, стр. 497—499.

500,000. Весьма развито винокурение, число винокуренъ въ Малороссіи достигаетъ 3000 (по словамъ Гуна, въ его время, въ Малороссіи ежегодно выкуривалось до 6 миллионовъ ведеръ водки; „смѣло можно положить, говорить онъ, что третie зерно перекуриивается въ горѣлку“); по числу винокуренъ черниговская губернія превосходитъ всѣ другія губерніи Россіи. Кромѣ этихъ заводовъ да еще селитроваренъ, другихъ фабрикъ и заводовъ немного; о нихъ приходится Левшину говорить въ разсказѣ о Глуховѣ, тамъ онъ указываетъ заводы стекляные, мыловаренные, пивоваренные, а также Шостенскій пороховой заводъ¹⁾. Торговля, Малороссіи какъ виѣшняя, такъ и внутренняя ничтожны. Послѣдняя сосредоточивается на ярмаркахъ, которыхъ по 3—4, иногда и больше, бываетъ въ каждомъ городѣ, даже каждомъ селеніи.

По словамъ Зуева, въ Харьковскомъ намѣстничествѣ не только въ городахъ, но и въ большихъ селахъ бываютъ ярмарки, иногда по 3—4 въ годъ; наиболѣе извѣстны Харьковскія и Сумскія ярмарки; на эти большія ярмарки прїѣзжаютъ „купцы, кромѣ россійскихъ, изъ Польши, нѣмецкой земли, Молдавіи и Греціи“ и привозятъ сукна, шелковые и хлопчато-бумажные ткани, различные бакалейные и галантерейные товары.

Тотъ-же Зуевъ сообщаетъ весьма интересныя свѣдѣнія о мѣновой торговлѣ на ярмаркахъ въ малороссійскихъ селеніяхъ харьковского намѣстничества. Одно вино и соль, говорить онъ, покупаютъ на наличныя деньги, другое-же предметы получаютъ не за деньги, а въ обмѣнъ за продукты-же²⁾.

Изъ различныхъ приспособленій, которыми пользуются въ своемъ хозяйствѣ малороссы, особенное вниманіе путешественниковъ, которыхъ занимали промышленные вопросы, т. е. Зуева

¹⁾ Это сравнительное обилие заводовъ въ Глуховѣ во времія Левшина стоить въ рѣзкой противоположности съ состояніемъ города въ 1767 г., когда жителямъ его приходилось жаловаться, что они никакихъ заводовъ „къ препитанію и снабженію своему не имѣютъ“ („Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 г.“ Изданіе „Кіевской Старини“ 1889 г., стр. 74).

²⁾ О торговлѣ въ Харьковскомъ краѣ въ XVIII в. см. „Краткій историческій очеркъ торговли (преимущественно ярмарочной) въ Харьковскомъ краѣ въ XVII и XVIII в. в.“ Д. И. Багалъя („Харьковскій сборникъ“, вып. 2-й. Харьковъ 1888).

и Гуна, привлекли вѣтряные мельницы и ямы для храненія хлѣба. Зуевъ даетъ подробное описание и рисунокъ несложной вѣтряной мельницы, могущей быть поворачиваемой такимъ образомъ, чтобы крылья ея при всякомъ направленіи вѣтра получали отъ него возможно большиіе толчки, и вдается въ пространные разсужденія о той пользѣ, которую повсемѣстно въ Россіи можно было бы извлекать изъ утилизациіи силы вѣтра.—Что касается описываемыхъ Зуевымъ хлѣбныхъ ямъ, то онъ представляютъ собою подземный погребъ, стѣны которого вымазываются глиной и затѣмъ подвергаются обжиганію. Въ такую яму наваливаютъ зерно, отверстіе ямы закрываютъ досками и засыпаютъ землей. Послѣ этого хлѣбъ, не подвергаясь порчу, можетъ храниться неопределенно долгое время. При открытіи ямы нужно соблюдать извѣстныя предосторожности, такъ какъ скопившіеся въ ямѣ газы могутъ задушить человѣка. Хлѣбъ выбираютъ изъ ямы послѣ того, какъ она простонитъ недѣлю открытої.—Описаніе подобной-же ямы для храненія хлѣба даетъ и Гунъ. Онъ разсказываетъ также, что, когда копали фундаментъ для Почепской церкви, то нашли яму, наполненную пшеницей. И хотя заполненіе ея зерномъ произошло такъ давно, что никто изъ старожиловъ не помнить объ этомъ, однако зерно оказалось ни мало не поврежденнымъ.

Изъ враговъ земледѣлія и Зуевъ, и Гунъ указываютъ на саранчу, подробно рассказывая о томъ вредѣ, который она причиняетъ полямъ; къ югу отъ Кременчуга Зуеву нѣсколько разъ приходилось проѣзжать по тучамъ саранчи, покрывавшей во многихъ мѣстахъ степь. Какъ средство противъ саранчи практиковалось—толтанье ея лошадьми, выкапываніе яицъ и перепахиваніе поля, гдѣ положены были саранчею яйца.

Зуевъ называетъ также и суслика, но онъ былъ тогда только врагомъ бахчей, а не бичемъ земледѣльца, какимъ онъ сдѣлался впослѣдствіи, когда была вспахана большая часть русскихъ степей ¹⁾.

¹⁾ Ср. „Животный міръ европейской Россіи“ пр. М. Богданова въ „Доказательствахъ“ къ V тому „Земля и Люди“ Рекко, стр. 113 и слѣд.

Путешествіе по пустыннымъ южнымъ степямъ доставило Зуеву поводъ высказать свои планы и предположенія о возможности воспользоваться тѣми богатствами степей, которыхъ до того времени лежали втуне. Но не всегда онъ былъ достаточно прозорливъ: онъ посѣтилъ знаменитый нынѣ Кривой Рогъ и высказалъ соображеніе, что тутъ, по всей вѣроятности, находится залежи руды. Это соображеніе вполнѣ оправдалось: въ Кривомъ Рогѣ открыты теперь богатѣйшія залежи лучшей въ Россіи желѣзной руды. Но другое соображеніе Зуева, что „хотя-бы оные (металлы) и были, то пользоваться ими прочие неудобства не позволяютъ“, къ счастью, оказалось совершенно невѣрнымъ¹).

Теперь мы перейдемъ къ разсказу нашихъ путешественниковъ о посѣщенныхъ ими малороссійскихъ городахъ.

Нѣкоторые изъ малороссійскихъ городовъ были посѣщены не однимъ, а нѣсколькими изъ нашихъ путешественниковъ. Наибольшее число ихъ въ своихъ стѣнахъ удостоилась видѣть Полтава: ее посѣтили всѣ, за исключеніемъ Гуна.

Зуевъ былъ въ Полтавѣ въ 1782 г., когда она была еще уѣзднымъ городомъ Новороссійской губерніи. Тогда это былъ небольшой городокъ съ 1000 деревянныхъ, низкихъ, но чисто снаружи выбѣленныхъ домиковъ, между которыми было и 2—3 каменныхъ дома. Дома стояли по бокамъ правильныхъ, но не мощеныхъ улицъ, на которыхъ въ дождливое время можно было потонуть въ непролазной грязи²). Внутри города на косогорѣ существовала земляная крѣпость съ батареями, окруженнная рвомъ и валомъ; другой валъ окружалъ городъ со степной стороны. Въ Полтавѣ было, кроме монастыря, 9 церквей; былъ въ ней и довольно большой гостиный дворъ, гдѣ торговали великорусскіе и малорусскіе купцы. Украшеніе города составлялъ воздвигнутый противъ гостинаго двора „иждивеніемъ Марченка (имя строителя Зуевъ сообщаетъ невѣрно) полтав-

¹⁾ Ср. „Земля и Люди“ Реклю 7. V, стр. 214.

²⁾ По поводу этой грязи сложилась ноговорка: „На гори Полтава, якъ пава, а въ болоти якъ жаба“.

сваго жителя" каменний столбъ, заканчивавшійся вверху большимъ вызолоченнымъ яблокомъ и имѣвшій вставленную въ пьедесталь позолоченную мѣдную доску съ изображеніемъ полтавскаго боя.

Сумарокову, 27 іюня 1802 г., пришлось присутствовать при открытии губерніи въ Полтавѣ. Толпы какъ полтавскихъ жителей, такъ и окрестныхъ поселянъ, облачившись въ соотвѣтственные событию одежды и придавши должное выраженіе своимъ лицамъ, составили торжественную процессію, которая съ архіереемъ и г. губернаторомъ во главѣ, направляется къ Шведской могилѣ, у подошвы ея „первоসвященникъ учреждаетъ молебствіе, воскуряется благоуханіе кадиль, во шумѣ пѣнія совершаются надъ прахомъ мужества панихида, и Полтава провозглашается губернскимъ городомъ“.

Полтава по прежнему бѣдный и маленький городишко, въ которомъ нѣтъ „ни правильныхъ ни порядочныхъ "строеній¹⁾. По прежнему среди него высится земляная крѣпость, окруженная валомъ, по прежнему единственнымъ украшеніемъ города является стоящій противъ лавокъ каменныій столбъ съ мѣдною доскою, на которой изображенъ полтавскій бой, но Сумароковъ не повторяетъ ошибки Зуева, и уже не Марченку, а „усердному полтавскому гражданину Руденку“ оказывается Полтава обязанный созданіемъ „сего единаго въ здѣшнихъ мѣстахъ трофея“.

А черезъ годъ, два въ этомъ, только что провозглашенномъ губернскимъ городомъ, городишкѣ веселятся на славу. Князь Шаликовъ въ 1804 г. порхалъ уже на полтавскихъ балахъ (ихъ было 4 въ теченіе недѣли, которую онъ провелъ въ Полтавѣ; наиболѣе роскошный давалъ богатый полтавскій житель „корпусу дворянства“, съѣхавшемуся изъ цѣлой губерніи по случаю выборовъ), любовался „прекрасными ножками нимфъ²⁾, мель-

¹⁾ Уже присутствіе такого украшенія составляло шагъ впередъ сравнительно съ тѣмъ, что было въ Полтавѣ 15 лѣтъ тому назадъ (1767 г.), когда полтавцы жаловались, что ихъ городъ „никакихъ публичныхъ строеній и приличнаго украшенія не имѣть“. (См. „Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 г.“ Издание „Кіевской Старины“ 1889 г. стр. 120).

²⁾ Шаликовъ изъ любознательности зоветъ такъ дамъ и дѣвушкъ.

кавшими подъ тактъ „магического Экосева“ или увлекательного „Вальса“, нашептывалъ тысячи любезностей дамамъ и, въ свою очередь, выслушивалъ отъ нихъ комплименты по адресу своего первого „путешествія“, гдѣ онъ курилъ фіміамъ добродѣтелямъ полтавскихъ жителей.

Несмотря на то, что уже въ 1804 г. Полтава пріобрѣла нѣкоторый лоскъ цивилизаціи, и въ 1815 г. она по прежнему не велика, малолюдна; дома маленькие, но чистые и свѣтлые, большими домами являются только казенныя зданія, особенно домъ генераль-губернатора и дворянскій. Въ городѣ появляется уже Александровская площадь, украшенная чугунной колонной, увѣнчанной пальмовыми и дубовыми листьями и завершающейся парящимъ орломъ¹⁾). Этотъ памятникъ въ честь полтавской побѣды смѣнилъ прежній каменный столбъ, котораго теперь уже нѣтъ, и Левшинъ ничего не говорить ни о немъ, ни о мѣдной доскѣ съ изображеніемъ боя. О послѣдней упоминаетъ Глаголевъ. Онъ видѣлъ ее вдѣланною въ стѣну соборнаго храма и читалъ на ней слѣдующую надпись, сочиненную „извѣстнымъ Рубаномъ“:

Полтавской браніи видъ являеть сей металль.
Какъ въ день Самсоновоѣ Карль сраженъ Петромъ испалъ,
Синъ сѣдалъ Богъ съ небесъ начало Русской славы.
Руденко гражданинъ усердѣйшій Полтавы,
Котораго отецъ въ сей самой битвѣ былъ
И вольность чрезъ Петра изъ плѣна получилъ,
Въ благодареніе Всевышнему Сіону,
Устроилъ каменный священный храмъ Самсону;
Въ хвалу-жъ Петровыхъ дѣлъ, грядущихъ въ память дней,
Средь стѣнъ отечества поставилъ образъ сей.

„Въ 69 лѣто отъ побѣды подъ Полтавою, отъ созданія міра 7286 года, отъ Рождества Христова 1778 года, въ благополучное царствованіе Екатерины Алексѣевны Вторыя Импер. Всерос.“

На Александровской площади при Глаголевѣ (въ 23 г.) уже появилось больше каменныхъ зданій, между ними была и

¹⁾ Объ этомъ памятникѣ см. у Н. Арендаренка „Записки о полтавской губ., составленные въ 1846 г.“ (Полтава 1852 г.), ч. III., стр. 16—20.

гімназія; возв'ї памятника, по приказанію государя Александра I, разбити скверъ. Вала и стѣны, существовавшихъ при Зуевѣ, Глаголевъ уже не засталъ: на этомъ мѣстѣ былъ устроенъ бульваръ.

Изъ достопримѣчательностей Полтавы Глаголеву удалось видѣть простое каменное зданіе съ надписью: „Здѣсь Петръ I отдыхалъ послѣ побѣды іюня 27 дня 1709 г.“¹). Незадолго передъ тѣмъ на этомъ-же мѣстѣ стоялъ тотъ самый ветхій деревянный домикъ, въ которомъ отдыхалъ Петръ I, но его сломала усердная не по разуму поліція, приводившая въ надлежашій видъ Полтаву для встрѣчи князя Н. Г. Репнина, назначеннаго малороссійскимъ военнымъ губернаторомъ. „Князь, говоритъ Глаголевъ, не могъ скрыть своего неудовольствія, узнавши о татомъ неблагоразумномъ распоряженіи поліцейскихъ чиновниковъ; но они его не поняли: „Его сіятельство думаетъ, сказаль одинъ изъ нихъ, что этотъ домъ былъ, какъ обыкновенный домъ, а въ немъ ничего не было и похожаго“. Истина неоспоримая, хотя и не нарочно сказанная!“

Кромѣ гімназії, во время Глаголева въ Полтавѣ уже существовалъ и институтъ благородныхъ дѣвицъ. Нашъ путешественникъ посѣтилъ его и съ восторгомъ говорить „объ его устройствѣ, объ успѣхахъ дѣвицъ въ наукахъ, искусствахъ и рукодѣльяхъ и, въ особенности, о способахъ нравственнаго ихъ образованія, которое должно утѣшать всякаго благонамѣренного гражданина“.

Помимо этихъ заведеній, Глаголевъ говорить еще о чѣмъ-то въ родѣ маленькой школы садоводства въ Полтавѣ: въ городскомъ виноградникѣ 30 мальчиковъ практически изучали садоводство²).

Всѣ названные нами путешественники, бывшіе въ Полтавѣ, съ восторгомъ говорять о ея красивомъ мѣстоположеніи; всѣ также они посѣтили шведскую могилу, но страницы, посвящен-

¹) Текущъ на этомъ мѣстѣ стоять столъ съ соотвѣтственной надписью (воз-
двигнутъ при императорѣ Николаѣ).

²) Арандаренко говорить объ этомъ училащѣ уже какъ о „нинѣ упразднен-
номъ“ (оп. сіт., III, 20).

ныя ей, не содержать ничего, кроме громко-патріотическихъ восклицаній или сантиментальныхъ размышленій.

О народныхъ повѣріяхъ, живущихъ среди полтавцевъ, говорить одинъ Зуевъ. Въ окрестностяхъ Полтавы ему пришлось наблюдать интересное явление: на зеленомъ коврѣ степи тамъ и сямъ были разбросаны островки, въ нѣсколько сажень въ диаметрѣ, травы, у которой и листья, и стебли были краснаго цвѣта, хотя трава эта принадлежитъ къ тому-же виду, который растеть вокругъ этихъ островковъ, и тамъ, какъ и везде въ другихъ мѣстахъ, окрашенъ зеленымъ цвѣтомъ. Эту красную окраску травы народъ, по словамъ Зуева, объясняетъ вліяніемъ крови, пролитой въ этихъ мѣстахъ во время сраженій.

Тотъ-же Зуевъ сообщаетъ свѣдѣнія о занятіяхъ полтавскихъ жителей и нѣсколько статистическихъ данныхъ о полтавскомъ уѣздѣ:

Жители Полтавы занимаются хлѣбопашествомъ, садоводствомъ, бахчами и винокуреніемъ, а также продажею продуктовъ, доставляемыхъ указанными занятіями; небольшое число ихъ занимается спѣциально торговлей.

Въ полтавскомъ уѣздѣ всего 34000 душъ мужскаго пола, да немногимъ меньше женскаго; все это сравнительно большое количество народонаселенія юится въ 6000 домахъ. Главную массу жителей—болѣе 80% составляютъ козаки и владѣльческие подданные, „прочие суть подданные малороссійскіе, отставные літабѣ и оберъ-офицеры и другіе старшины, также духовные“.

Изъ другихъ городовъ нынѣшней полтавской губерніи у нашихъ путешественниковъ мы находимъ свѣдѣнія о Кременчугѣ, Крюковѣ, Прилукахъ, Переяславлѣ и Лубнахъ. О первыхъ 2-хъ городахъ говоритъ Зуевъ. При немъ *Кременчугъ* принадлежалъ къ Новороссійской губерніи и былъ городомъ губернскими¹⁾, но въ тоже время и очень небольшимъ: въ немъ около 500 домовъ и только 2 каменныхъ, остальные-же—или неболь-

¹⁾ Губернскимъ городомъ онъ сталъ въ 1765 г., съ 1784 г. по 1789 Кременчугъ былъ намѣстническимъ городомъ; въ 1789 г. онъ пересталъ быть не только намѣстническимъ, но даже и уѣзднымъ, въ 1802 г. сталъ уѣзднымъ городомъ (Ср.

шіє деревянные домики, или мазанки изъ обмазанного глиной фашинника. Въ городѣ 2 церкви и 1 раскольничья часовня.— Главное занятіе жителей въ Кременчугѣ—торги, подряды и перевозка товаровъ на волахъ, кромѣ того разведеніе садовъ и бахчей и торговля водкой; въ городѣ, имѣется постоянный гостинный дворъ, но главная торговля сосредоточивается на ярмаркахъ, которыхъ бываетъ—3 въ году. Весьма непріятную особенность города составляютъ тучи песку, который заносить цѣлые улицы и набивается въ дома.

Жителей въ городѣ—1300 душъ. Для дѣтей этихъ жителей существуетъ 3 учебныхъ заведенія: 1) „аппробованный губернскимъ правленіемъ“ пансіонъ благородныхъ дѣтей, содержащавшійся французомъ Брокаромъ, гдѣ принимались на полное содержаніе дворянскія дѣти съ платой 150 рублей въ годъ; 2) училища благородныхъ сиротъ и мѣщанскихъ дѣтей женскаго пола, куда принимались дѣти не старше 5 лѣтъ и до совершеннолѣтія обучались, на счетъ казны и благотворителей, „российской и нѣмецкой грамотѣ, рисовать, танцевать и шитью. Главнѣйшее попеченіе предоставилъ себѣ г. губернаторъ языковъ, а смотрѣніе и обученіе нѣкоторыхъ частей въ наукахъ поручилъ одной нѣмкѣ, женѣ городскаго лѣкаря“. Наконецъ, третьимъ училищемъ—была городовая школа для дѣтей бѣдныхъ дворянъ и разночинцевъ. На казенный счетъ ихъ учили „языкамъ и нѣкоторымъ наукамъ“¹⁾.

Къ новороссійской губерніи, губернскимъ городомъ которой, какъ сказано, былъ Кременчугъ, принадлежало 12 уѣздовъ: 3 на лѣвой сторонѣ Днѣпра—кременчугскій, полтавскій и новосенжаровскій (они были прибавлены къ новороссійской губерніи „для составленія нужнаго числа людей“), и 9 на правой—крюковскій, елисаветградскій, ольвіопольскій, новопавловскій, ингульскій, херсонскій, кизикерманскій, никопольскій и саксаганскій. Въ 9 уѣз-

„Городъ Кременчукъ“ Ф. Д. Николайчика, Спб. 1891 г. стр. 63—66 и Аранда-ренко ор. сіт стр. ч. Ш, 125 и 126).

¹⁾ См. у В. Е. Бучневича „Кременчугъ и посадъ Крюковъ“ (Полтава 1891 г.) интересную выписку изъ топографического описанія полтавской губ. за 1806 г., заключающую въ себѣ описание города Кременчука въ 1-е годы 19 столѣтія (стр. 27—30).

дахъ новороссійской губ., лежащихъ по правую сторону Днѣпра,—5,135,937 десят. земли, жителей же въ этихъ уѣздахъ менѣе 80000. Особеннымъ малолюдствомъ отличались уѣзды кизикерманскій—1 человѣкъ на 14 кв. верстъ, и херсонскій—1 на 30 кв. верстъ. Быть уѣздъ (никопольскій), о которомъ Зуевъ говоритъ: „церквей и часовенъ нѣть, равнымъ образомъ и уѣзданаго города нѣть-же“, въ ингульскомъ и саксаганскомъ „городу мѣсто еще только назначено, Никополь ростетъ только потому, что въ него насилино гоняютъ запорожцевъ и заставляютъ ихъ строиться въ этомъ городѣ.

Второй изъ Полтавскихъ городовъ, посвѣщенныхъ Зуевымъ, Крюковъ, тогда уѣздный городъ новороссійской губерніи, хотя лежалъ всего въ 3-хъ верстахъ отъ губернского города Кременчуга, съ которымъ соединялся „длиннымъ хорошимъ на платахъ мостомъ“, имѣлъ свое особое уѣздное управление, но не имѣлъ церкви. Въ этомъ „городѣ“ было 200 домовъ, конечно, все деревянныхъ¹⁾.—Въ Крюковѣ былъ казенный садъ для дынь и арбузовъ; въ немъ разводились также различные виды тыквы; плоды одного вида, рисунокъ которого даетъ Зуевъ, достигали фута въ поперечникѣ. Арбузы также достигали громадныхъ размѣровъ. Къ губернаторскому столу подавались арбузы вѣсомъ въ 43 фунта и „преизряднѣйшаго вкуса“. Изъ сада, лучшіе арбузы и дыни посыпались ко двору.—Кромѣ этого сада, въ 4-хъ верстахъ отъ Крюкова имѣлся садъ плодовыхъ деревьевъ. Въ Крюковѣ существовали прекурьезнѣйшіе почтовые порядки: хотя перегонъ между нимъ и Кременчугомъ составлялъ всего 3 версты и иногда, при неимѣніи лошадей въ Кременчугѣ, ихъ пригоняли изъ Крюкова, но губернскоеправленіе, содержавшее почту въ новороссійской губерніи, распорядилось, чтобы всякий, юдущій изъ Кременчуга черезъ Крюковъ, мѣнялъ въ послѣднемъ лошадей. Лошади эти были настолько

¹⁾ Влад. Иамайловъ, проѣзжавшій черезъ Крюковъ въ 1801—1802 г., даетъ слѣдующее описание Крюкова: „Что это такое? спросилъ я, увидя на берегу Днѣпра вѣсколько изѣ, тѣсную улицу, шумную толпу народа и рогатку, которая ограничивала сіе мѣсто въ глазахъ моихъ. Это городъ Крюковъ, отвѣчали мы“. (Циг. по Николайчику „Г. Кременчукъ“, стр. 115).

хороши, что Зуевъ, котораго тоже, не сморя на всѣ его просьбы, заставили перемѣнить лошадей въ Крюковъ, предпочель ъхать дальше на волахъ.

О *Прилухахъ* говоритъ Гунъ, при которомъ этотъ городъ представлялъ собою большую деревню и не имѣлъ правильныхъ улицъ, „хотя впредь велико его строить по плану“ ¹⁾ Вмѣсто садовъ и огородовъ существовали одни заросли дурмана. Некрасивъ былъ городокъ, за то все въ немъ было очень дешево: на ярмаркѣ пара гусей стоила 32 коп., пара индѣекъ—40 коп., ведро водки 2 р. 40 к., пара сапогъ—1 р. 40 к. и д. Изъ продававшихся на прилукской ярмаркѣ предметовъ особенное вниманіе Гуна привлекъ стручковый перецъ, котораго онъ видѣлъ тутъ „превеликое множество“, и румяна, которая для явного и сокровенного употребленія продаются здѣсь въ самыхъ бѣдныхъ лавкахъ“.

Некрасивымъ, въ изображеніи Гуна, является и *Переяславль*: это „городъ, окруженный развалившимся валомъ и болотами. Домы его суть хижины, обросшія дурманомъ. На улицахъ множество фонарныхъ столбовъ, но ни одного фонаря“. Левшинъ называетъ Переяславль городомъ „изряднымъ и довольно многолюднымъ“; въ немъ—семинарія съ 700 учащихся. Въ городѣ сохранились еще при Левшинѣ остатки старой крѣпости, пощаженной временемъ, но безпощадно разрываемой людьми для выварки селитры. Въ соборѣ Переяславскомъ показывали Левшину великоколѣнное евангеліе, подаренное Мазепой, и плащаницу, 250 лѣтъ передъ тѣмъ (т. е. до 1815 г.), присланную однимъ молдаванскимъ господаремъ ²⁾.

Въ *Лубнахъ* и Гунъ, и Левшинъ отмѣчаютъ аптеку, доставлявшую лѣкарства для арміи ³⁾. За годъ передъ прїездомъ Гуна

¹⁾ По описанію 1786 г. въ Прилухахъ было 430 обычательскихъ домовъ, „въ томъ числѣ шинковъ третья часть“ (см. А. Шафонскаго „Черниговскаго намѣстничества топографическое описание“, стр. 510).

²⁾ Въ 1561 г. Господаремъ Іоанномъ („Записки о Полтавской губ.“ Н. Арендаренко, т. III, стр. 424).

³⁾ Объ этой аптекѣ и ботаническомъ садѣ при ней см. у Арендаренка, ч. III, стр. 273—274.

въ Малороссію въ Лубнахъ была построена больница для 3-хъ повѣтовъ.

Остальные города, посѣщенные нашими путешественниками, были—Кievъ, Харьковъ и нѣкоторые города черниговской губерніи; кромѣ того Гунъ, посѣтилъ цѣлый рядъ помѣщичихъ имѣній.

Изъ названныхъ нами путешественниковъ первымъ по времени посѣтилъ *Kievъ* Гунъ. Онъ много путешествовалъ за границей, видѣлъ города на Рейнѣ, на Дунаѣ, въ Швейцаріи, но ни одинъ изъ видѣнныхъ имъ городовъ не произвелъ на него такого впечатленія красотой своего мѣстоположенія, какъ Киевъ.

Обывательскіе дома въ Киевѣ были небольшіе, деревянные¹⁾, почти всѣ одноэтажные. Улицы широкія, вымощенные досками²⁾; по нимъ, по словамъ Гуна, юзить было очень приятно. На многихъ изъ этихъ улицъ была масса фонарныхъ столбовъ.—Къ лучшимъ въ городѣ зданіямъ нашъ путешественникъ причисляетъ дворецъ, губернаторскій домъ и зданіе академіи. Въ академіи обучалось около 1000 человѣкъ; такъ какъ академическая библіотека лѣтъ за 20 передъ тѣмъ сгорѣла, то при Гунѣ имѣлось въ ней „только 9000 книгъ, но и тѣ кромѣ исторіи ничего примѣчанія достойнаго въ себѣ не содержать и лежатъ въ беспорядкѣ“. Въ городѣ существовали книжныя лавки, но въ нихъ, кромѣ книгъ церковныхъ и иконъ, ничего не было, за то иконъ „нигдѣ толикаго множества на продажу не выставляютъ, какъ въ Kievѣ“.

Гунъ упоминаетъ о кievскихъ контрактахъ³⁾, во время которыхъ „смѣло можно сравнить Kievъ съ Лейпцигомъ“. Въ контрактовомъ домѣ даются зимою балы, иногда даже спектакли.

Съ той поры какъ Киевъ сдѣлался губернскимъ городомъ, въ немъ быстро растетъ число жителей (относительно этого

¹⁾ Въ 1797 г. Въ Kievѣ каменныхъ зданій было—15 общественныхъ и 12 частныхъ. Закревскій оп. cit. стр. 115.

²⁾ О кievскихъ мостовыхъ (изъ брусьевъ) и грязи на улицахъ (въ 1787 г.) см. выдержки изъ „Taurische Reise der Kaiserin von Russland Katharina II“, приводимыя у Закревскаго стр. 104.

³⁾ Перенесены въ Kievъ изъ Dubno въ 1797 г. См. Закревскій оп. cit. 115—116.

числа Гунъ сообщаетъ противорѣчивыя свѣдѣнія: на 168 стр. его „путешествія“ оно равняется 30, а на 123—уже 42 тысячамъ¹⁾, а вмѣстѣ съ тѣмъ быстро ростутъ цѣны: мука, лѣтъ 20 предъ тѣмъ стоявшая 10 коп., поднялась до 60—70 коп. за пудъ, сажень дровъ стоитъ 7 рублей. Изъ кіевскихъ произведеній Гунъ съ восторгомъ говоритъ о кіевскомъ бѣломъ хлѣбѣ: такого вкуснаго хлѣба онъ до того не єдалъ; упоминаетъ о кіевскомъ „славномъ въ сахарѣ изъ плодовъ вареныхъ“²⁾, которое варится частью на мѣстѣ, частью привозится изъ Молдавіи и продается „по сороку рублей за пудъ и ниже“. Изъ Молдавіи привозится въ Кіевъ также вино, и это вино пьютъ въ Кіевѣ „даже и мужики“.

Что касается городскаго управления и финансъ, то, говоритъ Гунъ, „магдебургское и саксонское права существуютъ здѣсь и понынѣ. Доходы магистрата, говорятъ, простираются до 37000 р., сверхъ коихъ одинъ винный откупъ приносить думъ 50000 рублей ежегодно“.

Гунъ посѣтилъ, конечно, кіевские храмы и кіевскія пещеры и видѣлъ въ нихъ все то, что каждый можетъ видѣть и теперь, но также видѣлъ нѣчто, чего никто не видѣлъ и не увидитъ: „въ Софійской соборной церкви видѣли мы гробъ св. Софіи, подъ которымъ теперь сдѣланъ великолѣпный помостъ, коего одна позолота стоитъ тысячи пяти сотъ рублей“³⁾.

При Левшинѣ Кіевъ по прежнему не изобиловалъ роскошными и грандіозными зданіями: „въ немъ мало огромныхъ строеній, но много хорошихъ, хотя небольшихъ домовъ, которые, будучи расположены на прекрасныхъ мѣстахъ, останавливаютъ „прельщаютъ глаза“. Кромѣ академіи, гдѣ число учащихся доходило до 1500, существовала уже и гимназія, гдѣ

¹⁾ По свѣдѣніямъ, приводимымъ у Закревскаго, число кіевскихъ жителей въ 1798 г. было 19,000, въ 1800 г.—30,000.

²⁾ О происхожденіи производства „кіевскаго варенъ“ см. Закревскій ор. cit. стр. 112.

³⁾ За гробъ св. Софіи Гунъ очевидно прибылъ раку съ мощами Св. Макарія, митрополита кіевскаго (ср. „Описаніе Кієво-Софійскаго собора и Кіевской епархії“ митрополита Евгенія. Кіевъ, 1825 г., стр. 47).

обучалось до 300 учениковъ. Дворянство жертвовало на гимназію большія деньги.

Глаголевъ даетъ лишь описаніе киевскихъ святынь. Объ академіи онъ сообщаетъ общеизвѣстныя историческія свѣдѣнія, ничего не говоря о современному ея состояніи.

Всѣ 3 путешественника упоминаютъ о небольшомъ обелискеѣ Владиміру Великому, воздвигнутомъ 5 сентября 1802 г. у Крещатицкаго колодца. На памятникѣ была надпись, гласившая, что памятникъ воздвигнутъ киевскимъ обществомъ, „принателеннымъ еть благодіяніямъ Александра Благословленнаго, возобновившаго древнія права Киева“ (Левшинъ¹).

Въ Харьковѣ были Зуевъ и Сумароковъ. За 20 лѣтъ, которыхъ отдѣляютъ одно отъ другаго эти 2 посѣщенія, Харьковъ мало измѣнился. При Сумароковѣ, какъ и при Зуевѣ, за исключеніемъ 2—3 большихъ каменныхъ домовъ, остальная постройки состояли изъ мазанокъ, улицы были немощенны и неправильны, хотя еще Зуеву „сказывали, что планъ городу давно подтвержденъ“. Воды рѣчекъ, текущихъ черезъ городъ, при томъ и другомъ изъ нашихъ путешественниковъ одинаково заражались навозными плотинами²). Оба они говорятъ о харьковскомъ коллегіумѣ (или семинаріи)³, при Зуевѣ тамъ было 500 учениковъ, при Сумароковѣ число ихъ возросло до 700. При Зуевѣ въ городѣ кроме того существовало еще „другое училище, называемое классы, гдѣ больше 20 человѣкъ сиротъ содержится на казенному изждивеніи; учителя опредѣлены хороши, но, кажется, недостаточно присмотрѣ“. Сумароковъ нашелъ это училище значительно расширеннымъ: „Народное училище, соединенное съ прежнею казенною школою, вмѣщаетъ въ себѣ болѣе 600 дворянскихъ и разночинскихъ

¹⁾ См. у Закревскаго Высочайшій указъ съ замѣчаніемъ военному губернатору Феншу по поводу постройки памятника. Ор. сіт., т. I, стр 422.

²⁾ О томъ же говорятъ авторъ „Топографическаго описанія Харьковскаго намѣстничества (М. 1788) стр. 116.

³⁾ О коллегіумѣ см. въ этомъ же „Описаніи“ стр. 128—137. О Харьковскомъ коллегіумѣ имѣется трудъ проф. Лебедева: „Харьковскій коллегіумъ, какъ просвѣтительный центръ Слободской Украины до учрежденія въ Харьковѣ Университета“.

дѣтей, которыхъ научаютъ иностраннымъ языкамъ, разнымъ познаніямъ, равно какъ и содѣржать на казенномъ счетѣ“.— Кромѣ того, Сумароковъ узналъ, что у харьковскаго „протопре- свитера воспитывается 12 благородныхъ отроковъ, которымъ онъ, преподавая самъ ученіе, занимаетъ при томъ и другихъ для нихъ учителей. Предпріятіе необыкновенное въ нашемъ государствѣ! Новизна, достойная одобренія!“.

О Харьковѣ Зуевъ сообщаетъ слѣдующія статистическія свѣдѣнія: „всѣхъ обывательскихъ домовъ около 1700, кожевенъ 126, винокуренъ 14, пивоваренъ 4, солодовенъ 7, кузницъ 40; имѣется изрядный каменной гостиной дворъ и сверхъ того множество деревянныхъ лавокъ. Церквей въ городѣ каменныхъ 6 и 5 деревянныхъ, сверхъ того мужской заштатный монастырь. Жителей въ городѣ около 6000 душъ¹⁾). У Сумарокова ста- тистическихъ свѣдѣній не находимъ²⁾), Зуевъ же сообщаетъ такія свѣдѣнія не только для Харькова, но и для его намѣстничества. Во всемъ намѣстничествѣ было 400691 житель³⁾ дѣлившихся на войсковыхъ обывателей, малороссійскихъ поддан- ныхъ, однодворцевъ, подданныхъ дворцовыхъ, экономическихъ и помѣщичихъ и небольшаго количества цыганъ. По своимъ занятіямъ жители еще не дифференцировались: „каждой почти изъ нихъ въ городахъ есть и обыватель, и пахарь, и купецъ, и садовникъ, и службу отправляющій житель“. На все указан- ное число жителей „записныхъ купцовъ“ только 60 человѣкъ. Какъ и въ собственно Малороссіи, въ харьковскомъ намѣстни- чествѣ было много водяныхъ мельницъ и винокуренъ: первыхъ Зуевъ насчитываетъ 1500, вторыхъ въ 7 уѣздахъ (во всемъ намѣстничествѣ уѣзовъ было 13, но для 6 у Зуева свѣдѣній нѣтъ) было до 1000.

¹⁾ По свѣдѣніямъ „Топогр. Описанія“ въ 1787 г. въ Харьковѣ было „домовъ партекулярныхъ 1532, жителей мужеска пола 5338, женска 5405 (стр. 127). Тамъ- же, стр. 121—127, см. о занятіяхъ харьковскихъ жителей.

²⁾ Кое-какія статист. свѣдѣнія для начала нынѣшняго столѣтія находимъ въ воспоминаніяхъ Ф. О. Рейнгардта „Г. Харьковъ 20-хъ и 30-хъ годовъ“ „Харь- ковскій Сборникъ“ В. И. Хар. 1887 г.

³⁾ Согласно „Топ. Оп.“, ко времени составленія его во всемъ намѣстничес- твѣ жителей муж. пола было 402,484, женскаго 394,374 (стр. 169).

Города черниговской губернії посѣтилъ Левшинъ. *Черниговъ*¹⁾, по его словамъ, имѣлъ „изрядное строеніе“, но отличался крайнимъ малолюдствомъ. Одной изъ главныхъ достопримѣчательностей его является старинная соборная церковь, основанная еще кн. Мстиславомъ; она была украшена знаменами малороссийскихъ казацкихъ полковъ. Въ Черниговѣ Левшинъ посѣтилъ ремесленное училище и „видѣлъ тамъ многія прекрасныя художественные произведения воспитанниковъ, которые принимаются изъ мѣщанъ и поселянъ и, живя на казенномъ иждивеніи, учатся разнымъ искусствамъ“.

Въ *Городнѣ*²⁾ путешественникъ не нашелъ ничего замѣчательного, въ *Новозыбковѣ*³⁾—тоже, за исключеніемъ старообрядцевъ, которымъ посвящаетъ нѣсколько страницъ, въ *Новгородъ-Сѣверскѣ*⁴⁾ Левшинъ отмѣчаетъ „общирную и хорошую гимназію“, въ *Глуховѣ*—строеніе его, которое „въ сравненіи съ другими малороссийскими уѣздными городами—хорошо“, и заводы, о которыхъ мы уже говорили.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о помѣщичьихъ имѣніяхъ, главнымъ образомъ, посѣщенныхъ Гуномъ.

Яютингъ, тогда помѣстие графа Алексія Кириллыча Разумовскаго, Гунъ посѣтилъ какъ разъ въ то время, когда приводилась къ концу постройка новаго роскошнаго дома, флигелей и службъ и предъ домомъ разбивался англійскій садъ. Былъ здѣсь и Глаголевъ, когда имѣніе перешло къ князю Н. Г. Репнину; кромѣ разсказа о только что упомянутомъ домѣ и садѣ, Глаголевъ говоритъ о хорошей библіотекѣ и богатомъ собраніи картинъ, оставшемся послѣ графа Разумовскаго⁵⁾.

¹⁾ Ср. описание Чернигова въ 1781 г. въ „Описаніи черниговскаго намѣстничества“ Д. Пащенка (неоконченное изданіе черниг. губ. статист. коміт. 1868 г.) стр. 1—6 и описание его у Шафонскаго оп. cit. (особенно интересны свѣдѣнія о латинскомъ училищѣ—стр. 280—284, числѣ домовъ—285, жителей—291).

²⁾ См. описание Городни у Пащенка. оп. cit. стр. 99—102.

³⁾ О Новозыбковѣ (прежде сл. Зыбкая) см. въ „Описаніи Старой Малороссіи“ А.Л. Лазаревскаго, сгр. 449—451.

⁴⁾ Интересное описание Новгородъ-Сѣверска въ 1781 г. приведено у А.Л. Лазаревскаго оп. cit. стр. 211—213.

⁵⁾ См. обѣ этомъ у Н. Стороженко „Отчетъ о занятіяхъ въ Архивахъ: кіевскомъ центр. и яготинскомъ еп. Н. В. Репніна“ въ Кіевѣ. Унів. Ізвѣстіяхъ за 1887 г.

Въ библіотекѣ въ ковчегѣ хранились—письмо, въ которомъ фельдмаршалъ кн. Репнинъ приносилъ Императору Александру I поздравленіе по случаю восшествія его на престолъ, и Высочайший рескрипты Монарха кн. Репнину. Изъ рукописей особенно замѣчательны записки о путешествіи графа Бориса Петровича Шереметева въ Италію въ 1697—1700.

Въ *Почепѣ*¹⁾ Гунъ отмѣчаетъ громадный барскій домъ прекрасной архитектуры; въ немъ особенно хороши залы для баловъ и концертовъ; есть въ немъ и библіотека изъ 5000 томовъ, предъ домомъ прекрасный большой садъ. Изъ „историческихъ памятниковъ“ въ Почепѣ Гунъ видѣлъ полуразвалившійся каменный столбъ, на которомъ при Аннѣ Ioannovnѣ „была выставлена на всенародное зрѣлище присланная изъ Петербурга голова казненнаго тамъ нѣкоего здѣшняго бунтовщика, выдававшаго себя за наследника Государя Императора Петра I“.

Еще большею роскошью, чѣмъ Почепскій домъ, отличался домъ съ прекраснымъ паркомъ въ *Исайтенкахъ* генерала Гудовича. Въ другихъ помѣщичихъ имѣніяхъ Гунъ отмѣчаетъ только то, что относится къ промышленности и помѣщичьимъ доходамъ и на что уже было указано въ своемъ мѣстѣ. Эти помѣщичьи доходы бывали иногда очень велики, особенно тѣхъ помѣщиковъ, которые считали своихъ крѣпостныхъ тысячами. Весело и роскошно жили такие помѣщики: и сами веселились, и, принимая массу гостей, давали возможность веселиться и другимъ, а своихъ крѣпостныхъ умѣли заставить доставлять себѣ не только все, необходимое для жизни, но и эстетическая удовольствія. Въ с. *Спиридоновой Буды* (о чёмъ мы узнаемъ отъ кн. Шаликова) у помѣщика Д. И. Ширая, флигель-адъютанта кн. А. М. Голицына, былъ театръ, на которомъ давались оперные представленія и балетъ. Въ особенный восторгъ привлекъ Шаликова балетъ. „Маренкова, Дроздова, Косаковская, Кодинцова!“ восклицаетъ онъ по адресу танцовщицъ: „вы были-бы украшеніемъ самой блестящей сцены

¹⁾ Ср. „Описание старой Малороссії“ Ал. Лазаревскаго, стр. 298—305.

великолѣпнѣйшей столицѣ". Что особенно замѣчательно—это то, что „всѣ сії пльнающиа васъ существа извлечены помѣщиковъ Буды изъ ничтожества, т. е. изъ крестьянскаго состоянія".

Особенно блестящій спектакль былъ данъ въ честь малороссійскаго генералъ-губернатора князя А. Б. Куракина. Предъ оперой, по обычаю доброго старого времени, „главная актриса явилась на сценѣ и пріятнымъ, трогательнымъ голосомъ сказала рѣчь почтенному гостю"; въ послѣдней сценѣ балета глаза зрителей были поражены рядомъ символическихъ картинъ въ честь гостя: на сценѣ появился „великолѣпный храмъ съ огненною на фронтонѣ подписью: *доброты и чести*; во внутренности его возвышался жертвенникъ съ пылающими сердцами передъ вензелевымъ именемъ гостя; позади его была транспарантная картина, которая изображала парящую славу и имѣющую, по обыкновенію, въ одной рукѣ трубу, а въ другой свитокъ съ его же вензелемъ и богиню правосудія съ вѣсами и съ ландъ-картою Малороссіи; внизу группы Геніевъ... и т. д., и т. д. Высокій гость былъ растроганъ и „съ энтузіазмомъ" призналъ все это, и балетъ, и картины, волшебствомъ. На этомъ балу присутствовало и потомъ жило въ Будѣ въ теченіе 6 дней до 100 гостей.

Помѣщика Буды Шаликовъ считаетъ не только гостепріимнымъ хозяиномъ, но и благодѣтелемъ тѣхъ своихъ „подданныхъ", которыхъ онъ превратилъ въ балеринъ. Еще-бы! онъ поднялъ ихъ на такую высоту, что онъ могли доставлять высокое эстетическое удовольствіе гостямъ съ самыми утонченными вкусами. Это было, конечно, высокая честь для крѣпостныхъ, но многія изъ нихъ удостоивались чести еще большей. Пльненные гости доходили до того, что забывали все различіе ранговъ и дарили ихъ своею любовью... на короткое время, конечно: князь Шаликовъ „сталъ пльнникомъ одной (крѣпостной) Эвхарисы и, подобно сыну Улиссову, не желалъ свободы". У другихъ гостей сердце тоже не было каменнымъ: „Амуръ не оставался безъ дѣла и можно-ли Амуру не рѣ-

звиться тамъ, гдѣ Граці? Стрѣлки его летали туда, сюда; коварной мальчикъ—*enfant gâté*—забавлялся¹⁾).

Другой помѣщикъ, владѣлецъ Чемира (Шаликовъ называется этого помѣщика Б**, это полковникъ Будлянскій, о которомъ разсказано выше со словъ Гуна), имѣлъ прекрасный хоръ и огромный оркестръ. Упоминается объ оркестрѣ изъ крѣпостныхъ и Гунъ. Такой оркестрѣ былъ у Тамары (изъ 17 человѣкъ) и у Гудовича (изъ 16). Бывали у малороссійскихъ помѣщиковъ и художники изъ крѣпостныхъ. Въ Екатерининъ-дарѣ у гр. Завадовскаго Шаликовъ видѣлъ картину, на которой „магическая“ кисть „собственного Апеллеса“ изобразилъ спящую Венеру безъ всякаго покрывала до того хорошо, что заставилъ нашего путешественника предаться не совсѣмъ-таки чистымъ мечтаніямъ. Были помѣщики, которые не только доставляли эстетическія удовольствія на счетъ своихъ „подданыхъ“ себѣ и своимъ гостямъ, а развивали въ эстетическомъ отношеніи и толпу, но, снисходя къ ея грубымъ вкусамъ, давалъ предъ ней не оперные и балетные спектакли, а „спектакль балансёровъ и игръ гимнастическихъ“. Шаликовъ былъ на ярмаркѣ въ Ромнахъ въ циркѣ, антрепренеромъ которого былъ богатый помѣщикъ. Между „балансёрами“, которыхъ этотъ помѣщикъ заставлялъ ходить по веревкѣ, была „очевидно беременная“ женщина, упавшая съ веревки въ самомъ же началѣ спектакля, „но къ счастью безвредно, говорить Шаликовъ: вспрыгнула на веревку опять и продолжала свое дѣло“.

Не всѣ однако помѣщики только веселили себя и другихъ на счетъ своихъ крѣпостныхъ; были и такие, у которыхъ веселились и крѣпостные. По крайней мѣрѣ, у Шаликова мы находимъ слѣдующій разсказъ о сельскомъ празднике по случаю окончанія жатвы.

„Ввечеру, по заходженіи солнца, на зеленомъ лугу и маленькихъ островкахъ свѣтлой рѣчки, подлѣ сосновой рощи и

¹⁾ Намъ разсказывалъ А. М. Лазаревскій (со словъ А. И. Ханенка), что у Д. И. Ширая въ „Будѣ“ былъ магазинъ различныхъ ювелирныхъ вещей. Пѣнчики „Эвхаристъ“ дарили ихъ вещами, купленными въ этомъ магазинѣ, „А Эвхаристъ“ обязаны были возвращать ихъ своему помѣщику.

во внутренности ея запылали смоляные бочки, поставленные высоко на деревахъ; нетерпѣльные поселяне потекли со всѣхъ сторонъ на мѣсто веселія; сельскіе *Дици* ударили въ смычки свои;—тамъ раздались нѣжныя свирѣли, здѣсь громкія пѣсни; молодыя крестьянки и крестьяне составили рѣзвыя пляски; по-жилые сѣли за столы, на которыхъ изъ большихъ сосудовъ благоухалъ нектаръ и амброзія ихъ — горѣлка и свѣжій хлѣбъ; иные бросились на качели, поставленные въ рощѣ; прочіе разсѣялись по рощѣ и лугу; мы ходили вездѣ и веселились съ щастливыми поселянами. Доброй ихъ Помѣщикъ радовался искренно щастію ихъ и раздѣлялъ его съ ними въ чувствительномъ своемъ сердцѣ”.

На этой идилліи во вкусѣ Делилля мы и простимся съ нашими путешественниками.

Л. Синицкій.

БАРСКАЯ ОКОЛИЧНАЯ ШЛЯХТА ДО К. XVIII В.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ.

I.

Къ числу весьма любопытныхъ уголковъ нашего края принадлежитъ бывшее барское старство, расположенное на водораздѣлѣ Буга и Днѣстра, въ сѣверной части нынѣшней Подольской губерніи. Своевобразныя особенности его прошлаго и настоящаго привлекаютъ къ нему вниманіе изслѣдователя, тѣмъ болѣе, что особенности эти не только сами по себѣ любопытны, но даютъ подъ часъ матеріалъ для изученія болѣе общихъ явлений мѣстной исторіи, нѣкоторыхъ весьма важныхъ и сложныхъ вопросовъ мѣстнаго общественнаго строя.

Любопытная исторія этого старства. Впродолженіе нѣсколькихъ столѣтій оно было порубежнымъ со степью. Баръ долгое время служилъ однимъ изъ важнѣйшихъ опорныхъ базисовъ и игралъ важную роль въ исторіи обороны и вмѣстѣ колонизаціи того края. Въ связи съ такою ролью Бара стоитъ и значеніе его въ исторіи козачества: какъ известно, это было одно изъ старѣйшихъ козачьихъ гнѣздъ; здѣсь, на ряду съ нѣкоторыми другими окраинными староствами, получило оно первоначальную свою организацію. Позже мы находимъ здѣсь служилую шляхту, аналогичную въ значительной степени съ козаками. Организація этого шляхетскаго населенія также имѣеть сходныя черты съ козачьей организаціею: вся шляхта составляла въ совокупности „барскій полкъ“, съ полковникомъ во

главъ, съ прочими военными чинами. Изученіе исторіи и общественного строя староства, мнѣ кажется, можетъ дать немало данныхъ для выясненія генезиса козачества и его первоначального строя.

Довольно рано—сеймовымъ постановленіемъ 1659 г., Барское старство было обращено въ наследственную собственность гетмана. Ив. Выговскаго (это дѣдичтво Выговскаго составляетъ тоже одну изъ интересныхъ страницъ въ исторіи Барского старства); потомъ старство переходило изъ рукъ въ руки и наконецъ закрѣпилось за князьями Любомирскими, во владѣніи которыхъ оставалось почти цѣлое столѣтіе. Въ силу этого создалось соединеніе элементовъ государственныхъ и частноправныхъ въ организаціи староства, особенно любопытное потому, что подъ властью староства, подъ его присудомъ находилось многочисленное, упомянутое выше, шляхетское населеніе, околичная шляхта, обязанная различными повинностями на замокъ. Такая судьба староства весьма сильно отразилась на положеніи ея. Сохранивъ за собою шляхетскія права, эта шляхта *de facto* низведена была на степень низшую даже той, на которой стояло русско-литовское боярство; въ сущности небольшое демаркаціонное пространство отдѣляло ее отъ крестьянского населенія старостинскихъ сель. Весьма интересно прослѣдить это подчиненіе шляхты старостами-дѣдичами и превращеніе ея въ тяглое населеніе. Въ старостинскомъ управлениі, кромѣ обычного смышенія функцій административныхъ и хозяйственныхъ, есть также своеобразныя особенности, благодаря присутствію этого военно-шляхетскаго элемента; своеобразно также устройство шляхетскихъ сель—околицъ, съ намѣстниками во главѣ, съ общимъ собраніемъ шляхтичей—шляхетскимъ коломъ.

Интересна сама по себѣ эта барская околичная шляхта (такъ называется она съ XVI в.)¹⁾. Обыкновенно у насъ съ именемъ правобережнаго дворянина, шляхтича, особенно вре-

¹⁾ Люстрація Барского старства 1565 г.—въ Архивѣ Юго-Западной Россіи ч. VП, т. II, стр. 232.

мени послѣ козачьихъ войнъ, связывается представлениe о чеmъ-то польскомъ, рѣзко отграниченномъ, отчужденномъ отъ народной массы, враждебномъ ей. Окличная шляхта въ значительной степени не подходитъ подъ это обычное представлениe.—Укажу на обслѣдованную въ наукѣ съ этой стороны овруцкую окличную шляхту¹⁾; подобно ей, и барскій шляхтичъ до конца дней Речи Посполитой сохраняетъ туземный, южнорусскій обликъ и стоитъ близко къ народной массѣ. Здѣсь мы можемъ наблюдать встрѣчу польского и туземного элементовъ, пришлой и туземной культурѣ, ихъ борьбу и амальгамировку.

Я намѣтилъ нѣкоторые лишь вопросы исторіи и общественного строя Барскаго староства; было бы долго перечислять всѣ интересныя особенности, любопытныя данныя, сообщаемыя барскими актами. Нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ едва намѣчены, нѣкоторые совершенно неизвѣстны въ наукѣ. Можно пожалѣть только, что главный и обильнейшій источникъ для изслѣдованія ихъ—книги Барской юрисдикціи—мы имѣемъ всего лишь за нѣсколько десятковъ лѣтъ прошлаго столѣтія; въ особенности для изученія быта это источникъ незамѣнныи. Даныя другихъ источниковъ, каковы книги летичевскія, книги барскаго магистрата, процессы о правѣ владѣнія землями Барскаго староства и т. п. лишь до нѣкоторой степени восполняютъ этиотъ недостатокъ.

Въ непродолжительномъ времени я постараюсь опубликовать наиболѣе интересные материалы о Барскомъ староствѣ, его устройствѣ и бытѣ, равно какъ и изслѣдованіе по этимъ вопросамъ, а въ настоящее время позволю себѣ предложить одинъ изъ эпизодовъ, именно—этнографическія данныя о барской окличной шляхтѣ.

II.

Этнографическая основа барской шляхты была несомнѣнно туземная. Я не буду здѣсь забираться во мракъ древнѣйшихъ

¹⁾ Акты объ овруцкой окличной шляхтѣ издаены проф. В. Б. Автоловичемъ въ IV части I тома Архива Юго-Западной Россіи, виѣсты съ изслѣдованіемъ о ней.

времень и тревожить разныхъ тиверцевъ и болоховцевъ и иныхъ cruces interpretatorum русской исторіи. Обстоятельный и связный свѣдѣнія о занимающей насъ территории идутъ съ XVI в., когда разоренный татарами Ровъ (таково было первоначальное имя нынѣшняго Бара), съ окрестною территоріею, былъ въ 1537 г. отданъ Сигизмундомъ Старымъ королевѣ Бонѣ, и когда, благодаря попеченіямъ новой владѣлицы, были приняты дѣятельныя и, по тому времени, серьезныя мѣры къ расширенію и укрѣплению колонизаціи. Отъ второй половины XVI и начала XVII в. сохранилось нѣсколько люстрацій Барского староства, которые сообщаютъ довольно обстоятельный свѣдѣнія относительно этнографического состава населенія и шляхты въ частности. На основаніи данныхъ люстраціи 1565 г. новѣйшій изслѣдователь тоговременной колонизаціи проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ пришелъ къ заключенію, что туземный элементъ въ Барскомъ староствѣ составлялъ свыше 90% сельского населенія и около 80% всего вообще населенія староства. Туземцы составляютъ главную массу въ средѣ мѣстной шляхты; иноплеменные элементы не значительны¹⁾). Въ началѣ XVII в., судя по люстраціи 1615—6 г., среди мѣстной шляхты было также много туземныхъ родовъ (хотя польскій элементъ уже значительно усилился); наиболѣе многочисленные роды, составившіе основное ядро окличной шляхты, были туземные²⁾). Туземное ядро это продолжало держаться весьма устойчиво и позже, несмотря на передряги, постигавшія Барское старство—во время козачини и турецкой оккупациіи.

Къ этой туземной основѣ примѣшивались разновременно, въ значительномъ количествѣ, разные иноплеменные элементы (въ этомъ отношеніи барская окличная шляхта значительно отличается отъ овруцкой, куда иноплеменная стихія проникаетъ очень мало). Самымъ многочисленнымъ ингредіентомъ былъ, несомнѣнно, польскій, особенно приходившій сюда въ большомъ числѣ въ видѣ посессоровъ, заставниковъ, покупщиковъ земли

¹⁾ Населеніе Юго-Западной Россіи отъ второй половины XV в. до Люблинской унії (предисловіе къ ч. VII, т. I Архива Ю.-З. Россіи), стр. 194—195.

²⁾ Люстрація 1615—6 г. въ Źródła dziejowe t. V p. 21 squ.

и т. д. Весьма замѣтенъ, особенно въ XVIII в., элементъ волошскій—разные Бенескулы, Маймекулы, Дыдымекулы и т. д. Проникалъ, хотя въ меньшей степени, элементъ южнославянскій, татарскій (какъ извѣстно, при королевѣ Бонѣ здѣсь была устроена цѣлая колонія татаръ-чемерисовъ) и т. п. Однако эти ино-племенные насељники, въ суммѣ довольно многочисленные, весьма успѣши претворялись и ассимилировались туземною основою, и въ половинѣ XVIII в., когда мы имѣемъ очень обстоятельный и точный свѣдѣнія о бытѣ барской околичной шляхты, благодаря упомянутымъ выше актовымъ книгамъ барской юрисдикціи, шляхта наша въ массѣ имѣеть очень полно и опредѣленно выраженный туземный обликъ.

Я обращаюсь теперь къ даннымъ этихъ актовыхъ книгъ барской юрисдикціи. Въ это время—т. е. въ половинѣ XVIII в.—околичная шляхта занимала 12 селъ барскаго староства: Елтухи (Евтухи), Галузинцы, Волковинцы, Радзевцы (Радзевы), Васютинцы, Петраны, Лопатинцы, Коростовцы, Сербиновцы, Степанковцы, Поповцы, Гальчинцы и Буцни; села эти находятся вокругъ г. Бара, въ смежныхъ частяхъ нынѣшнихъ уѣздовъ літинскаго, летичевскаго и могилевскаго, подольской губерніи.

По переписи шляхетскихъ околицъ 1739 г. число околичной шляхты на дѣдичномъ правѣ, мужескаго пола, простиралось до 230, да прыимаковъ или зятьевъ (*zięci*), поссесоровъ, заставниковъ и разныхъ прихожихъ людей (*luźni*, *przybyszyszy*), жившихъ по большей части въ сходныхъ же условіяхъ, было до 180; при этомъ нужно замѣтить, что неотдѣленные сыновья обыкновенно въ реестрѣ не вносились. Это шляхетское поселеніе распредѣлялось между отдѣльными околицами весьма неравномѣрно: если въ нѣкоторыхъ селахъ, какъ напримѣръ, въ Петранахъ, Гальчинцахъ, Сербиновцахъ, мы находимъ всего по нѣскольку шляхетскихъ семействъ, то шляхетское населеніе такихъ околицъ, какъ Волковинцы, Поповцы, Радзевцы, Галузинцы, считалось десятками¹⁾.

¹⁾ Перепись 1739 г. въ книгѣ барскаго замка кіевскаго центральнаго архива № 5683 л. 91 сл.; въ дальнѣйшихъ ссылкахъ указаны номера актовыхъ книгъ также кіевскаго центральнаго архива.

III.

Первое, что бросается въ глаза при знакомствѣ съ нашею околичною шляхтою, это ея фамильные прозвища и имена.— Они очень характеристичны. Огромное большинство шляхтичей-туземцевъ носили фамиліи, тождественные съ именемъ своего села: такъ, въ Радзеецахъ жили, главнымъ образомъ, Радзеецкіе, въ Елтухахъ—Елтуховскіе, въ Коростовцахъ—Коростовскіе. Это впрочемъ не были только мѣстныя названія, а настоящія фамиліи: какой-нибудь Радзееевскій, переселяясь, скажемъ, въ Волковинцы, продолжалъ именоваться Радзееевскимъ, а не Волковинскимъ. Затѣмъ эти фамиліи—иногда очень многолюдныя—распадались на подфамиліи, вѣтви, семьи, которые различались между собою патронимическими именами и прозвищами, которые переходили часто изъ поколѣнія въ поколѣніе; патрономики всегда имѣютъ туземную форму—на *енко*; прозвища также иногда очень типичны: Шмиль, Гуць, Гава, Крымецъ, Снигуръ, Бацюра и т. п. Такимъ образомъ были, напримѣръ, Гавы—Радзеецкіе, Рябченки—Волковинскіе, Касьяненки—Галузинскіе, Скорописы—Елтуховскіе, Мазепы—Васютинскіе, Пантенки—Поповскіе. Отъ совпаденія прозвища съ патронимикою, или патрономики отца съ патронимикою дѣда получались двойные cognomina—напр. Карпченки—Тарасы—Волковинскіе, Іозепенки—Петренки—Радзеецкіе, Кобченки—Мордасы—Поповскіе. Подобное явленіе замѣчается и у овруцкой околичной шляхты.

Что касается именъ, то они не всегда доходятъ до насъ въ своей настоящей формѣ. Акты велись на офиціальномъ польскомъ языке, и, вѣроятно, очень часто писарь, болѣе свѣдущій въ шляхетскомъ хорошемъ тонѣ, передавалъ народныя имена въ польской формѣ, превращая какого-нибудь Грицька въ Грже-горжа, а Лаврина въ Вавженца. Однако и въ актовыхъ книгахъ имена иногда сохраняли свой настоящій видъ, особенно привилегію пользовались въ этомъ отношеніи дамы. Затѣмъ неполонизованныя формы именъ встрѣчаются также въ метрическихъ книгахъ (я пересмотрѣлъ метрики одной изъ околицъ—Поповецкой). Конечно, ни у кого не возникнетъ сомнѣній отно-

сительно народности пана Леська Соломки—Волковинского или Оныська Гаврыщенка—Елтуховского; или пани Матроны зъ Ко-черговъ Гнетимуковой—Радзееvской или пани Палажкы Васю-тинской¹⁾ имена слишкомъ краснорѣчиво говорять сами за себя.

Можно съ увѣренностью утверждать, что обычнымъ языкомъ нашей шляхты былъ малорусскій. Малорусскія фразы очень часто проскакиваютъ въ актахъ, и если обыкновенно въ актахъ шляхтичи разговариваются по польски, то этимъ они, правдоподобно, обязаны главнымъ образомъ, тому же „писарю шляхетскому“. Я укажу на одинъ любопытный примѣръ: онъ касается нѣкоего Сѣчинскаго; это была семья, тянувшая къ мѣстной аристократіи и потому больше подвергнувшаяся польскому вліянію. Отецъ нашего Сѣчинскаго былъ поручикомъ Барскаго полка, а самъ онъ былъ нѣкоторое время намѣстникомъ въ с. Галузинцахъ; онъ посѣщалъ барскій костелъ, и двое братьевъ его были даже ксендзами. Такъ вотъ зять этого Сѣчинскаго, тоже принадлежащий къ мѣстной аристократіи—нѣкій Ляховец-кій—жалуется на разныя обиды отъ своего шурина и между прочимъ представляетъ его разговаривающимъ съ женою по малорусски: Сѣчинскій собирается устроить ночью зasadу на своего зятя и убить его, „а тою насикою буду быты, тай убью, и никто не буде знаты“, говорить онъ²⁾). Между тѣмъ, повторяю, это былъ одинъ изъ наиболѣе полонизованныхъ субъектовъ.

Въ дѣлѣ вѣры наша шляхта, въ весьма значительной по крайней мѣрѣ степени, была тоже солидарна съ туземнымъ населеніемъ. Въ половинѣ XVIII в. шляхта, какъ и все вообще подольское населеніе, въ большинствѣ принадлежала офиціально къ греко-уніатскому обряду. Какъ известно, унія, благо-

¹⁾ Кн. № 5685 л. 97, № 5686 л. 28, 39, № 5692 л. 99.

²⁾ Кн. № 5694 л. 118. Начало словъ въ документѣ передано по польски: ja kiedyś w nosy, jak Lachowecki będzie szedł od matki usmarowawczysię zasięde na niego, żeby mnie nie poznał—очевидно писарь началъ было переводить слова Сѣчинскаго по польски, но въ концѣ концовъ перешелъ на малорусскій языкъ, между прочимъ usmarowawszy się онъ переправилъ изъ uszmarowawszy się. Въ дѣйствительности, вѣроятно, рѣчь гласила приблизительно такъ: „я волысь въ ноги, якъ Ляховецкій буде йти одь матки, зашмаровавши зasadу на него, щобъ мене не познає“.

даря весьма ловкимъ и искуснымъ маневрамъ правящихъ сферъ, въ началѣ XVIII в. была официально введена на Подолії; тѣмъ не менѣе продолжалась противъ нея глухая, болѣе пассивная, чѣмъ активная, борьба населенія въ пользу „благочестія“, а съ другой стороны—скоро послѣ введенія своего унія перестала удовлетворять католиковъ и изъ покровительствуемой перешла въ положеніе презираемой и гонимой; подобно тому какъ раньше православіе, унія стала вѣрою хлопскою, вѣрою русскою, сообразно извѣстному афоризму, что Богъ сотворилъ попа для хлопа, а плебана для пана¹⁾). Что до шляхты, то въ это время уніатовъ среди нея почти не существовало, шляхтичи изъ православія обыкновенно переходили прямо въ католичество. При такихъ условіяхъ принадлежность барской околичной шляхты къ греко-уніатскому обряду, а не къ католичеству, свидѣтельствуетъ о весьма значительной жизненности и устойчивости въ ней туземной, національной стихіи.

Какъ сказано, въ половинѣ XVIII в. (свѣдѣнія наши идутъ съ 1730 г. до 1780-хъ годовъ) огромное большинство околичныхъ шляхтичей принадлежало къ унії. Католики составляли меньшинство, да и тѣ не всегда были особенно ярыми католиками, часто посѣщали одинаково церковь и костелъ и дѣлали пожертвованія на тѣ и другія. Въ спискѣ обращенныхъ изъ унія въ католичество съ 1758 по 1765 г. изъ 58 душъ, которые приходятся на барскій деканатъ, всего около десятка найдется барскихъ околичныхъ шляхтичей²⁾). Изъ метрическихъ книгъ поповецкаго прихода видно, что мѣстная шляхта, за однимъ—двумя исключеніями, крестила дѣтей по греко-уніатскому обряду³⁾). Въ актахъ часто встрѣчаются упоминанія о посѣщеніи шляхтичами мѣстныхъ церквей, какъ о явленіи постоянному и обычному. На годовые кануны собиралось поголовно шляхетское населеніе даже изъсосѣднихъ сель⁴⁾). Въ завѣщающихъ отказываются деньги на мѣстныя церкви и причты, на

¹⁾ Монографія В. Б. Антоновича I с. 311 сл., 326 сл., 336 сл.

²⁾ Архивъ юго-запад. Россіи ч. I т. IV, с. 574—5.

³⁾ Кніга № 5534, *passim*.

⁴⁾ Кн. № 5689 л. 42.

заупокойныхъ обѣдни и на устройство поминальныхъ обѣдовъ¹⁾). Шляхтичи дѣлали сообща пожертвованія на украшеніе церкви, приобрѣтеніе тѣхъ или другихъ вещей, на церковь же жертвовались деньги, собираемыя колядниками²⁾). Къ штрафамъ въ пользу мѣстной церкви приговаривалъ урядъ за нѣкоторыя преступленія противъ нравственности. Обычнымъ наказаніемъ для провинившихся женщинъ и несовершеннолѣтнихъ — было лежать крыжемъ въ мѣстной церкви при народѣ, въ продолженіе одной или нѣсколькихъ праздничныхъ службъ; въ одномъ случаѣ провинившейся шляхтичѣ присужденъ стоять въ церкви, во все время богослуженія, съ обнаженою саблею³⁾.

Шляхетское населеніе принимало также дѣятельное участіе въ мѣстныхъ приходскихъ дѣлахъ. Въ окличныхъ селахъ существовали церковныя братства—они упоминаются, напримѣръ, въ Галузинцахъ, Радзевцахъ, Степанкахъ; въ пользу ихъ также встрѣчаются пожертвованія въ шляхетскихъ завѣщаніяхъ⁴⁾. Общимъ совѣтомъ всего села, всего шляхетскаго кола, избирали кандидатовъ на священническую вакансію и отряжали „спольнымъ коштомъ“ выборныхъ хлопотать о презентѣ и утвержденіи духовнымъ начальствомъ желательнаго кандидата⁵⁾. На храмовые праздники также всѣмъ коломъ назначали выборныхъ варить и продавать канунный медъ, причемъ вырученныя деньги поступали на церковныя украшенія⁶⁾.

Въ числѣ мѣстныхъ священниковъ встрѣчаются и окличные шляхтичи⁷⁾. Изъ метрическихъ записей видно, что шляхта охотно „кумалась“ съ приходскимъ причтомъ⁸⁾. Къ посредничеству священника прибѣгали во взаимныхъ расприахъ⁹⁾.

¹⁾ Кн. № 5685 л. 105 об., № 5688 л. 69, № 5689 л. 34, № 5696 л. 47 об. и др.

²⁾ Кн. № 5692 л. 28, 65, № 5695 л. 1295.

³⁾ Кн. № 5685 л. 42, 50, 116 об.; № 5688 л. 10, 39 и др.; № 5685 л. 146.

⁴⁾ Кн. № 5688 л. 76, 5694 л. 51, 5699 л. 34.

⁵⁾ Кн. № 5688 л. 25.

⁶⁾ Кн. № 5684 л. 5 об., также л. 30 об.

⁷⁾ Кн. № 5684 л. 88, 5694 л. 51.

⁸⁾ Кн. № 5692 л. 140.

⁹⁾ Кн. № 5534, 5536 *passim*.

Словомъ, церковь занимала очень видное мѣсто въ жизни шляхетской околицы. Что при этомъ на свою церковь шляхта смотрѣла какъ на свою народную, „греческую“, что она не чувствовала симпатій къ латинству и иногда рѣзко противилась его распространенію,—довольно ясно свидѣтельствуютъ два эпизода изъ барскихъ актовыхъ книгъ, а именно; проявленія такого протеста, хотя въ грубыхъ, мало культурныхъ формахъ. Въ одномъ случаѣ имѣемъ жалобу шляхтичей Будкевичей (фамилія, не принадлежавшая къ числу исконныхъ мѣстныхъ родовъ) на нѣкого шляхтича Юркевича, что онъ въ пьянномъ видѣ вломился въ ихъ домъ, разбилъ гипсовое изображеніе Христа, попробивъ кiemъ бумажные образы и укорялъ хозяйку (хозяина дома не было), что она держитъ у себя латинскія изображенія: „ляховко, ляцкіи образы маешь“¹). Въ другомъ случаѣ священникъ с. Коростовецъ Михаилъ Людкевичъ жалуется на мѣстныхъ помѣщиковъ коростовскихъ за разныя обиды и безчестья. По собственному признанію, священникъ этотъ при своемъ посвященіи обязался архиепископу строго держаться латино-уніатскихъ догматическихъ и обрядовыхъ особенностей, но встрѣтилъ отпоръ. По его разсказу, немедленно Иванъ Коростовскій сталъ попрекать его за то, что онъ поминаетъ на ектеніи не патриарха, а папу (ty pop lacki, nie tak odprawujesz słužbe, jak starzi popi, za rzymskiego papi, a nie za patriarchu Boha pro-sisz), а пріятель его, нѣкто Лавринъ Немишъ, прия въ церковь, приказывалъ дьяку читать о св. Духѣ не „отъ Отца и Сына исходящій“, какъ требовалъ новый священникъ, а „отъ Отца исходящій, а на Сынъ спочивающій“. Результатомъ этихъ несогласій были разные попреки и даже побои священнику, и Коростовскій предлагалъ взять презенту на священничество вышеупомянутому пріятелю своему Лаврину Немишу²).

Обращаясь къ быту нашей шляхты, мы и здѣсь—въ обрядахъ, обычаяхъ, воззрѣніяхъ—находимъ многого своенароднаго. Я уже упомянулъ о нѣкоторыхъ обычаяхъ церковнаго характера,

¹⁾ Кн. № 5690 л. 24 об.

²⁾ Кн. № 5689 л. 73.

какъ поминальные обѣды, канунные месы, складчины на церковныя украшениа. На Рождество отправлялись колядки¹⁾. На Пасху обходили почтенныхъ родственниковъ съ поздравленiemъ и „паскою“²⁾. Свадебные обычай имѣли характеръ во многомъ чисто народный; между прочимъ мы имѣемъ жалобу, въ которой отецъ невѣсты, нѣкто Зарусицкій, жалуется на Скорописа Елтуховскаго, что тотъ во время отправленія „весилля“, на стыдъ ему вмѣсто обычной „червоной хоруговки“, wedlug tuteuszego zwyczaiu, повѣсили передъ его воротами „червоную онучку“—здесь указывается, очевидно, на церемонію вышиванія красныхъ поясовъ на свадьбѣ, существующую понынѣ³⁾). По праздникамъ молодежь развлекалась, собираясь танцевать „на музыку“ у корчмы, какъ и понынѣ это ведется⁴⁾. Для замужней женщины большими позоромъ считалось „свитыть волосы“, и мы встрѣчаемъ не мало процессовъ по поводу того, что тотъ или другой сорвалъ намитку (такъ она иногда и называется въ актахъ) съ шляхтички и опростоволосилъ ее⁵⁾. Кое что своенародное можно было бы указать и въ другихъ приемахъ и понятияхъ о безчестіи, но обѣ этомъ не совсѣмъ удобно распространяться.

IV.

Такая живость и устойчивость своенародной, туземной стихіи въ жизни барской околичной шляхты объясняется съ одной стороны тѣмъ, что ядро ея, какъ указано было выше, состояло изъ туземцевъ, съ другой стороны—тѣмъ также, что народная, крестьянская стихія постоянно проникала въ ряды шляхты. Этотъ процессъ обновленія состава шляхты элементами простонародными, мѣстными и прихожими, и проникновенія въ ряды ея лицъ не шляхетскаго происхожденія очень интересенъ, и его

¹⁾ Кн. № 5696 л. 77 об., № 5693 л. 8 (№ 5699 л. 2).

²⁾ Кн. № 5690 л. 14.

³⁾ Кн. № 5689 л. 69.

⁴⁾ Кн. № 5691 л. 117.

⁵⁾ Напр. кн. № 5688 л. 213, кн. № 5689 л. 75, кн. № 5692 л. 81, 91 об. и др.

можно очень ясно прослѣдить по документальнымъ даннымъ; я ограничусь здѣсь краткими указаніями. Происходилъ онъ больше всего путемъ смѣшанныхъ браковъ; случаи выхода крестьянокъ за шляхтичей и шляхтянокъ за крестьянъ встрѣчаются не рѣдко¹⁾. При этомъ не только затѣя prostej kondycji, попавъ „въ прымы“, незамѣтно протискивались въ ряды шляхты, но это случалось и съ пасынками—крестьянами, которые такимъ образомъ полагали начало новымъ околичнымъ родамъ, чисто народнымъ, не имѣвшимъ въ себѣ ни капли шляхетской крови (таковы были, напримѣръ, Туренки, Гавы Радзинскіе²⁾). Продѣгали въ ряды шляхты не-шляхтичи также посредствомъ покупки или аренды грунтовъ въ шляхетскихъ околицахъ и т. п.

Этими путями не-шляхетскіе элементы проникали въ ряды шляхты въ весьма широкихъ размѣрахъ. На присутствіе ихъ между прочимъ указываютъ процессы о незаконномъ присвоеніи дворянства—zadania imparitatis,nierówno艂ci въ огромномъ количествѣ встрѣчающіеся въ барскихъ актовыхъ книгахъ. Нужно впрочемъ замѣтить, что дѣла эти поднимались то въ видѣ встрѣчныхъ исковъ противъ поднятыхъ обвиненій, то имѣли цѣлью отклонить притязанія на имущество, на наслѣдство. Безъ этого люди „простой кондиції“ спокойно сидѣли на шляхетскихъ грантахъ, именовали себя уроженными и пользовались привилегіями шляхетского званія—околичные шляхтичи не были особенно ревнивы въ этомъ отношеніи. Но и поднятая дѣла о „неровности“ рѣдко приходили къ удовлетворительному результату, насколько можно судить по актовымъ даннымъ; въ большинствѣ случаевъ эти не легальные шляхтичи такъ и оставались при своемъ шляхетствѣ de facto.

V.

Если шляхетская масса въ общемъ очень устойчиво хранила своенародныя особенности, то нельзя все же сказать, чтобы она вовсе оставалась нечувствительной къ польскому культур-

¹⁾ См. напр. кн. № 5688 л. 106, 5690 л. 123 об. и др.

²⁾ Кн. № 5691 л. 75, № 5692 л. 19.

ному вліянію, тѣмъ болѣе, что послѣднєе имѣло весьма удобные и широкіе пути для своего проникновенія. Проводила его непосредственно въ шляхетскую среду многочисленная польская или ополяченная шляхта, являвшаяся въ околицы въ видѣ поссесоровъ, заставниковъ и т. п. Проводили его окличные шляхтичи, служившіе въ польскихъ войскахъ, что бывало нерѣдко. Вліяли чиновники мѣстной администраціи—„зверхность замковая“. Вліяли наконецъ самыя юридическія формы, сословныя рамки, въ которыхъ введено было шляхетство.

Я не буду распространяться объ этомъ; замѣчу, что польское культурное вліяніе было въ общемъ довольно поверхностно, и проявленія его въ быту нашей шляхты зачастую мало симпатичны. Сюда относится проявляющееся иногда желаніе прихвастинуть, повеличаться своимъ шляхетскимъ достоинствомъ предъ хлопомъ, въ родѣ того, что какой-нибудь окличный шляхтичъ, очевидно ощущая зудъ въ своихъ панскихъ кулакахъ, пристаетъ къ крестьянину съ вопросами, кто изъ нихъ двухъ „старшій и лѣпшій?“¹⁾). Изъ этого источника истекали высокопарныя фразы о гонорѣ шляхетскомъ, фразы, въ особенномъ обиліи, въ качествѣ *ratio ad hominem*, высывавшіяся въ жалобахъ по поводу какой-нибудь потасовки, заданной въ корчмѣ за порціей водки. Отсюда заимствовались quasi галантныя манеры, которыми щеголяли окличные кавалеры въ своихъ „konkurencjach o przyjaznѣ“ мѣстныхъ „дамъ“. Пересаженная на окличную почву эта польская галантреря проявлялась подчасъ въ весьма грубыхъ или комичныхъ формахъ и обстановкѣ, въ родѣ жалобъ на расходы, понесенные во время „конкуренцій“ и приготовленій къ несостоявшейся свадьбѣ, или въ родѣ того эпизода, о которомъ разсказывается нѣкій Кари-ченко-Волковинскій, въ своей жалобѣ: на свадьбѣ онъ былъ запрошены во время танцевъ (*w druga ragę*) однимъ изъ гостей и, „взявъ панну“, направлялся *w koło taneczne*, но въ это время налетѣлъ на него его недругъ, одинъ изъ Гаврышенковъ Волковинскихъ, *panne z rąk wydarł y w taniec iść nie dopuścił, y,*

¹⁾ Кн. № 5689, л. 64.

w gębe uderzywszy, za łeb pochwycił y bił do upodobania¹⁾.

Къ подобнымъ уже проявленіямъ этой quasi цивилизациі относится любопытный процессъ по поводу пасквиля, составленнаго нѣкоимъ шляхтичемъ Вольскимъ, на всѣхъ дамъ, tak mѣ-żatek jako i panien, села Галузинецъ²⁾). Этотъ „пашквиль“ вызвалъ, конечно, противъ автора всеобщее раздраженіе; въ добавокъ сей околичный сатирикъ, прия—непрошеный—въ одно собраніе мѣстнаго общества, на пасхальныхъ святкахъ, имѣль неосторожность завести разговоръ на ту же тему: „dziś u mnie wszystkie panny z wizytą byli“, а когда у него спросили о причинѣ такихъ странныхъ визитовъ, отвѣчалъ: gdyż mam wszystkie na regestrze. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ, освѣдомившись, что и ихъ родственницы включены въ „regestr amorów“ п. Вольского, учинили сему околичному ловеласу жестокую потасовку, а затѣмъ все шляхетское коло околицы, съ намѣстникомъ во главѣ, занесло на него жалобу замковой „зверхности“³⁾.

Эти пріемы околичного обхожденія напоминаютъ одну шуточную пѣсенку, на ломаномъ польскомъ языке (нѣсколько напоминающемъ языкъ нѣкоторыхъ барскихъ актовъ), записанную въ этой же средѣ и изображающую такого околичнаго cavalier galant:

Pojechał do miasta
Do krasnej kramnicy, -
Kupił koperwasu,
Naszmarował licy.
Naszmarował dziegciem boty
I pojechał na zaloty —
Kijaszek u renku,
Pózubim panienku.

¹⁾ Кн. № 5696 л. 67.

²⁾ Это замѣчательное произведение состояло всего изъ двухъ стиховъ:

Ominąwszy wszystkie domy, tudziesz jatki—
Jakie panuy murwy, tukiesz i mężatki.

³⁾ Кн. 5694, л. 67 и 69.

VI.

Но это польское вліяніе, повторяю, не шло глубоко, ограничиваясь больше виѣшнотью, пріемами; шляхетскія понятія мало выходили за предѣлы судебныхъ манифестацій и репротестацій; основы быта были туземныя, и въ общемъ масса околичной шляхты стояла ближе къ туземному крестьянству, чѣмъ къ польскому шляхетству. Съ народною массою, какъ мы видѣли, роднили ее и языкъ, и вѣра, и обычаи. Въ отношеніи образованности, развитія, шляхта, вообще говоря, недалеко возвышалась надъ народнымъ уровнемъ. Въ большинствѣ шляхтичи были неграмотны и полуграмотны; даже среди намѣстниковъ околицъ попадаются неграмотные. Въ большомъ числѣ встрѣчающіеся процессы о царахъ, „о заданыи чаровництвѣ“ обнаруживаются весьма невысокій уровень развитія шляхтичей. А о значительной грубости нравовъ свидѣтельствуютъ процессы о всякаго рода побояхъ, потасовкахъ, составляющіе въ суммѣ едва-ли не самый значительный процентъ среди тяжбъ; дѣла о потравахъ, захватахъ грунтовъ и т. п. обыкновенно кончались дракою. Непосредственная грубость окличного населенія еще усугублялась вліяніемъ шляхетской задорности и жолнерской страсти къ буйству. Болѣе воинственные шляхтичи, особенно подъ пьяную руку—*żytnim liquorem glowe zagrzawszy*, „находили“ на дома своихъ непріятелей, *cum vario armorum genere*, какъ описываетъ одинъ актъ: *z kijami, drągami, istykami u od wozów luszniami*¹⁾, и учиняли настоящія баталіи. Потасовки часто были очень жестокія и кончались иногда даже смертью одного изъ участниковъ, тѣмъ болѣе, что въ дѣло обыкновенно пускались шляхетскія сабли. Нерѣдко встречаются драки и между членами семействъ, особенно при вторыхъ и третьихъ бракахъ—которые были вообще весьма распространены. Любопытнымъ образчикомъ такихъ семейныхъ нравовъ является жалоба одной пани на своего третьаго мужа—Васильковскаго, что тотъ подпалъ вліянію шляхтича Родванскаго, который ему даетъ *ad omne nefas wszelką poradę*, между прочимъ внушаетъ,

¹⁾ Кн. № 5694, л. 72.

что Васильковский долженъ би^ć żone swoie u w karności trzymać, говоря, что самое вѣрное средство побудить жену къ почтенію—это переломать ей руки и ноги: ręce, nogi i ey obuchem poprzetrącaj, to dopiero poznasz jak cię ma żona szanować. П. Васильковский, какъ видно, вполнѣ раздѣлялъ такія воззрѣнія своего друга, но осуществить ихъ на практикѣ было затруднительно, такъ какъ его супруга имѣла свои собственные воззрѣнія на этотъ предметъ и вмѣстѣ съ дочерью и зятемъ очень стойко оберегала свой престижъ, какъ о томъ весьма жалобно повѣствуетъ манифестація п. Васильковскаго¹⁾.

Близко стояла къ крестьянской массѣ въ большинствѣ наша шляхта и въ экономическомъ отношеніи. Шляхтичи, исключая немногихъ болѣе богатыхъ, ничѣмъ не отличались отъ зажиточныхъ крестьянъ и, отстегнувъ свои шляхетскія сабли, очень непринужденно и съ успѣхомъ косили, орали и отправляли другія полевыя работы. Далеко не всѣ шляхтичи имѣли подданныхъ: часто нѣсколько семействъ, какъ выражается одинъ современный мешуаристъ, „на одномъ хлопѣ сидѣли“, (да и отношенія этихъ подданныхъ къ шляхтѣ должны были значительно отличаться отъ отношеній крѣпостного человѣка къ настоящему помѣщику—пану). По даннымъ переписи 1739 г., въ Радзевской оконицѣ на 48 шляхетскихъ хозяйствъ приходилось 102 подданныхъ, но это была одна изъ болѣе обильныхъ подданствомъ оконицъ, а, напримѣръ, въ Волковинской оконицѣ на 110 шляхетскихъ хозяйствъ приходилось всего 31 подданный, причемъ, напримѣръ, въ куткѣ Тыхновичей на 20 шляхетскихъ хозяйствъ приходился всего 1 подданный, а въ куткѣ Суаковичей на 17 шляхетскихъ хозяйствъ не было ни одного подданного. Наконецъ, въ дополненіе къ этому, я напомню сказанное уже мною выше, что окличный шляхтичъ, подобно старостинскому подданному, несъ на себѣ тягло, будучи обязанъ „лениками и услугами“ на замокъ, и подчиненъ былъ строгой опекѣ замковой „звѣрности“.

Послѣ всего вышесказанного, я думаю, не покажется голословнымъ мое утвержденіе, что окличный шляхтичъ гораздо

¹⁾ Кн. № 5689, л. 51, 53 об., 54.

ближе стоялъ къ туземной крестьянской массѣ, чѣмъ къ настоящимъ польскимъ дворянамъ, преисполненнымъ сознанія своихъ суверенныхъ правъ и привилегій и своего неизмѣримаго превосходства надъ „хлопствомъ“, какого мы обыкновенно представляемъ себѣ говоря о польской шляхтѣ. Естественно, что мы не находимъ у нашей околичной шляхты рѣзкаго отчужденія отъ крестьянства, напротивъ—мы видимъ подчасъ ихъ въ весьма тѣсномъ и непринужденномъ общеніи. Я упоминаль уже выше, что смѣшанные браки между шляхтою и крестьянами и крестьянками далеко не составляли рѣдкости, что шляхтичи принимали крестьянъ „въ пріймы“. Шляхтичи охотно кумаются съ крестьянами; я пересмотрѣлъ метрическія записи о рождениіи Поповецкаго успенскаго прихода и поинтересовался подвести статистические итоги—результатъ получился весьма интересный: откинувши нѣкоторые сомнительные случаи и принявъ въ расчетъ неточности, происходящія отъ того, что мы не всегда досконально знаемъ сословную привадлежность того или другого лица, приблизительно получимъ на 100 случаевъ крестьянскихъ крестьбинъ (всего мною было пресмотрѣно ихъ до 750) около 50 такихъ случаевъ, когда всѣ кумы были крестьяне, и около 40 когда одинъ или оба воспріемника были шляхтичи. Встрѣчаются, хотя рѣже, случаи (всего около десятка), когда и у шляхтичей были воспріемниками селяне¹⁾. Затѣмъ мы встрѣчаемъ въ документахъ не рѣдко указанія на то, что шляхтичи участвовали въ „весилляхъ“ крестьянъ, въ качествѣ гостей, сватовъ и т. п. Выше я приводилъ извѣстіе одного документа, что шляхтянки ходили „на музыку“ подъ корчму. Одна шляхтянка, нѣкал пани Претвусова, занося жалобу въ судъ, разсказываетъ, какъ она съ другой паніей—Холевинской (обѣ пани не принадлежали къ числу туземной шляхты) пріѣхали въ Лопатинцы и, зайдя къ пану Решти²⁾ Лопатинскому, застали у него шляхтичей, и между ними находился працовитый Томашко зъ Биликовецъ, *który w czarce za brat z niemi siedział*. П. Холевинская была очень удивлена этимъ и спросила у п. Претвусовой,

¹⁾ Кн. № 5534 с. 2, 42, 64, 110, 129, 148, 165, 169—170, 180.

co by to był za człek w kożuchu, co za pan brat w czarpe z szlachtą wraz siedzi, на что послѣдняя объяснила, że to iest chłop. По этому слушаю вышло какое-то неудовольствие; п. Претусова объясняетъ, что одинъ изъ присутствовавшихъ, п. Возненко Лопатинскій, ошибкою принялъ слово хлопъ на свой счетъ; какъ бы то ни было, въ результатѣ упомянутая пани оказалась *ciężko zbita, tylko co z tym światem nie rożegnała*¹⁾). Подобныхъ случаевъ, „панибратства шляхтичей съ крестьянами можно было бы привести не мало; какъ упоминаль я выше шляхетскія понятія не проникали глубоко въ околичную среду и мало прилагались въ житейскомъ обиходѣ. Въ свою очередь и крестьяне не чувствовали особенно глубокаго почтенія къ шляхетскому достоинству и при случаѣ „мацали и окладали“, по выраженіямъ актовъ, шляхтичей кулаками или кіями по ребрамъ такъ же исправно, какъ и людей prostej kondycyi.

Стоя такъ близко къ народной массѣ, околичная шляхта, естественно, не могла оставаться вполнѣ равнодушною ко всему тому, что двигало этимъ народомъ въ бурные годы Южной Руси. Дѣйствительно, мы находимъ указанія и намеки, что околичная шляхта принимала участіе и въ козацкомъ движеніи, и въ гайдамакихъ наѣздахъ. Но объ этомъ я предоставлю себѣ право поговорить въ другой разъ, а пока, подводя итогъ всему вышесказанному, мнѣ кажется я буду въ правѣ признать нашу околичную шляхту въ этнографическомъ смыслѣ южно-русскую.

М. Грушевскій.

¹⁾ Кн. № 5694, л. 28 об.

КАРТИНЫ МОЕГО ПРОШЛАГО.

Картини прошедшаго, пережитаго одна за одной возстаютъ въ моей памяти какими-то безсвязными очертаніями. Отчетливы онѣ каждая сама по себѣ; такъ и остались онѣ въ памяти, запечатлѣнныя въ свѣжемъ, воспріимчивомъ мозгу, но все промежуточное, все, что могло бы эти отдѣльные эпизоды спаивать въ одно цѣлое, затерлось настолько, что съ трудомъ, и то путемъ уже чисто объективнаго разсмотрѣнія, едва можетъ быть возстановлено.

Хочется мнѣ записать нѣсколько изъ такихъ картиновъ моей отроческой поры жизни, закрѣпить ихъ на бумагѣ изъ опасенія, что и это немногое можетъ исчезнуть изъ памяти.

Живо рисуется мнѣ садъ въ усадьбѣ, въ которой жилъ мой дядя въ мѣстечкѣ Бѣлой Церкви, занимая должность дворцоваго (pałacowego) врача при графахъ Браницкихъ, тогда еще жившихъ совмѣстно.

Въ задней западной части этого сада во всю его длину, начиная отъ двора учителя рисованія и иконописца Осмоловскаго, тянулся старый крѣпостной ровъ (fossa), на выровненномъ днѣ коего были гряды капусты. Старая-престарая, въ три ствола, груша, свѣшивающаяся надо-рвомъ, террасы малинника на одномъ склонѣ рва, бурьяны и всякая поросль—на другомъ до пограничнаго плетня; кусты бузины и густая поросль лиціума въ концѣ, противоположномъ двору Осмоловскаго, а тамъ какая то запущенная усадьба и на ней врытая въ контрѣ-эскарпъ рва заднею стѣною маленькая хатка съ двумя окошеч-

ками надъ желтою „прызьбою“ и низенькою дверью; какая то безформенная соломенная сѣрая, поросшая мхомъ крыша этой хаты....

Меня всегда почему-то очень интересовало то, что никого никогда не видно было около хатки. Вѣроятно, было что нибудь слышано мною про обитателя этой хатки, что возбуждало мое любопытство, но теперь я этого не припомню.

Миѣ было 14—15 лѣтъ; я былъ въ 5 классѣ гимназіи. Таскаясь по бурьяномъ сада, я однажды сквозь чащу зарослей бурьяну и крапивы залѣзъ подъ большой кустъ бузины, развѣсисто росшой какъ разъ на границѣ资料 our sада, нѣсколько саженей пониже хатки. Подъ бузиной было уютно; пахло ея цвѣтомъ, и было сравнительно мало сорной заросли. Почему-то миѣ пришла охота устроить себѣ въ этомъ мѣстѣ бесѣдку, что я и сдѣлалъ вмѣстѣ съ меньшимъ братомъ. Разъ какъ то, когда мы сидѣли въ этомъ своемъ убѣжищѣ, разразилась буря и прошелъ ливень. Внезапно по рву повалила вода, и мы еле могли выскочить оттуда, причемъ пришлось выбиваться уже по колѣни въ водѣ, затопившей моментально всю канаву. Братъ, почему то разувшійся передъ тѣмъ, успѣлъ схватить одинъ только сапогъ, а другой такъ и остался тамъ. Буря какъ внезапно налетѣла, такъ быстро и пронеслась; туча двинулась далѣе, и небо прочистилось. Но вода, грязная, желтоватая съ иломъ, бурнымъ потокомъ все таки неслась по рву, поднявшись почти до малинника. Когда мы вышли изъ своего убѣжища, которымъ намъ послужила раскинутая въ саду палатка, то увидѣли сѣжившую прислугу дяди, озабоченную тѣмъ, что вся капуста на днѣ рва пропала. Кухарка, прачка, кучера и „вартовый“¹⁾ съ лакеемъ Михайломъ и ключницею во главѣ—всѣ ахали и, разумѣется, ничего не могли подѣлать. Наконецъ, всѣ замѣтили, что быстрота теченія стала уменьшаться, но вода не спадала, а прибывала, сейчасъ же усмотрѣли и причину этого: нашъ кустъ бузины, весь исковерканный, послужилъ основой

¹⁾ Экономія присыпала къ дядѣ во дворѣ поденщика, который, почему то назывался „вартовымъ“, т. е. сторожемъ.

цѣлой „загаты“, образовавшейся изъ всякаго рода сора и ила. Мужчины кинулись за какими-то орудіями и стали пробивать эту загату.

Кучеръ Грыцько, помню, вдругъ сказалъ:

— Ага! и „Бувалець“ дома; мабуть туча загнала.

Я осмотрѣлся, къ кому относилось это замѣчаніе, и около хатки увидалъ какую то дѣвочку подростка, развѣшивавшую, очевидно, для просушки, намокшія подъ только что прошедшемъ дождемъ свитки. Она стояла къ намъ задомъ,—лица ея мы не видѣли; а затѣмъ вниманіе мое все поглотилось дѣломъ раскопки гати, которую наконецъ таки удалось пробить и развернуть въ одномъ мѣстѣ кольями и тѣмъ дать возможность стечь водѣ. О сапогѣ брата, про потерю котораго мы сказали лакею Михайлѣ, теперь не могло быть и рѣчи, и братъ, по совѣту того же Михайла, заблаговременно убрался въ свою комнату, такъ какъ сюда уже подходила тетка, дядина жена, со своею кузиною, панною Анетою, и могъ явиться и дядя, который отыхалъ послѣ обѣда.

Забота о сапогѣ вызвала меня передъ вечеромъ опять къ тому же мѣсту въ садъ, такъ какъ брату не въ чемъ было на другой день идти въ гимназію. Я пошелъ туда вмѣстѣ съ Грыцькомъ, посвященнымъ въ наше горе и вооруженнымъ на сей разъ заступомъ. Онъ принялъ ковырять между вѣтвями совершенно исковерканной наносомъ ила и бурьяна бузинѣ. Работа была не легкая, такъ какъ наносъ всякаго сора вплотную былъ залитъ еще не успѣвшимъ отвердѣть иломъ. Я, босой, въ подсученныхъ штанишкахъ, помогалъ, насколько силь хватало, Грыцьку, но изъ этого ничего не выходило. Вдругъ надъ нами послышался чей то голосъ:

— Чого се вы шукаете?

Вопросъ принадлежалъ „дивчинѣ изъ хатки“. Она стояла довольно близко отъ настѣ, очевидно, уже давно присматривалась къ нашей работѣ и, вѣроятно, изъ нашихъ разговоровъ поняла, что мы чего то ищемъ.

Мы ничего не отвѣчали, но Грыцько выпрямился, оперся на заступъ и спросилъ:

— Дядь ще живый?

— Жыви, та нездужаютъ. Ледве-ледве дойшли,—а тутъ ѹше й дошъ такій.... теперъ лежать недужи.

Когда я посмотрѣлъ опять по направленію къ „хаткѣ“, то дивчыны уже не было около нась.

Всѣ наши усилия оказались тщетными; мы только напрасно пооблачивали верхнія вѣтви бузины.

Порѣшено было еще завтра поискать, и мы стали подыматься къ бесѣдкѣ. Я шелъ босой, такъ какъ сапогъ нельзя было надѣть на загрязненные ноги, не обмывши ихъ. Поднявшись изо рва, мы оба оглянулись и увидѣли дивчыну опять около хатки; она въ одной рукѣ несла кувшинъ съ приотканной къ нему дужкой—очевидно онъ замѣнялъ ей бедро,—а въ другой—за одно ушко сапогъ. Не успѣлъ я еще всмотрѣться, какъ уже Грыцько сказалъ:

— Оде чи не винъ same, той чобитъ!

— Наче винъ, отвѣтилъ я.

Дивчына тоже остановилась уже около самыхъ дверей.

— Отожь same те, чого мы шукали — отнесся къ ней Грыцько,—де ты ёго знайшла?

— Побила сама цамрыны. Дывлюся—онъ чобитокъ, я й взяла. Хиба й справди вы оце ёго шукали?

— Але жъ не ёго! звисно ёго, колы кажу, що це нашого менышого паныча. Кыдай! Докынешъ?

Дивчына поставила кувшинъ на прызбѣ, осмотрѣла сапогъ и, отойдя немного отъ хаты, за ушко размахнула и перебросила прямо къ намъ. Сапогъ былъ брата. Его очевидно подхватило водой и спесло до самаго колодца, что былъ пониже нашего сада.

Я такъ обрадовался найденному сапогу, что даже не сказалъ спасибо дивчынѣ, а побѣжалъ поскорѣе во флигель.

Скоро какъ то начались экзамены, и я на нѣкоторое время забылъ и про хатку, и про ея обитателей.

Долго ли это продолжалось, не помню, но разъ какъ то вышедши изъ бесѣдки, гдѣ я училъ что то, я услышалъ кашель въ сторонѣ хатки и, повернувшись въ сторону ея, увидѣлъ на

прывѣбъ стараго-престарого дѣда. Онъ былъ въ чистой, бѣлой рубашкѣ и такихъ же штанахъ, весь обросшій совершенно бѣлыми съ желтизной уже волосами и бородою. Онъ какъ бы сливался въ бѣлизнѣ съ бѣлою глиною стѣны, и только лицо выдавалось небольшимъ темнокоричневымъ пятномъ.

— Вотъ онъ, этотъ дидъ, про которого разспрашивалъ дивчыну Грыцько—подумалъ я.

Щурилъ ли онъ только глаза при свѣтѣ солнца, или былъ совершенно слѣпъ, мнѣ не видно было, да и глазъ его затѣненныхъ низко спадающими волосами, я не могъ разсмотреть; дѣдъ же очевидно не обращалъ на менѣ вниманія.

Не помню, въ тотъ ли день, или въ какой другой, въ палатку, гдѣ я что то училъ, пришелъ лакей Михайло прибирать: онъ раскрылъ ломберный столъ и сталъ его чистить принесеною щеткою. Надо замѣтить, что этотъ Михайло, родомъ херсонецъ, былъ крѣпостнымъ человѣкомъ товарища моего дяди. Баринъ его пріѣхалъ къ дядѣ погостить, когда еще дядя не былъ женатъ; проживши у него мѣсяца 3, онъ умеръ. Передъ смертью онъ далъ вольную Михайлѣ и передалъ ему все бывшее съ нимъ имущество—часы, деньги, платье и книги.

Михайло пожелалъ остаться на службѣ у дяди по найму. Это былъ не слуга, а другъ дома въ полномъ смыслѣ слова. Выросши при свемъ баринѣ во время его студенчества, Михайло былъ начитанный и очень развитой человѣкъ. У менѣ по сію пору сохранились лекції профес. Лунина, переписанныя Михайломъ по приказанію его барина-студента. Когда Михайло умеръ, то у насъ въ домѣ всѣ, начиная съ дяди и кончая прислугой, горько плакали. Говорилъ же Михайло чисто по-русски.

— Видали бувальца? Посмотрите—стоитъ. Ему ужъ чуть не 120 лѣтъ. Что то дома сидѣть, а то онъ все ходитъ за милостыней со своею правнучкою....

Я, выглянувши изъ палатки, увидѣлъ опять на той же прывѣбѣ у хатки дѣда. Онъ все такъ же сидѣлъ неподвижно, все такой же бѣлый. Меня, помню, особенно заинтересовало то, что „дивчына“ была правнучка: я до той поры въ натурѣ, такъ сказать, не видѣлъ этой степени родства.

— Какъ это съ правнучкой?! спросилъ я—А внуки его гдѣ же?

— Вотъ то-то и интересно, что при немъ правнучка есть. Это его дочери внука. Вотъ знаете Евстафія, что нигдѣ не уживается? лакей, что у Добржанскаго служилъ, послѣ у учителей гимназіи?

— Знаю.

— Ну, такъ это тоже его правнукъ, братъ той девочки, которая его водитъ; вѣдь онъ уже не видитъ ничего.

— Слѣпой?

— Нѣтъ! Онъ не слѣпой, а такъ ужъ отъ старости. Девочка вотъ его только и поддерживаетъ, Евстафій вѣдь, знаете, какой пьяница! А, говорятъ, они вѣдь изъ шляхты, стариннаго рода, что чуть не постарше „графовъ“ по знатности. Вотъ не припомню, какъ ихъ по фамиліи....

— Бувалецъ, вы сказали....

— Нѣтъ! Это старица такъ дразнятъ „бувалецъ“, потому, что бывалъ, „у бувальщикъ“, у него и рука отрѣзана катомъ, вы замѣтили?

— Какъ это бывалъ „у бувальщикъ“?—какъ это катъ руку ему отрѣзалъ?....

— А такъ! Будете учиться, сами узнаете. Было, значитъ, за что.—Онъ ходилъ въ гайдамаки.

Отъ дома послышался голосъ горничной:

— Михайло! Михайло. Идти вѣсть клычуть!

Михайло ушелъ, а я такъ и остался у входа въ палатку, смотрящимъ на дѣда-бувальца съ цѣльмъ роемъ неразрѣшенныхъ вопросовъ въ душѣ....

— Бывалъ „у бувальщикъ“, „катъ руку отрѣзалъ“, „ходилъ въ гайдамаки“, „Евстафій знатнаго рода, чуть не постарше „графовъ“ (Браницкихъ)—„хатка“, „правнучка“—все это стояло передо мною неразрѣшимыми загадками.

Кончились экзамены, и я отправился проводить каникулы на далекое Побужье; въ Савраньщину, въ балтскій уѣздъ.

Тамъ мнѣ пришлось отчасти и прозрѣть въ тотъ загадочный еще тогда для меня міръ историческихъ преданій Украи-

ны,—благодаря тоже одной случайности. Дѣдъ мой, куда я бѣздилъ на каникулы, былъ довольно крупнымъ посессоромъ (арендаторомъ) оброчныхъ земель (sic) находившагося въ администраціи имѣнія Мечислава Потоцкаго и былъ хорошимъ сельскимъ хозяиномъ. (Интересно, что изъ пяти сыновей этого чистой воды посессора и гречкосѣя, моего дѣда, четверо были въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ: два—старшій дядя и мой отецъ—сначала были въ Харьковскомъ университетѣ, а послѣ въ Виленской академіи, одинъ дядя окончилъ Дерптскій университетъ, откуда вышелъ вполнѣйшимъ нѣмцемъ, и одинъ—Одесскій лицей. Изъ двухъ моихъ тетокъ одна окончила какой-то пансионъ въ Одессѣ. Старшій дядя Андрей и мой отецъ учились еще въ Уманской Базиліанской коллегії).

Дѣдъ мой, говорю, былъ гречкосѣй—сельскій хозяинъ и, насколько помню, на учение смотрѣлъ, какъ на карьерную „промоцію“, но суть жизни видѣлъ только въ пахарствѣ и въ сельскомъ хозяйствѣ. Весь онъ былъ всегда углубленъ въ посѣвы, скотоводство и иная отрасли сельско-хозяйственной продукции и въ своемъ дѣлѣ былъ артистъ—всезнающій, неутомимый, предпріимчивый хозяинъ. Это былъ своего рода типъ, достойный особаго описанія. Не скоро бы мнѣ пришлось кончить, начавъ описывать моего дѣда, а потому я и спѣшу прервать эту краткую о немъ замѣтку упоминаніемъ того обстоятельства, что при всей его энергіи, онъ былъ, что называется, подъ башмакомъ у націей маленькой, старой, безпредѣльно доброй и любящей бабки, оказывавшей ему наружную покорность и должноеуваженіе, но въ сущности всегда умѣвшей поставить на своеемъ. Не новый, а даже очень старый, чуть не ко времени первой праородительской четы восходящій примѣръ устойчивости женской политики въ семье.

Въ густомъ вишневомъ садикѣ около дома дѣда стояла пасѣка. Пасѣчникъ, старый грекъ,—(отъ грека-ли, или переиначенное слово Грыцько, Грыкъ—не знаю), рассказалъ бабушкѣ, что около одного изъ ульевъ ночью „горятъ гроши“. На слѣдующую ночь фактъ этотъ былъ проверенъ самою бабушкою, купно съ однимъ изъ ея сыновей. Сейчасъ же тотъ уликъ пе-

реставленъ быль на другое мѣсто и на другой день приступлено къ разслѣдованію мѣста ночнаго горѣнія грошей. Какъ я очутился въ этой конспираціонной компаніи, не припомню. Говорю конспираціонной—потому, что все это дѣгалось тайкомъ отъ дѣдушки и всей дворни, которой лѣтомъ мало и было во дворѣ. Такъ или иначе, но я отчетливо помню, какъ дядя съ „дѣломъ грекомъ“ въ намѣченномъ мѣстѣ сверлили землю длиннымъ штыремъ¹⁾). Вотъ наконецъ ввернутый въ землю штырь сразу безпрепятственно подался въ глубь—рѣшено въ томъ мѣстѣ копать. На глубинѣ менѣе полуаршина показалось трухлявое дерево, а далѣе и какое-то отверстіе, куда сыпалась земля, выгребаемая мною и дядей. Всѣ мы увлеклись настолько работой, что не замѣтили, какъ къ намъ подошелъ дѣдушка, вернувшійся съ поля и разыскавшій насъ при этомъ дѣлѣ. Онъ сейчасъ же разругалъ всѣхъ поголовно, причемъ памятны мнѣ его наставленія, смыслъ коихъ заключался въ томъ, что „шкарбъ треба шукати у праці, а не такъ дурныцею добувать его“.

Все таки, не смотря на разносъ дѣдушки, бабушка добилась своего: раскопали какой-то старый омшаникъ и допытались у кого-то, что тамъ дѣйствительно когда-то, „еще за давнихъ панивъ бувъ льохъ“.

На этомъ и окончились розыски „шкарба“, но во время толкованій обѣ этой раскопкѣ я опять услыхалъ какія то упоминанія о „гайдамакахъ“, бѣжавшихъ изъ подъ Умани, а также узналъ причину, почему дѣль мой такъ нетolerантно относился къ копанію „шкарба“. Оказалось, что когда то, лѣтъ 20 тому назадъ—(примѣрно около 1835 года)—пріѣзжали къ дѣду какие-то три человѣка, „ажъ зъ-за Дунаю“ и совмѣстно съ ними въ теченіе нѣсколькихъ дней разыскивали по извѣстнымъ имъ только примѣтамъ какой-то кладъ. Наскучивъ этимъ дѣломъ, дѣль однажды утромъ не поѣхалъ съ ними на розыски; а гости между тѣмъ вечеромъ больше не явились, и затѣмъ уже кто-то изъ чабановъ нашелъ „два кобылячи шкуры роз-

¹⁾) Штырь—длинный буравъ, употребляемый въ западномъ краѣ при розыскахъ каменныхъ залежей, крипичныхъ жиль, а также кладовъ.

шыти" около раскопанной ямы. Шкуры эти носили отпечатки содержавшихся въ нихъ денегъ. Съ того времени дѣдъ всегда раздражался, какъ только рассказывали при немъ о кладахъ: ему эти разговоры напоминали случай съ его задунайскими гостями, которые, помимо всего прочаго, выпили за время ихъ гостеванія чуть не бочку наливки.

Тогда ли именно я услыхалъ этотъ разсказъ и въ такомъ-ли полномъ варіантѣ, или онъ сформировался у меня по позднѣйшимъ разсказамъ—незнаю, но помню, что тогда же частію отъ бабушки, частію отъ „старого Грека“ мнѣ пришлось впервые кой что узнать о гайдамакахъ, кромѣ ругательнаго значенія этого слова. Узналъ я, что гайдамаки были какіе-то разбойники, воевавшиe съ поляками, что они разорили Умань, мнѣ хорошо знакомый городъ, въ которомъ я живалъ въ дѣтствѣ, что они частію переловлены, а частію бѣжали куда-то „ажъ пидъ Турка“.

Всѣ эти свѣдѣнія о гайдамакахъ, полученные мною изъ такихъ противоположныхъ источниковъ, какими были въ данномъ случаѣ моя бабушка, потомокъ испытавшихъ мученія. отъ нихъ, и „старый грекъ“, если не прямой потомокъ самихъ ихъ, то во всякомъ случаѣ носитель въ душѣ гайдамацкихъ вѣрованій,—всѣ эти свѣдѣнія—говорю—въ моемъ воображеніи создали какой то странный образъ гайдамаки: онъ былъ для меня и страшенъ, и очень любопытенъ, причемъ отчетливо опредѣлилась національная его окраска, именно—украинская. Я искалъ моимъ пылкимъ воображеніемъ этого образа вездѣ, куда только простидалась моя память и моя фантазія. Припоминался мнѣ тогда и старый „бувалецъ“, обитатель „хатки“; видѣлъ я этотъ типъ и въ образѣ заѣхавшаго какъ-то къ намъсосѣдняго богатаго „выкупца“¹⁾ Мосципаненка, и въ фигурѣ чередника „Бацьолы“, и въ невѣдомыхъ, но оповѣщенныхъ вонокрадахъ, которые на Хощеватской нашей степи покушались угнать лошадей изъ табуна, и наконецъ, въ видѣніяхъ не задолго передъ тѣмъ мною закованныхъ въ кандалы участниковъ

¹⁾ Выкупцами звали крестьянъ, выкупившихся изъ волю. ¶

крестьянскихъ бунтовъ 1855 г. на Украинѣ... Мне хотѣлось видѣть этотъ страшный и интересующій меня образъ гайдамаки, и я его высматривалъ всюду, гдѣ только можно было его предположить.

Но вотъ и конецъ іюля. Отошли вишни, настали кавуны и дыни. „Черногузы“ (аисты) уже совсѣмъ оперились и все выше и выше взлетаютъ концентрическими кругами въвысъ неба; вотъ и „Маковій“, и ломка меду на свезеній въ гречку пасикѣ... конецъ каникуль. Братъ по малоуспѣшности остается въ селѣ, а меня собираются выряжать въ Бѣлую Церковь. Вотъ появился и придворный „кравецъ“ Мошко. Дѣдушка досталь изъ огромнаго, съ горбатою крышкою сундука какія-то давняго покроя одѣжды для передѣлки на меня; что-то кроютъ они и вымѣряютъ вдвоемъ съ Мошкой, снимаютъ мѣрку съ меня; появилась и мои пропавшіе въ началь каникуль сапоги, оказавшіеся въ спрятѣ у дѣдушки, такъ-какъ я все лѣто гулялъ босивомъ. Въ довершеніе всего я узнаю, что меня отправляютъ въ Бѣлую Церковь *на волахъ*, которыхъ уже въ теченіе недѣли по вечерамъ обучали ходить въ ярмѣ. Вышло это такъ: мой бѣлоцерковскій дядя просилъ дѣдушку купить для него еще на Троицкой балтской ярмаркѣ пару воловъ венгерской породы, извѣстнаго завода Подгорскаго. Волы были куплены, и вотъ дѣдъ измыслилъ способъ доставить ихъ по принадлежности. Пора рабочая, посыпать лошадей и особаго человѣка въ такую пору не съ руки, а потому снаряжается возъ съ запряженною въ него парою воловъ и съ подросткомъ Прокопомъ. А чтобы Прокопу было на чёмъ возвратиться назадъ, привязывается къ возу старый слѣпой конь. На возѣ нагромождаются: кадушка брындзы, кадушка сыру и „фаска“ масла, а кроме того „чуваль“ кукурузяной крупы, и тогда уже—мой чемоданчикъ и моя особа.

Помню я хорошо это путешествіе, весь тотъ путь, по которому мнѣ не разъ до того и послѣ того приходилосьѣздить, всѣ эпизоды до мельчайшихъ подробностей. Это вѣдь было крупное событие въ моемъ отрочествѣ: оно привело меня къ сознанію моей силы духа, оно сдѣлало меня какъ-бы старѣе.

Да не посѣтуютъ на меня мои снисходительные читатели за то, что я позволю себѣ здѣсь разскажать это путешествіе. Это вѣдь страничка изъ исторіи развитія юношества той эпохи, развитія, сказавшагося въ нашихъ послѣ уже окрѣпшихъ симпатіяхъ и вѣрованіяхъ. Путемъ этихъ именно сплетеній обстоятельствъ мы дошли до нашихъ болѣе близкихъ отношеній къ народу.

Утромъ, послѣ обычныхъ прощаній, суровыхъ со стороны дѣда, и очень нѣжныхъ со стороны бабушки, при наставленіяхъ и отчасти подшучиваніяхъ дворни, тронулись мы въ путь.

Волы сначала метались изъ стороны въ сторону, но скоро, что называется, обошлись. Тѣмъ не менѣе ихъ метаніе, остановки, порывистый послѣ того ходъ причиняли намъ не мало хлопотъ въ томъ отношеніи, что нашъ слѣпой буцефалъ, привязанный сзади, неумѣвшій въ аллюрѣ сладить съ волами, постоянно то билъ лбомъ о возъ, то рвалъ поводъ: волы тронутъ — конь, потянутый поводомъ, пойдетъ и, разумѣется,шибче воловъ; ударится по своей слѣпотѣ о „крыжевныци“¹⁾), станетъ и упрется,—тогда поводъ лопнетъ. И такъ безъ конца, пока мы не устроились нѣсколько иначе: я взялъ поводъ въ руки и, сидя на возу, какою-то хворостиною останавливалъ слѣпого коня, когда было нужно, и такимъ образомъ не допускалъ нападківъ на возъ.

Передъ вечеромъ мы доѣхали до Рыжавки, большого по-путного села, и остановились около корчмы кормить. Скоро стали подходить къ корчмѣ возвращавшіеся съ поля косари. Всѣ они осматривали и расхваливали нашихъ воловъ. Въ самомъ дѣлѣ, было чѣмъ полюбоваться! Эти венгерскіе волы были крупные животныя, прекрасной сѣрой масти, съ темными полосами вдоль по спинѣ, по переднимъ лопаткамъ и на шеяхъ. Но что особенно хорошо было у нихъ, такъ это рога: громадные, чистые притомъ почти безъ заломовъ, прямые. Косари, знатоки этого дѣла, восхищались волами, громко высказывали свои похвалы,

¹⁾ Задняя часть возовыхъ полудрабковъ.

зазывали проходящихъ мимо корчмы знакомыхъ посмотретьъ „хорошу товаряку“, разспрашивали насть, откуда мы и куда путь держимъ, удивлялись, что „такымъ хлопцамъ вручили таке добро“... Между прочимъ кто-то изъ окружавшихъ насть сказалъ: „Нема Максима, а тобъ синъ ихъ прыбравъ!“

Меня эти слова просто напугали. По всему вѣроятію это упоминаніе относилось къ какому нибудь известному вору (помоему гайдамакѣ), тѣмъ болѣе, что присутствующіе возгласами—„о! той бы скоро справився!“ окончательно привели меня къ мысли, что этотъ невѣдомый Максимъ успѣетъ „прыбратъ“ воловъ.

Конечно, лучше всего было-бы остаться ночевать въ корчмѣ, но это соображеніе пришло мнѣ въ голову впослѣдствіи, а въ тотъ моментъ, подъ вліяніемъ страха, навѣяннаго упоминаніемъ объ этомъ зловредномъ Максимѣ, я велѣлъ запрягать, и мы сумерками тронулись изъ села.

Непривычные къ ъездѣ волы были изморены, но я понуждалъ Прокопа погонять ихъ, стараясь, какъ можно скорѣе, удалиться отъ мѣста, где можетъ явиться страшный „Максимъ“.

Наступила ночь. Молодой мѣсяцъ низко стоялъ еще на небѣ, но уже было поздно, когда мы остановились ночевать прямо въ полѣ. Пока еще молодыкъ не зап歇ль, мы попасли воловъ и нашего слѣпого спутника, но когда стало совсѣмъ темно, мы предприняли мѣры предосторожности: привязали воловъ къ ярму, а слѣпого къ возу.

Порѣшено было, что Прокопъ будетъ спать, а я, вооруженный дубиной, буду стеречь нашъ лагерь. Прокопъ, какъ и слѣдовало ожидать, сейчасъ же заснулъ, а для меня началось мучительное время бдѣнія.

Я ходилъ кругомъ воза. Было темно—хоть глазъ выколи. Изъ ближняго лѣса времена отъ времени доносились рѣзкія хотанья совъ, но около насъ все было тихо, только слышно было сопѣнье воловъ и мѣрное пережевыванье сѣна слѣпымъ. Хотѣлось мнѣ совсѣмъ притаиться, сдѣлаться невидимкой, чтобы никто не могъ не только видѣть насъ, но и случайно даже на насъ натолкнуться. Глаза напряженно всматривались

въ окружающую темноту, ухо улавливало малѣйшій звукъ; нервы напряжены были до-нельзя. Простое фырканье коня заставляло вздрогивать. Долго-ли, мало-ли тянулась моя очередь сторожить, я не знаю, но тогда мнѣ казалось, что я безконечно долго хожу на часахъ. Легкій вѣтерокъ сталъ разгонять облака, и кое-гдѣ на очищенныхъ клочкахъ неба показались звѣзды. Далѣе терпѣть это одинокое бодрствованіе мнѣ становилось не подъ силу, и я уже намѣревался будить Прокопа не изъ желанія заснуть, а просто чтобы еще и онъ пободрствовалъ немного.—И вотъ среди этой тишины ночной, въ тотъ самый моментъ, когда и совы перестали хохотать, въ сторонѣ лѣса послышался вой волка—унылый, протяжный, одинокій, тоску навѣявавшій; еще разъ завылъ онъ, и затѣмъ раздался цѣлый хоръ болѣе тонкихъ голосовъ.—Вой этотъ не испугалъ меня, такъ какъ онъ знакомъ мнѣ былъ раньше; напротивъ, этотъ вой отвлекъ меня отъ напряженаго вниманія ко всѣмъ ловимымъ ухомъ до той поры звукамъ, а главное—послужилъ поводомъ разбудить Прокопа.

Разбуженный мною Прокопъ схватился и сталъ внимательно вслушиваться.

— Ой! тай багато жъ ихъ!—шепотомъ сказалъ онъ, вторя тономъ голоса моему шепоту, съ какимъ я будиль его.

— Я зроду не чувъ, якъ воны грають—... добавилъ онъ и очевидно встревожился.

Но волчій концертъ тянулся не долго. Они смолкли, и опять вокругъ насъ водворилась прежняя, напрягающая нервы, ночная тишина.

Я схитриль, сказавъ Прокопу, что лягу спать. Лежа на возу, я не спалъ; но мнѣ легче было вдвоемъ бодрствовать, и я только притворился спящимъ. Однако не суждено было мнѣ хоть на время успокоиться въ эту ночь: Прокопъ, и безъ того робкій отъ природы, а къ тому-же теперь тревожно настроенный впервые услышаннымъ имъ волчьимъ воемъ, также очевидно съ нервнымъ напряженіемъ всматривался въ темноту.

— Щось иде!—тревожно шепнулъ онъ мнѣ. Я, разумѣется, моментально схватился на ноги и сталъ всматриваться

по указанному направлению. И действительно, я увидѣлъ идущаго къ намъ человѣка.

— Поховаймося! — шепталъ мнѣ Прокопъ; но я далекъ былъ отъ мысли прятаться. Нѣтъ, я сознавалъ обязанность защищать порученное мнѣ добро и, вѣроятно, въ силу передуманнаго мною во время моей стражи, сейчасъ же создалъ планъ защиты.

— Иды на той бикъ воза, знімай люшню и стій тамъ! Якъ „воно“ пайде на мене, ты бытъ ёго сзаду, якъ на тебе — я бытыму бучкомъ — распорядился я, и Прокопъ безпрекословно исполнилъ приказъ.

„Воно“ въ видѣ неясной тѣни подвигалось къ намъ; все отчетливѣе можно было видѣть, что это идетъ человѣкъ и даже съ какою-то палкою на плечѣ.

Мы затаили дыханіе — даже, кажется, и пульсъ пересталъ биться у меня. „Воно“ все приближалось. И вдругъ проклятый слѣпой конь фыренулъ. Словно чѣмъ-то ударило меня по нервамъ, — я весь дрогнулъ; но и шедшій къ намъ тоже остановился. — Моментъ наступалъ рѣшительный. Я поплевалъ въ руку и крѣпче сжалъ рукой конецъ бучка, повернутаго головкой внизъ. „Воно“ очевидно не ожидало встрѣчи и даже не желало ея, такъ-какъ сейчасъ-же свернуло съ дороги, пошло въ сторону и мало по малу скрылось въ темнотѣ.

Можетъ быть, это былъ какой нибудь случайный прохожій, можетъ быть, какъ догадывались послѣ тѣ, кому мы рассказывали про эту встрѣчу, это былъ какой нибудь уходившій въ „мандривку“ панскій мужикъ, — во всякомъ случаѣ, это былъ человѣкъ, не искашій встрѣчи съ нами и не предполагавшій, что группа, на которую онъ наткнулся, состояла изъ нагруженной воловой подводы съ привязанною лошадью, подъ призоромъ двухъ подростковъ 15-ти и 17-ти лѣтъ.

Тѣмъ не менѣе настроенное воображеніе не переставало создавать образы какой-то угрожающей намъ опасности. Прокопу вполнѣ сообщилось мое тревожное состояніе, и мы порѣшили, что удалившійся человѣкъ непремѣнно подлѣзетъ къ намъ, подкрадется и нападетъ на насъ. Поэтому мы условились оба глядѣть въ разныя стороны и пристально всматриваться.

Было уже не рано; свернуло съ полночи: „*визз*“ (большая медведица) на прояснившемся небѣ *дышиломъ* опрокинуть былъ внизъ.

— Оnde вогонь креще! шепнулъ Прокопъ.

Я вытигунлся изъ-за воза и, подождавъ немного, дѣйствительно увидѣлъ въ недалекомъ отъ насъ разстояніи раза два мигнувшій блескъ какъ будто-бы отъ искръ.

Впрочемъ этотъ блескъ сейчасъ-же прекратился, и я, готовый уже опять немного успокоиться, только что усѣлся на прежнее мѣсто, какъ вдругъ затрещалъ возъ, волы повсакивали, конь рванулся на поводѣ, и Прокопъ заоралъ во всю глотку:

— Вовки! Гей, тю!

Я весь вздрогнулъ, пораженный этимъ трескомъ и крикомъ, повернулся къ Прокопу и такъ и застылъ въ этомъ положеніи.

— Бытье бучкомъ! Осьде!—еще крикнулъ Прокопъ, и съ люшней кинулся отъ воза на какія-то двѣ темныя тѣни.

Это были два волка, подошедшие къ намъ очевидно на фырканье лошади. Я тоже устремился вслѣдъ за Прокопомъ, и что же? Этотъ крикъ, эта первная встряска были какъ бы вризисомъ нашего тревожнаго настроенія: располагающая къ страху тишина была уже нарушена, и мы перестали шептаться, перестали даже и бояться; явилась какая-то увѣренность въ самихъ себѣ. Это волки блестѣли глазами, а никто не кресаль огня—такъ порѣшили мы и успокоились.

Небо все больше и больше стало проясняться, а вскорѣ, какъ говорятъ, „и на свитѣ благословилось“. Отчетливо стало видно дорогу; на сѣрѣющемъ горизонтѣ обозначился въ своихъ очертаніяхъ лѣсъ. Мы убрали недоѣденное воловъ сѣно, притянули люшню, Прокопъ съ обычнымъ при этомъ „шайканьемъ“¹⁾ запрегъ воловъ; привязали мы опять слѣпого и тронулись въ путь.

Я свалился на возъ и мертвѣцки заснулъ, такъ что проснулся уже верстахъ въ трехъ отъ Умани, припекаемый высоко

¹⁾ Повуканіе воловъ при надѣваніи на нихъ ярма; приговариваютъ въ это время: „*шый, шый!*“

уже поднявшимся солнцемъ. Здѣсь мы напоили нашихъ животныхъ и тронулись дальше, разсчитывая кормить ихъ и отдохнуть въ Умани, или лучше сказать, за городомъ около Грекова лѣса, гдѣ можно было по окружающей его канавѣ попасти воловъ на свободѣ.

Долго-ли, коротко-ли мы кормили воловъ и кормились сами,—не помню, но когда тронулись въ дальнѣйшій путь на Войтовку, то присоединились къ цѣлому обозу щавшихъ изъ города поселенъ¹⁾, возвращавшихся съ городского базара. Дорогою нѣкоторые, и даже большая часть изъ нихъ, отставали отъ насъ въ попутныхъ селахъ, Войтовкѣ, Краснополкѣ, а два воза доѣхали съ нами до самой Маньковки, куда мы старались попасть къ ночи.

Всѣ наши спутники—мужчины были острижены по солдатски, нѣкоторые даже въ сѣрыхъ военного покрова фуражкахъ, такихъ, какія теперь носятъ арестанты, а нѣкоторые даже побриты. Только на одной подводѣ щахъ старый дѣдъ съ длинною бѣлою бородою, и съ такими же бѣлыми неподстриженными волосами. Онъ самъ былъ Маньковскій, и когда мы разговорились, то оказалось, что онъ зналъ моихъ родителей, которые жили на хуторѣ Гуральнѣ около Маньковки.

Проѣзжая черезъ одно изъ попутныхъ селъ, стариkъ высказывалъ соболѣзвнованіе о томъ, что вонъ по яру „пустуютъ“ садки и огороды потому, что начальство согнало всѣхъ „въ линію—въ юлыцу“ что до поселенія „еще за Потоцкого“ тутъ хорошо жилось, что самъ онъ еле запомнитъ, какъ ихъ изъ-за Тульчина переселяли въ эти мѣста; какъ они, переселенцы, пригнанные въ Умань, долго стояли таборомъ въ городѣ „побиля замку“, какъ самый городъ отстраивался послѣ гайдамачины; какъ устраивался „Огрудъ Софіювка“ (садъ Софіевка). Разсказывалъ онъ, какіе ярмарки бывали прежде въ Умани и т. п...

Натолкнувшись въ разсказѣ на упоминаніе про гайдамачину, я спросилъ дѣда про нее.—Онъ мнѣ не далъ, помнится, удовлетворительного отвѣта, а только сказалъ, что гайдамаки

¹⁾ Въ Умани были тогда военные поселенія.

„були соби таки воякы, козакы, чи що“; замокъ зруйновали, а писля, якъ ихъ сполохали, разбѣжались по лѣсамъ и ушли „ажъ въ Бессарабію“,

Къ концу этого нашего разговора съ дидомъ мы подѣхали къ Маньковкѣ и распрошались, такъ какъ дѣду нужно былоѣхать прямо по улицѣ, а намъ поворачивать вправо за огорода.

Но каково жъ было мое удивленіе, когда, вообще несловоохотливый, Прокопъ вдругъ, какъ бы передумавъ сказанное дидомъ, брякнулъ:

— Воны й доси тамъ, на Бессарабії! Исакъ и Бацёлюкъ рассказывали, що бачылы ихъ и що хто оде зъ нашихъ натрапыться, то воны й заклыкаютъ жыты до себѣ.... Тамъ десь ажъ за Дунай-ричку....“

Я весь превратился во вниманіе, но Прокопъ на этомъ и покончилъ, тѣмъ болѣе, что у насъ случилась поломка: віяя (дышило воловаго воза) оказалось не цѣльное въ концѣ, а надѣланное, прихваченное желѣзной оковкой. Пришлось бѣжать черезъ огороды къ какой то хатѣ и просить помощи. Пришелъ упрощенный мною человѣкъ съ топоромъ и кое какъ поправилъ нашу поломку, послѣ чего мы уже благополучно доѣхали до двора моей тетки, бывшей замужемъ за состоявшимъ въ какойто должности по военнымъ поселеніямъ капитаномъ.

Б. Познанскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Путешествие импер. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 году.¹⁾

Храповицкій отмѣтилъ въ своихъ запискахъ 29 мая: „въ Старомъ Крыму Императрица спрашивала его о стихахъ, сочиненныхъ ею въ Бахчисараѣ, переписаны ли они и есть ли у него копіи? — „Есть черная“, отвѣчалъ Храповицкій. — „Гдѣ она?“ спросила Императрица.— „Дома“, былъ отвѣтъ. Тѣмъ и кончилось.

„Сie было поутру въ Старомъ Крымѣ“, откуда прѣѣхали обѣдать и ночевать въ Карасубазарѣ“. (См. дневн. Храповицкаго).

Въ этотъ же день Императрица писала въ графу Брюсу въ Петербургъ:

... „Я здорова, вчера обѣдала въ Феодосіи, ночевала въ Старомъ Крымѣ, а сегодня сюда прїѣхала благополучно, послѣ завтра выѣдемъ за Перекопъ и уже до Кременчуга нигдѣ не остановлюсь... У насъ мѣсто и погода райская“. (Прилож. къ К. Ф. Ж. 1787.)

Въ Карасубазарѣ во дворцѣ, въ присутствіи Императрицы, былъ большой обѣдь на 47 персонъ; въ столу были приглашены М. В. Каховскій, И. И. Меллеръ, генераль-маіоръ Розенбергъ, таврическій правитель Каховскій, полковникъ Горичъ и всѣ штабъ-офицеры военныхъ командъ, находившихся тогда въ Карасубазарѣ.

Вечеръ кончился какъ обыкновенно: свита играла въ шахматы и карты, императрица бесѣдовала съ гр. Фалькенштейномъ и въ 9 часовъ во дворцѣ все стихло.

Все утро слѣдующаго дня, въ воскресенье 30 мая, было посвящено Императрицею на раздачу и объявление наградъ—

¹⁾ См. „Кievskaya Starina“ 1891 г., № 12.

между прочимъ и донской козакъ, бригадиръ Федоръ Денисовъ былъ пожалованъ генералъ-маиоромъ, полковникъ Горичъ большій—въ бригадиры; правитель таврической области Каховскій получилъ орденъ св. Владимира 2 степени. Никто не былъ обойденъ, на всѣхъ обращено было вниманіе. Сверхъ того пожалованы денежныя награды: духовенству севастопольскому при черноморскомъ флотѣ, греческому духовенству въ Феодосії, въ Бахчисараѣ на мечеть и дервишамъ, на училища въ таврической области, роздано бѣднымъ иувѣчнымъ и нижнимъ чинамъ всѣхъ войскъ, въ Тавридѣ расположенныхъ, каждому человѣку по одному рублю.

При отъездѣ изъ Карасубазара роздано было много драгоценныхъ подарковъ между прочимъ:

Тремъ сестрамъ Миклашевскимъ серыги и перстни, стоющія 2270 р.; ханскої сестрѣ съ женщинами серыги въ 2000 р., ей же штуки на кушакъ золотой съ финифтью и съ жемчугомъ на 960 руб.; 24-мъ мурзамъ перстни, стоявшіе 3756 р. Уѣзднымъ предводителямъ, исправникамъ и разнымъ чиновникамъ таврической области роздано подарковъ брилліантовыми и золотыми вещами на 29,706 р. Въ томъ числѣ генералу Каховскому табакерка съ вензелемъ Императрицы въ 2500 р.—Сверхъ того ему пожалованы деньгами 10,000 р., правителю области Василію Каховскому 6000 руб., а священнику черноморскаго флота 500 р. (Изъ приходорасходныхъ книгъ кабинета Ея Величества).

Наградивъ всѣхъ и каждого, Императрица въ 9 ч. утра выѣхала съ гр. Фалькенштейномъ изъ Карасубазара; подстава была при Бочелахъ и потомъ къ обѣду на станціи Бапши.

Послѣ стола, передъ отъездомъ Императрицы со станціи, она жаловала къ рукѣ прощавшихся съ нею татарскихъ чиновниковъ, также провожавшихъ Ее до этого мѣста мурзъ; они всѣ отпущены были въ свои мѣста, также какъ и дивизіоны вольно вступившихъ въ службу татаръ, а на мѣсто ихъ явились провожать донскіе козаки подъ начальствомъ новопожалованного генерала Денисова. Отѣхавъ 45 верстъ, остановились почевать на станціи Бабассанъ: здѣсь приготовленъ былъ

ужинъ въ большой палаткѣ и приглашены были еще правитель Каховскій, генералъ Денисовъ, бригадиръ Горичъ, всѣхъ было 19 человѣкъ.

На другой день въ 9 ч. утра, проѣхавъ подставу Ушунъ, прїѣхали въ 1 часу въ Переокопъ при пальбѣ изъ пушекъ, поставленныхъ на крѣпостномъ валу.

У крѣпостныхъ воротъ встрѣтилъ комендантъ бригадиръ Фокъ съ штабъ и оберъ-офицерами, а у дома, принадлежавшаго надворному совѣтнику Свѣрбееву, гофмаршалъ и таврический правитель Каховскій съ чиновниками. Послѣ обѣда въ 3-мъ часу, Императрица съ гр. Фалькенштейномъ выѣхали при пушечной пальбѣ къ ночлегу на станцію при Каменномъ мосту. Не добѣжая до этого мѣста, встрѣтилъ генералъ-поручикъ А. И. Иловайскій съ старшинами донскаго войска и съ 3500 конныхъ козаковъ и калмыковъ. При приближеніи къ Каменному мосту произведена пальба изъ поставленныхъ въ правой сторонѣ дороги донскаго войска полковыхъ пушекъ.—Вечеръ кончился въ разговорахъ Императрицы съ гр. Фалькенштейномъ, посланниками и свитою; нѣкоторые играли въ шахматы и карты и въ 9 часовъ, по обыкновенію, разошлись.—Ужинъ для посланниковъ, Потемкина и свиты былъ приготовленъ въ поставленной передъ домомъ палаткѣ.

Встрѣча близъ Каменного моста козаками подъ начальствомъ Иловайскаго произвела впечатлѣніе на австрійскаго Императора:

При возвращеніи нашемъ въ Каменный мостъ (писалъ онъ къ своему фельдмаршалу) козаки явились опять со всѣми своими принадлежностями и съ гетманомъ (онъ состоитъ въ чинѣ генералъ-поручика) во главѣ, причемъ ихъ привилегіи были торжественно несены двумя старшинами. Они опять маневрировали передъ станціею, маршировали налево и направо въ шесть колоннъ и потомъ выстраиваясь въ линію. На этотъ разъ они были ностроены по два въ рядъ; прислуга при бывшихъ тутъ двухъ орудіяхъ состояла изъ козаковъ; но эти орудія все время не трогались съ мѣста. У нихъ множество офицеровъ и нѣкоторымъ не болѣе 14—16 лѣтъ. Былъ тутъ и

отрядъ калмыковъ, стрѣлявшихъ изъ лука, впрочемъ безъ особенной ловкости. (Р. Архивъ, 1880, кн. 1-я).

Не надолго къ вечеру стихло за Каменному мосту, а рано утромъ 1 іюня началась суeta, бѣтня, запряжка лошадей въ экипажи и снаряженіе походнаго обоза; Императрица вышла къ собранію въ 7 часовъ утра, и какъ только пришелъ графъ Фалькенштейнъ, тотчасъ началось офиціальное представлениe лицъ, съ которыми прощалась Императрица, отъѣзжая далѣе въ путь; началось съ „дамскихъ персонъ“: статсъ-дама гр. Бранницкая представляла жену и дочь Иловайскаго и жену Денисова, затѣмъ оберъ-камергеръ И. И. Шуваловъ представилъ Иловайскаго, Денисова и всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ донскаго войска. Пожалованье къ рукѣ продолжалось почти часъ, и наконецъ, въ 8 часовъ утра, при пушечной пальбѣ Императорскій поѣздъ двинулся отъ Каменного Моста. Передъ отъѣздомъ Императрица приказала выдать Потемкину разныхъ бриллиантовыхъ и золотыхъ вещей для раздачи приказанныхъ ею подарковъ по оцѣнкѣ, сдѣланной кабинетомъ, слишкомъ на 17,000 рублей.

Иловайскій съ донскими козаками и калмыками проскаль 10 верстъ—возлѣ Императорской кареты, потомъ разставилъ все свое войско въ строевой порядокъ по правой сторонѣ дороги;—загремѣло ура и, отдавъ честь съ уклоненiemъ знаменъ, всѣ козаки помчались обратно къ Каменному мосту. Денисовъ съ своими козаками продолжалъ конвоировать до города Бериславля.

На берегу Конскихъ водъ, гдѣ таврическая область граничитъ съ екатеринославскимъ намѣстничествомъ, встрѣтили: правитель намѣстничества И. М. Синельниковъ и губернскій предводитель Лалошъ съ дворянами.—Здѣсь Императрица пересѣла въ шлюпку и, объѣхавъ островъ Тамонъ, черезъ Конские воды и Днѣпръ прибыла къ обѣду въ 3-мъ часу въ Бериславль.

Въ этотъ день особыми рескриптами на имя кн. Потемкина Императрица изъявила свое особенное благоволеніе войску донскому и всѣмъ войскамъ, находившимся во время ея путешествія въ таврической области.

На другой день 2 іюня Императрица разсталась съ Іосифомъ II.

„Сегодня, (писала она гр. Брюсу:) мы съ графомъ Фалькенштейномъ разстанемся: онъ поѣдетъ въ лѣво, а я направо“. (Письмо къ гр. Брюсу при К. Ф. Журналѣ 1787 г. № 43).

„Іосифъ II и Екатерина разстались, (записалъ въ своихъ запискахъ гр. Сегюръ) возобновивъ взаимныя увѣренія въ дружбѣ, скрѣпленной еще тверже этою долгою поѣздкою“ (См. Записки Сегюра).

Императоръ отправился въ Херсонъ, Императрица по направлению къ Кременчугу. Опять знаменитая шестимѣстная карета Императрицы наполнилась близкими людьми: гр. Браницкая, А. С. Протасова, У. И. Шуваловъ, А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ, гр. Кобенцель. Проѣхавъ 51 версту, остановились для обѣда на станціи при Давидовскомъ Бродѣ, потомъ черезъ Блакитную на ночлегъ въ дер. Шестерню,—не доѣзжая этой станціи за версту, поѣздъ встрѣтили расположенные въ строю полки: драгунскій смоленскій и легкоконные: херсонскій, воронежскій, ольвіопольскій, елисаветградскій и александровскій. — Дворца здѣсь не было, Императрица и свита почевали въ походныхъ ставкахъ, которыхъ возились въ путевомъ поѣздѣ.

На слѣдующій день, 3 іюня, рано утромъ выѣхали черезъ *Кривой Рог*, гдѣ былъ обѣдъ, въ слободу Анновку, принадлежавшую гр. А. А. Безбородку. Жители слободы поднесли хлѣбъ и соль. Здѣсь почевали.

4 іюня, послѣ обѣда въ селѣ *Анофріевка*, въ 6 часу вечера Императрица прибыла въ Кременчугъ. Не переѣзжая моста, наведенного черезъ Днѣпръ, ее встрѣтилъ кн. Потемкинъ съ генералитетомъ, штабъ и оберъ-офицерами. Пребываніе Императрицы назначено было въ домѣ главнокомандующаго;—до самаго дома верхами провожали Императрицу Потемкинъ, генералъ-аншефъ кн. Долгоруковъ, генералъ-поручикъ Самойловъ, генералъ-маіоры: Дунинъ, Аршеневскій и кн. Ратіевъ. Вечеръ Императрица провела съ приближенными, „забавляясь въ карты“. (К. Ф. Жур. 1787 г.).

Съ вечера передъ домомъ горѣла иллюминація, также и въ саду, который имѣлся при этомъ домѣ.

Императрица, по словамъ гр. Сегюра, (см. записки его) была очень довольна тѣмъ, что самая занимательная часть ея поѣздки была благополучно.

„Меня всячески старались отклонить отъ этой поѣздки, говорила она,—всѣ увѣряли, что я встрѣчу на пути множество затрудненій и непріятностей, меня пугали тѣмъ, что дорога меня утомить, что степи несносны, что на югѣ вреденъ климатъ. Эти люди меня слишкомъ мало знаютъ; они не понимаютъ, что противорѣчить мнѣ—значитъ меня возбуждать, и что всякое затрудненіе, которое мнѣ представляютъ, придаетъ мнѣ болѣе рѣши-
мости“.

Но сверхъ желанія окончить свое огромное путешествіе, которое, конечно, утомляло императрицу, она спѣшила въ Москву, и съ нетерпѣніемъ ожидала извѣстій отъ Н. И. Салтыкова обѣ отъѣздѣ великихъ князей-внучатъ въ Москву къ ней на встрѣчу. На дорогѣ, при перѣѣздѣ изъ Бериславля въ Кременчугъ, она наконецъ получила ожидаемыя извѣстія, и изъ Кременчуга отвѣчала Салтыкову:

„Николай Ивановичъ! Вчера и третьего дня, єдучи отъ Бериславля сюда, я получила письма ваши съ Тосны и изъ Новогорода и съ большимъ удовольствиемъ увѣдомилась, что вы въ добромъ здоровы выѣхали изъ Царскаго Села и продолжаете свой путь съ большой бодростью и весьма радостно. Разумно вы сдѣлали, что всѣмъ желающимъ видѣть Ихъ Высочества назначили мѣсто въ соборѣ, ибо ничего нельзѣ труднѣе въ дорогѣ, какъ великое людство на станціяхъ, гдѣ вмѣсто покоя найдешь духоту, что со мною разъ по пяти случится, то есть на каждой перемѣнѣ лошадей. Подробное описание вашей єзды мнѣ очень пріятно было читать, тѣмъ паче, что все такъ происходит, какъ мнѣ желалось и какъ предвидѣть можно было. Я сюды пріѣхала вчера здорова и благополучна, сегодня остановимся здѣсь, а завтра поѣдимъ далѣе къ Полтавѣ. Сейчасъ принесли мнѣ ваше письмо отъ 29 маія изъ Крестицъ. Помню я, что Валдайскія горки казались высоки, но послѣ Таврической той, на которой мы подымались шесть верстъ и спускались столько же, чаю покажутся аки бородавки. Прощайте, Богъ

съ вами. Пребываю я къ вамъ доброжелательна“. (См. Р. Архивъ 1864, стр. 972).

Всѣ ожидали на другой день официального придворнаго выхода въ собраніе, но Императрица, утомленная переѣздами, вышла только къ обѣду, къ которому, между прочими, были приглашены кн. Ю. В. Долгоруковъ, А. Суворовъ и М. Л. Голенищевъ-Кутузовъ. Вечеромъ былъ назначенъ при дворѣ балъ съ приглашеніемъ по повѣсткамъ. Передъ баломъ Императрицѣ представлены были и пожалованы къ рукѣ жены купцовъ кременчугскихъ, крыловскихъ и елисаветградскихъ. Во время бала Императрица играла въ карты съ посланниками.

Въ Кременчугѣ Императрица успокоила Сегюра дружескимъ съ нимъ объясненіемъ,—что очень обрадовало его,—такъ какъ онъ все еще продолжалъ бояться, что Императрица считаетъ его болѣе на сторонѣ Турціи, нежели Россіи. Сегюръ оставилъ намъ въ своемъ дневнике разсказъ объ этомъ объясненіи.

Я собирался погулять по окрестностямъ города, когда мнѣ сказали, что Императрица требуетъ меня къ себѣ. Тотчасъ-же я отправился къ Ей и засталъ Ее въ кабинетѣ съ принцемъ де-Линемъ.

„Я увидѣла васъ изъ моего окна, сказала мнѣ Императрица; мнѣ показалось, что вы грустите или скучаете. Надѣюсь, что я не обезпокою васъ, если постараюсь васъ разсѣять, такъ какъ, повидимому, вы не очень веселы“.

„Да, прибавилъ, улыбаясь, принцъ де-Линь,—вы шагали такъ медленно и важно, точно вице-канцлеръ Ея Величества. Однако, не совѣтую вамъ очень разсчитывать на любезное вниманіе, которое вамъ оказываютъ, потому что я, какъ человѣкъ откровенный, долженъ сознаться вамъ, что мы только что начали много дурнаго на вашъ счетъ“.

„Это правда, возразила Императрица;—я увѣряла, что, несмотря на все мое желаніе удержать васъ при себѣ, вы скоро насъ покинете, и навсегда. Впрочемъ, принцъ подшутилъ надъ вами и утаилъ истину: дѣло въ томъ, что онъ хвалилъ вашъ характеръ и способности, а я, совершенно съ нимъ соглаша-

ясь, прибавила съ своей стороны, судя о другихъ по себѣ, что король, безъ сомнѣнія, скоро дастъ вамъ мѣсто въ свое мѣсто совѣтѣ, и потому мы, вѣроятно, не увидимъ васъ болѣе въ Россіи“.

Разумѣется, я всячески старался выразить мою признательность:

„Я послѣднюю примѣру Вашего Величества и тоже осмѣлюсь позлословить на вашъ счетъ. У Вашего Величества есть одинъ явный недостатокъ, который происходитъ отъ вашего превосходства и состоить въ томъ, что Вы слишкомъ добры, слишкомъ снисходительны и пристрастны къ тѣмъ, кого удо-стаиваете Вашею благосклонностію. Впрочемъ, я могу увѣ-ритъ Ваше Величество, что такая похвала, какъ Ваша, ка-жется мнѣ Высочайшей наградой, какой только можетъ желать благородно честолюбивый человѣкъ“.

Во время путешествія своего Императрица въ воскресные дни обыкновенно посѣщала церковь и здѣсь 6 іюня она въ со-провожденіи всей свиты слушала литургію въ соборѣ Пресвятой Богородицы; передъ выѣздомъ въ церковь Императрицѣ пред-ставлены были армянскій архіепископъ Іосифъ и старшины быв-шаго запорожскаго войска.

Обѣдъ въ этотъ день былъ въ присутствіи Императрицы съ приглашеніемъ, сверхъ свиты, 33 человѣкъ, во время стола „играла инструментальная и вокальная музыка“. (К. Ф. Жур-налъ 1727.)

Обѣдъ былъ ранній, такъ что въ 2 часа, при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ, Императрица выѣхала изъ Кре-менчука къ станціи *Кобиляки*, гдѣ былъ назначенъ ночлегъ. При вѣзда въ это мѣстечко всѣ жители стояли по обѣ стороны улицы, какъ въ строю, священники при церквяхъ встрѣчали съ крестами при колокольномъ звонѣ; у Собора Успенія Пресвятой Богородицы Императрица вышла изъ экипажа и прило-жилась ко кресту, поднесенному священникомъ; у путеваго дворца встрѣтилъ Ее кн. Потемкинъ, который поскакалъ сюда впередъ, вмѣстѣ съ гофмаршаломъ кн. Барятинскимъ и прави-телемъ намѣстничества Синельниковымъ. У дворца поставленъ

былъ почетный караулъ отъ кирасирскаго екатеринославскаго полка.

Въ мѣстѣ *Кобылякахъ* были въ то время поселены отставные унтеръ-офицеры и рядовые, служившіе въ инженерныхъ полкахъ, отѣзжая изъ Кобылякъ, на другой день 7 іюня, Императрица пожаловала ихъ щедро деньгами.

Когда Императорскій поѣздъ началъ приближаться къ городу Полтавѣ, началась съ крѣпости пушечная пальба, а въ церквяхъ колокольный звонъ; при вѣзѣдѣ въ городъ передъ пострѣнными тріумфальными воротами встрѣтили всѣ начальники легкоконныхъ полковъ и сопровождали Императрицу въ городъ верхами возлѣ кареты; у тріумфальныхъ воротъ коменданть поднесъ Императрицѣ ключи отъ крѣпости, здѣсь же стояло полтавское купечество, мѣщане и ремесленники съ ихъ значками; у соборной церкви встрѣтиль съ крестомъ и поднесъ его къ каретѣ Императрицы Амвросій, архіепископъ екатеринославскій и херсоно-таврическій.

Помѣщеніе для Императрицы приготовлено было въ домѣ черниговскаго губернатора Милорадовича. Здѣсь у подвѣзда встрѣтили Потемкинъ, гофмаршалъ кн. Барятинскій, правитель екатеринославскій Синельниковъ съ дворянствомъ.

Послѣ обѣда, къ которому было много приглашенныхъ, особенно военныхъ, Императрица нѣкорое время гуляла въ саду со своею любимицею камеръ-фрейлиною А. С. Протасовой. Вечеромъ къ карточной партіи съ Императрицею приглашены были А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ, графъ Кобенцель и графъ Сегюръ.

Вечеромъ около дома и въ саду была иллюминація плоскими.

На слѣдующій день 8 іюня, въ 11 часу утра, Императрица въ двухмѣстной каретѣ, въ сопровожденіи всей свиты, выѣхала осмотрѣть мѣстность полтавскаго сраженія. За каретою слѣдовали всѣ военные начальники, штабъ и оберъ офицеры легкоконныхъ полковъ, въ Полтавѣ бывшихъ,—Императрица осмотрѣла, старые редуты и шведскую могилу, и прибыла къ Кресто-Воздвиженскому монастырю; у святыхъ воротъ ожидали Императрицу духовенство: Амвросій, архіепископъ екатеринослав-

скій, Серафимъ, митрополитъ Лакедемонскій, и Каллиникъ, епископъ Врестенскій; архієпископъ Амвросій сказалъ привѣтственную рѣчъ, поднесъ животворящій крестъ—Императрица приложилась ко кресту, при пѣніі пѣвчихъ предшествуемая духовенствомъ взошла въ церковь къ літургії, которую совершалъ архієпископъ Амвросій; по окончаніі літургії возглашена была вѣчная память Императору Петру I,—потомъ Императрица, посѣтивъ архієпископа Амросія въ его кельї, возвратилась къ обѣду во дворецъ въ 1 часу.

Въ 6 часовъ графъ Безбородко представилъ Итператрицѣ пріѣхавшаго ко двору молдавскаго господаря Александра Маврокордато—послѣ чего Императрица выѣхала съ всей свитою за городъ смотрѣть на бывшіе въ лагеряхъ полки. Войскъ было—коннаго 70 экадроновъ, пѣхоты четыре баталіона гренадеръ и четыре баталіона егерей.

Обѣѣхавъ всѣ полки, которые отдавали честь съ музыкою и барабаннымъ боемъ, Императрица вышла изъ экипажа, и изъ палатки, для нея приготовленной, любовалась войскомъ, которое маршировало мимо палатки подъ предводительствомъ генералъ-аншефа князя Ю. В. Долгорукова—на послѣдокъ „все войско, имѧ 40 орудий полевой артиллериї, атаковало непріятеля предъ собою представленнаю, причемъ во всихъ движенияхъ доказало совершенное устройство и похвальную расторопность“.—Такъ записано въ современномъ Камеръ-Фурьерскомъ Журналѣ.

„Полтавское сраженіе явилось передъ нами (писалъ гр. Сегюръ въ своеі дневниکѣ) въ живой, движущейся, одушевленной картинѣ, близкой къ дѣйствительности. Русская армія раздѣлилась на двѣ половины, изъ коихъ одна заняла русскіе окопы, другая шведскіе редуты. По распоряженію Потемкина, чрезвычайно согласно, отчетливо и скоро передъ взорами Царицы произведены были всѣ тѣ маневры, какіе могли изобразить намъ подобіе этой решительной битвы. Движеніе впередъ кавалеріи, развернувшей фронтъ изъ четырехъ колоннъ, стремительная аттака, живой и сильный огонь пѣхоты въ то время, какъ лѣвое крыло вело фальшивую аттаку на лѣсь и обходило

правый флангъ непріятеля,—все это чрезвычайно вѣрно изображало сраженіе.

Удовольствіемъ и гордостью горѣль взоръ Екатерины; казалось, кровь Петра Великаго струилась въ ея жилахъ. Это величественное и великолѣпное зрѣлище достойно увѣнчало наше романическое и вмѣстѣ историческое путешествіе. Князь Потемкинъ поднесъ Императрицѣ чудесное жемчужное ожерелье: она осыпала его подарками и щедро раздавала чины и ордена генераламъ и офицерамъ.

Императрица пробыла на полѣ полтавскаго сраженія до 8 часовъ вечера; а передъ отѣзломъ въ городъ статсь-дама гр. Браницкая, здѣсь же въ палаткѣ, представила ей сѣхавшихся женъ военныхъ начальниковъ и дворянъ—всѣ жалованы къ рукѣ и при пушечной пальбѣ Императрица возвратилась въ Полтаву.

Въ этотъ день Потемкину пожалованъ титулъ князя Таврическаго*. Преосвященному Амвросію архієпископу екатеринославскому пожалованъ брилліантовый крестъ, съ повелѣніемъ носить его на черномъ клобукѣ, подобно какъ митрополиту. (К. Ф. журналъ). Губернскій предводитель дворянства, бригадиръ Лалошъ, произведенъ въ генераль-маіора и уволенъ съ пенсіею по 600 р. въ годъ.—Генераль-поручикъ Чорба получилъ оденъ св. Владимира 2-й степени; генераль-маіоръ Алымовъ и бригадиръ Николай Адабани—Владиміра 3-й степени; затѣмъ болѣе 40 человѣкъ пожалованы 4-й степенью того же ордена.

Суворову пожалована табакерка съ вензелемъ въ 3000 руб. Гетману Браницкому табакерка съ портретомъ въ 2500 руб. Вышшему духовенству и на монастыри 5000 руб.

На слѣдующій день, 9 іюня, всѣ сѣхались благодарить Императрицу—къ числу награжденныхъ совершенно неожиданно Императрица присоединила генераль-аншефа преображенскаго полка преміеръ-маіора князя Ю. В. Долгорукова и генераль-маіора дѣйствительнаго камергера А. М. Дмитріева-Мамонова; первый пожалованъ былъ въ подполковники, а второй въ преміеръ маіоры преображенскаго полка.

Передъ отъѣздомъ всѣ откланивались, жалованы были къ рукѣ, и между прочимъ простились съ Императрицею графъ Браницкій и жена его статсъ-дама Александра Васильевна.

При выходѣ на крыльцо, здѣсь полтавскіе купцы и мѣщане поднесли хлѣбъ и соль и разные фрукты. Въ шестимѣстную карету были приглашены: статсъ-дама гр. Скавронская, камеръ-фрейлина Протасова, Дмитрій Мамоновъ, гр. Кобен-щель и гр. Сегюръ. Проѣхавъ крѣпость, Императрица, встрѣченная у собора Успенія Пресвятаго Богородицы преосвященнымъ Амвросіемъ, взошла въ церковь, отслужила молебенъ и потомъ въ 9 часовъ утра, при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ, въ сопровожденіи верхами генералитета и эскадрона острогожскаго легкоконнаго полка, Императорскій поѣздъ выѣхалъ изъ Полтавы къ обѣду на станцію Карловку.

Г. В. Есиновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Поминки по А. А. Востоковъ.

Въ послѣдніе мѣсяцы истекшаго 1891 г. нашъ журналъ понесъ большія потери въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ дѣятельныхъ сотрудниковъ; къ числу ихъ принадлежалъ и покойный *Александръ Александровичъ Востоковъ*, скончавшійся въ Москвѣ 13 ноября. Это былъ одинъ изъ трудолюбивыхъ и рѣвностныхъ подвижниковъ науки; поэтому вспомнить о немъ самомъ и его трудахъ на страницахъ „Кiev. Старины“, для которой онъ не мало поработалъ, мы считаемъ своимъ долгомъ передъ почившимъ собратомъ.

Жизнь А. А., какъ скромнаго, безкорыстнаго и неутомимаго труженика, представляетъ отрадное и поучительное явленіе въ наше время, время стремленія, не разбирая средствъ, къ богатству и почестямъ, при поверхностныхъ знаніяхъ и легкомъ отношеніи къ дѣлу. Ни того, ни другаго на своемъ короткомъ вѣку нашъ покойный сотрудникъ не искалъ и въ изображеніи себѣ рода и цѣли дѣятельности руководствовался лишь желаніемъ „уразумѣть истину“.

А. А. родился 3 июня 1857 года въ селѣ Воздвиженскомъ-Селикѣ, богословскаго уѣзда, московской губ. Происходилъ изъ небогатой семьи духовнаго званія, онъ, по установившемуся обычаю, долженъ былъ получить первоначальное образованіе въ духовныхъ училищахъ родной губерніи, а среднее—въ московской духовной семинаріи, этомъ лучшемъ изъ средне-учебныхъ

зведеній духовнаго вѣдомства, и притомъ въ такое время (1872 — 76 гг.), когда этого рода учрежденія становится на высотѣ требованій современной педагогики и по программамъ своимъ не только почти приближаются къ классическимъ гимназіямъ, но имѣютъ то преимущество, что развивають философское мышленіе въ учащихся. Основательно прошедшіе эту школу всегда отличаются сильной логикой; умъ ихъ обращается къ серьезнымъ и живымъ вопросамъ жизни и ищетъ отвѣта на нихъ въ той специальной науки, которая составляетъ главный предметъ занятій въ высшихъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Это же исканіе отвѣта на возникающіе вопросы побудило и покойнаго А. А. перемѣнить академію на университетъ, въ который онъ могъ поступить лишь по дополнительной домашней подготовкѣ; препятствія не ослабили энергіи А. А., и черезъ два года (въ 1878 г.) онъ былъ уже зачисленъ въ студенты С.-Петербургскаго университета по юридическому факультету. Выборъ факультета сдѣланъ былъ покойнымъ А. А. послѣ строгаго обдумыванія; онъ остановился на изученіи права не ради той широкой карьеры, которую открываетъ оно законовѣдамъ, а исключительно вслѣдствіе глубокаго и вѣрнаго убѣжденія, что только юридическая наука даетъ прочную основу для дальнѣйшаго изученія народной жизни, что „вся міровая исторія въ сущности сводится къ исторіи права, какъ высшему пункту цивилизаціи, заключающему въ себѣ сконцентрированно все ея содержаніе“, что только путемъ изученія права въ его послѣдовательномъ историческомъ развитіи могутъ быть поняты законы развитія народной жизни, что историкъ, не получившій юридической подготовки; обреченъ или блуждать, какъ въ лѣсу, среди безчисленныхъ фактовъ политической исторіи, или начать съ азбуки изученіе права, чтобы не доходить до всего своимъ умомъ. Отъ этой то печальной участіи и обеспечилъ себя выборомъ юридическаго факультета покойный А. А. Еще будучи студентомъ, онъ предпринялъ подъ руководствомъ проф. Сергіевскаго большой трудъ изданія „Проектовъ уголовного уложения Императрицы Елизаветы Петровны, 1754—1766 и.“, кото-

рый появился въ свѣтъ въ 1882 г., когда и самъ издатель вышелъ изъ университета со степенью кандидата правъ.

Съ окончаніемъ университета передъ А. А. открывался широкий путь къ судебной и административной службѣ; но онъ не пошелъ по этому пути, а избралъ узкіе врата и тѣсный путь, которыми идутъ немногіе къ истинѣ, путь разбора и изученія памятниковъ русской старины въ одномъ изъ важнѣйшихъ и богатѣйшихъ въ Россіи архивовъ—въ архивѣ министерства юстиціи (въ Москвѣ). Переходъ А. А. къ новому труду совершился въ 1884 году; и съ этихъ поръ онъ отдался со всѣмъ горячимъ пыломъ молодости разбору старыхъ дѣлъ, столповъ, книгъ и вязокъ; онъ весь ушелъ въ прошедшее, въ нѣмую бесѣду съ историческими дѣятелями, которые въ своемъ простомъ языкѣ и крючковатомъ почеркѣ воскресали изъ праха полуистлѣвшей бумаги и „пыли вѣковъ“ въ живомъ воображеніи молодаго изслѣдователя. Особенно привлекла его вниманіе, а современемъ, можетъ быть, и вполнѣ его поглотила бы полная глубокаго драматизма и поэзіи южно-русская исторія, для которой неоцѣненный и неисчерпаемый, кажется, материалъ хранится въ московскихъ архивахъ. „Я такъ полюбилъ вашу козацкую исторію, что, кажется, займусь исключительно ею одной“, писалъ онъ намъ въ одномъ изъ своихъ писемъ въ маѣ 1890 г.; „во всей исторіи Европы козачество представляетъ собою едва ли не единственный примѣръ каждодневной, неустанной трехвѣковой борьбы за вѣру и народность со своими гонителями.

Высказанные въ письмѣ слова А. А. подтверждалъ и на дѣлѣ: изъ 35 печатныхъ работъ его четвертая часть относится къ исторіи Южной Руси и, главнымъ образомъ, козачества; всѣ онѣ были помѣщены въ нашемъ журнальѣ; напомнимъ только выдающіяся: „Козацкая рада“ (1887 г. № 2), „Нижинская рада“ (1888 г. № 5), „Первыя сношенія Богдана Хмельницкаго съ Москвой“ (1887, № 8), „Судъ и казнь Григорія Самойловича“ (1889 г. № 1), „Полтавскій полковникъ Иванъ Чернякъ“ (1889 г., № 9), „Судьба Вышовскихъ и полковника Ивана Нечая“ (1890 г., № 1), „Посольство Шакловитаго къ гетману Мазепѣ“ (1890 г.,

№ 5) и друг. Всѣ труды А. А. отличаются важностью и новизною сообщаемыхъ фактовъ, изъ которыхъ **каждый** поставленъ въ связь съ общимъ ходомъ мѣстной исторіи въ то или другое время, и такимъ образомъ сама собою опредѣлялась его научная цѣнность. Восьмилѣтнія напряженныя работы въ Архивѣ подорвали силы А. А.; слабое здоровье его не выдержало ни тяжести самого труда, ни тѣхъ условій, среди которыхъ приходится работать архивисту. Постоянное напряженіе зрѣнія и вниманія при чтеніи замысловатаго письма, чернила котораго уже выцвѣли, утомляетъ зрѣніе и вниманіе, а необходимость въ безпрестанныхъ спрашивахъ съ литературою вопроса не даютъ отдыха и въ послѣобѣденное время. Не говоримъ уже о томъ, какъ вредно дѣйствуетъ на грудь постоянное дышаніе пылью отъ гнилой бумаги; самая тщательная очистка ея не можетъ много помочь, если необходимо сохранить подгнившее мѣсто рукописи; катарры дыхательныхъ путей при чтеніи истлѣвшихъ рукописей—явленіе обыденное въ архивѣ; а какая масса хранится рукописей, пережившихъ всяkie „повѣтря“ и „моры“ (чумные, холерные, осенние и проч.); многіе изъ занимающихъся въ архивахъ рѣшительно отказываются брать бумаги, которыя имѣютъ проколы и пропитаны повидимому какой-то жидкостью (ясный признакъ того, что они подвергались дезинфекціи и пережили эпидеміи), и за версту отходятъ отъ нихъ; такая предосторожность, пожалуй, можетъ быть, и не лишняя въ виду сильной живучести всякихъ тлетворныхъ микробовъ¹⁾). Эти условія могли повлиять и на развитіе тяжкой грудной болѣзни у А. А., который продолжалъ работать и послѣ того, когда обнаружились явные признаки неблагопріятнаго исхода. А. А. умеръ въ самую лучшую пору жизни, когда мышленіе человѣка крѣпнетъ, а дѣятельность его бываетъ болѣе обильна и болѣе плодотворна. Много начинаній, много предположеній и надеждъ прекратила смерть. Потеря его тѣмъ болѣе тяжела

¹⁾) Намъ известенъ одинъ загадочный случай внезапной смерти ученаго, работавшаго въ архивѣ; смерть его послѣдовала отъ болѣзни горла въ теченіи 4-хъ дней, и случилась въ половинѣ мая, при весьма теплой погодѣ.

для близкихъ и знатныхъ его людей, что кромъ своихъ обширныхъ научныхъ познаній, которыми А. А. охотно дѣлился съ каждымъ, онъ обладалъ и высокими нравственными качествами: доброе сердце, чистая и честная жизнь, отзывчивость на всякое высоко-гуманное дѣло.... все влекло къ нему!

И. Каманинъ.

Памяти кн. В. Н. Репниной.

Имя княжны Варвары Николаевны Репниной такъ тѣсно связано со многими фактами культурной жизни нашего юга Россіи, что историческому мѣстному журналу нельзя пройти молчаніемъ смерти ея, не вспомнивши болѣе выдающихся моментовъ изъ ея жизни. Пока, впрочемъ, мы ограничиваемся маленькой перепечаткой изъ „Русскихъ Вѣдомостей“ некролога ея, принадлежащаго автору, который, давши намъ право на эту перепечатку, вмѣстѣ съ тѣмъ пообѣщалъ въ ближайшихъ номерахъ нашего изданія подѣлиться съ читателями болѣе обстоятельной статьей, посвященной памяти покойной княжны В. Н. Репниной.

„28-го ноября опустили въ могилу тѣло княжны Варвары Николаевны Репниной, скончавшейся на 83 году своей жизни. Скорбно отзовется вѣсть обѣ смерти въ сердцахъ всѣхъ знатившихъ ее и добрымъ словомъ помянуть ее не въ одной Москвѣ, но и въ Полтавѣ, Одессѣ и родномъ Яготинѣ. Дочь бывшаго малороссійскаго генералъ-губернатора, незабвенного кн. Н. В. Репнина, В. Н. унаслѣдовала отъ отца гуманныя традиціи и посвятила всю свою жизнь служенію человѣчеству. Любовь къ народу сблизила ее въ сороковыхъ годахъ съ народнымъ украинскимъ поэтомъ Шевченко, который подолгу гостили въ помѣстїи кн. Репнинихъ, мѣстечкѣ Яготинѣ. В. Н. была не только другомъ и покровительницей, но добрымъ геніемъ и олицетвореніемъ совѣстю поэта. Она поддерживала въ немъ вѣру въ его высокое призваніе и съ свойственной ей прямотой не разъ высказывала ему горькія истины, когда онъ сби-

вался съ истиннаго пути. Когда надъ Шевченко стряслась бѣда, и онъ, разжалованный въ солдаты, былъ сосланъ сначала въ въ Оренбургъ, а потомъ въ Киргизскую степь, В. Н. дѣятельно, хотя и безуспѣшно, хлопотала о смягченіи его участіи и поддерживала его падающій духъ своими письмами. До самой смерти она свято хранила память о своемъ многострадальномъ другѣ, любила рассказывать о своемъ знакомствѣ съ нимъ и живо интересовалась всѣмъ, что писалось о Шевченкѣ въ нашихъ журналахъ. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ В. Н. перѣѣхала изъ Одессы въ Москву и съ тѣхъ поръ постоянно жила въ Москвѣ. Похоронивъ горячо любимую мать, она еще съ большимъ рвѣніемъ предалась благотворительнымъ дѣламъ. Дверь ея была всегда открыта для бѣдныхъ и страждущихъ. Она не ограничивалась одной денежной помощью, но принимала горячее участіе въ своихъ клиентахъ, хлопотала, писала о нихъ письма, болѣла о нихъ душой. Хотя вругъ дѣятельности покойной В. Н. былъ довольно узокъ, но смерть ея есть во всякомъ случаѣ общественная потеря, и будущій историкъ русского общества безъ всякаго сомнѣнія причислитъ ее къ сонму тѣхъ чистыхъ и благородныхъ личностей, которыхъ оказывали благотворное вліяніе на общество самымъ фактамъ своего существованія. Не ихъ ли разумѣль поэтъ, когда убѣждалъ насъ не горевать о милыхъ спутникахъ, животворившихъ для насъ этотъ свѣтъ своимъ присутствиемъ, но благодарить судьбу за то, что они были? В. Н. похоронена, по ея собственному желанію, въ Алексѣевскомъ монастырѣ, рядомъ съ своимъ старымъ другомъ Г. И. Бурковской, которую она пережила наѣсколькими годами.

Н. С.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ.

Къ вопросу о научномъ изданіи „Кобзаря“ Т. Г. Шевченко.

Давно пора уже подумать о томъ, чтобы исполнить обязательство и по отношению къ памяти такого выдающагося поэта, какъ Т. Г. Шевченко, и по отношению къ требованіямъ науки, заставляющей своихъ представителей, въ тотъ или иной срокъ, подвести итоги всей дѣятельности крупныхъ общественныхъ единицъ, опираясь въ этихъ итогахъ не на случайно известные факты и не на субъективныя впечатлѣнія, а на кропотливо собранные и критически проверенные материалы. Въ данномъ случаѣ, мы имѣемъ въ виду ту работу надъ произведеніями покойного поэта, которая прежде всего должна выразиться въ приготовленіи изданія всѣхъ ихъ, изданія, достойнаго такого почетнаго имени. Изданію этому, конечно, нужно отличаться всѣми достоинствами вполнѣ научнаго труда, какъ-то: 1) текстъ произведеній долженъ быть критически проверенъ и изслѣдованъ по многимъ варьетамъ рукописей и печатныхъ изданій разныхъ годовъ; 2) каждое произведеніе должно быть обставлено всѣми необходимыми библіографическими, біографическими и историко-литературными справками и комментариями. Только при выполненіи этого условія, можно разсчитывать на строго-научную разработку и оцѣнку дѣятельности и—главное—назнаніе поэта; только при такомъ обстоятельномъ освѣщеніи отдельныхъ произведеній писателя, можно составить и полную его біографію, которая въ то-же время будетъ служить характеристикой цѣлаго периода въ общественной жизни. Насколько трудна подобная задача,—это другой вопросъ; но въ необходимости разрѣшенія ея въ данномъ случаѣ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Много изданій выдержалъ уже Кобзарь Т. Г. Шевченка, какъ въ Россіи, такъ и заграницей, но ни одно изъ нихъ, даже въ минимальн-

ной долѣ, не удовлетворяетъ научнымъ требованіямъ.—Не говоримъ уже объ отсутствіи комментаріевъ къ Кобзарю, но мы на каждомъ шагу встрѣчаемся съ колеблющимся текстомъ его и не знаемъ, какія существуютъ основанія для этихъ разночтеній; а при малѣйшей иробѣ приложить научный методъ къ проверкѣ ихъ, весьма часто наталкиваемся на факты очевидной порчи авторскаго текста. Не останавливаясь теперь на подробнѣмъ указаніи этихъ колебаній и порчи текста, я приведу на выдержку нѣсколько наиболѣе характерныхъ случаевъ такого разночтенія.

Извѣстное стихотвореніе Шевченка «Чы мы ще зайдемося знову», напечатанное впервые въ изданіи Кожанчикова (Спб. 1867 г.), вошло во всеобщее употребленіе съ такими стихами:

. Годить,
Смыритеся, молитесь Богу
И гадуйте одынъ другого,
Свою Україну любить.
Любить іи, бо время лютѣ!
Въ остатню тажку минуту
За неи Господа молитъ!

Намъ удалось это стихотвореніе свѣрить съ двумя рукописными варьантами—автора Т. Шевченка, и въ обоихъ ихъ (не смотря на то, что писаны они съ промежуткомъ въ 11 лѣтъ) читаемъ:

Любить іи!... Во время лутѣ,
Въ остатню тажку минуту
За неи Господа молитъ,

Мы готовы склониться къ тому, что въ этомъ послѣднемъ варьантѣ и больше силы, и больше мысли, чѣмъ въ напечатанномъ стихотвореніи, разошедшемся широко въ публикѣ, особенно благодаря музыкальной композиціи его г. Лисенкомъ.

Или напримѣръ: извѣстная поэма «Видьма», впервые напечатанная въ изданіи Кожанчикова (Спб. 1867), правильно отнесена къ 1847 году, а въ изданіи пражскомъ (1876 г.) напечатана уже подъ 1858 годомъ безъ всякихъ поясненій, и въ такомъ видѣ повторяется она во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ въ Россіи. Между тѣмъ, проверка по рукописямъ показываетъ, что написана эта поэма первоначально въ 1847 году, а въ 1858 году переписана съ довольно значительными измѣненіями.

Въ пражскомъ-же изданіи, между прочимъ, читаемъ въ этой поэмѣ стихъ 19-й такъ: «Шукай соби брата у поли и въ хати». Свѣ-

рям съ рукописью этотъ текстъ, я вижу, что слово *у поли* поставлено ошибочно: въ подлинниѣ стоитъ *въ палатахъ*, но написано съ пропускомъ слога *та* (*въ палахъ*); издатель, значитъ, по догадкѣ поставилъ не такъ, какъ слѣдуетъ, и. ч. теченіе всей мысли здѣсь построено ва антитеѣ:

„Така моя рада, незнаемый брате!
Смырнись передъ Богомъ, людей не зайдай,
Шукай соби брата *въ палатахъ и въ хати*
И дбай домовыну, а славы не дбай!

До особенныхъ курьезовъ въ этомъ отношеніи дошло Львовское изданіе (Сушкевича 1867 г.), где можно встрѣтить такія искаженія: я у *прыбакахъ* була... вмѣсто — я у *прыданкахъ* була...; кого-жъ *юдуете, съкаете* (?) вмѣсто — *кою-жъ юдуете есте* и пр. (Видьма).

Повторяю опять, что я теперь не имѣю намѣренія подробно указывать всѣ такія частности, касающіяся текста «Кобзаря» Шевченка,— я желаю только отрывочными фактами показать, въ какой мѣрѣ настоятельна нужда въ подготовкѣ изданія Кобзаря съ критически провѣреными текстами.

Но что-же нужно для этого сдѣлать раньше всего? Конечно, для работы по критической провѣркѣ текста является безусловно необходимо знать всю сохранившуюся наличность рукописей-автографовъ, которые, насколько намъ известно, имѣются у разныхъ лицъ иногда въ очень разнообразныхъ варьянтахъ. Это тотъ источникъ первой руки, который долженъ быть изученъ въ мелочахъ, такъ-какъ, главнымъ образомъ благодаря ему, мы можемъ установить основной текстъ каждого произведенія и объяснить всѣ существующіе варьянты. Кроме того, очень цѣнны въ этомъ случаѣ будуть и всѣ тѣ рукописи *не*—автографы, которыхъ переписывались современниками поэта съ подлинныхъ рукописей его самого, или писались подъ его диктовку, а въ существованіи такихъ текстовъ мы не со мнѣваемся. На послѣднемъ планѣ стоять всѣ печатныи изданія, какъ русскія, такъ и заграничныи, кромѣ издавій первыхъ (кончая изд. П. Симиренка, Спб. 1860 г.), т. к. многими изъ нихъ руководилъ самъ авторъ, напримѣръ — только-что упомянутымъ изданіемъ П. Симиренка. Впрочемъ, печатныи изданія, каковы-бы они ни были, не играютъ въ данномъ случаѣ роли, являясь достояніемъ каждого интересующагося этимъ вопросомъ; мы-же имѣемъ въ виду настоящей замѣткой, насколько возможно, посодѣйствовать обнаруженію рукописнаго материала, для болѣе удобнаго пользованія имъ другиѣ

лицъ. Въ виду этого я позволю себѣ обратиться ко всѣмъ, имѣющимъ у себя лично какія-либо рукописныя произведеній Т. Г. Шевченка, или только знакомымъ съ ними, съ предложеніемъ, во 1-хъ, опубликовать заглавія произведеній, составляющихъ автографы поэта, а также переписанныхъ съ несомнѣнныхъ списковъ, и во 2-хъ, указать, какія имѣются данныя объ этихъ рукописяхъ въ видѣ дать, комментарievъ, воспоминаній и пр.

Вполнѣ надѣясь на то, что, съ одной стороны, такой откликъ послѣдуетъ для интересовъ дѣла, а съ другой—что «Киевская Старина» откроетъ свои страницы для помѣщенія всѣхъ этихъ данныхъ, я на первый разъ сообщу кратко тѣ свѣдѣнія, какія мнѣ удалось добыть изъ разсмотрѣнія двухъ книжечекъ-автографовъ покойнаго поэта, о которыхъ въ печати пока почти ничего, кроме неясныхъ упоминаній, не было сказано.

Хорошо, вѣроятно, всѣмъ извѣстенъ тотъ фактъ, что, когда въ 1847 г. постигла поэта тяжелая участъ, когда онъ очутился вдали отъ родины и знакомыхъ, въ ссылкѣ въ Орской крѣпости и около Арала, ему не дозволено было даже рисовать и писать (кромѣ писемъ), особенно въ первое время, на что онъ самъ неоднократно жаловался въ своихъ письмахъ. Впрочемъ, не смотря даже иногда на строгости въ наблюденіи надъ нимъ, Шевченко успѣвалъ тайкомъ удѣлять время на любимое имъ занятіе—стихотворство, дававшее успокоеніе усталой душѣ поэта. Такъ, въ стихотвореніи, открывающемъ новый 1849-й годъ читаемъ:

„Якъ ци добродія дознають!...
Та вже жъ нехай хочъ розинуть,
А я безъ вирши не улежу:
Уже два годы промережавъ,
И третій въ добрий часъ почину“.

И вотъ, для этого тайного творчества онъ завелъ маленькую тетрадку, которую, какъ онъ выражался потомъ, сохранять приходилось ему «въ халяви» (въ сапогѣ) ¹⁾.

Эту-то тетрадочку, какъ гласить преданіе, впослѣдствіи переплетенную въ хорошенъкій кожаный переплѣтъ, мы имѣли подъ руками одновременно съ другою, составляющею, собственно говоря, какъ бы переписку первой. Равница, вирочемъ, громадная. Эта вторая книжечка представляетъ собою довольно изящный кожаный альбомъ, величиною въ обыкновенный почтовый листъ in 8⁰. Альбомъ этотъ—подарокъ по-

¹⁾) См. воспоминанія И. С. Тургенева (Кобзарь, Прага. 1876 г.).

эту послѣ его возвращенія изъ ссылки въ 1858 г.; сюда онъ частію переписалъ свои стихотворенія изъ маленькой книжечки, иногда безъ измѣненій, но чаще—съ довольно значительными сокращеніями и передѣлками, частію же тутъ помѣщены имъ п новыя произведенія.

Маленькая книжечка открывается 1847-мъ годомъ, именно—стихотвореніемъ.

„Думы мои, думы мои,
Вы мои едини!
Не выдайте хощь вы мене
При лыхій годынр!“

а оканчивается 1850-мъ годомъ—стихотвореніемъ

„Заступила чорна хмара
Та билую хмару“.

Тутъ сразу является вопросъ: заносились-ли въ эту книжечку только тѣ произведенія, какія создавались поэтомъ въ процессѣ его послѣдовательного творчества, или и тѣ, которыхъ вспоминались имъ на чужбинѣ изъ прежде сочиненныхъ? Вопросъ этотъ только и можетъ быть окончательно решенъ послѣ собранія всѣхъ данныхъ о рукописяхъ поэта¹⁾). Всѣхъ стихотвореній, какъ большихъ, такъ и малыхъ, вошло сюда 126; изъ нихъ крупная слѣдующая: Княжна, Вильма, Лилея, Сонъ, Иржавецъ, Чернецъ, Козачковскому, Москалевы крѣныця, Варнакъ, Сотникъ, Марына, Петрусь, Тытаривна. Всѣ стихотворенія писаны самимъ поэтомъ и отличаются тѣмъ характернымъ мелкимъ Шевченковскимъ почеркомъ, котораго нельзя не узнать хоть разъ видѣвшему его рукопись. Въ текстѣ сдѣлано много исправленій, но въ общемъ книжечка носить очень чистенькій видъ, несмотря на кое-какія помарки.—Въ болѣйшей книжечкѣ за тотъ-же періодъ находимъ меньшее количество стихотвореній—всего 85, причемъ есть среди нихъ нѣкоторыя новыя. Надо замѣтить, что въ этой книжечкѣ оказывается большой перерывъ въ писательствѣ поэта, а именно: съ 1850 г. по 1857 г. нѣть ничего, какъ почти нѣть ничего и въ печатныхъ изданіяхъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ творчество поэта въ эти годы застыло совсѣмъ? Или, можетъ быть, болѣе кропотливое разысканіе рукописей его обнаружить еще что нибудь, до сихъ поръ невѣдомое намъ?

Послѣ 1850 г. въ болѣшую книжечку входитъ рядъ стихотвореній, относящихся къ 1857—60 гг., причемъ обращаемъ вниманіе на

¹⁾ Вообще мы имѣемъ всѣ данные сомнѣваться въ томъ, та-ли это самая „захалившая“ книжечка, во до окончательного выясненія оставляемъ вопросъ этотъ открытымъ.

ту путаницу дать, какую встрѣчаемъ здѣсь при нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ, сравнительно съ датами при нихъ въ маленькой книжечкѣ; такъ напр.: «Москалева крѣныца», отнесенная въ маленькой книжечкѣ къ 1847 г., тутъ помѣщена подъ 1857 г. Число стихотвореній за эти 4 года—53; изъ нихъ болѣе крупныя «Неофиты», «Марія», писанная, впрочемъ, не Шевченкомъ, равно какъ и нѣкоторыя изъ мелкихъ стихотвореній. Послѣднимъ въ 1860 году стоитъ маленькое стихотвореніе его «Зійшлись, побрались, поеднались», послѣ котораго на слѣдующей страницѣ выставленъ синимъ карандашомъ 1861-й годъ, въ самомъ почти началѣ прекратившій жизнь поэта (26 февраля).

Пусть же въ эту 31-ю годовщину смерти Т. Г. Шевченка хоть только начнется серьезная разработка всѣхъ матеріаловъ, необходимыхъ для оцѣнки и познанія его. Надѣемся, что лица, имѣющія въ какіе матеріалы и свѣдѣнія по этому вопросу, не откажутъ въ своемъ просвѣщенномъ содѣйствіи полезному дѣлу и на первыхъ порахъ хоть помогутъ привести въ извѣстность все то, чѣмъ можетъ располагать будущій работникъ на этомъ полѣ. Мы же съ своей стороны, давая теперь краткія извѣстія о томъ, что у насъ было подъ руками, обѣщаемъ впредь сообщать обо всемъ, что намъ станетъ вѣдомо изъ рукописей поэта.

В. Науменко.

Письмо Ив. С. Тургенева къ А. Д. Оболонскому по поводу выкупа родичей Т. Г. Шевченка изъ крѣпостной зависимости.
Хотя конецъ 1859 года и начало 1860-го были для Шевченка исключительными, благодаря тому неудавшемуся сватовству, которое онъ затѣялъ и о которомъ уже сообщено много подробностей, между прочимъ и на страницахъ «Кievской Старинѣ» (1890 г. № 2),—однако среди этихъ заботъ, а потомъ и огорченій, онъ не позабылъ давнаго своего мечтанія видѣть всѣхъ ближайшихъ родственниковъ своихъ свободными отъ крѣпостной зависимости. Извѣстно, что владѣлецъ ихъ готовъ былъ дать волю всѣмъ имъ, но только безъ земли, что, конечно, не имѣло смысла. И вотъ, послѣ личныхъ попытокъ вести переговоры съ владѣльцемъ и послѣдовавшихъ неудачъ, пришло Shевченку обратиться къ разнымъ лицамъ за содѣйствиемъ и помощью и, между прочимъ, привлечь къ этому дѣлу «Общество для пособія литераторамъ». Всѣ хлопоты увѣнчались успѣхомъ; въ 1860 году: за нѣсколько мѣсяцевъ до акта освобожденія крестьянъ вообще получили свободу родичи Т. Г. Шевченка, о чѣмъ подробнѣ было сообщено

9*

тогда-же въ «Народномъ Чтеніи» (1860 г. кн. 5-я). Среди лицъ, принимавшихъ въ этомъ горячее участіе, были—И. С. Тургеневъ и А. Д. Оболонскій, издатель журнала «Народное Чтение», который и обратился къ Тургеневу за содѣйствіемъ въ этомъ дѣлѣ. Помѣщаемое ниже письмо Тургенева къ Оболонскому, еще нигдѣ не напечатанное и любезно доставленное намъ И. В. Луцицкимъ, составляетъ одинъ изъ моментовъ въ ходѣ этого дѣла, въ которомъ, какъ видно между прочимъ, принималъ участіе и Кавелинъ.

«Я пріѣзжалъ съ тѣмъ, чтобы сказать Вамъ, что комитетъ съ удовольствіемъ и готовностію принялъ на себя написать отъ своего имени письмо къ владѣльцу родственниковъ Шевченка; поручено доставить это письмо Кавелину, а я пріѣзжалъ узнать отъ Васъ имя это(го) помѣщика, его адресъ, имени Шевченковыхъ родственниковъ и т. д., чтобы передать все это Кавелину,—и потому покорно прошу передать мнѣ всѣ желаемыя свѣдѣнія для того, чтобы и ихъ доставилъ Кавелину. Чѣмъ Вы скорѣе это сдѣлаете, тѣмъ скорѣе пойдетъ письмо. Дружески жму Вамъ руку преданный Вамъ Ив. Тургеневъ.

4 марта пятница

Былъ также Я. Полонскій.

В. Н—ко.

Письмо Т. Г. Шевченко къ А. Д. Оболонскому. Хотя печатаемое ниже письмо или—лучше сказать—записочка Шевченка не датирована, но приблизительный моментъ написанія ея можно установить на основаніи слѣдующихъ соображеній.

А. Д. Оболонскій, издатель «Народного Чтенія», рѣшилъ знакомить своихъ читателей съ судьбою и дѣятельностью лицъ, самостоятельно, своими талантами проложившихъ себѣ путь въ жизни, а также помѣщать въ изданіи своеемъ произведенія такихъ лицъ. Съ подобнымъ предложеніемъ обратился онъ и къ Шевченку. И вотъ—результатомъ первого была известная «Автобіографія» его, первоначально набросанная рукою самого поэта (см. Кіевская Старина 1855 г. № 11), а затѣмъ передѣланная и выправленная П. А. Кулишомъ, въ какомъ видѣ и напечатана въ Народномъ Чтеніи (1860 года, № 5), а откликъ второго видѣнъ въ помѣщенному тамъ-же стихотворенію поэта (Огни горятъ, музыка грае) въ переводѣ на русскій языкъ Курочкина (1860 г. № 6)¹). Вѣроятно, къ этому послѣднему мо-

¹) Въ 1859 г. № 5 помѣщено было тамъ-же одно малорусское стихотвореніе поэта.

менту и относятся нижеслѣдующія строки Шевченка къ Оболонскому:

«Милостивый государь Александръ Демьяновичъ! Стихотворенія, которыя вамъ нравятся, вышишите изъ прилагаемой рукописи; я не имѣю времени. Рукопись оставьте у себя до будущей субботы. Вашъ покорный слуга Т. Шевченко.

Предложите перевести Курочкину то, что вы найдете удобопереводимое».

В. Н—ко.

Воспоминанія о Т. Г. Шевченкѣ Е. Б. Піуновой (Шмидгофѣ).

Эпизодъ одного изъ очень частыхъ увлечений Шевченка женщинами, увлеченій, доводившихъ его до сватовства, давно известно намъ, какъ изъ дневника поэта, такъ и со словъ самой той личности, къ которой относилось это увлеченіе. Екатерина Борисовна Піунова (въ замужествѣ Шмидгофѣ) только что начала выступать на сценѣ нижегородского театра какъ разъ въ тотъ моментъ (1858 г.), когда Шевченко, возвращаясь изъ ссылки, долженъ былъ остановиться въ Нижнемъ, по предписанію полиціймейстера, и—какъ оказалось—надолго. Увлекшись этой талантливой актрисой, совсѣмъ еще девочкой (15 лѣтъ), поэтъ, позабылъ то, что въ данныхъ случаяхъ прежде всего нужно помнить—разницу лѣтъ (ему было тогда 44 года)—и рѣшился спѣвать ей предложеніе, въ результатахъ которого получился, какъ и слѣдовало ожидать, отказъ. Несмотря, однако, на этотъ разрывъ, сама Екатерина Борисовна сохранила о поэта самыя теплые чувства, что прекрасно видно изъ воспоминаній ея, нашедшихъ себѣ мѣсто въ брошюре Н. О. Юшкова, изданной въ 1890 году подъ заглавиемъ «Къ исторіи русской сцены» ко дню тридцатилѣтія артистической дѣятельности уважаемой артистки. Среди этихъ воспоминаній ея мы находимъ нѣсколько строкъ, удѣленныхъ и памяти нашего поэта. Считаемъ нeliшнимъ перепечатать эти строки, известныя, вѣроятно, немногимъ изъ нашихъ читателей.

В. Н—ко

«1856—1857 годъ я играла въ «Нижнемъ», уже во вновь отстроенному театру.

«Къ этому времени относится и мое знакомство съ знамѣнитымъ поэтомъ Тарасомъ Григорьевичемъ Шевченкомъ, осчастливившимъ меня тогда своимъ вниманіемъ и даже сдѣлавшимъ мнѣ вели-

кую честь — предложение стать его супругой... Тогда, 15-лѣтняя дѣвичка, я, конечно, не могла оцѣнить этого великаго человѣка, но за то всю жизни, потомъ гордилась и горжусь тѣмъ, что обратила на себя его вниманіе. У барышенъ 40-хъ — 50-хъ гг. всегда долженъ быть альбомъ, куда вписывались стихи на память. Былъ такой альбомъ и у меня. И чего-то, чего въ немъ не было; напр.: «Прости, въ послѣдній часъ разлуки не ломай себѣ руки и не забудь такого-то» или: «На послѣднемъ на листочкѣ напишу четыре строчки». Такъ вотъ въ такой-то альбомъ написалъ мнѣ, глупой дѣвочкѣ, и Шевченко. Привожу написанное имъ на память, ибо альбомъ мой зачиталъ одинъ изъ «любителей» литературы, выпросившій его не надолго:

Утоптала стажечку черезъ яръ,
Черезъ горы, серденько, на базаръ,
Я два шага — три шаги пропила,
За копійку дударя найняла.
Заграй мени; дударю, у дуду,
Нехай же я свое лышенько забуду!¹⁾.

Тарасъ Григорьевичъ бывалъ у насъ каждый день, и его всѣ ужасно любили... Мои братья и сестры положительно, бывало, его обѣняютъ, и онъ съ ними по цѣлымъ часамъ забавляется, поеть имъ малороссійскія пѣсни. Въ одно вѣтъ такихъ обыденныхъ посѣщеній, — вдругъ Тарасъ Григорьевичъ заявляетъ, что ему нужно что-то сообщить важное. Слухайте-ка, батько и матко» (онъ часто такъ называлъ, любя, моихъ отца и мать, и, говоря, обыкновенно мѣшаль русскія слова съ малороссійскими) «и ты Катруся» — (такъ онъ всегда звалъ меня), — прислушай. Вы давно меня знаете, видите: вотъ я какой есть, такой и буду. У васъ, батько и матко, есть товаръ, а я купецъ — отдайте мнѣ Катруся!. Какъ ни любили мы Тараса Григорьевича, но тутъ вся семья свѣту Божиаго не взвидѣла — вѣдь товару-то 15-ти лѣтъ еще полныхъ не было, а купцу-то подъ 50-ть. Да и вообще, что въ немъ было жениховскаго? — Сапоги смазные, лягтиарные, тулуцъ чуть не нагольный, шапка самая простая, да та-

¹⁾ У насъ имѣется превосходно сдѣланная подъ руку Шевченка копія этого стихотворенія изъ альбома Е. Б. фонъ-Шмидгофъ. Копію эту списалъ въ 1862 г. въ Харьковѣ мужъ артистки М. К. Шмидгофъ, а намъ любезно передалъ ее А. М. Лазаревскій. Видно, что Е. Б. Шмидгофъ забыла это стихотвореніе, т. к. въ приведенномъ ею текстѣ пропущены некоторые стихи, а иные передѣланы, сравнительно съ той копіей, какая имѣется у насъ.

кая страшная и въ патетических минуты Тараса Григорьевича хлопающаяся на полъ въ день по сотни разъ. Послѣ долгихъ, жаркихъ разговоровъ рѣшили—ждать годъ, а то и два... Уѣхалъ Тарасъ Григорьевичъ вскорѣ въ Питеръ, и кто же не помнить, что творилось во время его пріѣзда туда!... Много писемъ было получено моимъ отцомъ отъ Тараса Григорьевича,—а прямого отказа все не было, но.. пріѣхалъ изъ Екатеринбурга Максимилианъ Карловичъ Шмидгофъ и произвелъ на Катрусю сильное впечатлѣніе... Такъ что какъ-то на Пасхѣ послали Тарасу Григорьевичу отвѣтъ съ окончательнымъ отказомъ... Во время пребыванія Тараса Григорьевича въ Нижнемъ въ гости къ нему пріѣзжалъ Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ и, по желанію Шевченка и нижегородцевъ, узнавшихъ о пріѣздѣ великаго артиста, онъ сыгралъ нѣсколько спектаклей.

«Т. Г. а ему въ угоду и Михаилъ Семеновичъ,—продолжаетъ Е. Б.,—учили меня малороссийскому языку и вдолбили роль «Тетяны», въ оперетѣ «Москаль Чаривныкъ», такъ что и по сей часъ я ее, какъ «Отче нашъ», звулю. Въ «Москаль Чаривныкъ» играла я «Тетяну» а въ «Мирондолинѣ» — заглавную роль. Обѣ эти роли проходилъ со мною геніальный артистъ, самъ М. С. Щепкинъ!..

Къ помѣщаемымъ двумъ рисункамъ Т. Г. Шевченка. Читателямъ, конечно, хорошо известны разнообразные портреты Т. Г. Шевченка, болѣею частю приложенные къ его Кобзарю разныхъ изданій. Многіе изъ этихъ портретовъ рисованы самимъ поэтомъ въ разные годы его жизни и общественныхъ положений. Большинство такихъ авто-портретовъ собрано въ послѣднемъ художественномъ изданіи В. В. Тарновскаго «Офорты Т. Г. Шевченка» (Кievъ 1891 г.—сто экземпляровъ, не бывшихъ въ продажѣ); но въ коллекціи нашего уважаемаго любителя и собирателя мѣстной старины и листопримѣчательностей имѣется еще одинъ портретъ Шевченка, рисованный имъ самимъ въ молодые годы. Этотъ карандашный портретъ, благодаря любезности собственника его, предоставившаго намъ право издать его фототипіей при нашемъ журнале, мы и помѣщаемъ теперь, какъ очень характерный по простотѣ и выразительности физиономіи, рѣзко отличающихся этотъ оригиналъ отъ другого, известнаго уже раньше, гдѣ тоже поэтъ нашъ представленъ въ молодые годы.

Второй рисунокъ—хата, въ которой родился Шевченко, въ с. Кирilloвкѣ. Рисунки такой хаты были помѣщены уже въ иллюстриро-

ванныхъ изданіяхъ, но не съ этого оригинала, достовѣрность кото-
рого не подлежитъ сомнѣнію, такъ-какъ онъ находится въ альбомѣ
рисунковъ Т. Г. Шевченка, принадлежащемъ тоже В. В. Тарновскому,
и на немъ сдѣлана подпись со словъ самого художника ¹⁾).

Воспоминанія о покойномъ А. А. Потебнѣ. Послѣ смерти вы-
дающагося по умственнымъ силамъ человѣка получаются особую цѣну
всакія воспоминанія объ особенностяхъ его нравственнаго и умствен-
наго содержанія: самостоятельно проявляться они уже не могутъ и
становятся достояніемъ исторіи. Смерть извѣстнаго члена Академії
Наукъ и профессора Харьковскаго университета А. А. Потебни вы-
звала уже такого рода воспоминанія одного изъ бывшихъ его слуша-
телей А. Горнфельда, помѣщенные имъ въ «Харьковскихъ Вѣдо-
стяхъ» (№ 332 отъ 29 декабря прошлаго года). Въ виду того силь-
наго вліянія, какое имѣлъ покойный сотрудникъ «Кіевской Старинѣ»
на развитіе и направленіе не однихъ только филологовъ, но вообще
всего учащагося юношества, перепечатываемъ эти воспоминанія, ха-
рактеризующія А. А. Потебнью, какъ профессора-учителя.

Лекції А. А. Потебні.

(Изъ воспоминаній бывшаго слушателя).

Время, непосредственно слѣдующее за смертью выдающихся лю-
дей, чаще всего вызываетъ воспоминанія; острое чувство потери
человѣка дѣлаетъ эти воспоминанія ярче и живѣе. Безвременная
смерть А. А. Потебни пришла такъ неожиданно, что не сразу дала
опомниться; теперь-же, когда непосредственное ощущеніе тяготы ос-
тыло, отстоилось, я позволяю себѣ подѣлиться съ другими нѣкото-
рыми воспоминаніями о лекціяхъ покойнаго профессора. Я не раз-
считываю дать что нибудь цѣльное и законченное вродѣ характери-
стики профессора—я былъ у него только случайнымъ слушателемъ
въ теченіе одного года, и центръ тяжести моихъ занятій лежалъ
тогда въ другомъ мѣстѣ; я думалъ только почтить дорогую мнѣ па-
мять усопшаго—внести и свою долю въ матеріалы для его будущей
біографіи и, если удастся, сообщить другимъ хоть незначительную
частицу того настроенія, какое создавала для насъ его лекція.

Это было въ весеннемъ семестрѣ. Я скучалъ въ сборномъ залѣ
въ ожиданіи лекцій, когда ко мнѣ подошелъ знакомый студентъ—ма-

¹⁾ Объ этомъ альбомѣ см. „Кіевская Старина“ 1886 г. № 2.

тематикъ: «Пойдемъ, послушаемъ Потебню». — «Вотъ охота,—какой нибудь перебой звуковъ? И такъ скучно.» — «Нѣтъ, теорія словесности—и, право, хорошо.» — «Пойдемъ пожалуй.» Съ тѣхъ поръ я не пропускалъ этихъ лекцій; впечатлѣніе, вынесенное мною изъ первой лекціи, только усиливалось въ теченіе послѣдующихъ; все показалось мнѣ здѣсь новымъ, необычнымъ и своеобразнымъ, все призывало къ иному отношенію къ дѣлу и къ словамъ профессора. Какъ теперь, помню эту маленькую аудиторію, десятокъ слушателей и серъезную, вдумчивую рѣчь учителя. Да, для настѣ это былъ именно «учитель» въ наиболѣе возвышенномъ смыслѣ, учитель, принесшій сюда всего себя—всю многолѣтнюю работу мысли, всѣ свои неисчерпаемыя богатства знанія, всю горячую любовь къ истинѣ, философское міросозерцаніе и—самое дорогое въ немъ—чисто юношеское одушевленіе, сообщавшееся непосредственно слушателямъ.

Уже съ самаго начала вась подкупала эта своеобразная манера изложенія: это былъ простой разговоръ о весьма сложныхъ вещахъ. Ничего, напоминающаго рѣчь съ каѳедры, приготовленную, плавную, искусственную. Точная, ясная, скатая, какъ на мѣди гравированная, формула создавалась чаще всего здѣсь, на нашихъ глазахъ. Онъ останавливался, задумывался, рылся въ своей сѣренѣкой папкѣ, перебиралъ и перечитывалъ бумажки; мы ждали, пока онъ съ напряженіемъ, обличавшимъ сильную работу мысли, задумчиво, сосредоточенно, раздѣльно выставлялъ положеніе; затѣмъ преходилъ къ его развитію или обоснованію. Иногда онъ спрашивалъ: «Понимаете?» — и, несмотря на утвердительный отвѣтъ, посмотрѣвъ на студентовъ, говорилъ: «Нѣтъ, не понимаете» — и излагалъ мысль снова, въ другой связи, въ другомъ развитіи. Иногда лекція переходила въ діалогъ: онъ спрашивалъ, заставлялъ студентовъ самихъ задуматься, пользовался ихъ ошибками для дальнѣйшихъ выводовъ, указывалъ на характерность и психологическую необходимость этихъ ошибокъ. Несмотря на то, что въ его рѣчи не было ничего предвзятаго, подготовленнаго,—все было рассчитано на то, чтобы будить и будить мысль, дѣлать ее ясной, послѣдовательной, самостоятельной. Процессъ мысли совершался въ немъ такъ наглядно, такъ вынуло, я сказалъ бы—такъ изящно, что ученика втягивало въ эту работу. Вы не были пассивнымъ слушателемъ, а какъ бы сотрудникомъ, потому что эти идеи не усваивались легко: онѣ требовали самодѣятельности. Это не было гладкое изложеніе элементарной системы цеховой науки—наука создавалась здѣсь, и вы участвовали въ ея созданіи. Слушатель уходилъ изъ ауди-

торін не съ готовыми общими мѣстами, а съ новыми мыслями, продолжавшими свое теченіе и на другой лекціи, и дома, и въ вечерней товарищеской бесѣдѣ. Вся система изложенія вела не къ удобству запоминанія, а къ возбужденію мышленія. Иногда, высыпавши цѣлую груду разнообразныхъ и на первый взглядъ несвязныхъ фактовъ, профессоръ вдругъ освѣщалъ ихъ такимъ захватывающимъ обобщеніемъ, что слушателя словно освѣнило. Иногда онъ вдругъ выставилъ положеніе интересное и важное, но совсѣмъ не связанное съ предыдущимъ и послѣдующимъ, какъ будто онъ только что всомнѣвилъ это и, боясь позабыть, спѣшилъ подѣлиться съ нами. Помню — одинъ разъ онъ разбиралъ ученіе Аристотеля объ элементарныхъ формахъ поэтическаго творчества, читалъ много выписокъ, но не успѣлъ сдѣлать вывода; звонокъ прозвонилъ, онъ остановился, задумался и вдругъ сказалъ: «искусство всегда идетъ впереди науки: ну-да, такъ оно и должно быть. Въ вопросахъ соціологии и психологіи это особенно очевидно». Связи съ предшествующимъ не было никакой, но такъ дѣятельна была его мысль, такимъ широкимъ путемъ шла, что для насть ея теченіе было всегда какъ-то шире того, что непосредственно касалось излагаемаго предмета: факты, сообщаемые имъ, будили новые отвлеченія въ другихъ областахъ мысли, и онъ бросалъ ихъ мимоходомъ. Особенно часто это приходилось на долю психологіи, и его психологическіе выводы изъ филологическихъ фактовъ были чрезвычайно интересны; такъ, припоминаю для примѣра выраженіе путемъ исторіи языка того общеизвѣстнаго положенія, что врожденныхъ категорій времени, пространства и т. д. человѣкъ не имѣеть, что онъ рождается только со способностью воспріятія. Къ истинѣ можно вести по глухой троинкѣ и по широкой дорогѣ; онъ велъ насть этимъ послѣднимъ путемъ, не забывая указывать на каждое встрѣчное явленіе, на каждый интересный фактъ. И вся эта масса фактовъ, разнообразныхъ и сложныхъ, свободно запоминалась, легко укладываясь въ обобщенія, которыхъ она иллюстрировала. На этихъ иллюстраціяхъ стоитъ особенно остановиться. Все вело профессора къ тому, чтобы обставлять свою мысль множествомъ примѣровъ, дѣлать ее какъ можно болѣе конкретной — его строго положительный методъ изслѣдованія, его основные идеи о значеніи образа, его поэтическая натура, его обширныя знанія. Онъ легко, широкой рукой черпалъ груды доказательствъ изъ области сравнительного языкоznанія, исторіи литературы, философіи, психологіи. Русское словечко только что выхваченное изъ недръ народной жизни — и Изре-

ченіе» Гете, «Гамлетъ» и «Египетскія ночи», новелла Боккачіо и фраза изъ «Коннерфильда», книга Аристотеля и замѣткіе Буслаева, Гейне и Ливій, Апулей и Мицкевичъ, поговорка и романъ, пѣсенька и поэма—проходили чредой предъ ученикомъ, разомъ вызывая, развивая и подкрепляя требуемую мысль. Безконечное разнообразіе и богатство отдельно, мимоходомъ, между прочими брошенныхъ цитать, сравнивай, соопоставленій, замѣткій дѣлали изъ этой простой тихой бесѣды блестящую, точную и остроумную causerie. И затѣмъ, это художественное чтеніе образцовъ литературы, этотъ благородный складъ рѣчи, этотъ изящный, поэтический, рельефный языкъ—все вело къ тому, чтобы вполнѣ отдаваться содержанію этой рѣчи.

И здѣсь мы встрѣтили нечто совершенно неожиданное. Новый міръ открывался предъ изумленными учениками. Изслѣдованию произведеній искусства давались такія точныя, истинно научныя основы, о какихъ еще мечтаетъ теорія искусства. Тѣ самые вопросы, которые по неясной постановкѣ, по партійнымъ вліяніямъ, по неумѣнію и незнанію служить яблокомъ раздора въ критической литературѣ, здѣсь получали, если не рѣшеніе, то путь къ нему, ироверенный и надежный. Иначе и быть не могло при данномъ методѣ: то, что рѣшалось у насть исходя изъ предвзятыхъ произвольныхъ положеній, сгроилось здѣсь только изъ вѣрнаго, очищенного научной критикой материала. Этотъ позитивизмъ былъ особенно неожиданъ въ области, гдѣ таikъ властно царятъ до сихъ поръ нѣмецкая метафизика «курсовъ» теорій словесности и прогрессивные или консервативные «принципы» журнальныхъ критиковъ, равно беспочвенные, равно априорные, равно оторванные отъ живыхъ явленій въ сферѣ искусства, равно занимающіеся не тѣмъ, что есть, а тѣмъ, что имъ было-бы желательно. И эти разнообразныя литературныя мнѣнія примирялись здѣсь не путемъ натяжекъ и уступокъ, не валымъ безразличіемъ, не той «широкостью», которую Достоевскій противополагалъ широтѣ: въ новомъ свѣтѣ основныхъ идей профессора объединялись эти противоположныя теоріи; въ его широкомъ взглѣдѣ на творчество и его законы было мѣсто всякимъ мнѣніямъ и, повторю, не въ ущербъ категорической опредѣленности этого взгляда и не въ угоду эклектической формулы: «съ одной стороны нельзя не сознаться» и т. д. Надѣ этой распилывчатостью онъ любилъ посмѣяться и, помнъ съ улыбкой объяснялъ, что значить выраженіе «пальцемъ въ небо». «Небо, говорилъ онъ, велико и почасть въ него не трудно—куда ни ткни, вездѣ будетъ небо; а вотъ опредѣленную точку въ небѣ ука-

зать...» И къ чужому мнѣнію онъ всегда умѣлъ отнестись съ тѣмъ высоко академическимъ таکтомъ, который свойственъ лишь людамъ, стоящимъ на высотѣ знанія: чужая мысль отвергается неограниченно, рѣзко, непреклонно—и въ то же время такъ мягко и деликатно, какъ будто затрагивается душевная жизнь самаго близкаго человѣка.

Это, между прочимъ, особенно ярко и любопытно проявилось на отношеніяхъ профессора къ известной диссертациі «Эстетическая отношенія искусства къ дѣйствительности», основной взглядъ которой (о превосходствѣ дѣйствительности надъ искусствомъ) былъ съ его точки зрѣнія только плодомъ печального недоразумѣнія. Здѣсь не мѣсто, конечно, излагать тѣ воззрѣнія, которыхъ онъ ставилъ исходнымъ пунктомъ своей «теоріи словесности». Кой что онъ успѣлъ высказать въ своихъ печатныхъ трудахъ, кой что заключается, быть можетъ, въ его посмертныхъ произведеніяхъ, которыхъ, надо надѣяться будутъ изданы. Глубина, богатство и значеніе его взглядовъ въ этой области и, въ частности, въ вопросахъ психологіи творчества, достаточно ограждаются ихъ отъ изложенія въ скромныхъ воспоминаніяхъ случайного слушателя. Мнѣ хотѣлось только указать на одну характерную и, смѣю думать, многообѣщающую особенность его метода: на стремленіе вести изслѣдованіе отъ простыхъ формъ къ болѣе сложнымъ. Опредѣляя искусство, какъ мышленіе въ образахъ, онъ излагалъ долгую и сложную исторію языка; слово являлось въ этой исторіи продуктомъ послѣдовательныхъ переходовъ мысли, гдѣ каждый переходъ былъ созданіемъ нового образа: исторія языка становилась исторіей искусства и поэтическое выраженіе дѣжалось не матеріаломъ, не украшеніемъ рѣчи, а самостоятельной, элементарной, простѣйшей формой художественного творчества. И, какъ естественные науки, разлагая сложныя явленія на простѣйшія или выбирая для изслѣдованія изъ системы явленій наименѣе сложныя, достигли громадныхъ результатовъ, такъ и въ этой области примѣненіе метода изслѣдованія элементарныхъ формъ, привело къ блестящему успѣху.

Я хотѣлъ бы теперь сказать нѣсколько словъ о томъ нравственномъ воздействиіи, какое оказывалъ профессоръ на слушателей, но я мало вращался въ кругу его профессиональныхъ, постоянныхъ учениковъ, студентовъ-филологовъ; позволяю себѣ поэтому разсказать кой-что о тѣхъ немногихъ, съ которыми я былъ близокъ. Духовное влияние профессора на мой кружокъ было громадно. Въ эти тяжелые дни смѣщенія понятій, отрицанія «забытыхъ словъ», мы неожиданно встрѣтились съ такимъ возвышеннымъ, поистинѣ «человѣческимъ»

созерцаніемъ, какое знали только изъ книгъ, да и то едвали понимали по настоящему. Профессоръ наполнялъ своей личностью, своимъ содержаніемъ своимъ возврѣніями; за ученымъ мы видѣли человѣка за теоретическими изложеніемъ специальной науки намъ видѣлась другая правда, которая передавалась намъ не доказательствами, а убѣжденіемъ, не логическимъ анализомъ, а настроениемъ. Ни въ партійной узости, ни на распутьи оставаться было нельзя—насъ тянула эта широта взглядовъ, это проникновеніе въ суть явленій, это стремленіе индивидуализировать явленіе, не вгоняя его насильно въ прямолинейная обобщенія; съ другой стороны, зарождалось убѣжденіе, что широта не есть индифферентизмъ, что даромъ она не дается—надо имѣть на нее право, что мало хотѣть—надо умѣть и смѣть быть широкимъ, что она, наконецъ,—тоже крестъ, ибо требуетъ жертвъ и приносить отвѣтственность.

Въ лекціяхъ по теоріи словесности не могли, конечно, имѣть мѣсто тѣ «вѣчные вопросы», которые составляютъ официальный удѣль философа и теолога,—но именно эти вопросы составляли фонъ многихъ лекцій—и въ какой формѣ, въ какой обработкѣ.. Съ горящими глазами, съ задумчивой улыбкой, съ волненіемъ человѣка, говорящаго о «самомъ важномъ», профессоръ дѣлился съ учениками продуманнымъ, пережитымъ, старался ввести ихъ въ свое міровоззрѣніе, въ свое пониманіе истины. Для насъ это было по истинѣ «новое слово»,—новое до неожиданности и выѣстъ съ тѣмъ удивительное по той быстротѣ, съ какой оно становилось близкимъ, своимъ, понятнымъ, по той пластичности, съ какой входило въ составъ міросозерцанія Стѣны маленькой аудиторіи раздвигались. Предъ взъюженіемъ слушателемъ вставалъ безконечный просторъ царства мысли, царства правды. Это было то, зачѣмъ мы шли въ университетъ...

Я вспоминаю рядъ лекцій, носившихъ неопределеннное название «Обзора поэтическихъ произведеній». Профессоръ пытался объединить иѣсколько весьма далекихъ другъ отъ друга произведеній общей идеей: идеей одиночества личности въ «потокѣ событий» и—еще шире—идеей сопоставленія единицы съ безконечнымъ. «Мѣдный Всадникъ», «Германъ и Доротея», санскритская басня и «Шансия о Горѣ Злосчастья» получали новое истолкованіе, оригинальное и глубокое, являлись въ новомъ свѣтѣ и, объединенные въ этомъ широкомъ обобщеніи, приобрѣтали особенное значеніе. Это былъ блестящий образецъ истинной критики—научного изслѣдованія произведенія искусства; ученый изслѣдователь не гнался за указаніемъ недо-

статковъ или виѣшнихъ достоинствъ, съ точки зреїнїа теорії «прикладнаго» или «чистаго искусства»; онъ не уходилъ въ библіографи-ческія подробности, онъ, наконецъ, и не занимался здѣсь публицисти-кою, выясненiemъ общественного значенія произведенія—онъ захва-тывалъ глубже; поэтическое произведеніе, вновь перечувствованное и придуманное, вставало предъ ученикомъ въ новомъ пониманіи, во всей своей цѣлостности, красотѣ и глубинѣ, ученику сообщалось «настрое-ніе» произведенія, его внутренній міръ, его психика—отсюда и истин-ное пониманіе его значенія. Два критерія выставлялъ профессоръ для оцѣнки поэтическаго произведенія: новизну обобщенія и широту его. Съ одной стороны, произведеніе постольку важно, поскольку оно вно-сить что-нибудь новое; оно велико, если оно—далнѣйшая ступень въ исторіи мышленія, если оно—дѣйствительный «переходъ мысли отъ извѣстнаго къ неизвѣстному»; съ другой стороны, поэтическій образъ тѣмъ выше, чѣмъ обобщеніе, заключенное въ немъ, шире, многостороннѣе, живучѣе, чѣмъ большій кругъ разнообразныхъ явле-ній дѣйствительности оно захватываетъ. Съ этой точки зреїнїа па-дала, конечно, общественно-партийная оцѣнка произведенія, но тѣмъ яснѣ выступало его истинное значеніе,—общественное въ самомъ высокомъ смыслѣ. Но это не все: тотъ смыслъ, который профессоръ придавалъ указаннымъ произведеніямъ, требовалъ уясненія самой идеи безконечнаго,—и онъ съумѣль это сдѣлать съ той душевной тонкостью, той поэтической жизненностью, той недоказывающей убѣ-дительностью, которая давала не мертвое пониманіе сухой схемы, а вѣру—вѣру въ безконечное безъ логического построенія его идеи. Насъ охватывала эта атмосфера мышленія, это волненіе творчества, это мучительное счастье стремленія къ истинѣ, той, настоящей, большой истинѣ; намъ сообщалась эта невысказанныя горячая вѣра въ будущее. Въ отвѣтъ на слова учителя нашъ внутренній міръ вибрировалъ въ томъ же тонѣ, томъ-же тембрѣ, въ томъ-же настрое, ніп. Мы не аплодировали—это было важнѣе рукоплесканій,—но каждый уносилъ домой сознаніе, что съ нимъ произошло иѣчто хо-ропшее, что сегодняшній день не потерянъ, что жить и работать еще можно—и должно... Такова была эта теорія словесности.

Предо мной лежитъ его портретъ. Не знаю, какъ для другихъ—для меня это лицо полно необычайной красоты. Эта громадный, сильный лобъ, эта тонкая, задумчивая улыбка, эта добрая складка рта и пытливый властный взглядъ, это «нездѣшнее» спокойствіе,—печать высшаго напряженія духа въ этомъ слабомъ старческомъ тѣлѣ.

И это слабое тѣло еще усиливало впечатлѣніе этой исключительной жизни духа, такъ часто напоминая слова Гегеля о Гете! «Какъ одѣжда восточного жителя едва держится на его станѣ и готова упасть съ плечъ, такъ и тутъ вы видите, что тѣло готово отпасть, а духъ воспринуть во всей славѣ и спокойствіи».

И оно отпало, это слабое тѣло. Тяжело подумать, какъ много унесъ этотъ человѣкъ въ могилу, какъ много невысказаннаго, недоговореннаго ушло вмѣстѣ съ нимъ. Тяжело людямъ науки терять такого мыслителя, но намъ, имѣвшимъ счастье духовнаго общенія съ нимъ въ трудные минуты, безвременія, еще тижелиѣ потерять человѣка, который зналъ и умѣлъ учить, «чѣмъ люди живы».

Берлинъ, 19/21 декабря 1891.

Выставка картинъ киевскихъ художниковъ. Настоящая выставка — кажется четвертая съ тѣхъ поръ, какъ началась попытка мѣстныхъ художниковъ экспонировать свои произведенія въ Кіевѣ. Общимъ своимъ впечатлѣніемъ она довольно точно отражаетъ тотъ современный Кіевъ, стоящій на перепутьи этнографическихъ группъ, гдѣ не возьметъ преобладанія ни одинъ культурный типъ и не пропадетъ самобытнымъ цвѣтомъ, гдѣ разнородные элементы тянутъ каждый въ свою сторону, гдѣ въ псевдо образованномъ обществѣ такъ незначительна интеллигентная группа, гдѣ, при общемъ упадкѣ вкуса, такъ слабъ интересъ къ продуктамъ ума и воображенія. Большинство картинъ какъ будто принаровлено къ неприхотливой мѣщанской обстановкѣ, а разнородныя вліянія, замѣтныя въ пріемахъ художниковъ, не даютъ никакой ясной, господствующей ноты.

По обыкновенію, включены картины художниковъ не киевскихъ, но находящихся въ Кіевѣ: Айвазовскаго, Крамского, Ковалевскаго и Клевера. О нихъ говорить нечего. Мѣстная производительность опять преимущественно сосредоточилась на пейзажѣ, причемъ общий уровень работъ очень, очень не высокъ. Кой-кто изъ прежнихъ участниковъ, подававшихъ надежды, присутствуетъ теперь только совершенно незначительными этюдами, какъ напр. г. Святославскій. Огромная картина г. Галимскаго «Лѣсная глушь» — вещь декоративная и явно навѣянная известными работами Шишкина въ этомъ родѣ, но все же это заслуживающая поощренія попытка перехода отъ крошечныхъ эпизодовъ фотографического характера къ живописи въ собственномъ смыслѣ слова. Рѣшительно выдаются на выставкѣ только

три холста г. Ращевского: «Десна», «Dolce far niente» (прудъ въ саду и лягушки, грѣющиа на солнцѣ) и «Къ экзамену». Въ пейзажахъ г. Ращевского есть несомнѣнное чувство природы, чувствуется талантливость.

Немного болѣе искренности, правды въ краскахъ и того, что французы обозначаютъ непереводимымъ словомъ *abandon*—и въ лицѣ «Ращевского мы будемъ имѣть пейзажиста, выходящаго изъ раду». Его картина «Къ экзамену» задумана очень мило. Среди цвѣтущаго сада молодая дѣвушка растянулась на скамейкѣ, отбросивши прочь скучную книгу. Лицо ея разгорѣлось, и видно, что думы, не имѣющія ничего общаго съ школьнымъ міромъ, волнуютъ ее. Это выраженіе горячей молодости и даетъ интересъ картины, и выгодно говоритъ о свободномъ вдохновеніи художника. По взгляду рутины, на подобную тему надо-бы изобразить благонравную гимназистку, да еще пожалуй въ очкахъ. Статуэтка изъ воска того же автора «Поприщина» болѣе чѣмъ прекрасная попытка, свидѣтельствующая разносторонность талантливой натуры художника.

Изъ кіевскихъ живописцевъ, пріобрѣтшихъ нѣкоторое имя, замѣтнѣе другихъ всегда работы г. Пимоненка. На этотъ разъ всѣ пять его картинъ довольно сѣренѣкаго уровня. Лучше другихъ «Сваты», съ удачными фигурами пьющихъ стариковъ и просватанной дѣвушкѣ. Изъ жанровъ сравнительно лучшее впечатлѣніе производятъ еще этюды г. Глобы. Въ нихъ какъ будто есть присутствіе души, животворящей этотъ родъ живописи, между тѣмъ какъ ея совершенно лишены на выставкѣ всѣ другія попытки этого рода. Картины г. Платонова, постоянного экспонента и преподавателя мѣстной школы рисованія, при неизмѣнности своихъ сюжетовъ («скаризницы», «дурнушки», «замарашки» и т. п.), на этотъ разъ написаны крайне небрежно и обнаруживаются рѣшительный упадокъ въ работахъ этого автора, имѣющаго своихъ поклонниковъ. Еще печальнѣе въ этомъ смыслѣ пейзажи г. Вжеша. Это полная ремесленность, уже близкая къ той пачкотнѣ, образцами которой могутъ служить произведенія г. г. Будкевича, Попова, Мурашка, Эртеля, г-жи Дюлемды и другихъ, непонятно какъ допущенные на выставку. Вкусомъ и хорошимъ рисункомъ, среди картинокъ начинаяющихъ авторовъ, отличаются двѣ венцицы г. Данилова, изображающія полевые цвѣты.

Особнякомъ въ этомъ царствѣ пейзажа (не лишенномъ въ общемъ нѣкотораго сходства съ зеленымъ соусомъ) стоитъ огромный холстъ г. Катаринскаго «Оргія». Это одинъ изъ образцовъ между

народного искусства, въ которомъ подвизаются Макартъ, Семирадскій и проч. Немнога менѣе блеску и таланта—вотъ вся разница. Изъѣстно, что художники этой группы чувствуютъ особенное влечение къ изображенію римской жизни временъ упадка. Г. Катарбинскій вѣренъ завѣтамъ этой космополитической группы. Картина его, быть можетъ и хорошо написанная, не имѣеть впрочемъ ничего общаго съ попытками мѣстнаго искусства.

Въ концѣ концовъ, за исключеніемъ прекрасной индивидуальности г. Рашевскаго, киевская выставка 1892 года не даетъ ничего, что можно было бы записать въ активъ мѣстному искусству. Но искренно слѣдуетъ желать, чтобы эти ежегодныя выставки удержались, хотя покуда они остаются еще по большей части полемъ, ждущимъ своихъ дѣлателей.

Z.

Письмо В. Ганки къ министру нар. прос. гр. Уварову. Предлагаемое письмо, по всѣмъ видимымъ даннымъ, вѣроятнѣе всего писано известнымъ чешскимъ славянофиломъ и ученымъ Вячеславомъ Вячеславичемъ Ганкою въ тогдашнему русскому министру народного просвѣщенія гр. Уварову. Что письмо писано именно Ганкою, а не кѣмъ нибудь другимъ, это видно, во 1-хъ, изъ самаго содержанія и, таѣкъ сказать, окраски этого письма, отмѣченаго такимъ глубокимъ всеславянскимъ чувствомъ, какое могло быть тогда только у Ганки¹⁾, а во 2-хъ, изъ первого примѣчанія къ этому письму, принадлежащаго самому писавшему его: «Мнѣ лѣстили, что былъ въ началѣ 18 столѣтія въ Силезіи какой то *Hanske* славный поэтъ; но я сказалъ профессору, что я не изъ Силезіи и что если человѣкъ самъ не прославится, имъ другаго его не прославить».

A. С—чъ.

Ваше Высокопревосходительство Милостивѣйшій Государь.

Милостивое удовлетвореніе просьбы моей относительно продолженія пребыванія въ Прагѣ г. Иванишева для окончанія лекцій

¹⁾ Такова, напр., основная мысль письма—открытие при русской Академіи Наукъ славянского отдѣленія съ шестью, какъ выражается Ганка, „мѣстами“, изъ коихъ одно должно быть предоставлено, между прочимъ, малоруссамъ; эта мысль высказывалась имъ и прежде сего. Таковъ взглядъ на историческое и политическое значение нѣмецкаго разселенія среди славянъ и вообще стремленія нѣмцевъ въ востокъ... „Этотъ (т. е. нѣмецкій) гибельный для насъ потокъ не только еще не остановился, но укрѣплялся на занятыхъ имъ мѣстахъ, возрастаетъ и движется далѣе и далѣе къ востоку Европы“.

древняго права чешскаго внушаетъ мнѣ смѣлость объявить Вашему Высокопревосходительству мысли, которыя въ настоящее время для всего славянства вообще, а для Россіи особенно полезными быть считаю, если онъ удостоится благосклоннаго вниманія и могущественнаго покровительства Вашего.

До сихъ поръ славянскіе народы безъ всякаго пособія правительства или частныхъ лицъ болѣе или менѣе удерживали единобразіе въ языкахъ и мысляхъ, и въ тѣхъ странахъ особенно, гдѣ православіе понынѣ господствуетъ, какъ на Востокѣ и на Западѣ, хотя жъ оно такъ рано и истреблено, однако жъ еще нѣкоторые корешки свои обнажаютъ. Конечно, что отъ средоточія исходящіе лучи чѣмъ болѣе отъ него расходятся, тѣмъ разнообразнѣйшій цвѣтъ показываютъ. Все это различіе дѣжалось въ нравахъ и въ языкахъ постепенно и почти незамѣтно; но нынѣ, когда просвѣщеніе съ такимъ успѣхомъ повсюду распространяется, начинаетъ болѣе, нежели когда либо, чувствовать необходимость точной славянской терминологіи относительно наукъ, основанной на живомъ народномъ словѣ, болѣе понятной и естественной, нежели заимствованной изъ иностраннѣыхъ языковъ, потому еще необходимѣе, чтобы каждая отрасль великаго народа нашего безъ потери времени и излишнихъ издержекъ, какъ для ученыхъ, такъ и для учащихся, желаемаго и всѣмъ нужнаго средоточія не чуждалась. Для сего только недостаетъ высокаго покровительства и пособія. Терминологія у такъ распроспраненнаго народа почти полна, но она разсѣянна: тотъ имѣеть при морѣ морскіе, тотъ въ горахъ горные, тотъ опять въ равнинахъ хозяйственныя и такъ далѣе слова; сіи слова должно только другъ у друга заимствовать, и только недостающихъ предоставлать, чтобы ихъ искусный языкоиспытатель въ духѣ славянскаго языка возсѣдалъ и такія totчасъ всѣмъ племенамъ сообщилъ.

Исторія хорошо знаетъ, какими средствами южная Панонія, западная Славянщина на Санѣ, Эльбѣ и Одрѣ истреблена и другие славянскіе племена истребляются. Честь и знаменитость ихъ, полагаю, въ нашъ вѣкъ требуютъ положить всему этому предѣлы. О! сколь много къ небу взывающаго сдѣлано съ нами... Не говоря о тысячи мѣрахъ и притѣсненіяхъ, устремленныхъ прямо для уничтоженія славянства на западѣ, упомяну о нѣкоторыхъ и еще не столь начительныхъ, — и такъ напр.: Австрія отчуждаетъ Славянства познаніями или богатствомъ отличающихся своихъ подданныхъ, ~~возвышая~~ ихъ въ дворянство съ прибавленіемъ къ ихъ славянскому прозванію нѣ-

мецкихъ проименованій (*praedicati*), напр., Звѣрина *von Rüchwald*, Колика *von Jäthenstan*, Новакъ *Neuberg* и т. п., какъ то въ вѣнскихъ придворныхъ вѣдомостяхъ ежедневно можно начитывать. Таковая сугеста льстить этимъ добрымъ людямъ: они уже подициаются дарованнымъ своимъ проименованіемъ, отказываясь навсегда отъ первобытной своей фамиліи; такимъ образомъ дѣти и внуки ихъ, забывъ свое происхожденіе, дѣлаются не только вѣрными нѣмцами, но жесточайшими врагами всего славянскаго. Такимъ же образомъ и профессора заставляютъ студентовъ своихъ славянскія ихъ фамиліи переиначивать или искажать въ нѣмецкія, особенно если онѣ хотя нѣсколько похожи на какое-либо нѣмецкое слово, и мало найдется такихъ, которые бѣ, какъ я, или Копытаръ, такому переиначиванію воспротивились¹⁾. Такъ Клазарь долженъ быть *Plasel*, Заверталь — *Sauerthal*, Пѣшица — *Beschützer* etc. etc. etc. и чрезъ сie большая часть прославившихся нашихъ земляковъ къ нѣмцамъ причисляются. Нѣмцы, хотя-жъ бы въ концѣ свѣта были, имѣютъ безпрерывное сообщеніе между собою относительно сохраненія въ цѣли своей народности и врожденной имъ страсти господствовать, если же не такъ, то по крайней мѣрѣ въ литературныхъ и промышленныхъ отношеніяхъ и хотя-жъ бы и на славянской земли рождены были и языкъ славянскій изучили, доколѣ у нихъ нѣмецкое прозваніе, то находятся всегда, какъ на вѣсахъ, въ безпрерывной нерѣшимости, къ какому принадлежать народу, но при первомъ удобномъ случаѣ въ свою пользу измѣняютъ.

Мое политическое мнѣніе состоитъ въ слѣдующихъ словахъ: «Славянъ прославить только познаніе самихъ себя, т. е. когда каждый славянскій народъ точноѣ узнать самъ себя и своихъ братей, тогда и врата Адова не одолѣютъ ихъ».

Полагаюсь на могущественное покровительство вашего высоконепререкордительства, а увѣренъ, что Вашъ Божіймъ внушеніемъ великой Царь такое высокое мѣсто вѣбралъ, и что Вы въ достиженію нижеслѣдующаго достохвалальнаго и толико вожделеннаго всѣми славянскими народами учрежденія прочнаго начала положить не откажитесь, говорю, какъ на сердцу у меня оно состоитъ, въ учрежденіи при Императорской Россійской Академіи шести мѣстъ Славянскаго отдѣленія, которое бы завѣдывало языкознаніемъ и литературою остальныхъ славянскихъ народовъ. Оно должно состоять изъ шести Академиковъ,

¹⁾ Мифъ льстили, что былъ въ началѣ XVIII столѣтія въ Силезіи какой-то *Hanske* славянъ поэтъ; но я сказалъ профессору: что я не изъ Силезіи и что если человѣкъ самъ не прославится, имъ другаго его не прославить.

соответственно шести важнейшимъ нарѣчіямъ, и столько же Адъюнкты, которые бы вмѣстѣ работая, по выбытію изъ своей части Академика, могли занять его мѣсто. Таковой Академией и адъюнкты должны непремѣнно быть уроженцами изъ тѣхъ славянъ, которыхъ языкъ и письменность они имѣютъ за предметъ и должны не только языкъ и литературу своего нарѣчія, но и нравы и обычай и исторію своего народа знать въ совершенствѣ и по своей части съ новыми произведеніями литературы состоять въ безпрерывныхъ наблюденіяхъ, связи и отношеніяхъ, какъ и доставлять изъ библіотеки Академіи важнѣйшія произведенія. Начальникъ сего отдѣленія, избранный изъ числа Академиковъ, долженъ знать совершенно всѣ Славянскія нарѣчія и смотрѣть на то, чтобы по возможности были всегда 1) для Малоруссако: одинъ изъ южной Россіи и другой изъ Галиціи или Бѣлой Руси, или изъ Закарпатскихъ Руснаковъ; 2) для Сербскою—одинъ изъ Сербіи или Черной Горы, а другой—изъ Босніи или Булгаріи; 3) для Иллірійскою: одинъ изъ Кроаціи, а другой изъ Стирии, Каринтіи, Карніоліи или Далмациі; 4) для Чешскою: одинъ изъ Чехъ, а другой изъ Карпатскихъ Словаковъ или изъ Моравіи; 5) для Сербскою: одинъ изъ Горной, а другой изъ Нижней Лужаціи и 6) для Польскою: одинъ изъ Королевства, а другой изъ Княжества Познанскаго или изъ Кракова. Таковое отдѣленіе приготовляло бы кандидатовъ уроженцевъ Русскихъ на Славянскія каѳедры при университетахъ, которыхъ въ послѣдствіи съ болѣшимъ успѣхомъ возможно было посыпать за границу для усовершенствованія на мѣстѣ; для чего потребовалось бы менѣе времени и издержекъ, нежели нынѣ необходимо. Сверхъ того, это отдѣленіе должно заниматься разборомъ славянскихъ литературныхъ произведеній, и такимъ образомъ возможно бы издавать при академіи давно желаемую литературную всеславянскую газету. На его же обязанности состоять сочинить грамматики, какъ по діалектамъ, такъ и всеобщую сравнительную и составить всеобщій словарь, который бы вмѣщалъ въ себѣ соединеніе богатства всѣхъ славянскихъ нарѣчій, безъ чего очень многое, какъ въ филологіи, такъ и въ исторіи и географіи остается непонятнымъ; и сіе же отдѣленіе, наконецъ, должно написать истинную исторію славянскихъ племенъ и вѣрную географію своихъ земель съ настоящими неискаженными прозв.ніями странъ, горъ, долинъ, рѣкъ, озеръ, обиталищъ, лицъ, чиновъ и сословій¹⁾.

¹⁾ Недавно я читалъ въ „Сівер. Пчелѣ“ извѣстіе о сочиненіи подъ заглавиемъ: „Топографія бузницаверскаго, кениггрецкаго и крудимерскаго округовъ“

Изучение исторіи славянъ, нѣкогда обитавшихъ или и нынѣ еще неисчезнувшихъ въ Пруссіи, Саксоніи и австрійской имперіи, занявшихъ пространство болѣе пятнадцати тысячъ географическихъ квадратныхъ миль, чрезвычайно важно для политика и философа: изъ нея онъ увидѣть, какимъ образомъ бурный потокъ нѣмецкихъ народовъ подавилъ славянскія племена, искони аборигеновъ Европы, кои по своему просвѣщенію нисколько не уступали и не уступаютъ своимъ прѣдѣсториямъ. Весь недостатокъ славянъ состоить въ томъ, что они были, какъ и нынѣ, не соединены между собою никакими политическими узами и нерѣдко враждовали между собою, бывъ подстрекаемы нѣмецкими властями. Мы, западные славяне, остатки великаго знаменитаго племени, господствовавшаго отъ Балтійскаго до Адріатическаго морей, мы нынѣ въ унижениі горько оплакиваемъ неблагоразуміе отцовъ своихъ и молимъ Бога, да прекратить надъ нами свое пощущеніе, и да не погибнемъ совершенно. Наши взоры невольно обращаются къ Россіи, и, утѣша другъ друга, говоримъ: Великій Государь царства русскаго есть славянинъ; Господь напутніего быть нашимъ заступникомъ и спасителемъ. Какъ велико наше утѣшеніе и какъ велика опасность вскорѣ увидѣть свою народность невозвратимо униженную, сіе довольно извѣстно вашему высокопревосходительству. Такъ, въ австрійской имперіи славянское дворянство чеховъ, иллірійцевъ и даже въ Галиції скоро совершенно онѣмечается, если не будетъ противодѣйствія; тоже можно сказать о купцахъ, ремесленникахъ и мѣщанахъ, и гдѣ только лишній ступень земли находится у славянъ, то totчасъ между ними поселятся нѣмецкіе колонисты. Частныхъ законедій для славянскаго воспитанія совсѣмъ нѣть; во всѣхъ публичныхъ училищахъ исключительно употребляется нѣмецкій языкъ. Такимъ образомъ 16 миллионовъ австрійскихъ славянъ неумолимо германизируются. Изучая еще глубокомысленнѣе исторію порабощенія славянъ, можно удостовѣриться, что этотъ гибельный для нась потокъ не только еще не остановился, но укрѣпляясь на занятыхъ ими мѣстахъ, возрастаетъ и подвигается далѣе и далѣе къ востоку Европы... Всѣ междуусобные раздоры славянъ, всѣ недоумѣнія между ними и ихъ правительствами вѣчно обращались въ пользу нѣмцевъ. Словомъ сказать, славяне сами работаютъ на свою погибель и своимъ

вместо болеславскаго, гродецкаго и хрудимскаго—и сносно ли русскому уху московскій телеграфъ? Такъ вѣцы сдѣлали изъ нашихъ великолѣпныхъ имёнъ Болеславъ—*Bunzel*, Вачеславъ—*Wenzel*; Станиславъ—*Stanzel*; Святославъ—*Schwanzel*, Святополкъ—*Schweinbold* etc., etc., etc.

потомъ и кровію возвеличиваютъ инородцевъ, завладѣвшихъ ихъ отечествомъ¹). Что есть для испанцевъ и англичанъ Америка, то для германскихъ народовъ всѣ безъ исключенія славянскія земли—въ этомъ сознаются и самые нѣмцы! все различіе въ томъ, что нѣмецкія завоеванія болѣе мирны, и за то стократъ несправедливѣе и тягостище. Чтобы не говорили о причинѣ вліянія нѣмцевъ на судьбу Россіи, какъ ея чиновниковъ, купечества, ремесленниковъ и колонистовъ и пр., но можно сказать, оно не зависитъ ни отъ особеннаго покровительства, ни отъ случая, но отъ того собственно, что, подчинивъ подъ свою власть двадцать миллионовъ славянъ, часть литовскихъ и финскихъ племенъ, они уже, по ничѣмъ отвратимому року мирнаго занятія странъ на востокѣ Европы, имѣютъ свою неотъемлемую долю, такъ сказать, напередъ ими уже расчитанную и отмежеванную. И такъ, они, не будучи въ Россіи господствующимъ народомъ, пользуются всѣми его выгодами, прикрывая нерѣдко эгидой мнимой пользы и просвѣщенія. Они не имѣютъ никакого стыда обогащаться не стѣть простодушныхъ славянъ. Для нихъ нѣть отечества, но подобно жиdamъ одна выгода, и еще къ тому и страсть къ господству.

Познаніе славянской исторіи еще необходимѣе для русской дипломатіи. И сколько бъ избѣжали они въ XVIII вѣкѣ погрѣшностей при раздѣлѣ Польши. Мы беспристрасные наблюдатели славы и счастія Россіи весьма хорошо знаемъ, что если бы тогдашними дипломатами изучена была собственная русская исторія, то они бы недопустили миллионы малороссійскихъ казаковъ, или иначе среднemu сословію южной Россіи, обитавшему на правой сторонѣ Днѣпра, чтобы ими овладѣла польская аристократія; они бы не допустили, чтобы также исчезло старорусское дворянство; чрезъ это западныя границы имперіи обезсилены, и имя великаго народа русскаго унижено на югѣ. Къ тому же вѣку принадлежить незнаніе, что въ Галиціи простой народъ есть малороссійскій, чрезъ сіе Россія осталась и къ ней холодною.

¹⁾ Уже въ среднихъ вѣкахъ Плясты принимали въ свои владѣнія вѣмеckихъ колонистовъ съ допущеніемъ и съ особыннмъ благопріятствованіемъ употреблять имъ тевтонское право; и такимъ образомъ сдѣлался исподволь *status in statu*; на тузымахъ остались всѣ подати и ловинности, которыхъ по мѣрѣ расширенія сихъ иноплеменныхъ колоній утѣшительнѣе и несноснѣе становились. Такими и еще далеко жесточайшими мѣрами, о которыхъ здѣсь умолкаю, исчезло славянство въ Нижней Силезіи и въ другихъ провинціяхъ нынѣшней Пруссіи, Саксоніи и Австріи.—См. *Urkundensammlung zur Geschichte des Ursprungs der Städte in Schlesien von Tschoppe und Stanzel*. Hamburg bei Perths 1832, особенно стр. 140: та книга заслуживаетъ чтенія.

При учреждениі вышеупомянутаго славянскаго отдѣленія невозможнѣо сомнѣваться, что, при его средствахъ и пособіяхъ, прекрасный русскій языкъ, принявъ въ себя всѣ красоты и обиліе родныхъ братій своихъ, т. е. славянскихъ нарѣчій, развивается въ такую прелесть и силу, что съ сихъ поръ становится неизрѣмѣнно письменнымъ языкомъ семидесяти миллионовъ. О другихъ благопріятныхъ слѣдствіяхъ я совсѣмъ умалчиваю.

При семъ принимаю на себя смѣлость представить вашему высокопревосходительству выбитую чехами въ Прагѣ по случаю въ нашъ городъ прибытія нынѣ достославно царствующаго Императора Николая I серебряную медаль, покориѣшее прошу милостиво ону приять и прилагаемыхъ пять таковыхъ же бронзовыхъ повелѣть доставить собраніемъ монетъ, находящихся при императорскихъ Россійскихъ университетахъ. Равнымъ образомъ прилагаемый здѣсь чешскій часопись за 1838-й годъ.

При семъ съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть.

Въ Прагѣ 1/1 генваря 1839 г.

Къ исторіи г. Киева и его окрестностей въ XV—XVI вв.
(Маленькое прибавленіе къ трудамъ В. Б. Антоновича: «Кievъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI ст.»¹⁾ и М. Ф. Владимірскаго-Буданова: «Населеніе Юго-Западной Россіи»²⁾).

Въ недавнее время глубокоуважаемому Александру Матвѣевичу Лазаревскому удалось пріобрѣсти остатки архива извѣстнагопольскаго государственного дѣятеля первой половины шестисотыхъ годовъ (1604—1646) и колонизатора Сѣверщины, Александра Пясочинскаго³⁾—архива, который, два вѣка спустя, хранился у его потомка Валентина Росцишевскаго въ с. Липовкѣ, киевскаго уѣзда, и которыми въ сороковыхъ годахъ пользовались польскіе ученые: Юліантъ Барташевичъ, Михаилъ Грабовскій, Александръ Пржездѣцкій, а также П. А. Кулишъ⁴⁾. Нѣкоторые документы изъ архива Пясочинскаго

¹⁾ См. Монографія. Т. I, Киевъ 1885, стр. 221—264.

²⁾ См. Архивъ Юго-Западной Россіи. Ч. VII, Т. I, 1886, стр. 1—85 и Т. II, 1890, стр. 1—210.

³⁾ Бібліографіческія свѣдѣнія о Пясочинскомъ см. Zrzodla do dziejów polskich 1843, т. I, стр. 209—211.

⁴⁾ См. Лазаревскій, Описаніе Старой Малороссіи, т. I, Киевъ 1888, стр. 3—4.

были напечатаны въ Вильнѣ въ 1843—44 г. г. въ изданіи «*Zrzdla do dziejów polskich*»¹⁾. Къ А. М. Лазаревскому архивъ этотъ попалъ въ крайне жалкомъ видѣ. Многія книги бумагъ настолько испорчены сыростью, что не поддаются прочтенію; документы о Съверщинѣ совсѣмъ исчезли, а уцѣлѣли только документы, относящіеся къ брацлавскимъ владѣніямъ Пасочинскаго, да и тѣ—разрознены и разбиты. Тщательная разборка и сортировка покажутъ въ будущемъ, что можно извлечь изъ нихъ для исторіи Брацлавщины. Кроме того попадаются отдельные акты, не имѣющіе связи между собою. Къ числу ихъ относится и актъ, любезно переданный намъ А. М. Лазаревскимъ и нынѣ предлагаемый нами вниманію читателей «Кievской Старинѣ». Это—вылись изъ книгъ Люблинскаго главнаго суда, въ которыхъ 2-го мая 1618 г., по желанію кіевскаго земскаго писаря Федора Сущанскаго-Проскуры, занесены были три акта, представленные въ судъ двумя тяжущимися сторонами: паномъ Василиемъ Максимовичемъ Панкевичемъ и паномъ Лавриномъ Васильевичемъ Лозкою²⁾.

Первый изъ записанныхъ документовъ имѣетъ особенно важное значеніе, такъ какъ относится къ наиболѣе скучному свѣдѣніямъ въ исторіи южной Руси времени—къ внаїженію въ кіевъ Александра (Олелька) Владимировича изъ рода князей Ольгердовичей (1440—1455), отъ которого извѣстна была до сихъ поръ одна только грамота, обезпечивающая неприкосновенность доходовъ кіевской митрополіи и освобождающая жителей митрополичьихъ имѣній отъ книжескаго суда³⁾. Онъ представляетъ жалованную грамоту, по которой князь Александръ Владимировичъ отдаетъ огромныя пространства земли по обѣимъ сторонамъ Днѣпра во владѣніе своему боярину Олежну Сохновичу. Изъ нея видно, что еще до нашествія Менгли-Гирея въ 1482 году земли Кіевская и Переяславская были уже пусты и лишены населения⁴⁾. Въ предѣлахъ нынѣшнаго Переяславскаго уѣзда перечислено четыре мѣста бывшихъ укрѣплений (городища: Старое, Бусурманское, Ярославское и Сальково) и четыре мѣста бывшихъ не укрѣп-

¹⁾ См. *Zrzdla*, стр. 25 и слѣд.

²⁾ Этотъ Лозка, подчашій кіевскій съ 1590 г., по предположенію г. Голубева, былъ роднымъ братомъ Стефана Васильевича Лозки, мужа фундаторши кіево-братскаго монастыря Елизаветы Лозкиной. См. Голубевъ, Исторія Кіевской духовной академіи, вып. I, Кіевъ 1885, стр. 124—125.

³⁾ См. Антоновичъ, Монографія, стр. 237.

⁴⁾ Маленькая поправка къ замѣчаніямъ о Переяславскомъ „погѣтѣ“ въ изслѣдованіи В. Б. Антоновича „Кіевские войты Ходыка“. См. Монографія, стр. 246.

ленныхъ поселеній (селища: Булатчинъ, Круглое, Соминково и Пропаево). Въ предѣлахъ нынѣшней киевской губерніи названо два мѣста бывшихъ укрѣпленій (городища: Полствинъ и Кузаковъ) и пять мѣсть бывшихъ поселеній безъ крѣпостной защиты (селища: Бѣлки, Можначи, Веняки, Островы и Махновщина). Остальная даримыя уро-чища названы просто землями: земля Мелеховщина надъ Здвижью и земли Труденевщина и Тригубовщина надъ Тетеревомъ. О существова-ваніи какихъ-либо жителей въ границахъ жалуемыхъ помѣстій нѣть и намека; напротивъ, предполагается полное отсутствіе населенія, такъ какъ категорически заявляется, что если-бы на которомъ-нибудь «селищѣ» (мѣстѣ бывшаго поселенія) «осѣли» люди, то эти «люди» (крестьяне) безпрекословно обязаны быть «послушны» Олехну Сохновичу и его наслѣдникамъ, т. е. нести извѣстную долю натуральныхъ повинностей и давать опредѣленныя дани деньгами и на-турою въ пользу владѣльцевъ земли, сообразно съ договоромъ и уста-новившимся обычаемъ. Грамота Олехну Сохновичу относится по всему вѣроятію къ 1-му февраля 1455 года въ виду слѣдующихъ сообра-женій: Въ книжenie Александра Владимировича 3-й индиктъ прихо-дился съ 1 сентября 1439 по 1 сентября 1440 г. и съ 1 сентября 1454 по 1 сентября 1455 г. Такъ какъ мы знаемъ, что Александръ вонкняжился въ 1440 году, а въ 1455 году не умеръ, а только усту-нилъ свой престолъ сыну Симеону Александровичу, самъ-же удалился въ Печерскую Лавру, гдѣ окончилъ жизнь инокомъ въ 1484 г.¹⁾, то всего вѣроятнѣе полагать, что онъ наградилъ своего боярина не въ первые дни власти, а передъ отреченіемъ, которое могло послѣдо-вать и во второй половинѣ 1455 года. Въ такомъ случаѣ 1-мъ фев-раля 3-го индикта будетъ 1 февраля 1455 г. —

Второй документъ представляетъ собою духовное завѣщаніе внука Олехна Сохновича—Ивана Юхновича (сынъ Олехна былъ Юхно Олехновичъ), по которому онъ распредѣляетъ все свое движимое и не-движимое имущество между 4-мя дѣтьми, другими близкими лицами и нѣкоторыми киевскими церквами. Это завѣщаніе съ замѣчательною ясностью рисуетъ намъ киевскаго пана начала XVI вѣка во всѣхъ подробностяхъ его бытовой обстановки—нужно добавить—поразительно бѣдной и простой. Такой быть могъ удовлетворять только погранич-наго жителя, постоянно угрожаемаго Ордынскимъ набѣгомъ. Кроме того, изъ него мы узнаемъ имена восьми киевскихъ пановъ того вре-

¹⁾ См. Максимовичъ, Собрание сочиненій. Т. II, Киевъ 1877, стр. 229.

мени (вотъ они: Ивашко Стрыбыль, Антонъ и Ивашко Ельцовичи, Игнать Дедовчъ, Семенъ и Антонъ Путашичи, Андрей Ласко и Михаилъ Половецъ), игумена Михайловскаго монастыря (о. Игнатій), священника Спасской церкви (о. Макарій) и двухъ дьячковъ (спас-скій дьякъ Гришко и софійскій дьякъ Гаврило, который и писалъ завѣщаніе), также перечень четырехъ церквей, уцѣлѣвшихъ въ Кіевѣ въ эпоху наибольшаго его упадка (Святая Софія—Софійскій соборъ, святая Богородица—церковь Успенія Пресв. Богородицы на Подолѣ, святый Микола—пустынно-николаевскій монастырь, святый Спасъ—церковь Спаса на Берестовѣ въ нынѣшней крѣпости). Полагая на каждое человѣческое поколѣніе по 30 лѣтъ, мы относимъ завѣщаніе внука на 60 лѣтъ позднѣе времени пожалованія имѣніями дѣда, т. е. приблизительно къ 1513 году, на который падаетъ 1-й индиктъ.

Третій документъ—это раздѣльный листъ между двумя дочерьми предыдущаго заявителя, Маріей Ивановной Лозиной и Ириной Ивановной Сущанской-Проскуриной, получившими отцовское наслѣдство въ полномъ составѣ—вѣроятно, вслѣдствіе бездѣтной смерти на полѣ браніи или въ Ордѣ обоихъ братьевъ Федора (Федка) и Василія (Васка) Ивановичей, внуковъ Юхна и правнуковъ Олехна Сохновича. Эта раздѣльная относится приблизительно къ 4 іюля 1524 года (двѣнадцатаго индикта) и интересенъ, какъ доказательство, что и въ это время владѣнія потомковъ Олехна Сохновича оставались еще незаселенными. Такимъ образомъ подтверждается высказанный нами въ «Очеркакъ Переяславщины» взглядъ, что большинство сель Переяславскаго уѣзда возникло между 1550 и 1650 г. г.¹⁾). Въ началѣ XVI вѣка все Переяславское побережье Даїпра на протяженіи почти 40 верстъ, гдѣ течерь расположены села: Ерковцы, Сотниковъ (Ерковецкой волости), Старое (Рогозовской волости), Процевъ (Воронъковской волости), было еще невоздѣланною и дикою пустынею.—Независимо этого, мы находимъ въ раздѣльномъ листѣ имена трехъ пановъ (Юрій Скобейковичъ, Петръ Еловичъ и Юрій Богдановичъ) и Михайловскаго игумена (о. Кириллъ).

Составленный г. Ярмаховичемъ списокъ Михайловскихъ игуменовъ, напечатанный въ «Описаніи Кіевскаго Златоверхо-Михайловскаго монастыря», пополняется, благодаря нашимъ актамъ, двумя именами: о. Игнатія и о. Кирилла.

¹⁾ См. Кіевская Старина, 1891, ноябрь, стр. 24.

Въ архивѣ Пасочинскаго сохранилась еще старинная копія не-чтаемой выписи польскими буквами, что дало намъ возможность про-вѣрить мѣстами плохо читаемый текстъ выписи сличенiemъ его съ польскою копіею. Текстъ печатается съ удержанiemъ всѣхъ особенностей правоцисанія; только знаки препинанія разставлены по современнымъ требованіямъ.

Отдѣльныя мѣста выписи, требующія поясненій, будуть нами объяснены въ примѣчаніяхъ.

А. Стороженко.

Выпись съ книгъ головныхъ трибуналскихъ воеводства киевскаго.

Року Божого нароженя тисеча шестсотъ осмънадцатого и ца мая второго дня.

Передъ нами депутаты суду головного трибунала любелскаго, на рокъ теперешний вышней менованый зо всихъ воеводствъ короны польское обраными и высажоными, при отправованю справы межи урожонымъ п-номъ Василемъ Максимовичомъ Панкевичомъ поводомъ, а урожонымъ его ил. п-номъ Лавриномъ Лозкою, подчашимъ земли киевское позванымъ, о маєтность въ земли Киевской лежачую Труденевчину¹⁾, прозываваемые Феневичи, въ которой, кгда стороны обедве титуломъ своихъ маєтности тые и другие данины продкомъ своимъ и документа у суду показали, его ил. п-нъ Федоръ Су-счанск-Прокур, писарь земский киевскій, у суду будучи, бачылъ то, ижъ въ тыхъ документахъ маєтности его дедичные²⁾, а которые теперь самъ изъ братомъ своимъ тримаетъ³⁾, и другие ему по продкахъ его ил. належачие,—суть означеноы. Для того жадалъ, абы тые все данины и документа, яко ему и маєтности его належачие, были до книгъ одь стороны до акѣтыкованы отданы, за чимъ и мы, судъ головний трибуналскій, припатривъши⁴⁾ тому добре видѣчи речь слушную, тые таковые данины и документа сторонамъ помененными до акѣтыкованя подать рассказалисмо, за которымъ поданемъ и пры-

¹⁾ Г. Похилевичъ по имѣвшимъ у него данными пріурочиваетъ землю труденевскую къ имѣвшему мѣстечку Иванкову въ радомысьскомъ уѣздѣ киевской губ., основанному на этой землѣ около 1589 г. киевскимъ царемъ Иваномъ Прокуромъ, вѣроятно, потомкомъ, прибавимъ мы отъ себя, Ориаки Ивановны Прокуриной, которая упоминается въ 3-мъ актѣ. См. уѣзды киевской и радомысьской, Киевъ 1887, стр. 243.

²⁾ Наслѣдственныя.

³⁾ Держить (во владѣнїи своемъ).

⁴⁾ Разсмотрѣвши.

нятемъ нашииъ первое данины, по паркгамине написаное тые суть слова рускимъ писомъ:

Я Александръ Володымеровичъ, книжа киевское, Олехну Сохновичу далъ есми, боярину моему, городисче Старое надъ Днѣ-промъ покалаурово¹⁾, селище Булачинъ²⁾, селище Круглое³⁾, селище Сошниково за Каранью зъ озерцемъ Белимъ⁴⁾), и въ тому три городисча за Днепромъ: Бусурменское, Ярославское⁵⁾, Сальково⁶⁾ зъ озерцемъ Линовыми⁷⁾), а селище Процево⁸⁾; а другое имение⁹⁾ селище Белки¹⁰⁾, Мокначъ, селище Венприки, селище Островы надъ Ирпенемъ и Унавою, селище Махновщина; а землю надъ Звиджею Мелеховъщину, а надъ Тетеревъю Труденевъщину и Тригубовъщину; а на Расаве въ поли два городисча Полствинъ¹¹⁾ и Кузиковъ; а въ тому будетъ ему вольно на устью Припети два єзы¹²⁾ ставити. Того всего онъ и счадки¹³⁾ его вечне и непорушно маеть уживати. А пакъ ли бы на которомъ селищы люде осели, то и тые люде маютъ быти послушни его и счадковъ ёго, не мовячи. Сю быль данину далъ и писалъ у Киевѣ февраля первого дня индикта третьего (1455?) У того листу паркгаминоного привесчитая печать одна.

Другий листъ такъ се въ собе маеть:

Я Иванъ, Юхновъ сынъ Олехновича, будучи на постели Божай, пишу свою духовницу мою своимъ целымъ разумомъ и зуполнымъ умомъ, ско которые именни мои у киевской земли на име:

¹⁾ Городище Старое—это нынѣшнее село Старое Переяславского уѣзда. Покалауровымъ оно назовано, вѣроятно, потому, что раньше принадлежало какому-то Калауру. Земляные валы городища сохранились и въ настоящее время.

²⁾ Селище Булачинъ—вѣроятно, теперешнее с. Ерковцы, расположеннное у болотистаго протока *Булатець*.

³⁾ Для определенія топографіи селища Круглого у насъ пока нѣть данныхъ.

⁴⁾ Селище Сошниково—нынѣшнее село Сошниковъ Переяславского у. Озеро Бѣлое существуетъ и теперь въ видѣ топкаго болота, расположеннаго въ правую сторону отъ дороги изъ Сошникова въ Гусинцы.

⁵⁾ Гдѣ находились городища Бусурменское и Ярославское, инѣ не известно.

⁶⁾ Городище Сальково—нынѣшнее с. Сальковъ.

⁷⁾ Озеро Линово и теперь существуетъ вблизи. с. Салькова подъ этимъ же именемъ.

⁸⁾ Селище Процево—нынѣшние с. Процевъ Переяслав. у.

⁹⁾ Это имѣніе цѣликомъ лежитъ въ предѣлахъ нынѣшней киевской губ.

¹⁰⁾ См. Покилевичъ, стр. 205.

¹¹⁾ См. Покилевичъ, стр. 154.

¹²⁾ Єзы это загражденія для ловли рыбы.

¹³⁾ Наслѣдники.

городище Старое за Днепромъ и селище Булатчинъ зъ озеромъ Белла за Каранью, за Днепромъ городища: Бусурманское, Ярославское, Сальковъское, Линово озеро, Процово селище, Круглое и Сошинково; а на Здвижженю Мелеховъсчина, а на Тетереви Труденевъсчина и Трыгубовъсчина, которые теперь въ заставе у Михаила Половца¹⁾, а городище на реке Расаве у поля: одно Полстъвичъ, а другое Кузяковъ, и уходы²⁾) на Ирпени: Белки, Мохнатчи, Венники и Махновщина, а на Унаве Островы—тое все сыномъ моимъ Федку а Васку, который теперь седѣть увъ Орде, ино сынъ мой Федко маєтъ его окупить, окупивши, ровно зъ нимъ поделить. А дочки мои, Орынку и Марию, обыдва сыны мои замужъ выдать и вина имъ: по два друбли и по сажну³⁾ утерфиновому⁴⁾ и муслинскому⁵⁾ зъ кшталтиками⁶⁾ оксамитными⁷⁾ по два волы и по двѣ коровы—имъ дати маютъ. А тѣло мое гришное маєтъ поховать сынь мой Федко у церкви светое Софии. А що есть готовыхъ грошней пять копъ, оно четыри копы на сорокоустъ и на памети по души моей, а рубль грошней и конь бурый на церковь светое Софии, а вороний конь на светую Богородицу, а гнедый конь светому Миколе, а духовнику моему Спасскому однорядка моя портняновая⁸⁾ ись кнафликами⁹⁾ серебряными, а дақу Гришку жупица¹⁰⁾ моя синяя, ложечка моя серебряная на церковь светого Спаса—отказую, а шубка моя медвежая ино служе моему Федку, а поплечному другу моему пану Ивашку Стыбылю лукъ мой стрелчий со всѣмъ, а пану Антону Ельцевичу ино

¹⁾ Михаилъ Половецъ—это князь Михаилъ Юрьевичъ Половецъ со сквара Рожновскій, о которомъ разсказываетъ В. Б. Антоновичъ. См. Монографія стр. 206—210.

²⁾ Уходы—места охоты и рыбной ловли.

³⁾ Сажнъ, особаго покрова одѣжда, заимствованная изъ Италии. Самое название происходит отъ латинскаго *sagum* черезъ итальянское *saione*.

⁴⁾ Утерфино—называлось тонкое сукно. Лиша переводить немецкимъ. feines Tuch.

⁵⁾ Муслиномъ называлась тонкая кисейная матерія, заимствованная у арабовъ. Название происходит отъ имени города Моссуля.

⁶⁾ Кшталтикъ—нѣчто въ родѣ вышнѣаго корсета; одѣжда, охватывающая талию и придающая ей стройный видъ. Итальян. *mamulare* вѣн. *weibermiedet*. Вероятно кшталтики подшивались изнутри къ саинамъ.

⁷⁾ Бархатными.

⁸⁾ Портняновая однорядка—вероятно, лѣтняя одѣжда изъ домашнаго холста.

⁹⁾ Кнафликъ—пуговица.

¹⁰⁾ Жупица—одѣжда въ родѣ теперешнаго жилета. Голембювскій въ книжѣ „*Ubioru w Polsce*” переводить: *kitlik bez rękawow*.

шаблю мою, а пану Игнату Дедвичу шоломъ мой зо двема знаками, панцырь мой пану Семену Путятичу. А ско ми быль винень Андрей Ласко рубль грошей, ино я ему тое отпускаю. Челядь мою дворную сынъ мой Федко, наделивши усихъ, волно пустить маеть: нехай за мене Бога просить. А езовисча мое, что на устьи Припети, въ заставе у человека церковного Васка у двохъ копахъ грошей, ино тое сынъ мой Федко окупити маеть. Ино тая духовница моя маеть быти держала мопно и непорочно, да коли бы се хто хотелъ нарушить, и да буди про克莱ть, и да розсудится зо мною передъ милостивымъ Господомъ Богомъ на страшномъ суде. А при писаню сее мое духовницы были ихъ мл. панове киевъские: панъ Ивашко Ельцовичъ, а панъ Анътонъ Путятичъ, а панъ Андрей Ласко, а игуменъ Михайловъскій отецъ Игнатій, а попъ Спасскій отецъ Макарій, ино ихъ мл. уси на мое чоломбите печати свое приложили. А писавъ сюю мою духовницу панъ Гаврило, дякъ Софейскій, а писавъ у Киеве индикта первого (1513?).

А третій листъ въ тые слова писанъ;

А се мы, я Марія Федкова Лозиная, и я Оринка Сенкова Сусчанская-Проскуриная, Иванины Олехновича Юхновича, сестры родныя, поделили есмо се именами своими, которые наль досталися по брати нашомъ рожономъ пану Федку и пану Васку. Я Марія узяла есми собе имене за Днепромъ городисче Старое и селище Булатчинъ зъ озерцемъ Белимъ за Карапю, надъ Днепромъ городисче Бесурменское, Ярославское, Салковъское, Линово озеро и Процево, селище Круглое и Сошниково, у Здвижени Мелеховщину, а на Тетереви Труденевщина и Трыгубовщина, што было въ заставе у пана Михайла Половъца, а я тое откушила своими грошми. А я Оринка узяла есми обедве городисче на реце Расовѣ у поли: одно Полствинъ, а другое Козаковъ, уходы на Ирпени: Белки, Мокначи, Венрики, и Махновъщина, а на Унаве—Островы, што усе было въ заставе у пана Михайла Половъца, а сестра моя пани Марія своими грошми выкупила и противъ того собе большую часть узела. А момъ мы сами и дѣти наши подле сего делу нашего тые имена вечне держати и одна другой перешкоды и упоминаня жадного не чинити подъ зарукою на Господара¹⁾ его мл. двадцатма копами грошей. А при томъ были панове киевъские: панъ Юрій Скобейко-

¹⁾) Господаремъ называется великий князь литовский. Имъ былъ съ 1506 вынукъ Ягеллы Сигизмундъ II Старый, выбранный и королемъ польскимъ.

вичъ, панъ Петръ Еловичъ и панъ Юрей Богдановичъ, а игуменъ Михайловъский отецъ Кириль, а писанъ у Киеве июля четвертого дня индикта дванадцатого (1524?) У того делчого листу печате притиснены четыры. Которые жъ то выше меновавые листы вси, яко одно се въ собе мають, за розказанемъ суду нинешнего до книгъ суть уписаны, съ которыхъ и сей выпись подъ печатю земъскою воеводства киевъского есть выданъ. Писанъ въ Люблине.

Мѣсто Печати.

Филонъ Стрыбыль, чашникъ и депутатъ воеводства киевъского.
Федоръ Сущанскій-Проскура, писарь земской киевъский.

Изъ фамильныхъ преданій и архивовъ. 1) Записка митрополита киевскаго Іоасафа Кроковскаго. Іоасафъ Кроковскій былъ киевскимъ митрополитомъ съ 1707 г. по 1718 г., т. е. въ самую тяжкую для Украины эпоху властолюбивыхъ стремлений гетмана Мазепы и грозного суда Петра Великаго надъ его сторонниками. Послѣдніе два года митрополичьяго служенія Кроковскаго совиали съ однимъ изъ самыхъ грустныхъ событий русской исторіи—дѣломъ Царевича Алексея Петровича. И коварный гетманъ, и непокорный Царевичъ, были, быть можетъ, невольными виновниками злосчастной судьбы Кроковскаго—грозный царь почему то заподозрилъ митрополита въ сочувствіи Мазепѣ, а уклоненіе Кроковскаго отъ участія въ духовномъ судѣ надъ царевичемъ было ближайшимъ поводомъ царской опалѣ. Митрополитъ былъ скваченъ по пути его въ Петербургъ, въ Твери, и заточенъ въ тверскомъ архангельскомъ монастырѣ 1-го іюля 1718 г. Трагическая судьба митрополита и недостаточно выясненные причины ея побуждаютъ дорожить всякимъ археографическимъ материаломъ, могущимъ хотя нѣсколько выяснить личность митрополита и характеръ его отношеній къ своимъ современникамъ, равно какъ и личности этихъ послѣдниковъ. Въ виду этого мы и помѣщаемъ здѣсь письмо митрополита, съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей подлинника, несмотря на малозначительность его содержанія:

«Благородная мосьцѣ панъ Ялоцкая, мнѣ вельце мосьцѣ панѣ и благодѣтелко. Присланный вельможной милости панской дарь таляреи сто на поминаніе въ Богу зешилого его милости пана Василія милого вельможней милости паней малжонка вдаче принявши, вельце вашмосьци паней благодарствую, готовъ будучи такъ о блаженномъ его успокоеніи, яко и о многолѣтномъ вельможной милости панской

здравіи и желаемомъ спасенію при архіерейскихъ молитвахъ незабвенно Господа Бога благаимъ, яко есмь и навсегда пребываю, вашъ мосьци милостивей паней и благодѣтелки всѣхъ благъ желающій пастырь и богоомолецъ Іоасафъ Кроковскій, митрополитъ кіевскій. З Кієва, декабря 16 дня 1712 р.».

На оборотѣ: «благороднѣй ей милости паней Марії Василіевої Ялоцкой, мнѣ велде мосьцѣ паней и благодѣтелцѣ».

2) *Рынокъ въ г. Остерь.* Въ 30-хъ годахъ XVII столѣтія г. Остеръ, какъ «старое», такъ и «новое мѣсто», — сгорѣлъ до основанія, «аж до щенту». Тогдашній кіевскій полковникъ, Григорій Карловичъ сталъ хлопотать о возстановленіи злосчастнаго города, вслѣдствіе чего 10 апрѣля 1690 года въ остерской городской ратушѣ состоялось засѣданіе, на которое явились всѣ остерскія власти — сотникъ Иванъ Васильевичъ Дворецкій, городовой атаманъ Иванъ Сидко, войть Гарасимъ Козловскій, роочный бурмистръ Василій Михайловичъ, старшій райца Матвій Михайловичъ, лавники и много козаковъ и мѣщанъ. Обсужденію этого многочисленнаго собранія подлежалъ вопросъ объ утвержденіи новаго плана города. Особенno занималъ всѣхъ выборъ мѣста для рынка, наиболѣе подходящей для этого была площадь на выѣздѣ къ г. Козельцу, «передъ брамою», близъ церкви Воскресенія Христова, но на этой площади находились частныя постройки, такъ, по срединѣ площади — стояла «свѣтлица» Филиппа Слусара. И вотъ въ засѣданіи 10 апрѣля былъ возбужденъ цехмистромъ шевскаго цеха, паномъ Григорiemъ, вопросъ объ отдачѣ Слусару взамѣнъ его грунта усадьбы Татьяны Стефаники и вообще объ обязательномъ отчужденіи на предполагаемой для городского рынка площади всѣхъ частныхъ владѣній. Шевскій цехъ былъ особенно заинтересованъ въ снесеніи построекъ Слусара, такъ какъ «шевци» уже выстроили себѣ на новомъ рынке «комору» для продажи «ботовъ», и «будинокъ» Слусара «ихъ шевню тыломъ застунилъ». Было постановлено «новый плацъ Филиппа Слусаря панамъ шевцомъ въ вѣчную поссесію подати? Въ обезспеченіе безспорнаго владѣнія грунтомъ Слусара, остерскій урадъ положилъ въ кассу магистра «вино» въ размѣрѣ 100 злотыхъ отъ имени полковника кіевскаго и 50 злотыхъ отъ остерскаго уряда, самый же актъ мѣны занесенъ въ «книгу правъ мѣскихъ ратуша острицкого» и копія съ него, за подписью сотника, атамана, войта и писаря Симеона Гавриловича Плоскаго, выдана шевскому цеху и по счастливой случайности сохранилась до нашего времени.

Н. В. Стороженко.

Листъ Тимофея Цыцюры. Списокъ збелорусскаго писма. Листъ Тимофея Цыцюры найденъ въ столбцахъ московскаго стола Разряда (Архивъ Министерства Юстиціи) не въ подлиннике, а въ спискѣ, сдѣланномъ въ Разрядѣ, при чемъ переписчикъ, по привычкѣ считать годы отъ сотворенія міра, сдѣлалъ ошибку, написавъ 7659 вмѣсто 1659. Листъ относится къ началу гетманства Юрія Хмельницкаго.

Тимоѳей Цецюра полковникъ войска его царьскаго величества запорожскаго Переяславской паномъ полковникомъ, сотникомъ, атаманомъ, всей старшине и черни его царьскаго пресвѣтлого величества, и кому о томъ вѣдати потреба, до вѣдомости доносить: иже выпущены зъ замку чигиринскаго невольники, ратные люди его царьскаго величества, юдуть въ свои кра(и) по указу и за универсаломъ его милости пана Юрія Хмельницкого, гетмана войскъ его царьскаго величества запорожскаго, за которыми невольниками и мы, яко людми честными его царьскаго величества, пильно упрашаемъ и жедаемъ, абысте онымъ, во всемъ вѣру давише, хлѣба, соли и всякой живности и подвѣдъ не збороняли для ласки его пресвѣтлого царьскаго величества и его милости пана гетмана, скоро только дая, кого мѣста и села прибудуть, того часу абы свѣжие подводы давали.

Писанъ въ Переяславле дnia шестаго ноября 7659 (описка вмѣсто 1659) году.

Притись у листа: вашимостемъ всего добра... пріятель Тимоѳей Цыцюра.

(Москов. стола. столб. № 307. л. 336).

Сообщ. В. Сторожевъ.

Необходимыя поправки. Въ началѣ статьи моей «Современная малорусская этнографія» (1892 г. № 1) оказались слѣдующія опечатки:

На стр. 3-ей, послѣдн. строка напечатано: «формальной страницы языка»; должно быть: «формальной стороны языка».

На стр. 5-ой, 20-я строка сверху напечатано: «Петръ Александровичъ и братъ его Ник. Ал. Лавровскихъ»; должно быть: «Петръ Алексѣевичъ». Эту опечатку (или неудачное раскрытие сокращенія) спѣшу исправить, потому-что въ бытность студентомъ и слушаль лекцій и пользовался просвѣщеннымъ руководствомъ глубокоуважаемаго Николая Алексѣевича Лавровскаго. Н. Ф. Сумцовъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Этнографическое обозрение. Издание Этнографического Отдела Императорского Общества любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии, состоящего при Московском университете. Под редакцией секретаря этнографического отдела. Н. А. Янчука. Москва.

1891. книги VIII, IX и X.

Въ рецензії «Кievskoy Stariны» на предъидущія книги Этнографического Обозрѣнія уже отмѣченъ основной взглядъ этого изданія на задачи русской этнографіи. Не можемъ не взять его за исходную точку и настоящей замѣтки. Въ статьѣ Д. Н. Анучина «О задачахъ русской этнографіи», помѣщенной въ 1 книгѣ «Этногр. Об.» за 1889 г., ясно выражено, что современная «этнографія» не можетъ быть наукой чисто описательной, и ея конечные задачи должны заключаться въ объясненіи и истолкованіи фактovъ народной жизни и взаимного отношенія и распределенія племенъ» (стр. 28). Вполнѣ соглашаясь, что таковы должны быть «конечные» цѣли данной науки, нельзя однако не думать, что при настоящемъ хаотическомъ состояніи этнографического материала такія «конечные» цѣли пока что своего рода pia desideria. Самъ г. Анучинъ утверждаетъ въ названной статьѣ, что этнографъ-ислѣдователь долженъ прилагать къ извѣстному факту народной жизни или частности быта сравнительный методъ, долженъ слѣдить за варіаціями этого факта у различныхъ народностей, долженъ стараться воспроизвести его въ первоначальномъ его видѣ, однимъ словомъ—долженъ пытаться прослѣдить его исторію, происхожденіе, развитіе, видоизмененіе и постепенное исчезаніе или забываніе! (стр. 28). Но утверждалъ это, указывая такой ответственный способъ излѣдованія, почтенный профессоръ какъ будто забываетъ, на сколько сомнительными могутъ оказаться

заться при современномъ состояніи науки результаты подобныхъ изслѣдований съ точки зрѣнія научной достовѣрности. Намъ кажется, что у вступающихъ на указанный путь изслѣдованія необходимо должно явиться опасеніе возможности злоупотребить сравнительнымъ методомъ. Для пользованія послѣднимъ вѣдь необходимо опиратьсь на величинами соизмѣримыми, другими словами--на дѣйствиими однихъ и тѣхъ же періодовъ развитія исторической и доисторической народной жизни. Между тѣмъ во многихъ лѣтъ случаихъ можно теперь утверждать, что по видимому даже сходные факты въ области этнографіи однородны и одновременны въ смыслѣ принадлежности къ однимъ и тѣмъ же періодамъ исторической или доисторической жизни? Не нужны ли для этого еще большія груды этнографического материала описательного характера, чѣмъ тѣ, какія уже накопились въ наукѣ? Конечно, на оба эти вопроса нельзя отвѣтить иначе, какъ утвердительно, а потому и указываемый профессоромъ широкой розмахъ въ этнографическихъ изслѣдованіяхъ не можетъ не быть рискованнымъ. Для выхода же изъ грубаго эмпиризма въ наукѣ изслѣдователямъ этнографамъ, какъ кажется, можно пока ограничиваться осторожной постановкой гипотезъ. Только при такомъ условіи можно разсчитывать, что научный материалъ не будетъ заводимъ въ своего рода ноты, которыми онъ могъ бы искажаться.

Позволяя себѣ высказать приведенный взглядъ на отмѣченное воззрѣніе по поводу задачъ этнографіи и ея метода, мы далеки однако отъ мысли не признавать богатства содержанія въ статьяхъ разбираемаго нами изданія и притомъ не только въ тѣхъ, которые ближе стоять къ работамъ описательного характера, но и въ тѣхъ, въ которыхъ опасный сравнительный методъ въполномъ ходу. Признать большую цѣнность большинства научныхъ работъ въ разбираемыхъ трехъ книжкахъ «Этнограф. Обозрѣнія» мы были бы обязаны и въ томъ случаѣ, если бы касались всего даваемаго ими материала, но мы, въ виду задачъ нашего изданія, сдѣлаемъ это, касаясь только тѣхъ работъ, которыхъ такъ или иначе относятся къ нашему малорусскому югу.

Много вниманія въ данныхъ книжкахъ «Этнogr. Обоз.» удѣлено вопросу о русскихъ былинахъ. Прежде всего отмѣтимъ статью *Н. С. Тихонравова. Пять былинъ по рукописямъ XVIII в.* («Этнogr. Обоз.» 1891. № 1). Текстъ былинъ въ рукописяхъ, которыми пользовался г. Тихонравовъ, написанъ въ сплошную строку, и стихъ большою частью разрушенъ, тѣмъ не менѣе старое содержаніе былинъ этими

рукописями донесено къ намъ въ большей чистотѣ, чѣмъ пѣснями, записанными изъ устъ народа въ позднѣйшее время (стр. 7). Какъ въ рукописяхъ, заимствованныхъ г. Тихонравовымъ изъ его собственной библіотеки, такъ и въ извлеченныхъ изъ сборника г. Буслаева, нерѣдко, по утвержденію автора, хранятся такія версіи народныхъ былинъ, которая совершенно непозвестны по позднѣйшимъ записямъ, какъ напримѣръ—версія о борьбѣ киевскихъ богатырей съ цареградскими. Временемъ записанія былинъ и занесенія ихъ въ особые сборники г. Тихонравовъ считаетъ не только XVIII в., когда въ помѣщичьей средѣ было не мало охотниковъ до «исторій», но и XVII. По словамъ автора, многія изъ записанныхъ въ сборникахъ сказаний, подъ каковыми именами значатся тамъ и былины, носятъ на себѣ явные слѣды копированія съ болѣе древнихъ рукописныхъ текстовъ, вѣроjно относящихся къ XVII вѣку; кроме того, есть и прямое указаніе на то, что такое записываніе былинъ могло имѣть мѣсто въ XVII в., такъ какъ существуетъ рукопись XVII в., принадлежащая Е. В. Барсову, и въ рукописи этой помѣщено «сказание о киевскихъ богатыряхъ, какъ ходили во Царьградъ и какъ побили цареградскихъ богатырей, учинили себѣ честь». Варіантъ этотъ былъ напечатанъ въ «Сборникеъ отдѣленія русского языка и словесности Импер. Академіи Наукъ», въ томѣ XXVIII, въ № 3 подъ заглавиемъ «Богатырское слово». Нашъ же авторъ приводить теперь текстъ двухъ былинъ изъ сборника Буслаева («Ставръ Годеновичъ» и «Повѣсть о Илье Муромце и о Соловьевѣ разбойнике») и три былины изъ собственныхъ сборниковъ (1) «Сказание о Илье Муромце и о Соловьевѣ разбойнике», 2) «сказание о трехъ богатыряхъ о Илье Муромце и о Михаиле Потоке Ивановиче и Олеше поповиче киевскихъ и о похожденіи ихъ» и 3) «сказание о сильныхъ могучихъ богатыряхъ киевскихъ: о Илье Муромце и о Михаиле Потоке Ивановиче и Алеше Поповиче»). Для специального изученія содержанія былинъ всѣ эти записи XVIII в. представляютъ немалый интересъ. Самъ же авторъ статьи къ такому изученію въ данной работе не приступилъ, и мы имѣемъ здѣсь дѣло съ сырьемъ этнографическимъ материаламъ.

Обращаясь засимъ къ статьѣ Г. Н. Потанина «Ставръ Годеновичъ и Гэсеръ (вн. 3), мы сталкиваемся съ дальнѣйшей разработкой извѣстныхъ утвержденій г. Стасова о восточномъ происхожденіи нашихъ былинъ. Склоняясь къ тому же мнѣнію на основаніи сличенія нашего богатырского эпоса съ монгольскимъ, г. Потанинъ не указываетъ однако точныхъ отношеній между этими двумя эпосами; онъ

думаетъ, что согласно мнѣнію г. Стасова степной фольклоръ могъ быть и посредникомъ между нашимъ эпосомъ и какимъ-то невѣдомымъ, отъ котораго онъ произошелъ, и наконецъ, что этотъ степной фольклоръ, сходный съ нашимъ и индо-европейскимъ вообще, можетъ представлять собою и параллельную вѣтвь въ общемъ потокѣ распространенія эпическихъ темъ, какъ это высказано г. Веселовскимъ. Въ монгольскихъ былинахъ о Гесерѣ и Алу-Мергенѣ или Аджу-Мергенѣ, приводимыхъ въ параллель нашей былинѣ о Ставре Годиновичѣ и Василисѣ Микулишнѣ, конечно, нѣкотораго сходства отрицать нельзя, но вмѣстѣ съ тѣмъ есть и такія крупныя отличія, которыя могутъ и исключать единство происхожденія данныхъ былинъ. Въ виду этого, быть можетъ, нѣсколько преждевременны и приводимыя г. Потанинымъ филологическія соображенія для объясненія имени Ставра и названія Гленской земли въ нашей былинѣ. Но во всякомъ случаѣ сообщаемое г. Потанинымъ содержаніе монгольскихъ сказокъ не можетъ не имѣть научнаго интереса.

Не менѣе интересна и другая статья г. Потанина—«Пилигримъ въ былинахъ и сказкахъ» (кн. 2), но при неменьшемъ интересѣ своемъ, она также заключаетъ въ себѣ параллели, быть можетъ нѣсколько рискованные. Увлекшись идеей покаянія, которая приведена въ былинѣ о Буслаевѣ, о Потыкѣ-каличемъ атаманѣ, и Потыкѣ-мужѣ Мары Лебеди бѣлой, г. Потанинъ не только сближаетъ ихъ между собой, но и съ повѣстю о Варлаамѣ и царевичѣ Ioасафѣ, откуда уже оказался совершенно нетруднымъ для него переходъ къ легендѣ о царѣ Асокѣ, жизнь котораго распадалась на двѣ части—на бурную, норочную и на покаянную, исполненную подвиговъ милосердія, т. е. оказался возможнымъ переходъ ни ближе, ни дальше, какъ къ извѣстному преданію о царевичѣ Буддѣ! Между тѣмъ едва-ли все это не слишкомъ широкое сближеніе. Общность темъ, даже общность нѣкоторыхъ подробностей въ народной эпической литературѣ можетъ не вытекать изъ заимствованія и не быть обусловлена единствомъ происхожденія произведеній: все можетъ быть объяснено часто тождествомъ людей, психическимъ и вообще природнымъ; всѣ люди могутъ грѣшить и затѣмъ каяться, равно всѣ могутъ пить, есть, любить и защищать своихъ близкихъ, а потому и всѣ могутъ обѣ этомъ вести рѣчъ въ своихъ поэтическихъ созданіяхъ. Затѣмъ и соопоставленіе нашихъ каликъ перехожихъ, бывающихъ часто богатырями, съ какимъ-то до-христіанскимъ Пилигримомъ въ восточныхъ сказкахъ, какъ кажется, тоже излишне. Образъ каликъ связанъ съ идеей и покаяніемъ

внѣ такой связи у насъ не мыслимъ; пилигримъ же восточныхъ преданій не есть паломникъ, а какое то сказочное существо, живущее на дубѣ, летающее по воздуху, способное носить на себѣ человѣка и пр.; источникъ чудодѣйственной силы такого пилигрима иной, чѣмъ источникъ такой же силы у нашихъ былинныхъ валикъ.

О русскихъ же былинахъ идетъ рѣчъ и въ статьѣ г. Вс. Миллера «кавказско-русскія параллели» (№ 3). Здѣсь проведено нѣсколько удачныхъ параллелей между сѣверо-кавказскими эпическими сказаніями и нашимъ эпосомъ. Приведенные разсказы о нартскихъ великанахъ во многомъ оказываются чуть не тождественными съ былинными повѣствованіями о Святогорѣ и проч., и авторъ статьи, какъ кажется, съ большимъ основаніемъ утверждаетъ, что, судя по его даннымъ, «между кавказскими и русскими сказаніями о великанахъ можетъ быть намѣчено специальное родство». Находитъ затѣмъ авторъ у нартовъ и ихъ Илью Муромца; таковыми оказывается Урызмагъ, принадлежавшій къ простому сословію, и оказывающейся «стоятелемъ за народъ и защитникомъ вдовъ и сиротъ» и пр.

Удѣлено вниманіе въ одной изъ разбираемыхъ книжекъ и русскимъ сказкамъ. Статья, трактующая обѣ этомъ, принадлежитъ онять Г. Н. Потанину и носить заглавіе: *Восточные параллели къ нѣкоторымъ русскимъ сказкамъ*. Здѣсь авторъ сближаетъ русскимъ сказки о злой мачихѣ, о женщинѣ, обращенной въ рысь или въ птицу, и о матери, брошенной вмѣстѣ съ сыномъ въ море,—со сказками Восточной Азіи, имѣющими сконное содержаніе. Натяжекъ въ этомъ сближеніи не чувствуется. Извѣстной великорусской сказкѣ, обработанной Пушкинымъ подъ заглавіемъ «Царь Салтанъ» и существующей какъ въ Малороссіи (см. у Рудченко въ «Народ. Южнорус. сказкахъ», II, стр. 89 сказку *Богатырь зъ бочки*), такъ и въ Бѣлоруссіи (см. «Бѣлорусскій Сборникъ» Романова 1887, вып. 3), соотвѣтствуетъ рядъ сказокъ въ Монголіи; таковы сказки обѣ Эрдени Хараликѣ, являющемся воплощеніемъ буддійского бодисатвы Аряя Бало, «могущество и святость котораго таковы, что произнести одинъ только разъ его имя равносильно по благимъ послѣдствіямъ тому, если бы вѣрующій постоянно поклонялся такому количеству буддъ, сколько песку въ 66 Гангахъ»; такова же и сказка тангутовъ обѣ Егъ-таму-ицо. Затѣмъ малорусской сказкѣ «Рысь-маты» (Рудченко. Вып. II, стр. 51. Чубинскій. Труды этнogr.-статист. эксп. въ запад. русскій край. Т. II, № 138, 139, 140, 141, 142. Драгомановъ. Малорус. нар. преданія 361) и такимъ же сказкамъ великорусскимъ (Худаковъ. Великор. сказки

II, 71—75) и бѣлорусскимъ (Романовъ. Бѣлор. Сборн., в. 3, стр. 292) найдены соотвѣтственныя черты въ только что названныхъ монгольскихъ сказкахъ. Связь, указываемая авторомъ между названными сказками, въ данномъ случаѣ заключается не только въ общности темы и идеи, но въ одинаковости цѣлаго ряда подробностей, что дѣйствительно могло быть слѣдствіемъ или заимствованія, или общности происхожденія.

Существующимъ народнымъ повѣрьямъ, являющимся какъ переживаніемъ древнихъ миѳическихъ вѣрованій и примыкающимъ къ нимъ сказкамъ удѣлено въ разбираемыхъ книжкахъ «Этногр. Обозрѣнія» не мало места. Наиболѣе значительными являются статьи *Н. О. Сумцова*—*Мышь въ народной словесности* (№ 1) и *Заяцъ въ народной словесности* (№ 3). Обѣ статьи написаны по одному плану. Всѣ данныхъ народной словесности о названныхъ животныхъ г. Сумцовъ объясняетъ то при помощи миѳологической теоріи, то при помощи литературной, то наконецъ при помощи такъ называемой теоріи самозарожденія. Происхожденіе индо-европейскихъ миѳическихъ возврѣній на мышь, напр., авторъ выводить изъ древнѣйшихъ восточныхъ культовъ; начало литературнымъ фабуламъ о мыши, по его мнѣнію, положено въ Индіи и Египтѣ, а также въ Греціи, и оттуда уже проникли онѣ въ намъ; наконецъ по теоріи самозарожденія авторъ объясняетъ тѣ повѣрья о мыши и зайцѣ, которые возникли подъ вліяніемъ простыхъ наблюдений надъ природой, производимыхъ народомъ и по сей день. Не всѣ доводы автора представляются несомнѣнными въ виду отрывочности данныхъ, имѣющихся по настоящимъ сюжетамъ въ этнографич. литературѣ. При чтеніи статей, кромѣ того, невольно является желаніе имѣть повѣрья сгруппированными по народностямъ, которымъ они принадлежать; при такомъ условіи, казалось бы, легче было прослѣдить происхожденіе повѣрій, а вмѣстѣ съ тѣмъ, быть можетъ, представилось бы больше возможности судить о степени вѣроятности объясненій многоуважаемаго автора. Такимъ образомъ, какъ это ни странно, интересныя статьи его вредить широта плана при независящей отъ него отрывочности материаловъ. Малорусскіи народныя повѣрья и сказки о Зайцѣ и Мыши приняты авторомъ въ разсчетъ въ ряду другихъ индо-европ. и даже монгольскихъ материаловъ.

О разныхъ обычаяхъ и понятіяхъ народныхъ, стоящихъ въ связи со старыми религіозными вѣрованіями и предразсудками, даетъ намъ свѣдѣнія въ 2 № «Этногр. Обозрѣнія» Е. И. Якушкинъ въ статьѣ

«Замѣтки о віянії релігіозныхъ вѣрованій и предразсудковъ на народные юридические обычаи и понятія». Въ «замѣткахъ» этихъ идеть рѣчь и о способахъ владѣнія землей, и о бракахъ вдовцовъ и вдовъ, и о кражѣ пчелъ, и о бозоносности для воровъ, и, наконецъ, о мнимыхъ преступленіяхъ. Замѣтки недостаточно снабжены фактами, особенно вѣкоторыи, напр.—о способахъ владѣнія землей и о кражѣ пчелъ, но все же въ отдельныхъ своихъ частяхъ представляютъ интересныя научныя объясненія тѣхъ или другихъ народныхъ обычавъ. Такъ повѣріе, будто воръ можетъ безопасно совершить кражу, имѣя при себѣ руку или даже палецъ мертвѣца, по мнѣнію автора, стоитъ въ связи съ религіознымъ и военнымъ людодѣствомъ первобытныхъ эпохъ. Съѣсть врага было дѣломъ угоднымъ богамъ, да и сообщалась при этомъ побѣдителю храбрость съѣденаго врага. Индейцы Южной Америки при нападеніи на враговъ показывали имъ для устрашенія кости побѣжденныхъ, которыхъ они съѣли. Такимъ же устрашеніемъ для обкрадываемыхъ долженъ быть теперь палецъ мертвѣца или свѣча изъ человѣческаго сала, чѣмъ, по повѣрію, нагоняется на нихъ крѣпкій сонъ. Необходимостію добывать ворамъ то и др. объясняетъ авторъ преступленія раскрыванія могилъ, что имѣло мѣсто, между прочимъ, иногда и въ Малороссіи; случаи такого раскрытия могилъ были въ 1876 г. въ каневскомъ уѣздѣ, въ 1878 г. въ конотопскомъ и въ 1884 г. въ Переяславскомъ. Извѣстны и случаи убийствъ беременныхъ женщинъ ради изглощенія сердецъ нерожденныхъ младенцевъ; подобное питаніе даетъ де разбойникамъ полное огражденіе отъ опасностей. Возможность для воровъ обращаться съ молитвами къ святымъ, къ св. Ивану Воину, по преимуществу, и къ Богу при совершенніи кражъ, г. Явушкинъ объясняетъ тѣмъ, что воровство и грабежъ въ первобытныя эпохи не считались грѣховными дѣяніями. Отмѣтая интересъ подобныхъ переживаній, г. Явушкинъ съѣтуетъ на недостатокъ въ нашей литературѣ фактическихъ свѣдѣній объ обычаяхъ, вытекающихъ изъ указанныхъ повѣрій.

Общность воззрѣній индо-европейскихъ народовъ по нѣкоторымъ философско-религіознымъ вопросамъ въ одномъ изъ разбираемыхъ номеровъ «Этнограф. Обозрѣнія» отчетливо демонстрирована въ небольшой статьѣ г. Александра Веселовскаго—Нѣсколько данныхъ къ народнымъ представлениямъ о Долѣ (№ 1). Во вновь обрѣтенныхъ италіанскихъ сказкахъ съ олицетвореніемъ Доли проводится, какъ и въ сказкахъ о томъ же у сербовъ, албанцевъ и др. народовъ, идея непрекращаемости судьбы, въ силу которой бездольному не въ проѣ

ни чужая помощь, ни находка, такъ что, значитъ, счастливцы и бѣдовики рождаются. Но эта суровость Доли какъ будто бы иногда и смягчается: красавицамъ въ итальянскихъ сказкахъ удается умилостивить Долю дарами или молитвами къ Богородицѣ, а въ одной грузинской сказкѣ бѣдовикъ исправляетъ свою злую долю волей, трудомъ; но наиболѣе распространенное мнѣніе на счетъ улучшения доли—это сліяніе крови. Кровь счастливаго, влитая въ кровь бездольного, дѣлаетъ послѣднаго счастливымъ. Того же можно достичь вкушеніемъ женского молока. Затѣмъ авторъ приводить мало-русскую сказку, изъ которой видно, что счастье можно съѣсть. Это сказка—о несчастныхъ отъ роду супружахъ, жившихъ счастливо благодаря счастливой собакѣ; отецъ жены, зная причину ихъ счастья, для того, чтобы его упрочить, велѣлъ убить собаку, а когда затѣмъ внутренности собаки поклевалъ пѣтухъ, онъ велѣлъ дочери, ея мужу и сыну зарѣзать пѣтуха и съѣсть его. Военное людоѣдство, о которомъ рѣчь была выше, связано, по замѣчанію г. Веселовскаго, съ тѣмъ же представлениемъ о передачѣ доли, храбрости и пр. отъ врага побѣдителю.

Не мало интереснаго южно-русскій этнографъ найдетъ для себя и въ другихъ статьяхъ разбираемыхъ номеровъ «Этногр. Обозрѣнія»; обращаемъ вниманіе на слѣдующія работы: Е. О. Шарко — *Изъ области северной малоруссовой черниловск. цубер.* (№ 1); П. И. Изъ области малорусскихъ народныхъ легендъ (№ 2); Г. Коваленко — *О народной медицинѣ въ перел. уѣздахъ полтав. губ.* (№ 2); М. Довнаръ-Запольскій — *Женская доля въ пользахъ Пинчуковъ.*

Найдя такое количество подчасъ совершиенно новыхъ этнографическихъ данныхъ въ разбираемыхъ книгахъ «Этногр. Обозрѣнія», нельзя не признать большой научной цѣнности этого изданія, независимо отъ допускаемыхъ имъ иногда слишкомъ широкихъ обобщеній, быть можетъ не оправдываемыхъ пока точною обслѣдованностью отдѣльныхъ этнографическихъ фактовъ, а потому и рискованныхъ.

Я. III.

Откликъ въ пользу голодающихъ. Одесса 1892 г. Съ эпиграфомъ: Съ миру по нитки. Цѣна 2 р., съ пересылкой 2 р. 20 к. Складъ изданія въ Одессѣ, въ редакціи «Одесского Листка».

Мысль объ изданіи литературнаго сборника, который продавался бы въ пользу голодающихъ, раньше чѣмъ гдѣ либо, въ началѣ

осени 1891 года, возникла среди сотрудниковъ газеты. «Одесскій Листокъ». Редакторъ этой газеты принялъ всѣ расходы на свой счетъ, чтобы весь валовой доходъ поступилъ въ пользу голодающихъ. Предполагалось сперва, что редакцію Сборника пріиметъ на себя одесское общество помощи литераторамъ, но затѣмъ редакція Одесскаго Листка предпочла дѣйствовать самостоительно, а Общество издастъ собственный сборникъ, причемъ расходы принали на себя редакторы иныхъ одесскихъ газетъ и владельцы вѣкоторыхъ одесскихъ же типографій. Сборникъ общества, затѣянный значительно позднѣе, выйдетъ въ январѣ настоящаго года, Откликъ же Одесскаго Листка очень удачно успѣлъ выйти къ праздникамъ, когда спросъ на книги бываетъ вообще довольно значителенъ.

По содержанію Отклика интересенъ тѣмъ, что въ немъ господствующее мѣсто принадлежитъ мѣстнымъ одесскимъ литературнымъ силамъ, но, конечно, здѣсь собрались онѣ не всѣ; многие литераторы даютъ свои статьи въ Сборникъ общества. Мѣстный характеръ Отклика сказался, пожалуй, въ томъ, что въ немъ нѣтъ какихъ либо выдающихся произведеній, но все прилично, достаточно серьезно, всѣ статьи отличаются гуманнымъ направленіемъ; словомъ, если Отклика и не оставить по себѣ слѣда въ литературѣ, то прочитанъ охотникомъ до легкаго чтенія можетъ быть не безъ интереса.

Статей, не говоря уже о стихотвореніяхъ, помѣщено въ Отклике много (Сборникъ имѣть 276 страницъ убористой печати), но мы укажемъ лишь тѣ, которые касаются южной Руси, что для читателей «Кіевской Старины» представляетъ и специальный интересъ. Такихъ статей пять: «Побожески» разсказъ М. Фрейденберга изъ одесской жизни, въ которомъ, впрочемъ, почти нѣтъ специально одесского колорита; «Освобожденная душа», разсказъ М. Л. Моргулина, изъ быта крестьянъ волынской губерніи, тоже не колоритный; «Было да было поросло» очень интересный разсказъ М. Зозулина изъ прошлой жизни маленькаю южно-русского городка, входившаго въ составъ печальные памяти военныхъ поселеній; «Заколдованный кладъ» малороссійская легенда, изъ цикла преданій о зарытыхъ запорожцами кладахъ, пересказанная Д. Федоровымъ, причемъ къ сожалѣнію не видно, гдѣ она записана; и «Заурядное дѣло» — разсказъ В. Протопопова изъ жизни новороссійского крестьянства, тоже не имѣющей мѣстного характера. Во всякомъ случаѣ разсказъ г. Зозулина и легенда, напечатанная г. Федоровымъ, вполнѣ заслуживаютъ вниманія со стороны южно-rusского читателя Отклика.

Вообще же едвали не самою интересною вещью въ Отклике является сравнительно большая статья М. Шимановского: Мои профессора и мое студенчество 1863—1867 г. Авторъ и самъ довольно крупный одесский общественный дѣятель, членъ судебной палаты бывшій преподаватель казанского и новороссійскаго университетовъ, поэтому разсказать его о себѣ не лишенъ значенія; затѣмъ и время, когда онъ былъ студентомъ петербургскаго университета, очень любопытное; авторъ встрѣчалъ въ это время и такихъ лацъ, которымъ имѣли и крупное историческое значеніе, и обо всемъ этомъ хотя и не художественно, но чрезвычайно точно рассказалъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Не вина автора, если ему пришлось быть студентомъ какъ разъ въ то печальное для с.-петербургскаго университета время, когда его только что покинули лучшіе профессора (достаточно назвать Костомарова, Кавелина, Сисовича, а новый подхоящий составъ еще не сформировался; но все же воспоминанія автора о Рѣдинѣ, Срезневскомъ, О. Миллерѣ должны быть отмѣчены.

Къ Отклику приложенъ листъ съ многочисленными автографами лицъ, къ которымъ повидимому, редакція обращалась съ просьбою обѣ участіи въ Отклике. Автографы же составляютъ цѣлую серію писемъ о голодѣ, содержаніе которыхъ ясно уже изъ ихъ заглавій. Важнѣе всего письмо бывшаго военнаго министра графа Д. А. Миллютина, въ коемъ онъ опровергаетъ довольно распространенный слухъ, будто онъ занять въ настоющее время составленіемъ исторіи прошлаго царствованія. «Судите сами, пишетъ гр. Миллютинъ, возможно ли писать исторію царствованія, живя уединенно въ деревенской глупи (въ Сименсѣ, на южномъ берегу Крыма), безъ всякихъ материаловъ и не имѣя возможности работать въ архивахъ?»

А. Маркевичъ.

Щербановская волость елисаветградскою ульзда Черсонской губ. Историко-этнографическое и хозяйственно-статистическое описание. Т. И. Осадчаю. Херсонъ. 1891.

Послѣ труда священника Г. И. Сорокина о м. Дмитровкѣ Александрійскаго уѣзда, это—вторая, столь же почтенная работа, вызванная программой, изданной Херсонскимъ Земскимъ Сборникомъ. Планъ ея слѣдующій. Послѣ введенія, гдѣ авторъ указываетъ историко-этнографическія черты, которыя дѣлаютъ названную волость типичною и интересною для изученія, въ первой главѣ онъ говоритъ о топо-

графії, рѣкахъ, водоснабженіи, почвѣ и климатѣ ея; вторую посвящаетъ историческому очерку Побужья; въ третьей занимается национальнымъ составомъ, бытомъ и этнографическими особенностями каждой национальности въ предѣлахъ волости; въ четвертой описываетъ семейныхъ отношенія, обычаи, игры, удовольствія и времяпрепровожденіе; въ пятой—вѣрованія и суевѣрія; шестую главу отводить общественнымъ отношеніямъ, народному образованію; въ седьмой изучаетъ населеніе въ отношеніи его состава и естественного прироста; въ восьмой касается земледѣлія, скотоводства и другихъ занятій населенія; въ девятой—платежей и кредита, и въ десятой—бюджета крестьянского хозяйства и распределенія хозяйствъ по степени состоятельности. Монографія г. Осадчаго отличается большимъ обиліемъ разнообразныхъ фактическихъ свѣдѣній о волости, почерпнутыхъ имъ лишь въ незначительной степени изъ литературы (въ первыхъ двухъ главахъ), въ которой, однако, онъ обнаруживаетъ значительную начитанность, большую же частію взъ личныхъ наблюденій и опросовъ жителей на мѣстѣ. Щербановская волость населена малороссами и молдаванами и, кромѣ того, въ ней живутъ въ небольшомъ числѣ великоруссы, цыгаи и евреи. По словамъ автора, первыя двѣ, господствующія въ численномъ отношеніи, национальности находять въ своихъ этническихъ особенностяхъ много точекъ соприкосновенія и постепенно, но неуклонно идутъ къ сліянію, вырабатываю, такимъ образомъ, общій типъ новоросса. Взаимное тяготѣніе ихъ выражается въ легкости заключенія браковъ малороссовъ и молдаванокъ, причемъ послѣднія охотно идутъ за малороссовъ, пріобрѣтая черезъ то большую свободу сравнительно съ той зависимостью, въ которой женщина находится въ молдаванской семье, что, въ свою очередь, служить препятствиемъ къ выходу малороссокъ за молдаванъ; любопытно, что въ такихъ семьяхъ, где жена—молдаванка, обыкновенно дѣти, а за ними и отецъ выучиваются молдаванскому языку и нерѣдко совсѣмъ омолдаваниваются.

Самый свадебный обрядъ повсюду—молдаванскій; молдаванское вліяніе наблюдается и въ убранствѣ жилищъ, и въ праздникахъ, и въ играхъ. Наряду съ этимъ, сохраняются нѣкоторые коренные малороссийские обычай и вѣрованія: общественные обѣды для всей громады въ храмовой праздникъ, вечерницы, веснянки, колядки, побратимство и посестrie, гаданія и пр. Вліяніе города способствуетъ наблюдалемому сліянію народностей, уравнивая ихъ въ покроѣ костюма, въ пищѣ и пр. Къ сожалѣнію, о молдаванахъ въ трудѣ г. Осадчаго

мы нашли свѣдѣній гораздо менѣе, чѣмъ о малороссахъ, и потому не могли составить себѣ понятія, насколько сильно вліяніе послѣднихъ на первыхъ, а потому не могли и убѣдиться вполнѣ, дѣйствительно ли въ данной волости дѣло идетъ къ равноправному сліянію этихъ національностей, а не къ утерѣ малороссами своихъ особенностей и къ подчиненію молдаванамъ въ бытовомъ отношеніи.

Во всякомъ случаѣ, искренно привѣтствуемъ любопытный трудъ г. Осадчаго и пожелаемъ, чтобы и другіе представители сельской интеллигентіи столь же ревностно трудились надъ изученіемъ и описаніемъ роднаго края.

В. Ястrebовъ.

Народные обычаи, суеты, предразсудки и обряды крестьянъ саратовской губ.—Члена Импер. Географич. Общества А. Н. Минха. СПБ. 1890 г. (2 вып. XIX т. «Записки Геогр. Общ.»).

Обращаемъ вниманіе читателей «Кievskой Старинѣ» на книгу, заглавіе которой мы выписали, потому, что въ ней находимъ свѣдѣнія о жизни малороссовъ въ саратовской губ. Жизнь эта, сколько можно судить на основаніи сообщенныхъ г. Минхомъ данныхъ, не отличается какимъ либо особымъ складомъ въ сравненіи съ жизнью всего южнорусского племени. «Малороссы тѣхъ селеній, въ которыхъ они живутъ отдельно отъ русскихъ—говорить авторъ—удержали свой говоръ, нравы, обычаи и въ нѣкоторой степени свою одежду; тамъ же, гдѣ они поселены съ русскими, они усвоили много изъ ихъ одѣянія: даже будничная родная плахта стала замѣняться юбкой; но говоръ и типъ не поддается еще обрисовкѣ» (стр. 8). Малороссы по численности составляютъ въ саратовской губ. вторую народность: ихъ больше, чѣмъ нѣмцевъ колонистовъ. Къ сожалѣнію, не сообщены болѣе подробнѣе статистическія данныя. Живутъ они въ южной части губерніи (въ уѣздахъ: саратовск., аткарск., балашихинскомъ, камышлинскомъ и царицинскомъ). Переселяться въ саратов. губ. малороссы начали съ XVIII в. Это были или искатели новыхъ мѣстъ (изъ Украины, изъ воронежской губ.), или крѣпостные переведенцы графовъ Воронцовъ и другихъ (стр. 2),

Авторъ названной книги не даетъ намъ полной картины жизни населенія края. Его трудъ есть сводъ добытыхъ въ теченіе довольно продолжительного времени матеріаловъ. Только нѣкоторымъ части обработаны подробнѣе; но и во всей книгѣ мы находимъ не мало любо-

ныхъ замѣчаній о жизни великороссовъ, малороссовъ, нѣмцевъ, мордвы въ саратовской губ. Мы укажемъ на болѣе важныя замѣчанія о малороссахъ. Они, по словамъ г. Минха, «народъ красивый, и между лѣвушками встрѣчаются очень хорошенькихъ съ бойкими черными и карими глазами... Рассматривая каждое селеніе, въ которомъ русскіе сидятъ съ малороссами, мы непремѣнно видимъ, что эти двѣ народности не сближаются, а живутъ отдѣльными частями поселенія, часто раздѣленными рѣкой или овражкомъ. Эти двѣ части села ведутъ всегда отдѣльный хозяйствъ, снимаютъ врозь участки земли, и смѣшанные браки вообще встрѣчаются очень рѣдко». (стр. 8). Малороссы отличаются и своими «опрятными хатами», въ которыхъ никогда нѣтъ черной топки, и кушаньями; наконецъ, они сохранили въ чистотѣ и многіе родные обычай. Конечно, вѣра въ лѣшихъ, русалокъ, чаровниковъ и т. д. обща у нихъ съ великороссами. У г. Минха переданы нѣкоторые разсказы малороссовъ о чаровникахъ, русалкахъ (стр. 18—22), вѣдьмахъ (27). Описаніе обычаевъ рождественскихъ вполнѣ напоминаетъ общезвестное провожденіе этого времени у малороссовъ. Г. Минхъ записалъ нѣсколько мѣстныхъ колядокъ и щедривокъ (94—99). Изъ другихъ обычаевъ находимъ свѣдѣнія о пасхальныхъ (101), о куцальскихъ пѣсняхъ (105), вечерницахъ (110), свадьбѣ (120—124). Упоминается, между прочимъ, пьяная пирушка женщинъ, имѣющая мѣсто на Томиной недѣлѣ у крестьянъ сл. Покровской (самарской губ., противъ Саратова, основан. въ 1763 г.), сопровождаемая процессіей, извѣстной подъ именемъ «ловли Хомы» (стр. 102).

Авторъ, повидимому, склоненъ въ нравственномъ отношеніи поставить выше великороссовъ. Малороссы, говорить онъ, не такъ цѣнить цѣломудріе лѣвушки, какъ русскіе: не только не зазорно, но изстари ведется обычай «жениханіе лѣвушекъ съ парубками» (стр. 120). Но самъ авторъ сообщаетъ о жениханіи слѣдующее: «Бываетъ, конечно, не безъ грѣха, но не было случая, чтобы согрѣшившие нарушили клятвенное обѣщаніе о бракѣ. Опрошенныя мною пожилыя малороссіанки утверждаютъ, что лѣвушки, женихаясь съ парубками, дозволяютъ лишь цѣловаться; до грѣха же допускаютъ очень рѣдко. Тоже самое я слышалъ въ другихъ мѣстахъ» (стр. 110).

Въ общемъ малороссы очень мало заимствовали отъ великороссовъ. Измѣненію иногда подверглась одежда, вообще теряющая национальный оттѣнокъ и въ другихъ мѣстахъ Ю. Россіи; да въ свадебномъ обрядѣ прибавился грубый обычай осмотра рубашки и посадка вина въ дырявой чашкѣ (стр. 124).

Мы прочитали книгу г. Минха съ большимъ интересомъ и удовольствиемъ. Жаль только, что свѣдѣнія, собранныя имъ, вратки и не исчерпываютъ быта населенія вполнѣ. Апр. Л-ико.

В. С. Карцовъ и М. Н. Мазаевъ. Опытъ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей. С.-Петербургъ 1891.

Незачѣмъ, думаемъ, пояснить, какое важное значеніе вообще, а для историка литературы въ особенности, имѣеть раскрытие псевдонимовъ. Понятны, съ другой стороны, и трудности, встрѣчающіяся при работахъ такого рода: только большое знакомство съ разными изданіями, аналогіи и остроумныя соображенія позволяютъ опытному библиографу достигнуть, повидимому, весьма умѣренныхъ результатовъ: опредѣленія имени автора, не подписавшаго полностю или измѣнившаго свою фамилію. Таковы, напр., въ нашей литературѣ работы В. И. Савитова, Л. Н. Майкова. Но скромная цѣль, поставленная и достигнутая такимъ изысканіемъ, даетъ потомъ историку литературы возможность говорить болѣе полно и увѣренно о произведеніяхъ того или другаго писателя, въ силу какихъ либо обстоятельствъ скрывшаго свое имя. Вотъ почему въ з. Европѣ мы можемъ насчитать нѣсколько капитальныхъ работъ по раскрытию псевдонимовъ (см. «Энцикл. Словарь» подъ редакц. проф. И. Е. Андреевскаго Ш, 779—780). У насъ также были поыскіи подобнаго рода, напр.—гг. Пономарева, Быкова, Геннади. «Опытъ» гг. Карцова и Мазаева превосходитъ всѣ прочія: у нихъ собрано до 4000 указаний.

Въ нашей краткой замѣткѣ, назначенной для журнала, посвященнаго преимущественно прошлому юга Россіи, мы не можемъ поставить себѣ цѣлью дать значительныя дополненія къ «Опыту». Этого нужно ожидать отъ специальныхъ библиографическихъ изданій. Мы поэтому ограничимся замѣчаніями о планѣ изданія и о задачахъ его, какъ мы ихъ понимаемъ. Намъ кажется, что «Словарь псевдонимовъ» преимущественно долженъ преслѣдоввать цѣли научныя, т. е. быть не только справочной книжкой. Между тѣмъ, если бы вы пожелали при помоши «Опыта» сразу отвѣтить на вопросъ, подъ какими псевдонимами писалъ, напр., г. Мордовцевъ, то сдѣлать этого вы не могли бы, такъ какъ нужно просмотрѣть всю книгу. Необходимо поэтому, думаемъ, кромѣ алфавита псевдонимовъ приложить алфавитъ авторовъ. Въ послѣднемъ случаѣ можно указать и на анонимныя сочиненія того или другаго писателя.

«Библиографъ—не критикъ,—говорятъ гг. Карцовъ и Мазаевъ, и потому здѣсь помѣщены псевдонимы писателей, быть можетъ, слишкомъ

мелкихъ; разъ есть возможность сохранить ихъ настоящую фамилію, почему бы этого не сдѣлать?» Замѣчаніе это справедливо только отчасти, но не вполнѣ. Едва ли имѣеть какое нибудь значеніе раскрытие псевдонимовъ разныхъ Арлекиновъ, Базилей Лелечкиныхъ и весьма многихъ другихъ сотрудниковъ разныхъ сатирическихъ и юмористическихъ изданій, внесенныхыхъ однако въ рассматриваемый словарь.— Необходимо, по нашему мнѣнію, также указывать на источники, откуда взяты составителями тѣ или другія свѣдѣнія. Относительно псевдонимовъ писателей прошлаго вѣка источники, конечно, ясны, и едва ли въ «Опыта» есть дополненія сравнительно съ прежними работами. Что касается раскрытия псевдонимовъ писателей новѣйшихъ, то тутъ помогли, конечно, указатели къ журналамъ (напр. къ «Историч. Вѣстнику», «Вѣстнику Европы»), иногда догадки, напр., о псевдонимахъ сотрудниковъ нашего журнала. Но все-таки желательно при каждомъ отдельномъ случаѣ указаніе источника.

Въ заключеніе нѣсколько дополненій, сознаемся—дополненій случайныхъ. Не указаны псевдонимы (8) первого редактора «Кiev. Стар.» Ф. Г. Лебединцева (о нихъ см. «Кiev. Стар.» 1888 № 5). Волынецъ (г. Липранди) участвуетъ также въ «Москов. Вѣдом.», «Глыни» и «Новомъ времени». Подъ псевдонимомъ Ребровскій Н. гр. А. Д. Блудова писала и въ «Волын. Епарх. Вѣдомост.». Не указаны 1) С. Д.—Дудышкинъ въ «Отеч. Зап.» 60-хъ годовъ. 2) Н. О.—Осиповъ, авторъ «Виргиліевой Энеиды, вывороченной наизнанку» 3) Ходаковскій—Адамъ Чарноцкій. См. Пыпинъ «Истор. рус. этнogr.» III 4) Слипченко Мордовецъ—Мордовцевъ «За крашанку писанка» Спб. 1882. 5) В.—Л. Боровиковскій. См. Дацкевичъ въ «Отчетѣ о 29 присужденіи наградъ гр. Уварова» 264 стр. 6) М. Мисъ—Моргуились въ «Волын. Губ. Вѣдомост.» 1865 г. (раскрыто г. Братчиковымъ) 7) В. О.—Омеланскій. Ibid. 70-ые годы (раскр. г. Братчиковымъ).—Невсегда выдержаны принципы при расположении; напр.—псевдонимъ Митро Олельковичъ нужно было поставить подъ Олельковичъ, а не Митро.

Арк. Л—илю.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

ПЕЧАТАЕТСЯ И ВЫЙДЕТЬ ВЪ ФЕВРАЛЬ

КІЕВСКІЙ СБОРНИКЪ“

ВЪ ПОМОЩЬ ПОСТРАДАВШИМЪ ОТЪ НЕУРОЖАЯ.

Подъ редакціей И. В. Луцицкаго.

Томъ отъ 22 до 25 л., составленный изъ произведеній иностранныхъ и русскихъ беллетристовъ и статей научнаго содерянія.

Въ распоряженіи редакції имѣются: 1) произведенія иностранныхъ писателей, присланныя специальнно для „Сборника“, Леффлеръ, герцогини ди Кайянеяло, „изъ воспоминаній о совѣтной жизни въ Стокгольмѣ съ Софьей Ковалевской“, стихотворенія и разсказы: Берты фонъ Суттинеръ, Поля Гейзе, Арие Гарборга, Пьера Лоти, Б. Бьернсона, Эбера, Виктора Делагера, Іонаса Ли, Стриндберга и др.; 2) статьи профессоровъ: Максима Ковалевскаго („Кромвель“), И. А. Синкорскаго („Голодъ и его спутники“), П. И. Броунова, („Логода и ея предсказавіе“), В. Б. Антоновича („Каменный періодъ въ Ю. З. Россіи“). В. П. Ерманова („Преподаваніе алгебры“) В. Н. Малинина („Надсонъ какъ поэтъ“, съ приложеніемъ неизданнаго письма Надсона), И. В. Луцицкаго („Земледѣльческіе классы въ современной Италіи“), А. Абрагамсона („въ Средней Азіи“ съ фотографическими снимками) и др. 3) разсказы М. Альбова, Вас. И. Немировича-Данченко, Н. Арандии, В. Бибикова, А. Любича, М. Бертина и др. Сверхъ того, редакція обѣщаваи произведенія В. Высоцнаго, Гейерстама, Сигурда, проф. П. Д. Флоринскаго, и др.

Къ сборнику будутъ приложены фототипическіе снимки съ картинъ профес. В. Орловскаго, В. Васнецова и П. Свѣдомскаго.

Цѣна сборника 2 рубля (безъ пересылки).

Пересылка заказной бандеролью и наложеннымъ платежемъ.

Подписка принимается въ Киевѣ: въ редакціи (Левашевская, 14, И. В. Луцикому) и въ книжныхъ магазинахъ Н. Огоблина, И. А. Розова, Б. Корейво, Ф. А. Іогансона и др.

Объявления для помѣщенія въ сборникѣ принимаются въ редакціи; плата 30 руб за страницу, за полъ страницы 15 руб., за четверть страницы 8 руб.

Съ требованіями можно обращаться въ редакцію „Киевской Старинѣ“.

О Т К Р Ь Т А П О Д П И С К А Н А

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

Газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая. Выходит ежедневно, не исключая и понедѣльниковъ (около 330 номеровъ въ годъ и во вскомъ случаѣ не менѣе того количества, какое выпускаетъ другія одесскія газеты).

Въ 1892 году газета „ОДЕССКІЯ НОВОСТИ“ будетъ печататься на специально заказанной въ Парижѣ у Маринони ротационной машинѣ, способной выдавать 20.000 оттисковъ въ часъ, въ 8-ми столбцовомъ форматѣ и такимъ образомъ сдѣлается самой большой изъ южныхъ газетъ и притомъ самой дешевей. Вмѣстѣ съ тѣмъ огромное распространение газеты даю возможность привлечь новые литературные силы и специальныхъ корреспондентовъ за границей.

Въ 1892 году въ газетѣ «Одесскія Новости» будутъ помѣщаться ПОРТРЕТЫ и ИЛЛЮСТРАЦІИ.

Подписанная цѣна на 1892 г. остается та же, а именно:

Безъ доставки и пересылки:	Съ доставкой и перес. въ др. города:
На 1 мѣсяцъ — р. 90 к.	На 1 мѣсяцъ 1 р. — к.
” 3 ” 2 ” 50 ”	” 3 ” 2 ” 75 ”
” 6 ” 4 ” 50 ”	” 6 ” 5 ” — ”
” годъ 7 ” 20 ”	” годъ 8 ” — ”

За-границу доплачивается къ подписной цѣнѣ по 60 коп. въ мѣсяцъ. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка во взносѣ подписной платы.

Новые подписчики на 1892 годъ получаютъ газету со дня подписки безъ всякой особой приплаты.

П О Д П И С К А П Р И Н И М А Е Т С Я

Въ Одессѣ: Въ Главной Конторѣ, Ланжероновская ул. (въ Пале-Рояль) собств. д. Въ отдѣленіи конторы—Пушкинская ул., № 11.

Въ отдѣленіи конторы на Моддаванкѣ—Прохоровская ул., домъ № 11.

Въ отдѣленіи конторы на Пересыпи—Московская, домъ № 37.

Вышли изъ печати и разосланы подписчикамъ

39 И 40 ВЫПУСКИ

НАСТОЛЬНОГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

изданія Т-ва А. ГАРБЕЛЬ и К° въ Москвѣ, Тверская, Б. Гнѣздниковскій пер
домъ Мартыновой.

Объясненіе словъ: Зульцеръ—Истоминъ.

Подписка продолжается только до выхода 50 выпуска. Отдельные выпуски продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Въ конторѣ имѣются для продажи еще слѣдующія изданія: Завоеваніе Алжира, Изъ жизни животныхъ, 30 коп. Программы для среднихъ учебныхъ заведеній сост. Горбуновъ и Временные правила для волостныхъ судей, гдѣ введены Земскіе Начальники по 50 к. и папки для I-го и II-го томовъ.

Лицъ, желающихъ выписать словарь наложеннымъ платежемъ, контора покорнейше просить высыпать на почтовые расходы на 1 р. почтовыми марками, или зачтутся въ счетъ уплаты.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНИЕ,

1892 годъ.

издаваемое Этнографическимъ Отдѣломъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, состоящаго при Императорскомъ Московскому Университетѣ,

подъ редакціей секретаря отдѣла Н. А. ЯНЧУКА,

при участії проф. В. Б. Антоновича, проф. Д. Н. Анучина, проф. Д. И. Багалѣя, Е. В. Барсова, акад. Александра Н. Веселовскаго, проф. Алексѣя Н. Веселовскаго, проф. А. И. Кирпичникова, М. М. Ковалевскаго, проф. В. Ф. Миллера, П. Н. Милюкова, А. Н. Минха, В. М. Михайловскаго, Г. Н. Потанина, Е. Р. Романова; проф. И. Н. Смирнова, проф. А. И. Соболевскаго, проф. М. И. Соколова, проф. Н. Ф. Сумцова, акад. Н. С. Тихонравова, А. Н. Харузина, Н. Н. Харузина, А. С. Хаханова, П. В. Шейна, проф. И. В. Ягича, Н. М. Ядринцева, Е. И. Якушевна и другихъ русскихъ и заграничныхъ ученыхъ.

Издание посвящено всестороннему изученію быта всѣхъ народностей Россіи.

„Этнографическое Обозрение“ выходитъ 4-ма книжками въ годъ (около 15 листовъ каждая).

Цѣна годовому изданію безъ перес. 4 р. 50 к. съ перес. 5 р. заграницу 6 р. Отдельные книжки, какъ вновь выходящія, такъ и вышедшия, продаются въ складѣ при канцеляріи Общества и въ книжныхъ магазинахъ по 1 р. 50 к. съ перес.

Учащимися, сельскимъ учителямъ и священникамъ дѣлается уступка 40%/. Допускается разсрочка по соглашению.

Подписька принимается въ канцеляріи Общества (Москва Политехническій Музей) и въ книжныхъ магазинахъ А. С. Суворина (Москва и Петерб.), Н. П. Карбасникова (Москва, Петерб. и Варшава), А. А. Карцева (Москва), Н. И. Мамонтова (Москва) и А. Ланга (Москва). Адресъ редакціи: Москва, Политехническій Музей.

Распоряженіемъ г. Министра Народнаго просвѣщенія изданія Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографии рекомендованы для приобрѣтенія въ фундаментальныя библиотеки среднеучебныхъ заведеній.

26. Гротъ, полковникъ Ямбурскаго полку, рушилъ зъ Ромна рано. Сторожъ лубенскій посланъ въ Глуховъ зъ доношеніями дво-ма: въ канцеллярію, о великой компаніїцахъ дачѣ, то есть по конѣ грошей на зимніе мѣсяцы на коня, и о присилкѣ реестровъ нового полку лубенскаго ревизїи, а съ третимъ въ колегію, что необіскался закупщикъ циганскаго атаманства, писаними; да зъ письмомъ до Василя и срѣбра полторы цѣвки и шовку чорного З лоти, на зробленне потребъ до кунтиша. Сторожъ чорнускій посланъ въ Лохвицю, до Григорія Остапенка зъ листомъ и 100 зол., жеби оніє Рубашному далъ, ежели доводятся. Черезъ его же до Орановскаго писалемъ о рознихъ домовихъ рѣчахъ и грошей, на покупку лѣса до футора, послалемъ 100 зол. Да черезъ его же писалемъ до сотника лубенскаго о приуготовленіи его въ Гилянъ, а до чигиринду бровскаго о присилкѣ писемъ родителскихъ. Малареви тутейшому, бывшого покровскаго попа, далемъ книжку символя для перорисовання нѣкоторыхъ лицъ и гусли малювать. Прапорщикъ Волжинъ, бувши у мене, предлагаль скаргу на сотника наказного здешнаго, что онъ ему подводъ и козаковъ не отдаетъ. Сотникъ здешній зъ войтомъ перемовлялись передъ мною. 5 рублей далемъ своихъ Якову Дубровѣ, въ доплатку позиченныхъ имъ же грошей зол. 100, Рубашному отложеніхъ.

27. Блядки въ Несторовичевомъ шинку будучіе, осажени, скарани и пущени. Зарудай старій отехаль въ Глинськъ, которому кафанъ старій отласовій далемъ зелен. Писалемъ до Орановскаго и Звѣраки о рознихъ інтересахъ домовихъ. Отъ лубенской старшини получилемъ вѣденіе о маєтностяхъ державскихъ и о томъ отвѣтъ, что въ зборщики до магазейну нѣкого тамъ вибрать. Ярошенко, повернувшись зъ Криму, сказалъ, что Адамъ продалъ масло по 7 окъ, а тютюнъ по 17 за лева¹⁾). Волжинъ прапорщикъ писмо прислаль ко мнѣ о противности здешней старшини, будто показуючойся. Получилъ отъ Шишкевича вѣдомость о походѣ. Уже килка денъ, якъ дочь моя Настуся захоронала на курѣ. У вечеру Стол-

¹⁾ Левъ—турецкая монета.

повскій бувъ и читали житіе Ісаєвія по полску. Купилемъ у сотника тутейшого меду прѣсного неповную кухву, а въ оной вѣдерокъ 10 и квартъ 10. Зъ другой кухви, другого меду показалось полъ куфи, а того доклавши, учинили повную кухву и забили, якая заважила 26 каменей сороковыхъ.

28. Презентъ, посыпанный въ колегію за баранами, повернулся безъ отвѣту, якого не дано. Отъ Троцкого канцеляристи получили полчилемъ вѣдомость о повторно засланномъ зъ правителствующаго сенату указѣ, на имя старшини енералной написанномъ, чтобы зъ бунчуковими вислать 2000 козаковъ въ Гилянъ, въ приидучомъ мартѣ и юнацѣ. Отъ Василя, господаря, получилъ писмо, въ якомъ пишеть, что Степану Солодовнику далъ грошай 30 зол., а онъ въ годъ по 5 р. 4 рази давать мѣеть, и что грошай 50 рублей отъ его презента принялъ. Зъ Глухова, отъ правителей, о Грому и Гавриленку 2 писмъ получили, жеби ихъ расправить. Панъ Иванова, бывшая сотникова луб., пріехала. Козакъ отъ Ивана Новѣцкого привезъ сказку, почему они владѣютъ своими селами.

29. Неделя. Посль службъ Божій, були здешніе всѣ въ нась и войти сина своего представиль. У вечеру отецъ Савѣцкій зъ п. Столповскимъ бували, просилъ къ себѣ на завтрео. Пилипу Римареви далъ Тарасъ зол. 2. Алексѣйцеви казалемъ, отобраши за сѣно, взять зъ онихъ себѣ зал. 10.

30. П. Булюбашъ, сотникъ чигириндуровскій, пріехалъ въ Роменъ и подаль писма отъ родителя и брата п. Семена, зъ кото-рихъ въ послѣднійшомъ пишется, что Гаврило зъ 4 барилами горѣлки пріѣхаль въ Сулакъ. П. Якимъ Кулябка пріѣхаль же и просилъ инстанцій за собою писменнихъ въ Лубнѣ до тамошнихъ ктиторанъ. Указъ данъ старшинѣ роменской по доношеніи отца Савѣцкого, чтобы безчинія, такъ въ городѣ, яко и по селахъ, заборонени были.

Декабр. 1. Романа за пянство, а Войтенка за побѣгъ и разбой по шинкахъ, наказалъ. Обѣдали у насъ Булюбашъ и Якимъ Кулябка. Григорій Манжосъ пріехалъ и привезъ росписки отъ бунчуковихъ, что они готови въ походъ до Гиляни, опрочь нѣкоторихъ. Зъ Глинска привезенъ реестръ козаковъ до Гиляни опре-

дѣленихъ и деаги за бѣглого дракуна 22 рубль зълишнимъ. Зъ вой. енер. канцел. принесени два укази: 1, о присилѣ новихъ зборщиковъ, въ Глуховъ, до коллегіи, а другій—о переписѣ всѣхъ въ полку козаковъ отъ большого до меншого и бунчуковыхъ, хто, где и когда въ походахъ буваль. Третій указъ зъ колегіи о подрадѣ вина простого на питейніе двори въ С. П. Бурху.

2. Козакъ сотнѣ глинской присланній зъ гроши за бѣглого дракуна зъ села Гудимъ, посланъ при листѣ моемъ до правителей въ Глуховъ, а оттолъ въ Ахтирку. Укази: 1, о перемѣнѣ зборщиковъ, 2, о подрадѣ роговъ килвехъ тисачъ, 3, о подрадѣ вина простого на питейніе двори Сп.-бурскіе подписани и дани писаревъ пѣратинскому, для розилки въ сотнѣ. Булюбашъ, сотникъ чигирин-дубровскій, отехалъ по службѣ. Писма отъ братовъ зъ Киева получилимъ. Млинокъ одинъ робыти, а два направляти далемъ. Дочерѣ моей Настусѣ захоронавшой уже тому дней зъ десятокъ на горло, *cataplasma* прикладана: гнѣздо ластовине, корень фіялковій и каль собачій варили въ молоцѣ и тимъ горло обкладали, зъ совѣту Полторацкого. Медвежью шкуру стрѣлецъ смѣловскій привезъ.

3. Листи и купчию въ скринцѣ своей пересмотрѣлемъ. Послалемъ листи до и. Федора о присланнію ко мнѣ контрафекту (портрета) панского, а до и. судіиной зъ визнанемъ моей зичливости отвѣтъ. Якимъ Кулябка отехалъ зъ Ромна. Прадка, бывшій зборщикъ, приходиль за подорожною себѣ въ Литву намѣрившому ити. Ездилемъ до Ярошенка вина кримскаго гледѣти, якого бутку за 200, а буту большую за 400 зол. продавалъ. Тогда же и въ своеи шинку билъ, где всякий биль напитокъ. Дочерь моя Анастасія, въ 1722 году родившаяся, преставилася 5 години зъ четвертью по полудни, зъ хороби, якую зовутъ медики *angina*, которая носля кору показавшо-ся на тѣлѣ и якѣби доспѣвшаго и злущившагося по обоихъ сто-ronахъ горла, показалася; болѣла дній 12.

4. Павлу ключнику на розніе обрадки, до погребу оной до-чери, моей далемъ 40 зол. Ілку Важниченку на покупку табаку далемъ 50 зол. Тишко сторожъ, повернувшись, далъ карту отъ Орановскаго о принятиихъ 20 зол., а отъ Григорія Остапенка писмо

о данихъ Рубашному тожъ 100 зол. зъ роспискою отъ его данною, подъ кондицією написанною. Сотникъ лубенскій отвѣтствуетъ, же за слабостію здоровья въ походъ ити не можетъ. Вчора представлшойся дочерѣ моей, сегодня погребеніе чинилисмо, которая погребена въ церкви Успенія пресвятой Богородици на правомъ боку, передъ формами, межи Петромъ братомъ и Ioannomъ синомъ (которій 1722 году, въ юнѣ мѣсяцѣ, преставился) моими, положенна. Григорашъ розискъ о сналенію дому сотницкого въ Городищу справивши, прислалъ, по якомъ на Саданку явного нѣть доводу.

5 Иванъ Перехристъ, повернувшись зъ Кришу, сказалъ объ уже также виехавшомъ и оставленномъ отъ его Адамовѣ около Таванѣ, которій масло попродалъ по 6 окъ, тютюнь по 14, 17 и 20 окъ за лева, и везеть мусулесу да простого вина по кухвѣ, сафяну бунтувѣ 30, да заполочѣ 10 окъ; а онъ Иванъ продававъ футра простіе заячіе. лапковіе, по 6 зол., а хребтовіе по 12, также кошечіе лапковіе по 12, сѣбирковіе брушковіе по 22 зол. Укази о переписѣ старшини и всѣхъ радовыхъ зъ описаннемъ службы ихъ, кто въ якихъ и когда бывалъ походахъ, посланы. Другіе укази, о томъ, чтобы старшина зборщикамъ деньги за медъ давали. До чорнуской старшини указъ посланъ о присланнію Леонтия Янковскаго въ надзирателѣ надъ магазейномъ, а до Жуковскаго Якова посланы укази и листъ, чтобы онъ поехавши въ Лубнѣ, оттуду двохъ целовальниковъ къ магазейну выбравши, сюда прислалъ, а зъ Лукомля Лаврѣна Кодинченка въ щетчики выбравши, прислалъ же. Указъ зъ канцеляріи енер. присланъ, чтобы дать въ оную вѣдать почему четверть муки всякой и крупъ продается, также и пудъ сѣна. А зъ колегіи о взяттю штрафа зъ сотниковъ за не-висланныхъ козаковъ прошлого году въ походъ, за всякого козака по 3 руб., а всѣхъ невисланныхъ зъ полковъ показалось 178 козаковъ, а въ лубенскомъ зъ городиского сотника взять за двохъ, 6 р. Кодинецъ, сотникъ лукомскій, пріѣхавъ въ Роменъ и обѣдалъ у насъ и зъ нимъ человитчики на Кузму, асаулу арматного, лукомцѣ.

6. Неделя. Сторожъ лубенскій, повернувшись зъ Глухова, привезъ отвѣтніе писма отъ правителей: два указа, 1) о непре-

мънномъ вистатченю плати на компанѣйцовъ по прежнему, 2) о нарадѣ козаковъ въ Гилянъ и о допросѣ Самойловича и Худолѣя зъ товарищи—суть ли въ ихъ гетманскіе унїверсалы или они значковіе?—Лаврѣну Кодинцеви дано доношеніе въ канцелярію быть ему щетчикомъ. Иванъ принюсь, Перехристъ, шербету вишневого, якого глечикъ мнѣ дано. Писмо п. Несторовича до п. Несторовичевої писаное, читали, въ якомъ дата положена октовр. 9. и что на-дѣются родителя въ Астрахань къ запустамъ филиповимъ. Оранов-скій пишеть, что купили лѣса до винницѣ въ Сухоносовцѣ, на зрубъ, за 10 копъ. Звѣрака, писарь чернускій, писаль о млинкахъ въ селѣ будучихъ, о церковномъ, также зѣдавна оній бувъ Яковця Захарченка, а потімъ достался отцу Якиму, помови тамош-нему, а попъ въ заставу отдалъ Івану Колотенку, 1717 року, за 160 зол., а отъ его въ замѣну нижше собою занятого млина от-данъ до церкви. Нелидовъ, у вечеру бувши у мене, обявилъ указъ зъ колегіи присланній къ нему о слѣдованіи козаковъ и посполи-тихъ, которое бы чиншъ платили на чинъ полковничій. Черезъ Джиггила въ Глуховъ отправили доношеніе о Петру лукомскомъ и лубенскомъ женоубійцѣ.

7. П. Василь глинскій пріехалъ и по обѣдѣ отехалъ. Каза-новъ два зроблено и 6 трубъ новихъ; одинъ казанъ безъ полфунта, а другій безъ полъ 3 фунта; въ трохъ трубахъ полъ 8 фунта, а въ другихъ трохъ 10 фунтовъ, итого всей мѣди въ 2 казанахъ а въ 6 трубахъ, 94 фунта и пол. До Орановскаго писалемъ о многихъ господарскихъ рѣчахъ. Вина кухву Андрѣй зборщикъ ви-торговалъ, намъ зъ родителкою, за 30 р. Атаманъ городовій ромен-скій, бувши у мене, сказалъ, что будто я виноватъ ему 150 зол., якіе давалъ Хведчунови и Якову Дубровѣ. Отецъ Савѣцкій про-сидѣль вчора зо мною у вечеру и разговаровали.

8. Степана Уманца, присланного зъ вой. онер. канцеляріи за спискомъ козаковъ зъ полку 375 и расписками бунчуковыхъ о прі-уготовленіи въ Гилянъ, отправилемъ зо всѣмъ тимъ и зъ доношеніемъ моимъ въ Глуховъ. Вина кухву, зборщикомъ сторгованную, зъ родителкою передѣли и всего вина коновъ болшихъ 7, въ которыхъ

окъ по 29, а меншихъ 2, итого всѣхъ окъ—. Зъ Глинска привезено казановъ 2 и 6 трубъ, въ одномъ важдитъ 40 фунтовъ, а въ другомъ 35 и полъ фунта, въ 6 трубахъ 17 фунт. До Шереметева писмо отвѣтное послалемъ и до комисаровъ. Прапорщикъ Волгинъ писаль ко мнѣ о указѣ, къ ему присланномъ, розискать утѣкачовъ, зъ походу отъ Милорадовича утекшихъ, полку лубенскаго. Дѣвоекъ наказовано за залюти и Романа чутъ не споткало тоежъ. У вечеру били у мене всѣ и атаманъ калиновскій привозиль карла сина своего. У лазнѣ мился. Ремана раховали сотникъ наказній Савуско и писарь пѣратинскій и по ихъ рахубѣ показалось данного всякого напитку шинкамъ роменскому за Михайла шинкера за 74 зол., а за Дениса за 1026 зол., и шаг. 5. лохвиц. Семену за 46 зол., и 5 копѣекъ, Василеви за 334 зол., лубенскому Пилипови за 283 зол., Артемови за 819 зол., итого summ. 2582 зол., и пол. 8 шаг. Казанъ зъ 3 трубами послани въ Сухоносовку.

9. Указъ послалемъ въ сотнѣ о присланнію вѣдомости почому пашня и сѣно въ сотняхъ продається. Микола трембачъ зъ указомъ колежскимъ и зъ инструкціею посланъ доправить у городиского сотника 6 р. за двохъ козаковъ, въ походъ невисланныхъ. Именини родителки отправлялисмо зъ шумомъ пянственнымъ.

10. Юско, молодикъ брата п. Андрія, посыданній въ Астрахань, повернулся вчорайшого дня, а сего явился у мене и сказовалъ, что тамъ сперва горѣлку Демянъ продаваль: гор. вѣд. по 6 и по 5 коп. и что тютюну моего, якого было болшъ 30 каменей, продали камень по полъ 7 зол., а бариль 4 гор. Гаврило въ Сулакъ возиль и тютюну бочку, якого тамъ не спородавши, назадъ привезль. Полторацкій реестръ медикаментовъ въ моей аптекѣ содержитъ усмихъ, составиль, якъ и нашо онихъ уживати, и оному за то червонца далемъ. Панѣ сотникова глинская сливяніку обѣщала прислатъ. Алексѣецъ вчора заболѣвши и теперъ лежить. До Сенчи писано о присланнію сюда писара тамошнаго, якій мѣеть въ Глуховъ щать и переписывать компутъ полку лубенскаго. Указъ канцеляріи енер.: зъ інструкціею мою черезъ Козенка посланъ до Худолѣя,

Самойловичовъ и Константія Лисевича допросить—ихъ до бунчука ли или до знаку полкового належать. Вино пересипали въ кухви въ бочку и барило; въ бочцѣ вѣдерокъ роменской мѣри—10 безъ 4 квартъ, въ барилѣ—3 вѣдерки, въ барилцѣ—5 квартъ. Гайдаеви, ходившему до Царичина зъ Гавриломъ, четвертому, заплатилъ 7 зол. Всего вина 263 кварты. Глинскіе гости розехались, иниже рано, а инише у вечера. Полторацкій залѣцаль книгу медическую Paol Sarbeidi anglicanu.

11. За 4 кухви меду прѣсного зборного черезъ Алексѣйца, а за пятую черезъ Мартина, заплатилъ 424 зол., и 4 шаги, зачисляючи сѣння, а вѣдерокъ въ нихъ 53 и една кварты. За вино, взятое у Ярошенка, заплатилъ черезъ Павла ключника, Андрѣеви зборщикowi зол. 75. Черезъ его же далемъ Якови еще на покупку табаку и тютюну зол. 50. Асауль арматній Кузьма бувъ рано, черезъ которого посланы писма до атамана лубенского и чигириндубр. и Григорія Котляренка о разиску на жалобу лукомцовъ, скаржачихся на него, асаула. А другое писмо до его же атамана лубенского съ товарищи, якъ окончити заводъ Ламехи и Горба. Рѣпчанского шинкара моего, бывшаго роменского, батко продалъ господареви дворовому лѣсь за 17 копъ, якій въ 50 зол., за мой долгъ заарештованъ. Днѣстрови (?) рано кравцови 2 копи спѣлихъ далемъ (?). Золотарь приносиль бляхи мосіенажне подѣланніе до шоръ моихъ, въ якихъ ваги фунт. 2 и 5 лот., а передомъ виробилъ до тихъ же шоръ въ пражакъ полъ 5 фунт., а еще около 2 фунт. осталось, бо взялъ всей мосіенажи фунт. 9. Меду теперъ моего на лице есть куховъ 2 и полдѣжки прѣсного. Въ Сухоновску послали вовни рунъ 100 на тамошнє росходи, а осталось на Засуллю всей вовни 264 рунъ. Зъ тихъ куховъ една заважила 26, а другая 27 каменей 5 фунтовъ, а каменей сороковыхъ.

12. Яновскій чернускій пріехалъ зъ доношенiemъ поручнимъ, данимъ въ вой. канцеляр., у надемотрики надъ магазейномъ. Алексѣецъ принюсь ко мнѣ квѣтацио отъ старшимъ тутейшой о заплаченю меду 330 зол., за подпісомъ руки атаманской. Поручикъ и прапорщикъ полку Троецкого пріехали передомъ полку, ко-

торій маршируєтъ зъ слободъ въ полкъ Чернѣговскій. Микола трембачъ повернулся отъ сотника городиского зъ 6 рублями штрафними за двохъ козаковъ, въ походъ невисланихъ. Занковскій зъ Чигиринду брови пріехалъ. Хоружій Бутурлимъ пріехалъ зъ Коржовъ и явился ко мнѣ, которого за его зухвалство словесно упоминалемъ. Писарь пѣратинскій Петрановскій поехалъ въ Пѣратинъ, отпущеній зъ поворотомъ сюда между святами, а всѣ дѣла зъ роспіскою отдалъ Петру Верещацѣ. Алексѣецъ посланъ въ Кривую Руду, которому въ 14 пунктахъ наказъ данъ. Зъ Тарадинеца козаки жаловались на атамана своего, которого розискать писалемъ до Звѣраки, въ Чорнухи. Петро Верещака и Петро Чернѣцкій раховали Дениса шинкара моего роменского и по порахунку показалось доведячихъ денегъ: за гор. 4 кухви 350 зол., за медъ 580 зол., и 5 шаг., за пиво 248 зол., итого всѣхъ 1178 зол., и 5 шаг. Романъ взялъ зол. 314 зол. и шаг. 2, въ розніе руки отдалъ, 474 зол. безъ шага, итого въ отдачѣ 792 зол. и шагъ а доводятся еще отъ Дениса намъ грошей 386 зол. и шаг. 4 за весь напитокъ. Алексѣйцеви, посланному въ Кривую Руду, данъ облѣкъ Петра Свѣтового зятя, жеби доправилъ на немъ по тому облѣку 120 зол. Ему жъ данъ и рецептъ взять въ аптекѣ пѣлуль, у Лубняхъ.

13. Неделя. Таасъ молодикъ отправленъ въ Глуховъ зъ стояржемъ чорнускимъ Тишкомъ. Черезъ сторожа чорнуского посланы 2 доношеній въ колегію; одно, о поправленномъ магазейну у Веремѣевцѣ, миргородскимъ полкомъ построенному, сотникомъ багацкимъ, о чомъ Іосифъ Шимко мене репортовалъ; другое, о доправленнихъ 6 рубляхъ на сотнику городискому, за невисилку двохъ козаковъ въ походъ низовій и тіє денги черезъ его жъ послані въ коллегію. А черезъ Тааса писма: 1, до ясневельможной, взглядомъ Гилянскаго походу, 2, до сотника глух. Мануйловича о томъ же, 3, до швакра, о томъ же, 4, до Кондзеровскаго о томъ же, 5, до Василя господара, о поведеніяхъ господарскихъ. Да ему жъ Таасу дана інструкція въ 33 пунктахъ, о розныхъ домашнихъ дѣлѣхъ. Романъ донесль мнѣ у вечеру, что вимѣрали кухву, данную шин-

кареви здешнему Денисови на вишнѣкъ зъ горѣлкою, въ якой показалось вѣдерокъ тутейшихъ 22, а квартъ 460, квarta по 4 шаги, итого грошей 184 зол. а десятину отложивши, приходитъ намъ 165 зол. и 6 шаг. Пилипъ римаръ принюсь четверни шоръ новихъ зробленную. Обѣдали у насъ протопопъ отецъ Иоанъ Столповскій и Занковскій. Сожителница моя, еще захоронавшая позавчрайшго дня на колку и боль у боку правомъ, исцѣлѣлася прошкомъ краснимъ называющимъ specificum cerphalicum (?), взявши въ чаю. Зъ Лохвицѣ писмо отъ старшини и сказки отъ державцовъ, почему хто владѣетъ селами, поданы. Яковъ Жуковскій, посыланній въ Лубнѣ и Лукомле за цѣловалниками до магазейну и за щетчикомъ въ колегію, повернулся управившись. Отъ брата п. Андрѣя слуга его Руднѣцкій и посыланній Матвѣй повернулись. Сторожъ лохвицкій, бывшій въ Астраханѣ при Гамалѣи, повернулся, отъ которого получилъ писмо Демяна до Кирила Житнянского писанное, о стіонждѣ, московкою ему заставленной.

14. Въ колегію Янковскаго и двохъ цѣловалниковъ до магазейну лубенской сотнѣ послалъ зъ доношенiemъ въ канцелларію, въ Глуховъ. П. Сотникова глинская прислала мнѣ барило сливянину. Городниченко Юско, пріехавшій зъ Астрахани, говориль о тютюну проданномъ тамже моемъ, братовомъ и Юске, а доводится моего на 40 каменей, бо братового было 40 безъ одного, Юсковаго—20, а всего было 100, такъ ренты 41 камень. Отцу Савѣцкому протопопѣ позичилъ книги латинской Василія вел. Зъ Глинска отъ тамошнаго сотника получилъ писмо, въ которомъ о зловленномъ хоминскомъ ковалю, о котораго воровствѣ отписалъ розискать. До Григорія Остапенка, въ Лохвицю, писалъ, строфуючи его, что непалежне 100 зол. даль Рубашному, а до тамошней старшини упоминающи, что безъ подпису именъ своихъ листъ прислали. Вѣденія о селяхъ державскихъ,—что почему держить, зъ Лохвицѣ присланніе для сохраненія, далъ Верещацѣ. Пересмотревъ писемъ и обискались до записи потребніе именно: доношеніе Івана Остапенка роменскаго, въ якомъ доноситъ, что вѣдерку меду патоки заважило 76 фунт., а свѣжаго меду вѣдерко 74 фунт.

Посилитель Дубовки, близъ Царицина, зовется Яковъ Ивановичъ Жидковъ. Суплѣка Григорія Андрѣевича, попа чепіловскаго, въ якой выражаетъ, что за футоръ Тулиголовскій Бутурдимовскій приговорено ему дати 1000 зол., а будто недодано 200 зол. Копія суплѣки попа тулиголовскаго за футоръ Тулиголовскій, будто купчую его, данную ему отъ Михайла, родитель взять у его, а при томъ былъ Рихловскаго монастыря іеромонахъ Сильвестръ. Реестръ компанійцовъ въ сотняхъ полку лубенскаго мисачнога взимающихъ, въ якомъ оказалось онихъ: въ сотнѣ смѣлянской 16, ромен. 41, лохвиц. 23, сенецкой 15, а въ Сулаку будучихъ въ чернускай 30, пѣрат. 36, лубенск. 49, лукомской 14, чигир. 25, итого тутъ будучихъ 95, а терковскихъ 154. Опрочь сотнѣ глинской, въ которой на трембачовъ выбирается 14 паіокъ.

15. Родителка рано, передъ службою, отехала зъ Ромна въ Андрѣевку. Романъ молодикъ въ Лохвицю и Лубнѣ отехаль, до шинковъ. Гусли обмалюванніе принесла жонка молярова. Исти шарую рибу самъ готовалемъ. Отецъ Савѣцкій поумедлѣль зде, у насъ. Зъ Чигиридуброви, отъ тамошнаго сотника, пріѣхаль сторожъ зъ писмою, въ якомъ ускаржається на комисаровъ полковихъ, нехотячихъ облегченіи учинить оной сотнѣ въ сустентацїи дракгунской. Отъ глинского сотника листъ поданъ о Горуновичу, ухиляющемся отъ зборщицтва и поехавшемъ въ Лохвицю, а оттуду въ Кіевъ на попи. П. Василь Даценко зъ старшиною тутейшою бывши зде, сказали, что приговорили, жеби Андрѣй зборщикъ за грунтъ рѣпчанскаго чловѣка (которого синъ прошикновался у мене) заплатилъ мнѣ 50 зол., а особливѣ часть тихъ грошней, якіе даль билъ господарь Андрѣй за вирубъ лѣска тому жъ чловѣкови, якій онъ бувъ продалъ, хочай мнѣ и въ арештъ былъ отданъ.

16. До Глинского отписали о Горуновичу, жеби писалъ до отца протопопи лохвицкого, ижъ бы онъ не удержовалъ его у себе. Онъ же отписалъ о ковалю хоминскомъ, же учинится інквизиція и что казанъ мой здѣланъ будетъ на прійдущую пятницю. Отецъ Павелъ бубновскій бувъ и городничій хмѣловскій, ускаржаючись на мужиковъ противнихъ, у козацтво потиснувшихся. Василецъ

Нижникъ скаржился на Комаровскаго за побитте его. Бутурлимъ бувъ и отойшолъ у вечеру. Составилъ табулу господарскую на аркушъ многихъ рѣчій. Интерлѣкатору далемъ 10 листковъ золата (за якое Сеглаю заплатилъ зол. 1) для оправи тестаменту; ему же казалемъ оправить на прійдучій годъ протоколъ¹⁾. Лютенъ двѣ и третью бандуру далемъ малареви помалюватъ.

17. Проносное лѣкарство принимаемъ руц. purg. uj. Sedes было 11. Писмо отъ полуполковника полку Сѣбирскаго Арапова получилъ, въ которомъ обявляеть, что ротъ его четвертой стоять въ полку лубенскомъ, и жеби на половининое число декабря присылать провіантъ и фуражъ въ Городище полку миргород. зъ полку лубенского на оную роту. Также отъ комисаровъ полковихъ полученъ листъ о томъ, что ротъ Сибирскаго полку опредѣлили кватеру въ лубенской сотнѣ и чтобы ищислить двори въ сотняхъ глинской, роменской и смѣловской, а въ прочихъ они сами мѣютъ ищислить. Джиггиль, сторожъ сенецкій, повернулся зъ Глухова зъ писмами ясневел., швакровъ обоихъ, въ которыхъ сожалѣніе о преставлшойся дочерѣ моей Анастасіи выраженно. А отъ господара Василия о господарскихъ поведеніяхъ, именно: что рыба не продана, свѣтелька цеглою вимощена и гребля въ Ясманѣ порвалася. Отъ правителей онъ же далъ указъ о присланнию сентенции, якъ казнить колодниковъ зде держимихъ и листъ о принятіи въ козаки мужиковъ монастыра, а незнать якого и въ якомъ селѣ назначено. Заплатинъ секретарь померъ въ Глуховѣ.

18. Занемощѣль на болѣзнь на кшталтъ диссenterїи, и столчаковъ 10 имѣль. Отписалемъ до полуполковника Сѣбирскаго полку Арапова, что ротъ ихъ опредѣлена квартера у лубенской сотнѣ; до комисаровъ пол. писалемъ о томъ, же листъ его подполковника и что сотнѣ глинск., ром, и смѣлов. зревѣдоватъ значковимъ. Грошай 50 зол. еще Илкови далъ Мартинъ на покупку табаку, и того 50 зол. Рокѣнскаго человѣка уговорили на колѣсь 20 по золотому и задатокъ далъ 10 золот. Отца Петра Лукомскаго синъ, бувши у

¹⁾ Т. е. приготовить тетрадь для продолженія дневника въ 1725 г.

мене, зъ суплѣкою отца своего о томъ, чтобы я за нимъ интересовалъ до архиерея, даби ему быть попомъ на его мѣстѣ написаною, получиль отъ мене такое писмо. До лукомской старшини, о роздачѣ и остатнаго числа регламентовъ, писалемъ. Отъ Адама пріѣшли паробки зъ Переволочной и сказують, что онъ нѣчого болѣе не везеть кромѣ, двохъ куховъ, одной мусулесу, а другой (?) , 30 бунтовъ сафяну, куль заполочи, поясовъ шовковыхъ десятокъ. Полторацкій бувши у мене просидѣль. Василь старий пріѣхалъ отъ панеи зъ писмомъ до мене, о моемъ приездѣ на свята въ Луку, писаниномъ. Мартинъ взялъ грошей 29 зол. и полъ 7 шаг. у атамана, якіе онъ отобралъ отъ рѣпчанскаго человѣка, продавшаго грунтъ мною заарештованный господареви на зрубъ.

19. Григорій Антоновъ, житель горошинскій, значкомъ товарищъ, подписался на писмѣ, данномъ мнѣ отъ горошинцовъ на степъ криворудскій, где футоръ мой. Отъ Исаии Ивановича, алтекара, получимъ писмо о доводячихъ отъ мене грошахъ въ аптеку 101 зол. и 8 шаг. П. Василь глинскій и судденко пріѣхали въ Роменъ и обѣдали. Комисарь Черняховскій, пріѣхавши сюда, показовалъ два указа зъ колегіи къ нему присланніе: одинъ, о взиманіи оффіцерамъ половину радионовъ и порціоновъ, а другій о недаваніи на отлучки и на комендерованнихъ на день по 5 копѣекъ. Василця старого отпустилъ до родителки зъ листомъ моимъ: тутъ ли въ Роменѣ, албо въ Луцѣ праздникъ отправлять, на волю полагаючи ся. Селецкій пріѣхалъ зъ требованіемъ, абы спалю (зимній возокъ) въ Луку санную посыпать. Спалю послалъ до родителки на всю ночь зъ сторожемъ Джиггилемъ и листомъ обявляючи тое, что п. сотниковая глуховская мѣеть завтрашнаго дня зъ Гудимъ пріѣхать на службу сюда, въ Роменъ.

20. Неделя. Послани 4 подводи въ Глуховъ (зъ межи кото-
рихъ 2 моихъ 4 волами) и на онихъ послани рѣчи, именно: кухва
меду у два каменей, бочка вина кримскаго, 3 барилъ сливянку,
казановъ 3 винничныхъ и трубъ 10, хмелю мѣшковъ 2, завѣсковъ
зъ круичками 48, тарадайка, и писано черезъ нихъ же до Василя
о розныхъ интересахъ домашнихъ, а притомъ, жеби на тіє подводи

зложилъ 5 пуд. штабъ у Камене, кухву горѣлки, каретку спалню, колеса и шорь пару. Денегъ, доводящихся отъ мене въ аптеку полевую, 101 зол. и поль 9 шаг. отдалемъ присланному за тимъ нарочно ученику аптекарскому Якову Обернибѣсову, который и рассказался на томъ. Зъ Глинска котляръ глинскій привезль казанъ и 3 трубы у 50 фунт., а мѣди еще доводится отъ его поль 7 фунта, якую мѣдь и казанъ зъ тими трубами взявиши, знову, п. Василь глинскій мѣдь переслать до Сухоносовки оттуду, а ему, котляреви, за трубы далемъ кожухъ бѣлій и гривню грошей. Указовъ 4 зъ вой. енер. канцеляріи получилимъ о присланнию зборщиковъ; 2, о взяттю сказокъ у Андрѣяша и Якима Кулабки, о ихъ приготовленіи въ походъ до Гилянѣ; 3, о присланню вѣдомостей, о градскихъ артилеріяхъ, мѣскіе ли суть или сотенніе; 4, о присланню вѣдомостей о сторожахъ полевыхъ, сколько где есть. Писмо до отца протопопи о Горуновичу глинскому, жеби его не укриваль отъ зборщицтва глинского, писалемъ. Полковникъ Троецкого полку іноземецъ Heydenreych пріехалъ въ Засулле и сталъ тамъ у ктитора, где и я вечоромъ бувъ и гостишъ у его. П. Василь глинскій и Зарудній Федоръ отехали въ Глинскъ. Промеморію отъ князя Голѣцина въ вой. енер. канцеляр. писанную, послалемъ черезъ козака того, который въ Глуховъ при возкахъ поехалъ. Костирку, третьего комисара, тутъ въ Ромнѣ устроилисмо.

21. Мартинови далемъ 80 зол., жеби оніє Ілкови на покупку тютюну отдалъ, оставивши у себе на расходи рубль. Маляреви за гусль и лютнѣ заплатилемъ рубля. Полковникъ полку Троецкого иѣменецъ Heydenreych былъ у мене и долго просидѣлъ. Отъ глинскаго п. Василя козакъ привезъ замочекъ.

22. Родителка пріехала зъ Луки рано. Полковникъ Троецкого полку переехалъ Роменъ къ Бубнамъ. Андрѣй зборщикъ за рѣпчанскій лѣсь принюсь грошай инѣ 40 зол. Зъ Селецкимъ, въ дорогу полскую, сани наложили тютюну, каменей 45, по сказцѣ Мартина молодика, а пашушъ вѣхъ числомъ 1650. Гайдай подъ тіє жъ сани нанятъ засулскій, на тижденъ по 5 алтинъ. Гусенко, посыланній до Самойловичовъ и прочихъ, повернулся и отъ меньшого Са-

мойловича только росписку привезъ, а большого и Лесевича въ дому не засталъ. Федору Зарудному послалемъ на его болѣнь дизурю (?) балсамовъ два: balsam. sulphur. terebinthinat., также balsam. de capaive. Послани укази въ сотаѣ повторніе о присланію зборщиковъ, о присланію вѣдомостей о сторожахъ полювихъ, сколько ихъ есть, о пушкахъ, где и сколько ихъ есть, и оніе сотенніе или мѣскіе суть. Посланъ листъ до Самойловича старшаго листъ мой, жеби листовнє отвѣтствовалъ о себѣ бунчуковій ли есть или значковій? Посланъ указъ до Остапенка, Пештича, Іосифа Василченка, Григораша Шаргородскаго, жебы были въ походѣ готовіе. Зъ Глухова листи принесени: 1, отъ ясневел., сотника глух., швакровъ и Гурковскаго. Секретарь Терентій Онисимовъ Заплатинъ померъ 17 сего декабря.

23. Горуновичъ глинскій зъ листомъ явился отца протопопи лохвицкаго, жебы его отъ зборщика тва уолнить, яко причетника церковнаго, котормо зъ листомъ въ Глинскъ до п. Василя отправилемъ, намѣнивши и о другихъ многихъ таковыхъ же людехъ способныхъ до того дѣла, въ чомъ жебы по самой слушности учинили, предложилемъ. Петро, слуга бригадира, Вельяминова, былъ у мене и отехалъ. Укази до Андріаша и Якима Кулябки, о росписцѣ отъ нихъ мѣючай взятысь, что мѣютъ готови быти въ походѣ до Гильяни; 2, до значковичъ, Пестича, Остапенка, Василченка и Григораша, о поготовости ихъ въ тотъ же походѣ, черезъ Джиггиля послалемъ. Инструкцію о зборщикахъ зъ сотенъ нѣкоторихъ дано Манжосу, жеби по оной выбраны и висланы были. Таравъ молодицъ повернулся зъ Глухова, а между иншими рѣчами донесль о томъ именно: 1, что за поле Солововниково заплатилъ господарь 130 зол., еще 100 зол. отложилъ до весни; 2, ячменю на солодъ 18 четвериковъ купилъ онъ же; 3, въ саду сварковскомъ посажено теперь, въ осени, сливъ венгерскихъ 204, яблучныхъ дичокъ 188, грушовыхъ 178, черешень 63, вишень 63; 4, тютюну складеного въ Сварковѣ 5000, а еще некладеного столко жъ; 5, тютюну въ Тулыголовахъ складеного 500, а еще некладеного столко жъ будеть папушъ; 6, горѣлки тамъ, въ імбарѣ, куфѣ 4 повнихъ, а пятая неповная, а всѣхъ носатокъ въ нихъ 49 и квартъ 106. Мар-

тиń гайдая въ Полщу подъ возъ наялъ, по 5 алт. на тиждень, и уже давъ ему задатку на 3 неделѣ. Казание на Рождество Христово компоновалемъ.

24. Черезъ чорнуского сторожа писалемъ до Орановскаго, жебы на 4 казани у винницъ робилося и щобъ казаль на конѣ купити овса наши, въ Засуллѣ стоячіе, особливе жебы вѣдавъ, что заплатилемъ въ аптеку должніе денги 20 руб и 39 копѣекъ. Далемъ грошей 3 зол. слюсареви, на пропеніе его и на отробленіе, тому що зъ Астраханѣ пріехалъ. Такъ же и Данилови татаринови копу. Коммуниковалемся. Слово о Рождествѣ Христовомъ окончилемъ у вечеру.

25. Комаровскій отъ служ(ителей) говорячи орацію, недокончилъ оной. Днѣстру кравцю, до первого рубля, еще другого рубля далемъ. Леонтій Янковскій зъ целовалниками повернулся, нѣчого не скуравши, бо еденъ зъ тихъ целовалниковъ писменний въ Конотопѣ захоровалъ. Указовъ два привезъ зъ канцеляріи: 1, о присланію другихъ вмѣсто тихъ писменныхъ; 2, другій, о учиненіи приговору, якъ всякого зъ колодниковъ карать, чего ради и реестръ колодниковъ присланъ оттуду назадъ.

26. Посланъ листъ до старшини лубенской о Якиму Кулябцѣ, жебы онъ сказку даль о себѣ инашую, то есть, что онъ готовъ будеть въ походъ до Гилянѣ, а если якъ слишно, поехалъ онъ въ Киевъ для поповства, то жебы навздогонъ послали за нимъ, чтобы онъ того не дерзаль чинити. Тогда жъ писалемъ до Романа молодика о рознихъ приватнихъ дѣлехъ, и до Славѣнскаго о фурману, палубу и о 60 колесахъ. Особливе писалемъ до смѣлов., глин., сенец., луком. и чигир. о дичинѣ. Отъ полковника Троецкаго полку Гейденрейха пріехалъ слуга оффіцера Подимова вишукувать лошади, збѣгшой его. Трактовани были люде здешніе у насъ.

27. Неделя. Каптенармусъ Інгермолонскаго полку, бувши у мене, требовалъ отсылки атаманнѣ селской сотнѣ роменской до полку, справитись зъ комисаромъ, тамъ подъ карауломъ держимимъ за провіянтъ и фуражъ. Обѣдалъ прапорщикъ и каптенармусъ; тутъ и глинскіе гостї. Отъ аптекара Іохемса зъ Лубенъ поданъ листъ и пѣкгулки. Остапенко и Михайло Перехристъ дали доношеніе, что

1724 г.

зборщики не хотять брати денегъ за медъ належникъ. Сказали глинскіе о п. Василевѣ глинскомъ, что на ногу захорувалъ.

28. Указъ до лубенской старшины посланъ о присланію еще двохъ посполитихъ чловѣка грамотнихъ, для пріему провіанту у магазейна. Писалемъ до Петрановскаго о его прибытіи сюда. Ілкови черезъ Мартина еще далемъ грошей зол. 100 на покупку табаку. Глинскій п. Василь пріехалъ сюда и того жъ вечора отехалъ, чрезъ которого также и черезъ старого Заруднаго, наказовалемъ, жебы молодий Зарудний да Яковъ Жуковскій пріехали сюда— ехать за мною въ Ахтирку. Бѣляевъ дракунъ Інгермоланскаго полку подалъ чолобитную о своемъ долгу на якомъ Солодусѣ, уже якоби давно въ Черкасскому за злодѣйство повышеннемъ, доводячомся, якую далемъ слѣдоватъ. По прошенію тутейшой старшино писалемъ до Орановскаго, а въ небытности его до Алексѣйца, и продажѣ сїна скирть нѣсколко, але дорогашо нѣжъ прежде ценою. Подводи, посылали въ Глуховъ, повернулись позно у вечеру, а що привезли зъ собою того не смотрѣли, але до завтраго отложили. Только по сказкамъ видно, что кухву горѣлки, шори да желѣза штабъ 4 привезли, а въ нихъ пудовъ 5 и 15 фунтовъ. Черезъ сторожа лохвицкой сотнѣ послали въ Глуховъ: 1, доношеніе въ колегію о присланію указовъ до зборщиковъ, дабы они приняли деньги за продажу зборного меду; 2, до яневелможной; 3, до Скоропадскаго, зъ повиновленiemъ святъ писалемъ. Зaborовскій бувъ зъ панею и Яковъ Дуброва. Увечеру бувъ Полторацкій и просилъ о виданнѣ зъ церкви его скринки, которую видать изнову когда рѣчи тамъ найдуючися висушаться, отобрать приказалемъ атаманови Гѣнѣ. Мартинъ и Тарасъ за ночную прохадзку наказани. Авраамъ кушнѣръ, вичинивши вовна, принюсь.

29. Кровъ зъ руки правой, головной жили, пускалемъ. Горуновичъ глинскій бувъ у мене и отправленъ зъ листомъ до п. Василія, до которого тогдажъ цедулою писалемъ о коню ворономъ его. Намѣстникъ Красногорской пустинки зъ ктиторами Колотомъ и проч. бувъ у мене и отправилемъ его зъ листомъ о нихъ до старшини чорнуской писаннимъ. Сторожъ лохвицкій ажъ теперъ отправ-

О ТЪ РЕДАКЦИИ.

Въ „Кievskoy Старинѣ“ печатаются: самостоятельный изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, рассказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народного быта, или служитъ проявленіемъ народного творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычай религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Бібліографическая свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаются критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусского народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежать въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція просить авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

„Киевская Старина“ выходитъ въ 1892 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, 1-го числа каждого мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Открыта подписка на „КИЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1892 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписька принимается въ редакціи журнала „Киевская Старина“, Кузнечная, № 14.

Редакція отвѣтаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присыпать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Киевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 и 1891 по **8 р.** за 12 книжекъ, съ пересылкою **10 р.** При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдельныя книги за 1882—91 г. по **1 р.**

Издатель И. М. Гамаль.

За редактора Е. Киевлицкій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

**ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ**

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XXXVI.

1892 ..

МАРТЪ.

ЧИСЛО.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайлова ул., домъ № 4.

1892.

СОДЕРЖАНИЕ.

	СТР.
I. ТЕОРБАНИСТЫ ГРЕГОРЬ, КАЭТАНЬ И ФРАНЦЪ ВИДОРТЫ. А. А. Русова.	336—380
II. О ТОРБАНЬ И МУЗЫКЪ ПІСЕНЬ ВІДОРТА (съ кома-ми) Н. В. Лысенка.	381—387
III. МАЛОРОУССКАЯ ВІРШИ НРАВОУЧИТЕЛЬНАГО СОДЕРЖА-НИЯ. П. И. Житецкаго.	388—408
IV. СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРОУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ. (Продол-женіе). Н. Ф. Сумцова.	409—438
V. ВОЗСОЕДИНЕНИЕ УНІАТОВЪ ВЪ М. РАТНОМЪ ВОЛЫН-СКОЙ ГУБЕРНІИ ВЪ 1838 г. Ф. Кудринскаго.	439—457
VI. КАРТИНЫ МОЕГО ПРОШЛАГО. Б. С. Познанскаго.	458—477
VII. ПУТЕШЕСТВІЕ ИМПЕР. ЕКАТЕРИНЫ II ВЪ ЮЖНУЮ РОС-СІЮ ВЪ 1787 ГОДУ. Х. Г. В. Есипова.	472—477
VIII. ПАРАЛЛЕЛИ КЪ НОВѢСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «ВІЙ». Проф. Н. Ф. Сумцова.	478—503
IX. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ біографическому матеріалу объ А. А. Котляревскомъ. А. Степовича. б) Южно-руссійский громникъ. Мирона. г) Памятники старины въ селѣ Субботовѣ. В. П. д) Переписка кіевскаго генераль-губернатора М. И. Леонтьева по поводу назначенія ему жалованья (1743 г.). Сообщ. А. Андр. е) Народныя пѣсни про мужей пьяницъ. Сообщиль Хр. Ящуриній. ж) Забытый уголокъ Приворскія. А. Т. з) Изъ фамильныхъ преданий и архивовъ. И. В. Стороженка. и) Современное дѣло о зна-харствѣ. Сообщ. М. Давнарь-Запольскій. і) Къ статьѣ г. Бояновскаго о Житомирской публичной бібліотекѣ. Ари. Лященка. 131—154, 314—349.	504—536
X. БІБЛІОГРАФІЯ: а) В. Е. Постниковъ. Южно-руссіе кре-стянинское хозяйство. А. Русова. б) Бернардъ Таннеръ. Описаніе путешествія польского посольства въ Москву въ 1678 году. И. Каманина. в) Сборникъ по хозяйственной статистикѣ полтавской губерніи. Томъ IX. Р. г) А. Г. Бриннеръ.—Потемкинъ.—Съ 2 портретами. З. д) Опытъ изслѣдованія украинскихъ крестьянскихъ ярмарокъ. Р. е) Херсонскія Губернскія Вѣдомости 1839—1888 г. В. Ястребова. ж) Книги, относящіяся къ южной Россіи, вы-шедшія въ концѣ 1890 и въ 1891 г.	1—2
ПРИЛОЖЕНИЯ: 1) Изображеніе торбана и кобзы.	
2) Дневникъ генерального подскарбія Якова Марковича.	
ОБЪЯВЛЕНИЕ	Библиотека "Руниверс"

Теорбанисты, Грегоръ, Каэтанъ и Францъ Видортъ.

Новые формы жизни постоянно вытесняютъ старые обычай, а съ ними и предметы, употреблявшіеся въ домашнемъ обиходѣ, или въ общественной жизни. Но какъ въ средѣ обычавъ, вѣрованій, приемовъ въ обращеніи и т. п. нѣкоторые изъ нихъ переживаютъ срокъ своего общаго распространенія и существованія, такъ и многие предметы, служившіе въ пережитыя эпохи для извѣстныхъ надобностей, задерживаются въ употребленіи и дѣлго еще могутъ служить напоминаніемъ объ отжившей старинѣ.

Кто изъ живущихъ въ Киевѣ и въ ближайшихъ къ Киеву уголкахъ нашего края не помнить напр. того времени, когда даже среди интеллигентіи необходимыми принадлежностями куренія были трубки, длинные чубуки, кресала, кремни? Кто не помнить, какъ въ гостинныхъ на танцевальномъ или карточномъ вечерѣ кто-либо изъ прислуги ходилъ вокругъ столовъ съ маленькимъ подносикомъ, на которомъ помѣщался особаго рода инструментъ—такъ называемые свѣчные „щипцы“, чтобы ими „снимать со свѣчей“ нагорѣвшую часть фитиля? Кто не помнить, наконецъ, какъ въ окрестныхъ селахъ, да и въ самомъ городѣ Киевѣ, щепали лучинки и дѣлали изъ нихъ „сирныки“, концы которыхъ мочили въ расплавленную сѣру съ тѣмъ, чтобы, при надобности зажечь свѣчу или „каганецъ“, этими „сирными“ разворачивать „багаття“ въ печи и такимъ образомъ получать огонь?

Гдѣ теперь найдешь студенческіе кисеты для табаку съ неизбѣжнымъ кресаломъ и кремнемъ, всѣ эти панскіе „щицы“, мужицкіе „сирыны“, „каганци“, „багаття“ и т. п., такъ недавно еще напоминавшіе, можетъ быть, и кіевскихъ „кагановъ“ и праарійскую эпоху почитанія бога-огня? Недавно еще занимались охотою на ежей, которыхъ кололи и потрошили, чтобы добыть сало для каганцевъ; а теперь — не только въ Кіевѣ, но и въ окрестныхъ селахъ и деревняхъ не найдете ничего другого, кромѣ керосиновой лампы, а главная улица города освѣщается уже электрическимъ свѣтомъ.

Многіе изъ кіевлянъ, также, вѣроятно помнятъ и „торбанъ“ или „теорбанъ“, бывшій еще не такъ давно, почти въ такомъ же употребленіи, какъ и гитара, но уже совсѣмъ почти вытѣсненный изъ обихода другими музикальными инструментами. Въ „Кіевской Старинѣ“ (январь 1892, стр. 162) было упоминаніе со словъ г. Фамицына о торбанѣ и торбанистахъ, какіе извѣстны этому специалисту музыкальнаго дѣла. Онъ упоминаетъ уже только о четырехъ торбанистахъ, изъ которыхъ два — Григорій и Каэтанъ Видорты — были изъ волынскай губерніи. Имѣвъ возможность слышать исполненіе сына Каэтана, Франца Каэтановича Видорта, который, очень можетъ быть, является послѣднимъ представителемъ этого рода музыкантовъ, какъ Остапъ Вересай былъ послѣднимъ бандуристомъ, представляемъ читателямъ „Кіевской Старинѣ“ все, что мы могли узнать отъ него о пѣсняхъ, исполнявшихся подъ аккомпанементъ торбана отцомъ его и дѣдомъ.

Въ нашу задачу не входитъ описание самого теорбана Видорта, который былъ осмотрѣнъ и изслѣдованъ съ технической стороны специалистомъ Н. В. Лисенкомъ; мы желаемъ привести только главнѣйшія пѣсни, сохраненные Францемъ Каэтановичемъ по преданію отъ отца и дѣда, такъ какъ онѣ могутъ охарактеризовать тѣтъ особый оригиналный родъ словесно-музикальныхъ произведеній, который еще недавно былъ распространенъ при дворахъ польскихъ магнатовъ Ржевускихъ, Сангушекъ, Сапѣгъ, Браницкихъ, Потоцкихъ и др.

По рассказамъ Франца Каэтановича, дѣдъ его, выходецъ изъ Австро-Венгрии, родившійся въ 60-хъ годахъ прошлого столѣтія, проходилъ школу игры на теорбанѣ; есть преданіе, что, бывши съ своими панами въ Петербургѣ, при дворѣ Екатерины II онъ обучалъ 6 дѣвушекъ этому искусству. Тѣмъ же занимался и сынъ его Каэтанъ при дворѣ Романа Сангушко; это—Францъ Каэтановичъ уже помнить, такъ какъ, родившись въ 1831 г., видѣлъ шестерыхъ надворныхъ козаковъ, обучавшихъ его отцемъ игрѣ на торбанѣ и танцамъ, которыми провождалась эта игра. Танцы эти (14 фигуръ козака, между которыми были и „вирсыады“) изучались сначала въ особой учебной комнатѣ при помощи веревокъ, прикрепленныхъ къ потолку; когда ученики усваивали всѣ па и фигуры козака, они учились къ этимъ танцамъ „прыгравать“ на торбахъ, соответствующіе „прыгрывы“. Весь этотъ хоръ или король-балетъ изъ 6-ти душъ игралъ и танцевалъ съ торбами въ фуфахъ; послѣдніе приходилось то поднимать главнымъ кузовомъ вровень съ плечами, то опускать. Каэтанъ Видортъ училъ и сына своего Франца этому искусству; но послѣдній повредилъ себѣ ногу топоромъ, въ силу чего и оставилъ это занятіе. Но сини же подъ аккомпанементъ теорбана онъ перенялъ отъ отца, такъ что ему, служа по управлению имѣніями, приходилось (съ 1849 по 1881 г.) исполнять роль теорбаниста при князѣ Сангушко, съ которымъ онъ совершалъ путешествія по Австріи, Италіи, Швейцаріи, Бельгіи, Пруссіи и т. д.; нигдѣ въ эти странахъ не случалось уже ему видѣть такихъ теорбанистовъ, какою есть у него; только въ Италии онъ встрѣчалъ мандолину, нѣсколько похожую на теорбанъ. Въ бытность князя въ Петербургѣ въ 1861 году онъ удостоился пѣть передъ Государемъ Императоромъ, который подарилъ ему за это золотые часы. Другой разъ ему случилось пѣть въ присутствіи Высочайшаго особа, когда въ 1878 году Великій Князь Николай Николаевичъ, отправляясь на Восточную войну, прожилъ тридцать Славутѣ. Тутъ послѣ смерти князя Сангушка жилъ и до сихъ поръ этотъ послѣдній теорбанистъ, получая, какъ бывшій управляемый, пенсию отъ графини Потоцкой, живущей въ С. Антоніи на югѣ.

Разказы Франца Каэтановича объ отцѣ болѣе подробны, а забытыя имъ воспоминанія о дѣдѣ Грекорѣ могутъ быть пополнены извѣстіями о героѣ „арабскихъ авантуръ“, извѣстномъ Вацлавѣ Ржевусскомъ, походженія котораго воспѣвались многими польскими поэтами и послужили темою для цѣлаго ряда повѣстей, вродѣ изданной въ прошломъ году во Львовѣ повѣсти Вигуры „*Złotobrody emir*“. Для уясненія содержанія приводимыхъ ниже пѣсенъ, мы скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ представителѣ отжившихъ шляхетскихъ порывовъ, въ которыхъ было много симпатичнаго, но которые въ силу своего разнообразія не представляютъ какого либо опредѣленнаго направленія польскихъ магнатовъ.

Несомнѣнно талантливый сынъ послѣдняго польского короннаго гетмана Северина Ржевусскаго, Вацлавъ Ржевускій родился въ 1785 году, когда отецъ его послѣ раздѣла Польши перѣхалъ на жительство въ Вѣну, такъ какъ его имѣнія были расположены въ двухъ государствахъ—на Волыни (Ковельскій и Старо-константиновскій ключи) и въ Галичинѣ. Воспитаніе въ Вѣнѣ онъ получилъ подъ вліяніемъ съ одной стороны Клапрота, разрабатывавшаго вопросъ о переселеніяхъ народовъ, съ другой—Гаммера, занимавшагося археологіею Востока. Женившись на Розалії Любомірской, воспитанной въ Парижѣ и бредившей Парижемъ и воспоминаніями о придворной жизни Марії Антуанеты, Вацлавъ не оставилъ внушенной ему любви къ ориентализму и, какъ подобаетъ богатому меценату, давалъ средства на изданіе ученыхъ изслѣдованій Гаммера. Затѣмъ мы видимъ его увлекающимся идею народнаго образованія подъ вліяніемъ извѣстнаго основателя Кременецкаго лицея Фадея Чацкаго. Охваченный этою идеюю, въ своеемъ селѣ Саврані (нынѣшняго балтскаго уѣзда) онъ открылъ даже школу для жившихъ тамъ молоканъ-великороссовъ.

Но и это увлеченіе прошло, когда онъ занялся естественными науками, а изъ нихъ болѣе всего гипнологіей, и задался мыслью улучшить существующія въ Европѣ породы лошадей при помощи доставленія сюда чистокровныхъ арабскихъ „ко-тайлановъ“. Онъ составилъ широкій планъ поѣздки въ Аравію

съ цѣлью накупить тамъ этихъ знаменитыхъ лошадей и при помощи правительствъ Европы распространить ихъ и здѣсь. Окончательное увлеченіе Ржевусскаго этимъ планомъ совпало съ временемъ Вѣнскаго Конгресса, заключившаго собою войны Наполеона. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ одинъ изъ земляковъ Ржевусскаго:

„Народъ задавленный, истребленный войнами, народъ, который пожертвовалъ Наполеону, кромѣ золота, кровь своихъ 92,000 солдатъ, ждалъ съ тревогою, какую судьбу принесутъ ему совѣщанія конгресса; представители этого народа толпились въ переднихъ дипломатовъ, гнули съ покорностью шеи, думая такимъ поведеніемъ добиться чего-нибудь, если не для цѣлой Ржечи Посполитой, то хоть для иѣкоторыхъ ея провинцій... а онъ добивался сопровожденія коней изъ далекаго Арабистана. Косцюшко пріѣхалъ въ Вѣну, но держался въ сторонѣ, прислушивался, нельзя ли хоть крошечку свободы вымоловить для своей родины; Чарторыйскій, вызванный императоромъ Александромъ, былъ здѣсь въ родѣ какого то представителя уже несуществующей Польши; прибылъ и почтенный Замойскій, и энергичный Огинскій... всякий по своему надѣялся участвовать въ рѣшеніи вопроса о будущности родины: а онъ, сынъ гетмана, представитель польского земства, красовавшагося тогда рушищемъ да развалинами, распространялъ славу арабскихъ рысаковъ, указывалъ на упадокъ кавалеріи—въ тотъ моментъ, когда у вѣнскихъ гостей—одно напоминаніе о войнѣ и томъ, что съ нею связано, вызывало содраганіе; словомъ—являлся въ роли тѣхъ авантюристовъ и прислужниковъ, которые осаждали квартиры великихъ міра сего, предлагая имъ съ одинаковымъ жаромъ и проекты къ облагодѣтельствованію рода человѣческаго, и мази для самаго вѣрнаго уничтоженія мозолей. Не правда ли: горькая иронія?“¹⁾.

А жена Ржевусска, съ которой онъ часто расходился, держала въ это время открытые салоны, въ которыхъ было такъ много

¹⁾ Dr. Antoni I. Opowiadania. Serya czwarta I. Warszawa. 1884. Стр. 194—195.

и фримцевъ ея французовъ. Когда покончились въ Вѣнѣ засѣданія конгресса, Ржевусскій ничего не успѣлъ сдѣлать для осуществленія своихъ плановъ; ему пришлось еще нѣсколько времени посидѣть на Волыни, помогая средствами для снаряженія ботаническихъ экспедицій Андрющеевскаго; но онъ добился наконецъ милостиваго письма отъ королевы виртембергской, сестры Императора Александра I, которая благодарила его за готовность доставить ей когайляновъ изъ самой Аравіи. Въ 1817 г. онъ поѣхалъ въ Константинополь и сталъ устраивать свою поѣзду на Востокъ, которая стоила много денегъ, но за то доставила ему возможность осуществить увлеченія бедуинизмомъ и гипофильствомъ.

Отправивши изъ Сиріи королевъ первый свой подарокъ, Ржевусскій окружилъ себя и учеными секретарями, и специалистами-конюхами и двинулся въ Алеппъ, городъ, имѣвшій тогда 300,000 жителей, пополняя на дорогѣ свою свиту нанятыми местными жителями. Принятый правителемъ города съ почечомъ, онъ основалъ свою резиденцію въ одномъ изъ его замковъ, который прозвалъ Гулистаномъ, даваль литературные вечера съ чтенiemъ произведеній Саади, єздилъ переряженный бедуиномъ въ степи, розыскивая когайляновъ, волочился за жеюю французскаго посланника М-те Monge, наказавшею его на 15,000 шіастровъ, затѣмъ за какою то леди Стэнгопъ, ста-рушкою, представлявшуюся ему Сибиллою и т. п.

Въ этихъ арабскихъ авантюрахъ себѣ онъ присвоилъ имя Эмиръ-Таджъ-Эль-Фагерь-Абдъ-Эль-Нишана, или же иначе Золотобородаго Эмира; подписывался иногда на протоколахъ о покупкѣ арабскихъ лошадей также „невольникомъ цифры“, что имѣло значеніе романтическое, ибо какая то символическая цифра, данная ему какою-то прелестною особою, преслѣдовала его и въ арабскихъ пустыняхъ. Найболѣе счастливыми и торжественными минутами въ этотъ періодъ жизни Ржевусскаго были конечно случаи, когда онъ находилъ когайляна, ведущаго очень древній родъ; одинъ изъ такихъ коней съ прозвищемъ Obeiet-el-homlu - Hejdi - Kohajlan происходилъ по документамъ своей родословной чуть-ли не отъ священнаго копья самого пророка.

Участіе Ржевусского со своимъ войскомъ, возросшимъ до нѣсколькихъ сотъ всадниковъ, въ мѣстной революціи г. Алена закончилось тѣмъ, что онъ принужденъ былъ бѣжать съмь другъ въ Константинополь, оставивъ своихъ коней въ Тарсѣ. Здѣсь онъ узналъ, что долги его превышаютъ уже миллионъ піастровъ, а дома, т. е. на Волыни, многія имѣнія (напр. Ковельскій ключъ) проданы за долги матери или подлежать продажѣ. Напрасно Ржевусский предлагалъ Строгонову и Нессельроде въ продажу для казенныхъ конюшень и императорской придворной своихъ когайляновъ; переписка по этому поводу затягивалась, и кони, отправленные черезъ Средиземное море въ Парижъ, на занятыя деньги едва были доставлены на мѣсто въ Саврань только въ маѣ 1821.

Не имѣя, гдѣ главы приклонить въ разоренномъ имѣніи, Ржевусский, пока кое-какъ устроилъ свои дѣла по смерти матери, жилъ вмѣстѣ со своими конями въ конюшнѣ, или въ палаткѣ, разбитой по-бедуински; но это не мѣшало ему принимать участіе въ ширшествахъ и пикникахъ пановъ гайсинскаго, балтскаго и ольгопольскаго уѣздовъ, куда онъ являлся со своею неизбѣжною палаткою и проводилъ время подъ открытымъ небомъ съ выполнениемъ какихъ то таинственныхъ обрядовъ ко непочитанія. Продажа нѣкоторыхъ коней, полученіе брилліантowego перстня отъ Его Императорскаго Величества за посланныхъ ему въ даръ пару когайляновъ вознаграждали его за перенесенные бѣдствія.

Но 1825 годъ со сѣздомъ въ Бѣлой Церкви революціонеровъ изъ поляковъ и великороссовъ (Рыльевъ, Муравьевъ, Тарнавскій, Карвицкій, Собанскій и др.) опять мѣняетъ родъ дѣятельности невольника цифры. Приставши къ юго-славянскому революціонному сообществу, Ржевусский поддался настроенію нѣкоторыхъ его членовъ; особенно сильное впечатлѣніе на революціонныхъ совѣщаніяхъ произвѣлъ на него Тимко или Томашъ Падура, заговорившій передъ великороссами и поляками о существованіи третьей народности—малорусской и развивавшій мечты о возрожденіи козачества. Конечно, тѣпольскіе украинофилы, которые восторгались поэзіею Т. Падуры,

относились по своему къ его литературной дѣятельности: счи-
тала малорусскій языкъ лишь мѣстнымъ народнымъ говоромъ (powiatowszczyzną) литературного польского языка, нѣкоторые изъ нихъ, наиболѣе увлекающіеся, предсказывали этому поэту то-
же мѣсто въ исторіи польской литературы, какое въ греческой
литературѣ имѣлъ Гезіодъ¹⁾; для человѣка же практической
жизни, какимъ былъ Вацлавъ Ржевусскій, въ восторженныхъ
рѣчахъ поэта козацкой воли чудились лишь предводители съ
конными полками, не уступающими по удали и молодечеству
бедуинамъ аравійской пустыни. Участіе въ революціонномъ со-
обществѣ не привело Ржевусскаго къ ссылкѣ, чѣмъ поплати-
лись другіе болѣе сознательные его товарищи; украинофиль-
ское же направленіе польской литературы, котораго держались
въ то время Зорянъ Ходаковскій, Тимошъ Заборовскій, поэты
Залѣсскій, Гощинскій, Гославскій и другіе, вмѣстѣ съ пережи-
тымъ въ теченіе прошлой жизни сдѣлало изъ бывшаго Эмира
Таджъ-Эль-Фагера какого-то особеннаго „отамана Ревуху“.

Новое увлеченіе этого Ревухи привело и къ новымъ пред-
приятіямъ. Въ его имѣніи Саврані Падура основалъ спеціаль-
ную школу лирниковъ, бандуристовъ и теорбанистовъ; они
должны были создать провинціальную литературу не то поль-
скую, не то малорусскую, содержаніемъ которой было бы во-
спѣваніе козацкихъ подвиговъ. Рядомъ съ этими „рапсодами“
явились тутъ же и „барды“ подъ предводительствомъ придвор-
наго пѣвца Евстафія Сангушка—Грегора Видорта. Каноникъ
кременецкій Янъ Комарницкій принялъ участіе въ этой обра-
зовавшейся плeядѣ и также сочинилъ пѣсни, изъ которыхъ
найболѣе известною стала народу и распространилась во мно-
гихъ варянтахъ пѣсня о разбойникеъ Кармелюкѣ. Падура со-
чинялъ думки о козакахъ низовцахъ, ихъ кошовыхъ, о чайкахъ,
подражалъ иногда Чайльдъ-Гарольду, воспѣвалъ Романа зъ Ко-
ширы и др.магнатовъ и т. п. Пропаганда его пѣсенъ не уда-
лась ему, несмотря на его путешествія въ свиткѣ въ народъ
подъ Каневъ, Чигиринъ и на ту сторону Днѣпра до самой Пол-

¹⁾ Пыпинъ. Исторія русской этнографіи. Т. III. Слб. 1891. Стр. 255, 256.

тавы, гдѣ онъ былъ и у Котляревскаго. Видортъ и самъ слагалъ пѣсни и исполнялъ тѣ, которыя были положены на ноты Ржевусскимъ изъ сочиненныхъ Падурою или Комарницкимъ.

Когда пѣсня была такъ подготовлена, собирались на репетиціи, въ которыхъ участвовали, кромѣ описанной компаніи, слушатели изъ дворскихъ козаковъ; между послѣдними первое мѣсто занимали Соколь и Жеребко, конюхи при когайлянахъ, бывавшіе и въ пустыняхъ Аравіи и въ Парижѣ; на такихъ „дискуссіяхъ“ читались и произведенія Ржевусскаго о Бобелинѣ, или же юмористические разсказы о безденежни савранскаго магната, сочиненные Комарницкимъ. Когда, послѣ нѣсколькихъ репетицій, пѣсни признаны были достойными распространенія, компанія переѣзжала въ Ильинцы, Антонины или Славуту, гдѣ у Потоцкихъ и Сангушковъ придворный бардъ Видортъ распѣвалъ ихъ, утѣшая собравшихся гостей.

Такъ продолжалось до смерти Ржевусскаго, который, участвуя въ восстаніи 1831, гдѣ командовалъ отдѣльнымъ эскадрономъ кіевско-подольского корпуса повстанцевъ, или былъ убитъ 14 мая подъ Дашевымъ, или бѣжалъ съ поля битвы и погибъ въ бѣгствѣ. Скоро послѣ того померъ и старый Видортъ, участвовавшій, по словамъ его внука, въ путешествіи Ржевусскаго на Востокъ въ качествѣ теорбаниста при его свитѣ; сынъ его, состоя при дворѣ Сангушка, продолжалъ слагать пѣсни, но уже не о козацкихъ подвигахъ, а на случай свадьбы кого-либо изъ родичей своего мецената. То-же дѣжалъ и внукъ Грекора, хотя рѣже, будучи вызываемъ въ такихъ случаяхъ во Львовъ, Krakovъ, Берлинъ и т. п.

Вотъ происхожденіе пѣсенъ, изъ которыхъ только одна о Кармелюкѣ поется въ настоящее время въ народѣ; сочиненія Падуры были три раза напечатаны (подъ заглавiemъ „Pienia“ во Львовѣ въ 1842, подъ заглавиемъ „Ukrainky“ въ Варшавѣ въ 1844 г. и еще разъ въ 60-хъ годахъ). Ихъ мы не приводимъ, такъ какъ варянты, сохранившіеся въ памяти Франца Каэтановича, очень мало чѣмъ разнятся отъ напечатанныхъ въ помянутыхъ изданіяхъ. Изъ пѣсенъ же дѣда, отца и нынѣ живущаго Франца Видорта приводимъ 4 пѣсни первого и по одной двухъ послѣд-

нихъ. Въ „пісні Видортовій“ Грегоръ Вортъ поетъ о своей собственной дѣятельности, какъ она понимались имъ и кружкомъ, къ которому онъ принадлежалъ; въ „Путешествіи В. Ржевусского“, „Золотой бородѣ“ и „Співѣ Ревухи“—воспѣваются похожденія Эмира; пѣсня Каэтана Видорта составлена по слу чаю возвращенія изъ ссылки князя Романа Сангушка въ 1842—44 г., а мадригалъ Франца Видорта сложенъ по случаю бракосочетанія кого-то изъ Сангушекъ и Сапѣгъ. Всѣ пѣсни запи саны со словъ самого Видорта, какъ пѣль онъ ихъ въ бытность свою въ Кіевѣ прошлою осенью; поетъ онъ, конечно, и другія малорусскія и польскія общеизвѣстныя пѣсни, какъ напр. про Савву Чалаго, Кармелюка, Грыця, Була Польща та стала Россія, Со kocham to kocham, A gdy przydzie co do czego и множество другихъ (Гандзя, у сусіда хата била, іихавъ козакъ за Дунай и т. п.), который вмѣстѣ взятыя никакъ не могутъ представить изъ себя какого-нибудь цѣльного репертуара. Среди ихъ всѣхъ приводимыя ниже пѣсни являются совершенно особымъ отдѣломъ; они не могутъ уже пережить, очевидно, истекшаго срока своего существованія и являются теперь анахронизмомъ.

1. Писнь Видортова.

Не журыся мій хазяинъ,—не за взяткомъ я иду:
 Оттакъ сиду, заспиваю, видспиваю та й инду.
 .Видъ мисточка до столыцивъ, видъ столыцивъ до села
 Для лыцаривъ для дивыцивъ Видортова писнь гула.
 Стари замки його знаютъ: винъ дилъ давнихъ учть васъ,
 Въ його писькахъ оджывають змерли лита змерлый часъ.
 Въ Запорожжи лить не мало на Дніпровыхъ берегахъ
 Козакамъ ся проспивало о Богданахъ—козакахъ.
 Хотъ якъ мыло зъ ными житы, хотъ якъ щастъя иде викъ,—
 Иду въ Польщу закинчты шистъдесятый восьмый рикъ¹⁾.

¹⁾ Пѣвецъ объясняетъ, что дѣду его, номершему въ с. Кузьминѣ Староконстантиновскаго уѣзда вслѣдъ за гибеллю Ржевусскаго, въ 1830—31 г. было 67 лѣтъ и что это была послѣдняя пѣсня, имъ сочиненная.

Видчыните замкы, брамы,—лядська писнь вамъ загуде:
Пожурыться спивакъ эъ вамы, пожурыться та ѹ пиде.
Жадныхъ скарбивъ я не маю и не хочу иихъ одъ вась;
Нехай тилько хто згадайе: «колысь Видортъ бувъ у насъ!»

2. *Podróz Wacława Rzewuskiego.*

Гей, отамане Кырылове! чы чулы вы лыхо такове?
Гей, отамане Кырыло! безъ батька намъ жыть не мыло!
Чуты въ батьковыхъ поговорахъ, що винъ йиздить по всихъ морахъ:
То по Сынимъ, по Червонимъ, то по Билимъ и по Чорнимъ.
На пискови му не иходить, бо винъ лехкий хутко ходить,
Але правда! якъ зморыться, то засыпле, якъ втомыться.
И перейхавъ килька морь—двести мыль за Саба-Таборъ,
Где пятдесят поволиння зостало жыдивъ племиння.
Тыажденъ тая вода грайе, пискомъ каминемъ кидайе,
Лышъ въ субботу тая вода стоить тыха и погода;
Въ той день всенъки ироижджаютъ, лышъ не жыдъ, бо свято мають:
То и тамъ зхотивъ знаты, щобъ намъ бlyжче що сказать;
Але винъ де бувъ зайихавъ, вже самъ почавъ торопиты
И до неба тилько взыхавъ,—не думавъ винъ довше жыты.
Тамъ ся йому показалы дыки люды, що пыщалы;
Сыру рыбу йидять, ловлить, свышуть, ничего не говорять.
И почавъ думку думаты, щобъ дальше не йихаты,
О тимъ краю не чутыся: тажко буде вернутыси.
Перехрестысь, скаменувши, проты витру обернувши;
Блудить, човчыться по мори, радъ бы въ свій край якъ найскорій.
И вже нызыну покынувъ, ставъ по звіздахъ миркуваты,
Бо вирне бы бувъ загынувъ, якъ бы не вмикъ пизнаваты;
Звізда юго провадыла и самъ соби дававъ раду,
Щастъемъ, що смерть не зкосыла,—и грыбувъ до Царограду.
Султанъ ся эъ нымъ утишайе, якъ винъ грайе и спивае,
Потимъ на дверь выбигайе и вже на коняхъ гуляйе;
И вси задумалысъ турки, що майе постиль дvi буркы,
Пидъ головою—кульбака, и вся ёого постиль така!
Коло ёго богата лежыть зброя турецькая;
Вставши, по-турецьку убравши, зовсимъ на коня забравши.
И въ М'ороку и въ Фензил, и въ Алжери и въ Кганкези,
Всюды винъ тамъ пробувайе, бо ёго весь свить кохайе;

Алешія и Сырія, Ерусалемъ добре знайе
 И Турція, Арабія, и Персія ёго знайе.
 Всюды чесно знаходыться и прыятно обходыться,
 Бо тамъ злого чоловика не люблять и забавлять вика.
 Где прыйиде къ башти-гана,—вкаже карту одъ Султана,
 И сидаются на дывану,—честь отдаютъ, яко пану.
 Кажуть въ чаши каву налляты, въ шистъохъ одну лульку курять,
 Просить, щобъ му показали кони, котри лучши малы;
 Провадыть, крычыть, брыкайе, не ижажаны винъ сидайе.
 Всі турки забулькотали,—що такого йизьца не выдалы.
 Якъ кинъ майе добру расу,—винъ ся на ныхъ добре знайе,
 И зъ собою возыть касу, платыть, въ Штамбуль одсылайе,
 Часто въ Стамбуль одсылайе, бо тамъ много коней майе.
 Предъ султаномъ пройижджайе и джерыдою ыдайе.
 Нельзя того и сказать, якъ винъ соби тамъ бавыться,
 Всімъ правду можна признаты,—во всимъ свити винъ славыться.
 Самъ до себе ставъ казаты: «въ свою землю якъ прыйду,
 Укликну, буду цилуваты, вже до іншой не пойду.
 Не мало провыдывъ съвита, не покрасывъ свой лпта:
 Думаю вдома сидити и буду на хлибъ робыты!»
 Гей, Ревухо, батько мылый! Нехай Богъ дастъ тоби сили,
 Нехай тебе оглядайемъ, бо мы тебе вси кохайемъ.
 Прыбудъ до насть якъ найскорій, щобъ не потонувъ на мори,
 Бо зробишъ насть сыротами, якъ не будешъ жыты зъ намы.
 Вызвартовый крычыть: пугу! Давайте гасло другъ другу,
 Въ дверахъ наставте вуха, чы не йиде нашъ Ревуха?
 Бо винъ якъ въ свій край зблыхыться, то прылетыть яко итыця,
 Заразъ буде смотритъ кони, чы въ шорадку на прыпони?
 Мы що грайемъ и спливаемъ, таку хвалу йому дайемъ:
 Бачылъсмо панивъ много, не бачылы такъ доброго!
 Той у Бога ласку майе, що о бидныхъ памъятайе,
 Винъ бидного не забуде, про тейе винъ паномъ буде.
 Летимъ за нымъ, якъ до уля ройомъ за маткою муха:
 Нехай жыть, нехай гулять, сердечны отець Ревуха!
 Нехай жыть вси на съвити: Вацлавъ, Рузя и йихъ диты!
 Нехай жыть многи лпта, нехай жыть многи лита!

3. Золотая борода.

Злетивъ орелъ на домброву попадъ сонцемъ витеръ гнать,
Прышла думка козакови давни письни засыпивать.
Але козакъ мало знайе: винъ зродыся на степахъ,
Тильки въ полю зъ конемъ грае пры Даниловыхъ джерелахъ.
Зъ быстрымъ окомъ во вси сыли за ворогомъ лукъ стягавъ
И початокъ на могыли для любойи засыпавъ:
«Отаманы ридни знаютъ наше сердце, нашъ булатъ,
Воны пзыдко изгадають, якъ зговорыть до ныхъ братъ.
Колыбъ Польща розумъ мала, та и не былася зъ Ордою,
Ще бъ, возаче, погуляла въ Царгороди зъ тобою.
Просты, просты, ляшый сыну! ваши земли—иший сывить,
И козакъ твою родыну ище знавъ видъ здавныхъ лить.
Не оденъ зъ васъ бунчукъ мавъ, жававый въ полю молодецъ,
Не оденъ зъ васъ турка гнавъ, кажуть люды зъ Пидгорецъ.
А де жъ тыи мыли лата, а де жъ тыи ворогы,
Що колысь зъ кинци свита биглы въ наши порогы?
Прыбуль до нась, мылый лаше, прыбуль польське гетманя,
Дзюба въ били ручки силище, якъ ты всядешъ на коня,
А молодци въ кгерельцахъ скрычать ура назади,
Скынуть шапку, поклоняться Золотий Бороди.
Лышъ винъ о тимъ добре знайе, силыветъ щастя якъ вода:
Скоро зъ нами загуляе Золотая Борода!»

4. Спивъ Ревуцкий.

Якъ выйхавъ Ревуха на кони гуляты,
Перевисывъ черезъ плече сагайдакъ багатый
Грайе море Чорне мое, Биле море
Гала-кгига-эу! Ла ла ла ла! Ла ла ла ла! Гала-кгига-гу!¹).
Всяка птицы по повитри не потрафить того,
Що нашъ батько Ревуха доказусть много.
Кони сыви, половыйи, гнидыйи и чорни!
Втиште жъ мене, щобъ не тужывъ Ревуха моторный.
Духомъ зъ нёго на сывого: «скоро давай лука,
Подай стрилы, ставляй тарчу!»²) вже на кони чука.

¹) Принѣвъ „Грай море“ повторяется послѣ каждого куплета.

²) Цѣль.

А зъ сывого на гвидого,—къ земли припадайе,
 Свойій Рузи мылесенькій цвиточки зрывайе.
 Джахтамиръ, Батыранъ¹⁾)—то мойи соколы:
 Колы всяду, съмило йиду,—не уткие николы.
 Ахъ ты, Кгульдо¹⁾ моя люба! якъ на тебе всяду.
 Носыпъ мене по всихъ мисьцихъ,—николы не впаду.
 Ой йидучы на качани, выкликае: лье-ли!
 Зависывся на сидли, схватывъ шаблю зъ земли.
 «Подай, Саво, кони жваво! нехай мене знаютъ;
 Колы всяду на борзимъ, жылы мни дрыкгають».
 Сто турецкихъ, сто черкескихъ и татарскихъ много,
 Що день що годыны прыбувайе зъ того
 Грайе море и пр.

5. Powrót z niewoli.

Встань, козаче, лыцемъ вдарь, не журьсь: дило йде въ ладъ,
 Бо вже Мылостыый Царь вертае пава назадъ.
 Не плачъ, дивчи молоде, и зле людамъ не желай!
 Зле мынайе, добре йде: вертайеться до насъ рай.
 Що першъ було засопило, теперъ дывытыся мыло:
 Вси весели, всякий радъ, що радисть иде назадъ.
 О, княгинё, ридна маты! Не плачь бо иде твій сынъ,
 Будешъ його цилуваты,—винъ для тебе йесть одынъ!
 Нашъ князь-отець добре знае, що журытысь мынувъ часъ,
 Винъ вже Романа встричайе, зъ нымъ прыйиде ажъ до насъ.
 А мы, ваши вирии диты, будемъ до него летиты,
 Цилуваты руки й ногы, заведемъ до васъ въ порогы.
 Потимъ вси кръкнемо разомъ предъ Матир-святымъ-образомъ:
 «Маты Свята! дай йимъ жыты, а мы Ты будемъ хвалыты».

Где жъ ты валишъ, мій теорбанъ!
 Мынувъ часъ одпочываты!
 Знай и ты, що есть нашъ панъ,—
 Треба йому ще й заграты,
 А, загравши, заспиваты
 И Ѣзыру правду сказать,
 Во безъ тебе, милый книже,

¹⁾ Клички коней.

Дуже до насъ бида въяже:
 Отець маты зъ тижкойи скукы
 И потугы серця муки
 Хотай о насъ паматають,
 Лышъ нашей биды не знаютъ.
 Теперь мы все въ Твойій власти,
 Къ ногамъ Твоимъ прынадайемъ,
 Що не дасы намъ иронасты,—
 Мы все о тимъ добре знайемъ!
 A więc wtedy, Moscie książe,
 Gdy lat chwila nie jednaka,
 Nowe struny Bard nawiąże,
 By zaśpiewać Krakowiaka.
 Всходыть сонце въ тыхимъ ранца
 Розсміявся новый съвіть,
 Раньше твого серця бранци
 Жычать тоби много літъ!
 Zaśpiewajme wszyscy razem:
 Nasze księstwo cnot obrazem
 Kiedy u nich rozkosz taka,—
 Utniem sobie ottropaka!
 Шиарко лита утикають,
 Беруть сердце на кирмаршъ,
 Щастя всімъ тщуть, ще кохають,
 О, Романе батьку нашъ!

6. Мадригалъ.

На цю свято, мій теорбане, нови струны павяжу,
 Буду грать що силь стане, а що въ серци—то скажу.
 Якъ съвіжа вода зъ крыныци, такъ намъ шара всимъ мыла:
 Орель прымівъ пры Орлыци, щобы слава зъ іхъ росла.
 Ты, Леоніе¹⁾, духъ Гетьманський, свойій Гедымінси прыглянись:
 Гарна пани, цъвіть Лытовській: мылуй, цицькай та й дывись!
 А ты, письню мою щыра, розійдися на ввесь світь,
 Загуды, якъ дзвінінъ для мыра: снай вамъ Богъ благословыты!

¹⁾ Женіхъ.

Назначеніе, содержаніе приведенныхъ пѣсенъ, кованый ихъ языкъ, или „зфальшована зляшона мова“, какъ о ней выразился одинъ изъ поляковъ, дебелый стиль, дубовый стихъ, лесть и подобострастіе въ приемахъ паренія—всѣ эти ихъ особенности объясняютъ, почему онъ не могли стать народными, какъ стала таковою пѣсня о Кармелюкѣ. Въ послѣдней авторъ исходилъ изъ чувствъ преслѣдуемаго разбойника, изображалъ отношенія его къ окружающему—такія, какія раздѣляетъ весь народъ и слишкомъ далекія отъ желанія цѣловать руки и ноги своимъ матнатаамъ: оттого эта пѣсня Комарницкаго была воспринята народною массою и до сихъ поръ поется въ разнобразныхъ варьантахъ; пѣсни же Видортовъ и Падуры съ теоретическими построеніями, далекими отъ народнаго міросозерцанія, съ музыкальною конструкціею, въ которой второе колѣно темы иногда не поется, а доигривается на теорбанѣ, съ сухостью сочетанія звуковъ въ рисункѣ мелодіи, противуположною той сочности, задушевности и трогательной нѣжности, какая присуща малорусской пѣснѣ, не смотря на всѣ искусственные мѣры къ распространенію ихъ, едва ли были переняты даже свидѣтелями ихъ составленія—конюхами Жеребкомъ и Соколомъ. Если относительно таинственной смерти Вацлава Ржевусскаго въ свое время распространена была такая молва, что его убилъ подъ Жванцемъ одинъ изъ придворныхъ козаковъ за растлѣніе его невѣсты, то можно думать, что и тогда выслушиваніе пѣсень про Ревуху представителями народа при его дворѣ исполняемо было по службѣ лишь, какъ офиціальная обязанность, или повинность. Во всякомъ случаѣ по своему особому характеру онъ заслуживаютъ быть сохраненными, какъ исторические документы, свидѣтельствующіе объ извѣстномъ настроеніи въ 20—40-хъ годахъ текущаго столѣтія части общества юго-западнаго края.

А. Русовъ.

О ТОРБАНЬ И МУЗЫКѣ ПЪСЕНЪ ВИДОРТА.

Въ числѣ музикальныхъ инструментовъ, бывшихъ въ употреблениіи въ Украинѣ право и лѣво-бережной, былъ и, таѢ называемый, *торбанъ* или *торбанъз*. Инструментъ этотъ болѣе совершенной фактуры, требовавшей несравненно болѣе сложной техники исполненія чѣмъ на кобзѣ, инструментъ сравнительно болѣе простой конструкціи, занесенъ изъ Италии въ Польшу— и отсюда перешелъ въ Украину. Торбанъ, обладающій богатыми средствами для музыкального выраженія, по праву завоевалъ себѣ исключительное мѣсто въ имущественно обеспеченномъ, шляхетскомъ сословіи, ему онъ сослужилъ службу свою, среди него отжилъ и вѣкъ свой. Въ малорусскомъ дворянскомъ обществѣ, включительно до 50-хъ годовъ текущаго столѣтія, онъ привился еще шире, чѣмъ въ польскомъ, гдѣ онъ обрѣтался исключительно въ рукахъ специальныхъ придворныхъ музыкантовъ-торбанистовъ. Въ Малороссії, помимо торбанистовъ изъ крестьянъ при панскихъ дворахъ, очень нерѣдко игрою на торбанѣ занимались и сами паны-помѣщики; правда по большей части мелкопомѣстные. Въ болѣе отдаленную историческую эпоху Малороссії торбанъ несомнѣнно былъ, наравнѣ съ бандурой, привилегированнымъ инструментомъ козацкой старшини. Въ музѣѣ В. В. Тарновскаго хранится торбанъ, принадлежавшій гетману Мазепѣ. Въ средѣ народа торбанъ не былъ вовсе въ употреблениіи. Сравнительно широкая, виртуозная требовательность по отношенію къ играющему на торбанѣ, въ которой обязательно связывался съ игрой и пѣніемъ еще и танецъ, стѣсняла его распространеніе въ народѣ.

Вследствие этого, репертуаръ торбана состоялъ главнымъ образомъ изъ пѣсень, романсовъ и пьесъ плясового характера. Строгій эпической характеръ думы былъ ему вовсе чуждъ. Съ его веселымъ, лирическимъ, салонно-удалымъ характеромъ не гармонировала также ни духовная псальма изъ репертуара бандуры и лиры, ни вообще пѣсни нравственно-религіознаго содержанія. Характерно въ роляхъ торбанистовъ праваго и лѣваго берега Днѣпра то, что, въ то время, какъ при магнатскихъ дворахъ у польскихъ торбанистовъ, въ числѣ общаго репертуара, культивировался особый родъ диенрамбовъ въ честь пана, въ знаменательный моментъ его семейной или общественной жизни,—лѣвобережные торбанисты далѣе чисто-народнаго репертуара,—въ крайнемъ случаѣ, искусственной пѣсни, на почвѣ чистой лирики—не шли. Величальныхъ продукцій, славословій, подобныхъ Видортовымъ, до насъ не дошло. Пишущему здѣсь очень памятенъ по дѣтскимъ воспоминаніямъ 40-хъ годовъ старикъ торбанистъ, Кошовий по фамиліи, бывшій крѣпостной его дѣда, но въ то время уже вольноотпущенныій, въ обширномъ репертуарѣ котораго не было ничего подобнаго мадrigаламъ и диенрамбамъ Видорта. Торбанистъ Кошовій, глубокій въ то время старецъ, прекрасно исполнялъ лирическія, народныя пѣсни, подъ часть съ собственными, полными украинскаго юмора, прибаутками въ пѣсняхъ комического содержанія. Онъ-же былъ, по отзывамъ людей, знатившихъ его смолоду, замѣчательный танцоръ виртуозъ, выдѣлывавшій передъ гостями своего пана труднѣйшіе кунстштишки,—своего рода эквилистика на почвѣ народнаго танца. Но, во время „бѣчнаго весилля“ въ семействѣ пана, продѣлывая эти па на пальцахъ рукъ между рюмками и бокалами отобѣдавшихъ баръ, онъ оступился, упалъ и поплатился вывихомъ ноги, искалѣчившій его и лишившій съ тѣхъ поръ возможности танцевать. За прежнія услуги его удалили на покой и дали вольно-отпускную; но еще долго послѣ того его приглашали бывало по вечерамъ попѣтъ и потѣшить пріїзжихъ гостей.

Остовъ торбана или кузовъ его, въ нижней, широкой части, напоминаетъ по формѣ кобзъ: та-же дека (*верхнякъ*) съ

резонаторами (*голосниками*), тотъ-же овальный низъ—только овалъ торбана болѣе удлиненъ, а у кобзы онъ шире. Грифъ (*ручка*) у торбана нѣсколько длиннѣе чѣмъ у кобзы и въ верхней своей части, въ шейкѣ, гдѣ накручиваются струны, загибается въ лѣвую сторону, образуя на этомъ переломѣ меньшую шейку, къ которой также прикрѣпляются басовыя струны, такъ называемыя *вторы*. Изъ всѣхъ струнъ торбана онъ, по протяженію, самыя длинныя.

Безъ этихъ вторъ расположение струнъ торбана и кобзы очень подобно: тѣ же *приструники* (короткія струны), укрѣпленные на колочкахъ по окружности торбана съ правой стороны. Число приструнковъ 12—13. Настроены онъ въ гаммѣ *фа*—мажоръ отъ *fa*—*re*³. Послѣдній звукъ часто отсутствуетъ.

Игра на пристрункахъ, какъ на торбанѣ такъ и на кобзѣ, производится щипкомъ. Высота струнъ остается неизмѣнною. За приструнками слѣдуютъ басовыя струны, расположенные по длине грифа и укрѣпленные на колочкахъ въ шейкѣ. Басовыхъ струнъ бываетъ 12—(14) въ такой послѣдовательности:

Четыре верхніе тона имѣютъ особья названія: верхнее *do* называется *квинта*; слѣдующій за нимъ тонъ *la*—*секунда*; третій *fa*—*терція*; и наконецъ нижнее *do*—*басокъ*. Остальныя 8 струнъ — басы — выстроены по парно въ октаву (*Si^b* — *si^b*; *Fa*—*fa*; *Do*—*do*; *RE*—*ge*). Всѣ струны кишечныя (*кишковы*); изъ числа этихъ 8 басовъ, въ октаву по-парно построенныхъ, каждая нижняя струна обвита металлическою канителлю (*сухозѣтышия*, на кобзѣ). Такія струны (ихъ 4) называются *байбрками*. Техническое выраженіе о струнахъ, обвитыхъ канителлю,

байбркы на п'єїї намотани. Наконецъ, третій рядъ струнъ прикрѣпленъ въ верхней, меньшей шейкъ. Эти 6 длинныхъ струнъ—то же басы—наз. *вторы*. Вторы построены, подобно басамъ на грифъ, тоже въ октаву.

Весь строй торбана представляется значитъ въ такомъ видѣ:

Игра на вторахъ производится щипкомъ. Участіе вторъ въ исполненіи крайне незначительное. Игра на басахъ, по грифу расположенныхъ, производится ладами, т. е. укорочиваньемъ длины струнъ, придавливая ихъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ, какъ на гитарѣ, къ грифу. Игра на пристрункахъ производится только щипкомъ.

Всѣхъ струнъ на торбанѣ 30—31. Послѣдняго тона *re* на пристрункахъ обыкновенно не достаетъ. Встрѣчаются торбаны, имѣющіо 60 струнъ; такой торбанъ называется полнымъ торбаномъ (*цѣлый тóрбанъ*).

Строй торбана, обыкновенно мажорный, (*вéеселый*) по требованію пьесы измѣняется въ минорный строй (*жалибный*) опущенiemъ терція (*la*) на $\frac{1}{2}$ тона внизъ.

Торбанистъ при исполненіи пользуется средствами инструмента различными способами. Мелодію, имъ исполняемую, онъ подыгрываетъ на пристрункахъ, чаще же на четырехъ крайнихъ басовыхъ струнахъ (*do-fa-la-do*), по грифу расположенныхъ, гармонизуя ее аккордами, добытыми помошью ладовъ на ба-

сахъ, изрѣдка добавляя къ аккордамъ основной басъ на вторахъ.—Въ прелюдіяхъ и заключеніяхъ, какими торбанистъ открываетъ и заканчиваетъ свои пѣсни, болѣе сложныя фигураціи, арпеджіи, пассажи онъ разыгрываетъ на пристрункахъ.

Обращаясь къ опѣнкѣ наличного репертуара торбаниста Ф. К. Видорта, должно замѣтить, что онъ представленъ у него не какъ нѣчто цѣльное, подлежащее раздѣленію на извѣстные отдѣлы по содержанію текста и характеру музыки, какъ напр. у покойнаго ужъ нынѣ кобзаря О. Вересая, у которого обширный репертуаръ складывался изъ думъ историческихъ, семейныхъ, изъ пѣсенъ „божественныхъ“ (про святыхъ), нравственно-религіозныхъ, изъ пѣсенъ, на конецъ, бытовыхъ лирическихъ, комическихъ, танцевъ.

У нашего же торбаниста народная пѣсня есть номеръ случайный; онъ её знаетъ, поетъ, такъ какъ въ той средѣ, которой онъ служитъ, и эта пѣсня можетъ быть въ спросѣ, и её могутъ потребовать.

Такимъ образомъ нами записаны у него оригиналлй, красивый волынскій варіантъ думы про Саву Чалого („Ой, буєз Сава въ Немирови въ пана на обиди“); извѣстная бытова пѣсня про Грыця; пѣсня про „знесення панчишны“ (*Була Польща та стала Россія*). Слыхали у него и пѣсни анакреонтическаго содержанія, малорусскую „казала мени Солоха прыйди“ и польскую „со kocham, to kocham“.

Спеціальный же, главный отдѣлъ пѣснопѣнїй Видорта,—это его *quasi* думы, дешевенькій романтикъ, пѣсенка въ куплетной формѣ съ характеромъ музыки довольно тривіальной, сродни пресловутой „Гандзя, цяця молодычка“. Музыка тутъ пріурочена къ тексту, который слагали дѣдъ, отецъ Видорты и самъ Ф. К. Видортъ.

Изъ композицій дѣда, Грекора Видорта, мною записано три номера: 1) Не журыся мій хазинъ; 2) Гей, отамане Кырылове и 3) спивъ Ревухы.

Остальные настолько слабы, что я счелъ ихъ лишнимъ записывать.

Лучшій номеръ по музыкѣ есть спивъ Ревухы (*якъ вишихає Ревуха на кони чуляти*). Въ немъ слышится эпическое настроеніе, удаль, бодрость духа степнаго рыцаря, отдавшагося своимъ думамъ. Такую думку можно бы было подслушать въ козацкомъ обозѣ. Принявъ во вниманіе, что авторъ этого номера, Г. Видортъ, жилъ за 100 лѣтъ и могъ, странствуя съ своимъ паномъ, Вацлавомъ Ржевусскимъ, слышать отъ современныхъ ему запорожцевъ нѣчто подобное, то неудивительно, что такое удачное настроеніе и выразилось въ этомъ лучшемъ номерѣ его композицій.

Припѣвъ этой думки „*грай море, Чорне море*“, турецкіе или татарскіе возгласы „*галакида гу!*“—все здѣсь у мѣста и иллюстрировано подходящей музыкой.

Въ лицѣ почтеннаго Ф. К. Видорта мы познакомились съ неизвѣстнымъ доселѣ типомъ придворнаго магнатскаго рапсода. Типъ этотъ, какъ оригиналное явленіе мѣстной польской жизни, заслуживаетъ во всякомъ случаѣ вниманія къ себѣ, долженствуетъ быть изслѣдованнымъ, записаннымъ, оцѣненнымъ.

Но какъ странно, неестественно звучить малорусская рѣчь въ высокопарныхъ, часто безсвязныхъ и безсмысlenныхъ, диѳирамбахъ, въ исканіи риѣмъ, въ искаженіи логического ударенія въ словахъ! Въ музыкальномъ исполненіи та же черта: неизмѣнныи паѳосъ, ходульность, какой-то задоръ, комическая акцентуація...

И благо, пусть бы ужъ этимъ пріемомъ руководился пѣвецъ въ исполненіи своихъ композицій, гдѣ въ самомъ текстѣ вѣчное пареніе. А то вѣдь у него и народная пѣсня подведена подъ одинъ шаблонъ... Это такъ не влажется съ искренностью чувства народной мелодіи, съ глубиною и естественностью содержанія любой украинской пѣсни.

Мало понятно, какъ такая культурнала среда мирилась съ псевдонародною декламацией и экспрессіей. Такую неразборчивость во вкусахъ естественно было бы объяснить если не пре-небреженіемъ, то полнымъ безразличіемъ къ народной рѣчи, народной мелодіи; но справка этого не подтверждается: на мой вопросъ, какъ относятся слушатели—магнаты къ малорусской

С П И В Т Р Е В У Х Й.

Andante.

ДУМКА.

1. { Gey, vy-i-havъ Re-by-ka na ko-ni gu - ly - ty, pe-re-vi-sivъ

Тор-
банъ.

Топ-базы

Н. Торбанистъ подыгryваетъ мелодію на пристрункахъ правою рукою, а лѣвою береть аккорды на басахъ.

Poco Sostenuto.

ПОДРОЖЬ В. РЖЕВУСКОГО.

Andante.

ЛУНКА.

Кандалы.

ДУШКА.

2.

Выграшь по думци на торбани.

Moderato
rubato.

ВИДОРТОВА ПИСЬНЯ.

dolce.

Не жу-ры - ся мій ха-зя-инъ: не за взяткомъ я и - ду, от-такъ ся - ду

за - спи - ва - ю, за-спи-ва-ю

та и пи-ду.

Выграшь на торбани.

рѣчи въ пѣсняхъ и композиціяхъ торбаниста и не требуютъ-ли они польского языка взамѣнъ малорусскаго, польской пѣсни взамѣнъ мѣстной, Видортъ отвѣчалъ:—наоборотъ, они требуютъ исключительно малорусскаго текста въ его исполненіи, а польского не требуютъ. Такое требование предъявлялось ему не только въ Украинѣ, но также во Львовѣ и Краковѣ.

Прилагаю образцы записанныхъ мною думокъ, пѣтыхъ Ф. К. Видортомъ.

Н. Лисенко.

Малорусскія вирши нравоучительного содержанія.

Еще въ первой половинѣ XVII вѣка Кириллъ Транквилльонъ-Ставровецкій предназначалъ свое „Перло многоцѣнное“ для студентовъ, которые, по его мнѣнію, могли „съ тои книги святои выбирати вѣрши на свою потребу и творити зъ нихъ ораціи размaitны часу потребы своеи, хочъ и на комедіяхъ духовныхъ“¹⁾). Сами студенты соревновали другъ съ другомъ въ стихотворномъ искусствѣ, или, какъ тогда говорили, въ „поетицкомъ художествѣ“. Оно считалось самымъ рѣшительнымъ признакомъ литературного образования, обязательнымъ для письменнаго человѣка, учившагося въ латинскихъ школахъ. Оно входило, такъ сказать, въ самый обиходъ жизни, какъ служебное орудіе разнообразныхъ задачъ ея, не имѣвшихъ большую частью ничего общаго съ поэзіей. Плодомъ этого школьного воззрѣнія на „поетицкое художество“ была громадная литература южнорусскихъ вирш, написанныхъ въ XVII и XVIII вв. и предназначенныхъ какъ бы для того, чтобы утонуть въ пучинѣ забвенія. И въ самомъ дѣлѣ, отъ нихъ не осталось, по-видимому, ничего, кроме глухаго упоминанія въ учебникахъ литературы, что никогда процвѣталъ въ школахъ и сей родъ поэзіи.

Не станемъ и мы извлекать изъ рукописей и старопечатныхъ книгъ всего виршеваго материала, созданного особыми вкусами и потребностями схоластической мысли. Мы обратимъ исключительное вниманіе только на тѣ вирши, которые находятся

¹⁾ Перло многоцѣнное, ч. I, стр. I, 2-е изд. (въ Могилевѣ), 1699 г.

въ соприкосновеніі съ народнымъ самочувствіемъ, съ народною самодѣятельностью въ области поэтическаго творчества. Многія изъ нихъ вошли въ составъ, таѣь называемыхъ, духовныхъ стиховъ и сохранились до настоящаго времени въ полународной, въ полукнижной формѣ. Отсюда распространілось ихъ вліяніе и на другія сферы народной поэзіи семінарскаго и общественно-бытоваго содержанія. Затрогивая самыя интимныя стороны народной мысли и чувства, онѣ содѣйствовали установленію основнаго тона, который звучитъ въ народной малорусской поэзіи. Мы разумѣемъ то настроеніе ея, которое выражается въ оригинальномъ сліяніі скорби и смѣха, безграничной вѣры и безпощаднаго сомнѣнія. Въ настоящемъ очеркѣ мы поставили для себя задачей выяснить это настроеніе, на сколько оно проявляется въ виршахъ, чтобы найти такимъ образомъ исходную точку къ приблизительному решенію вопроса о происхожденіи и поэтической редакціи народныхъ малорусскихъ думъ.

Мы остановимся прежде всего на виршахъ нравоучительнаго содержанія, затѣмъ перейдемъ къ виршамъ нравоописательного содержанія. Первые носили название *псальма*, вторыя—*кантоны*, хотя оба эти названія не были безусловно обязательны для виршей того и другаго рода. Не мало нравоописательныхъ виршей существуетъ также въ видѣ школьніхъ интермедій. Обзоръ виршеваго материала мы закончимъ виршами исторического содержанія.

Что такое жизнь человѣческая? Что означаетъ смѣна однихъ порядковъ и явлений ея другими? Въ чемъ заключается добро и зло ея? Совпадаетъ ли первое съ идеей счастія, а послѣднее съ идеей несчастія? Чего долженъ желать человѣкъ, къ чemu долженъ стремиться онъ?

Все это старые вопросы, на которые есть и готовые отвѣты, но въ этихъ отвѣтахъ всегда есть также индивидуальная примѣсь, или-же то психическое *нѣчто*, которое накапливается цѣлымъ рядомъ поколѣній и составляетъ этническій признакъ, отличающій одну народность отъ другой. *Нѣчто* это есть и въ виршахъ нра-

воучительного содержанія, безъ сомнѣнія, потому что составители ихъ были люди, выходившіе изъ народа и не терявши бытowychъ связей съ нимъ. Конечно, выражаются они въ своихъ виршахъ, какъ люди *письмѣнны*, но думаютъ и чувствуютъ, какъ люди народные. Смотрятъ они на жизнь съ высоты религіозно-философскаго отрицанія, въ которомъ есть добрая доля пессимизма, свойственнаго міровоззрѣнію малорусскаго народа. Но на днѣ этого пессимизма лежитъ нѣжное участіе къ людямъ, оторваннымъ отъ родной семьи, заброшеннымъ и обездоленнымъ. Это пессимизмъ украинскій, проникнутый сентиментальнымъ настроениемъ.

Жизнь и смерть, смерть и жизнь, только иная, загробная, лучшая, — вотъ та естественная смѣна идей, въ которой вращается мысль вѣрующаго человѣка. Смерть есть моментъ освобожденія духа нашего отъ оковъ плоти, поэтому спокойно взираетъ на смерть тотъ человѣкъ, который думаетъ о вѣчности. Напротивъ того, боится смерти тотъ, кто увлекается земными наслажденіями и радостями.

На эту тему написано множество виршей въ XVII и XVIII вв. Самая древняя изъ нихъ и въ тѣ же время самая полная принадлежить тому-же Кириллу Транквиллону-Ставровецкому. Онъ помѣстилъ ее въ своеемъ „Перлѣ многоцѣнномъ“ подъ заглавиемъ: „Лѣкарство роскошникамъ того свѣта—пѣснь вдячная при банкетахъ панскихъ“. — Поется эта пѣснь отъ лица покойника-pana, который застигнутъ былъ смертью врасплохъ. „Где мои нынѣ, восклицаетъ онъ, замки коштовные, муроуаны, а шкатули, златомъ нафасованы? Где мои пресвѣтлыи, златотканни шаты, рыси, соболе, кармазины и дорогыи шкарлаты?“ Горько сѣтуетъ онъ, что „несподѣване“ смерть „въ всего“ его „обнажила и межи смрдливыми трупами положила“. „Пріятелѣ мои“, продолжаетъ онъ, „далеко отъ мене стали и носы свои предъ смрадомъ моимъ позатикали. Вчера въ дому моемъ было гойне веселье, музиковъ играня, а спѣваковъ веселое спѣване, и на трубахъ мѣдяныхъ выкрикане, скоки, танцъ, веселое плясаня,—вина наливай, выпивай, проливай,—столы мои сладкими покормы покрыти, гости мои и пріятелѣ—персоны знаменитїи, а нынѣ мене все доброе и весе-

лое минуло, слава и богатство на вѣки уплынуло“.—Во цвѣтѣ молодости умеръ панъ, и ничего больше не осталось ему въ утѣшениѣ, какъ только безплодное сознаніе, что смерть могущественнѣе жизни, что она „на всѣхъ мечь свой лютый обнажила“.—„Где нынѣ“, восклицаетъ онъ, „тиранове неужиты и князи на землѣ знамениты,—где нынѣ воинове горделивыи и мучителѣ невинныхъ злосливы?“ „Ты, обращается онъ къ смерти, съ премудрыхъ филозофовъ смѣховиско строишъ, у главѣ ихъ, где свѣтлая премудрость столицу свою мѣла и въ ней почивала, тамъ нынѣ тылько смрдливая пустка зостала... Ты риторскій языкъ сладкоглаголивый безгласіемъ связуешъ и предъ многими его показуешъ, яко нѣмого болвана“¹⁾...

Много риторскаго языка въ этой пространной виршѣ. Она есть какъ-бы голосъ съ того свѣта,—конечно, болѣе громкій, чѣмъ молчаливый дѣянія всемогущей смерти.—Для насъ важенъ этотъ голосъ по разнообразію мотивовъ, которые слышатся въ немъ и которые въ другихъ виршахъ развиваются отдельно. Это—мысли о скоротечности жизни, о тщетѣ благъ міра сего и, наконецъ, о всемогуществѣ смерти.

Послѣдняя мысль слабо развита въ другихъ виршахъ и въ духовныхъ стихахъ виршеваго происхожденія. Смерть въ этихъ послѣднихъ обрисована кратко: она „страшна вельми собою, лютымъ огнемъ наполнена и отъ лица возстраждена“²⁾). Гораздо рельефнѣе выступаетъ образъ ея въ извѣстномъ сказаніи о прѣніи живота съ смертю, которое встрѣтилось намъ въ одной изъ рукописей XVIII в. Малорусскій текстъ сказанія, по всей вѣроятности, составленъ по одной изъ польскихъ редакцій его западно-европейскаго происхожденія³⁾).

Зато первыя двѣ мысли подробно развиваются, какъ въ виршахъ, такъ и въ духовныхъ стихахъ.

Въ Богогласникѣ подъ № 227 помѣщена вирша, озаглавленная такъ: „Жаль надъ злѣ иждивеннымъ временемъ житія“⁴⁾.

¹⁾ Перло многоцѣнное, ч. II, стр. 149.

²⁾ Стихъ, записанный В. П. Горленкомъ въ Ловчицѣ отъ зиринка Кравченка.

³⁾ Рукопись церковно-археологич. музея при кіевс. дух. академіи, ф. 52.

⁴⁾ Мы пользовались сравнительно позднимъ изданиемъ Богогласника—1825 г. Вирши, напечатанные въ этомъ изданіи, подправлены и подновлены: онѣ, какъ

Нерѣдко встречается она и въ рукописныхъ сборникахъ конца прошлаго вѣка. Въ ней высказываются сѣтованія на внезапное появленіе смерти въ тѣ годы жизни человѣка, когда онъ вкусили уже отъ чаши наслажденій, но не допилъ ее до дна.

«Ахъ, ушли мои лѣта,
Какъ вихоръ съ круга свѣта»,

такъ начинается эта вирша,

«Только такъ мнѣ издалось»,
Что одинъ день прожилося».

Страшная гостья приказываетъ человѣку идти въ далекую дорогу, „на тотъ свѣтъ до Бога“.

«Съ чемъ же тамъ я появлюся,
вопрошаетъ онъ самого себя,
Чемъ я Богу прислужуся?
Ны свѣтила, ны кадила,
Все то смерть роспорошила!»

Однако же, по нѣкоторомъ раздумья, находить онъ, что смерть тутъ ни при чемъ, что самъ онъ виноватъ въ своей судьбѣ. Убаюкивалъ онъ себя мыслю, что „не часъ еще“ ему умирать,

«Треба вѣку доживати», —
что

«Старость будетъ на тое,
Чтобы дѣлать все благое».

И вотъ онъ

«Старости не дождался,
И на тотъ свѣтъ не прыbralся»¹⁾.

сказано въ предисловіи, предлагаются „аки сиѣдь, иными смаками утворенна и заново приготовленна, аки одежда обветшавша, перешита же и обновлена, или аки потемнѣвшее сребро, искушено же огнемъ и оцищено седмерицею“ Поэтому мы будемъ пользоваться преимущественно рукописными сборниками конца прошлаго вѣка, обращаясь къ Богогласнику только въ тѣхъ случаяхъ, когда текстъ виршей въ рукописныхъ представляютъ явные слѣды искаженій. Многія вирши, отмѣченныя именами авторовъ, могли быть сочинены вновь почаевскими базилианами для издания 1825 г., поэтому опѣт совсѣмъ не войдутъ въ наше обозрѣніе.

¹⁾, Сборникъ Кибальчича, № 53: „Пѣснь о покаяніи“. См. также Народныя пѣсни галицкой и угорской Руси, Головацкаго, ч. III, отд. I, 285.

Въ записяхъ этой вирши отъ лирниковъ—тѣ же мысли и тотъ же тонъ, только нравоученіе короче и языкъ, конечно, чище¹⁾.

Не мало есть также виршей, написанныхъ на тему „omnia vanitas“. Самая распространенная изъ нихъ та, которая начинается словами: „Кажуть люде, що я умру“... Она помѣщена въ Богогласникѣ подъ № 236 и тоже довольно часто встрѣчается въ старинныхъ спискахъ. Главный мотивъ ея, какъ и въ виршахъ Транквилліона, заключается въ противоположеніи между жизнью здѣсь и тамъ, за гробомъ.

«Зостанеться сребро и злато, дорогіе шаты,
А вже жъ мѣнѣ изъ собою нѣчого не взяты!
А хотай быть възялъ изъ собою, тамъ того не треба,
Садженъ землѣ, четыри дощки, спасенія зъ неба»²⁾.

Въ народной обработкѣ эта вирша отличается особенною задушевностію тона³⁾.

Но вотъ—окончилось земное существованіе человѣка. „Простите мя“, говорить онъ словами одной вирши, разстававшейся съ жизнью, „братья милая и други,

Поля, холми и дубрави, зеленіе луги:
Вже жъ мнѣ по вась не гуляти,
Вже прийшолъ часъ мнѣ помирати»⁴⁾.

Что-же ожидаетъ его тамъ въ первыя минуты загробной жизни, въ томъ переходномъ состояніи, когда душа его не нашла еще для себя опредѣленнаго положенія?

На этотъ вопросъ отвѣчаетъ вирша, помѣщенная въ Богогласникѣ подъ № 235 и начинающаяся словами: „Егда душа отъ тѣла разлучается“. Разсказывается въ ней о томъ, какъ появилась грѣшная душа въ воздушныхъ мытарствахъ. Видѣть

¹⁾ „Кіевская Старина“, 1883 г., Февраль, 468.

²⁾ Сборникъ Кибальчича, № 51: „Пѣснь о покалкнї“. См. также Народныя пѣсни, Головацкаго, ч. III, отд. 1, 286.

³⁾ Народныя южнорус. пѣсни, Метлинскаго, 371. См. также „Кіевс. Старина“, 1889 г., Февраль, Сборникъ Іщенка, 1780—82 г.

⁴⁾ Рукопись церковно-арх. музея при кіевс. академії, № 489.

она тамъ своего ангела-хранителя, каётся въ своихъ прегрѣшніяхъ и умоляетъ о защитѣ. Но это было уже позднее расказаніе: „о человѣчѣ, говоритъ ему ангелъ, собиралъ еси въ семъ мирѣ не по мѣрѣ,

Сокривалъ еси себѣ богатство,
Затворялъ еси свои врати предъ сироти,
Втратилъ еси царство“¹⁾.

Объ этомъ разсказывается въ духовномъ стихѣ нѣсколько иначе.—„Изъ Кыєва, изъ Ерусалима, видтиль ишло три черныченкы“—одна съ крестомъ, другая съ евангеліемъ, третья съ кадильницей. Встрѣчаетъ ихъ Божья матерь и спрашиваетъ ихъ, гдѣ онѣ были, и что видѣли. Отвѣчаютъ онѣ ей, что были онѣ въ Кіевѣ и видѣли,

«Якъ душа зъ тиломъ роставалася,
Роставалася, та й позналася:
Чомъ же ты, тило, чомъ не терпило,
Ностицъ не постыло? Чомъ-же ты, душе, недили не чтыла?
Будешъ же ты, тило, въ сырій земли приты,
А ты будешъ, душе, у огни гориты»²⁾.

Далѣе слѣдуетъ въ виршахъ картина страшнаго суда. Въ Богогласниѣ она изображена подъ №№ 35, 36, 37, 239, 242. Не мало есть и духовныхъ стиховъ о страшномъ судѣ³⁾. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ ясно отражается вліяніе извѣстныхъ апокрифическихъ „Вопросовъ Иоанна Богослова Господу на Фаворской горѣ“. Вотъ одинъ изъ этихъ стиховъ, болѣе выразительный и, сколько намъ извѣстно, нигдѣ еще не напечатанный:

«Страшный судъ наступить,
Хто добре заробыть, той царства доступить...»

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Труды этнографическо-статистич. экспедиції, Чубинскаго, т. I, 149—151. Въ виршахъ и стихахъ о грѣшной и праведной душѣ послѣ разлуки ея съ тѣломъ отразилось вліяніе извѣстнаго „Слова о видѣніи ап. Павла“. (См. Сумцова, „Очерки исторіи южнорусскихъ апокрифическихъ сказъ и пѣсенъ“, „Кіевс. Старина“, 1887 г., Ноябрь, 423).

³⁾ Метлинс., Народн. южнор. пѣсни, 272. Чубинс., Труды экспедиції, 1 т., 220. Записки Юго-запад. отдѣла географич. общества, Матеріалы, 24, 31. „Кіевс. Старина“, 1889 г., Сентябрь, 694.

А впадуть зори зъ высокого неба,
 Займеться море й глибоки кръныци,
 А зирвутъся витры—а дуже буйныи,
 А позносить горы, що будуть ривныи.
 Затрубыть ангель въ янгельскую трубу:
 «Вставайте, умерши, до страшного су!у!»
 Ой якъ прыйшла жъ душа та до свого тила:
 Гришный человиче, здайся зъ свого дила!
 Ой на Сафатовий долини, ой тамъ будуть люде,
 Тамъ прыятельство вытатыся буде:
 Ой братъ изъ сестрою, а мужъ изъ жоною,
 А сынъ зъ батькомъ, а маты зъ дочкою.
 А сынъ видъ батька розлученый буде,
 А маты зъ дочкою роздилена буде,
 Що дочка заробыть, тамъ маты не буде.
 Ой по ливий сторони будуть еретыки стояты,
 Ой тамъ будуть душамъ смолы шиддаваты,
 А по правий сторони будуть ангели стояты:
 Ой не пыйте смоли, даждитеся воды!
 Хто смолы напъетесь, той въ иекло ввержеться,
 Хто воды даждеться, въ раю зостанеться!»¹⁾).

Отдѣльныхъ изображеній рая и ада нѣть ни въ виршахъ, ни въ духовныхъ стихахъ. Встрѣчаются въ тѣхъ и другихъ разрозненныя указанія на адскія мученія, ожидающія грѣшниковъ на томъ свѣтѣ. Для насъ важны въ данномъ случаѣ народныя представления о грѣхахъ, которые достойны адскихъ мученій. Любопытны въ этомъ отношеніи старинныя картины страшнаго суда, которые до недавняго времени на югѣ Россіи составляли обычную принадлежность церковныхъ паперей. Въ церковно-археологическомъ музѣи при кіевской академіи есть нѣсколько такихъ картинъ, изображающихъ рай и адъ. Три изъ нихъ довольно значительного размѣра, не менѣе трехъ аршинъ въ длину (отъ верху до низу) и почти столько-же въ ширину. Лучше другихъ изъ этихъ трехъ сохранилась та, которая написана грубою кистью деревенского мальра и соста-

¹⁾ Записано въ с. Калюсикѣ, ушицк. у. подольской губ.

вляла собственность одной изъ сельскихъ церквей волынской губерніи.

Вотъ ея содѣржаніе.

На самомъ верху изображенъ Спаситель, предъ которымъ стоятъ съ правой стороны Богоматерь, съ лѣвой Иоаннъ Креститель, а за ними съ обѣихъ сторонъ ветхозавѣтные праведники, наслаждающіеся лицезрѣніемъ божественнаго судіи. Во второмъ ряду по срединѣ изображено евангеліе, раскрытое на страницѣ: „пріидите, благословеніи отца моего“... Надъ евангеліемъ крестъ, по сторонамъ евангелія два ангела, трубящіе въ трубы, по ту и по другую сторону—праведники новозавѣтные. Въ третьемъ ряду по обѣимъ сторонамъ налоя, на которомъ лежитъ евангеліе, изображено возстаніе изъ гробовъ: тутъ есть и сцена исповѣди предъ церковью, при чемъ дьяволъ искушаетъ исповѣдающагося,—и фигура человѣка, лежащаго въ постели, съ надписью: *лѣнивца до церкви*, котораго дьяволъ тащить въ адъ,—и смерть съ косою, къ ней приближается ангелъ съ мечемъ и дьяволъ съ рукописаніемъ.—Въ четвертомъ ряду, на самой срединѣ протянута изъ облаковъ рука, которая держитъ вѣсы: на правой чашкѣ вѣсовъ душа праведнаго человѣка; вѣсы поднялись вверхъ; на коромысло ихъ съ лѣвой стороны взобралась черная мышь, а дьяволы вѣспились въ лѣвую чашку вѣсовъ. Подъ вѣсами въ колесницѣ, запряженной дьяволами, сидить человѣкъ съ надписаніемъ: *судія неправдивій*; дьяволы тащать его въ адъ. Съ правой стороны вѣсовъ изображены Адамъ и Ева подъ яблоней, на которой извивается змѣй. Ближе къ вѣсамъ лики оправданныхъ душъ. Съ лѣвой стороны вѣсовъ толпа евреевъ, предъ которой сидитъ дьяволъ, спустивши ноги въ бездну адскую. Положеніе евреевъ довольно затруднительное, ибо рай далеко отъ нихъ—въ нижнемъ углу картины, на правой сторонѣ вѣсовъ. Какъ они дойдутъ туда? И дойдутъ-ли, не смотря на предводительство Моисея, который, впрочемъ, изображенъ дважды—здѣсь, въ четвертомъ ряду; и въ первомъ ряду, въ числѣ ветхозавѣтныхъ праведниковъ? Вопросы эти художникъ оставилъ открытыми... Въ пятомъ ряду съ правой стороны изображенъ рай въ видѣ зданія, предъ ко-

торымъ стоять оправданныя души, а предъ ними ап. Петръ, протягивающій ключъ къ дверямъ рая. Съ лѣвой стороны—разверстая пасть ада, въ которой дьяволы погоняютъ души грѣшниковъ, изображенныя въ два ряда по группамъ. Надъ первой группой первого ряда надпись: *клеветникъ*, надъ второй—*вѣдьма*, надъ третьей—*наложница*. Надъ первой группой втораго ряда надпись: *чаровникъ*, надъ второй—*закрутка*, надъ третьей—*жито краде*, надъ четвертой—*кравецъ*, надъ пятой—*ткачъ*, надъ шестой—*мельникъ*. Каждая группа нарисована съ принадлежностями ремесла своего. Еще лѣвѣе—множество грѣшныхъ душъ стремглавъ низвергается въ адъ. Въ самомъ низу картины, подъ адомъ, помѣщено нѣсколько бытовыхъ сценъ съ соотвѣтствующими надписями. Сцена первая: группа состоитъ изъ четырехъ лицъ: на скрипкѣ играетъ музыкантъ, двѣ дѣвицы стоять въ парѣ, сбоку дьяволъ прикасается къ одной изъ нихъ когтистою рукою. Вверху надпись: *Дияволъ леститъ до танцевъ*. Сцена вторая: подъ деревомъ стоитъ женщина и отдаетъ дьяволу своего ребенка. Вверху надпись: *Та що дѣти тратила*. Сцена третья: по другую сторону того-же дерева крестьянинъ въ лаптяхъ собирается лѣзть на дерево, дьяволъ ему помогаетъ. Вверху надпись: *Пчели краде*. Сцена четвертая: дьяволъ тащитъ въ адъ тачку, въ которой сидять мужчина и женщина въ намиткѣ. Вверху надпись: *Кумъ и кума*.

Замѣчательно, что всѣ почти грѣшники, изображенные на этой картинѣ, обречены на адскія мученія главнымъ образомъ за правонарушенія общественнаго свойства. Что касается до обрядово - религіозныхъ и семейныхъ преступленій, то они не обрисованы здѣсь съ надлежащими подробностями, поэтому для дополненія картины мы должны обратиться къ произведеніямъ народной поэзіи, въ которыхъ съ болѣйшей ясностью выражены религіозныя воззрѣнія на семью, проникавшія въ народное сознаніе путемъ школьнаго вліяній.—Изъ многаго выбираемъ немногое.

Такъ, въ одной галицкой колядкѣ решается вопросъ: „Чому жъ такъ нема, якъ було давно?“— и затѣмъ изображаются отступленія отъ старины въ слѣдующемъ видѣ:

«Святамъ Ныколамъ пыва не варять,
 Святамъ Рождествамъ службы не служать,
 Святамъ Водорщамъ свичи не сучать.
 Ой бо вже давно, якъ правды нема,
 Бо вже ся цари новоёвали,
 А царь на царя вийсько збирае,
 А братъ на брата мечемъ махае,
 Ой бо сынъ витца до права тягне,
 Доныка на матиръ гнивъ пиднмае,
 Ой бо кумъ кума зводить зъ розума,
 Сусидъ сусида збавляе хлиба»¹⁾.

Основная мысль этой колядки выражена въ словахъ: „ой бо вже давно, якъ правды нема“. Мы имъемъ предъ собою идеаль въ прошедшемъ, когда свято соблюдались порядки церковно - религиозные, семейные и общественные. Что-же было душей этихъ порядковъ? Иными словами, въ чемъ заключается по народнымъ представлениямъ идея правды?

Глубоко трогательный отвѣтъ на эти вопросы находимъ мы въ извѣстномъ духовномъ стихѣ о правдѣ.

Древнѣйший варіантъ этого стиха, по нашему мнѣнію, тотъ, который начинается напоминаніемъ о смерти:

«Ой горе, горе на симъ свити житы,
 Боровъ, Но же, смерты, буде Богъ судыты!»²⁾.

Рѣчь идетъ далѣе объ отреченіи близкихъ людей отъ безсильного и больного человѣка:

«Якъ чоловикъ здоровъ, всакый его любить,
 Якъ лыха годына, родына одступить».

По всему видно, что стихъ этотъ предназначенъ былъ для людей, которые извѣдали на опытѣ всю горечь жизни и подъ конецъ ея пришли къ разочарованію въ самыхъ дорогихъ надеждахъ и симпатіяхъ своихъ.

«Ой якъ тяжко-важко каминя лупаты,
 грустно продолжаетъ пѣвецъ,

¹⁾ Головацкій, Народныя пѣсни, ч. II, стр. 21.

²⁾ Записки юго-зап. отд. географич. общества, т. I, Материалы, 23. — „Кievsc. Старина, 1883, Февраль, 469.

Ой такъ тяжко-важко дитей годуваты:
 Бо старая ненька дитки годувала,
 Дитки годувала, ночи не доспала.
 А тепера дитки на те не вважають,
 Беруть отця-неньку, пидъ ногы вныжаютъ.
 Бо теперъ на свити така выйшла кара,
 Що по всему свиту то вже есть неправда.
 Бо тепера правда стоитъ край порога,
 А тая неправда сидѣть кинецъ стола.
 Бо тепера правду бьють та ругаютъ,
 А тую неправду трункомъ напуваютъ.
 Бо тепера правда сидѣть у темници,
 А тая неправда у панивъ въ свитлыци.
 Бо тепера правда скрізь закрыта,
 Тильки есть прымита—на хрести прыбыта»¹⁾.

Къ такимъ печальнымъ обобщеніямъ пришелъ п'вецъ на основанії наблюдений надъ жизнью „отцовъ и дѣтей“. Другой варіантъ того-же стиха начинается именно съ этихъ обобщеній:

«Нема въ свити правды!... Правды не зиськати,
 А звикла неправда теперъ правдовати!
 Що вже теперъ правда слезами рыdae,
 А тая неправда зъ панамы гуляе.
 Чы ты жъ, свита правда, умерла, чы ты заключена,
 А чы ты, маты ридна, одъ насъ одреченна?
 Нема въ свити правды!... Правды не зискати!
 Тильки въ свити правды, що ридный отецъ та маты».

Далѣе слѣдуетъ картина сиротской жизни, безъ отца и матери. ЖалѣТЬ сирота, что не далъ ей Богъ орлиныхъ крыльевъ, а то бы она полетѣла „до отця, до неньки“. О трудностяхъ воспитанія дѣтей нѣть ни слова,—нѣть и жалобы на неблагодарность дѣтей. П'вецъ рѣзко переходитъ къ изображенію раздоровъ между младшими членами семьи:

«Уже жъ кинецъ вику и въ намъ прыближывся,
 Хочъ ридного брата теперъ стережыся,—
 Бо винъ хочъ и ридный братъ, то правды не мие,

¹⁾ „Кievsc. Старина“, 1889, Сентябрь, 683.

Винъ тильки устамы, якъ перамы, вие.
Изъ нымъ у судъ статы—правды не зисъкаты,
Тильки срибломъ-златомъ судью насыщаты».

Заканчиваетъ п'євецъ свой скорбный стихъ ободряющимъ возваніемъ:

«Самъ Господь есть правда,
Сокрушить неправду,
Сумырить гордыню,
Вознесеть святыню!»¹⁾.

По смыслу того и другаго варианта оказывается, что „нема правды“ даже въ интимномъ мірѣ семейныхъ отношений.—Но при этомъ нужно имѣть въ виду, что подрываются эти отношения не отцами, а дѣтьми, которые родителей своихъ не уважаютъ и сами между собою не ладятъ. Только одно родительское чувство, а именно чувство матери, остается неизменно прочнымъ въ этомъ волнующемся морѣ вражды, которая подъ именемъ неправды царствуетъ въ мірѣ.

«А нема цвпту пайновнишого надъ тую макивочку,—
Да нема жъ роду найвирнишого надъ тую матиночку»,

говорится въ одной п'єснѣ²⁾). Въ самомъ дѣлѣ, по народнымъ представлениямъ мать есть символъ всепрощающей любви и безконечного самоотверженія. Она есть сама правда—такъ же вѣчно страдающая, какъ и та святая правда, которая была „на хрести прыбыта“, поэтому и въ разбираемыхъ нами стихахъ правда называется *матерью ридною*, а мать въ свою очередь *правдою вирною*. Итакъ, правда есть ничто иное, какъ любовь, воплощенная въ лицѣ матери на землѣ, въ лицѣ Господа Бога на небѣ. Это, можно сказать, религіозное возврѣніе на мать вылилось въ п'єсняхъ малорусскихъ съ такою силою и страстью, что нельзя ни слушать, но даже читать ихъ равнодушно.

«Ой матинко, вишенько,
Що безъ тебе лышенько!

¹⁾ „Кіевс. Старина“, 1883, Августъ, 769—770.

²⁾ Лисенко, Збірникъ, вип. II, № 33.

Що тебе жъ ии купыты,
 А ии заслужыты,
 Що безъ тебе, иенько моя,
 Горе въ свити жыты!
 Що уже-жъ я й ходыла,
 Уже жъ я й служыла,
 Та не нашла тии иеньки,
 Що мене родыла¹).
 «Маты наша, маты,

поется въ другой пѣснѣ,

де намъ тебе взяты?

Маларавъ нанаты, матиръ змалюваты,
 Поставыты матиръ на божнычокъ въ хати...
 На божвычокъ гляну, то матиръ спомъяну,
 Назадъ обвернуся, слезами зальюсь,
 На бикъ оглянуся, рукавомъ утруса!»²)

Женскія роли въ семье пѣсня распредѣляетъ такъ:

«Жинка для совиту, теща для прывиту,
 Матинка ридна—лучче всего свиту»³).
 (Вона)» родыла й болила,

присовокупляетъ другая пѣсня,

страдала, вмырала,
 Кровь пролывала, смертоньки бажала»⁴).

Теперь для насть совершенно понятно, почему оскорблѣніе отца и матери считается въ народной малорусской поэзіи величайшимъ преступленіемъ.

«Кого Богъ любить, того й награждае,
 А за отца и за матку сынъ Божий карае»⁵).

¹) Чубинскій, Труды экспедиції, т. V. стр. 552, № 154.

²) Лесенко, Збірникъ, вип. I, № 23.

³) Чубинскій, Труды экспедиції, т. V. стр. 459, № 29.

⁴) Метлинскій, Народныя южнорус. пѣсни, 242.

⁵) Кобзарь Вересай даль этому стиху такое названіе: „Пісня, що по не-
 счастю живучи на свити сливають“. Зап. югозап. отд. географич. общества, т. I,
 Материалы, 24.

На этомъ мотивѣ построена прекрасная народная дума о вдовѣ и ея сыновьяхъ. Имѣла вдова

стrehъ сынивъ,
Якъ соколивъ:
Вона ихъ змалку годовала,
Зросту, славы, памѧты, спрожытку сподивала».

Оженились сыновья и, какъ видно, по наущенію женъ своихъ прогнали мать изъ дома:

«Не сыва зозуля закувала,
Якъ бидна вдова изъ своего дому выступала,
За слизами свиту божого не выдала».

Принялъ ее къ себѣ добрый человѣкъ, „блзызкий су-
сида“,—и вотъ на старости лѣтъ пришлось ей жить у чужихъ
людей.

«Сталы люде тее зачуваты,
Сталы вдовыченькивъ на сникъ пздниматы».

По другимъ вариантамъ обрушились на нихъ всякия не-
счастія: „не ставь имъ Господь ни въ чимъ помагаты“. Тогда
сознали они тяжкій грѣхъ свой и пошли на чужой дворъ про-
сить прощенія у матери.

«Боже май мылый, Боже май едыный,
Поможы ты мени сии диты опрощаты!»

Возвратилась она въ домъ свой, а вмѣстѣ съ тѣмъ

«Ставъ и Богъ, выдымо, имъ во всимъ помагаты».

«Тогда жъ то вони одынъ до одного стыха словами промовлялы:

«Гляньте, братя!
Правду святе письмо свидчыть, высвидчае,
На всякий часъ моление показуе:
Который человикъ отца своего, матиръ штыть, поважае,
Тому Богъ на всякий часъ помагае»¹).

Мы понимаемъ, что идеальные черты матери далеко не всегда могли совпадать съ дѣйствительностю, но для наѣ ва-

¹) Содержаніе этой думы передано по четыремъ вариантамъ, помѣщеннымъ у Метлинскаго, Народн. южнорус. пѣсни, 345—354.

женъ поэтическій замыслъ—воспользоваться опытомъ жизни, чтобы создать въ образѣ матери нравственную силу, которая есть ничто иное, какъ сила любви, возстановляющей между людьми святую правду. Собственно говоря, это не есть сознательно поставленная формула жизни, выработанная на почвѣ правовыхъ или политическихъ отношеній. Но положительно можно сказать, что въ поэтическомъ настроеніи, которое мы подвергаемъ анализу, немаловажное значение имѣли земледѣльческія формы быта, въ которыхъ жиль и донынѣ живетъ малорусскій народъ. По самому существу своему формы эти требуютъ больше труда, чѣмъ капитала, въ которомъ нуждаются преимущественно коллективные предпріятія, осуществляемые въ коопераціи многихъ рабочихъ силъ, не связанныхъ между собою узами кровного родства. Отсюда—индивидуально-семейное начало составляетъ основу земледѣльческаго труда,—отсюда же индивидуальная свобода дѣйствій, которая приводить къ разногласіямъ. На этой почвѣ семейного индивидуализма единственной точкой опоры являлась идея любви въ лицѣ матери. За оскорблениѣ этой беззавѣтной любви караетъ Господь, какъ за нарушеніе правды, надъ которой торжествуетъ неправда, какъ въ семейной, такъ и въ общественной жизни. Весьма можетъ быть, что это міровоззрѣніе развивалось въ малорусскомъ народѣ по мѣрѣ неудачъ его въ общественно-политической жизни. Но, оставляя область гаданій, считаемъ нужнымъ установить то положеніе, что въ произведеніяхъ малорусской поэзіи, какъ школьнай, такъ и народной, вся народная этика сводится главнымъ образомъ къ такъ называемой семейной морали, основанной на чувствѣ родства, на взаимной симпатіи людей, близкихъ между собою по крови. Союзъ этихъ людей называется *родомъ, родиною*. При всей дробимости родовъ, т. е. семействъ въ дѣйствительной жизни, родство въ поэтическихъ представленіяхъ малорусского народа составляетъ своего рода культу, можетъ быть, поддерживаемый самою этой дробимостію. Нужно испытать горькимъ опытомъ всю тяжесть единоличной борьбы за существованіе, безъ поддержки близкихъ людей, чтобы прильнуть страстной мечтой къ этимъ са-

мымъ людямъ, чтобы сознать всю незамѣнимость ихъ въ посторонней или чужой средѣ.

«Хочъ по шую въ воду, та до своего роду,
говорится въ одной пѣснѣ,

Хочъ и обмочуся, въ роду обсушуся,
Такы въ своимъ родомъ та повыдаюся»¹).

И однако же привычка жить на свой страхъ, жить личною жизнію, остается во всей своей силѣ. Это одно изъ тѣхъ противорѣчій, которыя нерѣдко совмѣщаются, какъ въ одномъ и томъ же лицѣ, такъ и въ цѣломъ народѣ,—одно изъ тѣхъ психическихъ раздвоеній, которыя служатъ источникомъ тревогъ и душевныхъ страданій. Отсюда эта тоскливая нота, проходящая чрезъ всю поэзію народную семейнаго содержанія. Чувство неудовлетворенности, неполноты счастія, составляетъ господствующую стихію ея.

Тѣмъ же чувствомъ проникнуты и вирши, съ которыми появлялись въ народѣ представители школы.

Безъ сомнѣнія, реальною основой этихъ виршъ была личная судьба самихъ виршеписателей, которые въ скитальческой жизни своей находили достаточно поводовъ къ жалобамъ на тежелое положеніе свое.

«Эй то якъ—то мени, маты, не хотилося бъ у чужий
сторони пробуваты!

Будутъ мене люде знаты,
Будутъ мене пришельцемъ называты»,—

говорить въ одной думѣ козакъ своей матери, отѣзжая изъ родительскаго дома. По народнымъ понятіямъ, хазяйский сынъ, отецъкій сынъ пользуется полными правами гражданства въ своемъ околотѣ, а пришелецъ есть лице загадочное: сегодня онъ здѣсь, а завтра тамъ,—для него не обязательно счи-таться съ мѣстными интересами, съ „поговоромъ и славою“ той среды, въ которой онъ очутился. Изъ такихъ-то пришель-

¹⁾ Чубинскій, Труды экспедиції, т. V, 474.

²⁾ Записки юго-запад. отд. географич. общества, т. I, Материалы, 14.

чесъ и состояла школьная братія, предлагавшая свои вирши народу. Неудивительно поэтому, если она въ этихъ виршахъ выражала тоску по родинѣ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда кому-нибудь изъ ея состава удавалось на чужой сторонѣ пристроиться недурно.

«Отче, отче, прибудь ко мнѣ,
говорится въ одной виршѣ,
Увесели сердце во мнѣ, —
Прибудь, отче, на бракъ къ сыну,
Увижь жену, мнѣ любому».

Въ подобныхъ выраженіяхъ идутъ дальше обращенія къ матери и сестрамъ:

«Прибудте днесъ, не смутѣтсѧ,
Се бо братъ вашъ веселытсѧ»¹⁾.

Еще тяжелѣ становилась жизнь на чужой сторонѣ, когда умирали близкіе люди на родинѣ.

«Тяжко та важко чоловикови въ чужий чужыни,
На чужий сторони,
Безъ отца, безъ неньки, безъ сердечного роду пробуваты»²⁾.

Та же мысль на разные лады развивается во многихъ виршахъ.

«Я, сырота, блукаюся,
говорится въ одной изъ нихъ,
родыны не маю,
На чужыни пробуваю и викъ свай теряю.
Ой якъ орель по-надъ поле повитремъ носытса,
Такъ сырота на чужыни съ плачомъ веселытсѧ.
А якъ тяжко каменеви по води плываты,
Такъ сыроти на чужыни горе пробуваты»³⁾.

¹⁾ Сборникъ Кобальчича, № 64.

²⁾ Метлинскій, Народн. южнорус. пѣсни, 357.

³⁾ Головацкій, Народныи пѣсни, ч. I, 376. Его-же ч. III, отд. 1, 313. Есть эта вирша и въ рук. церковно-археологич. музея при киевс. акад. № 489, но въ искаженномъ видѣ.

Обычное содержаніе сиротскихъ виршней — жалобы на враговъ:

«Що я кому виновать, за що погибаю?
Нѣгде отъ злихъ человѣкъ спокою не маю,
Ненавидитъ, гонять, бьютъ, живцемъ пожираютъ, ;
Якъ иструби на бедную птицу нападаютъ,
Нѣ скрится не могу, нѣ явно прожити,
Явно гонять, тайно бьютъ, подкладуютъ сѣти,
Лютимъ огнемъ, яростію палаютъ безъ мѣри,
Метаются на мене, якъ лютіе звѣри,
А що кому за вина, якая причина?
За то гонять, за то бьуть, що я сиротина»¹).

Ближе къ народному настроению стоитъ псальма, распѣваемая и теперь лирниками и извѣстная подъ названіемъ „Сыритка“. Начинается она размыщленіемъ о происхожденіи сиротства:

«Дѣвна годына на свити настала:
Не одна сыротка безъ мамки зосталась,
Отецъ пару знайде, буде въ парн жыты,
Непасни сыроты пидутъ пречъ служыты».

Вотъ пошла сирота „по свиту блукаты“. Встрѣчаетъ ее самъ Господь Богъ и спрашиваетъ ее, куда идетъ она?— „Иду, говорить сирота, матери шукаты“.— Не найдешь ты своей матери, отвѣчаетъ ей Господь Богъ, „спочивае вона въ гроби“. Приходитъ сирота на могилу матери своей и, рыдая, жалуется ей на свое житѣе горькое. Совѣтуетъ ей мать обратиться къ мачехѣ, чтобы она ей „сорочку сшила и головоньку змыла“: Мачеха, какъ мачеха, во всемъ отказалась бѣдной сиротѣ, да еще и „по сусидахъ ии обсудыла“. Такая ужъ доля сироты:

«Хоць сырота робить, робота ий ни защо,
Все говорять люде: сырота ледащико».

Заканчивается эта трогательная псальма изображеніемъ блаженства сироты въ раю и мученій злой мачехи въ адѣ²).

¹⁾ Рукопись церковно-археологич. музея, № 489. Сборникъ Кибальчича № 66. См. также Головац. Народн. пѣсни, ч. I, 357, Чубиц Труды экспедиції, V, 448.

²⁾ „Кievsc. Старина“, 1889 г. Сентябрь, 685. Головац. Народн. пѣсни, ч. III, отд. 1, 272.

Не мало есть въ старинныхъ школьніхъ сборникахъ другихъ подобныхъ псальмъ, въ которыхъ выражаются горестныя чувства людей „бездольныхъ и безщасныхъ“. Цѣлый вѣкъ свой они искали счастія и, вопреки завѣту евангельскому: „ищите и обрящете“, нигдѣ не находили его, можетъ быть, потому что не всегда искали его тамъ, гдѣ слѣдуєтъ¹⁾). Въ объясненіи этихъ неудачъ составители псальмъ слѣдуютъ отчасти стариннымъ представленіямъ народнымъ о доброй и лихой долѣ, при чемъ та и другая дается человѣку при его рожденіи²⁾). Поэтому

«Хто на семъ свѣтѣ безъ долѣ вродился,
Тому свѣтѣ марне, якъ коломъ точился.
Лѣта плинуть марне, якъ бистрие рѣки,
Часи молодие, якъ з дождку потоки,
Все то марне минаеть»³⁾.

По видимому, нечего гоняться за вѣтромъ въ полѣ, т. е. добиваться того, что одинъ только разъ дается человѣку, и чего въ другой разъ получить уже нельзя. Такое признаніе мы постоянно встрѣчаемъ въ псальмахъ,—и однако же составители ихъ неутомимо ищутъ доли или же, въ крайнемъ случаѣ, сожалѣютъ, что орлиныхъ крыльевъ для этихъ поисковъ не имѣютъ. Конечно, они не соединяли съ словомъ *доля* мифическихъ представлений, отчасти и донынѣ живущихъ въ народѣ. Для нихъ *доля* была простымъ олицетвореніемъ случайного спѣщенія благопріятныхъ обстоятельствъ. Стоя на этой болѣе раціональной почвѣ, они воображали, что каждый человѣкъ до извѣстной степени есть самъ для себя доля, что источникъ счастія заключается во внутреннемъ самоудовлетвореніи труждающагося и притомъ честнаго человѣка. Эта мысль пробивается въ

¹⁾ Сюда относится псальма въ сборнике Кабальчича подъ № 63, а также у Головац, Народныя пѣсни, ч. III, 1, 83, у Чубинс., Труды экспедиціи, т. V, 476, № 62.

²⁾ Метлинс., Народныя южнорус. пѣсни, 108, 144, 278.

³⁾ „Кіевская Старина“, 1889 г., Мартъ. Эта псальма подъ заглавіемъ „Пѣснь о свѣтѣ“ напечатана здѣсь по галицкой рукописи, помѣченной 1751 годомъ. Несколько лѣтъ тому назадъ мы кидѣли во Львовѣ, у кавоника о. Антонія Петрушевича, школьній сборникъ, списанный въ 1783 г. Здѣсь сочинителемъ этой псальмы названъ нѣкто Падальскій. Въ томъ же сборнике есть любопытная „Пѣснь моральна о плачливомъ станѣ нашого студента“, которой, къ сожалѣнію, мы не успѣли списать.

нѣкоторыхъ псальмахъ въ видѣ поздняго раскаянія въ собствен-
ныхъ ошибкахъ:

«Годи вамъ шумиты, зеленыи луги!
Годи млиты сердцю моему эъ несносной туты!
Якъ цвяты прекрасныи скоро одцвятуть,
То такъ насъ молодыи лита скоро покыдаютъ.
Пройшли лита скоро, якъ быстрыи рики,
А я живу ири нещастіи черезъ уси вики.
Виуть витры въ степу—запрету не мауть:
Идуть мысли въ день и въ нощи—спокою не даютъ.
Старость моя й жизноть! Не могу терпіти,
Що я не вмивъ молодымъ литамы владитъ».

Какъ на выходѣ изъ этого положенія, псальма указываетъ на удаленіе отъ міра, на бѣгство „въ темныи луги, въ степы и въ пустыни“¹).

Такихъ бѣглецовъ было много въ старинной Малороссії. Одни изъ нихъ стремились въ запорожскую Сѣчь, которая становилась для нихъ матерью, а „Великій лугъ — батькомъ“. Другіе направлялись въ степи и въ дикія поля, на которыхъ можно было при счастыи и отвагѣ поразить врага и отнять у него богатую добычу. Были, наконецъ, и такие, которые уходили отъ тревогъ жизни въ пустыни, чаще—въ монастыри, какъ говорится объ этомъ въ одной задушевной псальмѣ:

«Не пиду у мыръ,
Пиду въ монастыръ,
Щобъ душу счасты,
Щобъ Господъ простывъ»²).

Таковы въ общихъ чертахъ нравоучительные мотивы, широко развитые въ старинныхъ школьныхъ сборникахъ и вполнѣ совпадающіе съ народнымъ міровоззрѣніемъ. Для насъ важнѣе всего въ данномъ случаѣ документально убѣдиться въ томъ, что старинная малорусская школа принимала живое и непосредственное участіе въ выработкѣ этого міровоззрѣнія.

II. Житецкій.

¹) „Кіевская Старина“, 1882 г. Августъ, 281. Есть эта псальма и въ сборнику церк. арх. Музея при кіевск. акад. № 489.

²) Метлинскій, Народныи южнорус. пѣсані, 372.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРОССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ.¹⁾

Сочиненіе Потебни „*Къ исторіи звуковъ русскаго языка*“ (4 части) представляетъ рядъ этимологическихъ статей и замѣтокъ, написанныхъ съ 1878 г. по 1883. Въ этнографическихъ изслѣдованіяхъ рѣдко встрѣчаются ссылки на это сочиненіе, и этнографы легко могутъ упустить его изъ виду, отнести въ разрядъ сочиненій специально филологическихъ, по имени автора, извѣстнаго филолога, по общему заглавію, указывающему исключительно на фонетику и въ особенности потому, что самая крупная по объему часть изслѣдованія — первый выпускъ — имѣеть исключительно лингвистической характеръ. Въ этнографическомъ отношеніи значительный интересъ представляютъ 2, 3 и 4 части. Отмѣтимъ здѣсь все существенно важное по части фольклора, выдѣляя главное на первое мѣсто и относя къ концу статьи мелочи.

На первомъ мѣстѣ по величинѣ и научной цѣнности стоитъ статья: „*Село, деревня и т. п.*“ (IV, 1—48), статья важная для филолога, этнографа, историка быта и права. Содержаніе статьи, въ короткихъ словахъ, съ пропускомъ всѣхъ лингвистическихъ деталей и всѣхъ выписокъ изъ древнихъ юридическихъ памятниковъ, состоить въ слѣдующемъ: Село не позже чѣмъ въ половинѣ X вѣка имѣеть уже значеніе населенного мѣста, съ жилыми и хозяйственными постройками. Между прочимъ, бытовое значеніе села, какъ усадьбы, согласно съ нынѣшнимъ малорус. оселя — дворъ, самое жилье. Основными значениями села П. счи-

¹⁾ См. Кіевск. Старина 1892 г., № 2.

таетъ поле, участокъ земли. Мѣстами, напр. въ Новгородскомъ краѣ, подъ названіемъ „село земли“ могъ разумѣться участокъ земли определенной мѣры. Синонимомъ села въ древнихъ юридическихъ памятникахъ служить земля въ узкомъ значеніи слова, участокъ объединенный владѣніемъ. Съ такимъ же значеніемъ встрѣчаются слова селище („поораль моего селища полосу“), участокъ, выть, обжа, волока, гоны (земля разной величины, пахатная, сѣнокосная, лѣсная). Слово деревня отъ корня дар, драти—пахать лѣсную новину первоначально означало очищенное отъ лѣса мѣсто для нивы, потомъ пахатное поле, участокъ земли съ однимъ дворомъ, причемъ говорилось: жить на деревнѣ, а не въ деревнѣ и, наконецъ, сельцо, небольшое поселеніе безъ церкви. Въ малорусскомъ языке слово деревня означаетъ: 1) домъ, 2) въ собирательномъ смыслѣ—бревна и деревянныя издѣлія (возы, плуги, ярма, грабли, оси), за исключеніемъ посуды. Съ великокорусской деревней (въ значеніяхъ росчисти, нивы, поселенія) сходны: дерюга (росчисть), дарь (сѣнокость, пастбище), дорище (земля съ покосомъ), подсѣка (росчисть), пасѣка (нива на пасѣкахъ, огороженный или заповѣдный лѣсъ, пчельникъ въ рощѣ и потомъ вообще), осѣкъ (ограда изъ срубленныхъ деревьевъ, росчисть подъ пашню), сѣча (=осѣкъ, укрѣпленіе — запорожская Сѣча, росчисть подъ пашню и подъ жилье), чертежъ (росчисть), околодокъ (дворы близъ пасѣки), пожега, починокъ (новая пашня въ лѣсу, дворъ, выселокъ), застѣнокъ. При словѣ застѣнокъ находится этюдъ объ архаическихъ формахъ крестьянского землевладѣнія. Въ этотъ этюдѣ вошли объясненія словъ и понятій волость, ополье, кругъ, круговая порука, дикая вира, сябры, волоки (пашни), стѣны (границы волокъ), и замѣтки о юридическихъ терминахъ, связанныхъ съ полѣскими или волынскими селомъ XVI в. (чиншевые волоки, обрубъ, застѣнки—отдельные нивы—росчисти=велик. дерюги, воля—большой обрубъ полей, предназначенныхъ къ раздачѣ, безъ поселенія). Нынѣ застѣнокъ, zaścianek—хуторокъ съ дворомъ.

Къ отмѣченнымъ случаямъ перехода значеній въ село, деревня, починокъ, застѣнокъ отъ незаселенного мѣста къ засе-

ленному Потебня добавилъ еще два слова: корчма (домъ, дворъ на корчмѣ, на корчевѣ), dorf (др. ви. thorg, теребить, корчевать и пр.).

Сдѣлавъ обзоръ словъ село, деревня и родственныхъ, Потебня замѣчаетъ, что нѣкоторыя черты общиннаго землевладѣнія представляются болѣе древними, чѣмъ обособленіе славянскаго племени, именно: свобода волости, т. е. то, что права волости на свою землю съ угодьями ограничены только правами сосѣднихъ волостей (*die freie mark*). Въ волости сочетались три способа пользованія землей: а) земля дѣлима по вытно, поля, обрубъ въ стѣнахъ волокъ, б) особина, починки, деревни, застѣнки и в) немѣренная земля: угодья, уходы, ухожаніе и пр. Величина выти (въ поляхъ) полномочнаго земледѣльца была приблизительно одинакова въ Россіи, Англіи и Германіи.

Въ видѣ прибавленій помѣщено два небольшихъ этюда: 1) о величинѣ и протяженіи села по свидѣтельству Тацита, Прокопія, русскихъ лѣтописей, въ связи съ тѣмъ какъ расположены села въ настоящее время въ нѣкоторыхъ глушихъ мѣстахъ Россіи, гдѣ старина, уцѣльла. Села растянуты въ линію на большомъ протяженіи и состоять изъ многихъ раскинутыхъ деревенекъ, и 2) о величинѣ и дѣлимоности семьи въ зависимости отъ внѣшнаго положенія селъ. При разбросанности дворовъ и трудностяхъ подсѣчного хозяйства только большая семья, выставлявшая нѣсколько работниковъ, обеспечивала существованіе, а при извѣстномъ душевномъ строѣ удовлетворяла и душевнымъ потребностямъ. Съ увеличенiemъ населенія возникло съ одной стороны стремленіе къ селамъ, съ другой—къ дробленію семей, въ Малороссіи составляющему правило. Нѣкоторыя побужденія того и другого выразились довольно ясно въ малорусскихъ нравахъ и пѣсняхъ. „Малорусскому простолюдину, говорить Потебня, столь же ясна хозяйственная польза большихъ нераздѣленныхъ семей, какъ и образованнымъ людямъ, писавшимъ объ этомъ; но не менѣе ясна ему несовмѣстимость такихъ семей съ душевнымъ миромъ“. Далѣе приведено нѣсколько малорусскихъ и великорусскихъ пѣсень о положеніи молодой замужней женщины въ семье мужа и ея желаніяхъ,

напр. въ малорусской пѣснѣ дѣвушка требуетъ: „збудуй хату зъ лободы, та въ чужую не веды! Чужа хата такая, якъ свекруха лихая. Хочъ я буду сама жить, абы людямъ не гodyть“, а замужняя женщина просить своего мужа любить ее, потому что она не наймычка, а кгазыня. „Только село въ новомъ смыслѣ слова (а при болѣе сложныхъ формахъ жизни только городъ) удовлетворяетъ и любви къ личной независимости, и потребности въ обществѣ... Недаромъ село, конечно въ новомъ смыслѣ, сопоставляется (въ пѣсняхъ) съ веселомъ. Женщинѣ можно по крайней мѣрѣ „пійти до сусиды огню“ и отвести душу.

Второе мѣсто по величинѣ, обилію фактическихъ данныхъ и научной обработкѣ ихъ занимаетъ статья „Слѣпороды, *Slepury Magur, Случичъ*“ (въ III, 68—83). Потебня сначала приводить указаніе Гrimма о названіи гессенцевъ и швабовъ слѣпыми, Вельфовъ — щенятами, затѣмъ болѣе подробныя данныя изъ статьи Либрехта „Zur Sage vom Romulus und den Welfen“ о преданіяхъ римскихъ, турецкихъ и др. о вскормленіи праотца волчицей. Далѣе слѣдуетъ самостоятельный подборъ славянскихъ фольклорныхъ фактovъ: 1) польскія повѣрья и пѣсни о слѣпородахъ псахъ мазурахъ; 2) великорусскія повѣрья и сказки о слѣпородахъ вятичахъ и пошенонацахъ; 3) германскія (съ XIII в.) и русскія бранныя выраженія — *zohen sun*, с..... сынъ, сучка дочка и пр. т. п., свидѣтельствующія о томъ, что времени презрѣнія къ животнымъ предшествовало время, когда человѣкъ ставилъ ихъ въ уровень съ собою; 4) краткій обзоръ сказокъ о подмѣнѣ чудесныхъ дѣтей щенятами; 5) подробный разборъ сказокъ о Сучичѣ и его близкихъ родственникахъ (Иванъ Попяловъ, Поповичъ дурень, Кошкинъ, Бурхраберъ, Семилитокъ и др.). Со сказками о Сучичѣ сближены сказки о бросаніи богатыремъ сапога и свидѣтельства южнорусскихъ писателей XVII в. Эриха Ласоты и Кальнофойскаго о богатыре Чоботкѣ; 6) сжатый, но весьма содержательный обзоръ сказочныхъ мотивовъ о другомъ герое животнаго происхожденія Медвѣдкѣ, Медвѣжьемъ ухѣ и пр.

Въ статьѣ Потебни затронуто много важныхъ фольклорныхъ вопросовъ и для рѣшенія ихъ подобранъ богатый факти-

ческій матеріаль; но матеріаль этотъ можетъ быть еще значительно расширенъ. На с. 77 Потебня замѣчаетъ, что слово богатырь есть послѣ-татарскій переводъ болѣе древняго слова съ тѣмъ же значеніемъ: хоробръ. Это мнѣніе подробно развито *M. E. Халанскимъ* въ дисертациі о великорусскихъ былинахъ кievскаго цикла (1885 г.) на стр. 15—24 (много подтвержденій изъ письменныхъ памятниковъ и былинъ). О чоботкѣ см. замѣтки г. *Халанского* въ соч. о былинахъ с. 101—102 и г. *Каллаша* во II кн. Этногр. Обозрѣнія 1890 г. с. 256—257. Обширную литературу о Медвѣдкѣ, указанную въ выноскахъ Потебни, мы можемъ дополнить слѣдующими указаніями: *Cosquin*, Contes populaires de Lorraine I № 1 (франц. сказка), *Chelchowski*, Powiesci № 34 (польск.); *Манжура*, 43; *Kolberg* Россіе IV, 177 (малор.); *Добровольскій*, Смолен. Этногр. Сборн. с. 405 (коровій сынъ), 410 (кобылячій), 416 (собачій), *Hahn*, Grieh. und alb. Märchen № 14 (козій), 31, 41, 100 (змѣи) *Верещагинъ* 133 (вотяцкая сказка); *Садовниковъ*, сказки и преданія самарск. края § 34; *Вукъ Караджичъ* припов. № 1; *Потанинъ*, Очерки сѣв.-зап. Монголіи II 161—164 (сынъ ослицы, свини, быка); *Сборн. матер. о нар. Кавказа* IX, 189 (коровій сынъ).

Во II 3—12, III 123—129 *объясненіе пѣсни о соколѣ и конѣ* (споръ о быстротѣ и объясненіе, почему соколъ замѣшвался), обширный и цѣнныій этюдъ по сравнительной литературѣ. Съ великор. пѣсней о соколѣ и конѣ, взятой изъ рукописи *М. Е. Халанского*, сопоставлены мал., серб., болгар., польск. и нѣкот. др. Потебня высказываетъ предположеніе, что мотивъ о посольствѣ орла (сокола) и коня и мотивъ о спорѣ коня съ соколомъ стоять въ тѣсной связи съ мотивомъ о смерти казака (героя вообще), находятся въ зависимости отъ послѣдняго мотива. Въ доказательство приведено много пѣсень изъ печатныхъ источниковъ и частныхъ неизданныхъ сборниковъ. Мотивы весьма распространены и, судя по этому, глубоко древни. Рѣдко Потебни пѣснями о соколѣ и конѣ интересовался *Новицкій*, напечатавшій въ 76 № Кievskихъ Губерн. Вѣдомостей 1871 г. три варіанта малорусской

пѣсни о состязаніи коня съ орломъ. Новицкій относилъ эту пѣсню къ козацкому періоду южнорусской исторіи. Замѣтка Новицкаго осталась Потебнѣ неизвѣстной. По новизнѣ варіантовъ и дѣльнымъ примѣчаніямъ издателя эта замѣтка до настоящаго времени сохранила научное значеніе и можетъ служить полезнымъ дополненіемъ къ цѣнному этюду Потебни.

Во II 13—22 и въ III ч. 16 *объясненіе веснянки „Тума танокъ разводы“*. (Т. не видѣтъ въ числѣ танцующихъ Рожи-спажи. Мать чесала Рожу и совѣтовала ей не довѣряться тумѣ). Веснянка записана Потебней на родинѣ, въ с. Переокоповкѣ роменск. уѣзда. Указаны сходные варіанты малорус., великор., сербскіе и болгарскіе (III 16—18). Приведены разныя значенія сл. тума: человѣкъ, проишедшій отъ помѣси татарской и русской крови, ненадежный, полуумный, прикурковатый. Объясненіе значенія сл. Рожа-спажа (Роза госпожа). Любопытный подборъ малор., великор. бѣлор. и сербскихъ народныхъ пѣсень на мотивѣ: *чесаніе и заплетаніе косы и завиваніе кудрей, какъ обычныи образъ материнской любви*. Къ мѣсту приведены повѣрья, что домовой, любя лошадь, завиваетъ ей косы, и гаданія на завитье волосъ. Потебня веснянку „Тумá танокъ разводы“ и пр. сначала рассматриваетъ съ исключительно малорусской точки зрѣнія, какъ величанье дѣвицы, а потомъ привлекаетъ къ сравненію бѣлор. и серб. пѣсни и склоняется къ мысли, что въ разбираемой пѣснѣ можетъ заключаться предсказаніе замужества дѣвицы.

Въ статьѣ о веснянкѣ „Тума и пр.“ находится маленькая, но любопытная деталь: объясненіе начального образа пѣсни „Ой ты, селезню, косы части! Хто жъ тоби косыци завивавъ?— Завивала мини утинка“... природнымъ явленіемъ, отмѣченнымъ С. Аксаковымъ въ „Зап. руж. охотнича“, что дикая утка, чтобы усыпить селезня, тихо и долго щекочетъ его спину: народъ думаетъ по примѣненію къ себѣ, что селезень любить искасться въ головѣ.

Во II 1—2 замѣтка о пѣснѣ „якъ не женывася, то и не журывася“, записанной Потебней въ волчанск. у. харьк. губ. (мужъ покупаетъ корабль и пускаетъ на немъ жену въ море,

вскорѣ просить вернуться, накормить сына; жена отказываетъ за побои). Потебня указываетъ на сходную великорус. пѣсню. Замѣтка краткая. Потебня, вопреки своему обычая, не останавливается на деталяхъ пѣсни, въ числѣ которыхъ есть два характерныхъ выраженія: „ни до звичаю до йобычаю“, „мила сидѣть-якъ свѣча горыть“. Любопытно слѣдующее общее замѣчаніе Потебни въ началѣ замѣтки: „Смежность населеній великорусского и малорусского, напр., въ харьк. и курск. губ., какъ извѣстно, не осталась безъ вліянія на пѣсенность того и другаго. Не говоря объ исконномъ сродствѣ и о явныхъ заимствованіяхъ, есть пѣсни, которыя до дальнѣйшаго изслѣдованія могутъ быть отнесены къ третьему разряду, не представляющему несомнѣнныхъ признаковъ ни исконнаго сходства, ни заимствованія. Изъ этого разряда иное можетъ быть современемъ отнесено къ первому, иное—ко второму, но кое-что и окончательно сочетается образованіемъ промежуточнымъ, заимствованіемъ не буквы, а духа, возникшимъ именно въ сумежьѣ“.

Въ IV 79 находится интересная замѣтка о малорусскихъ пѣсенныхъ выраженіяхъ чистоты (хаты, постели), именно: „Ой не литай, мудрагелю, по пидъ чорну стелю, не пороши миленъкому чистую постелью“. „Милый образъ, поясняетъ Потебня, постель такой бѣлизны, что на ней будетъ замѣтна даже пылинка сажи, отбитая отъ потолка курной хаты врыломъ ночнаго мотылька“; варіантъ: „прилетивъ шершень зъ стели, та впавъ на постели“. Къ хатѣ некурной относится изображеніе чистоты вѣнка и стели (якъ паперъ била).

Въ III 21—24 о различеніи зари и свѣта, вообще разныхъ степеней утреннаго свѣта—рядъ примѣровъ изъ пѣсень малор., великор., серб., словац., болг., литовскихъ. Сюда вошло объясненіе малор. загадки: „одно каже свитай Боже“ и пр. Отмѣчено нѣсколько любопытныхъ деталей въ народныхъ определеніяхъ свѣта, напр.: „въ малор. различается не только заря аигога отъ свитѣ, билы дей“; но и въ самой зарѣ ея начало: „ще тілько зоріе“. Эти объясненія пріурочены къ выраженію Слова о п. Игоревѣ „заря свѣтъ запала“, которое П. читаетъ: заря свѣтъ заповѣдала. Комментарій выходитъ за предѣлы ча-

стнаго случая, приподнимаетъ крайчикъ завѣсы съ народнаго мірросозерцанія, освѣщаю пѣлый рядъ прекрасныхъ сеныхъ мѣсть.

Въ IV 83 находится объясненіе поговорки „онг собаку съплю“ существованіемъ сказки о косарѣ, съѣвшемъ собаку на косовицѣ. Сказка записана Потебней въ Кочеткѣ зміевскаго у. (Харьк. губ.). Объясненіе сомнительное. Ранѣе не было отмѣчено сказки такого рода, и м. б. сказка сложилась подъ вліяніемъ поговорки, а не наоборотъ.

Въ IV 84—85 объясненія поговорки „пропавъ ни за напову душу“ (т. е. даромъ). Четыре возможныхъ толкованія, и всѣ сомнительны.

Въ IV 86 объясненіе выраженія „за чистую бѣлку“ (прощасть) — за настоящую цѣну. Воспоминаніе о томъ времени, когда бѣличій мѣхъ замѣнялъ еще металлическую монету.

Въ III 19—20 замѣтка о повѣрье, что каня проситъ дождя, *pragnie jak kania dѣdzu*. Исходя изъ славян. названій для коршуна пилюхъ, П. находитъ возможнымъ объяснить повѣрье жалобнымъ крикомъ коршуна піі или пію. Такъ какъ этотъ крикъ чаще слышится въ сухую погоду, когда коршуну больше добычи (онъ кричитъ паря), то изъ этого одного могло родиться распространенное повѣрье, что каня просить дождя, такъ какъ пьетъ только ту воду, что ей канеть въ ротъ, а съ земли не береть. Но далѣе П. говоритъ, что повѣрье это не должно быть объясняемо изъ однихъ славянскихъ данныхъ, ибо подобное повѣрье многократно упоминается въ памятникахъ санскритскихъ относительно чатака (*ciculus melanolencus*) и павлина (слѣдуютъ примѣры). Жажда, приписываемая этимъ птицамъ, легко могла быть понята, какъ тоска, горе. Крикъ орла въ томъ же родѣ, но только рѣзче (затѣмъ у П. слѣдуетъ прекрасная малор. пѣсня „Ой летивъ орель та по надъ моремъ“). Этотъ этюдъ любопытенъ, какъ одинъ изъ многихъ характерныхъ образцовъ методологического приема Потебни отъ частнаго лингвистическаго факта восходить къ цѣлому ряду народныхъ психологическихъ и литературныхъ явлений.

Во II ч. на стр. 5 находится интересна замѣтка о названіи известнаго созвездія *Возомъ и Большой Медведицей*.

Потебня полагалъ, что название созвѣздія произошло отъ скр. арка—лучъ солнца, огня, хвалебная пѣснь, артати—испускать лучи, восхвалять пѣснею. Въ силу ли забвенія этимологического значенія свѣта въ названіи созвѣздія (мнѣніе М. Мюллера) или, что П. считаетъ болѣе вѣроятнымъ, въ силу апріорнаго заключенія отъ однозначности словъ къ сходству обозначаемыхъ имъ предметовъ (ркша-медвѣдь), созвѣздіе, первоначально представлявшееся возомъ у грековъ, римлянъ, германцевъ, славянъ, литовцевъ и, судя по нѣкоторымъ указаніямъ, индійцевъ, стало представляться медвѣдемъ или медвѣдицей, къ коимъ греки прибавляли еще вожака (Арктуръ). Если вѣрно мнѣніе Потебни, что Большая Медвѣдица первоначально называлась Возомъ, то замѣна названія во всякомъ случаѣ относится къ очень древнему времени, такъ какъ название созвѣздія ἄρκτος (медвѣдь) встрѣчается уже у Гомера, наряду съ болѣе народнымъ и быть можетъ болѣе древнимъ названіемъ ἀμαξъ—возъ (*Pictet, Les orig. indo-europ. II 581*), малор. Визъ, нѣм. Wagen. Въ параллель къ объясненію названія созвѣздія Б. М., предложеному Потѣбней, приведу стаинное объясненіе, вычитанное мною у *Bailly Histoire de l'astronomie* 1781 изд. 2, т. I стр. 426, 441: Созвѣздія Большой Медвѣдицы и Малой Медвѣдицы имѣли большое значеніе для грековъ и въ особенности для финикиянъ во время мореплаваній. У грековъ М. М. называлась финикійскими звѣздами, какъ постоянный компась финикійскихъ мореплавателей. Финикияне Б. М. называли довеве или доиве, что значитъ говорящее; такъ какъ слово доиве въ финикійскомъ языке означало и медвѣдицу, то произошло смыщеніе названій и предметовъ, и греки приняли название Б. М. У арабовъ и въ настоящее время созвѣздіе это называется *dubbeli*—медвѣдица. Это объясненіе названія созвѣздія Б. М. представляется болѣе вѣроятнымъ. Если принять его, то часть объясненія Потебни—санскритское корнесловое—устраняется, а часть—о первоначальности названія созвѣздія Возомъ остается. Въ обоихъ случаяхъ украинское и др. тожественные названія созвѣздія Возомъ сохраняютъ большую древность.

Во II на стр. 15—17 находится гипотеза Потебни о значении и происхождении слова *Русь*. П. говоритъ, что корень этого слова принадлежить корнямъ или совсѣмъ забытымъ, или крайне затемненнымъ. Принималъ, что ру—ар передъ согласною, Потебня слова Рус-ъ, Рус-инъ сближаетъ, за исключениемъ суффиксовъ, съ санскр. ршабна—быкъ (=арсабна), зенд. аршан, аршана—самецъ, мужъ, греч. ἄρσην—мужескій, мужественный. При такомъ толкованіи рус-инъ значитъ мужъ, а рус-ъ—собирательное мужи, и оба слова представляются вполнѣ туземными. Далѣе Потебня высказываетъ мнѣніе, что лѣтописное сообщеніе подъ 6370 г. о призваніи Руси заключаетъ въ себѣ глоссу составителя лѣтописнаго свода. Возможно, что Варяги, пришедши въ Русь, стали называться Русью, т. е., такими же мужами, воями, какъ и туземные... Во всякомъ случаѣ вѣроятно, говоритъ П., что лѣтописное свидѣтельство о призваніи, какъ это принимаетъ Д. И. Иловайскій, никогда звучало иначе, напр., такъ, какъ читается въ лѣтописцѣ патріарха Никифора: „при сего (Михаила) царствѣ приодша Русь: Чудь, Словенъ, Кривичи къ Варягомъ“, которые стало быть не были Русью. По моему гаданію, продолжаетъ Потебня, и на югѣ не было племени съ именемъ Руси до того времени, когда многія племена объединились подъ этимъ именемъ и появился народъ русскій. Русь въ смыслѣ мужей, т. е. воевъ и гостей, выходила изъ разныхъ племенъ, но преимущественно изъ крайнихъ, болѣе сталкивавшихся съ иноземцами. Переходъ слова Русь отъ значенія состоянія къ значенію народа, отъ представителей къ представляемымъ, есть предположеніе, напоминающее былое. Такъ изъ козаковъ, бывшихъ первоначально людьми малыми въ смыслѣ количества, но не въ смыслѣ бродила, вышелъ въ XVII в. „люди козакорусскій“...

Въ другомъ смыслѣ толкуется лѣтописное мѣсто о призваніи Руси въ статейкѣ г. Соболевскаго „Нѣсколько мѣстъ въ начальной лѣтописи“, помѣщенной въ V кн. „Членій въ Историческомъ Обществѣ лѣтописца Нестора“. Г. С. читаетъ такъ: „Рѣша Руси (т. е. Варягамъ) чудь, словене и кривичи вся: земля наша велика“. Очевидно, что это филологиче-

ское толкованіе ведеть къ совсѣмъ другимъ историческимъ комментаріямъ.

Въ IV 71—80 о названіяхъ болѣзней: *дна*, *усовъ*, *юстецъ*. Дѣна упоминается въ лѣтописи подъ 1152 г. Потебня указываетъ на сходныя славянскія названія: польск. *дна*—ломота, чеш., слов., хорв. и хорут. *дна*—колика, серб. бедено. Не стоять ли въ родствѣ съ этими словами малор. данье? Усовъ сближена съ сути, сулица и др.—означаетъ колотье. При объясненіи гостца принято во вниманіе демоническое значеніе этой болѣзни, въ связи съ повѣрьями въ домового, *der Mahr*, *der Alp*. Въ 1891 г. вышло сочиненіе *Зибрта „Skřítek v lidovem podani staročeskem“*. Здѣсь на стр. 22—31 собрано много новыхъ материаловъ о демонѣ колтуна въ повѣряхъ чеховъ и поляковъ. Приведены народныя лѣчебныя средства отъ колтуна, старинныя и современныя. Демоническія повѣрья о колтунѣ у народовъ Западной Европы, чеховъ и поляковъ изложены со многими выписками изъ старыхъ памятниковъ. Статья Потебни г. Зибрту была неизвѣстна. Статьи Потебни и Зибрта дополняютъ одна другую; въ обѣихъ статьяхъ материалъ богатый, новый и оригинальный. При этихъ статьяхъ моя краткая замѣтка о гостцѣ въ „Культурныхъ переживаніяхъ“ не имѣетъ значенія.

Во II ч. на стр. 18, 21 и въ III 122 находятся объясненія некоторыхъ темныхъ словъ въ думѣ о бытѣ трехъ братьевъ изъ Азова; именно: *мелюсъ*—искаженіе собственного имени *Міусъ*; поле *лиле*—блеститъ, виднѣется; *опраны* *кульбаки*—*oprawne kulbaki*—дорогія съдла, съ золотой или серебряной отвѣлкой; *китици* замѣна менѣе понятнаго кити, а кити—искаженное китай, *kitaj* (польск.)—бумажная ткань; сонце *обитріе*, не обигріе, какъ у Ант. и Драг., и не обвитріе, какъ читается Кулишъ, а, по объясненію Потебни, обутрѣть. При этомъ П. приводить выраженіе народное „мы обвечерѣмъ тамъ—то“ въ значеніи будемъ находиться вечеромъ, обечеретися—*vespere deprehendi*, серб. осванути; въ старинныхъ переводахъ Св. Писанія „оубутрѣвъ же Гедеонъ за утра“, „обутрѣвъ Ааронъ на утрі“. Итакъ, сонце обитріе—когда появилось на востокѣ, „када свине и огрине сунде“.

Въ III 61—67 находится этюдъ о значеніяхъ словъ *воропти*, *воропоз* и др. въ слав. языкахъ рвать, прасть, дырявить, бросать, нападать, веретено, вихорь (въ литов.). Съ этнографической точки зре́нія интересными представляются двѣ детали. Первое название воропаемъ коровая въ малор. свадебныхъ пѣсняхъ. Этотъ эпитетъ, по мнѣнію П., указываетъ, что въ коровѣ символизируется женихъ, овладѣвающій невѣстою, превращающей ее изъ дѣвицы въ жену, что стоитъ въ связи съ представленіемъ коровая быкомъ въ малор. пѣсняхъ, согласно съ римскимъ „ubi tu Caius, ibi ego Caja“ (гдѣ ты быкъ, тамъ я корова). Возможно и другое объясненіе названія коровая быкомъ, если вѣрно мое предположеніе, высказанное въ соч. „Хлѣбъ въ обр. и пѣсняхъ“ (1885), что коровай—замѣна животнаго жертвоприношенія, коровы или быка. Вторая деталь: сближеніе церк.-слав. вѣрости — рвать, пожинать, дратъ съ литов. *wargpa* колось, по предположенію, что сжинанію или волшенню хлѣба предшествовало срѣзываніе однихъ только колосьевъ, съ ссылкой на обычай грузинскій срывать одни колосья и оставлять солому на кориѣ для скота и удобренія и на свидѣтельство Самовидца, что при Хмельницкомъ въ 1637 г. „рвали збоже“; но послѣднее обстоятельство зависѣло отъ неурожая и повторяется въ такомъ случаѣ и въ новое время. П. приводитъ при этомъ извѣстное сказаніе о стоколосѣ, но сказаніе это выходитъ за предѣлы славянскаго міра. Вообще, всѣ этнографическія замѣтки Потебни по этимъ двумъ деталямъ вызываютъ сомнѣнія, и собранный П. фактическій материалъ можетъ быть объясняемъ съ другихъ научныхъ точекъ зре́нія.

Во II ч. на с. 27—31 о нѣмецкихъ словахъ въ малорусскомъ языке. Потебня раздѣляетъ вопросъ о нѣмецкихъ словахъ въ малорусскомъ на два: А) о заимствованіяхъ черезъ польскій, какими считаетъ слова бавовна (*bawołna*, *baumwolle*), бікусъ (*beguss*), бляха, броварь, ваги, вирша, галунъ, гаптуваты, гетьманъ, голдуваты, груба, гунство (*hundsfoot*), кганокъ (*gang*), кгнитъ, дробина, дакуваты, дзигликъ, жартуваты, карбуваты, кахля, коштуваты, крамъ, кухоль, кушніръ, купервасъ, ляда, лехъ, лихтаръ, любистокъ, малюваты, мандруваты, мирку-

ваты, мажджиръ — мущиръ (*mörsen*), мордуваты, муреваты, муситы, набиръ (*na-barg, borgen*), обценъки (*hufzange*), орчицъ (*ortscheit*), паля (*pfahl*), пановка (*pfanne*), панъчоха (*bundschuh*), парахвія, плиндроваты, пляшка, прасъ (утюгъ), ратуваты, ряхуваты — рахуба, римарь, ринва, риштувания, саквы, смакъ, смалецъ, спижъ (*glockenspeise, бронза*), списъ, стельмахъ, стусанъ, ухналь (*hufnagel*), шинокъ, шкода, шляхъ, шмаруваты, шоруваты, шпаруваты, шпикгуваты, цымрина, и В) о заимствованіяхъ помимо польского языка непосредственно отъ нѣмцевъ, селившихся на Руси изстари (приведены лѣтописныя указанія подъ 1259, 1268, 1287, 1288 гг.), къ такимъ словамъ П. съ нѣкоторыми оговорками и сомнѣніями относитъ барма-пѣна на меду, вареньѣ (*bärgte*), бендюги-роспуски (*bindwagen*), рептухъ (*reiftuch*), рундукъ (*ründung*), швидко (*geschwind*), лингварь овчина (*linde waare*), чмыръ — табачный соекъ (*schmiere*), ширитасъ—кадка (*schrotfass*), бешкетъ—пакость, стыдъ.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ нельзя опредѣлить, какимъ путемъ зашло то или другое нѣмецкое слово въ малорусскій языкъ. Кромѣ Потебни, на такихъ лингвистическихъ вопросахъ останавливался, какъ известно, Милюшичъ, преимущественно въ словарѣ *Die Fremdwörter in d. slav. Spr.* Для исторіи культуры и этнографіи представляетъ большое значеніе подборъ инородныхъ словъ, чѣмъ занимались М. и П., и въ особенности, распределеніе ихъ по историко-культурнымъ рубрикамъ, по разнымъ отдѣламъ народной жизни (жилище, одежда, ремесла и пр.), чѣмъ никто, кажется, не занимался. А между тѣмъ научная работа такого рода, одинъ подборъ словъ открылъ бы любопытныя стороны иноземныхъ вліяній. Не случайно же, напримѣръ, съ малорусской хатой связаны такія названія, какъ дахъ, грубка, шибка, кганокъ. Названія эти указываютъ на известныя культурныя вліянія; если бы опредѣлить по древнимъ памятникамъ первые случаи появленія этихъ названій, то можно намѣтить хронологическія определенія относительно возникновенія тѣхъ или другихъ инородныхъ вліяній. Что касается до порядка группировки словъ, то полезныя указанія можно найти въ статьѣ г. Тихова о болгарскомъ

домѣ въ IX т. „Извѣст. Казанскаго Общества истор. и арх.“ 1891 года.

Кромѣ отмѣченныхъ нѣмецкихъ словъ въ малор. яз. Потебня приводитъ съ комментаріями еще слѣдующія: личманъ—человѣкъ низшаго состоянія (*leisten*), квачъ (*quast*), верщлагъ (*verschlag*—молотъ у мѣдниковъ), химорода (неудачное объясненіе сл. *geheime rath*, *geheime kunst*; если не ошибаюсь, это слово цыганское и означаетъ кузничное ремесло); не до шмыги не-до дѣла, собственно не по угольнику (*schmige*).

Кромѣ того, въ соч. „Къ исторіи звуковъ“ разбросаны еще краткія замѣтки о слѣдующихъ малорусскихъ словахъ и выраженіяхъ: „лысый дидько“—лысый чортъ въ значеніи лукавый, хитрый (II 3); „лунь вхопыла“ (7, и въ соч. „О миф. знач. нѣкот. обряд.“ 98, въ значеніи мифологическомъ лунь вхопыла—смерть взяла—умеръ); рѣка *Рось* (санск. *арш*, *рш*—течь, оплодотворять 15); фамилія южнорусскаго писателя XVII в. *Кальнофойскаго* изъ сл. Кально—хвостъскій (II 21), *левенецъ*—малодецъ и др. значенія въ связи съ родственными словами въ др. языкахъ (II при объяс. пѣсни о соколѣ и конѣ, 8); *на чуд* къ думѣ про Алексея Поповича—на чердакъ (II 23); *Холобздза*—имя сказочнаго лица, въ родѣ Вернигоры, Объедѣла, „что снигомъ на дверь ходить“, отъ холода, какъ остатокъ глубокой старины (III 8); *тарный*—хорошій, по предположенію П., заимствовало отъ южныхъ славянъ, а послѣдними отъ грековъ *χαρεις*, *χαρειν*; *тила!*—кликъ гусей—болг. *ела*, греч. *ëla*—ступай сюда; *ниничъ*—николько=болг. и тур. *хиг*—вовсе нѣть; бешиха—рожа отъ румынск. *bešike*; *бигме* (у Котляревскаго и въ народ. пѣсняхъ)=серб. *бог-ме*; *кирадина*—огородъ на полѣ=серб. *градина*—садъ; *паланка*—серб. *паланка*—городъ; *душманъ*—ворогъ отъ сербовъ, болгаръ, волоховъ или прямо изъ турецкаго, въ который вошло изъ персидскаго (III 14—15); *продажа*, *промыто*, и др. юридическія слова (III 43—54; замѣтка важная для исторіи рус. права); *засъ* (въ значеніи: нѣть дѣла отъ за *сл*—за себя, назадъ и прочь, III 55); цуръ тоби—*пекъ* тоби (опако, назадъ, III 57), *потороча*, *мавки*, *потерча* (бѣгущее вслѣдъ за...., потерчата—дѣти, умершія безъ крещенія).

нія, серб. трчати—бѣжать, III 58—60); *веремія крутыты* (сомнительное сближение съ верепаемъ, III 67); Прудыусъ (искажение прудымусъ, усачъ съ растопыренными усами III 120); *маточникъ* (у Мицкевича), островъ *буянъ, преи* (IV, 51—55); *Щавидубъ* (сказочный богатырь, отъ зчавити—сдавить, IV, 64); названія рѣкъ *Суля, Осколъ, Мѣжа* (значеніе течь, IV, 67).

Главный трудъ А. А. Потебни по этнографіи—это „Объясненія малорусскихъ и среднихъ народныхъ пѣсенъ“ въ двухъ большихъ томахъ. Если бы Потебня ничего другаго, кромѣ этихъ двухъ томовъ, не издалъ, то и этого труда, при самой строгой и придирчивой критикѣ, вполнѣ достаточно, чтобы поставить Потебню первымъ научнымъ дѣятелемъ въ малорусской этнографіи въ томъ смыслѣ, какъ по отношенію къ собиранию материаловъ первыми по величинѣ дѣятелями представляются Чубинскій и Головацкій. Съ этими тремя именами связывается представление о рѣдкомъ трудолюбіи въ накопленіи материала и глубокомъ образцовомъ изученіи его. Достоинство „Объясненій“ увеличивается по мѣрѣ углубленія въ нихъ, и нашъ обзоръ содержанія и посильная оцѣнка этого труда рассчитаны на то, чтобы обратить на него вниманіе читателя и облегчить пользованіе имъ.

Н. Ф. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Возсоєдиненіє уніатовъ въ м. Ратномъ волынскай губерніи въ 1838 году.

Возсоєдиненіє уніатовъ въ кождомъ болѣе или менѣе значительномъ по населенію уніатскомъ поселкѣ, мѣстечкѣ, городѣ западно-русскаго края вызывало между православными и уніатами много недоразумѣній или даже враждебныхъ столкновеній. Такими столкновеніями особенно богата исторія возсоединенія уніатовъ въ м. Ратномъ ковельскаго уѣзда, волынскай губерніи, этомъ „гнѣздилищѣ унії“, по выраженію архимандрита Іероѳея (впослѣдствіи волынскаго викарія), главнаго дѣятеля при возсоединеніи ратненскихъ уніатовъ. На ряду съ эпизодами и, если угодно, курьезами здѣсь мы встрѣчаемъ много важныхъ, характерныхъ данныхъ для сужденія о взаимныхъ отношеніяхъ уніатовъ къ православнымъ въ періодъ возсоединенія.

Мы попробуемъ на основаніи черновыхъ бумагъ преосвященнаго Іероѳея, касающихся вопроса возсоединенія ратненскихъ уніатовъ, и Ш т. „Записокъ Іисифа, митроп. литовскаго“¹⁾, разсказать вкратцѣ исторію этого возсоединенія²).

¹⁾ Изданныхъ въ 1883 году Императорскою Академіею Наукъ.

²⁾ М. Ратно въ пословицѣ XIV в. было завещано Гедиминомъ и долгое время оставалось подъ властью его потомковъ; затѣмъ оно перешло во владѣніе Любарты, князя волынскаго и холмскаго. Казимиръ Великій, по договору съ Ольгердомъ, въ 1366 г. закрѣпилъ его за собою и сдѣлалъ староствомъ. Привилегіей Владислава, кор. польс. и венгерс., Ратно подчинено въ 1420 г. общему магдебургскому положенію. Въ 1433 г. оно уже упоминается, какъ принадлежащее кн. Сангушку, который получилъ его отъ короля Владислава („Archivum ks. Sanguszkow“, t. I str. 32). По статистическимъ даннымъ 1569 г., въ Ратно насчитывалось уже 278 домовъ. Въ 1615 году Сигизмундъ III, въ виду большой бѣдности мѣстечка,

Русское православное епархиальное начальство давно обращало свое внимание на это „гнѣздилище“ и дѣлало попытки привлечь униатовъ къ православной церкви. Попытка, сдѣланная въ этомъ родѣ лѣтомъ 1834 года, не имѣла успѣха. Когда, по распоряженію православнаго гражданскаго и епархиальнаго начальства, въ этомъ году было приступлено къ устройству въ м. Ратномъ православной церкви, прихожане „одни во всемъ ковельскомъ уѣздѣ сопротивлялись устройству церкви по правиламъ восточной церкви и переставили буйствомъ сами собою престолъ къ стѣнѣ по римскому обыкновенію“¹⁾, „сняли за вѣсу съ царскихъ вратъ и нарушили святотатски должное святынѣ благоговѣніе“²⁾). По этому дѣлу была назначена Высочайшей волей военносудная комиссія, производившая слѣдствіе надъ преступниками³⁾). Многіе изъ сопротивлявшихся были преданы „уголовному суду и наказанію“⁴⁾.

позволило ему „Stowanie na własną za korzyść gorzkie“. Имъ же учреждена должность „bakalarza lackiego“ при костелѣ. По даннымъ 1628 г. въ составъ ратненского староства входили села и деревни: „Zamszany, Datyń, Synow, Wiliemcze, Tur, Zdomysliany, Kortylesy, Powiet, Radostow, Szczdrogost, Wiotły, Zalosy, Główchy, Zastawie или Przechód, Dubeczno, Krymno, Koscienie, Zerzyct, Samarowicze, Wydranica, Postupla“. Сумма „prowentu“ со всѣхъ сель равнялась 4008 fl. Въ 1771 г. Ратно было во владѣніи Александра Любомирскаго. На сеймѣ 1773—1775 г. „nodaly te dobra narodowe w posiadanie emfityczne spadkobiorcom Wincentego i Katarzyny z Sosnowskich Platerow“. На томъ-же сеймѣ выдѣлена особая комиссія для точнаго обозначенія границъ ратненского староства. („Słownik Geograficzny Królestwa Polskiego“ т. IX. Warsz. 1888 г.). О Ратномъ, кроме того, упоминается въ „Archiw. ks. Sangusz.“ т. 3, стр. 89—99, т. 4. См. Указат.; „Памятники кіевск. арх. ком.“ т. III, отд. 3, стр. 317; „Арх. юго-зап. Рос.“ ч. II, т. I. стр. 374; ч. 3 т. 3 стр. 335; ч. 6, т. 1. прилож. стр. 71. Цѣнныя монографіи о Ратномъ: кн. Любомирскаго въ „Bibliot. Warsz. 1855 г. т. II str. 209—232. и Яблоновскаго.—Lustracye krolewsczych ziem russkich“ str. 152—162. Въ частности, о сопротивленіи униатовъ на Волынѣ въ ковельскомъ уѣздѣ въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго столѣтія можно читать статью свящ. И. Гапановича въ „Холмско-Варшавскомъ Епархиальномъ Вѣстнике“ за 1886 г.

¹⁾ Запис. мат. Іосифа т. III стр. 364—365 (Конфиденціальное отношеніе м. Іосифа къ об.-прок. св. Син. Протасову отъ 4 мая 1838 г.)

²⁾ Тамъ-же, стр. 94.

³⁾ Тамъ-же, стр. 140—141 (конфиденц. отнош. м. Іосифа отъ 5 фев. 1835 г. къ м. в. д. Д. Н. Блудову съ просьбою о распоряженіи, чтобы военно-судная комиссія, учрежденная надъ крестьянами, допустившими безпорядковъ (и) въ ратненскихъ церквяхъ, не вводила въ дѣло стороннихъ обстоятельствъ).

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 365. *

Въ 1837 г. и въ началѣ 1838 г. встрѣчаются уже случаи частного обращенія уніатовъ къ православію. Хотя греко-унитській протоіерей ратненскаго деканата о. Максиміліанъ Дмоховскій и старался „раскрыть... лично въ Почаевѣ преосвященному волынскому архієпископу Иннокентію... о вредныхъ послѣдствіяхъ отдѣльного обращенія части ратненскихъ прихожанъ¹⁾, но его старанія не имѣли успѣха.

Весной 1838 г. было, наконецъ, приступлено къ колективному возсоединенію ратненскихъ уніатовъ вслѣдствіе офиціального заявленія большей половины уніатскаго населенія (1360 душъ) о желаніи присоединиться.

Волынскій губернаторъ Масловъ особымъ отношеніемъ увѣдомилъ уніатскаго епископа Антонія о томъ, что греко-рussійское духовенство, по расприженію епархіального начальства, хочетъ начать присоединеніе къ православію 1360 ратненскихъ греко-унитскихъ прихожанъ и просилъ у его преосвященства соотвѣтствующихъ распоряженій.

Преосвященный Антоній „предложилъ консисторіи предписать ратненскому благочинному Дмоховскому подъ стражайшею отвѣтственностью не противодѣйствовать присоединенію къ православію ратненскихъ прихожанъ и по требованію отдать во владѣніе православнаго духовенства мѣстную ратненскую, грекоунитскую церковь“²⁾ и увѣдомилъ о начинавшемся дѣлѣ м. Іосифа.

М. Іосифъ въ свемъ особомъ конфиденціальному распоряженіи подтвердилъ предписанія Антонія съ тѣмъ однако ограниченіемъ, чтобы церкви приходской не отдавать во владѣніе православнаго духовенства впредь до дальнѣйшаго распоряженія³⁾.

Послѣднее распоряженіе м. Іосифа не имѣло, впрочемъ, значенія: оно опоздало въ своеѣ исполненіи. Обстоятельства сложились иначе. Какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго разсказа,

¹⁾ Тамъ-же, стр. 364.

²⁾ Записки м. Іосифа Литовс. т. III. стр. 364.

³⁾ Тамъ-же, стр. 366 (секретное отношение м. Іосифа Дмоховскому отъ 6 маі 1838 г.).

Дмоховскій еще 28 апрѣля (следовательно, за двѣ почти недѣли до появленія послѣдняго отношенія Іосифа отъ 6 мая) долженъ былъ сдать Воскресенскую церковь уніатамъ, по настоящему гражданскихъ и духовныхъ властей.

М. Іосифъ, какъ опытный грекоунитскій администраторъ, понималъ съ какими неудовольствіями съ обѣихъ сторонъ совершается присоединеніе къ православію въ западно-руssкомъ краѣ. Онъ не безъ основаній предвидѣлъ въ этомъ дѣлѣ „новую суматоху, новыя затрудненія, новый расколъ“¹⁾, и въ своемъ отношеніи къ оберъ-прокурору св. Синода гр. Протасову предлагалъ въ интересахъ полюбовнаго соглашенія уніатовъ съ православными слѣдующее замѣчательное мѣньніе.

„По моему мнѣнію, писалъ митрополитъ литовскій, этому дѣлу (възаєдиненію ратненскихъ уніатовъ) можно бы дать самый благопріятный оборотъ. Волынское епархіальное начальство могло бы чрезъ православнаго благочиннаго объявить ратненскимъ прихожанамъ (если можно, еще до соворшеннія обряда присоединенія), что начальство благодаритъ ихъ за усердіе, что оно считаетъ уніатовъ и грекоунитское духовенство принадлежащими къ православной церкви и не находитъ нужнымъ ихъ обращать. Затѣмъ оставило бы протоіерея Дмоховскаго по прежнему ихъ священникомъ, и я бы его обязалъ при семъ случаѣ не вспоминать на будущее время при богослуженіи папы и не прибавлять въ символѣ „и Сына“. Этотъ поступокъ далъ бы совершенно новое направленіе общему образу мыслей, и волынская епархія въ теченіи года или двухъ вмѣсто 1360 прижанъ пріобрѣла бы безъ всякаго шума 100,000 уніатовъ, по волынской губерніи состоящихъ“²⁾.

Но мнѣніе м. Іосифа, нѣсколько расходившееся съ мнѣніемъ и планами начальства и притомъ достаточно таки запоздалое, не было принято во вниманіе. Еще раньше его проекта, въ апрѣль мѣсяцѣ епархіальнымъ начальствомъ былъ командированъ въ Ратно архимандритъ Іероѳей для формального присоединенія ратненскихъ уніатовъ къ православію.

¹⁾ Тамъ-же стр. 365.

²⁾ Записки м. Іосифа литовс. т. III, стр. 365—366.

Начальство не безъ основанія опредѣлило для этой миссіі именно арх. Іероѳея. Какъ уроженецъ ковельскаго уѣзда (пр. Іероѳей родился въ с. Облапахъ ковельскаго уѣзда, вблизи самого Ратного имѣвшій притомъ отца униата, онъ болѣе чѣмъ кто - либо былъ знакомъ съ духомъ и характеромъ уни и вполнѣ соотвѣтствовалъ цѣлямъ миссіі).

15 апрѣля архимандритъ Іероѳей съ діаконами и пятью пѣвчими выѣхалъ изъ м. Почаева и 17, позднимъ вечеромъ прибылъ въ Ратно. Прибывшимъ былъ оказанъ далеко нерадушный приемъ даже со стороны православныхъ. Хотя ковельское начальство и было предупреждено о прїѣздѣ архимандрита, но тѣмъ не менѣе оно не позаботилось даже приготовить для него приличнаго помѣщенія, и о. архимандритъ долженъ былъ во все время своего пребыванія въ Ратномъ жить въ еврейскомъ домѣ. О. Максиміліанъ Дмоховскій предлагалъ, впрочемъ, свою квартиру, но о. Іероѳей не согласился на предложеніе, не желая навлечь на себя подозрѣніе въ преждевременномъ сообществѣ съ грекоунитскимъprotoiereemъ. Вскорѣ въ Ратно прибылъ ковельскій земскій исправникъ Бѣляевъ, съ которымъ особенно близко сошелся о. Іероѳей, и который оказалъ значительное содѣйствіе при возсоединеніи униатовъ. Кромѣ Бѣляева, помощниками въ этомъ дѣлѣ явились мѣстныя административныя, гражданскія и духовныя лица: станой приставъ Лобурцовъ, благочинный священникъ о. Іона Дацковскій, священникъ о. Иванъ Михалевичъ и вообще православные священники, которыхъ, впрочемъ, тогда въ ратненскомъ округѣ было немного. Гражданскія власти оказались здѣсь далеко не лишними. Безъ нихъ можно бы сомнѣваться въ успѣхѣ миссіі о. Іероѳея: такъ значительна и сильна была оппозиція со стороны грекоунитского начальства. Въ своемъ отчетѣ о. Іероѳей съ большой похвалой отзываетъ о дѣятельности всѣхъ гражданскихъ чиновниковъ, принимавшихъ участіе въ возсоединеніи, и въ частности даетъ лестный отзывъ о Бѣляевѣ и Лобурцовѣ.

Присоединеніе началось съ мѣстнаго священника униата Кульчицкаго, раньше другихъ заявившаго о своемъ желаніи перейти изъ уни въ православіе. Неизвѣстны съ точностью мо-

тивы его перехода. Грекоунітскій протоіерей о. Максиміліанъ Дмоховскій, зорко слѣдившій за ходомъ возсоединенія своихъ прихожанъ въ Ратномъ, гдѣ, по его словамъ, имъ были положены „послѣднія силы“ для служенія своей паствѣ¹⁾, объясняетъ переходъ Кульчицкаго въ православіе грубо-матеріальnymъ разсчетомъ. „Живя въ м. Ратномъ, доносиль Дмоховскій м. Іосифу, священнику Іоаннъ Кульчицкій подстрекнуль тайно большую часть тамошнихъ прихожанъ его, Дмоховскаго, къ дачѣ подписки въ томъ, что они соглашаются на принятіе православной вѣры и чтобъ у нихъ былъ священникомъ никто другой, какъ онъ Кульчицкій“²⁾. Конечно, этимъ словамъ Дмоховскаго, какъ человѣка, горячо заинтересованного въ судьбѣ своихъ прихожанъ и явно склонявшагося притомъ на сторону уніатовъ, нельзя придавать полной вѣры; во всякомъ случаѣ дѣлу возсоединенія много, кажется, повредило то обстоятельство, что о. Кульчицкій былъ человѣкомъ невысокихъ нравственныхъ качествъ, небезъукоризненнаго поведенія. Въ теченіи почти всего времени своего священства (18 лѣтъ) онъ „постоянно состоялъ подъ слѣдствиемъ по различнымъ дѣламъ; по одному изъ уголовныхъ дѣлъ оставленъ Правительствующимъ Сенатомъ въ сильномъ подозрѣніи (по дѣлу о поджогѣ строеній предмѣстника Дмоховскаго, священника Полухтовича), нѣсколько разъ состоялъ въ запрещеніи и низводимъ былъ въ дьячки³⁾“, начато было даже дѣло „о преднамѣренномъ отъ Кульчицкаго отравленіи самого благочиннаго Дмоховскаго“... Если даже согласиться, что такая рѣзкая аттестація Кульчицкаго дана Дмоховскимъ не безъ преувеличеній и пристрастій, вполнѣ естественныхъ у человѣка, имѣющаго личныя причины вражды къ Кульчицкому, то всетаки въ Кульчицкомъ нельзя видѣть человѣка съ нравственнымъ достоинствомъ и пастырскимъ авторитетомъ. На переходъ въ православіе такого человѣка уніаты да, кажется, и все населеніе смотрѣли какъ на конфесіональную мистификацію съ удачно разсчитанной для себя выгодой.

¹⁾ Записки Іосифа Литовскаго. т. III, стр. 375.

²⁾ Тамъ-же т. III стр. 363.

³⁾ Записки м. Іосифа литовск. т. III стр. 367 и 368.

О немъ пошли разные сплетни и слухи, съ которыми естественно связывалось и имя о. Іероєя. Стали говорить, что при соединяться къ православію нужно только тѣмъ, кто чувствуетъ за собою какія-нибудь преступленія, грѣшки, что простой народъ ни въ чёмъ неповиненъ... Населеніе всполошилось, слышались недовольства противъ о. Іероєя.

Стало ясно, что присоединеніе ратненскихъ уніатовъ къ православію дѣло далеко не такое легкое, какимъ оно казалось о. Іероєю вначалѣ. Уніаты имѣли тайного, но энергичнаго и дѣятельнаго защитника своихъ интересовъ въ о. Дмоховскомъ,— человѣкѣ двоедушномъ и хитромъ.

Этотъ человѣкъ, управлявшій цѣлымъ ратненскимъ деканатомъ, понялъ, что, при начавшемся въ цѣломъ краѣ стремленіи уніатовъ къ православію, выгодно заявить себя предъ начальствомъ ревностнымъ поборникомъ его государственно-вѣроисповѣдныхъ, объединительныхъ интересовъ, выступить въ качествѣ православнаго місіонера (при своемъ уніатскомъ званії). Ничѣмъ особенно не смущаясь, онъ подаетъ докладную записку православной администрациі о томъ, что, благодаря его заботамъ и стараніямъ, 1360 уніатовъ его прихода согласны перейти въ православіе. Заботы и старанія о. Дмоховскаго были, впрочемъ, воображаемы подвигомъ, а цифра 1360 уніатовъ была положена по вѣрѣ въ предполагаемую возможность такого числа прозелитовъ. О. Дмоховскій, повидимому, совершенно не ожидалъ, чтобы его докладная записка имѣла серьезныя послѣдствія; онъ разсчитывалъ только отличиться, выдвинуться предъ начальствомъ и въ крайнемъ случаѣ отдѣлываться канцелярскими отчетами о своихъ мнимо-місіонерскихъ заботахъ. Но на дѣлѣ вышло иначе. На основаніи именно этой записки и была назначена місія о. Іероєя. И вотъ теперь, когда дѣло стало близко къ развязкѣ, когда пріѣхавшая комиссія приступила къ воссоединенію, о. Дмоховскій неожиданно дѣлаетъ ловкій *tour de force* и начинаетъ отстаивать интересы уніатовъ. Съ чисто іезуитскою хитростью онъ умѣль лавировать между православнымъ и своимъ уніатскимъ начальствомъ и мутить воду въ самую ясную погоду. Его спраши-

вали, почему онъ относится равнодушно къ дѣятельности о. Іероѳея. „Видя употребляемыя дѣйствующими (т. е. членами комиссіи) средства, отвѣчалъ о. Дмоховскій, понудительная и безнравственность въ народѣ распространяющія, видя возникающее отъ того замѣшательство между народомъ и духовенствомъ, я не нашелъ возможнымъ содѣйствовать членамъ комиссіи и смотрѣль на все равнодушно издали, за что сіи господа, вѣроятно, не засвидѣтельствуютъ обо мнѣ хорошо“¹⁾.

Посмотримъ, что это были за „средства, безнравственность распространяющія,“ и кто былъ причиною замѣшательства между народомъ и духовенствомъ.

Православнымъ нужны были церкви для богослуженій. Дмоховскій категорически отказалъ имъ въ этомъ. Тогда о. Іероѳея обратился за содѣйствіемъ къ свѣтскому начальству. Представленіе гражданскихъ властей, сдѣланное по предмету просьбы о. архимандрита къ Дмоховскому, не имѣло на первыхъ порахъ никакихъ послѣдствій. Дмоховскій упорно стоялъ на своемъ и говорилъ, что, пока присоединеніе къ православію совершиено не вполнѣ, онъ не вправѣ передавать уніатскія церкви православнымъ. Положеніе о. Іероѳея было крайне затруднительно. Наступили 23 и 24 апрѣля, одни изъ бойкихъ ярмарочныхъ дней въ м. Ратномъ (юрьевская ярмарка). Въ эти дни въ мѣстечко съѣзжается много народа. Представлялся удобный случай открыто заявить о возсоединеніи уніатовъ, но, за неимѣніемъ православныхъ церквей, эти дни остались безъ богослуженій, равно какъ не было службы и въ высокоторжественный день 21 апрѣля. „Праздники провели мы въ крайнемъ уныніи, писалъ арх. Іероѳея въ своемъ отчетѣ²⁾ къ преосвящ. Иннокентію, глядя только на недоступные для насть храмы Божіи“. Такое положеніе православной миссіи еще болѣе уси-

¹⁾ Записки м. Іосифа літовск. т. III стр. 374 (Отношеніе м. Іосифа о 1 юна 1838 г. за № 215 къ оберъ-прокурору св. Синода гр. Протасову съ прописаниемъ рапорта благочинного Дмоховскаго о порядкѣ, какимъ совершалось присоединеніе ратненскихъ прихожанъ къ православію. Рапортъ Дмоховскаго писанъ по польски; цитируется м. Іосифомъ по русски).

²⁾ Не напечатанъ.

лило различные толки и сплетни въ простомъ народѣ, искусно раздуваемые и поддерживаемые приверженцами о. Дмоховскаго. „Народъ судилъ по тому, что видѣлъ, на насъ взирали какъ на *странныхъ* и пришельцевъ въ отечествѣ нашемъ, не имѣющихъ значенія“, продолжаетъ Іероѳей въ своемъ отчетѣ. Полтавскій народъ, собравшійся со всего ратненскаго деканата на ярмарку, „услыша, что благочестіе пріѣхало изъ Почаева въ Ратно, по своей простотѣ считая, что благочестіе есть лицо, насилино толпился къ жидовскимъ окнамъ и, какъ на какое чудо, смотрѣлъ на грекороссійскаго монаха въ клубокѣ и рясѣ, произнося: „ахъ, яка страшна благочестія, ще-жъ мы отъ роду таковой не бачили“¹⁾). Вообще, въ Ратно присоединеніе подвигалось очень медленно. Сравнительно большій успѣхъ имѣлъ о. архимандритъ въ окрестныхъ селахъ и деревняхъ, принадлежавшихъ къ ратненскому деканату. Місіонеры ежедневно єздили по селамъ и деревнямъ и присоединяли уніатовъ къ православію покойно и свободно. Когда число православныхъ возросло до такого количества, что могло составить свой приходъ, о. Іероѳей потребовалъ у Дмоховскаго возвращенія православной церкви, по смыслу закона 1 февр. 1800 г. (по которому церкви, по возсоединеніи грекоуніатовъ, возвращались православнымъ), но о. Дмоховскій по прежнему продолжалъ упорствовать. Тогда, по просьбѣ о. Іерофея, исправникъ лично явился въ домъ Дмоховскаго, требовалъ возвращенія церкви, грозилъ въ противномъ случаѣ судомъ, но о. Дмоховскій, по выражению Іерофея, „не восхотѣ ничего разумѣти“, и стоялъ на своемъ.

Правда, Дмоховскій уступалъ на время (на 21-ое апр.) православнымъ одну уніатскую церковь, но съ тѣмъ условиемъ, чтобы богослуженіе въ ней было совершено на уніатскомъ антиминсѣ безъ освященія. Разумѣется, о. Іероѳей не согласился на такой компромиссъ. „Священнодѣйствіе православнаго архимандрита въ уніатской церкви, коєя употребленіе отъ Дмоховскаго дозволяемо было только временно“, по словамъ Іеро-

¹⁾ Запис. Йосифа Литовс. III 374.

ея, „означало бы, что не унія присоединяется къ православію, а православіе къ унії“.

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось такое неопределеннное положеніе вопроса о возвращеніи церквей, если-бы вмѣшательство полиції не привело его къ концу. Ковенскій исправникъ Бѣляевъ потребовалъ у о. Дмоховскаго рѣшительного отчета въ своемъ упорствѣ, угрожая въ противномъ случаѣ донесеніемъ высшему начальству и судебнѣмъ слѣдствиемъ. Тогда Дмоховскій особымъ отношеніемъ (отъ 27 апр. 1838 г. за№ 162) увѣдомилъ Биляева, что „ключъ отъ церкви Воскресенской еще 19 числа врученъ имъ викарію священнику Иоанну Страшкевичу для отдачи желающимъ, а онъ (т. е. Страшкевичъ) по службѣ отдалъ таковой ключъ старостѣ церковному, присоединившемуся уже къ православію, съ тѣмъ, чтобы этотъ отдалъ по требованію православному духовенству“. Вся эта сложная процедура передачи ключа была выдумана протоіереемъ Дмоховскимъ для отвода глазъ полиціи. Но полиція не вѣрила протоіерею. Произведенное по этому поводу ковенскимъ приставомъ З стана Лобурзовымъ дознаніе раскрыло только неудавшуюся хитрость Дмоховскаго. И только тогда, когда дальнѣйшее сопротивленіе становилось невозможнымъ, уніатскій протоіерей вынужденъ былъ уступить и передать (27 апр.) Воскресенскую церковь о. архимандриту. 28 апр. въ ней было совершено водоосвященіе съ окропленіемъ, а 29 была впервые отслужена торжественная православная литургія съ проповѣдью на тему: „се нынѣ благословите Господа, вси рабы Господни“ и участіемъ почаевскихъ пѣвчихъ¹⁾.

Съ пріобрѣтеніемъ православными церкви дѣло возсоединенія уніатовъ пошло значительно быстрѣе въ Ратномъ. Ежедневно совершаемая служба при хорошемъ пѣніи и произносимыя проповѣди, по словамъ миссіонера, привлекали къ православію самыхъ упорныхъ, закоренѣлыхъ уніатовъ. „Опять показалъ, писалъ Іероей въ своемъ отчетѣ, что въ дѣлѣ присоединенія уніатовъ къ православію пѣвчие оказали особенно важ-

¹⁾) Настоятелемъ возсоединенной церкви былъ утвержденъ Кульчицкій.

ное значеніе". Всѣхъ присоединившихся въ маѣ оказалось 1069 душъ.

Протоіерей Дмоховскій не могъ равнодушно видѣть такой успѣхъ православія и, несмотря на то, что 27 апрѣля передалъ православнымъ Воскресенскую церковь, 3 мая сталъ протестовать противъ своего-же собственного распоряженія и отношениемъ къ Іероѳею (отъ 3 мая за № 168) заявилъ, что церковь отнята православными незаконно и сталъ требовать ея возвращенія уніатамъ. „Если сего не признать сумасшествіемъ, писалъ о. Іероѳей, то онъ шутилъ надъ нами и явно издѣвался надъ распоряженіями правительства“. Разумѣется, протестъ Дмоховскаго не имѣлъ значенія. Еще больше озлобился протоіерей, когда отношениемъ пристава Лобурцова (за № 112) было ему заявлено, что прихожане его деревни Гориничъ по-головно присоединяются къ православію и просятъ передать ихъ уніатскую каплицу въ владѣніе православныхъ. Отношеніемъ отъ 3 мая онъ раздражительнымъ тономъ отвѣтилъ Лобурцову, что, отдавъ одну церковь православнымъ (Воскресенскую), онъ не уполномоченъ своимъ епархіальнымъ начальствомъ сдавать другому священнику Горницкую каплицу. Ему указано было на законъ 1 февр. 1800 года; но о. Дмоховскій, по своему обыкновенію, не придавалъ такимъ указаніямъ особенного значенія и другимъ отношениемъ отъ 4 мая еще разъ напомнилъ православнымъ, что „ни церквей грекоуніатскихъ, ни фундуша онъыхъ, движимаго и недвижимаго, онъ, безъ распоряженія своего начальства, никому во владѣніе сдавать не можетъ“. Дѣло о горницкой каплицѣ „спеціальной эстафетой“ пошло 5 мая на разсмотрѣніе губернатора. Губернаторъ 9 числа особымъ отношениемъ распорядился немедленно передать каплицу православнымъ. При отношеніи губернатора было приложено, между прочимъ, отношеніе отъ 22 апр. уніатскаго епископа Антонія къ губернатору о томъ, что онъ (Антоній) предписалъ Дмоховскому не противодѣйствовать присоединенію ратненского прихода. Дмоховскій, видя, что дальнѣйшее сопротивленіе невозможно, поспѣшилъ сдать каплицу православнымъ, не дожидалсь даже окончательного распоряженія губернатора (каплица была сдана 7 мая).

Въ исторії присоединенія ратненскихъ уніатовъ особенно характерно двусмысленное поведеніе высшаго грекоуніатскаго начальства. Официалльно якобы покровительствуя интересамъ православія, оно, частнымъ образомъ, давало неофициалльныя, секретныя предписанія противоположнаго характера. Въ отчетѣ арх. Іероѳея говорится, между прочимъ, что ковенскій исправникъ стороною узналъ о двусмысленныхъ продѣлкахъ уніатскаго начальства. Этимъ только и можно объяснить хитрую политику ратненскаго уніатскагоprotoіерея, который, официалльно заявляя о своей близости къ православію, въ тоже время внушалъ своимъ прихожанамъ, „щобъ воны, якъ прыйидуть попы зъ бородами, не слухалы ихъ“ и страшалъ одного ратненскаго церковника (Павла Тилькевича) различными угрозами и, между прочимъ, взысканіемъ съ него суммы, издержанной на воспитаніе его сына, если онъ перейдетъ въ православіе.

Пріобрѣтеніемъ горницкихъ прихожанъ и ихъ каплицы и кончилось собственно фактическая сторона возсоединенія ратненскихъ уніатовъ. Всѣхъ присоединившихся насчитывалось 1142 человѣка, въ томъ числѣ изъ духовнаго званія 35 человѣкъ. 11 іюня о. Іероѳей со своимъ штатомъ „безъ особыхъ происшествій“ возвратился въ Почаевъ. Но этимъ не кончилась еще официалльная сторона дѣла.

Дмоховскій не скоро могъ примириться съ фактамъ и забыть свою неудачную попытку отстоять интересы уніатовъ. Онъ поднялъ цѣлое слѣдствіе противъ о. Іероѳея, сталъ доказывать, что присоединеніе было совершено насилиственными мѣрами и потому незаконно. Въ поданномъ имъ греко-уніатскому епархіальному начальству доносѣ о. Іероѳея обвинялся, между прочимъ, въ томъ, что разъѣзжалъ самовольно по уніатскимъ селамъ и деревнямъ, гонялъ уніатовъ въ одно мѣсто и насилиственно приводилъ къ присягѣ; что 21 апр. въ царскій высокоторжественный день не служилъ литургіи; что о. Іероѳеи своими насилиственными мѣрами приносить не столько пользы, сколько вреда дѣлу возсоединенія, такъ какъ онъ (Дмоховскій) расположилъ своихъ прихожанъ безъ насилия перейти въ православіе и т. д. Хотя всѣ эти и многіе другіе въ такомъ же

родѣ пункты диктовало Дмоховскому его раздраженное, задѣтое самолюбіе, однако доносъ достигъ своей цѣли. Уніатское епархиальное начальство снеслось по поводу его съ канцеляріей Оберъ-прокурора св. Синода и успѣло бросить тѣнь на дѣятельность о. Іероѳея. Слѣдствіемъ этихъ сношеній была особая секретная бумага изъ канцеляріи Оберъ-прокурора св. Синода (1 мая 1838 г. № 923) къ преосвященному Иннокентію о дѣятельности о. Іероѳея въ Ратномъ.

Ратненскій протоіерей Дмоховскій, сообщалъ прокуроръ, доносилъ грекоуніатскому епископу Іосифу о томъ, что арх. Іероѳея употребляетъ насильственный мѣры при присоединеніи ратненскихъ уніатовъ и сталъ безъ всякой причины во враждебныя отношенія къ Дмоховскому, содѣйствующему интересамъ православія и приглашавшему о. Іероѳея къ себѣ на квартиру; что о. Іероѳея предпочелъ оставаться въ еврейскомъ домѣ; что будто бы о. Іероѳея на слова Дмоховскаго о мѣрахъ гуманности и терпимости по отношенію къ уніатамъ отвѣчалъ: „таковыя мѣры намъ совершенно неизвѣстны, мы придерживаемся своихъ мѣръ“; что если священникомъ въ м. Ратномъ будетъ Кульчицкій, то ему—Дмоховскому—угрожаетъ опасность жизни. Кульчицкій рекомендуется въ отношеніи прокурора, какъ человѣкъ самого неблагонамѣренного поведенія, о Дмоховскомъ прокуроръ напротивъ очень высокаго мнѣнія, считаетъ его однимъ изъ благонадежнѣйшихъ грекоуніатскихъ священниковъ. „Если показанное Дмоховскимъ справедливо, говорилось въ отношеніи Оберъ-прокурора, то не могу не замѣтить, что въ дѣйствіяхъ о. архимандрита Іероѳея не усматривается того духа любви и кротости, коими должна быть растворена спасительная ревность по Бозѣ. Уклоненіемъ своимъ отъ дружественного съ протоіеремъ Дмоховскимъ сближенія и даже оставленіемъ высокоторжественного дня безъ богослуженія, при имѣвшихся въ православіе благаго примѣра, котораго православная церковь и правительство вправѣ были отъ него ожидать, равно и допущенные имъ принудительныя мѣры земскихъ чиновниковъ могли, безъ сомнѣнія, произвести раздраженіе въ умахъ“ и т. п.

Преосвященный Иннокентій потребовалъ отъ арх. Іероѳея подробнаго отчета о своей дѣятельности въ Ратномъ. Отчетъ вскорѣ былъ представленъ преосвященному (отъ 14 іюня за № 42). Вотъ его содержаніе:

Во - первыхъ, если Дмоховскимъ приготовлены уніаты въ возсоединенію, писалъ о. Іероѳеи, то странно жаловаться, что мы ихъ присоединяемъ и разъѣзжаемъ по уніатскимъ поселкамъ, а разъѣзжать мы вынуждены были потому, что обѣ этомъ насы просили; куда насы не просили, туда мы не ъѣздили (напр. въ д. Лучицы, Конище — недалеко отъ Ратного); да и притомъ поїздка представлялась болѣе удобнымъ средствомъ сношенія съ уніатами. Не обременять же ихъ вызовомъ за 7 и болѣе верстъ! Да и притомъ необходимо было провѣрить семейные списки, дабы малолѣтніе не остались неприсоединенными. Мы ъѣздили даже по нѣскольку разъ въ одно и тоже село, такъ какъ не всегда заставали уніатовъ дома. Что касается оповѣщеній о нашемъ прїѣздѣ въ приселкахъ и созыва желающихъ присоединиться, то это было собственно дѣло гражданскихъ чиновниковъ, которые о насильственномъ сгонѣ людей отъ насы не имѣли распоряженія.

Во - вторыхъ, самъ Дмоховскій говоритъ, что имъ подготовлено 1360 человѣкъ къ возсоединенію съ православными, а между тѣмъ было найдено 1142 человѣка, которые заявили гражданскимъ порядкомъ о своемъ желаніи присоединиться.

Въ - третьихъ, если бы мы позволили себѣ мѣру насилия надъ уніатами, то присоединили бы или весь ратненскій приходъ, состоявшій изъ 1695 душъ, или же во всякомъ случаѣ болѣше 1360 человѣкъ, но сего не случилось.

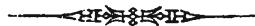
Въ - четвертыхъ, въ неотправлениіи богослуженія въ Высочайшій день не мы виноваты, а Дмоховскій, не отдавшій намъ ни одной церкви и предлагавшій лишь на время уніатскую церковь, на что невозможно было согласиться.

Въ - пятыхъ, спокойствіе и удовольствіе присоединяющихся лучше всего свидѣтельствуютъ, что мы не произвели на нихъ худаго впечатлѣнія.

Въ - шестыхъ, что касается наконецъ того, почему я не перешель на квартиру къ о. Дмоховскому, то цѣлесообразность моего поступка оправдана послѣдствіями... Да и притомъ, домъ, въ которомъ я остановился, приличный, близокъ къ Воскресенской церкви, а о. Дмоховскій живетъ далеко, въ концѣ мѣстечка.

Епархиальное начальство вполнѣ удовлетворилось отчетомъ арх. Іероѳея.

Ѳ. Кудринскій.

КАРТИНЫ МОЕГО ПРОШЛАГО.¹⁾

Тетка, знаяшая еще ранѣе о моей экспедиціи, встрѣтила меня съ необычайною ласковостію, заботливо спрашивала обо всемъ случившемся съ нами по пути и, несмотря на то, что я хвастался храбростію, со слезами высказывала свое неодобрение этого способа доставленія меня въ гимназію. Николаевскій служака, дядя Л—овъ, хранившій подъ супорядкой оболочкой вояки самое теплое сердце, только поощрялъ меня, повторяя: ничего-съ, все это такъ и слѣдуетъ испытывать мужчинѣ.

Заботливость свою тетка выказала, какъ водится, не только ласками, но и всевозможнымъ кормлениемъ и тѣмъ еще, что, когда я, заспавшись, проснулся поздно, то оказалось, что Прокопъ уже былъ отправленъ въ путь съ какимъ-то солдатомъ изъ подначальныхъ дядѣ Л—ову, и сама она, покормивъ и напоивъ на дорогу, подвезла меня на своихъ лошадяхъ до какого-то села, кажется—Кишинецъ, где мы догнали Прокона съ солдатомъ. Тамъ мы попрощались, и я, много разъ перекрещенный и напутствуемый наставленіями не запаздывать, останавливаться въ селѣ у зажиточныхъ хозяевъ, снабженный массою провизіи и даже деньгами, тронулся въ дальній путь. Прокопъ тоже былъ не оставленъ милостями: въ возу оказалось нѣсколько арбузовъ, дынь и, кромѣ того, коржи и узель яблокъ.

Онъ сталъ теперь разговорчивѣе: видно было, что и онъ осмѣлился въ пути.

¹⁾ См. Киевская Старина, 1892 г., № 2.

Какими-то проселками мы наконецъ выбрались на чумацкій шляхъ, на которомъ была большая *мурованная корчма*. Откуда-то на ясномъ небѣ появилась тучка, и разразился странный ливень. Хотя не хотіло было укрыться въ корчмѣ, куда мы и вѣхали черезъ заднія ворота.

Неподалеку отъ этой корчмы стояли двѣ большія чумацкія валки, а чумаки толпились въ первой изъ шинка. Слышны были возгласы, пѣніе и звуки сопилки. Я прошелъ въ комнату хозяевъ и сквозь открытую ладу смотрѣлъ на сцену чумацкой гульни.

Картина эта такъ запечатлѣлась въ моей памяти, что, будь я живописцемъ, я могъ бы и теперь, по прошествіи многихъ лѣтъ, изобразить ее во всѣхъ деталяхъ. Изо всей этой видѣнной и памятной мнѣ картины описываю, такъ сказать, отдѣльный эпизодъ ея.

Около поставленной торчмя пустой бочки стоялъ выдѣляющійся изъ цѣлой компаніи человѣкъ. Онъ былъ, одѣтъ въ широкія пестрядиновыя шаровары, спадающія на босыя ноги. Очкуръ у него былъ изукрашенъ бляшками и пуговицами, какъ равно и припонъ спрятанного въ карманѣ ножа. Поверхъ заношеннай холщевой съ мережками рубахи надѣта была голубая съ желтыми шнурами гусарская куртка, такая, какія тогда носили, т. е. безъ всякихъ поль. Лице, лавно небритое, у него было зарощено рыжею щетиною и торчащими врозь подстриженными усами; на непокрытой головѣ торчали тоже врозь рыжые вихры. Онъ игралъ на сопилкѣ очень искусно, причемъ лицо его краснѣло не только на вздутыхъ щекахъ, но и вокругъ глазъ.

Передъ нимъ съ рюмкою стоялъ высокій, красивый человѣкъ въ суконномъ жупанѣ на опашку, въ лихо заломленной высокой бараньей шапкѣ. Онъ одной рукой держался за плечо дударя, а другою съ недопитою рюмкою размахивалъ въ тактъ пѣсни, подпѣваемой подъ сопилку:

Въ кинци гребли шумлять вербы,
Що я й насадила...
Та немажъ мого мыденъкого,
Що я й полюбила!

Отчетливо закончилъ пѣвецъ пѣсню, взмахнулъ рюмкою, поставилъ ее на дно бочки и, припавъ къ дударю, замоталъ свѣсившеюся головою... Дударь пересталъ играть, лукаво посматривалъ на пѣвца, и какъ-то особенно загrimасничалъ своею небритою физіономіею.

Пѣвецъ, очевидно, понялъ мимику рыжаго, отстранилъ его отъ себя, посмотрѣлъ ему въ глаза и вдругъ, нагнувшись, подѣловалъ его, послѣ сразу оттолкнулъ и закричалъ:

— Грай, або гроши oddай! Шинкарю! Сыпъ горилки на виру, та пышы гроши на спыну!—И потянулся къ стойкѣ, подавая шинкарю пустую бутылку.

Въ то время онъ сквозь широкое отверстіе стойки увидаль меня и уставился глазами. Черные брови его какъ-то сдвинулись, онъ крутнуль усы и, замотавъ головою, забормоталъ:

— А що мени началство, паны! Я самъ соби началство! Матери ихъ чортъ! А же я никому невыненъ!... Сыпъ, кажу, швидче! Обратилъ онъ опять къ шинкарю. Но требованій было столько, что еврей не успѣвалъ удовлетворять всѣхъ и разсчитываться, и потому, вѣроятно, и его требование не было исполнено сейчасъ.

Я отстранился въ глубь комнаты, не желая попадаться опять на глаза пьяного гуляки. Но не успѣлъ я найти еще себѣ мѣсто, какъ онъ какимъ-то образомъ проникъ уже въ это отдѣленіе корчмы—и подошелъ къ стойкѣ.

— Цо се ты сюди вперлоса!—кинулась къ нему хозяйка еврейка, но онъ отстранилъ ее рукой и сталъ требовать водки.

— Заразъ, заразъ! Азе бацъ, що я одмиряю! успокоивалъ его шинкарь.

Чумакъ обперся рукою въ стѣну и сталъ осматриваться; опять уперся въ меня помутнѣвшими глазами. Онъ, очевидно, что-то соображалъ; какъ-то однимъ усомъ мигнулъ и направился ко мнѣ.

— Началство! Ажъ воно от-що! А же ты москальча? Га?¹⁾). Якъ пакъ васъ звуть у поселянщины—туды геть, за гря-

¹⁾ Москаль—по украински солдатъ. Москальча—солдаченокъ.

ныцею. У запорожьи—кантонисты, наче. Знаю, бачывъ. Усе таки гиряви, у такихъ шапочкахъ (на мнѣ была гимназическая фурашка съ краснымъ окольшкомъ).—Знаю, бачывъ! Муштруються, якъ справжни москали!—Разъ! два! разъ два! Почастую! ходимъ! Я такой!...“ говориль онъ, шатаясь передо мною, прижавшимся къ окошку и не знаяшимъ, что дѣлать, чтобы избавиться отъ этого громадного пьяного человѣка. Онъ уже протянулъ свою огромную ручищу, чтобы тащить меня туда, гдѣ намѣревался частувать, какъ вдругъ на выручку явилась хозяйка еврейка.

Она стала между чумакомъ и мною, заслонивъ меня и стала упрашивати его идти туда, въ общую половину. Но онъ и не думалъ отступать отъ затѣянного угощенія: не двигался съ мѣста, отстранилъ шинкарку и все твердилъ свое:

— Геть къ нечыстїй матери! Хиба тоби жалко моей горилки! Геть! Воно хочъ и москальча, а горилку вже мабудь вжывае, бо на то воно служба—москалъ! Якъ пакъ ихъ звутъ? кантонисты?

— Яке це тоби кантонисты? Тю, дурне! Це паныць, а зависимъ не кантанисты! Ай вей! Яке дурне! Азе ты раздывись!... уговаривала шинкарка. Онъ замолкъ, какъ бы что-то соображая, а послѣ отстранилъ еврейку, опять, сдвинувъ брови, уставилъ глазами на меня и отшатнулся...

— А! такъ це панычъ! Панычъ! Ляшеня, выходыть! Такъ и е! Панычъ! А я ще хотивъ ёго частувати! Хвороба й его матери!

Голосъ его становился еще громче, грознѣе. Я совершенно растерялся, не зналъ, что дѣлать, слезы готовы уже были брызнутъ изъ глазъ...

— Вони ляхи прокляты! Ото дывись сюды, обратился онъ къ еврейкѣ—дывись на того, що ото на сопилци грае! Нечоловика зробивъ зъ его проклятый ляхъ! Нимымъ ставъ! Дывись! Малымъ ще бувъ, то якось упустывъ у спашъ воливъ, а той якъ ставъ его катать гарапыномъ та ще сонного, такъ и онимивъ! Нимымъ ставъ—не чоловикомъ: усе тямить и чуе, на сопилци, бачь, грае, а нимый! Прокляти!...

Все это онъ проговорилъ, перебиваемый старающеюся удалить его еврейкою. Кончилъ, потрясъ кулакомъ и пошелъ, чуть не выталкиваемый шинкаркой и явившимся къ ней на помощь мужемъ.

— Отъ якъе прокляте! гайдамака! — Обратилась ко мнѣ еврейка, какъ бы извиняясь въ случившемся.

Я былъ сконфуженъ, растерянъ и чуть не плакалъ, къ счастію дождь унялся и можно было сейчасъ жеѣхать, что мы съ Прокопомъ и сдѣлали, причемъ еле удалось мнѣ уговорить повернуть возъ и выѣхать опять въ задніе ворота, мнѣ было страшно встрѣтиться опять съ кѣмъ-либо изъ подгулившей чумацкой компаніи, что легко могло случиться при выѣздѣ въ переднія фронтовыхъ ворота.

Когда мы минали послѣднюю валку, то какой-то чумакъ сталъ кликать кого-то изъ своихъ, восклицая.

— Дывысь! Ото такъ волы! Ой тожъ и волы! Но мы не останавливались иѣхали по шляху, прихватывая на колеса промоченный дождемъ верхній слой дороги.

Солнце опять свѣтило и пригрѣвало, блестѣло на лужицахъ, на неопавшихъ капляхъ росы, на стебляхъ бурьяну; чорная туча съ двумя радугами уходила на востокъ; отъ корчмы доносились выклики пѣсень.

Все это мнѣ до мельчайшихъ подробностей памятно, и я въ состояніи воспроизвести въ моей памяти чувство оскорблениія, униженія, озлобленности, въ которомъ я тогда находился послѣ этого столкновенія съ пьянымъ чумакомъ — гайдамакою, по словамъ еврейки. При всей демократичности воспитанія и особенно моего путешествія на волахъ, я всетаки былъ чистокровный панычъ, паненя, и меня душила злоба за оскорблениѣ, которое я принялъ лично относящимся ко мнѣ, не умѣвшимъ понять, что проклятія, слышанныя, мною, относились вообще къ панамъ, несомнѣнно заслуживавшимъ въ то время порицанія во мнѣніи тѣхъ, которые дѣлались нѣмыми отъ ихъ арапниковъ. Притомъ же въ этомъ столкновеніи было донельзя унижено мое самолюбіе не какъ паныча, а какъ особы, возмечтавшей уже о себѣ послѣ проведенной въ полѣ ночи, послѣ хвастовства

свою храбростію передъ теткою. Въ моихъ мысляхъ о про-
исшедшемъ я передумывалъ на разные лады то, какъ мнѣ слѣ-
довало держаться съ пьянымъ, что нужно было дѣлать. Мно-
гое приходило въ голову и между прочимъ то, что слѣдовало
сейчасъ же осѣдлать слѣпого и ѿхать пожаловаться дядѣ
Л—ову, но противъ этого стоялъ стыдъ передъ теткою, передъ
которою я такъ много хвасталъ своею храбростью. Лучшее на-
думанное это было: *схватить* его (пьяного) за шиворотъ и
вытолкнуть изъ корчмы! Я до того увлекся этою невозможною
мыслію, что даже возстановлялъ въ себѣ всю раздраженность,
чуть не ощущалъ въ своемъ скатомъ кулакъ шиворота чумака.

— А онде дрохва! вдругъ прервалъ токъ моихъ мыслей
Прокопъ.

Дѣйствительно по степи ходилъ цѣлый табунъ дрофъ.
Они ничуть не боялись настъ, а спокойно паслись, почищивали
траву, только изрѣдка приподымая головы, чтобы взглянуть на
настъ. Я сталъ ихъ считать и насчиталъ болѣе тридцати, по-
стоянно сбиваясь, потому что и онѣ не стояли, и мы двигались.

— Тай багато ихъ! удивлялся Прокопъ Исаакъ разказу-
вавъ, що, якъ бурлаковавъ винъ на Бессарабії, такъ тамъ
десь ажъ по-била моря волохи разъ цилисенъкий табунъ за-
гнали у хутири. Прообмерзalo усе писля дощу пиря на нихъ,
такъ и загнали наче овець...

И затѣмъ, помолчавъ немного, какъ бы передумывая что-то,
добавилъ:

— Винъ богато де чого розказувавъ! Опять молчаніе, пе-
редумываніе.

— Розказувавъ, що тамъ десь у Лымани, чи на мори
йивъ таку рибу, що зъ однимъ окомъ. Така, каже, якъ ло-
пата... Опять молчаніе...

Табунъ дрофъ мы уже проѣхали, въ сторонѣ на стежи
въ какой-то балочкѣ показались верхушки вербъ и крыши хатъ.

— Отъ тутъ бы намъ попасты воливъ тай напоити онъ
тамъ у бальци, тамъ, мабуть, е вода. А то не напували у корчми.

Я согласился, и мы, свернувшись къ сторонѣ шляху, выпря-
гли воловъ и пустили ихъ на пастьбу вмѣстѣ со слѣпымъ конемъ.

Прокопъ сейчас же порѣшилъ пойти къ хатѣ узнать, есть ли тамъ водопой, а я остался 'около воза. Скоро въ сторонѣ вербъ послышался собачій лай. Это означало, что Прокопъ уже дошелъ до хаты. Кругомъ было пусто, никого ни на степи, ни по шляху не видно было. Я отъ нечего дѣлать открылъ ящикъ съ провизіей и только что хотѣлъ выбрать что-нибудь повкуснѣе, какъ опять услыхалъ усиленный лай собакъ на хуторѣ и увидѣлъшибко идущаго ко мнѣ отмахивающагося отъ собакъ Прокопа и на фонѣ вербъ какую то женщену.

Прокопъ объяснилъ, что тамъ „у балци можно добре попасты воливъ“, что „дидъ казавъ“, чтобы мы ѿхали туда къ хутору попасать. Я было сталъ раздумывать, но Прокопъ уже вель за „налыгачь“ воловъ и съ обычнымъ „шый-шый“ стала запрягать. Осталось мнѣ только взять за поводъ слѣпого и мы поѣхали къ хутору прямо по степи, безъ дороги.

По мѣрѣ приближенія къ верbamъ, балка все больше и больше открывалась передъ нами; поближе вербъ оказался густой вишневый садокъ и около него бѣлая чепурная хата, подъ вербами полуразрушенная водяная мельница, отъ которой внизъ по балкѣ шла зеленѣющая сочною травою мочажина. Около прорванной плотины свѣтлѣль небольшой ставокъ. Женская фигура, отгонявшая кинувшихся къ намъ двухъ собакъ, оказалась дѣвушкой, очень красивой, одѣтой въ черную только запаску; на холщевой бѣлой сорочкѣ съ мережками краснѣло „намысто добрѣ“, а когда она опустила руку, которую закрывалась отъ солнца, на темныхъ косахъ ея оказался „червоный кисныкъ“.

Отгоняя не унимавшихся собакъ, дивчина проводила насъ до самой хаты, гдѣ былъ поставленъ нашъ возъ, а волы и слѣпой отведены Прокопомъ на мочажину. Изъ сада, немного времени спустя, вышелъ къ намъ съдой дѣдъ безъ шапки, въ бѣлой рубахѣ и такихъ же бѣлыхъ штанахъ, запущенныхъ краями въ истоптанные сапоги. Поздоровавшись, онъ распросилъ меня, откуда и куда насъ Богъ несетъ, и пригласилъ въ садокъ „полудновать“. Уютность мѣста и привѣтливость дѣда и дивчины, оказавшейся внучкою его, сразу плѣнила меня, осо-

бенно когда я зашел въ садокъ, гдѣ между тщательно подчищенными вишнями и яблонями стояло много ульевъ.

Въ тѣни отъ хаты и высокой вербы находилась цѣлая мастерская дѣда: онъ бондарилъ; тутъ стоялъ ослонъ, валялись разные инструменты, пучки чакалу, обручи и нѣсколько кадушекъ. Между ульями на особомъ столбикѣ подъ навѣсомъ изъ двухъ дощечекъ виднѣлась иконка. Освѣженная дождемъ, недавно бывшимъ и здѣсь, зелень ярко, сочно выглядѣла; все благоухало запахомъ травы и меду.

На перевернутой вверхъ дномъ кадушкѣ дивчина послала какой-то рушникъ, дѣдъ изъ сѣней хаты въ мискѣ принесъ нѣсколько сотовъ меду и, нарѣзавъ поданный внучкою хлѣбъ, пригласилъ меня и послѣ подошедшаго Прокопа „полудновать“. Онъ тутъ же усѣлся бокомъ на своеемъ бондарскомъ верстакѣ, ослонѣ, а внучка приткнулась около завалинки и не спускала съ насть глазъ, чѣмъ не мало смущала меня. Мнѣ казалось,— да это, вѣроятно, такъ и было,—она разрѣшала въ умѣ своемъ вопросъ о томъ, что мы за люди. Ей, вѣроятно, страннымъ показался особенно я, панычъ, Ѣдущій въ дорогу на волахъ.

Прокопъ раньше меня всталъ отъ трапезы и не сѣлъ, не смотря на упрашиванья старика. Онъ повернулся на востокъ, помолился и поблагодарилъ поклономъ какъ дѣда, такъ и дивчину.

Мнѣ показалось неприличнымъ оставаться одному и, хотя дѣдъ хлѣборѣзнымъ ножемъ отковырялъ и подвинулъ ко мнѣ соблазнительный кусокъ сата, я все таки всталъ съ какого-то ведра, на которомъ сидѣлъ, и въ точности продѣлалъ то же, что и Прокопъ, т. е. повернулся на востокъ, нѣсколько разъ перекрестился и, степенно поклонившись дѣду и дивчинѣ, поблагодарилъ „за хлѣбъ-силь, за полудень“. Дивчина, по просьбѣ Прокопа, вынесла изъ сѣней въ глиняномъ „кухлѣ“ воды и, когда онъ сталъ пить, степенно поклонилась и сказала: „добре здравья пышы“.

Радушіе, вся эта степенность, этотъ этикетъ—все это мнѣ чрезвычайно нравилось, скажу больше, положительно плѣнило меня.

Когда по предложению Прокопа я хотѣлъ идти „мазать“ возъ, старикъ, понявъ, что Прокопъ самъ не управится съ этимъ дѣломъ, если зоветъ меня, сказалъ:

— Седить тутъ въ холодку, а мы вдвохъ помажемо. Ще намажется: дорога ще далека! — Я было вздумалъ похрабриться, но ласковое — „седить, отдохните“ — дѣда осадило мою прыть.

Дивчина тѣмъ временемъ убрала остатки „полуденка“, снесла все въ хату и, вышедши и отставляя въ сторону кадушку, служившую намъ столомъ, обратилась ко мнѣ съ вопросомъ:

— Хиба вы не лядськои виры?

— Ни, я православный!

Она улыбнулась какъ-то лукаво и говорить:

— Та що славни вы, то правда, що славни; такъ мени дивно, що вы панычъ, а Богу молитесь по нашему, якъ люде, а не по лядськи?

— Бо я православный, такои жъ якъ и вы виры, греко-российскойкои.

Дивчина изумленно смотрѣла на меня, она, очевидно, не понимала...

— Наша вира проста, мужицька, а вы жъ якои?

— Такои жъ, якъ и вы, тилько вона, наша вира, такъ по письменному звѣтьця — православна, греко-каѳолическая, руська вира — старался я объяснить дивчинѣ.

Она всѣ эти мои объясненія слушала съ устремленными на меня умными сѣрыми глазами и, очевидно, поняла все, но тѣмъ не менѣе еще таки спросила:

— А говіете вы до (sic) нашего попа?

— До вашего, у церкви...

— Ну! такъ!

Наступила неловкая пауза въ разговорѣ. Я попросилъ напиться, но дивчина не подала мнѣ „кухля“, а со словами — „отъ я заразъ“ кинулась въ сѣни, сейчасъ же выскочила оттуда, выплеснула изъ деревянного ведра воду и по тропинкѣ отъ хаты побѣжала по воду. Въ саду около ставка она запѣла не помню какую пѣсню, показавшуюся мнѣ очень мелодичною,

печальною, шевелящей душу. Очень скоро на фонѣ зеленої листви показалась ея стройная, граціозно изгибающаяся въ сторону несомаго бедра, фигура.

Что то неопределеннное, невыразимое шевельнулось у меня на душѣ при видѣ этой красивой дѣвушки; мнѣ такъ хорошо было здѣсь, такъ хотѣлось бы говорить съ нею, не удаляться отсюда.

Много лѣтъ послѣ у меня, много повидавшаго, много и испытавшаго, часто въ памяти возставалъ образъ этой дивчины, въ бѣлой сорочкѣ и черной запаскѣ, и не затмѣвали этого образа ни пышно убранныя красавицы, ни жизненные встрѣчи съ женщинами.

Когда дивчина съ обычнымъ поклономъ и съ пожеланіемъ „добре здоровья пывши“ подала мнѣ кухоль холодной чистой воды, то я, взволнованный и переконфуженный, не соблюль мало мнѣ знакомаго этикета и вмѣсто того, чтобы напившись поблагодарить, оторвалъ губы отъ кухля и сказалъ „спасыби вамъ“. Вышла неловкость, таѧть какъ я послѣ „спасыби“ продолжалъ пить воду, и напившись сказалъ опять „спасыби“. Мы обое переконфузились, и намъ было неловко, разговоръ не начинался; но эту неловкость прервалъ дѣдъ, очевидно окончившій съ Прокопомъ подмазку воза.

— Ну теперь спрявли усе! Колеса розмолоти, стари, ося передняя съ макогономъ. Такъ такы й уся справа не по товаряци! Ну та Богъ дастъ зчумакуете якъ небудъ... Онъ, очевидно, не доказалъ, что и чумаки то сами тоже „не по товаряци“.

— Ось я вамъ затешу килкивъ—и сейчасъ же принялся тесать колки (чеки) для колесъ.

За хатою послышался лай собакъ и явился Прокопъ съ предложеніемъ идти ловить слѣпого, чтобы напоить „худобу“ и запрягать „щобъ дёготь не стиковъ“.

Жизнь увлекла своимъ теченіемъ меня отъ этого милаго мѣста, отъ дивчины, равнодушно усѣвшейся на „присѣбѣ“, и привѣтливаго діда, тешущаго „килки“.

Скоро мы справились; волы были запряжены, слѣпой конь привязанъ, дідъ засунулъ въ возъ потесанныхъ штукъ шесть колковъ, а дивчина унала расходившихся собакъ.

Мы поблагодарили за хлѣбъ-соль, за опочивоекъ и тронулись, но я, увидавъ въ возу кавуны предложилъ два изъ нихъ диду—я хотѣлъ подать дивчинѣ, но не посмѣлъ.

— Та не треба, на вищо це! Вамъ самимъ пригодяться у дорози—отказывался дидъ, но я настояль и подаль ихъ, кому именно хотѣлъ—дивчинѣ.

— Ну спасыби вамъ—сказалъ дидъ, буде онукамъ гостынецъ, а то у насъ цей ривъ не вродылись.

Дидъ пошелъ выпроводить насть на „шляхъ“ а дивчина понесла въ хату нашъ подарокъ.

Когда выѣхали мы изъ лощины, я оглянулся—видны были вербы, верхняя часть хаты и вершины темной зелени вишненника, но того, на кого я оглянулся, не видно было, только слышна была звонкая пѣсня.

— Це въ мене сама старша онука—сказалъ дидъ, какъ бы понявъ мое оглядыванье.—Маты іи була мамкою у панивъ, такъ оце мене й пускають зъ пасикою на млынъ. Колись то бувъ добрый млынъ, та якъ вмеръ старый панъ, такъ усе й загуло. Два сыны десь тутъ недалеко у поселянщыни у москаляхъ служать, юнкари, скоро, кажуть, у охвыцеры выйдутъ.

— Ну, тутъ оце й выпростовуйтесь зъ Богомъ на шляхъ; дорога тутъ ривна ажъ до Вороного“, — напутствовалъ насть дѣдъ. Мы еще разъ сказали ему спасибо и распрошались.

Дидъ побрелъ къ хутору—млину, а мы скоро выбрались на шляхъ. Еще разъ оглянулся я назадъ: около хутора бѣлѣлъ дѣдъ, съ двумя провожавшими его собаками.

Солнце уже давно свернуло съ полудня, но все еще свѣтило и припекало. Я растянулся на возу, закрылъ глаза и сталъ передумывать, лучше сказать перечувствовать впечатлѣнія этой нашей стоянки. Чувства злобы, вызванного у меня пьянымъ чумакомъ въ корчмѣ, мимовольно въ тотъ моментъ волненія переносившагося на всѣхъ ему подобныхъ мужиковъ—гайдамаковъ, какъ не бывало, а напротивъ мною овладѣло теплое чувство расположения къ тѣмъ же мужикамъ, представители коихъ—дѣдъ и дивчина—такъ обворожили меня своею привѣтливостью, чинностью въ обращеніи. Чувство униженія, испытан-

ное въ корчмѣ, замѣнилось сознаніемъ своего не то паничовскаго, не то мужскаго достоинства. Я разумѣлъ, что умѣю держать себя, какъ слѣдуетъ, со степенными людьми и главное, что меня радовало, такъ это сознаніе какой-то общности, близости съ этими прежде совершенно чуждыми мнѣ мужиками. Мнѣ вспомнилось почему-то въ эту именно пору, что вся та прислуга, кучера, кухарки, чабаны, пастухи, рабочіе, что все это вѣдь также мужики, которые не только никогда не обижали меня, не выказывали мнѣ своей враждебности, а напротивъ, какъ это на самомъ дѣлѣ и было, любили меня и были любимы также мною, что они даже въ обыденной жизни и во всѣхъ ея отправленіяхъ гораздо ближе стоять ко мнѣ, чѣмъ всѣ тѣ гости, знакомые моего дяди, съ которыми у меня не было ровно ничего общаго.

Такой рой мыслей копошился въ моей головѣ и въ тактъ этимъ соображеніямъ нѣтъ нѣтъ да и обрисуется фигура дивчины во всей ея плѣнившей меня прелести, уютность садка, привѣтливость старика, пока наконецъ все это не преобразилось въ дивчину и дидовъ въ какомъ-то пріятномъ сновидѣніи.— Всѣ они эти диды и дивчины какъ будто толпились около меня, что-то хотѣли сказать, но вместо человѣческой рѣчи мычали и блеяли, какъ коровы и овцы. Все явственнѣе, отчетливѣе слышалось ихъ—му! му! бе! бе! мее! бее!—опять му!

Оказалось, что я заснулъ и, когда очнулся, то увидѣлъ себя на возу, окруженнymъ подгоняемою къ селу чередою. Изъ за облака пыли, поднятой стадомъ, виднѣлось спускающееся книзу къ огромному ставку село. По другой сторонѣ шляха скрипѣли возы, нагруженные снопами какого-то хлѣба, около которыхъ шли мужики въ соломенныхъ брыляхъ и женщины въ черныхъ запаскахъ.

Рано ли еще было гнать череду въ село, или её гнали въ другую какую нибудь улицу, но скоро она отошла отъ насъ въ сторону, за ней потянулось облако пыли и мы стали на виду у людей, сопровождавшихъ телѣги со снопами. Мужчины опять стали высказывать похвалы нашимъ воламъ, а двое даже подошли къ намъ и стали спрашивать насть, откуда мы.

Когда я отвѣтилъ, что изъ балтскаго уѣзда изъ подъ Саврани, то одинъ изъ подошедшихъ сказалъ, что онъ знаетъ тѣ мѣста, бывалъ тамъ, когда „мандревавъ за молодихъ лить у Бессарабію“, онъ даже называлъ нашихъ воловъ волошскими.

Такъ въ этой компании мы и вѣхали въ село Вороное, гдѣ возы со спонами своротили отъ насъ въ сторону, такъ что до корчмы мы доѣхали уже одни.

Было еще рано становиться на ночевку, и мы порѣшили перѣѣхать греблю, чтобы поспѣть къ ночи въ Охматовъ—(мнѣ эта дорога была хорошо известна).

На мосту, около большой водяной мельницы—„пытля“ (пытель—крупчатка)—намъ пришлось помучиться съ нашими волами, боявшимися шума колесъ, дощатой настилки моста, а, можетъ быть, и невидѣннаго ими дотолѣ такого большого пространства воды. Два совершенно бѣлые отъ муки человѣка по приказанію еврея, очевидно арендатора мельницы, пособили намъ перевести воловъ по мосту, причемъ они жались одинъ къ другому, поводили грозно глазами и успѣли таки сломать одинъ занозъ въ ярмѣ. Пока Прокопъ доставалъ изъ воза запасный занозъ, я долженъ былъ отвѣтить на распросы еврея, кто мы, откуда и куда ѿдемъ. Шомнится, что еврей почему-то называлъ меня не панычемъ, а по польски „вашецъ“. Это собственно непереводимое слово равносильно русскому „почтенный“ или охотноряденому полупоштенный. Онъ, вѣроятно, не могъ представить себѣ паныча въ такой обстановкѣ, а сказать мнѣ „хлопче“ не смѣлъ. Мнѣ помню понравилось это *вашецъ*, можетъ быть потому, что съ такимъ мѣстоимѣніемъ обращаются только ко взрослымъ. А мнѣ такъ хотѣлось перестать быть мальчикомъ и сдѣлаться мужчиной, взрослымъ.

По широкой и длинной—что-то больше версты плотинѣ, которую въ этомъ мѣстѣ запруженъ Тыкичъ, мы проѣхали благополучно. Влѣво отъ этой плотины широко разливалось большое плесо пруда, съ очеретомъ и кугою вдали; виднѣлись на немъ пѣлые табунки утокъ, взлетывали крячки, припахивало болотомъ. Солнце большимъ ослѣпительно яркимъ дискомъ заходило въ раззолоченные по краямъ облачка, по ту сторону

пруда надъ косогоромъ виднѣлись какія-то не то глинища, не то осовы, можно даже было подумать, что это ямы кирпичнаго завода!

Солнце зашло, когда мы уже стали подыматься на пологую гору, подъѣзжая къ Охматову.

По селу слышалось мычаніе и блеяніе разбираемаго стада, ощущался запахъ кизяка, кое гдѣ дымились трубы, на токахъ желтѣли стожки свезенаго хлѣба, шныряли по улицѣ двуцвѣтныя фигуры женщинъ—снизу черныя и сверху бѣлыя, потому что тогда на Украинѣ будничный костюмъ женщинъ состоялъ изъ холщевой сорочки и черной запаски.

Я, памятуя наставленія тетки, изъ ряда дворовъ сталъ выбирать для ночлега такой, какой мнѣ казался позажиточнѣе, для чего и велѣлъ Прокопу держаться по шляху поближе къ дворамъ. Но вышло вовсе не такъ, какъ предполагалось.

Мы нагнали человѣка, несущаго на плечѣ мѣшокъ муки, какъ послѣ оказалось съ мельницы. Я предложилъ ему положить мѣшокъ на возъ. Принявъ съ благодарностью это предложеніе, крестьянинъ пошелъ рядомъ съ возомъ и, разумѣется, разговорился съ нами, спросивъ, кто мы, откуда и куда держимъ путь, и предложилъ намъ ночевать у него во дворѣ. Не согласиться на это предложеніе не было основанія, такъ какъ въ силу нашего ему одолженія между нами, само собой, устанавливались отношенія взаимной любезности.

Проѣхавъ съ полверсты, мы, по указанію нашего спутника, заѣхали въ его дворъ черезъ имъ самимъ отворенные ворота. Насъ встрѣтила цѣлая орава дѣтей различного возраста, при нихъ была собака, попробовавшая было лаять, но при видѣ хозяина, снимавшаго съ воза мѣшокъ, ласково завилявшая хвостомъ. Дворъ былъ просторный, отдѣленный отъ садка, огорода и гумна большою хатою и еще кой-какими пристройками. Посреди двора брошенъ былъ очевидно только что распряженный плугъ со всею счастью. Нашъ возъ уставили поближе къ хатѣ, а воловъ и слѣпаго помѣстили подъ навѣсомъ около какой-то телѣги. Пока мы устанавливались, изъ трубы показался дымокъ, и маленькая дѣвочка оповѣстила всѣхъ, что „мамка и титка качаютъ тисто на галушки“.

Прокопъ устроился на возу и сталъ вечерять воржами и кавуномъ, а я присѣлъ на завалинкѣ рядомъ съ хозяиномъ, слушалъ его разсказъ о томъ, что ихъ два брата живутъ вмѣстѣ при старицѣ отцѣ, ни во что не мѣшающемся, а вѣдающемъ только вѣтрякъ; что братъ еще съ Петрова дня „у дорози чумакуе“, а дома у нихъ только одна пара воловъ, почему они и принуждены „спрягаться для оранки“, что, вернувшись съ поля, онъ отослалъ воловъ на пашу, а самъ сходилъ вотъ къ отцу на мельницу за мукой, которой они еле намололи „оцей клунокъ“, потому что вѣтру нѣтъ.

Въ продолженіи этого рассказа онъ раза три кресаль огонь и закуривалъ коротеньку трубочку, которая то и дѣло тухла.

Я старался держать себя какъ можно солиднѣе, какъ и подобаетъ взрослому мужчинѣ, и въ свою очередь рассказалъ о томъ, что вотъ по случаю рабочей поры дѣдушка не нашелъ возможности иначе отправить меня въ гимназію въ Бѣлую-Церковь, какъ препровождалъ вмѣстѣ со мною и купленныхъ для дяди воловъ; что дѣдушка мой поссесоръ, а дядя докторомъ при графахъ Браницкихъ, что я уже переведенъ въ 6-й классъ гимназіи и черезъ два года окончу гимназію и тогда буду тоже учиться „на доктора“ и т. п. въ заключеніе же объяснилъ, что я православный, „русской виры и говію до попа“. Послѣднее обстоятельство было объяснено мною ради того, чтобы этимъ уменьшить отчужденность между мною и хозяиномъ и было результатомъ какъ разговора на хуторѣ съ дивчиною, такъ, можетъ быть, и всого перебродившаго у меня въ головѣ во время пути отъ млина до Вороного.

Хозяинъ, какъ бы что-то сообразивъ, закуривая трубку, сказалъ:

—Та, бувае! Отъ тутъ якось проживавъ у нашего попа одынъ—ляхъ, и у церкви по нашему молывся, та щей зъ дякомъ, було, спивае!...

Много времени спустя я уразумѣлъ, что въ міровоззрѣнніи украинца панъ, какой бы онъ вѣры ни былъ,—тождество съ ляхомъ. Ces sont des synonymes.

Кто былъ этотъ ляхъ, распѣвавшій вмѣстѣ съ дьякомъ въ церкви, хозяинъ не объяснилъ мнѣ, можетъ быть, потому, что вышедшая къ намъ молодыця обратилась къ нему съ вопросомъ, собирать ли вечерять.

Мой собесѣдникъ затушилъ пальцемъ трубку, спряталъ её въ карманъ своихъ широкихъ холщевыхъ штановъ и пошелъ въ сѣни, гдѣ о чёмъ то пошептался съ молодицей, и тогда уже, вышедшіи ко мнѣ, пригласилъ и меня, и Прокопа „вечерять“.

Мы перешли черезъ обширныя сѣни, гдѣ уже было почти темно, и вышли черезъ другія двери на ту сторону хаты. Тамъ сейчасъ же около дверей, какая то взрослая дивчина промела мѣсто, на которомъ поставила низенький столикъ, просто стольницу, снятую со стола, и, заславъ настольникомъ, вынесла нѣсколько ложекъ. Всльдѣ затѣмъ была внесена и поставлена другою женщиной постарше, а не той, которая выходила къ намъ, большая миска „стравы“. Крестились и усаживались прямо на землѣ, но мнѣ, по приказанію хозяина, принесли какую-то свитку и, скомкавъ ее, предложили на ней усѣсться. Вечеряли—насъ двое, хозяинъ, взрослая дивчина, младшая женщина и еще маленький мальчикъ. Изъ разговора я понялъ, что старшая женщина вечеряетъ съ дѣтьми въ избѣ.

„Страва“ были пшеничные, крошеные галушки и кусочки картофеля въ юшкѣ, но безъ всякихъ жиру. Хозяинъ объяснилъ, что хотя „Богъ и вродывъ“ немного рижію, но еще не успѣли выдавать „олію“. Но тѣмъ не менѣе кушанье оказалось очень вкуснымъ, и я ъѣлъ съ аппетитомъ, хотя, соблюдая подмѣченный мною еще раньше этикетъ, клалъ отъ времени до времени ложку на столъ. Неловко ли я дѣлалъ или ужъ такъ гостеприменъ былъ хозяинъ, но только всякий разъ, когда я клалъ ложку, хозяинъ упрашивалъ меня ъѣсть.

— Годуйтесь, кормиться, будте ласкови! приговаривалъ онъ радушно.

Кромѣ этихъ приглашеній, иныхъ разговоровъ не было, трапезовали мотча, только молодыця что-то пошептала замурзанному хлопчику, да хозяинъ спросилъ дѣвушку, записалась ли она у писара.

Въ поясненіе сего обстоятельства онъ сказалъ, обратившись ко мнѣ:

— Вона одбувае панщыну на машины, де хлібъ молотять; такъ оце якъ не допыльнаватъ, юбъ записалы, такъ и личуть залегли дни.

Послѣ галушекъ молодыця вынесла штуки три маленькихъ кавуновъ и хозяинъ стало было ихъ рѣзать, но я остановилъ его и сказалъ Прокопу, чтобы онъ принесъ съ воза нашихъ.

Сопротивленіе хозяина было устраниено мою просьбою, и, когда Прокопъ принесъ три большихъ кавуна, то я предложилъ дивчинѣ отнести одинъ „въ хату“ дѣтямъ.

Кавунами мы и закончили вечерю.

Луна еще не заходила, было прохладно и тихо. Я чувствовалъ себя особенно хорошо и уютно.

Хозяинъ съ Прокопомъ повели воловъ и слѣпого поить, а одна изъ молодыць, несмотря на мои протесты подъ „притилкомъ“ хаты на широкой завалинкѣ послала постель, состоявшую изъ куля соломы, рядна и сложенного кожуха вмѣсто подушки. Вся же семья расположилась съ дѣтьми частью въ томъ мѣстѣ, где мы вечеряли, а частью въ какой то, отдельно на дворѣ стоявшей коморѣ. Изъ разговоровъ, доносившихся изъ хаты, я узналъ, что дивчина собирается мыть голову, такъ какъ завтра „недиля“ и она пойдетъ въ церковь. Изъ тѣхъ же разговоровъ я узналъ, что „батькови“—(я понялъ диду, который вѣдаѣтъ витрякъ)—Йосыпъ отнесъ чистое бѣлье, когда ходилъ за мукоj, а Петрови откладывалось бѣльё, когда онъ „приженетъца зъ волами“. Я, такъ сказать, былъ au courant всего домашняго обихода семьи; сидѣлъ на присѣбѣ, любовался тишиною вечера и испытывалъ какой-то особый покой въ душѣ, былъ всею душою, всѣми моими помыслами настолько какъ бы внѣдреннымъ въ эту сельскую мужицкую жизнь, что, когда неугомонная мысль унесла меня въ Бѣлую Церковь, въ гимназію, — когда мнѣ припомнилась латинская грамматика Щумпта и алгебраическія уравненія 3-й степени, то я чуть не плонулъ и вспомнилъ народное заклинаніе — „пуръ тоби, пекъ-тоби!“

Мои размышления были прерваны приходомъ хозяина, усѣвшагося около меня на присѣбѣ и сейчасъ же добывшаго изъ кармана трубку и кисетъ. Онъ помялъ въ ладони листокъ махорки, набилъ трубку и, выкresавъ огня, сталъ курить, какъ то особенно сквозь зубы сплевывая.

— А не знаете сколько заплаты за волы?

Спросилъ онъ, очевидно, думая о ихъ достоинствѣ.

— Не знаю! Здѣсь, что девяносто карбованцівъ.

— И цина добра, тай худоба не погана! молоди ще...

— Що! воливъ облюбовуешъ? — отозвался въ сторонѣ отъ насъ чей то мужской голосъ, и изъ за недалекаго плетня показалась фигура человѣка въ бѣлой рубахѣ.

— Лизь сюды до насъ посидиты — отвѣчалъ мой хозяинъ.

Затрещалъ немногого плетень, и сосѣдъ, человѣкъ въ бѣлой сорочкѣ и штанахъ, но босой, подошелъ къ намъ.

— Але! Уесь тынъ поломавъ! — подшутилъ хозяинъ, но сосѣдъ, ничего не отвѣтивъ, снялъ брыль и поздоровался обычнымъ... „Добри-вечиръ!“

— Будьте здорови, отвѣтилъ хозяинъ — сидай!

Я тоже приподнялъ за козырекъ фуражку и тоже отвѣтилъ: „будьте здорови!“

Присѣвшіи, сосѣдъ сейчасъ же спросилъ хозяина, кто это у него ночуетъ и куда держимъ мы путь.

Тотъ объяснилъ ему обстоятельно, на что вопрошающій послѣ каждого слова говорилъ: „гмъ! гмъ!“ Онъ также досталъ изъ кармана трубку и закурилъ, зажегши кусочекъ трута у хозяина.

Они начали говорить между собою о хозяйствѣ. Изъ этихъ разговоровъ я узналъ, что они спрягаются вмѣстѣ, и что „пидъ дубравою“ осталось допахать не больше, какъ на одинъ „упругъ“, что экономъ говорилъ сегодня, что „череду“ будутъ гонять „на глыныще“, пока не свезутъ проса, что, хотя на глыныще и корму мало, за то недалеко гонять „на стійло“ и къ водѣ, такъ какъ ставъ тутъ-же.

Я вмѣшался въ разговоръ и спросилъ, не тѣ ли глинища они поминаютъ, которыхъ я видѣлъ, проѣзжая съ гребли по

надъ ставомъ. Оказалось, что рѣчъ шла именно про эти глинища, что теперь эти глинища выровнялись, а прежде тамъ были глубокія ямы, образовавшіяся отъ выборки кирпича, который добывали мѣстные жители, такъ какъ тамъ когда то былъ большой городъ, „церкви булы“, что „батько ще было знаютъ“, какъ въ землѣ отрывали цѣллы стѣны (муры) и много желѣза, что въ городѣ этомъ „седивъ“ какой-то князь,—что городъ былъ „звоеванный“ какимъ-то „лыцаремъ“,—рассказчикъ даже зналъ, какъ его звать не то Палій, не то Богунъ, или кажется Швачка что послѣ, когда этотъ „лыцарь“ остался въ городѣ, такъ къ нему, „пидступыла орда“, но города не могла взять, потому что онъ, этотъ лыцарь, зналъ такое слово, благодаря которому „якъ оце который стрѣльку (sic) пустыть, то вона повернеться, тай його жъ и вбѣ, такъ и застромыться у груды“; что „стрѣльки“ эти находили въ глинищахъ и что кто-то продалъ разъ тому „ляху“, который проживалъ у попа, этакихъ стрѣлѣкъ цѣлую жменю за золотого.

Я, желая показать себя, рассказалъ собесѣдникамъ про случай у насъ въ пасѣкѣ, когда мы искали „шкарбу“. Съ этого рѣчъ перешла на „шкарбу“ и пошли разсказы, какихъ я и послѣ много слыхалъ на Украинѣ и которые такъ похожи одинъ на другой, что я не нахожу ихъ настолько типичными, чтобы съ увѣренностью сказать, слыхалъ ли я ихъ всѣ въ этотъ ночлегъ въ Охматовѣ или въ другихъ мѣстахъ.

Было уже поздно, неполный мѣсяцъ, откидывая все большія и большія тѣни отъ построекъ, наконецъ совсѣмъ скрылся, гдѣ то на селѣ лаяла собака, сопѣли наши волы.

Сосѣдъ, какъ равно и хозяинъ, притушивъ чутъ не десятый разъ закуренные трубки и пожелавъ спокойной ночи, разошлись, а я еще долго лежалъ, смотрѣлъ на небо, усыпанное звѣздами, пока, наконецъ, не заснулъ, прикрывшись своею шинелькою, такъ какъ стало свѣжѣть.

Б. Познанскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Путешествие импер. Екатерины II в южную Россию в 1787 году.¹⁾

Х.

1787 г. Послѣ Полтавы.

9-го іюня, во 2-мъ часу дня Императрица выѣхала изъ Полтавы²⁾ и прибыла въ Карловку, имѣніе фельдмаршала графа Разумовскаго. На подъѣздѣ дома Ее встрѣтили прислакавшіе впередъ гофмаршалъ кн. Барятинскій и правитель губерніи Синельниковъ. Въ Карловкѣ назначенъ былъ обѣдъ, послѣ котораго, въ 3 часу, выѣхали черезъ станцію Кузминку въ Константиноградъ; при вѣзда Императрицы въ городъ произоходила съ землянаго вала пушечная пальба, въ церквяхъ колокольный звонъ;—у триумфальныхъ воротъ встрѣчали: град-

¹⁾ См. „Киевская Старина“ 1892 г., № 2.

²⁾ Наканунѣ, (8 іюня) она сдѣлала подарокъ Потемкину: „Князь Григорій Александровичъ! Пріемля съ особеннымъ удовольствіемъ труды и старанія ваши въ доставленіи продовольствія войскамъ Нашимъ, начальству вашему вѣроятнѣмъ, съ выгодою и сбереженіемъ казны, Всемилостивѣйше жалуютъ вамъ сто тысяч рублей, кои вы можете взять изъ суммы, въ распоряженіе ваше назначенныхъ, на счетъ возвращенія ихъ въ будущемъ году изъ кабинета. Пребываемъ всегда вамъ благосклонны. Екатерина“. (Изъ дѣлъ Государственного архива. V. 85).

Подчиненнымъ Потемкина и мѣстному дворянству Императрица на тотъ же день, въ Полтавѣ, выразила черезъ Потемкина также особую благодарность:

„Князь Григорій Александровичъ! Во время путешествія моего черезъ губернію екатеринославскую и область таврическую, видѣвъ надлежащее устройство, ревностное и радѣтельное прохожденіе должностей вашими подчиненными, усердіе и добрую волю дворянства и прочихъ обществъ, поручаю вамъ всѣмъ имъ объявить отличное мое удовольствіе и благоволеніе“. (Изъ дѣлъ Государственного архива. V. 85).

ское общество, тамошние купцы и мѣщане съ хлѣбомъ и солью. Вечеромъ весь городъ былъ иллюминованъ¹⁾.

Изъ Константинограда Императрица написала гр. Брюсу: „Графъ Яковъ Александровичъ. Письмо ваше отъ 30-го мая я получила въ Полтавѣ, откуда я выѣхала сего утра, и сюда прїѣхала здорова. Завтра буду ночевать въ Харьковѣ. Прощайте, Богъ съ вами. Недосугъ писать“²⁾.

На слѣдующій день, 10-го іюня, Императрица передъ отѣзdomъ, по утру, жаловала къ рукѣ мѣстное дворянство и разныхъ должностныхъ лицъ; на подѣздѣ, когда Императрица садилась въ карету, константиноградскіе купцы и мѣщане поднесли хлѣбъ и соль „съ серебряною продолговатою рѣзною солонкою со вкладною синяго стекла“ (Камер.-Фурьер. журналъ). Императрица поблагодарила ихъ. Загремѣла снова пушечная стрѣльба, раздался колокольный звонъ и поѣздъ двинулся. Въ шестимѣстную карету приглашены были гр. Е. В. Скавронская, А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ, И. И. Шуваловъ, принцъ де-Линь и графъ Кобенцель. Къ обѣду прибыли въ деревню Водолазы, где Императрица осматривала вновь заведенные шелковые фабрики.

На границѣ екатеринославской и харьковской губерній выстроены были отъ дворянства тріумфальные ворота. Здѣсь, по учрежденномупорядку, была торжественная встреча: генералъ-губернаторъ воронежскій и харьковскій генералъ-поручикъ Василій Алексѣевичъ Чертковъ, правитель харьковскій генералъ-поручикъ Норовъ, губернскій предводитель дворянства Шидловскій и предводители уѣздные съ дворянами—всѣ провожали верхами карету Императрицы до самого города.—При приближеніи къ городу были пушечная пальба и колокольный звонъ.

У первыхъ тріумфальныхъ воротъ въ городскомъ предмѣстьѣ встрѣтили присутствующіе въ губернскомъ магистратѣ, въ верхней расправѣ и въ нижнихъ судахъ, также градской

¹⁾ К. Ф. журналъ 1787 года.

²⁾ Приложеніе къ К.-Ф. ж. 1787 г. Письмо къ Брюсу.

голова съ купечествомъ и мѣщанствомъ; тутъ же по обѣ стороны улицы стояли ремесленники со своими значками; внутри города, у тріумфальныхъ воротъ Императрицу встрѣтили вице-губернаторъ Пашковъ, чиновники губернского правленія, палатъ, верхняго и земскаго суда, также генералитетъ, а харьковскій комендантъ поднесъ ключи отъ городской крѣпости. Въ городѣ у церкви св. Димитрія Солунскаго встрѣтиль съ крестомъ преосвященный Феоктистъ, епископъ бѣлогородскій и курскій съ знатнымъ духовенствомъ. Императрица приложилась ко кресту, поднесенному къ каретѣ преосвященнымъ.

Переѣздъ по городу отъ первыхъ тріумфальныхъ воротъ, замедленный встрѣчами, длился довольно долго и только въ 8-мъ часу вечера *путевая* шестимѣстная карета съ знаменитыми путешественниками подѣхала къ крыльцу дворца, гдѣ встрѣтиль еще новый прїѣзжій—воронежскій губернаторъ Потаповъ, съ дворянствомъ и именитымъ купечествомъ съ хлѣбомъ и солью. На верхней площадкѣ парадной лѣстницы, во время входа по ней Императрицы, пѣвчие пѣли кантату, сочиненную на случай прїѣзда Императрицы въ Харьковъ.— Капельмейстеръ Сарти получилъ за это перстень въ 1000 руб. (Кн. расходная каб. Е. В.).

На слѣдующій день, въ пятницу, 11-го іюня, во дворцѣ собрались, въ ожиданіи выхода Императрицы, преосвященный Феоктистъ, епископъ бѣлогородскій и курскій, Харьковскаго училищнаго монастыря настоятель и ректоръ Василій съ прочимъ духовенствомъ, воронежскій и харьковскій генераль-губернаторъ Чертковъ, правитель губерніи Норовъ, вице-губернаторъ Пашковъ, губернскій предводитель дворянства Шидловскій съ уѣздными предводителями и дворянствомъ, городовой магистратъ съ знатнымъ купечествомъ и чиновники разныхъ мѣстныхъ правительственныхъ учрежденій.

Незадолго до выхода пришли въ залу всѣ придворные, свита Императрицы и иностранные министры.

Въ 12-мъ часу Императрица вышла въ залу собранія и первымъ представился Ей преосвященный епископъ Феоктистъ. Онъ сказалъ Ей привѣтственную рѣчь и поднесъ икону Благо-

въщенія Пресвятой Богородицы и хлѣбъ съ солью „на серебряномъ съ ножками продолговатомъ подносѣ, съ круглою на ножкахъ же серебряною солонкою“ (Кам.-Фур. жур.). Потомъ подходили и жалованы къ рукѣ всѣ прибывшіе, а губернскій предводитель сказалъ слѣдующее привѣтствіе:

„Всевождѣльнное пришествіе Вашего Императорскаго Величества мы чтимъ за верхъ матернихъ щедротъ Твоихъ; содѣлавъ блаженство наше, Ты пріемлешь подвигъ зреТЬ оное, освятить Своимъ присутствіемъ и въ исполненныхъ неизрѣченною благодарностію и восхищеніемъ сердцахъ своихъ вѣрноподданныхъ начертать на вѣки образъ премудрой ихъ Самодержицы, которой благословляютъ они имя.

„Мы перестанемъ отнынѣ завидовать отцамъ нашимъ, удостоившимся видѣть въ странѣ своей великаго основателя Россіи, повергаясь къ освященнѣйшимъ стопамъ Августейшія Совершительницы ея благоденствія, величества и славы“.

„Среди восторговъ и восклицанія всего нашего края да явятся предъ Тобою плоды трудовъ Твоихъ достойными; да насладится великая душа Твоя чистою радостію отъ Своихъ благотвореній пріятнѣйшимъ утѣшеніемъ душъ великихъ“. (Изъ особенной рукописи, хранящейся въ Придѣ. архивѣ).

Обѣдъ состоялся на 56 персонъ въ нарочито пристроеній къ дому залѣ. Столъ сервированъ былъ намѣстническимъ серебромъ, и во время стола играла музыка съ хоромъ пѣвчихъ, составленнымъ изъ харьковскихъ воспитанниковъ. (К.-Ф. журналъ).

Вечеромъ съ 7 до 9 часовъ былъ при дворѣ балъ по повѣсткамъ. Императрица во время бала играла въ карты—съ Дмитріевымъ-Мамоновымъ Кобенцелемъ и Сегюромъ.

Въ 10 часовъ вечера передъ дворцомъ зажженъ былъ фейерверкъ. (К.-Ф. журналъ).

Свита и некоторые приглашенные, посмотрѣвъ фейерверкъ, отправились ужинать, а Императрица, удалившись въ внутреннія комнаты, окончила по обыкновенію вечеръ за писаньемъ писемъ.

„Я здорова, продолжу путь мой и теперь нахожуся только въ 1400 отъ васъ, завтра пойду ночевать въ Бѣл-

городъ“, писала она 11-го іюня гр. Брюсу въ Петербургъ. (Прилож. къ К.-Ф. ж.).

Письмо къ Брюсу было довольно кратко—Н. И. Салтыкову она поѣзду свою описала подробнѣе:

„Николай Иванович! Вчераший день, не доѣжая Харькова за нѣсколько верстъ, я встрѣтила графа Толстаго и отъ него приняла ваши письма и весьма обрадована была благополучнымъ прїѣздомъ Великихъ Князей въ село Коломенское: графъ Толстой вамъ скажетъ, что у меня и на моемъ пути значутъ дни отдохновенія, онъ былъ свидѣтелемъ харьковскаго роздыха. Боюсь теперь, чтобъ внуки мои не скучали жить до моего прїѣзда въ пустомъ мѣстѣ и для того не связываю вамъ руки показать имъ въ самой Москвѣ все то, что примѣчанія достойно, безо всякой церемоніи, дабы они отъ духоты не имѣли излишнее беспокойство; я никакъ не могуѣхать скорѣй, какъ распоряжено, ибо нужно, чтобъ всѣ были сыты и имѣли покой, а съ такой свитою, какъ я єду, когда въ день болѣе четырехъ станцій сдѣляемъ, то всегда отстаемъ, а у насъ въ томъ теперь щегольство, что все здорово и въ цѣлости, несмотря на дальность пути и людское вранье, которое обратилось въ племени. Разумно вы сдѣлали, что отъ прїѣзовъ освободились; чаю, что, и условясь съ Петромъ Дмитріевичемъ¹⁾, можете избавиться и отъ духоты и отъ церемоніи, кудаѣхать захочете. Графъ Толстой вамъ скажетъ, что мы всѣ здоровы, но многіе весьма загорѣли отъ солнца, хотя я отъ васъ еще въ 400 верстахъ, но понеже получаю отъ васъ уже письмы въ третій день, то мнѣ уже кажется весьма близко.

Прощайте, Богъ съ вами. Пребываю, какъ всегда, къ вамъ доброжелательна. Екатерина. Харьковъ, іюня 11 ч. 1787. (Рус. Архивъ 1864. Стр. 973).

На слѣдующей день, 12 іюня, народъ стоялъ толпами по улицамъ, въ ожиданіи видѣть царицу. Отъ дворца по площади къ Успенскому собору постлано было алое сукно, по которому Императрица шла пѣшкомъ въ соборъ къ молебну „передъ отѣз-

¹⁾ Ерошкины.

домъ". Въ этомъ шествіи, (пишеть очевидецъ) я имѣлъ счастіе видѣть Императрицу; опираясь на трость, безъ зонтика, въ полуденный зной, она шла очень тихо, съ лицомъ довольнымъ, исполненнымъ благоволенія, величественно и милостиво кланяясь на обѣ стороны. (Изъ Записокъ Ф. П. Лубяновскаго. Р. Архивъ 1872 г. 101, 102). Помолившись въ соборѣ, при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ Императрица выѣхала изъ Харькова.

При отѣздѣ назначены были пожалованія: епископу 2000 р., на соборъ 500 р., тремъ архимандритамъ 900 р.; на семинарію 1000 р., въ монастырь 300 р., на училище свѣтское съ пѣвчими 1000 р. (Изъ дѣлъ Арх. Каб. Е.-В. ¹⁾).

Обѣдъ 12 іюня былъ на станціи въ слободѣ Черемошной.

До самой станціи провожали Императрицу верхами возлѣ кареты генералъ-губернаторъ Чертковъ, губернаторъ Норовъ, губернскій и уѣздные предводители съ дворянами.

Послѣ обѣда Императрица простилась съ Потемкинымъ, которому разрѣшила возвратиться въ Полтаву.

По дорогѣ въ Бѣлгородъ, на границѣ харьковской губерніи съ курскою встрѣтили курскій губернаторъ д. с. с. Аѳанасій Николаевичъ Зубовъ и губернскій предводитель дворянства премьеръ-маіоръ Похвисневъ. При проѣздѣ городомъ, у церкви

¹⁾ Мы считаемъ довольно любопытнымъ сохранившееся въ дѣлахъ архива описание состава поѣзда Императрицы въ харьковскомъ намѣстничествѣ: Впередиѣхала карета шталмейстерская въ 6 лошадей, потомъ шестимѣстная карета Императрицы въ 10 лошадей, возлѣ скакаль унтеръ-шталмейстеръ, рейтъ-пажъ и два кочуха. Потомъ слѣдовали: запасные для Императрицы карета и фазтонъ; карета почивальная; кровать везли со всѣми принадлежностями въ особой коляскѣ, а гардеробъ въ четырехъ коляскахъ. За ними кареты, запряженныя въ восемь лошадей каждая: оберъ-шталмейстера, генералъ-адъютанта, гофмаршала, камерь-юнферы и камерь-меджень, камердинеровъ, кофишенской, мундштейнской. Затѣмъ коляски для вещей въ слѣдующемъ порядке: гр. Славронской, камерь-фрейлины, оберъ-шталмейстера, графа Ангальта, оберъ-камергера, посланаика французскаго, посланаика англійскаго, гр. Шувалова, гофмаршала, шталмейстера, Дмитриева-Мамонова, д. с. с. Храповицкаго, Черткова, принца де-Ливя, придворной прислуги, аптекари, лейбъ-медика; затѣмъ для утренней кухни 8 колясокъ, для вечерней кухни 8 коляс., для кондитера 3 коляски; всего было 14 каретъ и 97 колясокъ—лошадей въ нихъ 550.

св. пророка Илії встрѣтили съ крестомъ преосвященный Феоктистъ, епископъ бѣлогородскій и курскій съ духовенствомъ. Для пребыванія Императрицы въ Бѣлгородѣ былъ приготовленъ домъ бригадира Хорвата, который и встрѣтилъ Ее у крыльца; тутъ же мѣстное дворянство и купечество поднесли хлѣбъ—соль и апельсины.

Вечеръ Императрица кончила, играя въ карты съ графомъ Кобенцелемъ, оберъ-камергеромъ Шуваловымъ и съ графомъ Шуваловымъ. (К.-Ф. ж. 1787).

Въ воскресенье, 13 іюня, утромъ въ 12-мъ часу, въ императорской двумѣстной каретѣ, предъ которою ѿхали впереди верхами дворяне и городничій съ своею командою, Императрица выѣхала къ літургіи въ Троицкій соборъ. У входа въ церковь Она была встрѣчена преосвященнымъ Феоктистомъ, который сказалъ Ей прочувствованное привѣтственное слово. Въ соборѣ было устроено для Нея особое царское мѣсто, освѣнное великолѣпнымъ балдахиномъ. Здѣсь Екатерина прослушала обѣдню и молебенъ, въ ознаменованіе чего бѣлгородцы повѣсили въ своемъ соборномъ храмѣ портретъ Государыни, который просуществовалъ, какъ говорять, до 1832 года и затѣмъ былъ снятъ по приказанію начальства. (Исторический Вѣстникъ. 1886 г. Мартъ). Послѣ літургіи, статсь-дама графиня Скавронская представляла Императрицѣ мѣстныхъ „знатныхъ дамъ“. Потомъ, посѣтивъ епископа Феоктиста въ его келіи, Императрица возвратилась въ домъ Хорвата и здѣсь, у крыльца, бѣлгородские купцы опять поднесли Ей хлѣбъ—соль.

Въ подгородной слободѣ Ямской, въ Бѣлгородѣ, сохранилось слѣдующее преданіе о проѣздѣ Императрицы: „Проѣзжала здѣсь матушка царица Екатерина. Старики наши тогда казенную ямщину держали. И отъ губернатора имъ вышелъ такой приказъ: „доставить для царицы что ни на есть лучшихъ лошадей“. А лошади въ то время были кормными, хорошия, потому сѣна было вволю, нужды въ этомъ не знали. Представили подъ царицу такихъ лошадей, что угоришь. И ямщики что ни на есть лучшіе сѣли на козлы.—„Ну, говорять, матушка, держись только, не вылети, не ушибись, родная!“ Да какъ припу-

стать своихъ лошадей—свѣту вольного не стало видно. Живой рукой долетѣли до первой станціи. А тутъ и спрашиваютъ царицу: „Что, матушка—царица, хочешь новыхъ лошадей перемѣнить, или на нашихъ пойдешь дальше-то?“ „Да вѣдь ваши, говорить, не довезутъ?“

„Довезутъ, Ваше Царское Величество. Мы тако слово знаемъ, что довезутъ“.

„Ну, а коли, говорить, вы такое слово знаете, такъ вѣзите. Я васъ, говорить, награжу за это“.—Сѣли наши ребята опять на козлы, присвистнули, пригаркнули и опять скорехонько доскакали до станціи. Тутъ царица имъ по чаркѣ водки велѣла дать, да по 10 рублей деньгами.

„А на деревню, говорить, на вашу жалую лѣсу 800 десятинъ за то, что вы ямщики ужъ очень хорошие...“ (См. Историч. Вѣстн., 1886 г. Мартъ).

Послѣ обѣда, въ 3-мъ часу, Императрица выѣхала на ночлегъ близъ хутора Покровскаго, а на другой день, 14 іюня, черезъ городъ Обоянь, слободу Медянку и хуторъ Селеховъ, прибыла въ Курскъ.

По приближеніи къ городу начались пушечная пальба и колокольный звонъ; близъ городского предмѣстья, на горѣ, Ее встрѣтилъ генераль-аншефъ М. Ф. Каменскій съ пѣхотными полками, поставленными въ строй: тульскимъ, ростовскимъ и апшеронскимъ, которые чествовали вѣзѣдъ Императрицы троекратнымъ изъ ружей бѣглымъ огнемъ. (К.-Ф. ж.).

При вѣзѣдѣ въ городъ, у триумфальныхъ воротъ встрѣтили магистратъ, купечество и цеховые съ ихъ значками.

По распоряженію властей, отъ самой городской заставы до Херсонскихъ воротъ, по обѣ стороны дороги разставлены были крестьянскія дѣвушки въ мѣстныхъ, разноцвѣтныхъ и довольно красивыхъ уборахъ; отъ Херсонскихъ же воротъ до Георгіевской площади стояли дѣвушки—городянки, купеческія и мѣщанскія дочки, разодѣтыя въ лучшія свои платья. Въ рукахъ дѣвушекъ были букеты цветовъ, которые они бросали на дорогу, подъ царскій поѣздъ. (См. Историч. Вѣстн. 1886 г. Мартъ). У Знаменскаго монастыря Императрица выходила изъ

кареты приложиться ко кресту, съ которымъ встрѣтилъ Ее тутъ архимандритъ того монастыря Амвросій, и затѣмъ проѣхала на Красную площадь и остановилась здѣсь во „дворцѣ“. Дворецъ этотъ былъ выстроенъ въ 1765 году, когда учреждена была курская губернія, и предназначался для жительства намѣстника и для приема высокихъ гостей. Въ немъ, между прочимъ, былъ большой залъ, въ которомъ стоялъ богато убранный Императорскій тронъ; здѣсь по торжественнымъ табельнымъ днямъ намѣстникъ принималъ дворянъ и почетныхъ лицъ города. Здѣсь же, сидя на тронѣ, Екатерина принимала на другой день по прїездѣ знатныхъ дворянъ и военныхъ и „нѣкоторыхъ изъ нихъ удостоила милостиваго разговора“.

Губернскій предводитель дворянства, во время представления, сказалъ Императрицѣ рѣчъ:

— Никогда не престанетъ вселенная удивляться славнымъ дѣяніямъ Твоимъ и потомство наше завидовать щастію, какимъ мы подъ державою Твою наслаждаемся, видѣвшіи въ вождѣленномъ здравіи премудрую Законодательницу, великую Императрицу, Всемилостивѣшую матерь нашу; да будетъ вѣкъ Твой долголѣтіе на свершеніе воли Твоей надъ нами, ибо мы не только видимъ, но и ощущаемъ опытами колико жизнь Твоя намъ драгоцѣнна; за всѣ же изліянныя Твои на насъ щедроты приносимъ Тебѣ въ жертву сердца наши, вѣрностію и усердіемъ горящія, яко залогъ вѣчной благодарности". (Изъ рукописи—Путешествие Екатерины 1787 г.).

Въ Курскѣ Императрица производила смотръ войскамъ, квартировавшимъ въ то время въ городѣ, обозрѣвала окрестности, причемъ нѣкоторыя мѣста ей такъ понравились, что она подолгу любовалась ими, а слободу Стрѣлецкую, лежащую подъ горою и искрещенную заводнями пр. Сейма и Тускари, она назвала даже Венеціей. Между прочимъ, она посѣтила также курскій монастырь мужской, гдѣ сдѣлала значительныя пожертвованія.

Екатеринѣ очень понравился курскій женскій костюмъ, состоящій изъ особаго рода кокошника, сплошь расшитаго по зументомъ, сарафана и рубахи, вышитыхъ шелками, и она

выразила городскому голову свое желаніе имѣть такой уборъ. Желаніе это было исполнено, и купчиха Сушкина доставила полный уборъ курской красавицы. Императрица пожаловала ей золотыя серьги, которыя, какъ говорять, до сихъ поръ сохраняются въ семействѣ Сушкиныхъ.

Преданія разсказываютъ, что одинъ изъ крестьянъ подгородной слободы Казацкой поднесъ Екатеринѣ нѣсколько яблокъ изъ своего сада, прекрасно сохранившихся въ теченіи зимы. Милостивая гостья пожаловала ему за это сто рублей и въ разговорѣ, между прочимъ, назвала его добрымъ крестьяниномъ. Съ тѣхъ поръ, говорятъ, и начали называть этотъ сортъ яблоковъ „добрымъ крестьяниномъ“ (одна изъ разновидностей извѣстной „антоновки“).

Бывшіе въ свитѣ Императрицы сенаторы гр. Шуваловъ и т. с. Стрекаловъ, по приказанію Екатерины, произвели въ Курскѣ ревизію намѣстническаго управлѣнія и нашли все въ замѣчательномъ порядке. Императрица пожаловала награды всѣмъ служащимъ чиновникамъ.

Награждая духовенство и чиновниковъ¹⁾, Екатерина не забыла также горожанъ. Городу она пожаловала каменную мельницу на р. Тускори, а также и всѣ доходы, какіе получались казною отъ Коренной ярмарки. Это послѣднее пожалованіе оказалось особенно цѣннымъ для города, такъ какъ въ то время Коренная ярмарка была въ цвѣтущемъ состояніи и приносila громаднѣйшиe доходы.

Екатерина недолго пробыла въ Курскѣ и выѣхала 15 іюня послѣ обѣда, въ 3 часа, по орловскому тракту. У московской заставы для Ея выѣзда были заранѣе устроены тріумфальныя ворота, на личные средства городскаго головы²⁾ и курскаго

¹⁾ Въ Курскѣ пожаловано: на главное народное училище 1000 р.; на малыи шесть училищъ по 200 р.—всего 1200 р.; на богадѣльню 30 р.; архимандриту курскаго Знаменского монастыря Амвросію 500 р.; на братію 500 р.; игуменьямъ двухъ дѣвичицкихъ монастырей 200 р.; монахинямъ 400 р.; на курское духовное училище 200 р.; на бѣлогорскую семинарію 800 р.; воинскимъ командамъ, находившимся въ гарнизонѣ близъ г. Курска 3835 р.

²⁾ Городскими головами были въ то время Иванъ Ларіоновичъ Голиковъ, который извѣстенъ тѣмъ, что вмѣстѣ съ рыльскимъ купцомъ Шедиховымъ устроилъ Россійско-Американскую компанію.

купечества. До самой границы губернії Імператрицу сопровождалъ кортежъ изъ 120 дворянъ верхами.

На ночлегъ прибыли въ село Ольховатое. Отсюда утромъ 16 іюня Імператрица писала къ гр. Брюсу въ Петербургъ.

„Я здорова, сего вечера надѣюсь пріѣхать въ Орелъ, дороги хороши и погода холодная и съ дождемъ весьма способствуетъ намъ, избавляя отъ духоты и пыли...“

Возвращаясь въ Петербургъ, Імператрица вспомнила и объ Эрмитажъ и въ этомъ письмѣ къ Брюсу прибавила:

„Птичекъ заморскихъ, наипаче inseparable пара въ клѣтеѣ и колибри и иныхъ всякаго сорта по нѣсколько паръ прикажите купить и пустить въ Эрмитажъ, а inseparable беречь для Алекс. Матв. Мамонова, которому еще зимою я обѣщала“. (Изъ прилож. къ К. Ф. ж. 1787).

16-го іюня къ вечеру Імператрица прибыла въ Орелъ.

Въездъ въ городъ былъ съ соблюдениемъ слѣдующаго церемоніального порядка, описанного въ Камеръ-Фурьерскомъ журналѣ:

1) Приближаясь къ городу, началась въ ономъ пушечная пальба и у всѣхъ церквей колокольный звонъ.

2) Близъ градскаго предмѣстья, въ лѣвой сторонѣ дороги стояли два баталіона Лифляндскаго егерскаго корпуса, баталіонъ Московскаго grenadierского полка и баталіонъ полка Санктпетербургскаго grenadierского.

3) У тріумфальныхъ воротъ, на площади, отъ купечества построенныхъ, стояли городового магистрата судьи и купечество, съ хлѣбомъ и солью, также градская дума и разные ремесленники съ ихъ знаками и на воротахъ была музыка.

4) У дома народнаго училища стояли учители съ ихъ учениками, которые въ рукахъ держали связанные пучки цвѣтовъ.

5) У дома, назначенаго для Высочайшаго пребыванія, ожидали для встрѣтенія Ея Імператорскаго Величества на крыльцѣ, у подъѣзда и въ съняхъ, чины правленія, палатъ, совѣтскаго и верхняго земскаго суда, съ прочими судами.

6) Въ томъ же домѣ, отъ парадной лѣстницы въ большой залѣ стояли по сторонамъ и тути по 8 человѣкъ изъ малолѣт-

нихъ благородныхъ дѣтей, въ бѣлой одѣждѣ, цвѣточнымъ сплетеніемъ украшенной, изъ коихъ одна дѣвица и одинъ мальчикъ для поднесенія Ея Величеству держали двѣ корзины, цвѣтами и плодами наполненные.

7) Когда Ея Императорское Величество вступить изволила въ предмѣстье города, то отъ стоящихъ въ строю воинскихъ командъ отдана честь, съ уклоненіемъ знаменъ, съ музыкою и при барабанномъ боѣ; вступая же въ городъ и онымъ шествовать въ приготовленному дому для Высочайшаго пребыванія, тогда передъ каретою Ея Величества ѿхали верхами: губернскій предводитель, уѣздные предводители и довольноное число дворянъ, по два въ рядъ, и близъ кареты, верхами же, ѿхали губернаторъ и правящій должностъ вице-губернатора; на тріумфальныхъ воротахъ играла музыка, на трубахъ съ литаврами; у дома училищнаго ученики бросали подъ карету цвѣты; прибывъ же въ домъ пребыванія и шествовавъ въ покой передъ заломъ, отъ благородныхъ дѣтей поднесены Ея Императорскому Величеству двѣ корзины съ цвѣтами и плодами. (Изъ К.-Ф. журнала, 1787).

Потомъ Императрица удалилась во внутренніе покои.

Свита Императрицы и всѣ спутники Ея были приглашены на ужинъ орловскимъ губернаторомъ Неплюевымъ.

На слѣдующій день, въ четвергъ, 17 іюня, въ 11-ть час. утра Императрица вышла сперва въ комнату передъ заломъ, куда призванъ былъ курскій губернаторъ д. с. с. Зубовъ, на котораго Императрица собственоручно надѣла орденъ св. Владимира 2-й степени. При вступленіи Императрицы въ залу начались представленія: архимандритъ Московскаго Богоявленскаго монастыря поднесъ св. икону и сказалъ рѣчь,—за нимъ орловскаго Успенскаго монастыря игуменъ Иеронимъ,—потомъ: генералъ-аншефъ Каменскій, князь Лобановъ, полковникъ егерскаго баталіона, и другіе военные; за ними подходили къ Императрицѣ губернаторы курскій и орловскій, гражданскіе мѣстные чиновники, предводители дворянства, причемъ орловскій губернскій предводитель полковникъ Давыдовъ сказалъ слѣдующую рѣчь:

„Всемилостивѣйшая Государыня! Восхищенное безмѣрною радостію отъ Твоего къ намъ, великая Государыня, прибытія, орловское Твоего Императорскаго Величества вѣрноподданное дворянство вторично позволяет мнѣ въ лицѣ своемъ пасть къ освященнымъ стопамъ Твоимъ, да изъявлю предъ Тобою усердіемъ къ Тебѣ преисполненные наши чувства, чувства благоговѣйныхъ чадъ, благословляющихъ въ Тебѣ щедроту и кротость Великія Матери Отечества“.

Императрица во время представлениія всѣхъ жаловала къ рукѣ.

Послѣ обѣда, въ 7-мъ часу, Императрица, по просьбѣ губернатора, удостоила его посѣщеніемъ въ его домѣ. Передъ выѣздомъ изъ дворца, въ передней комнатѣ представлены были ей старшины городового магистрата съ знатнымъ купечествомъ и ихъ жены; отъ купечества поднесены хлѣбъ-соли на серебряномъ блюдѣ и въ двухъ фарфоровыхъ корзинкахъ разные фрукты, также живая стерляди и другая разная рыба. (К. Ф. ж.). Императрица выѣхала въ двумѣстной каретѣ, предъ которойоѣхали верхами губернскій предводитель съ двѣнадцатью дворянами. Свита и посланники слѣдовали въ особыхъ каретахъ.

У крыльца встрѣтилъ губернаторъ Неплюевъ, вице-губернаторъ полковникъ Корнѣевъ, а въ сѣнахъ губернаторша съ „знатными“ дамами; здѣсь по обѣ стороны стояли малолѣтнія благородныя обоего пола дѣти, въ бѣломъ пастушьемъ платьѣ съ перевязями, изъ цвѣтовъ сплетенными. Въ залѣ дамы были представлены статсъ-дамою Скавронскою. Губернаторъ угостилъ дорогую посѣтительницу театромъ, который былъ нарочно устроенъ въ губернаторскомъ домѣ къ прїѣзу Императрицы. Представлена была „благородными особами“ русская комедія „Солиманъ II“ и комическая опера „Ворожей“.

По окончаніи спектакля Императрицѣ представлена дочь губернатора дѣвица Неплюева и всѣ участновавшія съ нею въ спектаклѣ дѣвицы и жалованы къ рукѣ. Вечеръ окончился баломъ, который Императрица оставила въ 10 часовъ.

На другой день, 18 іюня, при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ, съ соблюденіемъ церемоніала, бывшаго при

въездѣ, Императрица выѣхала послѣ обѣда изъ Орла на ночлегъ въ городъ Мценскъ. При отъездѣ изъ Орла Императрица пожаловала на главное народное училище 1000 р. на малые два елецкое и мценское 200 р.; на монастыри орловскій мужескій Успенскій, орловскій Введенскій дѣвичій и мценскій Покровскій по 300 р. На солдатъ на 3907 ч. по 1 рублю—3907 р.; на два егерскіе баталіона 1750 р.; на штатныя команды 186 р.; въ орловскую богадѣльню 54 р.—всего 8397 руб. (изъ Приходо-расх. кн. Кабинет. Е. В.).

Г. В. Есиновъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПАРАЛЛЕЛИ КЪ ПОВѢСТИ Н. В. ГОГОЛЯ „ВІЙ“.

Въ повѣсти „Вій“ обнаруживается двоякое вліяніе: въ началѣ повѣсти, незначительное, почти незамѣтное вліяніе „Бурсака“ Нарвѣнаго и затѣмъ, въ главной части повѣсти, сильное вліяніе народной сказки о ъздѣ парубка на вѣдьмѣ, смерти вѣдьмы и чтеніи парубкомъ надъ ней въ церкви псалтыри. Изъ народныхъ же повѣрій заимствованъ и самый образъ Вія. Сходство „Вія“ Гоголя съ народными сказками о смерти вѣдьмы такъ велико, что повѣсть можно считать передѣлкой сказки. Сказка о смерти вѣдьмы, легшая въ основаніе „Вія“, принадлежитъ къ числу весьма популярныхъ. Она встрѣчается у разныхъ европейскихъ народовъ. Я не имѣю намѣренія останавливаться подробно на деталяхъ варіантовъ сказки, что не трудно сдѣлать при большемъ досугѣ, и отмѣчу здѣсь только тѣ сборники, гдѣ мнѣ встрѣчалась литературная родна „Вія“:

1) *Ивановъ*, Народные разсказы о вѣдьмахъ и упиряяхъ, въ 3 томѣ „Сборника харьковского историко-филологического общества“ 1891 г. на стр. 202—204.

2) *Чубинскій*, Труды этнogr.-статист. экспедиції въ Западно-русскій край, 1872, т. I, стр. 200—203: дьячокъ ъзditъ на вѣдьмѣ; вѣдьма умерла, и дьячокъ, по желанію ея отца, три ночи читаетъ надъ нею псалтырь. По совѣту одной старухи, дьячокъ скрывался въ кругѣ, начертанномъ роговымъ ножомъ и потомъ въ шкафѣ, гдѣ хранились ризы; вѣдьма не могла его задушить.

3) *Драгомановъ*, Малорусскія народныя преданія и разсказы, 1876, стр. 71, сказка „Видьма та видьмакъ“—краткая передача того содержанія, которое развито подробно у Чубинскаго и еще подробнѣе у Иванова.

4) *Манжура*, Сказки, пословицы и пр. 1890 г.; на стр. 136—137 сказка о чтеніи надъ вѣдьмой псалтыри въ церкви парубкомъ въ теченіи 3 ночей. Дѣдъ даетъ ему совѣты, какъ избавиться отъ бѣсовъ. Мотива о юздѣ на вѣдьмѣ нѣтъ. Сказка краткая. Окончаніе то же, что въ сказкѣ въ сборникѣ Драгоманова.

5) *Podbereski*, Materiały do demonologii ludu ukraińskiego, въ Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, IV. Сказка „Нареченая вѣдьма“: „вѣдьма разсердилась на парубка и умерла; по требованію ея отца, парубокъ три ночи читаетъ надъ ней псалтырь и благополучно уходитъ отъ вѣдьмы и бѣсовъ.“

Малорусскіе варианты сходны, для сравненія съ Гоголевскимъ Віемъ прилагаютъ здѣсь наиболѣе подробный вариантъ изъ сборника г. Иванова:

— „Жила соби старуха, а у неи бувъ онучекъ. Ходивъ винъ на ярмарокъ, тамъ купицяна побачить его, шо винъ иде на ярмарокъ, та выбижесть на вулицю та й каже: „молодецъ, молодецъ, якъ бы ты мій жеребецъ, ябъ на тоби йздила, йздила!“ Це винъ иде на ярмарокъ, вона ему такъ каже; изъ ярмарку иде, вона ему также каже, а винъ и не зна, шо ій отвичати. Та пришовъ до дому та й хватыться своїй бабушиці. „Бабушко, якъ я шовъ на ярмарокъ мимо купицяного двора, а купицяна выбижесть, его дочка, та й каже миши: молодецъ, молодецъ, якъ бы ты мій жеребецъ, я бъ на тоби йздила, йздила! а я и не знаю, шо ій и казати.“—А ты, сынку, ляжъ підешъ на ярмарокъ, такъ скажи ій: дивица, дивица, якъ бы ты май кобилиця, я бъ на тоби йздила, йздила! Отъ винъ пишовъ на ярмарокъ, вона й выбигла та й ему и каже: „молодецъ, молодецъ, якъ бы ты мій жеребецъ, я бъ на тоби йздила, йздила!“ А винъ тоди ій и каже: „дивица, дивица, якъ бы ты моя кобилиця, ябъ на тоби йздила, йздила!“ Ихъ, вона такъ и скватылась кобилицею; винъ сівъ на неи верхомъ та й пойхавъ у чистее поле. Уже винъ на неи йздила, йздила и по лисахъ, и по ярахъ, и по буграхъ, та тає ії вийдяль, шо зъ неи мило впало и повернувъ до дому. Прійхавъ до двору до ії,—вона упала коло ворітъ и переробилася на дивку и здохла. Той хлопецъ прыйшовъ до дому, а таївъ вишла горнишна за ворота, ажъ лежить ихня панинка вмерша: вы зна никако, шо зъ нею случилось. Та й узяли ії въ комнату, нарядили, тай положили на столи. А вона була яртина и батько ії яртинець, и везавъ винъ, шо то бабушка внуку ії зайздывъ, и прыйшовъ до его изнати его читати надъ дочкою у церкви цилу иначъ. Ну, винъ сперва не соглашався, не хотивъ идти, а бабушка ему и каже: „Иди, сынку, помолись Богу, та й иди“. Ото тоди винъ, той онучокъ, и каже батькови яртина: „а скильки вы миши дасте, шо я буду читати?“—50 рублейвъ. „Ни,

за 50 не хочу, якъ сто дасте, тоди пиду.“ — Ничого съ тобою робити, па и сто, тильки иди. И пишовъ соби купець до дому. Ну, дождались вони вечера и той убирается, внуки, идти читати надъ купцивною, а бабушка ему и каже: „ну глади, синюкъ, читай та не оглядайся никуды и поставь иззади себе Матерь Божу.“ Отъ винъ убрався и пишовъ. Прышовъ у церкву, изнявъ со стены икону Матерь Божу и поставивъ иззади себе, взявъ псалтырь, ставъ у иконъ купцивни и читає. Отъ винъ тамъ читавъ, ничего ему не показується, якъ о пивночи вдругъ поднимается кришка зъ гроба и встає купцивна. Устала, якъ засміялась, руками сплеснула и каже: „уставайте, мои друзъя пріятели, шукайте моего непріятеля!“ Якъ зашумили изъ подъ полу мертвени, та багато, багато, и почали бигати по церкви. Шукали, шукали и не найдуть ныякъ. Тутъ пивни: кукурець, такъ ти вси мертвени и зашумили пидъ пиль, а купцивна такъ вдарилася по середини церкви и стала не жива. Тоди хлопець бросынь читати, узявъ купцивну, положивъ у гробъ, накривъ серпанкомъ и кришкою и опять ставъ читати. Уже розвидніється, приходе купецъ: „ну, що читашъ?“ — Читаю, отвичає хлопець. А купецъ тилько и сказавъ: угу, винъ сто рубль, отдавъ ему та й каже: „приходи на другу віч читати.“ — Якъ дасте пивтораста рубль, такъ прийду. „Ничого съ тобою робити, дамъ, тилько приходь“. Ну, и пишви зъ церкви, а церковъ зачинали. Ото той пришовъ, онучель, до дому, а бабушка и питається: „якъ тамъ тоби, синюкъ, було?“ — Та ничего ще, бабушко; уставала купцивна, багала по церкви, багато мертвенивъ зъ пидъ полу вилазило, бигали, шукали мене и не нашли. Та козавъ купецъ, щобъ приходивъ йще на другу віч. „Ничого, синюкъ, іди; тилько теперъ, якъ підешъ, такъ поставиши сзаду себе святу Покрову, тай опять все читай, все читай, и дивись назадъ, щобъ тоби ни було, не оглядайся — читай.“ Отъ дождали вони вечера и пишовъ винъ читати. Прышовъ у церкву, изнявъ съ стени Покрову, поставивъ сзаду себе, взявъ псалтырь и ставт читати. Отъ винъ читавъ, читавъ до пивночи, и встає опять купцивна. Устала, якъ засміяется, захлюпала руками: „уставайте, мои друзъя пріятели, шукайте моего непріятеля!“ Такъ и зашумили зъ пидъ полу мертвени. Якъ нашли его, почали коло его спливати, грають, у палочки бьють, щобъ винъ глянувъ на нихъ, и руками его достають и не достануть. А винъ все чита, все чита. Отъ пивни заспивали, мертвени такъ и зашумили пидъ пиль и купцивна вдарилася по середини церкви. Винъ бросынь читати, взявъ купцивну, положивъ у труну, накривъ серпанкомъ и кришкою и опять ставъ читати. Дочитався до утра, приходе батько ії и каже: „ну, що, читаєшь, малый?“ — Читаю. Винъ опять тилько и сказавъ чemu: „ну, приходь, братъ, и на третью віч читати.“ — Дасте триста рубль, такъ прийду. „Ничого съ тобой робить, дамъ, тилько приходь.“ Тоди винувъ гроши за цю віч, отдавъ та й ще приказує: „ты жъ приходь, братъ, не обмань!“ — Харашо, ні, будьти покойви, прийду. Ото и пишви вони зъ церкви. Прышовъ той хлопець до дому; тамъ пытається его бабуличка: „якъ тоби, синючекъ, тамъ було?“ Винъ ії разскажавъ все, якъ було. „Іще козавъ, щобъ приходивъ на третью віч.“ — Ничого, синюкъ, молись Богу та й іди. Теперъ, якъ підешъ, такъ обставившися кругомъ Спасителими. взявъ псалтырь и почавъ читати. Тилько смеркло, вона уже и встає. Устала, засміялась, захлюпала руками: „уставайте, мои друзъя пріятели, шукайте моего непріятеля!“ Такъ и зашумили зъ пидъ полу мертвени та й вси въ серпанкахъ и почали коло его крутиться, скакати, доставати его руками не достануть. Танцюють пе-

редь винъ, сміються щобъ винъ глашувъ, тоди бѣ вони его розирвали. А винъ такъ все чита та чита, не дивитъ на нихъ. Ото вони доставали, доставали его, ничего не зроблять—не достануть, та й побигли усі зъ церкви на смиття шукати щепокъ тыхъ, шо съ обохъ краївъ пидпалими, и вайшли. Прийшли въ церкву и начали пидкопувати тими горилыми щелками доску, де винъ стоявъ, щобъ его зворухнути зъ миста. Та вже отъ пиднімутъ. А его бабушці такъ усі вичъ не спытса, та щой бачила вона, що бигали мертвіці по смитту. Ото встала вона, одяглась, та скориши підъ сидало, та за лівня, та лівня підъ мышю, та й побигла до церкви. Прибигла до дверей, та якъ придаве лівня рукою, а винъ: кукурику та трчи. Такъ ти мертвіці такъ підъ пиль і зашумили, а купцівна середъ церкви ожарилася і зробилася не жива. Винъ і узявъ, положивъ у труну, накрылъ серпакомъ, зверху ще кришкою і ставъ читати. Тутъ трохи перегода стали пітухи спливати, винъ тоди самъ соби і важе: слава тоби Господу! Ото винъ тамъ читавъ, читавъ і дочитався стало, слава Богу, святати. Вони ще рано, а хлопець вже й прийшовъ і каже: „а що читаєшъ?“ Той хлопець ему въ отвітъ: читаю. Пишовъ той купець по церкви та й каже: „мої дочки була яртиця, а цей ще похлеще моєї дочки.“ Отъ тутъ винъ отдавъ ему 300 рубльівъ; хлопець взавъ гроши і лишовъ до дому. Прийшовъ і пытается въ его бабушка: „що, синокъ, якъ тоби тамъ було?“—Я думавъ, бабушко, що це мої смерть прийшла, ажъ вони, слава Богу, заспивади пітухи, тає вони все счезло. А ему і каже бабушка: „це я, синокъ, приходила тоби підсобляти; такъ мики всю вичъ не спитса та й не спитса, якъ глину я у винно, ажъ бигають по улиці мертвіці; я скориши схватилася та за лівня, та до церкви, та якъ придавлю пітуха, а винъ: кукурику.“—Спасиби вамъ, бабушко, що спасли мене відъ смерті! Ту купцівну заховали, а той хлопець оживився, і стали соби жити поживати“. (Г. Куланска. Записала со словъ крестьянки Л. Пахомовой В. Щ.).

Къ малорусскимъ сказкамъ примикаютъ бѣлорусскія, великорусскія, польскія и др., въ сборникахъ:

6) *Добровольскій*, Смоленскій этнографический сборникъ, 1891, I, стр. 130.

7) *Karłowicz, Podania i bajki ludowe, zebrane na Litwie*, въ Zbiór wiadomości do antrop. krajow., XI. Въ сказкѣ подъ № 19 умираетъ царевна вѣдьма; по требованію ея отца, солдатъ три ночи читаетъ надъ ней псалтырь.

8) *Аѳанасьевъ*, Народныя русскія сказки, изд. 2, 1873, въ т. III, подъ № 208 сказки, очень близкія къ „Вію“: вѣдьма превращаетъ человѣка въ коня, сама возить его потомъ, умираетъ, чтеніе въ церкви надъ ней псалтыри. Сказки эти весьма сходны съ малорусскими сказками у Чубинскаго и Иванова, вѣдьма—купеческая дочь, читаетъ поповичъ или солдатъ; созвѣты даетъ старуха.

9) *Худаковъ*, Великорусскія сказки, 1860, во II часті подъ № 91 сказка о томъ, какъ умершая колдунья поднимается изъ гроба, хочетъ убить сестру, послѣднюю спасаетъ крикъ пѣтуха; подъ № 104 сходная сказка о колдунѣ: умеръ, стоялъ 3 ночи въ церкви, задушилъ 2 своихъ невѣстокъ; третья невѣстка перехитрила упыря.

10) *Chelchowski*, Powiesci i opowiadania ludowe, 1889, I, на стр. 21—28 польская сказка о панѣ—упырѣ, который разорвалъ попа въ церкви. Парень, по совѣту дѣда, избѣгаетъ опасности.

11) *Kozłowski*, Lud, piesni, podania, 1869; на стр. 350 польская сказка о панѣ упырѣ, который ходилъ по церкви и хотѣлъ убить дѣвушку, сказка почти тождественная съ великорусской въ сборнике Худакова.

12) *Kolberg*, Lud, VIII (krakowskie) на стр. 138 сказка о томъ, какъ парень читалъ въ церкви псалтырь надъ умершей вѣдьмой.

13) *Kulda*, Moravské narodne pohadky a povesti', 1854; на стр. 560 — 574 сказка, по некоторымъ мотивамъ (ѣзда на вѣдьмѣ) сходная съ указанными великор., малор. и польскими.

14) *Mabinogion*, trad. en francais par Zoth, въ „Cours de littérature celtique“ par d'Arboie de Jubainville et р. Zoth, 1889. Подробный отзывъ г. М. Соловьевъ въ „Русскомъ Обозрѣніи“ 1890, XII, 867—871. Мабиногіонъ—сборникъ древнихъ кельтскихъ преданій и сказокъ, по рукописямъ XII—XIV вѣковъ. Сказка о Балорѣ напоминаетъ гоголевскаго Вія.

Проф. *П. В. Владимировъ* къ интересномъ сочиненію о Великомъ Зерцалѣ (1884 г.) на стр. 23 приводитъ легенду о томъ, какъ „волшебницу демоны извлекоша изъ церкви, въ ней же погребена бысть“. Въ „Speculum Majus“ (1256 г.) легенда эта вошла изъ сочиненія „Gwilelmus'a“. Содержаніе: Въ Англіі, въ селеніи Бенелея, жила волшебница. Она узнала отъ сороки о своей скорой кончинѣ. Волшебница велѣла положить себя по смерти въ окованый желѣзомъ гробъ и поставить въ церковь. Но въ то время, какъ надъ ней пѣли священники, демоны ворвались въ церковь, подхватили гробъ, разбили его, извлекли волшебницу изъ церкви и демонъ ускакалъ съ ней на

адскомъ конѣ. Г. Владиміровъ добавляетъ при этомъ, что коротенький пересказъ легенды помѣщенъ въ Нюрнбергской хроникѣ 1493 года съ гравюрою. Эта легенда была весьма распространена въ средніе вѣка. Недавно г. *Фалиганъ* привелъ разсказъ средневѣковаго историка Вильгельма де Мальмсбери (\dagger около 1150 г.) о томъ, какъ трупъ вѣдьмы былъ унесенъ дьяволомъ изъ церкви. *Г. Тосера* указалъ на другіе старинные англійскіе, нѣмецкіе и французскіе разсказы тожественного содержанія и приложилъ двѣ миниатюры (Revue des trad. popul. 1888, IX, 487—491, ст. *Фалигана*, и тамъ же XII, 643—647, ст. *Tausserat*). Этотъ разсказъ въ Англіи пользуется широкой известностью подъ названіемъ *The witch of Berkley* (Берклийская вѣдьма). „Кто не найдетъ, замѣчаетъ г. Владиміровъ (В. Зерцало, 23), въ этой легендѣ интересную параллель, а можетъ быть источникъ къ известной повѣсти Гоголя „Вій“, возникшій изъ подобныхъ же южно-русскихъ народныхъ пересказовъ“. Намъ кажется, что этотъ циклъ сказаній занимаетъ въ народной литературѣ и въ письменности самостоятельное положеніе. Сказки и легенды типа Берклийской вѣдьмы имѣютъ то существенное отличие отъ сказокъ типа гоголевскаго Вія, что въ первыхъ нѣтъ основнаго мотива послѣднихъ—ченія въ церкви надъ вѣдьмой псалтыри, и нѣтъ также Ѣзда на вѣдьмѣ; а самое главное, что въ послѣднихъ (Вій) демоны помогаютъ вѣдьмѣ, тогда какъ въ первыхъ (Берклийская вѣдьма)—уносятъ въ адъ на мученія; а безъ этихъ мотивовъ трудно поставить данные сказанія и легенды въ параллель и тѣмъ болѣе сомнительнымъ представляется предположеніе о родствѣ ихъ по происхожденію.

Н. Ф. Сумцовъ.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ.

Къ біографическому матеріалу объ А. А. Котляревскому.
Я зналъ покойнаго Александра Александровича Котляревскаго только какъ ученикъ учителя; ни какъ семьянинъ, ни какъ человѣкъ вообще, не былъ онъ мнѣ хорошо извѣстенъ. Вотъ почему мои краткія воопоминанія о немъ по необходимости будутъ и нѣсколько поверхности и мало, быть можетъ, содержательны. Я работалъ у покойнаго, главнымъ образомъ, по чешской и сербской литературѣ. Гости-пріимныя двери его огромнаго книгохранилища открывались передо мною, какъ и предь всякимъ желавшимъ у него работать студентомъ (такихъ было, къ сожалѣнію, немного, и покойный не успѣлъ образовать своей школы¹⁾) въ любое время. Чаще другихъ приходили къ нему на домъ для занятій А. В. Стороженко и я. Работы, которыя давалъ тогда А. А., носили преимущественно характеръ изученія сокровищъ народной словесности и жизни славянъ, ихъ обычаевъ, обрядовъ, повѣрій и пр. Составлялись иногда довольно значительныя по объему сочиненія по извѣстному «Ковчежцу» Вука Караджича, по его же превосходному Словарю и т. п. Я лично еще изучалъ подъ руководствомъ А. А. и такъ называемую переходную литературу среднихъ вѣковъ, главнымъ образомъ, конечно, въ ея славянскихъ изводахъ; здѣсь покойный нерѣдко указывалъ лучшіе прі-

¹⁾ Произошло это, конечно, прежде всего отъ праѣдвременной кончины покойнаго А. А., отчасти же отъ того, что эпоха семидесятыхъ годовъ въ университетахъ, особенно кievскомъ, не особенно благопріятствовала увеличенію состава филологическихъ факультетовъ; окончившіе гимназію юноши предпочитали тогда изученіе права и медицины... Кромѣ того, пріѣздъ А. А. въ Кіевъ произошелъ послѣ глубокаго паденія славянской каѳедры въ университѣтѣ, что, конечно, неизбѣжно должно было нѣсколько отразиться на первыхъ годахъ профессорства А. А. не особенно значительномъ увеличеніемъ числа слушателей.

емы и методы изслѣдованія. Въ то время (1877—9 гг.) онъ особенно цѣнилъ научные пріемы историко-литературныхъ изслѣдованій известнаго чешскаго ученаго Вачеслава Небесскаго, и нужно признаться, что старательное ихъ изученіе, предпринятое мною по совѣту А. А., дѣйствительно принесло мнѣ очень много пользы.

Широтъ и разносторонности изученій покойный А. А. придавалъ огромное значеніе и самъ своей огромной начитанностью по всѣмъ гуманитарнымъ наукамъ невольно подзадаривалъ своихъ учениковъ къ такому же ученому энциклопедизму. Была при этомъ для послѣднихъ, конечно, опасность разбросаться, удариться въ ширь, а не въ глубь изученій, но умѣлая рука А. А. легко и искусно направляла всѣ такія увлеченія по истинному пути и сдерживала ихъ въ надлежащихъ предѣлахъ. Во всякомъ случаѣ, по настоянію А. А., мнѣ приходилось читать чрезвычайно много по самымъ разнообразнымъ факультетскимъ и нефакультетскимъ наукамъ: исторіи всеобщей литературы и теоріи словестности, философіи, соціологіи и политической экономіи, лингвистикѣ и пр., причемъ необходимые книги обязательно получались отъ него же, если ихъ не бывало въ университетской библіотекѣ, что случалось очень часто. Нѣкоторыхъ книгъ, особенно уникъ, онъ, впрочемъ, не давалъ на домъ; въ такомъ случаѣ ихъ приходилось прочитывать и изъ нихъ дѣлать выписки въ самомъ его книгохранилищѣ; зато дубликаты книгъ, имѣвшіеся у А. А. въ весьма значительномъ количествѣ, онъ не только весьма охотно давалъ на домъ, но даже часто и дарилъ ученикамъ. Основательное знаніе санскрита онъ почиталъ краеугольнымъ для всякаго слависта; объ этомъ онъ прямо заявилъ мнѣ, когда, послѣ окончанія мною университетскаго курса, предположилъ провести меня въ университетъ въ качествѣ казеннаго стипендіата для приготовленія къ профессорскому званію по предмету славянской филологии, что, впрочемъ, было мною, по разнымъ причинамъ, объяснить, которая здѣсь не мѣсто и не время, отклонено. Не менѣе важнымъ обстоятельствомъ считалъ онъ и возможно большую начитанность въ старыхъ литературныхъ памятникахъ, на что постоянно напиралъ при своихъ частныхъ занятіяхъ съ учениками (система домашнихъ семинарій). Посредствомъ нѣсколькихъ искусно поставленныхъ вопросовъ, вставленныхъ среди бесѣды, А. А. легко удостовѣрился въ степени основательности изученія памятника. Онъ часто, по этому поводу, жаловался, что во многихъ историко-литературныхъ работахъ, исполненныхъ даже специалистами, не всегда можно наблюдать дѣй-

ствительно глубокое, а не поверхностное лишь, изучение памятниковъ... Ученое верхоглядство и легкомысліе осуждалъ онъ строго и безпощадно; тутъ бывали весьма кстати и его остроуміе, и его рѣзкій, желчный языѣ...

Бібліографіческія занятія А. А. считалъ крайне важными для всякаго ученаго, желающаго быть полнымъ хозяиномъ въ своей области, отчетливо знать, что и какъ въ ней уже сдѣлано, и что еще остается сдѣлать либо передѣлать...

Этимъ легко объясняется его наклонность, перешедшая по-томъ уже въ страсть, къ собиранію книгъ и составленію книгохранилища, подобныхъ которому мало можно встрѣтить у частныхъ людей...

Въ этомъ былъ, впрочемъ, своего рода недостатокъ: имѣя въ своемъ книгохранилищѣ все, что ни выходило по славяновѣдѣнію и родственнымъ предметамъ, онъ нерѣдко забывалъ о необходимости снабженія и университетской библиотеки выходившими въ свѣтъ новостями или же дѣлалъ это не въ очень значительныхъ размѣрахъ...

Изъ ученыхъ славистовъ А. А. особенно цѣнилъ и уважалъ И. И. Срезневскаго, котораго называлъ всегда за его непомѣрное трудолюбіе и усидчивость въ занятіяхъ «бенедиктинцемъ» и постоянно ставилъ своимъ ученикамъ въ примѣръ необычайнаго трудолюбія и научной добросовѣстности, соединенной съ яснымъ и дѣйствительнымъ пониманіемъ настоящихъ задачъ науки... Рѣдкая лекція покойнаго А. А. проходила безъ упоминанія по тому либо другому поводу имени Срезневскаго...

Лекціи А. А. имѣли характеръ непринужденныхъ, лишенныхъ всякой аффектаціи и изысканности научныхъ бесѣдъ, которая, если можно такъ выразиться, хозяинъ по необходимости долженъ быть изъ своей ученой рабочей комнаты переносить въ аудиторію. Изложеніе, хотя и сопровождалось по временамъ чтенiemъ написаннаго, въ общемъ имѣло видъ устнаго преподаванія, иногда, впрочемъ, и толкованія читаемаго. Практическія упражненія состояли чаще всего въ томъ, что кто нибудь изъ учащихся читалъ сербскій или чешскій, болгарскій и пр. литературный памятникъ; преподаватель исправлялъ, объяснялъ и т. п.; читались всего чаще сербскія пѣсни В. Караджича, Кралеворская и Зеленогорская рукописи, рѣже болгарскія пѣсни. Объ объемѣ, составѣ и характерѣ университетскаго преподаванія А. А. я не буду распространяться, такъ какъ это уже сдѣлано А. В. Стороженкомъ на страницахъ «Вѣстника Европы» 1890 г.

А. А. былъ превосходнымъ собесѣдникомъ, въ высокой степени по-

учительнымъ (я говорю не о тѣхъ минутахъ, когда покойный бывалъ желченъ и иногда рѣзко судилъ либо осмѣивалъ людей); послѣ каждой серьезной бесѣды съ нимъ я, по крайней мѣрѣ, уходилъ обогащенный новыми свѣдѣніями, часто ободренный, когда падаль духомъ, и окрыленный. Иногда, если покойный А. А. замѣчталъ находившую на меня по временамъ, въ видѣ какой то болѣзни, тоску или унылость въ работѣ, смѣясь давалъ онъ мнѣ «Замогильные записки Пиквикского клуба»; онъ серьезно полагалъ, что эта прекрасная книга въ состояніи возстановить духовное равновѣсіе въ любое время и таковое его предположеніе оказывалось всегда дѣйствительнымъ и основательнымъ. Вообще у этого насыщеннаго, впрочемъ склоннаго къ юмору, иногда суроваго на видъ человѣка, бывало много душевной теплоты и сердечнаго сочувствія...

Мнѣ приходилось слышать иногда упреки, по адресу покойного А. А., въ злозычіи его; но, кажется, это можно отнести уже къ самымъ послѣднимъ годамъ жизни А. А., когда онъ, удрученный болѣзniю, убитый совершившимися тогда нестроеніями нашей общественной жизни, бывалъ дѣйствительно иногда черезчуръ ужъ желченъ и раздражителенъ. Въ общемъ же едва ли его злозычіе и злорѣчіе переходили предѣлы добродушнаго юмора, невинной, незлобивой насмѣшки надъ тѣмъ либо другимъ человѣческимъ недостаткомъ, почему либо привлекавшимъ его вниманіе.

Покойный А. А. былъ не просто преподавателемъ славяновѣдѣнія въ высшей школѣ; нѣть, онъ внимательно слѣдила и за всѣми явленіями славянской общественной, литературной и политической жизни, которую, благодаря долговременному пребыванію въ Чешской Прагѣ, зналъ и понималъ хорошо. Онъ не былъ увлекающимся черезчуръ славянофиломъ, но трезво и критически относился къ славянскому вопросу, въ которомъ любилъ и умелъ отдѣлять осуществимое отъ недостижимаго. Но что онъ былъ на дѣлѣ, а не на словахъ только, дѣйствительнымъ славянофиломъ (не славянофиломъ, впрочемъ), это онъ доказалъ хотя бы въ бытность свою предсѣдателемъ Киевскаго Славянскаго Общества во время послѣдней русско-турецкой войны... Вотъ почему я думаю, что тѣ выраженія сомнѣній, которыя мнѣ приходилось иногда слышать, въ славянскихъ чувствахъ и мнѣніяхъ покойного А. А., едвали основательны и согласны съ дѣйствительностью. Скорѣе нужно думать, что только особеннаѧ, своеобразнаѧ окраска славянскихъ взглядовъ А. А. приводила нѣкоторыхъ его знакомыхъ къ вышеупомянутому мнѣнію о его рав-

иодушій къ славянамъ. Не слѣдуетъ во всякомъ случаѣ забывать, при сужденіи объ этой сторонѣ дѣла, того обстоятельства, что покойный А. А. Котляревскій былъ прежде всего ученый славистъ и только затѣмъ ужъ славянскій дѣятель и публицистъ (въ широкомъ смыслѣ, т. е., какъ выразитель тѣхъ или другихъ общественно-политическихъ взглядовъ), и что, наприм., его славянскія связи и отношенія были по преимуществу все таки ученыхъ¹⁾...

А. Степановичъ.

Южнорусский громникъ. Въ 1862 году Костомаровыи изданъ былъ (Памятники старинной русской литературы, издаваемые гравомъ Кушелевымъ-Безбородко, выпускъ III, стр. 154—155) «Громникъ двѣнадцати мѣсяцамъ собрано Иравліемъ царемъ отъ звѣздозаконія», списанный изъ рукописнаго сборника Троицкой Лавры, и принадлежащій, по предположенію издателя, южнославянской редакціи. Не знаю, были ли гдѣ нибудь опубликованы подобныя произведения русской редакціи. А между тѣмъ всякому изслѣдователю народныхъ вѣрованій и воззрѣній сразу должно быть ясно, что подобныя произведения, какъ ни пелѣни могутъ они казаться нашему просвѣщеному пониманію, совсѣмъ не такими казались нашимъ праотцамъ. Коренясь въ астрологическихъ суевѣріяхъ сѣйдѣ древности и прикрываясь громкими именами, эти, церковью запрещенные, но ея-же служителями эксплуатированные и пропагандированные, сочиненія должны были имѣть большое влияніе на формирование вѣрованій и воззрѣній народныхъ, и въ свою очередь со временемъ сани должны были измѣняться и варьироваться подъ влияніемъ разъ сложившихся вѣрованій.

Прошлымъ лѣтомъ мнѣ удалось отъ одного народнаго учителя въ восточной Галиції приобрѣсть обширный и богатый содержаніемъ

¹⁾ Я рѣшился напечатать эти небольшія воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ, написанные уже давно и все время лежавшія безъ движенія, только потому, что мнѣ привелось какъ то узнать, какъ юнитъ А. Н. Пынинъ, приготовляющій къ печати жизнеописаніе А. А. Котляревскаго, всякия, даже самыя скромныя, замѣтки о покойномъ А. А. Я былъ тоже вызываемъ къ сообщенію такихъ замѣтокъ; этимъ-то обстоятельствомъ и обусловлено появленіе въ печати моихъ скромныхъ и бѣглыхъ воспоминаній, которыхъ, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ окажутся небезполезными, въ виду сравнительной неимногочисленности сообщеній о такой во комъ случаѣ крупной личности и ученой силѣ, какою былъ покойный А. А.

рукописный сборникъ, писанный въ 1747—1755 годахъ священникомъ Ильею Яремецкимъ Бѣлахевичемъ, жившимъ нѣкоторое время въ православномъ монастырѣ въ Путинѣ ва Буковинѣ, а также состоявшимъ приходскимъ священникомъ въ с. Волчковцахъ, въ пынѣшнемъ синайскомъ повѣтѣ въ Галиціи. Сборникъ этотъ, который дошелъ до моихъ рукъ въ видѣ нѣсколькихъ фрагментовъ, съ недостающими то самъ, то тамъ листами, сшитыми въ послѣдствіи какъ попало, содержитъ еще теперь безъ малаго 200 статей и отрывковъ самого разнообразнаго содержанія, главнымъ образомъ, конечно, церковно-религіознаго. Есть тамъ житія святыхъ, слова св. отцевъ, учителей и постниковъ, описанія чудесъ (напр. очень интересная и по языку, и по содержанію коллекція описаній чудесъ св. Николая), вирши на Рождество и на Воскресеніе Христово, но что всего цѣннѣе въ этомъ сборнике, такъ это богата коллекція разнаго рода апокрифическихъ сочиненій. Я надѣюсь вскорѣ предложить читателямъ «Кievskoy Stariны» болѣе подробное описание апокрифовъ изъ сборника Яремецкаго, а теперь сообщаю изъ того же сборника громникъ, по тексту своему совсѣмъ отличный отъ того, который напечатанъ иконостаснымъ Костомаровимъ.

Преданіе о промы Могсая Громовидца.

Аще загримит ¹⁾ мѣця Генваря, обилія много будет во всемъ мирѣ. Аще велми загримитъ, то велика будетъ пагуба.

Аще загримит мѣця Февруарія, то будетъ благо повсюду, но аще велми загримитъ, то пагуба будетъ скотомъ.

Аще загримит мѣця Марта, будетъ ішеницѣ много, вина и масла. Аще помалу загримитъ, то будетъ немиръ.

Аще загримит мѣця Апрілія, то будетъ овоцу ¹⁾ много, вина и масла оскудно, ішеницѣ много. Аще велми ногримитъ, то будетъ болезнь великая.

Аще загримит мѣця Мая, то миру матежъ по градомъ будетъ, меду і ішеницѣ много, овоцу і вина мало. Аще помалу загримитъ, то смерть рожающимъ женамъ чада.

Аще загримит мѣця Іюня, то будетъ пагуба велика во людехъ, і страхи будуть великіе. Аще велми загримитъ, то будетъ скотомъ смерть.

¹⁾ Фруктовъ.

Аще загримит **Місяць Іюля**, то будет Царем, Кролем и величим мужем паном смерть велима. Пшениць много, а овоцу, вина и масла мало.

Аще загримит **Місяць Августа**, то миру покой будет. Аще велими загримит, то матеж будет великая.

Аще загримит **Місяць Септеврія**, то будет великая немилость во людех і молва во градѣхъ і весех.

Аще загримит **Місяць Окторвія**, то будет плод велий вина пшениць много, смерть женам и дѣтим.

Аще загримит **Місяць Ноемврія**, то будет болезнь человѣком і туга. Обилія много, вина і овоцу мало.

Аще загримит **Місяць Декемврія**, то будет великим мужем смерть. Обилія много, и пшениць мало, вина і масла много.

Миронъ.

Памятники старины въ селѣ Субботовѣ. Въ апрѣльской книжкѣ «Кіевской Старинѣ» за прошлый 1891-й годъ помѣщена коротенька замѣтка г. А. Л. подъ заглавиемъ «Позднѣйшая память о Богданѣ Хмельницкомъ въ с. Субботовѣ», въ которой на основаніи рисунка д-ра Дедифлиза и надписи къ нему сообщается о существованіи въ Субботовѣ камня, служившаго во время Хмельницкаго для наказанія преступниковъ. При этомъ авторъ замѣтки выразилъ желаніе знать, сохраняется ли и теперь этотъ камень. Въ августѣ мѣсяцѣ мнѣ случилось быть въ Субботовѣ и удалось видѣть и этотъ самый камень, и вмѣстѣ съ тѣмъ осмотрѣть въ этомъ селѣ, игравшемъ важную роль въ исторіи Малороссіи, и другіе памятники, представляющіе археологический интересъ. Обо всемъ этомъ нахожу нелишнимъ сообщить нѣсколько свѣдѣній читателямъ «Кіевской Старинѣ».

П. А. Кулишъ въ своихъ «Запискахъ о Южной Руси» отмѣтилъ по отношенію къ Субботову ту особенность, что здѣсь, въ бывшемъ родовомъ имѣніи знаменитаго гетмана, не сохранилось въ народной памяти никакихъ слѣдовъ изъ прошлой исторической жизни. Но за то, скажемъ съ своей стороны, здѣсь прекрасно сохранился отъ разрушающаго вліянія времени одинъ вещественный памятникъ старины, свидѣтельствующій о громкому историческому прошломъ этого села. Такимъ памятникомъ является Ильинская церковь, построенная еще достопамятнымъ Богданомъ Хмельницкимъ, какъ думаютъ, въ 1651

году¹⁾). Отмѣтимъ нѣкоторыя особенности устройства этого храма. Онъ представляетъ собою чрезвычайно массивное, похожее на крѣпость, каменное зданіе, построенное въ видѣ продолговатаго четырехугольника. Съ восточной стороны этого четырехугольника выступаетъ алтарный абсидъ въ видѣ пятигранника, вслѣдствіе чего три небольшихъ окна въ алтарѣ не могли быть расположены симметрично; съ западной — возвышается красивый открытый фасадъ. Средняя часть храма раздѣлена едва выступающими поперечными арками на три части; у самаго входа подъ хорами, покоящимися на массивныхъ, широкихъ колоннахъ, есть еще узкое почти совершенно темное пространство. Таково въ общемъ устройство этой церкви. Изъ особенностей ея можно еще указать на небольшія оконца, освѣщающія ходъ на хоры, далѣе съ хоръ на чердакъ и, наконецъ, самый чердачъ. Какъ можно судить по неправильной и чрезвычайно оригинальной формѣ этихъ оконъ, они въ свое время служили бойницами. Затѣмъ, у входа въ церковь съ южной стороны указываютъ мѣсто погребенія Богдана Хмельницкаго. Здѣсь подъ мраморнымъ памятникомъ недолго покоялся прахъ гетмана; враги не оставили его въ покой и послѣ смерти: они разрушили его гробницу и страшно наругались надъ его останками. Въ настоящее время не сохранилось никакихъ слѣдовъ отъ этой гробницы, и только надпись на металлической дощечкѣ, прибитой къ стѣнѣ, показываетъ намъ мѣсто погребенія гетмана.

Во время продолжительныхъ войнъ и внутреннихъ неурядицъ, послѣдовавшихъ послѣ Хмельницкаго, церковь, построенная имъ, подверглась разоренію; вслѣдствіе этого, какъ можно думать, была построена другая деревянная церковь, почему въ Субботовѣ и въ настоящее время существуютъ двѣ церкви. Въ описанномъ видѣ Ильинская церковь находилась до половины настоящаго столѣтія. Наконецъ, въ 1855 г. она была реставрирована и въ настоящее время состоить приходскою церковью. При реставраціи для увеличенія вмѣстимости она была соединена съ колокольнею посредствомъ особой пристройки, въ видѣ коридора.

Другая Михайловская церковь болѣе поздняго происхожденія. Какъ гласитъ надпись, вырѣзанная снаружи на косякахъ входной двери, она построена въ 1786 г. «благословеніемъ преосв. Виктора еп. переславскаго въ польской области, при священникахъ Феодорѣ

¹⁾ Пожилевичъ „Сказ. о насел. мѣстп. кіев. губ.“ стр. 681.

и Георгію, коштомъ ктитора Павла Гребѣнка съ братствомъ». Изъ «Сказ. о насел. мѣстн. кіев. губ.» узнаемъ, что эта церковь создана вмѣсто болѣе древней деревянной же церкви, построенной въ 1718 г.¹⁾ Въ настоящее время Михайловская церковь представляетъ собою чрезвычайно ветхое зданіе, готовое обрушиться, но стоящее еще благодаря множеству деревянныхъ подпоръ, поддерживающихъ его. Мѣсто, на которомъ построена эта церковь, было въ старину кладбищемъ; подъ самой церковью и теперь еще существуетъ склепъ, въ которомъ, какъ думаютъ, погребенъ сынъ Хмельницкаго, засѣченный Чаплинскимъ²⁾. Къ сожалѣнію, намъ не удалось проникнуть въ этотъ склепъ, чтобы лично осмотрѣть его и обслѣдовать.

Невдалекъ отъ Михайловской церкви находится въ землѣ и упомянутый въ началѣ нашей замѣтки камень. Онъ имѣеть продолговатую форму (футовъ 10 длины) и изрытъ нѣсколькими продольными бороздами. По преданію онъ служилъ во времена гетманщины позорнымъ столбомъ, на которомъ казнили преступниковъ. Въ послѣднее время крестьяне, думая, что этотъ камень внутри пустой, и надѣясь найти въ немъ кладъ, отбили отъ него довольно большой кусокъ, который лежитъ уже у самой церковной ограды. Конечно, ожиданія этихъ кладоискателей не оправдались.

Наконецъ, указываютъ еще мѣсто дома Богдана Хмельницкаго. Онъ стоялъ на склонѣ той же горы, на которой построена Ильинская церковь, за алтаремъ ея. Остатки стѣнъ этого дома существовали еще въ 1830 г.; но благодаря невѣжеству, были разобраны, и камень былъ употребленъ на постройку церкви въ Медвѣдовскомъ монастырѣ, находящемся всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Субботова. Теперь на мѣстѣ дома гетмана находится крестьянская усадьба; но слѣды существованія его все таки замѣтны въ почвѣ и въ настоящее время.

Вотъ и все, что осталось въ Субботовѣ отъ старины. Наступившая сумерки не позволили мнѣ произвести болѣе подробный осмотръ этой мѣстности, гдѣ два съ половиною вѣка назадъ произошли события, имѣвшія важныя историческія послѣдствія.

В. П.

Переписна кіевскаго генераль-губернатора М. И. Леонтьева по поводу назначенія ему жалованья (1743 г.) Михаилъ Ивановичъ Леонтьевъ, состоявшій кіевскимъ генераль-губернаторомъ

¹⁾ Покилевичъ, сгр. 682.

²⁾ Догадку эту сообщилъ наизъ мѣстный священникъ о. І. Л.; но, къ сожалѣнію, не указалъ источника, изъ которого она заимствована.

болѣе 15-ти лѣтъ (1738—1753), назначенъ былъ въ Кіевъ, какъ видно, вопреки своему желанію, отчисленный отъ арміи, отъ командованія полевыми полками, фельдмаршаломъ гр. Минихомъ по какой то «злобѣ» за него. Указъ о назначеніи его исправляющимъ должность губернатора состоялся 7-го марта 1738 г.¹⁾, а въ 1741 г., послѣ того какъ онъ вызванъ былъ для присутствія въ пр. Сенатѣ, января 7-го состоялся именной указъ о пожалованіи его въ полные генералы и въ генераль-губернаторы, при чемъ ему вмѣсто жалованья назначалось «довольствіе съ определенныхъ на тамошнихъ губернаторовъ деревень»²⁾. По приѣздѣ своемъ въ Кіевъ Леонтьевъ вступилъ во владѣніе с. Обуховыемъ, который до сихъ поръ владѣлъ кіевскій оберъ-комендантъ генералъ-маіоръ Нейбушъ пополамъ съ губернаторами.

Это село Обухово³⁾, принадлежавшее полковнику кіевскому Мокѣевскому, отписанное въ числѣ прочихъ маєтностей, принадлежавшихъ мазепинцамъ, въ казну, было предоставлено указомъ 1708 г. въ пользованіе бывшему тогда коменданту Герсичу, по отѣзгѣ Герсича изъ Кіева д. Обуховкою владѣлъ уже безъ узака кіевскій губернаторъ кназъ П. А. Голицынъ, по смерти котораго кіевскій коменданть полковникъ Царасуновъ исходатайствовалъ въ 1722 г. въ Правит. Сенатѣ разрѣшеніе владѣть этой деревнею «до указу»; а въ 1727 г. послѣдовалъ Высоч. указъ, которымъ повелѣно кіевскому вице-губернатору ген. м. Штоку «д. Обуховкою владѣть съ кіевскимъ комендантомъ пополамъ для ихъ пропитанія, пока они въ Кіевѣ у губернскихъ дѣлъ будутъ». На такомъ же основаніи владѣль этою деревнею и об.-ком. Нейбушъ съ 1732 г. пополамъ съ губернаторомъ Шереметевымъ, причемъ бывшему тогда же нѣкоторое время въ Кіевѣ генералъ-губернатору гр. Вейсбаху сказано было «изъ того села части во владѣніе не отдавать, потому что онъ въ воинскомъ штатѣ и какъ жалованье, такъ и раціоны получаетъ полные изъ воинской суммы, а губернаторъ Шереметьевъ и об. ком. Нейбушъ жалованье получаютъ по штату губернаторскому, а не воинское».

Леонтьевъ считалъ себя въ правѣ одному владѣть с. Обуховыемъ, чѣмъ и возбудилъ жалобу ген. м. Нейбуша. По этому поводу состоялось такое мнѣніе Пр. Сената: «оному г. Нейбушу изъ того

¹⁾ Ист. мат. изъ арх. К. Г. П. вып. 1-й, стр. 171.

²⁾ Сенатскій Архивъ т. II, стр. 164 и т. III, стр. 437.

³⁾ Называется оно въ болѣе раннихъ документахъ деревнею Обуховкою, а въ позднѣйшихъ селомъ Обуховыемъ.

с. Обухова во владѣніе половину отдать надлежитъ, а другою половиною владѣть генералъ-губернатору Леонтьеву; да ему же, генералъ-губернатору, для его содержанія не соизволено ль будетъ опредѣлить по штату 1725 года генералъ-губернаторское жалованье, чтобы не было противъ оного об. ком. Нейбуша, который жалованье по тому же штату получаетъ, а сверхъ того довольствоваться будетъ отъ той половины села, ему, генералъ-губернатору, обиды¹⁾»,

Какъ видно изъ имѣвшейся у меня въ рукахъ переписки, сохранившейся въ дѣлахъ губ. канц., Леонтьевъ, и получивъ штатное ген.-губернаторское жалованье, считалъ себя неудовлетвореннымъ и добивался зачисленія его въ штатъ арміи и выдачи ему жалованья и по воинскому штату. Объ этомъ онъ написалъ 3-го ноября 1743 письма одного и того же содержанія нѣсколькимъ лицамъ, въ томъ числѣ и гр. Алексѣю Разумовскому. Это то письмо вмѣстѣ съ полученными отвѣтами гр. Разумовского и Румянцева и помѣщается ниже.

1) «Милостивый государь мой Алексѣй Григорьевич.

Всенокорнейше вашему высокопревосходительству, милостивому государю, доношу, что получилъ я извѣстіе, въ какой силѣ сего 743 году сентябре 27 дня, по разсужденію Пр. Сената, назначено по табели 720 году имѣть полныхъ генераловъ на армейскомъ жалованью пять человѣкъ и въ то число опредѣлено быть моложея мевы г. генералу и кавалеру Бутурлину, а обо мнѣ показано,—хотя де я предъ нимъ Бутурлиномъ и старшинство имѣю, токмо де отъ воинской службы отставленъ и опредѣленъ въ здѣшнюю губернію генераломъ-губернаторомъ и для того бѣ мнѣ жалованье производить по генералъ-губернаторскому окладу и полевыми полкамъ въ командѣ моей не быть и во армейскомъ штатѣ меня не числить. А понеже я обѣ отставкѣ себя отъ воинской службы никогда не прашивалъ и нынѣ не желаю, но желаю вѣрно Е. И. В. служить до самой смерти моей; а въ прошломъ 738-мъ году бывшій фельтмаршалъ Минихъ, имѣя на меня злобу и отлуча меня отъ армейской команды въ кiev-

¹⁾ Ген. маиръ Нейбушъ въ своей жалобѣ писалъ, какъ видно это изъ доклада Пр. Сената, что онъ при уменьшеннѣ своемъ содержаніи только что и пропитаніе себѣ имѣлъ и субстанцію содержать изъ половины доходовъ того с. Обухова, повеже онъ собственныхъ своихъ вотчинъ и помѣстья и никакого къ пропитанію фундамента не имѣть, а ему де въ тамошнемъ пограничномъ городѣ Кіевѣ на одномъ жалованіи, яко беспомѣтному и совершенно бѣдному человѣку, пропитать себя съ женой и дѣтьми, также и при случаѣ приѣзжающихъ иностраннѣыхъ людей трактовать нечѣмъ». Сенат. Архивъ, т. III, стр. 437.

скую губернію, безъ всякаго резона старался о произвожденіи въ полные генералы младшихъ меня генераловъ - лейтенантовъ Кейта и фонъ-Левендаля, которые находились дѣйствительно въ командѣ моей, а прежде меня въ генералы пожалованы; а когда я въ прошломъ 740-мъ году взять былъ указомъ въ С.-Петербургъ для присутствія въ Пр. Сенатъ, то былъ челомъ о вышепомянутой обидѣ своей и пожалованъ въ полные жъ генералы; тогда онъ, Минихъ, неудовольствуясь прежде показанною мнѣ обидою, отправилъ меня въ Киевъ генераль-губернаторомъ, не опредѣли мнѣ никакого жалованья, ни армейскаго, ни губернского, о чёмъ извѣстно Пр. Сенату и Гос. Воен. Колледжіи. А въ 741 году по указу изъ Пр. Сената велѣно мнѣ команду имѣть надъ армейскими украинскаго корпуса полками и жалованье получать по генераль-губернаторскому окладу изъ положенныхъ въ штатъ доходовъ, а къ тому въ долachu по рангу полнаго генерала изъ воинской суммы; и тѣми армейскими полками я понынѣ командую и полное по рангу моему жалованье получаю третій годъ, какъ и прежде бывшіе здѣсь въ Киевѣ гг. генераль-губернаторы, князь И. Ю. Трубецкой, что нынѣ генераль-фельдмаршалъ, да шокойный генералъ и кав. графъ фонъ-Вейзбахъ, всегда армейскими полками командоали и, числясь въ штатѣ, жалованье по равнамъ своимъ сполна получали изъ воинской суммы, а чтобъ имъ надъ армейскими полками команды не имѣть и жалованье одно губернское получать, такова запрещенія и указу, какъ нынѣ обо мнѣ учено, никогда не было. Того ради прошу, дабы я чрезъ милосердое ваше, милостиваго государя, къ Е. И. В. представительство по старшинству моему вмѣщенъ былъ въ комплектъ штатнаго положенія къ арміи генераломъ по прежнему и жалованье бѣ мнѣ опредѣлено было полное производить изъ воинской суммы съ прочими въ равенствѣ, чтобъ мнѣ, будучи сорокъ четыре года въ долговременной и безпорочной въ на всѣхъ воинскихъ потребахъ безотлучной регулярной службѣ моей, и за раны крайней предъ другими обиды не послѣдовало и что я чрезъ помянутые многіе годы заслужилъ, того нынѣ лишенъ не былъ, въ чёмъ несумнѣнную надежду имѣю, что милосердымъ вашимъ, мил. гос. моего, представительствомъ и заступою втунѣ оставленъ не буду и со всенижайшимъ моимъ почтеніемъ остаюсь» и т. д.

2) Въ отвѣтъ на это письмо Алексѣй Разумовскій писалъ 15-го декабря изъ Петербурга слѣдующее:

«Вашего Превосходительства писаніе съ нарочно присланнымъ офицеромъ я получилъ, за которое покорно благодарствую. Что-жъ

надлежить до вашего прошения, о томъ и Е. И. В. представлялъ, и хотя я на то резолюціи еще и не получилъ, однако еще напоминать буду и, что воспослѣдуется, о томъ В. П. безъ извѣстія не оставлю. Между тѣмъ отправился отъ меня для нѣкоторыхъ моихъ нуждъ дво-рецкой мой Степанъ Рыбалкинъ на Украину; того ради ежели онъ В. П-во чѣмъ нибудь касающимся до моихъ нуждъ и до положенной отъ меня на него комиссіи, въ томъ прошу его, по вашей ко мнѣ благосклонности, не оставить».

3) Румянцевъ отвѣчалъ Леонтьеву отъ 17-го декабря такимъ письмомъ.

«Государь мой милостивый сватушка Михайло Ивановичъ!

Вашего Превосходительства почтенное письмо чрезъ капитана Максимовича я въ свое время получилъ исправно, на которое симъ во отвѣтъ донести честь имѣю, что по содержанію онаго, по свойственной моей должности, со многими господами, а именно съ князь Васильемъ Владимировичемъ, съ князь Никитой Юрьевичемъ, съ Алексѣемъ Григорьевичемъ и съ прочими о томъ просительнымъ образомъ разговаривалъ, только при общемъ всѣхъ сожалѣніи во отвѣтъ получалъ, что того нынѣ никоимъ образомъ вдругъ перемѣнить невозможно, ибо военная коллегія приписываетъ сіе разопредѣленіе Сенату, а Сенатъ учинилъ то для умѣщенія генералитету въ полное число по табели, считая васъ въ отставкѣ, почему и Все высочайшамъ Е. И. В. резолюціи воспослѣдовала, по силѣ которой по тому представленію не токмо В. П-ву однимъ, но и многимъ другимъ отъ команда и отъ жалованья отказано, яко же и я самъ, хотя въ положенное по штату число и введенъ съ прибытія моего сюда, не токмо какой команды, но и никакого лѣла не имѣю, ибо въ той же Все высочайшей резолюціи именно объявлено, что обо мнѣ и о генералѣ Бутурлинѣ (коему равномѣрно жъ надъ полками отъ команды, кроме московскаго малаго гарнизону, отказано) будетъ разопредѣленіе учнено по прибытіи Ея Величества въ Москву; по однако, не смотря на то, отъ означеннаго генерала Бутурлина прислана послѣ того въ Сенатъ челобитная, по силѣ которой ему команда опять поручена только до прибытія въ Москву генерала Левашева, который на сихъ днихъ туда уже и отправился, а какъ прибудетъ, то частореченнай генераль Бутурлинъ паки безъ команды жъ останется, развѣ впредъ на то какое особливое разопредѣленіе воспослѣдуегъ, почему легко разсудить изволите, какъ скоро нынѣ сіе перемѣнить возможно. Сверхъ же того челобитная ваша прислана только партикулярно на Все вы-

сочайшее имя Е. И. В., а не въ Сенатъ или въ Военную Коллегію, гдѣ оная надлежащее свое произвожденіе имѣть могла, какъ то съ вышеобъявленною генерала Бутурлина члобитною воспослѣдовало. Чего для чрезъ сіе В. П-ву дружелюбно за благо принуждаю прислатъ какъ найскорѣе въ Сенатъ или въ Военную Коллегію вторичную члобитную, которою просить только о имѣніи вамъ команды нацъ полевыми полками по прежнему, по силѣ чего уповательно надлежащее разсмотрѣніе и резолюція воспослѣдуется, при чемъ и я мое всевозможное стараніе прилагать готовъ, а о произвожденіи жалованья при томъ ничего не упоминать, но оставить то до того времени, пока Е. И. В. въ Кіевъ прибыть изволить, въ которое время Е. В. самъ персонально всеподданнѣйше просить и умилостивить можете, въ чёмъ В. П—во такъ мало сумѣваться должны, какъ подлинно всѣ мы обнадежены, что Е. И. В., по природному своему материсму Все-высочайшему великодушію, всеподданнѣйшей вашей просьбы безъ Все-милостивѣйшаго призрѣнія оставить не соизволить.

Бирочемъ желаю сердечно В. П-ву со всею вашею дражайшею фамиліею доброго здравія и всякою благополучія, а и съ женою и съ дѣтьми слава Богу здоровъ и всегда съ неотмѣннымъ моимъ почитаніемъ и вѣрнѣйшею преданностю пребуду и т. д.

4) На поздравительное съ праздникомъ письмо къ Наталії Разумовской Леонтьевъ получилъ отъ нея такой отвѣтъ отъ 10 января изъ Адамовки:

«Письмо ваше, мил. гос., съ поздравленіемъ торжественными праздниками Рождествомъ и Богоявленіемъ Господа нашего и наступающимъ новымъ годомъ, генваря отъ 8 ко мнѣ пущенное, я съ моимъ почтеніемъ честь имѣла получить, за которое покорно благодарю и (не оставила) такими же прошедшими Христова торжества праздниками и текущимъ новымъ годомъ васъ, мил. гос. моего, поздравляю съ такимъ желаніемъ, да всемогущій Творецъ подастъ вамъ текущій новый годъ и впередь много слѣдующіе съ любезнѣйшею сожительницею и богодарованными чады, при всецѣломъ здравіи и всечасливыми фортуналами препроводить, отъ чести же въ честь и отъ славы во славу преизойти усердно желаю и при отданіи моего поклона рекомендую себѣ всегдашнему васъ, мил. гос. моего, благопріятству, съ моимъ всегдашнимъ почтеніемъ пребуду васъ, мил. гос. моего, вѣрная служница Наталія Разумовская».

5) Въ связѣ имѣется еще одно письмо Леонтьева къ Алексѣю Разумовскому отъ 17 января 1744 г. такого содержанія:

«Ваше, мил. гос. моего, пожалованное мнѣ писаніе минувшаго декабря отъ 15 я 29 имѣлъ честь получить и за представление ваше, мил. гос., Е. И. В-ву прошенія моего о вмѣщенніи меня по старшинству въ арміи полныхъ генераловъ всепокорнѣйше прошу высокою своею милостію исходатайствовать въ просьбѣ моей отъ Е. И. В. Высочайший и Всемилостивѣйший указъ, въ чемъ я не имѣю другой помощи себѣ, на ваше, м. г. м., представительство и заступу благонадеженъ остаюсь. Что же изволили упоминать, яко вашъ, м. г. м., дворецкой Степанъ Рыбалкинъ отправился на Украину и дабы его здѣсь въ порученной на него комиссіи не оставить, токмо онъ Рыбалкинъ и по нынѣ на Украину не бывалъ, а какъ прибудетъ, то я, по повелѣнію вашему, м. г. м., надлежащихъ моихъ услугъ принести не оставлю и пребываю со всегдашимъ моимъ почтеніемъ».

Сообщ. А. Андр.

Народныя пѣсни про мужей-пьяницъ. Сообщаю здѣсь три пѣсни, которые рисуютъ несчастную судьбу женщины, вышедшей за мужа пьяницу. Первая пѣсня имѣеть сходство съ изданной П. Чубинскимъ (Тр. Э. Э. т. V, 1091, № 239); только приводимый мною варіантъ гораздо полнѣе рисуетъ картину. Пѣсня эта имѣеть ту особенность, что въ ней рѣзко обозначена діалогическая форма; пѣсня записана отъ лирника въ уманскомъ уѣздѣ, и окончанія стиховъ приспособлены къ гнусливому часто голосу пѣвца.

I.

Нещасный той чоловикъ,
Що въ корчми напився;
Жінка сидѣть—просить Бога,
Щобъ ни съ вімъ не бывса.
Ажъ винъ иде тай до хаты.
„Давай, жінко, вечеряти,
Коли маешь що,
Коли маешь що“.

А пришовши до хатыни,
Почавъ живку быти;
А побывши горшкі-мыски,-
Пишовъ до коршмы лыти.

Иде жъ бо винъ тай думае,
Що вже грошай чорт-ма,
Жыдъ набиръ не дасть,
Жыдъ набиръ не дасть.

А пришовши до коршомки,
Схильна на пляшку,—
Уси боги укладає въ орендаря ласку:
„Орендарю, ты мій пане,
Визьми вола ты одного,
А горилки дай,
А горилки дай!
— Ой ажъ-же-жъ ты на одного
Вола будешь пыти,
А ажъ прайде весна й осень,
Що будешь робити?
— „Орендарю, ты мій пане,
А я вола разгадаю,—
— А горилки дай,
А горилки дай!
Иде жъ бо винъ изъ коршомъ .

Весело спивае.

Жинка седить край виконца,
Слезы утирае.

— „Ой чого ты, дурна, плачешь?

Вже не буде намъ иначе:

Жыдъ вола визьме;
Жыдъ вола визьме“.

— Якъ же мени не плакати,
Колы дрибы диты,
Сама-жъ бо я тай не знаю,
Де мени ихъ диты.

— „Не моя жъ-то голова:
Сана ты ихъ завела,—
Мусышъ годувати,
Мусышъ годувати!“

II.

Ой не знала мене маты,
Та за кого замужъ диты,—
Дала мене за того,
За пьяныцю гаркого.

Пье пьяныца неділю,—
Я здома выдію,
А на другу повертае,
Мене маты посылае:
„Иды пьяныченки шукаты!“
Та забула запытати,
Де пьяныченки шукаты,—
Ой чи въ поли, чи въ дороза
Чи въ шинкарки на порози.

Скоро двери одчинила,
Пьяниченку увидила,
Увидила пьяниченку,
Шо хорошій на личеньку.
„Ой, пропою, пропою,
Пропала-жъ я съ тобою!“
— Проплыть хату щей кімнату,
Проплыть застую и лопату,

Проплыть комугъ щей дугу,—
Проплью тебе молоду!

Якъ ударывъ пьяниченко
По билому личку,
Обилила кровъ чирвона
По шитому подычку.

Не жаль мени
Квиты шиты,
Не жаль мени рукавици,—
Якъ жаль мени лита мои,
Шо пропала молода.

Шиты квиты отперуца,
Лита мои не вернуца.

Проплыть штаны шей сорочку,
А самъ счыв въ холодочку.
Десь узялася кума,
Выкупила сорома,
Штаны—сорочку дала.

„Якъ бы-жъ мени кислый борщъ,
Якъ бы-жъ мени паривецъ,
То бъ я пишовъ зъ дивчатами
На похмія у танецъ!“

Эта пѣсня имѣеть много вариантовъ (см. Труды этногр. эксп. V, стр. 582—585, № 191).

III.

По городи ходыла,
Лобидоньку садыла.
Чи я въ тебе, мій миленький, наймычка,
Шобъ я въ тебе служила?“
Ты пышыцыю продаешь,
Мыни гройеш не даешь;
А я зъ родомъ зашлася,
За цыбулю впилася.
За цыбулю та за макъ,

Пишла за-мужъ та нетакъ.
Пишла разъ та гаразъ:
Вже не пиду другій разъ.
— Чого-жъ, мыла, зачулася?
Чомъ въ кожухъ не вдилася?
— Бодай въ тоби бувъ такій духъ,
Якъ у мене есть кожухъ!
Якъ шатнулася по-пидстяхъ,
Нашла чобитъ и постиль.

Шатнулася та й нашла,
Узулася та й пишла.
Черезъ греблю иду,
Якъ голубка гуду.
Дивуюцца вражи люди,
Шо я взута иду.—
Шинкарку навидыло:
Взяла жертки—мотовило
И коюбу—помило,
Мене вдома не було.

(С. Молодецкое, кіевской г., уманского уѣзда).

„Ой сто броть твою ма,—
Неначе-жъ я пыла!
Я пыла на се-се,
Шо мій пивень напесо.
А мій пивень у шопи
Нанись яєць три копи.
А приставлю драбину,
Згорну лайця въ торбину,
Та повесу на торж къ,
Та заплатю свій довжокъ!“

Сообщилъ Хр. Ящуржинскій.

Забытый уголокъ Приворсклія. На рубежѣ между бывшей Гетманщиной и Слободской Украиной, нынѣ—между харьковской и полтавской губерніями, лежить этотъ забытый уголокъ, включая въ себѣ часть праваго и лѣваго побережья Ворсклы со старайними поселеніями—Опошней, Глинскомъ, Бѣльскомъ, Куземиномъ, раскинувшимися на правобережныхъ возвышеніяхъ этой рѣчки, и сл. Котельвой, расположенный на низменности лѣваго ея берега. Къ сѣверо-западу отъ м. Куземина, въ 3—4 верстахъ отъ него, надъ рѣчною долиною картина выдвигаются по склону горы скалы, камни, песчаники, за которыми въ концѣ прошлаго вѣка ютился Скельскій монастырь, упраздненный тогда же.

Мѣстность эта, по красотѣ своей, по богатству своей природы не имѣеть себѣ равной въ Поворскліи и можетъ поспорить съ лучшими по картинности мѣстоположенія уголками Днѣпровскихъ побережий. Лѣтомъ здѣсь—желанный пріютъ для любителя лачнаго уединенія, какого врядъ ли сыскать въ тѣхъ дачныхъ районахъ, которые переполнены публикой обычно. Туристъ, поэтъ, художникъ, этнографъ много вынесли бы отсюда новыхъ впечатлѣній, запаслись бы обильнымъ матеріаломъ каждый для своихъ работъ. Но это не единственная особенность этого забытаго уголка. Въ немъ историку и археологу далась бы не плохая жатва. Достойные вниманія послѣдніхъ памятники старины отчасти уже намѣчены мимоѣздомъ Шафонскимъ въ исходѣ XVIII в. и по наслышкѣ преосв. Филаретомъ въ концѣ первой половины XIX в. Послѣдній, какъ известно, упоминаетъ, въ общихъ чертахъ, о городищахъ Скельскомъ и Бѣльскомъ и о валѣ, тянувшемся къ юго-западу отъ Куземина. Специальныхъ изслѣдованій этихъ городищъ и этого вала никѣмъ еще не было сдѣ-

лано. Самое направлениe послѣдняго преосв. Филаретомъ намѣчено лишь вкользь, а о городищѣ и подземныхъ лѣхахъ въ Опошнѣ онъ вовсе не упоминаетъ.

Позднѣе въ этотъ уголокъ заглядывалъ покойный проф. Н. Д. Борисякъ, къ сожалѣнію, не оставившій никакихъ воспоминаній о посѣщеніи его.

Въ мѣстныхъ преданіяхъ отъ его прошлаго уцѣлѣли лишь обрывки неясныхъ намековъ. Такъ, лѣхи считаются обиталищемъ пещерныхъ поселенцевъ края, жившихъ здѣсь задолго до нашествія татаръ. Городища и валъ относятъ ко времени владѣнія этимъ краемъ литовскихъ великихъ князей, съ чѣмъ, впрочемъ, можно согласиться не безусловно, такъ какъ валъ, напр., представляетъ собой, по всѣмъ своимъ видимымъ признакамъ, сооруженіе различныхъ эпохъ... Кромѣ этихъ остатковъ сѣй старины мѣстность эта сохранила на себѣ памятники шведской войны и слѣды господства въ ней малороссийскихъ гетмановъ. Гадацкій полкъ былъ, какъ извѣстно, определенъ на булаву гетманскую. Въ данной мѣстности по направлению отъ Куземина до Полтавы при гетманахъ тянулась цѣнь таможень, въ которыхъ отбиралась индукта и эвекта на малороссийскій скарбъ. Въ сл. Котельвиѣ была, по преданію, и вотчина гетмана Брюховецкаго. Какъ велики были ея размѣры— не извѣстно. Въ 50-хъ годахъ еще текущаго столѣтія въ Николаевскомъ приходѣ на цѣлыхъ версты тянулась къ сѣверной окраинѣ Котельвиѣ обширная усадьба наследниковъ купца Гудимы, состоящая изъ стариннаго фруктоваго сада, окаймляемаго левадами и рощами и замыкавшагося густою дубровою. По всему саду были лѣхи, погреба, двѣ или три высокія могилы; стволы нѣкоторыхъ деревьевъ достигали больше трехъ обхватовъ. Съ переходомъ усадьбы въ руки другихъ владѣльцевъ, она постепенно стала уменьшаться; теперь много уже клочковъ отъ нея отошло подъ усадьбы мѣстныхъ обывателей; садъ и роща порѣдили; время уносить и самыя преданія о принадлежности ея вѣроломному и злонечному гетману.

Какъ видимъ, памятниковъ минувшихъ дней не мало въ нашемъ забытомъ уголкѣ. Заслуживаетъ ли онъ оставаться забытымъ— мы не беремся решать. Скажемъ только, что чѣмъ позже онъ будетъ обследованъ, тѣмъ слабѣе сохранятся въ немъ слѣды его прошлаго. Добавимъ еще, что мѣстные обыватели съ памятниками старины не церемонятся и, если случай подвернется, уничтожаютъ ихъ.

безъ сожалѣнія: шведскія могилы давно уже бороздятся плугомъ, раскопка вала тоже началась уже ради удобства проѣздовъ при рубкѣ и корчевкѣ растущаго на немъ и около него строеваго лѣса...

А. Т.

Изъ фамильныхъ преданій и архивовъ. 3) *Мельницы въ г. Козельцѣ.* Самымъ важнымъ вопросомъ, подлежавшимъ разсмотрѣнію чрезвычайного козелецкаго земскаго собранія 30 мая 1888 года былъ докладъ земской управы относительно приобрѣтенія земствомъ козелецкой плотины съ цѣлью осушенія болотъ, расположенныхъ въ долинѣ р. Острага. Докладъ этотъ вызвалъ продолжительный преній за и противъ предложенного управою проекта осушенія болотъ, но въ концѣ концовъ было единогласно постановлено: 1) разрѣшить управѣ кредитъ изъ суммъ запаснаго капитала земства въ размѣрѣ 12,800 р. для немедленнаго приобрѣтенія въ собственность земства всѣхъ мельничныхъ мѣстъ съ мостами и шлюзами на р. Острѣ въ г. Козельцѣ и 2) разрѣшить управѣ не понижать уровня воды въ р. Острѣ до тѣхъ поръ, пока управа, получивъ гарантіи возврата капитала отъ возможно большаго числа владѣльцевъ осушаемыхъ чрезъ это болотъ, не доложить о томъ ближайшему очередному земскому собранію. Во исполненіе этого постановленія мельничныя мѣста были приобрѣтены и въ настоящее время, если подѣлѣвать къ Козельцу со стороны Киева по шоссейной дамбѣ и мосту, едва видны вправо слѣды плотины и торчащія кое-гдѣ мельничныя пали, а р. Остеръ представляетъ собою сплошное болото, чрезъ которое перекинутъ длинный мостъ съ громадными ледорѣзами, напоминающими о быломъ разливѣ рѣки, впереди же моста красуется роскошный Растrellіевскій соборъ.

Какъ бы были бы удивлены обыватели г. Козельца временъ гетманщины, не узрѣвши своихъ «млыновъ», которые доставляли столько хлопотъ и заботъ влиятельнымъ представителамъ г. Козельца того времени, свидѣтельствомъ чего могутъ служить сохранившіеся до нашего времени два универсала короля Яна Казимира и гетмана Мазепы. Изъ первого универсала видно, что одна изъ мельницъ на козелецкой плотинѣ, между мельницами Лаврика мельника и Андрея Чуйкевича, райцы козелецкаго, принадлежала до 1657 года мѣщанину Яцку Лапкѣ, въ августѣ же 1657 года половина этой мельницы была врдана вдовою Лапки Ульяною Мартыновною и его сы-

новьами, Юськомъ и Грышкомъ, козелецкому чѣщанину Александру Ивановичу Долинскому. Въ 1663 году Долинскій купилъ у нихъ въ другую половину мельницы и, чтобы лучше укрѣпить за собою право владѣнія купленной мельницей, воспользовался кратковременнымъ пребываніемъ короля Яна-Казимира въ «мизерной хаткѣ» (Александровичъ, Остерскій уѣздъ, стр. 58) въ г. Острѣ въ ноябрѣ и декабрѣ 1663 года и выпросилъ у него подтверждительный универсаль, за собственноручной подписью короля и королевскаго секретаря Стефана Ганкевича, съ приложеніемъ большой королевской печати. Универсалъ гетмана Мазесы относится къ 1701 году и представляетъ собою разрѣшеніе тогдашнему козелецкому протонопу Петру Федоровичу пользоваться пополамъ съ войсковымъ товарищемъ Іосифомъ Миткевичемъ, жителемъ козелецкимъ, войсковой частью размѣра—съ одной изъ мельницъ о двухъ колесахъ на козелецкой плотинѣ.

Какъ видимъ, возрѣнія общественныхъ дѣятелей конца XVII вѣка и конца XIX на экономические вопросы значительно различаются не въ пользу первыхъ.

4) *Переяла аптека въ г. Нѣжинѣ.* Проживавшій въ г. Нѣжинѣ, отставной военный лѣкарь Михаилъ Лигда подалъ 6-го марта 1777 г. въ медицинскую коллегію прошеніе разрѣшить ему устроить въ Нѣжинѣ частную аптеку. Просьба Лигды была удовлетворена. 3-го іюля того-же года послѣдовалъ указъ, дозволяющій открыть аптеку съ назначеніемъ въ ней провизоромъ Іоганца Фридриха Матуша и разрѣшеніемъ выписывать иѣкоторыя лѣкарства «изъ-за моря», а остальная покупать по ордерамъ провизора Матуша за наличныя деньги по установленнымъ цѣнамъ въ лубенской полевой аптекѣ. Увѣдомление о данномъ Лигдѣ разрѣшеніи было послано въ нѣжинскій магистратъ и полковую канцелярію, а также въ лубенскую полевую аптеку. Весною слѣдующаго года указомъ медицинской коллегіи былъ посланъ изъ Глухова въ Нѣжинѣ для освидѣтельствованія вновь открытой аптеки «на наемныхъ подводахъ» на счетъ Лигды—состоявшій при малороссійской коллегіи надворный совѣтникъ лѣкарь Паульсонъ. Эта ревизія какъ бы санкціонировала существование «партикулярной» аптеки въ Нѣжинѣ, находившейся во владѣніи Лигды и въ 1786 г., во время составленія Шафонскимъ «Топографического описанія черниговскаго намѣстничества», въ которомъ она и упомянута при описаніи г. Нѣжина—«аптека каменная, греку (Лигдѣ?) принадлежаща—1».

Въ 1791 г. аптека эта была куплена провизоромъ Иваномъ Цигроу, а въ 1823 г. принадлежала его сыну Отто Цигрѣ. Н. В. Стороженко.

Современное дѣло о знахарствѣ. Приводимое ниже дѣло о чародѣйствѣ выписано мною изъ книги рѣшеній Телеханскаго волостнаго суда минскаго уѣзда Минской губ. во время экскурсіи моей въ Польсье въ 1890 г. Крестьяне вообще очень неохотно рассказываютъ о чаракѣ и чародѣяхѣ, и тѣмъ болѣе избѣгаютъ обращаться въ судъ. Вслѣдствіе этого этотъ образчикъ судебнаго рѣшенія не лишенъ интереса. Дѣло мы приводимъ цѣлкомъ (разбиралось 28 апреля 1890 г.).

Крестьянинъ дер. Омельной Святовольской волости Василій Гавриловъ Милевскій жалуется на крестьянина дер. Вульки Ивана Александрова Шабатько, что, когда сынъ жалобщика отъ простуды сильно заболѣлъ,—онъ, зная, что Шабатько занимается нашептываніемъ, обратился къ нему, и Шабатько согласился за 3 руб. вылечить черезъ 13 дней съ тѣмъ, что сынъ встанетъ, а та женщина, которая это сдѣлала, ляжетъ.—Онъ купилъ ему водки, и Шабатько, получивъ 3 руб., нашепталъ на водкѣ и далъ выпить сыну, но сынъ въ срокъ не выздоровѣлъ и никакая женщина не заболѣла. Просить о взысканіи 3-хъ руб. Иванъ Александровъ Шабатько на спросъ пояснилъ, что дѣйствительно, по просьбѣ Милевскаго, онъ прочиталъ молитву надъ водкою (онъ просилъ дать воды, но Милевскій просилъ на водкѣ) и велѣлъ дать выпить, сказалъ ему, что сынъ его будетъ живъ и здоровъ,—и сынъ выздоровѣлъ. Срока на выздоровленіе не обозначалъ и суммы вознагражденія не назначалъ, а сколько онъ далъ, то и принялъ. Молитву эту по требованію онъ прочиталъ и своему мѣстному священнику и священнику погрѣшностей никакихъ не нашелъ.

Свидѣтель крестьянинъ дер. Омельной Василій Осиповъ Коверчикъ пояснилъ, что Шабатько, потребовавъ отъ Милевскаго 3 руб. и пошептавъ на водкѣ, сказалъ: «это сдѣлала женщина, и она сейчасъ придетъ къ тебѣ просить чего нибудь; только ничего не давай; тогда она заболѣтъ». Но какъ онъ въ теченіи трехъ дней никого не дождался, то и требуетъ возврата денегъ. На основаніи 107 ст. общ. полож. о крестьянахъ волостной судъ предлагалъ сторонамъ кончить дѣло между собою миролюбіемъ, чего не послѣдовало, а посему: обвинять Ивана Шабатьку въ обманѣ людей своимъ врачеваніемъ, а Милевскаго въ томъ, что онъ по маловѣрію не обращался къ медицинской помощи, а къ «шептуналъ», судъ постановилъ: взыскать съ Ивана Шабатько въ пользу Милевскаго три рубля, а основаніи 102 ст. общ. полож. подвергнуть денежному штрафу въ

пользу мірского капитала телеханской волости Шабатька и Милевского по одному рублю каждого.

О чёмъ и объявить сторонамъ: (следуютъ подписи).

Сообщ. М. Давнарь-Запольский.

Къ статьѣ г. Боцяновскаго о Житомирской публичной библиотекѣ. Въ названной статьѣ («Кievская Старина» 1890, августъ) г. Боцяновскій далъ очень обстоятельную исторію основанія житомирской библиотеки, очеркъ ея состоянія за 25 лѣтъ, а также краткую характеристику общественной жизни г. Житомира въ пятидесятые и шестидесятые годы. Такимъ образомъ въ статьѣ г. Боцяновскаго мы имеемъ страницу изъ жизни ю.-западнаго края въ близкое къ намъ время, страницу, набросанную живо, умѣлою рукою и съ почти исчерпаною полнотою. Съ своей стороны; мы считаемъ нелишнимъ прибавить къ ней 2—3 слова, отчасти дополняющія иѣ-которые вопросы, отчасти разъясняющія ихъ съ иной точки зрѣнія.

Характеризуя житомирское общество и его интересы (стр. 260—263), авторъ справедливо отмѣчаетъ преобладаніе польского и другихъ элементовъ и постоянную рознь ихъ. Факты, приводимые имъ, можно дополнить еще слѣдующими. Въ 1866 г. въ Житомирѣ докторъ Романскій читалъ лекціи по физіологіи и геологія на французскомъ языке, пользовавшіяся, повидимому, успѣхомъ («Волын. Губ. Вѣд.» 1866 № 13). Открытие *перваго* русскаго книжнаго магазина Литова въ 1865 г. привѣтствовалось мѣстною газетою, какъ пріятная новость (*Ibid.* 1865 № 38). Болѣе подробныя и любопытныя свѣдѣнія объ общественной жизни и розни въ Житомирѣ можно почерпнуть изъ статей г. Братчикова («Волын. Г. В.» 1867 и сл. годовъ). Необходимо отмѣтить и то, что еврейская часть интеллигентнаго общества города уже давно стала близка къ интересамъ русскихъ. Изъ среды євреевъ является немало дѣятельныхъ сотрудниковъ мѣстнаго официального органа (нар. Л. Бинштокъ, Моргулисъ). Этимъ, можетъ быть, объясняется и значительный процентъ евреевъ читателей и посѣтителей библиотеки со дня ея открытия и до послѣднаго времени.—Говоря о проектахъ и устройствѣ первыхъ провинціальныхъ библиотекъ, авторъ упоминаетъ и о бывшей въ Житомирѣ въ тридцатые годы русско-польской публичной библиотекѣ съ безплатною читальней, судьба которой остается невыясненной. Жаль, что не сообщены о ней болѣе подробныя свѣдѣнія. (Кстати, цитату 2 на стр. 256 нужно допол-

жнть: 1865 г. № 12—14). При указаніи на подъемъ русскаго сознанія въ западномъ краѣ не мѣшало бы упомянуть объ открытии въ волынск. губ. уѣздныхъ библіотекъ, напр. въ Новградѣ Волынскѣ, Староконстантиновѣ («Волын. Губ. Вѣд.» 1866 №№ 13, 6, 41).

Что касается «плана» публичной библіотеки, набросанаго гр. Плятеромъ въ письмѣ къ предводителю дворянства г. Микуличу, то авторъ, повидимому, склоненъ считать его проектомъ чисто русской публичной библіотеки. Не успѣхъ его онъ видѣть въ отсутствіи общихъ интересовъ у житомирцевъ. «Польская часть общества, говорить авторъ, не нуждалась (?) въ такомъ учрежденіи, да кромѣ того, была занята въ это время своими дѣлами». Первое утвержденіе едва ли справедливо, потому что и гр. Плятеръ, и гг. Микуличъ и Невмѣржицкій, проводившіе въ обществѣ проектъ библіотеки, были поляки. Дѣло библіотеки понималось гр. Плятеромъ очень широко; она должна была быть ученымъ учрежденіемъ по преимуществу, заключать въ себѣ пособія для изученія Волынского края. Припомнимъ слова письма: «Давно уже я намѣревался собрать разныя пособія для научныхъ занятій въ пользу нашего края. И просвѣщеніе въ странѣ есть первый и единственный двигатель для развитія моральныхъ силъ въ цѣлой массѣ; пока оно задержано, пока не вполнѣ развились; до тѣхъ поръ всѣ усиленія вѣсколькихъ человѣкъ не могутъ разбудить остальныхъ отъ бездѣлія. Понималъ эту простую мысль и зная, что только настоящее образованное общество можетъ оставить неизгладимое вліяніе на своей эпохѣ,—я посылаю вамъ планъ публичной библіотеки». При библіотекѣ предполагался музей изъ трехъ отдѣлѣній: археологическаго, зоологическаго и изящныхъ искусствъ. Предлагая во временное пользованіе библіотекѣ свое собраніе книгъ, (изъ 7.000 томовъ) гр. Плятеръ могъ предложить книги по преимуществу ученыхъ, серьезнаго содержанія (что, думаемъ, несомнѣнно изъ его словъ и занятій по мѣстной исторіи) и притомъ на иностраннѣхъ языкахъ.—Г. Воцяновскій думаетъ, что въ данное время польской части общества было не до библіотеки и это было время возставлія, подготовительныя работы къ которому начались еще съ 50-хъ годовъ. Главною цѣлью всѣхъ этихъ работъ было возможно тѣсное сближеніе всѣхъ классовъ польского общества между собой. Средоточіемъ этихъ работъ былъ г. Житомиръ. Далѣе авторомъ перечисляются различныя польскія учрежденія и общества, дѣйствовавшія въ Житомирѣ съ этой цѣлью (стр. 266). Причины, повидимому, очень вѣроятны. По съ другой сторонѣ, помимо цѣли библіотеки, поставленной

еи инициаторомъ, польское общество именно и могло горячо взяться за проектъ гр. Платера,—такъ, по крайней мѣрѣ, могла думать высшая администрація края и не совсѣмъ доброжелательно взглянуть на проектъ, идущій со стороны поляковъ, въ особенности при усиливающемся броженіи умовъ въ ихъ средѣ. Припомнимъ, что уже въ самомъ началѣ шестидесятаго года общество Качковскаго (для изданія дешевыхъ книгъ въ Житомирѣ) должно было объявить о ликвидаціи своихъ дѣлъ. Любопытенъ аналогичный случай съ слонимской библіотекой, приведенный у г. Боячиновскаго (268 стр.), открытію которой воспрепятствовала администрація изъ опасенія, чтобы сюда «не втерлись и поляки, которые самое благое и чистое учрежденіе могли постараться обратить въ политический клубъ и въ орудіе своей пропаганды» (слова «Виленск. Вѣста»). Мы не имѣемъ никакихъ основаній и права приписывать проекту гр. Платера какую-либо тенденцію, но высказываемъ только вѣроятное предположеніе о причинѣ неуспѣха его, зависѣвшаго, по нашему мнѣнію, отъ осторожнаго и выжидательного положенія администраціи края. Опасеніе за свой планъ или за будущее отчасти сквозитъ и въ самомъ письмѣ: «Въ случаѣ какихъ ниб. неожиданныхъ перемѣнъ или распоряженій правительства, складка прекращается теперь же или по истеченіи иѣвтораго времени, а приобрѣтеныя вещи могутъ быть проданы въ пользу общества или съ благотворительной цѣлью».

Не лишнимъ, думаемъ, будетъ сказать нѣсколько словъ о самомъ гр. Платерѣ. Графъ Владимиrъ - Станиславъ Бруль - Платеръ родился въ 1831 г. на Волыни. Въ шестидесятыхъ годахъ опѣ былъ попечителемъ житомирской (тогда волынской губернскай) гимназіи. Онъ не мало занимался исторіей Польши и Волыни. По Estreicher'у¹⁾ имъ напечатаны: 1) Объ основаніи гимназіи на Волынѣ. Сиб. 1861 г. 2) Записка объ основаніи въ Волынской губ. новаго Домбровицкаго уѣзда. Сиб. 1861 г. 3) *Zbiór pamiętników do dziejów polskich.* 4 тома. Варшава. 1858 г. У Estreicher'a же указаны еще находящіеся въ рукописи его труды: *Batoriany* (6 том.), *Pamiętniki Platereków* (9 т.) и біографія Андрея Фрича Модржевскаго. Кроме того, его изданіемъ издано довольно много полезныхъ книгъ. Эти работы доставили гр. Платеру «уваженіе не только на Волынѣ, но и во многихъ ученыхъ обществахъ Европы»²⁾. Намъ еще позѣстна не-

¹⁾ Bibliografia polska, III, 421.

²⁾ Киевск. Телеграфъ, 1860, № 5.

большая статья его Dąbrowica (въ «Dziennik Warszaw.» 1885, № 10), въ которой вкратцѣ изложена исторія родового помѣщества гр. Платеровъ (въ ровен. у. волынск. губ.)¹⁾.

Мысль о музей при библіотекѣ впервые высказана была также гр. Плятеромъ. Необходимо однако отмѣтить, что важное значеніе его указано было известнымъ изслѣдователемъ Волыни въ геологическомъ отношеніи г. Оссовскимъ, въ настоящее время дѣятельнымъ сотрудникомъ изданий краковской академіи. Помѣщая одну изъ его статей «Важность геогнозіи въ практическомъ ея примѣненіи вообще и въ особенности на Волыни», редакторъ «Волынскихъ Губ. Вѣд.» г. Мацкевичъ (1865, № 44, т. е. еще до открытия библіотеки) дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: «Настоящая статья можетъ служить практическимъ указаниемъ для осуществленія мысли объ устройствѣ музея волынской губ. Въ одномъ изъ предыдущихъ №№ мы говорили, что въ Житомирѣ еще въ 1837 г. при тогдашней публичной библіотекѣ была учреждена выставка произведений природы и промышленного труда волынск. губ. По рассказамъ нѣкоторыхъ, эта выставка была очень обширна и хорошо устроена; въ составѣ ея входили даже чучела такихъ звѣрей, какъ лоси. Отъ нея осталось для настѣ очень немного: на чердакѣ одного дома нѣсколько минералогическихъ ящиковъ съ стеклянными крышками, на чердакѣ другаго—нѣсколько моделей хозяйственныхъ орудій, да при статистическомъ комитетѣ два образчика сѣраго сукна. Въ настоящее время предположено въ волынской губ. вновь устроить волынскій музей. Само собою разумѣется, что однимъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ музея долженъ быть геологический». Г. Оссовскому въ значительной степени и должны мы быть обязаны за практическое осуществленіе мысли о геологической коллекціи волынск. губ.)²⁾.

Прошло 25 лѣтъ со дня открытия библіотеки, и эти 25 лѣтъ она прожила тихо, незамѣтно, безъ какихъ либо особыхъ попеченій о ней и значительныхъ улучшеній. Распорядительный комитетъ библіотеки собирался для обсужденія дѣлъ ея очень рѣдко, иногда, чутъ ли не разъ въ годъ для подписанія отчета библіотекаря и ут-

¹⁾ Впрочемъ, редакторъ „Волынск. Губ. Вѣдом.“ А. Перльштейнъ, помѣщая переводъ этой статьи въ своей газетѣ (1855 № 39), замѣчаетъ, что большая часть ея есть дословный переводъ статьи М. Максимовича въ сборникѣ его „Кіевлянинъ“ 1840, стр. 244—250.—О дальнѣйшей дѣятельности гр. Плятера мы ничего не знаемъ.

²⁾ „Тотъ же авторъ“, на которого ссылается г. Бочиновскій на стр. 281, не гр. Плятеръ, какъ можно было понять по контексту, а г. Братчиковъ.

вержденія смыты на будущій годъ. Не находилось еще лица, близко принимавшаго къ сердцу ея интересы и улучшеніе. Распорядительный комитетъ не считаетъ нужнымъ слѣдить за развитіемъ библіотечнаго дѣла въ Харьковѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Воронежѣ, Одессѣ и т. д. Тихо и мирно шли годы за годами; все дѣло храненія, выдачи, выписки книгъ, а также отчетности возлагалось на единственнаго библіотекара, дежурившаго въ библіотекѣ отъ 10 часовъ утра до 8 часовъ вечера, за исключеніемъ двухъ часовъ обѣднаго перерыва. Только сравнительно недавно назначенъ былъ къ нему помощникъ. Вотъ почему (за исключеніемъ первыхъ лѣтъ) отчеты библіотеки не даютъ отвѣта на многіе весьма существенные вопросы (о распределеніи читателей по возрастамъ, сословіямъ, образованію, о степени популярности того или другого писателя). Вотъ почему библіотека сдѣлала мало цѣнныхъ и достойныхъ приобрѣтеній. Въ послѣднее время, однако, проявлено энергичная дѣятельность въ приобрѣтеніи новыхъ книгъ. Но, по нашему мнѣнію, полезнѣе было бы пополнить прежде многое недостающее (тутъ отчасти могли бы оказать пользу отчеты и каталоги лучшихъ провинціальныхъ библіотекъ).

Въ заключеніе приведемъ нѣкоторыя цифры о состояніи библіотеки въ послѣднемъ 1890 г., опубликованныя не такъ давно («Волын. Губ. Вѣд.» 1891, № 65). Число членовъ библіотеки въ этомъ году было 13, читателей 1042, посѣтителей 719. Требованій удовлетворено 14,354; изъ нихъ на книги серьезнаго содержанія падаетъ 2,035, на беллетрист. произведенія 7,702 и на периодич. изданія 4,617. Библіотека заключала въ 1890 г. 19,679 томовъ. Музей состоялъ изъ 681 экземпляра мѣстныхъ породъ и почвъ и 41 монеты.

Арк. Ляшенко.

БИБЛІОГРАФІЯ.

*B. E. Постниковъ. Южно-русское крестьянское хозяйство.
Москва. 1891*

Переселенія въ южной Россіи даже за время послѣднаго фазиса развитія нашего государства составляютъ обширный отдыльъ его исторіи, не приведенный еще въ систематической порядокъ, но уже подвергавшійся разработкѣ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ. Во время присоединенія Малороссіи къ сѣверной части Россіи уже обозначилось сильное движение населенія отъ Днѣпровскаго побережья въ слободскую Украину, шедшее рядомъ съ переселеніями съ сѣвера туда же и на Донъ; раньше того начавшееся движение въ Запорожскія степи не прекращалось; далѣе, съ половины XVIII вѣка, предваряя военные экспедиціи къ Черному морю и рядомъ съ ними, шло постоянное передвиженіе населенія къ южнымъ морскимъ берегамъ материка; по уничтоженіи Запорожья, съ конца XVIII вѣка, началось переселеніе съ мѣстъ его вольностей на дальній востокъ—Кубань, которое продолжалось затѣмъ въ теченіе всего XIX вѣка и продолжается до настоящаго времени. Съ конца XVIII и начала XIX вѣка правительство начинаетъ принимать участіе въ колонизаціи Новороссіи и стремится ее регулировать. Учрежденіе конторы опекунства иностранныхъ поселенцевъ и евреевъ, переселяемыхъ въ этотъ край, рядъ указовъ о порядке приема въ среду кубанскаго войска бѣжавшихъ туда бывшихъ запорожцевъ и другихъ лицъ, институтъ военныхъ поселеній, которымъ стали устраиваться съ 20-хъ годовъ истекающаго столѣтія, правила о заселеніи степей крѣпостными при помощи помѣщиковъ, имѣвшихъ право владѣнія людьми, разные законоположенія о «бѣглыхъ» и т. п.—вся эта дѣятельность правительства, продолжавшаяся до Севастопольской войны, имѣла цѣлью

заселеніе пустынного «дикаго поля», пріобрѣтеннаго государствомъ наль берегомъ Чернаго моря.

Когда законы 1861 года о бывшихъ помѣщичихъ крестьянахъ и 1866 года о государственныхъ крестьянахъ уничтожили подневольное и несвободное положеніе этакъ группъ населенія, колонизация Новороссіи продолжалась естественнымъ путемъ и отчасти при помощи правительства, раздававшаго новооселенцамъ участки изъ свободныхъ казенныхъ земель. Наконецъ, законами 12 іюня 1886 года о переводе всѣхъ разрядовъ государственныхъ крестьянъ (въ томъ числѣ и колонистовъ) въ состояніе собственниковъ, 19 мая 1887 года о ликвидациіи дѣлъ конторы опекунства иностранныхъ поселенцевъ и евреевъ и распоряженіями 1888 года о прекращеніи отвода земель подъ водвореніе переселенцевъ изъ другихъ губерній въ новороссійскія губерніи правительство закончило свои мѣропріятія, продолжавшіяся въ теченіе всего XIX вѣка.

Перемѣзы, происшедшія въ экономической и соціальной жизни массы населенія подъ вліяніемъ реформъ 60-хъ годовъ, отвлекли вниманіе и правительства, и общества отъ вопроса о переселеніяхъ; сама жизнь массы населенія, устраивавшагося вначалѣ на своихъ мѣстахъ въ качествѣ собственниковъ, не давала въ началѣ этого периода повода къ его обсужденію. Но уже въ 1876 году одинъ изъ постоянныхъ изслѣдователей экономической стороны народной жизни Ф. Ф. Вороновъ заговорилъ о необходимости регулировать переселеніе крестьянъ. Въ своей статьѣ по этому поводу, помѣщенной въ «Вѣстникѣ Европы» (январь, 1876) онъ говорилъ, что «процессъ устроенія» крестьянъ на новыхъ началахъ свободной экономической жизни уже закончился, но очевидно не въ пользу увеличенія ихъ благосостоянія. Приведенные имъ цифры относительно 9-ти южныхъ черноземныхъ губерній, почерпнутыя изъ достовѣрныхъ официальныхъ источниковъ, показывали, что размѣръ надѣла въ этихъ губерніяхъ у бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ колеблется отъ 2 до 2,7 десятинъ, а у бывшихъ государственныхъ отъ 3 до 5,7 десятинъ на ревизскую душу (т. е. на душу мужскаго населенія бывшаго въ 1858 г.). Чужой земли, т. е. помѣщичьей, казенной и удѣльной, которую крестьяне при извѣстныхъ условіяхъ могли бы брать себѣ въ обработку, на душу приходилося отъ 1,6 до 4,4 десятинъ.

Авторъ не бралъ въ разсчетъ новороссійскихъ губерній, а только полосу отъ подольской и волынской до воронежской и тамбовской включительно. Разматривая отношеніе между количествомъ по-

датей и платежей за наимаемую землю, выстою рабочей платы и доходностью земли, къ которой стала прилагаться свободный трудъ крестьянъ, онъ приходилъ къ тому заключенію, что результаты этого труда на мѣстѣ не могутъ доставить труженику средствъ даже для удовлетворенія первѣйшихъ потребностей продовольствія семьи; оттого и явились усиленныя исканія заработка на сторонѣ,—такъ называемые, отхожіе промыслы, а рядомъ съ ними цѣлый рядъ переселеній изъ указаннаго района на Кубань, въ ставропольскую губернію и въ Новороссію. Рекомендую регулировать дѣло передвиженія населенія въ болѣе свободную территорію Новороссіи, г. Воропоновъ указывалъ на необходимость нѣкоторыхъ законоположеній и распоряженій, направленныхъ къ этой цѣли. Часть предлагавшихся имъ мѣръ получила осуществленіе, но они оказывались запаздывавшими, такъ какъ стремленіе къ переселеніямъ развивалось гораздо быстрѣе, чѣмъ осуществлялись эти мѣропріятія. Увеличеніе населенія на мѣстѣ превосходило количество земель, имѣвшихся по соображеніямъ г. Вороцонова въ Новороссіи для ихъ заселенія. Труды Чаславскаго, Янсона, Григорьева и др. ученыхъ, разбирающихъ этотъ вопросъ, доказывали съ неумолимою ясностью, что колонизація нашего народа на югъ, дошедши до естественныхъ границъ у Чернаго моря и Кавказскаго хребта, должна перелиться черезъ край и искать себѣ другого исхода. Изслѣдованія же текущей жизни по вопросу объ отхожихъ промыслахъ и переселеніяхъ, произведенныя харьковскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ и земскими статистическими учрежденіями губерній черниговской, полтавской, екатеринославской и херсонской обнаруживали, что изъ всѣхъ этихъ мѣстностей началось передвиженіе населенія за Ураль сухопутьемъ и по новооткрывшемуся океаническому пути на Амуръ. Правительство, какъ известно, въ послѣднее время отвѣтило на эту народившуюся потребность новой жизни организацію переселенческихъ конторъ на восточной границѣ Европейской Россіи, установленіемъ правилъ для эмигрантовъ,ѣдущихъ океаномъ на Амуръ, и наконецъ, предположеніемъ о постройкѣ желѣзной дороги черезъ Сибирь.

Таково историческое развитіе явленія, которое стало однимъ изъ главныхъ симптомовъ жизни южнорусского населенія въ послѣднее время. Въ книгѣ, заглавіе которой мы выписали, ему отводится также одно изъ главныхъ мѣстъ среди всѣхъ разсужденій автора о положеніи крестьянъ и колонистовъ—гѣмцевъ Новороссії. Для своего сочиненія онъ пользовался земскими статистическими работами

въ губерніяхъ херсонской, екатеринославской и таврической, т. е. тѣхъ губерній, на которыхъ еще 15 лѣтъ тому назадъ г. Воропоновъ указывалъ, какъ на такіа, куда можетъ быть направлено переселеніе. Теперь же на основаніи точныхъ цифровыхъ данныхъ, собранныхъ подворными переписями, послѣ долгихъ и разнообразныхъ вычислѣній, авторъ приходитъ къ нѣсколькимъ положеніямъ относительно законодательныхъ мѣръ, необходимыхъ, по его мнѣнію, для удержанія южнорусского крестьянскаго хозяйства отъ полнаго разоренія. Какъ намъ кажется, главными являются его выводы о необходимости уничтоженія общинныхъ порядковъ съ воспрещеніемъ дальнѣйшихъ коренныхъ передѣловъ, уменьшающихъ размѣръ надѣла, и предоставленіе выселенію всевозможныхъ пособій со стороны правительства въ такомъ размѣрѣ, чтобы изъ всей Россіи ежегодно могло выселяться въ Сибирь не менѣе миллиона народа.

Первое положеніе намъ представляется въ его книгѣ ничѣмъ необоснованнымъ мнѣніемъ, продиктованнымъ просто личнымъ неприсошеніемъ автора къ извѣстной формѣ крестьянскаго общежитія; потому мы никакъ не можемъ раздѣлить совѣтовъ автора правительству, которое держится въ этомъ отношеніи болѣе либеральныхъ воззрѣній и предоставляетъ каждому крестьянскому обществу практиковать или душевое надѣленіе своихъ членовъ землею съ передѣлами, какія оно найдетъ нужными производить, или участковое съ наслѣдованіемъ безъ передѣловъ. Второе же предложеніе обѣ устройствѣ эмиграціоннаго дѣла у автора является основаніемъ на расчётахъ, которые его и читателя приводятъ къ несомнѣнному заключенію о перенаселенности Новороссіи, или, какъ онъ выражается еще, перенасыщенности земледѣлія рабочими руками и рабочимъ скотомъ.

Для нашей цѣли является постороннимъ дѣломъ указывать на методъ и способы исчислений, которые приводятъ автора къ такому выводу; достаточно будетъ, если скажемъ, что они зиждутся на несомнѣнныхъ данныхъ, добытыхъ сельско-хозяйственную наукой и статистикою, усовершенствованшою за послѣднее время свои пріемы изслѣдованія. О другихъ предположеніяхъ автора, какъ помочь южнорусскому крестьянскому хозяйству, мы также говорить не будемъ, такъ какъ они относятся къ области агрономіи и чистой экономіи. Что же касается до вывода его, основанного на точныхъ вычислѣніяхъ, о необходимости расширить эмиграцію населенія изъ Евро-

нейской Россіи, то думаемъ, что онъ подтверждается и исторіею переселеній въ Южной Россіи за послѣдніе 300 лѣтъ, почему едва ли можетъ подлежать опроверженію.

А. Гусовъ.

Бернгардъ Таннеръ. Описаніе путешествія польскаго посольства въ Москву въ 1678 году. Переводъ съ латинскаго, примѣчанія и приложенія И. Ивакина. Съ 5 ю фототипіями. Москва. 1891.

Издание записокъ и сказаний иностранцевъ о Россіи въ исправленъмъ переводѣ ихъ на русскій языкъ, съ необходимыми примѣчаніями и приложеніями въ особенности, является отвѣтомъ на одинъ изъ важнѣйшихъ запросовъ людей, занимающихся русской исторической наукой, такъ какъ записи и сказанія служатъ очень часто первостепеннымъ историческимъ материаломъ. Создавая потребность въ такого рода изданіяхъ, Московское общество исторіи и древностей удѣляетъ не мало мѣста для нихъ на страницахъ своихъ «Чтений»; настоящее «Описаніе путешествія» также издано имъ. «Описаніе» важно тѣмъ, что точно и обстоятельно изображая событія своего времени и будучи важнѣйшимъ источникомъ для характеристики русской жизни въ половинѣ XVII вѣка, впервые появляется въ свѣтѣ въ полномъ своемъ объемѣ, такъ какъ раньше переводились только отдѣльныя части его. Переводчикомъ и комментаторомъ труда Бернгарда Таннера г. Ивакинымъ сообщено нѣсколько біографическихъ фактовъ, касающихся личности составителя «Описанія», какие можно было извлечь изъ названного труда. Бернгардъ Таннеръ происходилъ изъ чешской католической семьи, жившей въ Прагѣ; онъ родился около 1650 г.; страсть къ путешествіямъ и къ изученію обычаевъ малоизвѣстныхъ народовъ завела его въ Московское государство, куда онъ прибылъ въ свитѣ польского посольства въ 1678 году. Большая часть «Описанія» относится къ Москвѣ и обычаямъ ее обитателей; мы ея, поэтому, не будемъ касаться, а обратимъ вниманія лишь на ту часть, въ которой Таннеръ передаетъ впечатлѣнія, произведенные на него строемъ жизни въ западной Руси. Въ изображеніи вицѣшней стороны видѣнныхъ имъ городовъ авторъ кратокъ; о главныхъ изъ нихъ, о столицахъ, какъ Варшава и Краковъ, сказано въ «Описаніи» немногого; отмѣчены только важнѣйшія святыни, храмы, дворцы, крѣпости, ратуши и проч.; въ другихъ городахъ онъ не находить ничего достойнаго вниманія, если не встрѣчаетъ предмета религіознаго

почитанія; нѣсколько обстоятельнѣе авторъ описываетъ Ченстоховъ, Тымотинъ, Люблинъ, Брестъ-Литовскъ, Пружаны, Песочну, Могилевъ ва Диѣпѣ и Смоленскъ. Но несмотря на враткость описанія, иногда въ двухъ—трехъ словахъ, въ мѣткомъ эпитетѣ, въ разсказѣ о какомъ—нибудь характерномъ фактѣ, ясно проглядываетъ личное отношеніе автора къ той или другой народности въ западномъ краѣ; такъ, напр., описывая уличныя драки и безнаказанныя убийства, совершаемыя шляхтой на глазахъ у всѣхъ, путешественникъ съ ироніей замѣчаетъ, что такія преступленія называются польской вольностью; эту польскую вольность пришлось Таннеру испытать и на себѣ, когда пьяные слуги п. Саїги напали на него въ Краковскомъ предмѣстіи въ Варшавѣ и едва не побили камнами; говоря о виленскомъ сеймѣ, авторъ опять возвращается къ описанію беспорядковъ и безчинствъ, которые паны-шляхта производили на сеймѣ, а ихъ слуги въ городѣ.

При этомъ Таннеръ припомнинаетъ выраженіе одного итальянца, часто повторяемое въ Польшѣ: «здѣсь совершаются одно изъ семи чудесъ на свѣтѣ: вонять и бранится точно пьяные, а все таи, наконецъ, рѣшаются». Таннеръ указываетъ также и на подкупы сеимущихъ даже въ его время. Такъ же мало скрываетъ онъ свою нелюбовь и къ евреямъ, къ ихъ всегдашимъ занятіямъ корчевствомъ и торговлей; слово: «плутъ-жидъ» является у него обычнымъ эпитетомъ для еврея; задаваясь вопросомъ о причинѣ, почему паны отдаютъ предпочтеніе въ арендѣ евреямъ, онъ предполагаетъ ее въ томъ, что никто не платить такъ аккуратно и такой высокой аренды, какъ они; этимъ же онъ объясняетъ и ту широкую свободу, какой пользуются евреи въ Польшѣ; кстати указывается и на еврейскія плутни въ пограничной московской торговлѣ, предметомъ которой служатъ, главнымъ образомъ, мѣха; отмѣчая перенесеніе западно-русскихъ городовъ евреями, авторъ «Описанія» называетъ Брестъ-Литовскъ—«грызной жидовской столицей». Но если онъ съ презрѣніемъ относится къ евреямъ изъ-за ихъ экономической дѣятельности, то въ отношеніи его къ православному населенію края лежитъ чисто религіозная подкладка; о православныхъ овъ говоритъ мало, но вездѣ ихъ называетъ не иначе какъ схизматиками, скорбить, что они умножаются по нерадѣнію тѣхъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, и сожалѣть, что въ разоренныхъ московскими войсками литовскихъ городахъ храмы и дома схизматиковъ остались нетронутыми и пощажены схизматиками—непріателями; посѣтивъ Смоленскъ, Таннеръ обратилъ свое вниманіе на ту особенность, что жители города, подчиняясь то

русской, то польской власти, усваивають себѣ поперемѣнно и обычаи то тѣхъ, то другихъ побѣдителей. Изъ политическихъ событій авторъ кратко сообщаетъ обѣ одномъ: о побѣдѣ надъ турками подъ Чигириномъ. Таковы тѣ немногія данныя, которыя заключаются въ «Описаніе» для характеристики западно-русской жизни въ XVII вѣкѣ. Слѣдующее за тѣмъ въ сочиненіи Таннера описание Москвы, ея обычаевъ, дипломатическихъ переговоровъ посольства и проч. даетъ много весьма любопытныхъ подробнѣстей и иллюстрируется нѣсколькими изображеніями москвичей, а также видами и планомъ города. Для болѣе удобной оцѣнки правдивости Таннера и доказательства важности сообщаемыхъ имъ фактовъ, г. Ивакинъ привелъ въ извлеченіи описанія Москвы, сдѣланныя другими иностранцами, а также извлеченіи изъ дѣлъ московского архива министерства иностранныхъ дѣлъ документовъ, касающихся переговоровъ посольства 1678 г. Все это дѣлаетъ трудъ г. Ивакина весьма цѣннымъ подспорьемъ для занимающихся русской исторіей.

И. Каманинъ.

Сборникъ по хозяйственной статистикѣ полтавской губерніи. Томъ IX. Прилуцкій уѣздъ. Полтава. 1891.

Этотъ томъ составляетъ продолженіе издавай полтавской губернской земской управы, начатыхъ еще въ 1883 году и улучшающихся съ каждымъ годомъ. Описанія уѣздовъ, выходившія сначала, были очень коротки; первые томы состояли почти изъ однѣхъ статистическихъ таблицъ, а текстъ составлялся только поясненіе къ нимъ; въ послѣдующихъ появились уже описанія каждого отдельного селенія съ характеристиками сельско-хозяйственного экономического быта; затѣмъ, кромѣ очерковъ крестьянского и казачьего хозяйства, въ нѣкоторыхъ томахъ стали въ видѣ дополненій выходить очерки и помѣщичьихъ хозяйствъ; теперь, наконецъ, каждый томъ изданій полтавского земства заключаетъ въ себѣ характеристику хозяйства какъ крестьянскихъ и казачьихъ обществъ, такъ и помѣщичьихъ имѣній, имѣющихъ болѣе 50 десятинъ.

Эта двупланность изслѣдованій, установленная при началѣ работы, отзывается невыгоднымъ образомъ и до сихъ поръ на изданіяхъ полтавского земства и является уже непоправимымъ недостаткомъ, такъ какъ свѣдѣнія относительно казаковъ, крестьянъ и нѣкоторыхъ мѣщанъ были собраны по одной программѣ посредствомъ подворной

переписи; данные же о помѣщичьихъ хозяйствахъ собирались отъ владѣльцевъ и разрабатывались были самостоятельно безъ связи съ положеніемъ окружающихъ ихъ крестьянскихъ и козачьихъ хозяйствъ. Въ каждомъ уѣздѣ полтавской губерніи существуютъ, конечно, казенные, городскія, церковныя земли и т. п.; о положеніи ихъ, способахъ и формахъ ихъ эксплуатации свѣдѣній вовсе не было собрано, почему и очерковъ о хозяйствѣ на этихъ земляхъ въ «Сборникахъ» полтавскихъ вовсе не имѣется. Такая неполнота данныхъ по хозяйственной статистикѣ полтавской губерніи, отличавшая и предыдущіе томы, остается неизмѣнною особенностью и послѣднаго тома, заглавіе котораго нами выписано.

Первоначальная постановка дѣла и планъ, избранный для изложенія собранныхъ фактovъ, отзываются и на способѣ изложенія въ описательной части также невыгоднымъ образомъ. Такъ какъ очерки хозяйствъ сельскихъ обществъ и помѣщиковъ составляютъ совершенно отдѣльныя части книги, то въ многихъ случаяхъ являются излишнія повторенія; такъ напр., въ рассматриваемомъ нами томѣ два раза повторяется географическое описание уѣзда и его естественныхъ особенностей: разъ въ общемъ вступленіи (стр. 1—38), другой разъ въ очеркѣ помѣщичьяго хозяйства (стр. 170—179); встречаются повторенія въ этихъ двухъ отдѣлахъ и относительно рабочихъ, платья имъ и т. п.

Во всякомъ случаѣ, если оставить въ сторонѣ эти особенности въ общемъ планѣ изложенія, вышедшей томѣ какъ по количеству предлагаемыхъ имъ свѣдѣній, такъ и по интересу заключающемся въ нихъ, представляетъ богатый вкладъ въ экономическую и географическую литературу о нашемъ краѣ. Подробности бытовыхъ отношеній, выраженные въ цифрахъ, разработанныхъ сть должною эрудиціею, знакомятъ довольно обстоятельно читателя съ уѣздомъ и его жителеми, среди которыхъ только $\frac{1}{10}$ часть мужчинъ грамотны, а число грамотныхъ женщинъ не составляетъ даже и $\frac{1}{100}$ части всѣхъ женщинъ. Малоземелье крестьянъ-собственниковъ, у которыхъ на одно хозяйство приходится не болѣе 4 десятинъ земли, опредѣляетъ и всѣ остальные стороны экономического быта, какъ напр. обработку земли супрягою, т. е. коллективнымъ способомъ приложения труда; среди крестьянъ-собственниковъ этого уѣзда только 13% хозяйствъ пашутъ самостоятельно свою землю и нанимаютъ у помѣщиковъ; другое за неимѣніемъ скота должны нанимать себѣ оракѣй; а 70%, т. е. громадное большинство, прибываетъ къ супрагѣ.

Такія цифри и подобныя имъ, характеризующія сельскій бытъ населенія нашего края, очень впечатльны, особенно въ виду распространеннаго мінія о стремлениі малорусса къ индивидуальности въ частной домашней и общественной жизни.

Р.

*A. Г. Брикнеръ.—Потемкинъ. — Съ 2 портретами. Спб. 1891.
276 стр. Цѣна 2 р. 50 к.*

Трудъ проф. Брикнера печатался сначала въ журналѣ «Новь» за 1887 годъ, а теперь, ко дню столѣтія со дня смерти Потемкина († 5 окт. 1791 г.) явился отдельный изданіемъ, причемъ сдѣланы некоторые (правда, незначительные) дополненія на основаніи вновь появившихся материаловъ.

Авторъ имѣть въ виду исключительно личную исторію Потемкина, оставляя почти въ сторонѣ его политическую роль и административную дѣятельность: «главное вниманіе въ послѣдующихъ главахъ, говорить онъ во введеніи къ своему труду, обращено на вопросъ о личномъ отношеніи Потемкина къ Императрицѣ Екатеринѣ II, и мы не имѣемъ въ виду разработки частностей роли знаменитаго фаворита» (стр. 7). Такое ограниченіе со стороны автора своей задачи нельзя назвать особенно удачнымъ, хотя оно отчасти и объясняется характеромъ тѣхъ материаловъ, которымъ приходилось пользоваться автору. Свои свѣдѣнія онъ черпалъ, главнымъ образомъ, изъ Сборника Рус. истор. общества, а это общество почему-то мало интересуется внутренней исторіей Россіи, а предпочитаетъ, главнымъ образомъ, исторію дипломатическую и придворную, пользуясь при этомъ иностранными архивами. Такое, можно сказать, игнорированіе внутренней исторіи со стороны общества, располагающаго достаточными для изданій материальными средствами, ведеть къ тому, что мы отлично знаемъ, сколько безплодныхъ словъ потрачено, бумаги исписано, хитростей употреблено, напр., во время Тешенского конгресса, т. е., знаемъ массу никому ненужныхъ вещей, а между тѣмъ ни финансовое, ни экономическое, ни административное положеніе Россіи XVIII в. намъ совсѣмъ не известно. У насъ напечатана масса разнаго никому ненужнаго хлама изъ иностранныхъ архивовъ, въ родѣ имѣющихъ третьестепенное значеніе донесеній резидентовъ, а между тѣмъ драгоценнѣйшіе документы по внутренней исторіи Россіи лежатъ, никому неизвестные, подъ спудомъ, въ архивахъ центральныхъ

или же гніють, сжигаются и продаются на пуды въ провинціальныхъ архивахъ. Существуетъ уже длинный мартирологъ провинціальныхъ архивовъ съ драгоценными документами, погибшими безвозвратно; занесемъ въ лѣтопись еще гибель одного архива. Г. Л. Скадовскій, по просьбѣ редакціі «Кіевской Старинѣ», осмотрѣлъ херсонскіе архивы, съ цѣлью опредѣлить значеніе ихъ для исторіи Новороссіи во время генераль-губернаторства кн. Потемкина — и оказалось, что всѣ почти архивы исчезли. Въ крѣпостномъ архивѣ сохранилась и опись дѣлъ съ характерной помѣтой «украдены въ такомъ-то году»; по преданію, лѣда вывозились однимъ любителемъ старины возами. Описи дѣлъ сохранились и въ архивѣ губернскаго правленія; но самыхъ дѣлъ давно нѣтъ, они периодически сжигались и это сожженіе прекращено только недавно. А между тѣмъ здѣсь, въ архивахъ херсонскомъ, николаевскомъ, екатеринославскомъ и т. д., и должны храниться драгоценные материалы для исторіи заселенія, управлениія и расхищенія земель въ Новороссії. Только увидать ли они свѣтъ?...

Книга проф. Брикнера распадается на 11 главъ и введеніе, въ которомъ авторъ дѣлаетъ обзоръ литературы о Потемкинѣ. Въ *первой главѣ* разсказывается молодость Потемкина (до 1774), его участіе въ переворотѣ 1762 г., екатерининской комиссіи 1767 г., сближеніе съ Екатериной; *во второй* — Потемкинъ въ случаѣ, отношеніе къ нему Екатерины и придворныхъ (1774—1776 г.); *въ третьей* — отношенія Екатерины къ Потемкину съ 1776 по 1786 г.; *въ четвертой* — дѣятельность Потемкина до 1786 г.—въ качествѣ политика—дипломата по присоединенію Крыма, президента военной коллегіи, фельдмаршала и новороссійскаго генераль-губернатора; *въ пятой* главѣ разсказывается извѣстное театральное путешествіе Екатерины въ 1787 г., которому раньше (Истор. Вѣст. 1885 г. юль—сентябрь) А. Г. Брикнеръ посвятилъ отдельную статью и съ которымъ читатели «Кіевской Старинѣ» могутъ подробнѣйшимъ образомъ ознакомиться по статьямъ Г. В. Есинова; *въ шестой* главѣ дѣло идетъ о началѣ турецкой войны; *въ седьмой* рассматривается дѣятельность Потемкина при взятіи Очакова; событиямъ 1789—1790 годовъ посвящена глава *восьмая*, пребыванію Потемкина въ Петербургѣ въ 1791 г.—*девятая*. Въ *десятой* подробнѣйшимъ образомъ говорится о болѣзни и смерти Потемкина, причемъ разсказывается интересная судьба его гроба, долго, какъ извѣстно, стоявшаго неопрѣденнымъ, затѣмъ зарытаго по приказанію имп. Павла, ненавидѣвшаго Потемкина, и открытаго однѣ въ полусплющившемъ видѣ въ 1873 г. особой комиссіей Одесскаго обще-

ства исторії и древностей. Въ однинадцатой главѣ дается оцѣнка личности Потемкина, причемъ приводятся самыя разнообразныя мнѣнія о немъ какъ современниковъ, такъ и лицъ послѣдующаго поколѣнія. Отношеніе самого автора къ личности Потемкина кажется намъ недостаточно яснымъ: онъ называетъ его «баловнемъ счастья, болѣе авантюристомъ, чѣмъ государственнымъ человѣкомъ, болѣе азартнымъ игрокомъ, чѣмъ героемъ» (стр. 276); но трудно сказать, что собственно разумѣеть авторъ подъ этими слишкомъ неопределеными словами.

Книга проф. Брикнера написана живымъ языкомъ и читается съ интересомъ. Издана она прекрасно, что увеличило ея цѣну, а потому и сдѣлало ее для публики мало доступной. Изъ приложенныхъ двухъ портретовъ, сдѣланныхъ фототипіей Шеррера въ Москвѣ, портретъ Екатерины вышелъ удачнымъ, портретъ же Потемкина плохъ.

Z.

Опытъ изслѣдованія украинскихъ крестьянскихъ ярмарокъ. Описаніе лубенской Покровской ярмарки 28 сент.—2 окт. 1891 года. Составилъ Я. П. Забѣло. Полтава. 1892.

Эта небольшая книжка составляетъ результатъ изслѣдованія одной изъ ярмарокъ г. Лубенъ полтавской губерніи, неудачно названной «крестьянскою», такъ какъ несомнѣнно въ г. Лубнахъ на ярмаркѣ и продаютъ товары, и покупаютъ ихъ не одни крестьяне, а и козаки, и мѣщане, и дворяне, и др. сословія. Изслѣдованіе произведено было земскими статистиками, собиравшими, по порученію губернского земства, данные для переоцѣнки городскихъ недвижимыхъ имуществъ; въ виду того, что они могли посвятить изученію ярмарки одинъ свободный отъ прямыхъ своихъ обязанностей день (воскресенье), описание, конечно, не могло выйти полнымъ, т. е. въ немъ мы не встрѣчаемъ разсказа о томъ, какъ въ теченіе всѣхъ 5-ти дней ярмарки увеличивался подвозъ, какъ и когда шла торговля тѣми или другими товарами, когда напряженіе торговой дѣятельности усиливалось, сколько именно денежныхъ знаковъ было въ обращеніи, сколько разъ могъ обернуться одинъ и тотъ же капиталъ, какъ великъ вышелъ оборотъ ярмарки, сколько и какихъ товаровъ продано, кому и куда и т. д. Но за то наличность товаровъ въ избранный моментъ описанія ярмарки представлена г. Забѣлою на основаніи собранныхъ данныхъ весьма обстоятельно. Изъ его труда

ясно видно, откуда и какие товары были привезены, кемъ (самими производителями или перекупщиками, на какую сумму; качество товаровъ охарактеризовано довольно подробно; обстановка ярмарки (карусель, балясы, чумаки съ Дона съ рыбой и т. п.) представлена яркими красками. Въ виду того, что со временем появления подобного же описанія Бориспольской ярмарки Ф. К. Волковымъ въ «Запискахъ юго-западного отдѣла географического общества» прошло 18 лѣтъ и съ тѣхъ поръ нигдѣ не встрѣчалось болѣе подробнаго отчета о какой-бы то ни было ярмаркѣ, можно смѣло назвать этотъ трудъ выдающимся среди сочиненій нашей мѣстной экономической литературы. Насколько отъ подобныхъ трудовъ должны измѣниться взгляды на значеніе ярмарокъ въ нашей сельской жизни, видно изъ того, что по официальнымъ отчетамъ за послѣдніе 3 года въ среднемъ привозъ на Покровскую лубенскую ярмарку считался не болѣе какъ на 40 т. рублей, тогда какъ стоимость товаровъ, находившихся на ярмаркѣ 1891 года въ день ея описанія, исчислена г. Забѣло въ 193 тысячи рублей.

Мы не будемъ останавливаться на содержаніи этой интересной во всѣхъ отношеніяхъ книги; приведемъ лишь вѣкоторыя данныя объ одномъ родѣ товаровъ, именно о книгахъ, продавцами которыхъ, явились 2 лица (изъ Лубенъ и Чернигова), привезшія ихъ всего на сумму 150 рублей. Этотъ товаръ описанъ былъ статистиками во всей подробности: въ трудѣ г. Забѣло приведены заглавія всѣхъ 405 изданій, продававшихся здѣсь, разсортированныя по издательствамъ и содержанию книгъ. Оказывается, что больше всего книгъ для народнаго чтенія доставляютъ фирмы Губанова, Сытина и Прѣснова; славившіяся когда-то изданія Киево-Чечерской лавры теперь сократились въ обращеніи до 7-ми названій книгъ (мѣсяцесловы, молитвословы, часословы и псалтыры). Несмотря на это книги духовно-нравственного содержанія (о Святой землѣ, житія разныхъ святыхъ, сказанія о мукахъ, слова, поученія и т. п.) составляютъ одно изъ видныхъ мѣсть въ народной литературѣ; ихъ было 117 названій или 29% всѣхъ книгъ. Большинство, впрочемъ, составляютъ книги беллетристического содержанія, которыхъ было 229 названій (56,5%); книги исторического содержанія, учебники, оракулы, техническія, сельскохозяйственные, очевидно, спрашиваются меньше всего; книгъ съ содержаніемъ послѣднаго рода совсѣмъ почти не было (собственно была только одна: «Самоучитель пчеловодства»).

Книгъ на малорусскомъ языкѣ было всего 37 названій, тогда какъ русскихъ около 370, т. е. въ десять разъ больше; несмотря

на это, по отзывамъ изслѣдователей, такія книги, какъ «Байки» Глібова читаются болѣе охотно и покупаются, несмотря на сравнительную дороговизну, предпочтительнѣе передъ другими книгами. Изъ сочиненій Шевченка на ярмаркѣ была только одна «Наймичка», что особенно бросается въ глаза въ виду популярности послѣдняго автора.

Мы пожелали бы въ заключеніе, чтобы земства, ведущія изслѣдованія экономической жизни, обратили большее вниманіе на изученіе ярмарокъ, на которыхъ яснѣе, чѣмъ гдѣ-либо, можно уловить характеръ и производство довольно большихъ районовъ, и потребленія разныхъ продуктовъ. Было бы желательно, чтобы такія работы, какъ названная, производились не *ad libitum*, а вошли въ постоянныя обязанности земскихъ статистическихъ учрежденій.

Р.

Херсонскія Губернскія Вѣдомости 1839—1888 г.

«Херсонскія Губернскія Вѣдомости» съ неофиціальнымъ отдѣломъ при нихъ начали выходить въ свѣтъ въ 1839 году, по тетрадкѣ in 4° въ недѣлю. Въ 1864 г. неофиціальный отдѣлъ, а потомъ и все изданіе увеличило форматъ до размѣра ежедневныхъ большихъ газетъ, а съ 1866 г. «Вѣдомости» стали печататься по два раза въ недѣлю¹⁾.

Редакторы неофиціального отдѣла мѣнялись часто, что видно будетъ изъ слѣдующаго списка лицъ, носявшихъ это званіе съ 1848 года (ранѣе этого года редакторы не подписывали своихъ фамилій). Въ 1848—49 г. редакторомъ былъ Шидловскій, въ 1850 Михайловскій, въ 1851—53 Исаевъ, въ 1854 Затурскій, въ 1854 и 55 Будянскій, въ 1856 опять Михайловскій и потомъ Григоровичъ, въ 1857—58 снова Будянскій, потомъ, съ конца 1858 по 1860 снова Григоровичъ, въ 1861 Гербановскій, въ 1862—63 Соколовскій, въ 1864—65 Раевскій, въ 1866 еще разъ Григоровичъ, въ 1867 и 68 Гернетъ, въ 1869—73 Эйсмонтъ, въ 1874 Кожевниковъ, въ 1875 Сычевскій, въ 1876—77 Ханацкій, въ 1878 и далѣе Моисеевъ. Все это—имена, но большей части совершенно непричастныя литературѣ и наукѣ,—

¹⁾ Экземпляръ 1855 г., принадлежащій Императорской публичной библіотекѣ въ Петербургѣ, оканчивается 40-мъ номеромъ (6 окт.). Вероятно, до конца года Вѣдомости были прекращены изданіемъ.

лица, случайно поставленныя во главѣ изданія, не отдававшія ему души своей, какъ это иногда было и бываетъ и теперь въ другихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ.

Замѣчательно, что годы, непосредственно слѣдовавшіе за окончаніемъ кримской войны, 1856—1863, отличавшіеся реформаціонными трудами правительства, требовавшими всесторонняго изученія страны, какъ разъ отличаются необыкновеннымъ оскудѣніемъ неофиціального отдѣла Херсонскихъ Вѣдомостей. Но за то очень пріятное впечатлѣніе по обилію, разнообразію и внутреннему достоинству статей неофиціального отдѣла представляется кратковременное, къ сожалѣнію, редакторство Раевскаго (1864—1865 г.): Съ 1873 г. и понынѣ неофиціальный отдѣлъ Вѣдомостей почти вовсе не заключаетъ въ себѣ статей по изученію края, уступивъ мѣсто вновь народившимся земскимъ и частнымъ изданіямъ; ни короткое редакторство извѣстнаго литератора Сычевскаго, ни долговременное—г. Мойссеева не измѣнили никаколько положенія дѣла.

Насколько неустойчивымъ и случайнымъ является редактированіе неофиціального отдѣла Губернскихъ Вѣдомостей, настолько же малочисленными—литературными силы, которыми пользовалось это изданіе. Въ теченіе ряда годовъ обыкновенно господствуетъ одно какое нибудь имя. Такъ, въ 40-хъ годахъ главенствуютъ статьи Бухтѣева и потомъ Косача, въ 50-хъ—Негрескула, въ 60-хъ и 70-хъ выдается Чирковъ. Остальные сотрудники являются болѣе или менѣе случайно.

Подполковникъ топографовъ А. П. Чирковъ, членъ одесского общества исторіи и древностей, завѣдывавшій статистическимъ и топографическимъ отдѣленіемъ при херсонской земской управѣ, особенно обращаетъ на себя вниманіе своей неутомимостью и разнообразно направленной любознательностью. Онъ печатаетъ статьи рѣшительно по всемъ отраслямъ изученія херсонскаго края: по статистикѣ, топографіи, климатологіи, исторіи и археологіи. При такомъ разнообразіи и количествѣ интересовъ и работъ, не мудрено, если нѣкоторыя изъ его статей носятъ отпечатокъ поспѣшности, но, во всякомъ случаѣ, почтенная дѣятельность Чиркова заслуживаетъ полной признательности. Весьма желательно было бы опубликованіе дневниковъ курганныхъ раскопокъ, которыхъ производилъ онъ въ Елисаветградскомъ уѣздѣ, тѣмъ болѣе, что общія свѣдѣнія о нихъ, сообщаемыя Чирковымъ въ Вѣдомостяхъ, нѣсколько неопределены.

Наряду съ оригиналными статьями, встрѣчается въ неофиціальномъ отдѣлѣ Губернскихъ Вѣдомостей много перепечатокъ. Въ

первые годы существования Вѣдомостей неофициальный отдѣлъ ихъ наполнялся почти исключительно перепечатками, причемъ отдавалось предпочтение замѣткамъ и совѣтамъ по сельскому хозяйству и домоводству, ветеринарии и врачебному искусству, вродѣ тѣхъ, которые и теперь случается встрѣчать въ газетахъ, въ отдѣлѣ «смѣсь». Но уже въ началѣ 40-хъ годовъ появляются статьи по изученію края—оригинальныя и перепечатанныя изъ другихъ изданій—касающіяся исторіи, географіи и этнографіи. Наконецъ, въ 60-хъ и 70-хъ годахъ преобладаютъ статьи по статистикѣ и климатології.

Въ общей сложности, за 50 лѣтъ существованія, въ Херсонскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ набралось довольно много материала по разнымъ отдѣламъ отчизновѣдѣнія, нерѣдко представляющаго научный интересъ. Нельзя, однако, сказать, чтобы материалъ этотъ распредѣлялся равномѣрно по мѣстностямъ и по областямъ знанія. Такъ, естественно, городу Херсону и ближайшимъ къ нему мѣстамъ отведено мѣста больше (абрикосовому дереву Екатерины II въ Херсонѣ посвящено двѣ статьи и пр.), за то о многихъ другихъ, не менѣе интересныхъ мѣстностяхъ не находимъ свѣдѣній вовсе. Наибольшее число статей посвящено исторіи и старинѣ края, наиболѣе же слабымъ отдѣломъ оказывается мѣстная этнографія, хотя херсонская губернія, по многочисленности народностей, въ ней живущихъ, представляетъ обширное поприще для этнографическихъ изученій. Слѣдуетъ также пожалѣть о маломъ числѣ сообщеній по археологіи: описаній древностей, свѣдѣній о случайныхъ находкахъ ихъ и пр.

Предлагаемъ ниже списокъ статей, касающихся юга Россіи, съ изложеніемъ содержанія тѣхъ изъ нихъ, которыхъ представляютъ, по нашему мнѣнію, болѣе интереса, и которыхъ поддаются сокращенному пересказу.

1. Исторія, біографіи, некрологи, вещественные памятники старины и древности.

1840 г. № 43. О происходившей закладкѣ еврейской синагоги въ гор. Херсонѣ.

1843 г. № 5. Абрикосовое дерево, насажденное рукою императрицы Екатерины II въ Херсонѣ.

№ 14. Церковь св. великомученицы Екатерины въ херсонской крѣпости.

№ 35 и 36. Воспоминанія о баронессѣ Аннѣ Ефимовнѣ Остенъ-Сакенъ.

№ 37. Воззваніе Потемкина къ екатеринославскому дворянству.

1844 г. № 2. Первый вѣковой юбилей новороссійскаго края.

A. Скальковскаго (Изъ Одесск. Вѣстн.).

№ 36—37. Первое пятидесятилѣтіе Одессы (1794—1844). *A. Тр.* (Изъ Одесск. Вѣстн.).

№ 38. Новый документъ для исторіи города Одессы, отысканный въ архивѣ Сѣчи запорожской. *A. Скальковскаго* (изъ Од. Вѣст.).

№ 43. Некрологъ Д. М. Княжевича. *Ф. Ляликова*.

1846 г. № 7. Историческое обозрѣніе городовъ кіевской губ. съ ихъ окрестностями. Гор. Каневъ.

1847 г. № 5 и 6. Степи.—Природа и исторія степей. Курганы авторъ раздѣляетъ на 3 разряда: могильные, путевказательные и сторожевые. Рассмотрѣвъ высказанныя въ литературѣ мнѣнія о каменныхъ бабахъ, онъ приходитъ къ заключенію, что они сооружались финами.

№ 6. Списокъ нѣкоторымъ источникамъ въ изученію новороссійскаго края.

1850 г. № 27. О доставленіи свѣдѣній о древностяхъ вообще (воззваніе Импер. Археол. Общества).

1851 г. № 8, 11 и 12. Музей одесского общества исторіи и древностей.

№ 31. О солнечномъ затмѣніи въ Херсонѣ.

№ 32. Нѣсколько словъ о солнечномъ затмѣніи въ Херсонѣ 16 іюля 1851 г. *Мих. Косачъ*.

№ 35. Еще нѣсколько словъ о солнечномъ затмѣніи въ Херсонѣ. *A. Соколовъ*.

№ 44 и 46. Жизнь и смерть филантропа Говарда въ Херсонѣ.

B. Неирескуль.

№ 48. Днѣпръ (дума). *B. Неирескуль*.

№ 49. Материалы для полной біографіи филантропа Говарда. 1. Отзывъ о Говардѣ херсонскаго градскаго главы Альбрандта.

№ 52. Продолженіе. 2. Записка ген.-м. Кобле объ англійскомъ природномъ дворянинѣ Говардѣ.

— Материалы для исторіи Херсона. Замѣтки Екатерины II о Херсонѣ.

1852 г. № 3, 9, 10. О пребываніи императрицы Екатерины II въ Херсонѣ. *B. Неирескуль*.

№ 7. Первое военно-учебное заведение въ Херсонѣ. *B. Негрекуль.*

№ 7, 8, 12, 17 и 1853 г. № 3—4. Краткая записка херсонской губернской гимназіи. Отд. I. Отъ основанія гимназіи до времени преобразованія (1815—1836 г.).

№ 9. Изъ письма къ редактору. *B. Негрекуль.* Впечатлѣнія бывшаго воспитанника херсонской гимназіи при чтеніи «краткой записи о гимназіи».

№ 8. Материалы для полной біографіи филантропа Говарда. Мемуаръ 3-й. Изъ бумагъ бывшаго херсонского землемѣра г. Ярошевскаго.

№ 13. Продолженіе. Мемуаръ IV. Изъ бумагъ бывшаго совѣтника херсонского губернскаго правленія Симборскаго.

№ 29 и 38. Продолженіе. *B. Негрекуль.*

№ 11. Замѣтка на отзывъ «Бібл. д. Чтенія» о статьѣ «Жизнь и смерть Говарда въ Херсонѣ». *B. Негрекуль.*

№ 12. Изъ письма къ помѣщику бобринецкаго уѣзда В. Г. Воробьеву *B. Негрекуль* (о Говардѣ).

№ 15. Могила Джона Говарда. *B. Негрекуль.*

№ 22. Материалы для исторіи Херсона. *B. Негрекуль.*

№ 34—35. Материалы для исторіи херсонской губ. Въ приложении грамота, данная Хорвату 11 янв. 1752 г. (изъ П. С. Зак.).

№ 40—41. Воспоминаніе обѣ Ив. Никит. Инзовѣ. *A. Стурдза.* Статья эта первоначально появилась въ «Одесск. Вѣстникѣ» (1847 г.), потомъ вышла отдельной брошюрою.

№ 43, 44, 48 и 49. Историческая и статистическая записка о военномъ городѣ Елисаветградѣ. *G. И. Соколовъ.*

№ 46. Историческая замѣтка. *B. Негрекуль.* Остатки Екатерининской старинѣ въ Херсонѣ.

№ 47. Прогулка на Потемкинъ островъ. *M. Косачъ.* Описаніе городка запорожскаго, изобилующаго человѣческими костями, рассказы о нападеніяхъ запорожцевъ на турецкія суда и о кровавой расправѣ съ ними турокъ.

1853 г. № 5. Семенъ Андреевичъ Порошинъ. *B. Воробьевъ.*

№ 9. Извѣстія о городицѣ (при впаденіи балки Тягинки въ Днѣпръ). *Федоровъ.* По обѣимъ сторонамъ вѣзвѣда въ м. Тягинку авторъ видѣлъ двѣ каменные бабы съ ожерельями. По близости, въ имѣніи Нав. Як. Эрдели, случайно находили монеты Марка Аврелія и др. Преданіе о городицѣ см. въ отдельѣ Этнографія.

№ 38. Путевые замѣтки отъ Николаева до Вознесенска. *M. Косачъ.* Подѣлзкая къ ст. Бабы изъ с. Троицкаго, авторъ издали увидѣлъ ка-

менную бабу. Близъ станціонаго двора онъ замѣтилъ слѣды длинной земляной насыпи, тянущейся отъ балки (?) къ р. Бугу. Насыпь служила подножіемъ для кургана, на которомъ стояла каменная баба, изъ мѣстнаго известняка, $2\frac{1}{2}$ арш. высоты, съ отбитой головой, представлявшая особу женскаго пола. Поселанинъ ближайшей деревни Бѣлоусовки Прокофій Майбурнъ, бывшій запорожецъ, выкопалъ и свезъ ее къ воротамъ своего дома, но потомъ отвезъ обратно и поставилъ на прежнее мѣсто, такъ какъ баба явилась къ нему по ночамъ и настойчиво требовала этого.

1854 г. № 3, 4, 5 и 6. Новороссійскій знаменитый хозяинъ Викторъ Петровичъ Скаржинскій. *И. У. Палимпестовъ.*

1856 г. № 33 и 34. Распоряженія и предположенія кн. Потемкина-Таврическаго. Объ устройствѣ черноморскаго флота и гор. Николаева. Записки, поданныя по кончинѣ Потемкина адмиралу Н. С. Мордвинову бывшимъ оберъ-штеръ-кригсь-комміссаромъ М. А. Фальевымъ въ 1790 г. (Изъ «Морск. Сб.»).

1858 г. № 35 и 36. Историческій, статистическій и этнографическій очеркъ гор. Александріи. Планъ статьи: Исторія, топографическое положеніе, р. Ингулецъ, церкви, городскія постройки, общественная жизнь, промышленность, торговля, занятія жителей; малороссы: нравы и обычаи, народный календарь, церковныя общины (братчины), народный умъ, пословицы, загадки, одежда; великороссы: нравъ, пѣсни; цыгане (воловхи), ихъ образъ жизни и занятія; евреи.— При вѣздахъ въ с. Звенигородку изъ Александріи, на правомъ берегу Ингульца, есть земляное укрѣпленіе въ видѣ прямоугольника съbastionами по угламъ; по преданію, это—слѣды укрѣпленнаго лагеря Карла XII времени его бѣгства изъ Переяловичи.— См. «Статистика» и «Этнографія».

1859 г. № 15. Историческій обзоръ херсонской губ. (Изъ В. Э. Л.).

1860 г. № 27 и 29. Первоначальное образованіе черноморскихъ адмиралтейскихъ селеній: Богоявленскъ, Воскресенскъ, Калитновка, Покровское (Копани), Березнеговатое и Висунь. (Изъ М. С. за 1860 г. № 4).

№ 45. Абрикосовое дерево императрицы Екатерины II въ Херсонѣ. *Н. Гербановскій.*

1863 г. № 33. Изъ материаловъ для біографіи кн. Потемкина-Таврическаго. *Свящ. Ал. Мухинъ.* О мѣстѣ первоначального погребенія кн. Потемкина и обстоятельствахъ, при которыхъ тѣло его увезено изъ Херсона. (Изъ «Одесск. Вѣстн.»).

1864 г. № 4. Городище на Потемкинскомъ островѣ. С. Въ 5 верстахъ ниже Херсона есть на Днѣпрѣ Потемкинскій островъ, имѣющій верстъ 15 въ длину. На немъ, противъ впаденія Конки въ Днѣпъ,—Козацкое городище, шаговъ 100 въ длину и шаговъ 40 въ ширину. Внутри его замѣчены остатки зданія съ погребомъ, слѣды какихъ то другихъ построекъ, камни и кирпичи, обломки красныхъ кувшиновъ и горшковъ, человѣческія кости. По преданію, на островѣ въ камышахъ скрывались козаки-гайдамаки, которые вели постоянную борьбу съ турками. Послѣ одной удачной вылазки, одинъ козакъ, обдѣленный добычей и осмѣянный товарищами, изъ мести провелъ на островѣ очаковскихъ турокъ въ часхальную ночь, когда козаки, разговѣвшись, всѣ спали, мертвѣцы пьяные. Турки вырѣзали всѣхъ, не пощадивъ и измѣнника. Въ наше время, по слухамъ, на островѣ копали клады и находили ихъ.

№ 47—49. Козакування. Комична оперетка у дви картины.

1866 г. № 70. Предложеніе археографической комиссії къ лицамъ, имѣющимъ старые рукописи и акты.

№ 73 и 74. Скиїскія могилы. Чертомлыкскій курганъ, И. Е. Забѣлина.

№ 74 и 75. Емел. Степ. Бондаревъ и его религіозная и торговая дѣятельность. Прот. Григ. Сухомлиновъ. Статья касается первыхъ временъ переселенія раскольниковъ въ херсонскую губ. и тогдашней торговли.

№ 90. Письмо въ редакцію «Одесск. Вѣстника» А. Чирковъ. Послѣ двухъ-мѣсячной поїздки по сѣверной части херсонской губ., авторъ сообщаетъ о древностяхъ, найденныхъ при раскопкахъ кургановъ. «...Такій самыя (камennыя издѣлія), говорить онъ, лежать у меня подъ рукою: пестъ, топорикъ съ молоткомъ и клевакъ съ топорикомъ, а у моего друга, въ имѣннѣ котораго (?) я въ прошедшемъ году раскопалъ 3 кургана, отыскалъ при оставахъ прекрасной работы кремневый кинжалъ и нѣсколько такихъ же трехгранныхъ стрѣлъ». Да-лѣе онъ перечисляетъ бронзовыя предметы, добытые изъ кургана и находящіеся у него же: 3 топора особой формы (кельты?), 4 серпа, праща, конскія удила и до 500 разнообразныхъ стрѣлъ, изъ нихъ нѣкоторыя съ знаками. Въ другомъ курганѣ при скелетѣ найдены: золотыя серьги, кольца, перстни, ожерелья, разныя бусы и другія мелкія вещи. Въ третьемъ курганѣ при человѣческихъ оставахъ найдены шлемы, кольчуги, мечи, копья, сѣкиры, пращи, молотки, клеваки, стрѣлы и другіе предметы.

№ 98. Историческая замѣтка *А. Чирковъ*. О помѣстьяхъ кн. Потемкина по атласу р. Днѣпра. 1786 г.

1870 г. № 4, 5, 6. Предметы археологии въ елисаветградскомъ уѣздѣ. *А. Чирковъ*. По наблюденію автора, безчисленные курганы херсонской губ. насыпаны большею частію на самыхъ возвышенныхъ мѣстахъ гребней, проходящихъ между смежными балками, значительно рѣже—на отлогихъ склонахъ ихъ, и еще рѣже—на днѣ долинъ и балокъ. Изъ многократныхъ раскопокъ кургановъ онъ убѣдился, что они представляютъ могилы и кладбища древнихъ обитателей края. По словамъ его, курганы всегда расположены группами отъ 3 до 10, до 100 и болѣе штукъ вмѣстѣ, причемъ въ каждой группѣ одинъ изъ кургановъ больше и круче остальныхъ. Повсюду на горизонте можно насчитать 20—100 кургановъ. Они никогда не лежать по прямой математически линіи. Курганы, выдающіеся по высотѣ, имѣютъ въ основаніи эллиптическую форму, причемъ сѣверные склоны ихъ всегда круче остальныхъ, будучи наклонены къ горизонту подъ угломъ 30—70°, тогда какъ южные—подъ угломъ 20—35°. Наибольшіе изъ кургановъ имѣютъ 50—250 саж. въ окружности у подошвы и 3—7 саж. высоты и почти всѣ покрыты каменной бронею. Всегда почти подъ самой серединой кургана находится грунтовая четырехугольная яма, 3—4 сажень глубины, до 3 саж. длины и до 2 саж. ширины. На днѣ ея, безъ гроба, лежитъ одинъ, а иногда и болѣе человѣческихъ оставовъ, лицомъ кверху, въ вытянутомъ положеніи, головой къ В.; на костяхъ бываютъ видны пятна пурпурнаго, коричневаго и др. цвѣтовъ, въ которые была окрашена одежда погребенныхъ; на шеѣ оставовъ иногда находить золотыя, серебряныя и бронзовыя литыя, хорошей работы, ожерелья, а чаще глиняныя мозаиковые бусы, также бусы янтарныя и нѣкоторыхъ цвѣтныхъ камней; на запястьяхъ—также золотыя, серебряные и бронзовые браслеты, такого же достоинства, на пальцахъ рукъ такие же перстни съ разноцвѣтными камнями и кольца; около ушей—серьги различныхъ формъ; находить также золотыя, серебряные и бронзовыя украшения одежды; съ боковъ оставовъ находятъ остатки окислившагося желѣзного оружія разнаго рода, также бронзоны стрѣлы разныхъ формъ скійского литья и трехгранныя, однообразной формы—литые греческаго; находить иногда разныя орудія изъ твердыхъ, не туземныхъ породъ камня, хорошей работы, кремневые и костяные ножи разныхъ формъ и стрѣлы; при оставахъ или надъ ними находятъ горшки и кувшины грубой скійской работы, часто попадаются амфоры и разной вели-

чны кувшины и другая глиняная посуда хорошей греческой работы,—бронзовые удила, стремена, кольца, пряжки и другія принадлежности конской сбруи. Изредка оставы встречаются въ каменныхъ тробахъ, сложенныхъ изъ нетесанныхъ каменныхъ плитъ, съ такою же крышкою; иногда же крышка бываеть обтесана. Случалось находить могилы, покрытыя бревенчатымъ насыпомъ, устроеннымъ на 4 столикахъ, высотою въ 1 аршинъ, связанныхъ 4 перекладинами. Иногда на сажень выше нижнаго погребенія встречаются слѣды втораго, а иногда, еще выше—и третьаго, причемъ при верхнихъ оставахъ иногда находять такие же самые предметы, какъ и при нижніхъ. На поверхности могилы насыпали курганъ изъ чистаго чернозема, который при этомъ крѣпко утрамбовывался; на известной высотѣ курганъ покрывали слоемъ камней, толщиною 1—3 аршина, иногда привезенныхъ издалека, и потомъ снова сыпали черноземъ, доводя сооруженіе до желательной высоты. Очень часто и въ этомъ верхнемъ слоѣ, т. е., выше каменной брони, находятъ человѣческія кости, также оставы лошадей, овецъ, быковъ, телятъ, козъ, собакъ и птицъ, причемъ попадаются предметы, аналогичные съ тѣми, которые потомъ находять ниже. Замѣчательно, говорить авторъ, что почти въ каждомъ курганѣ, какой бы величины онъ ни былъ, въ верхней его части находять, сложенными въ кучкѣ, 10 коренныхъ конскихъ зубовъ. Иногда случалось находить—въ насыпи кургановъ и въ грунтовой ямѣ—человѣческие оставы, лежащіе на боку, съ согнутыми ногами и руками (причемъ висть одной руки находилась подъ нижнею частью лица), головою къ В. Случалось также находить человѣческие оставы, лежащіе головами къ центру, а ногами по направлению радиусовъ окружности кургана. Попадались оставы, лежащіе лицомъ внизъ; наконецъ, въ эпидемическихъ и боевыхъ курганахъ находятся сотни оставовъ, скученныхъ въ разнообразныхъ положеніяхъ, причемъ въ боевыхъ могилахъ находили желѣзныя кольчуги шлемы, пращи, желѣзныя и бронзовыя концы, сѣкиры, вистени и стрѣлы.

№ 73. Богданъ Хмельницкій въ русской исторіи (по поводу памятника ему, сооружаемаго въ Кіевѣ).

№ 75 и 76. Къ исторіи херсонской губ.—Рѣчь идетъ объ исторіи заселенія края при Потемкинѣ. Въ концѣ статьи напечатана записка подъ заглавиемъ «Какія приказанія были его свѣтлости оберъ-штеръ-кригсъ-комиссару Фалльеву о строеніи въ гор. Николаевѣ и заведеніяхъ въ окружности онаго и намѣренія въ разсужденіи флота, адмиралтейства и мастеровыхъ».

1871 г. № 23. Археологіческій съездъ въ память 25-лѣтія со времіни основанія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

№ 32—35. Путешествіе Екатерины II въ Крымъ въ 1787 г. (Изъ Смоленск. Губ. Вѣд.). Конецъ статьи вычерненъ цензурою.

№ 88. Матеріалы для исторіи и статистики Херсона.

1872 г. № 51. Продолженіе: Основаніе херсонской крѣпости.—Статья продолжается въ №№ 52 (А. Чирковъ), 55, 74, 76, 79, 93, 96 и 99. Въ приложеніи напечатано описание зданій въ херсонской крѣпости (1808—1824).

№ 7. Сѣверное сіяніе въ Херсонѣ въ ночь на 24 января.

1873 г. № 6. Еще матеріалы для исторіи и статистики Херсона. *Аксентій Чирковъ.*

1876 г. № 15 и 19. Херсонъ. (Исторический очеркъ, составленный по поводу предстоящаго юбилея города, по даннымъ исторического очерка А. Чиркова). Въ № 19 окончаніе статьи озаглавлено: «Основаніе Херсона».

№ 81—83. Краткій исторический очеркъ скотоводства въ херсонской губ.

1878. № 66—68, 70—73 и 78. Празднованіе 100-лѣтняго юбилея гор. Херсона.

№ 74 и 80. Привѣтственныя телеграммы и письма по случаю юбилея гор. Херсона.

№ 75. Слово въ день празднованія столѣтняго юбилея со времіни основанія гор. Херсона, сказанное высокопреосвященнымъ Платономъ архіепископомъ херсонскимъ 8 сентября 1878 г.

1884 г. № 55 и 56. Происхожденіе и значеніе штурды въ жизни русскаго народа. Поученіе, сказанное преосвященнымъ Никаноромъ 15 мая 1884 г. въ херсонскомъ соборѣ (изъ Новор. Тел.).

Отчеты одесского общества исторіи и древностей печатались: въ 1843 г. № 10 и 11, въ 1844 г. № 9—12, въ 1847 г. № 25, въ 1848 г. № 27, въ 1849 г. № 20, въ 1850 г. № 22, въ 1851 г. № 24, 27, 28, въ 1852 г. № 26, 28, 29, въ 1853 г. № 45—47, въ 1858 № 16—18, въ 1859 № 12, 13, 15, 18. въ 1861 г. № 11, въ 1862 № 10, 11 и 15.

Протоколы засѣданій того же общества: 1843 № 9, 1847 № 46, 49, 1848 г. № 16, 25, 30, 35, 45, 1849 г. № 1, 3, 9, 16, 23, 41, 48, 1850 г. № 3, 12, 14, 18, 41, 43, 1851 г. № 1, 14, 17, 23, 29, 36, 48, 50

2. Географія.

- 1842* г. № 24. Дніпровська гирла. *M. Бухтієвъ.*
- № 27. Несколько словъ о Херсонѣ.
- 1843* г. № 29 и 30. Взглядъ на Азовское море.
- 1844* г. № 9 и 10. Взглядъ на гидрографію Россіи и въ особенности на бассейнъ дніпровскій (изъ Полтав. Губ. Вѣд.).
- № 12 и 13. Описаніе дніпровскихъ пороговъ въ статистическомъ и гидрографическомъ отношеніи (изъ Екатер. Губ. Вѣд.).
- № 14. Гидрографическая свѣдѣнія о судоходныхъ рѣкахъ херсонской губ. *M. Бухтієвъ.*
- № 14. О ятарѣ, находимомъ по бассейну Днѣпра въ новороссійскомъ краѣ. (Изъ Ж. Мин. Вн. Д.)
- № 33—35. Описаніе николаевской обсерваторіи.
- 1846* г. № 17 и 18. Свѣдѣнія о Херсонѣ и херсонской губ. Ст. 1. Замѣчанія для издателей руководствъ по географіи.
- № 28, 31, 34, 35. Медико-топографическое описание Николаева.
- C. Я. Пескій.*
- 1847.* № 5. Вѣлая Церковь. (Изъ записокъ одного русского путешественника).
- № 6. О дніпровскихъ порогахъ.
- № 5—6. Степи. (См. «Исторія»).
- № 7. Краткія замѣчанія о херсонской губ. въ медицинскомъ отношеніи.
- № 8. О состояніи погоды въ херсонской губ. въ прошломъ году.
- № 16. Объ открытыхъ въ Одессѣ и въ окрестностяхъ сего города въ 1846 г. ископаемыхъ остаткахъ допотопныхъ животныхъ. *Проф. А. Нордманъ.*
- 1848* г. № 10. Очаковъ. (Изъ воспоминаній чиновника).
- № 30. Несколько словъ о Херсонѣ. *Mих. Косачъ.*
- 1849.* № 1—3. Первая выставка сельскихъ произведеній въ Елисаветградѣ херсонской губ. въ 1848 г. 1) Предметы хлѣбопашества, 2) Земледѣльческая орудія, 3) Образцы табаку, 4) Предметы огородничества, 5) Пчеловодство, 6) Шелководство, 7) Скотоводство, 8) Сельская ручная ремесла, 9) Издѣлія изъ глины.—Списокъ лицъ, которымъ присуждены медали, похвальные листы и денежные преміи.
- 1850* г. № 1. Воспоминаніе о лобединскомъ женскомъ монастырѣ. (Изъ письма въ Херсонѣ). *M. Косачъ.*

№ 2. Замѣтки о Дубоссарахъ (Изъ воспоминаній чиновника).

Мих. Косачъ.

1852 г. № 13. Замѣтка о первыхъ «езахъ» (перевозахъ) на Днѣпрѣ. *B. Непрекупъ.*

№ 14. Изъ поздѣй въ Касперовку (Новоивановку). *B. Воробьевъ.*

№ 23. Нѣчто о Елисаветградѣ (по поводу столѣтія). *B. Воробьевъ.*

Авторъ видѣлъ въ елисаветградской крѣпости могилу С. А. Порошина, заросшую травою.

1853 г. № 32. Замѣтки на пути изъ Херсона въ Касперовку.

Ал. Афанасьевъ.

№ 33. М. Катаржина (колонія). Границы, положеніе, устройство, историческія свѣдѣнія о колоніи, народонаселеніе (колонисты—болгары): костюмъ, тканье и окраска суконъ; земля; сельское хозяйство: хлѣбопашество, садоводство, винодѣліе.—Статья перепечатана въ № 33-мъ 1854 г.

№ 37. М. Большая Понятовка. Названіе, границы, положеніе и устройство, жители (малороссы), земля, сельское хозяйство: хлѣбопашество, винодѣліе, шелководство, огородничество, оѣть разведенія табаку, хлопчатой бумаги, учрежденія сельско-хозяйственныхъ, благотворительныхъ.—Статья перепечатана въ 1855 г. № 20 и 22.

№ 38. Путевые замѣтки отъ Николаева до Вознесенска. *M. Косачъ.* См. «Исторія».

1854 г. № 38, 39, 43, 44, 46—50. 1855 г. № 2 и 3.	Выставка сельскихъ произведений для новороссійского края и бессарабской области, бывшая въ Херсонѣ въ 1853 г.
---	--

1860 г. № 30 и 31. Отрывокъ изъ путешествія, совершенного съ зоологической цѣлью въ 1858 г. по сѣверному берегу Чернаго моря и въ Крымъ. (Изъ Вѣстн. Ест. Наукъ № 23).

1864 г. № 3. Куяльницкій лиманъ.

№ 23. Взглядъ на мѣстность Херсона въ гигіеническомъ отношеніи

№ 40. Херсонъ. Краткое географическое описание, составленное по новѣйшимъ свѣдѣніямъ, имѣющимся въ херсонскомъ статистическомъ комитетѣ. Содержаніе: положеніе, пространство, климатъ, почва, произведенія почвы, народонаселеніе и подраздѣленіе его, образованіе народонаселенія, занятія жителей, торговля внутренняя и вѣнчанія, ярмарки, промышленность, фабрики и заводы, средства сообщенія, доходы и расходы города, общее обозрѣвіе Херсона, краткое историческое свѣдѣніе о Херсонѣ.

1865 г. № 5, 6, 15 и 16. Климатъ херсонской губ. Содержание: специальные выводы о климатѣ: Темпера тура воздуха. 1. Средняя суточная температура воздуха. Вліяніе климата на растительность, хозяйство, на здоровье человѣка и животныхъ: а) время цветенія деревьевъ въ приднѣпровскихъ садахъ (по показаніямъ крестьянъ; свѣдѣнія, доставленныя по сему предмету гг. лѣсничими, полученные послѣ составленія этой статьи, помѣщены въ особыхъ таблицахъ), б) время опаденія листовъ, в) вліяніе климата на сельское хозяйство и время производства сельскихъ работъ. Общиа заключенія о климатѣ относительно сельского хозяйства.

№ 8. Библиографическая замѣтка (о книгѣ Аѳанасьевѣ-Чужбинскаго).

№ 18. Изъ дорожнаго портфеля. *Малюкъ*. Авторъ описываетъ свое путешествіе по Крыму (Балаклава, Татарка, Байдарская долина).

№ 31. Отъ Одессы до Херсона. Отрывокъ изъ письма къ редактору. *А. Скальковскій*.

№ 32, 34, 37. Отъ Херсона до Елисаветграда. *Пропрѣжкій*.

№ 35, 38. Днѣстръ и Маяки.

1867 г. № 22 и 29. Днѣпръ и торговля по немъ въ предѣлахъ новороссійскаго края. *Алексентій Чирковъ*

№ 61. Солончакъ въ окрестностяхъ Николаева. *И. Шмаковъ*. (Изъ Одесск. Вѣстн.).

1869 г. № 91. Топографія елисаветградскаго уѣзда *А. Чирковъ*.

1870 г. № 27—61 и 63. О рекахъ херсонской губ. Содержание: Общиа очеркъ рекъ, таблица рекъ херсонской губ., река Днѣстръ.

№ 50. Фарфоровая глина въ херсонской губ.

№ 52—53. Фарфоровая глина въ херсонской губ. *А. Чирковъ*.

№ 51, 54—57 и 68. Реки елисаветградскаго уѣзда *А. И. Чирковъ*. Рѣчъ идетъ о р. Бугѣ.

1872 г. № 21, 22, 24—28, 32, 33. Река Бугъ.

1874 г. № 17. Къ статистикѣ о состояніи погоды въ Херсонѣ въ 1873 г.

1875 г. № 13. Сводъ наблюдений надъ состояніемъ погоды въ Херсонѣ и его окрестностяхъ помѣсячно, за весь прошедшій 1874 г. *А. Чирковъ*.

1880 г. № 94. О землетрясеніи на югѣ Россіи.

Съ 1842 г. печатались метеорологическія наблюденія, производимыя въ херсонскомъ учплицѣ торгового мореплаванія (термо-

метръ, барометръ, гигрометръ, вѣтеръ, состояніе атмосферы,—утромъ, въ полдень и вечеромъ), съ перерывами въ 1853, 1855, 1856, 1859, 1860 и 1862 г. Внослѣдствіи печатался метеорологическій листокъ херсонскаго земскаго сельско-хозайственнаго училища.

3. Статистика.

1839 г. № 16. Статистическое описание азовскаго торгового мореплаванія. Содержаніе: мѣста постройки судовъ, строительные материалы, мастеровые, стоимость судовъ, достоинство судовъ, экипажи, кругъ дѣйствія мореплаванія, мѣста замовки судовъ, вліяніе объявленія Азовскаго моря практическимъ на увеличеніе мореплаванія, сравненіе стоимости постройки судовъ въ Херсонѣ и Ростовѣ.

1842 г. № 42. Рыбный промыселъ на берегахъ днѣпровскаго и бугскаго лимановъ. *М. Бухтыевъ.*

№ 46. Торговое судостроеніе въ Херсонѣ. *М. Бухтыевъ.*

1843 г. № 7. О числѣ купеческихъ судовъ, построенныхъ въ Херсонѣ въ послѣднее десятилѣтіе.

№ 11, 12, 17. Статистическая замѣтка о херсонской губ.

1844 г. № 12 и 13. Описаніе днѣпровскихъ пороговъ въ статистическомъ и гидрографическомъ отношенії. См. «Географія».

1847 г. № 5. О степени населенности херсонской губ.

№ 7. Главныя ярмарки херсонской губ.

№ 31—33. Общественное образованіе новороссійскаго и бессарабскаго края въ сороковыхъ годахъ. Глава изъ приготовляемаго въ изданію Статистич. Описанія Новор. края и Бессарабіи (Изъ Ж. М. Нар. Пр.).

1848 г. № 9. Херсонъ въ историческомъ и статистическомъ отношеніяхъ. *Фонь-Юнъ 2-й.*

№ 22, 23, 25, 26 и 29. Статистическая замѣтка о херсонской губ. за 1847 годъ.

1852 г. № 43, 44, 48 и 49. Историческая и статистическая записка о военномъ городѣ Елисаветградѣ. *Г. И. Соколовъ.* См. «Исторія».

1854 г. № 22—24 и 26. Опытъ статистического описанія гор. Ананьевы. Заселеніе города, фабрики и заводы, земля, хлѣбопашество.

1855 г. № 24, 25, 34—36. Опытъ статистического описанія тираспольского уѣзда. *С. Богуславка.*

1856 г. № 21. 22. О фруктовомъ садоводствѣ въ новороссійскомъ краѣ: общій очеркъ, климатъ и почва, выборъ почвы.

1857 г. № 44, 45. Опытъ статистического описанія гор. Очакова (1852); время основанія города, населеніе, число родившихся, число браковъ, число умершихъ; число строеній, количество земли, принадлежащей городу, количество садовъ, принадлежащихъ городу и жителямъ, число скота, народное здравіе, ярмарки, торги и базары, купеческие капиталы, торговля и промышленность, число ремесленниковъ, трактиры, харчевни, питейныя дома, дороги, мосты и перевѣзы, повинности, подати, недоимки и казенные доходы, падежъ скота.

1858 г. № 35 и 36. Исторический, статистический и этнографический очеркъ гор. Александрії. См. «исторія» и «этнографія».

№ 37. Голая пристань и Соленое при ней озеро.

1859 г. № 7. Селеніе Новоукраинское. Прот. Патенковъ.

1863 г. № 28. Отчетъ о состояніи и дѣятельности херсонского губернского статистического комитета за 1861--1862 г.

№ 35. Отчетъ статистического комитета гор. Николаева за 1862 г.

1864 г. № 1, 2, 4, 5, 45, 49 и 50. Матеріалы для сельско-хозяйственного описанія херсонской губ.: свѣдѣнія о воздѣлываніи озимой и озимо-яровой пшеницы, о воздѣлываніи ржи, ячменя, овса, гречихи, кукурузы, лынъ и арбузовъ, прядильныхъ и масличныхъ растеній; сѣнокосъ: общее раздѣление сѣнокосовъ, степные сѣнокосы въ особенности, травосѣяніе, травокашеніе и храненіе сѣна; пастбище.

№ 3. Историко-статистическая замѣтки о херсонскихъ перстомойкахъ.

№ 12. Система хозяйства въ херсонской губ. Уборка полевыхъ произведеній.

№ 12, 14 и 15. Садоводство въ херсонской губ.: главные сады въ губерніи, разводимыя породы фруктовыхъ деревьевъ и ягодныхъ кустовъ, крестьянское приданѣственное садоводство вообще и доходъ отъ садоводства въ особенности.

№ 15, 16, 20 и 21. Овцеводство въ херсонской губ.: породы разводимыхъ овецъ, уходъ за овцами, главный болѣзни, которымъ овцы подвержены въ степахъ, главная овчарни.

№ 17. Винодѣліе въ херсонской губ.: степень развитія винодѣлія: а) главные виноградники въ губерніи, б) разводимые сорты винограда, в) разведеніе виноградника, г) обрѣзка виноградныхъ кустовъ, д) разрыхленіе земли, закрытие виноградныхъ лозъ на зиму.

№ 25. Лѣсоводство въ херсонской губ.

№ 31 и 33. Статистическая свѣдѣнія о посадѣ Новоархангельскъ херсонского поселенія.

№ 33. Статистичні свідченія о посадѣ Нової Праги херсонскаго поселенія.

1865 г. № 26, 27 и 30. Очерки рыболовства на Днѣпрѣ и днѣпровскомъ лиманѣ.

№ 41. Торговля шерстью и херсонскія шерстомойни.

1866 г. № 4. Бѣглый взглядъ на состояніе сельскаго хозяйства въ херсонской губ. и на бывшую въ Херсонѣ выставку сельскихъ произведеній. Отдѣлъ I. Землемѣріе.

№ 12. Херсонскій каботажъ. А. Скальковскій.

1867 г. № 62 и 63. Очерки хозяйства въ херсонской губ. Содержаніе: значеніе поговорки о погодѣ для сельскаго хозяйства. Вода и лѣса, какъ двигатели, которыми сельскій хозяинъ противодѣйствуетъ вредному вліянію климата и почвы. Вліяніе засухъ и дождей на степное хозяйство южной Россіи. Небрежность обработки полей въ степной полосѣ. Преимущества паханія въ развалѣ и раннихъ посѣвовъ предъ паханіемъ въ грудки и поздними посѣвами. Необходимость травосѣянія въ степномъ хозяйствѣ. Причины неурожаевъ въ херсонской губ. Необходимость и важность ученыхъ экспедицій для сельскихъ хозяевъ степной полосы.

№ 87. О мериносномъ овцеводствѣ въ Новороссії и Малороссії.

1868 г. № 33, 37—39. О производительныхъ силахъ и хлѣбной торговлѣ новороссійскаго края въ 1867 г. А. Скальковскій.

1869 г. № 18, 19, 21—27, 34, 36, 38, 41, 46, 47, 58, 59, 68. Статистические очерки елисаветградскаго уѣзда, составленные лѣтомъ 1868 г. А Чирковъ. Содержаніе: земли неудобныи и земли подъ дорогами, земля владѣльческая, крестьянская и церковная; сельскія школы; еще о сельскихъ школахъ; мельницы вѣтряныи, водяныи, топчаки и паровыи; фабрики и заводы; ярмарки и базары; сельскія кордегардіи, этапные пункты, постоянные дворы, читетныя заведенія; административное дѣленіе уѣзда; состояніе волостныхъ правлений; пути сообщенія; занятія и бытъ жителей; наружность жителей и ихъ наряды.

1871 г. № 4, 14, 32, 37, 39, 40, 43, 47, 50, 63. Материалы для статистики херсонской губ. А. Чирковъ.

№ 88. Материалы для истории и статистики Херсона. Статья Продолжается въ 1872 г. № 51, 52, 55, 74, 76, 79, 93, 96 и 99. См. «Исторія».

№ 90, 91, 94, 95. Рыболовство въ предѣлахъ херсонской губ. и съсѣдніихъ съ нею мѣстахъ.

№ 99. Статистические очерки херсонской губ. Земледѣліе.
 1887 г. Периодически: смертность и рождаемость въ Херсонѣ.
Гошкевича.

4. Этнографія.

- 1843 г. № 21, 22, 23. Русские вольные матросы.
- 1844 г. № 1—12. О еврейскихъ праздникахъ.
- № 22—25. Евреи—карамы (изъ Вилен. Губ. В.).
- 1846 г. № 4, 5 и 10. О гаданіяхъ у малороссіянъ 24 и 30 ноября, во дни св. великомученицы Екатерины и св. Андрея первозванного. (Изъ Киевск. Губ. Вѣд.).
- № 23. Свѣдѣнія о Херсонѣ и херсонской губ. Ст. 2. О херсонскомъ народоноселеніи (ст. 1 см. «Географія»).
- 1848 г. № 36. Семеновъ день.
- № 38. Осенняя родительская, или поминовеніе усопшихъ.
- № 52. Святки.
- 1849 г. № 6. Масленица.
- № 12. Встрѣча весны.
- № 14. Первое апрѣля.
- № 26. Петровки.
- № 31. Очеркъ земледѣльческихъ праздниковъ.
- 1850 г. № 5. Очеркъ образа жизни и нравовъ жителей нашего края (изъ Киевс. Губ. Вѣд.).
- № 7. Исторія и происхожденіе некоторыхъ обычаевъ
- № 17. О началѣ обыновенія дарить другъ другу красный яйца во дни св. Пасхи.
- 1851 г. № 42, 43, 45. Очерки Тирасполя и его окрестностей. *Мих. Косачъ.* Содержаніе: населеніе, промыслы, жилища, утварь, достопримѣчательности города, торговля, судоходство, ярмарки.
- 1852 г. № 6. Религіозно—историческое значеніе избы.
- № 12 и 17. Предразсудки херсонского простолюдина. *В. Д. Негрекуль.* (Отрывокъ изъ обширной статьи, представленной въ 1850 г. въ Императорское Русское Геогр. Об.) Содержаніе: пѣтухъ, курица, аистъ, мотылекъ, голубь. Часто случается видѣть мотылька, вьющимся вокругъ свѣчки: это душа усопшаго является къ роднымъ въ видѣ мотылька просить пищи, которая заключается въ милостынѣ нищимъ: родные стараются успокоить ее, раздавъ милостыню и отслуживъ панихиду.
- № 20, 21 и 30. Замѣтки объ особенностяхъ языка въ Херсонѣ и его окрестностяхъ. *В. Негрекуль.*

№ 36. Программа для собирания образцовъ народнаго языка и словесности, составленная 2 отдѣленіемъ Академіи Наукъ.

№ 47. Прогулка на Потемкинъ островъ. См. «Исторія».

1853 г. № 9. Извѣстія о городищѣ (при впаденіи балки Тягинки въ Днѣпъ). *Федоровъ*. По преданію, здѣсь жила турская царица, богата и красива; запорожцы произвели набѣгъ и намѣревались выкупать ее въ дегтѣ и обсыпать перьями, но одинъ молодой козакъ обманомъ освободилъ ее.

№ 33. М. Катаржина (колонія). См. «Географія».

№ 37. М. Большая Понятовка. См. «Географія».

1858 г. № 35 и 36. Историческій, статистическій и этнографическій очеркъ гор. Александрии.—Александрия дѣлится на кутки; изъ нихъ Бойковый названъ по имени осадчаго Бойка, а Богатырскій получилъ свое имя отъ богатыря, т. е. богача мѣщанина Скалозуба, очень влиятельного въ своей средѣ. Изъ пословицъ, приводимыхъ въ статьѣ, отмѣтимы слѣдующія: якъ змелышъ, такъ и поисы; кто кислици поинвъ, а на мене оскома напала; шило въ мѣшку не сковается; не все те деревяны, что по води плыне; жинка сало проковтнула, та на кота перевернула; у жинки волосъ довгый, та умъ короткий; не вирь ни коню въ поли, ни жинци въ воли.—Изъ загадокъ: ой за лисомъ за пролисомъ балалайка плаще (языкъ).—Одинъ старикъ, довольно умный и опытный, давалъ дѣтямъ слѣдующее наставление: «Богу молитесь, старшому корытесь, батька и матирь поважайте, церкови святой не забувайте, бидному помогайте и ридъ не обижайте, не крадьте, гирко дбайте, на все добро промышляйте, не мотайте, видъ лыхого утирайте, колы можно,—погуляйте, а объ тымъ, що вмыраты треба, даже цупко памятайте». См. «Исторія» и «Статистика».

1864 г. № 3. Приглашеніе къ сотрудничеству по составленію сборника пословицъ. *М. Номисъ*.

№ 4. Городище на Потемкинскомъ островѣ. С. См. «Исторія».

№ 33—39 и 42. Изслѣдованіе жителей херсонской губ. въ физическомъ, нравственномъ и гражданскомъ отношеніи (изъ Статист. описанія херсонской губ. А. Шмидта).

1865 г. № 6. Свадебные обряды у шведовъ колонистовъ. *М—къ*. Статья составлена по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ смотрителя колоніи г. Чернявскаго.

1867 г. № 47—52, 54—57. Программа для собирания народныхъ юридическихъ обычаевъ.

1868 : № 3. Народные обычаи. 1) Отношение сельского населения къ шинкарямъ евреямъ, 2) Быть селянина.—Статья написана въ отвѣтъ на приведенную программу волостнымъ учителемъ Ио. Гитаренко.

№ 8 и 9. Народный бытъ. С. Мариновка (ананьевск. у.) и ея окрестности. Волостной писарь П. Рудковский.

1869 г. № 18, 19, 21—27, 34, 36, 38, 41, 46, 47, 58, 59, 68. Статистические очерки елисаветградского у., составленные лѣтомъ 1868 г. А. Чирковъ. Въ «Очеркахъ» есть и этнографический материалъ. Содержание см. въ отдѣлѣ. «Статистика».

1870 г. № 12 и 13. Программа для указанія особенностей мѣстныхъ говоровъ южно-русской рѣчи.

1871 г. № 81—83. Описаніе рыболовныхъ орудій и способа ихъ употребленія на Днѣпрѣ, Бугѣ и днѣпровско-бугскомъ лиманѣ. 1) Невода, 2) сѣти плавныя, 3) ставныя сѣти и снасти, 4) крючки, 5) сандолянъ, 6) коты, 7) гребли и хватки.

1873 г. № 45—47. Изъ путевыхъ замѣтокъ по херсонской губ. Содержаніе: населеніе: малороссы, великороссы православные и ста-ровѣры, молдаване, нѣмцы и евреи колонисты, природа и занятія населенія.

В. Ястребовъ.

Книги, относящіяся къ южной Россіи, вышедшия въ 1891 г.¹⁾.

Альбомъ видовъ Георгіевского балаклавского монастыря въ Крыму (близъ Севастополя). Изд. по случаю празднованія 1000-лѣтняго (891—1891) юбилея монастыря. Спб. 2 д. 2 стр. текста + 13 снимковъ.

Боцяновскій Вл. Публичная библиотека въ Житомирѣ. (По поводу ея 25-лѣтія). Оттискъ изъ ж. «Кievsk. Star.». К. 1891. 8 д. 30 стр.

Брикнеръ. Потемкинъ. Спб. 1891. 8 д. 276 стр.+2 портр. Ц. 2 р. 50 к.

Брандель Ф. Ф. баронъ. Черноморская глубомѣрная экспедиція 1890 года. (Череп. изъ Изв. Имп. русск. геогр. общ.). Спб. 8 д. 20 стр.

Гордѣенко Е. С. проф. Исторический обзоръ дѣятельности харьковскихъ земскихъ учрежденій. Вып. I. Хар. 1891. 8 д. 96 стр.

Грушевскій М. Очеркъ истории Кіевской земли отъ смерти Ярослава до к. XIV ст. К. 1891. 8 д. XVI+520 стр. +1 карта. Ц. 2 р. 75 к.

Д. К. М. Воспоминанія о Н. И. Костомаровѣ. Отт. изъ ж. «Кіевская Стар.» К. 1891. 8 д. 10 стр.

- Западно-русский мѣсяцесловъ на 1892 г. Вильно. 1891. 8 д. 56 стр.
- Колмаковъ Н. М.* Очерки и воспоминанія. Съ 1816 г. Отт. изъ «Рус. Стар.» Спб. 1891. 8 д. 92 стр.
- Колоски. Збирнкъ казокъ та оповиданнivъ. Од. 1891. 16 д. 114+II стр.
- Котляревскій И. П.* Наталка-Полтавка. Малор. опера въ 2 д. Спб. 1891. 16 д. 48 стр. Ц. 7 к.
- Кубанскій сборникъ. Труды кубанск. обл. стат. ком., изд. подъ редакц. Е. Д. Фелицына. Т. II. Екатеринодаръ. 1891 г. 8 д. 42+VI+60+207+27+166+53+21+35 стр.
- Кубанская справочная книжка 1891 г. Сост. Е. Д. Фелицынъ. Издание кубанск. обл. стат. ком. Екатеринодаръ. 1891. 8 д. XXIV+191+XIII+629+XVI+126 стр.
- Къ 50-лѣтнему юбилею общества киевскихъ врачей. К. 1891 г. 8 д. LXXIV стр.
- Л'Коротъ бне Израилъ бе-Кievъ (Къ исторіи евреевъ въ Kievѣ). Kievъ. 1891. 8 д. 45 стр.
- Марковичъ Д. В.* Омелько каторжникъ. Два платочка. На «Вовчомъ хуторѣ». Три рассказа. М. 1891. 16 д. 36 стр.
- Медицинскій отчетъ по зміевскому уѣзду. Харьковъ. 1891. 8 д. 67 стр.
- Монтирезоръ В.* Обозрѣніе растеній, входящихъ въ составъ флоры губерній киевск. учебн. округа: киевск., подол., волынск., черниг. и полтавской. Вып. V. К. 1891. 8 д. Стр. 419—508.
- Моравскій С.* Федоръ Лисовскій. (1709—1722). Очеркъ изъ внутр. ист. Малороссіи въ 1 пол. XVIII стол. Отт. изъ ж. «Киевская Старина». К. 1891. 8 д. 63 стр.
- Николаевскій календарь и справочная книга на 1892 г. Николаевъ. 8 д. 104 стр. Ц. 10 к.
- Отчетъ асѣвской низшей сельско-хозяйственной школы 2 разряда зміевскаго земства за 1890 г. Хар. 1891. 8 д. 114 стр.
- Отчетъ одесского общественного еврейского народнаго, съ ремесленнымъ отдѣленіемъ, училища за 1889—90 уч. годъ. Од. 1891. 8 д. 40 стр.
- Отчетъ по одесскому техническому училишу при юго-западной ж. д. за 1890—91 уч. г. Од. 1891 8 д. 21 стр.
- Подолія. Историч. описание. Съ Высочайшаго соизволенія изд. при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ Н. Н. Батюшковымъ. Съ 1 хромол., 2 фотот., 46 грав. и 2 картами. Спб. 1891. 8 д. XXXI+264+99 стр.
- Richter A.* Geschichte der Evang.-Lutherischen Gemeinde zu Simferopol 1812—1891. Festschrift zum 50-jährigen Jubiläum der Kirche. Спб. 1891. 8 д. 39 стр.

Рогова О. И. Сынъ гетмана. Ист. пов. Съ рис. Спб. 8 д. 288 стр.

Русскія древности въ помятникахъ искусства, изд. гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковыиъ. Вып. 4. Христіанскія древности Крыма, Кавказа и Киева. Съ 168 рис. въ текстѣ. Спб. 1891. 8 д. 176 стр.

Słownik geograficzny królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Wydany pod red. B. Chlebowskiego i W. Walewskiego według planu F. Sulimierskiego i z pomocą zgromadzonych przez niego materiałów. Zeszyt 131. Tom XI. Warszawa. 1891. 4 д. Стр. 801—880.

— То же. Zeszyt 132. T. XI. Warszawa. 1891. 4 д. Стр. 913—960.

Солнцевъ И. П. д рѣ. Послѣдніе два высокопреосвященнаго митрополита киевск. и галицк. Платона. К. 1891. 16 д. 29 стр.

Фабрициусъ В. Киевскій календарь на 1892 г. К. 1891. 8 д. 226 стр. II. 25 к.

Хрущовъ И. Богомольцы у святыни Киева. Старый Киевъ. Изд. 3-е. Спб. 8 д. 39 стр.

Чайченко В. Середъ крыжаного моря. Оповиданія. Од. 1891. 8 д. 76 стр. II. 15 к.

Турцевичъ Ар. Хрестоматія по исторіи зап. Россіи. Учебн. пособіе для учен. старш. клас. ср. уч. зав. Вильно. 1892. 8 д. XII+776 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Шеболдаевъ В. Очеркъ дѣятельности хирургического отдѣленія черниговской губ. земск. больницы за 1890 г. Изд. ред. «Земск. сборн. черн. губ.» Черниговъ. 8 д. 89 стр.

Шулуровъ И. В. Илья Федоровичъ Тимковскій, педагогъ прошлаго времени. Отт. изъ ж. «Кiev. Стар.» К. 1891. 8 д. 73 стр.

Фирсовъ Н. Н. Содержаніе и характеристика галицко-волынской лѣтописи по Ипатьевскому списку. (Пробн. лекція). Казань 1891. 8 д. 14 стр.

СОДЕРЖАНИЕ.

Томъ XXXVI, 1892 г. Январь, Февраль и Мартъ.

	стр.
ОТЪ РЕДАКЦИИ.	I—IV
✓ I. СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРОУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ. (Посвящается памяти А. А. Потебни). Проф. Н. Ф. Сумцова.	1—10, 206—225
	409—423
✓ II. ИРОТОНЕРЕЙ АЛЕКСѢЙ АНДРІЕВСКІЙ. (Эпизодъ 1789 г.). Проф. В. Б. Антоновича	11—22
III. О ЯЗЫКѣ И ЦОЕТИЧЕСКОМЪ СТИЛѣ НАРОДНЫХЪ МАЛОРОУССКИХЪ ДУМЪ. П. И. Житецкаго.	23—60
IV. РАСКОПКИ НА КНЯЖЕЙ ГОРѢ ВЪ 1891 Г. Ник. Ф. Бѣляшевскаго (съ двумя таблицами снимковъ)	61—104
✓ V. КЪ ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ДУМЪ. (По поводу статьи г. Равиты о думахъ). А. И. Степовича	105—109
VI. ГЕТМАНЪ МАЗЕНА И ОСТЕРСКІЯ ОБЩІЯ ЗЕМЛИ. (Изъ истории землевладѣнія въ лѣво-бережной Украинѣ). Проф. И. В. Лучицкаго	110—118
VII. «МАЛОРОУССКАЯ СУЕВЪРІЯ, КОИМЪ МАЛО КТО ВЪРИЛЪ, СОБРАННЫЯ 1776 Г.». (Рукопись А И. Чепы). Н. В. Стороженка	119—130
IX. СТРАНСТВУЮЩІЕ ШКОЛЬНИКИ ВЪ СТАРИННОЙ МАЛОРОССІИ. П. И. Житецкаго	189—205
✓ X. МАЛОРОССІЯ ПО РАЗСКАЗАМЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВЪ КОНЦА ПРОШЛАГО И НАЧАЛА НЫНѢШНЯГО СТОЛѢТИЯ. Л. Д. Синицкаго	226—259

II

СТР.

• XI. БАРСКАЯ ОБОЛИЧНАЯ ШЛЯХТА ДО к. XVIII в. Этнографический очеркъ. М. С. Грушевскаго	260—277
• XII. КАРТИНЫ МОЕГО ПРОШЛАГО. Б. С. Познанскаго. 278—294, 439—457	
• XIII. ПУТЕШЕСТВІЕ ИМПЕР. ЕКАТЕРИНЫ II ВЪ ЮЖНУЮ РОССІЮ ВЪ 1787 ГОДУ. Г. В. Есипова	295—306, 458—477
• XIV. ПОМИНКИ ПО А. А. ВОСТОКОВЪ. И. М. Каманина	307—311
• XV. ПАМЯТИ КН. В. Н. РЕПНИНОЙ. Н. С.	312—313
XVI. ТЕОРБАНИСТЫ ГРЕГОРЪ, КАЭТАНЪ И ФРАНЦЪ ВИДОРТЫ. А. А. Русова.	336—380
XVII. О ТОРБАНЪ И МУЗЫКЪ ЦВЕСЕНЪ ВИДОРТА (съ нотами) Н. В. Лысенка.	381—387
XVIII. МАЛОУРУССКІЯ ВИРШИ НРАВОУЧИТЕЛЬНАГО СОДЕРЖАНИЯ. П. И. Житецаго	388—408
XIX. ВОЗСОЕДИНЕНИЕ УНИАТОВЪ ВЪ М. РАТНОМЪ ВОЛЫНСКОЙ ГУБЕРНІИ ВЪ 1838 г. Ф. Кудринскаго	409—438
XX. ПАРАЛЛЕЛИ КЪ ПОВѢСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «ВІЙ». Проф. Н. Ф. Сумцова.	472—477
XXI. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ исторіи славянофильства на Руси. б) Письмо Ив. Носа къ прилуцкому полковнику Дм. Горленку о свадьбѣ его сына. В. Г. в) Замѣчательный универсаль гетьмана Мазепы. А. Стороженка. г) Старинное поученіе Переяславскому семинаристу при вступлении его въ Киевскую академію. А. Стороженка. д) Уніатская колядка. Сообщ. Хр. Ящуржинскій. е) Распоряженіе генералъ-губернатора Глѣбова по случаю проѣзда турецкаго посланника черезъ г. Киевъ (1764 г.) А. А. ж) Рукописныя замѣтки на поляхъ книги «Миръ человѣка съ Богомъ» Иванокентія Гизеля, кievской печати 1669 г. Н. П. з) Къ вопросу о научномъ изданіи «Кобзаря» Т. Г. Шевченка. В. Науменка. и) Письмо Ив. С. Тургенева къ А. Д. Оболонскому по поводу выкупа родичей Т. Г. Шевченка изъ крѣпостной зависимости. В. Н—ка. і) Письмо Т. Г. Шевченка къ А. Д. Оболонскому. В. Н—ка. к) Воспоминанія о Т. Г. Шевченкѣ Е. Б. Шуяловой (Шмидгоффъ). В. Н—ка. л) Къ помѣщаемымъ двумъ рисункамъ Т. Г. Шевченка. м) Воспоминанія о по-	

III

CNP

ХХI. БИБЛIOГРАФIЯ: а) Графъ И. Толстой и Н. Кондаковъ.—
Русскія древности въ памятникахъ искусства. В. четвертый.
В. Щербины. б) Ал. С. Фаминцыъ. Домра и сродные ей
музыкальные инструменты русскаго народа: баладайка, кобза,
бандура, торбанъ, гитара. А. Степовича. в) Коваленко «О
народной медицинѣ въ Переяславскомъ уѣздѣ, полтавской губ.
въ «Этнографич. Обозрѣніи» 1891, IX, 141—150. г) Regoř,
Lidova lečba u haličskych Malorusů въ Časopis Musea
českeho 1891 г. LXV, ч. 2, стр. 281—297. Н. С. д) Письма
Вас. Ив. Туманского и его неизданныя стихотворенія. З.
е) Обзоръ замѣчательнѣшихъ древностей воронежской губ.
Л. Б. Вейнберга. Арк. Л—и на. ж) Bibliografia litewska od
1547 do 1701, przedstawił Maurycy Stankiewicz. Арк.
Л—и на. з) Обозрѣніе журналовъ. и) Этнографическое Обозрѣніе 1891 г. книги VIII, IX и X. Я. Ш. i) Откликъ въ
пользу голодающихъ. А. Марковича. к) Щербанская во-
лость елисаветградскаго уѣзда херсонской губ. В. Ястребова.
л) Народные обычая, суевѣрия, предразсудки и обряды кре-
стьянъ саратовской губерніи. Арк. Л—и на. и) В. С.
Карцовъ и М. Н. Мазаевъ. Опыты словаря псевдонимовъ

русскихъ писателей. Ари. Л—ико. в) В. Е. Постниковъ.
Южно-русское крестьянское хозяйство. А. Русова. о) Бер-
нардъ Таннеръ. Описаніе путешествія польского посольства
въ Москву въ 1678 году. И. Каманина. п) Сборникъ по
хозяйственной статистикѣ полтавской губерніи. Томъ IX. Р.
р) А. Г. Брикнеръ. — Нотемкинъ. — Съ 2 портретами. З.
с) Опытъ изслѣдованія украинскихъ крестьянскихъ ярмарокъ.
Р. т) Херсонскія Губернскія Вѣдомости 1839 — 1888 г.
В. Ястребова. у) Книги, относящіяся къ южной Россіи,
вышедшія въ концѣ 1890 и въ 1891 г. 155—188, 350—364, 504—536

ПРИЛОЖЕНИЯ: 1) Портретъ Александра Аѳанасьевича Потебни.

2) Портретъ Тараса Григорьевича Шевченка.

3) Хата Шевченка въ с. Кириловкѣ.

4) Изображеніе торбана и кобзы.

5) Дневникъ генерального подскарбія Якова Марковича.

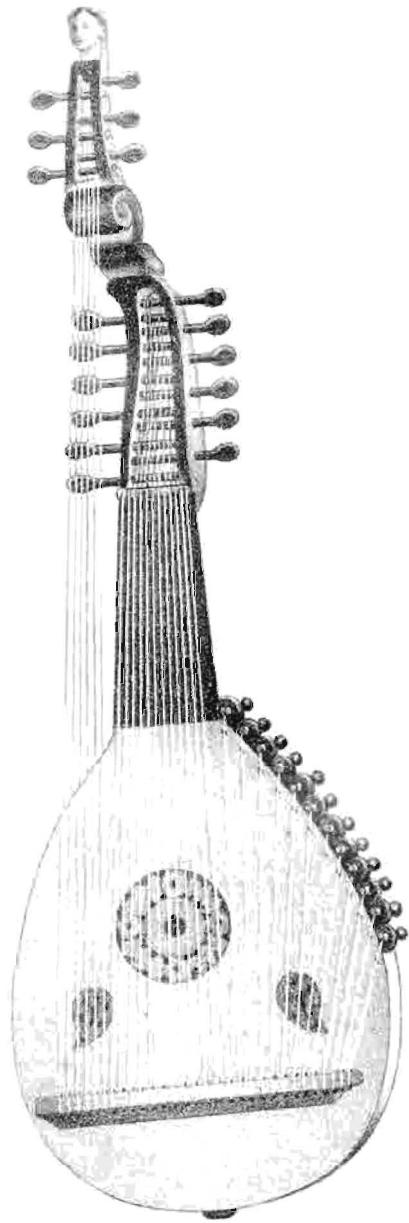
Марко Григорьевич Шевченко

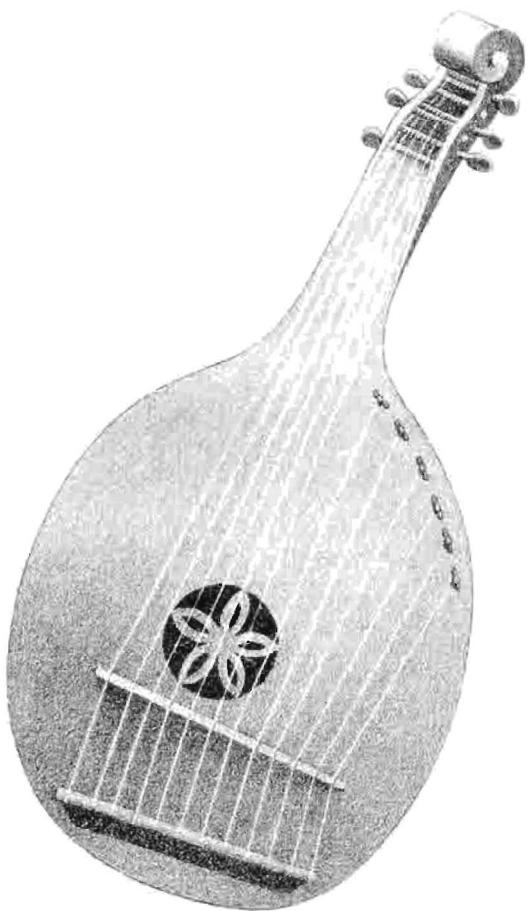
Хата Шевченка в с. Киргизовка.

(хата Шевченка)

ТÓРБАНЪ.

КОБЗА.

1868 г. № 3. Народные обычаи. 1) Отношение сельского населения къ шинкарямъ евреямъ, 2) Бытъ селянина.—Статья написана въ отвѣтъ на приведенную программу волостнымъ учителемъ Ив. Титаренко.

№ 8 и 9. Народный бытъ. С. Мариновка (ананьевск. у.) и ея окрестности. Волостной писарь П. Рудковский.

1869 г. № 18, 19, 21—27, 34, 36, 38, 41, 46, 47, 58, 59, 68. Статистические очерки елисаветградского у., составленные лѣтомъ 1868 г. А. Чирковъ. Въ «Очеркахъ» есть и этнографический материалъ. Содержание см. въ отвѣтѣ. «Статистика».

1870 г. № 12 и 13. Программа для указанія особенностей мѣстныхъ говоровъ южно-русской рѣчи.

1871 г. № 81—83. Описаніе рыболовныхъ орудій и способа ихъ употребленія на Днѣпрѣ, Бугѣ и днѣпровско-бугскомъ лиманѣ. 1) Невода, 2) сѣти плавныя, 3) ставныя сѣти и снасти, 4) крючки, 5) сандоля, 6) коты, 7) гребли и хватки.

1873 г. № 45—47. Изъ путевыхъ замѣтокъ по херсонской губ. Содержаніе: населеніе: малороссы, великороссы православные и старообрядцы, молдаване, нѣмцы и евреи колонисты, прарода и занятія населенія.

В. Ястребовъ.

Книги, относящіяся къ южной Россіи, вышедшия въ 1891 г.¹⁾.

Альбомъ видовъ Георгіевскаго балаклавскаго монастыря въ Крыму (близъ Севастополя). Изд. по случаю празднованія 1000-лѣтняго (891—1891) юбилея монастыря. Спб. 2 д. 2 стр. текста + 13 снимковъ.

Боцяновскій Вл. Публичная библиотека въ Житомирѣ. (По поводу ея 25-лѣтія). Оттискъ изъ ж. «Кievsk. Stар.». К. 1891. 8 д. 30 стр.

Брикнеръ. Потемкинъ. Спб. 1891. 8 д. 276 стр. + 2 портр. Ц. 2 р. 50 к.

Брандъ Ф. Ф. баронъ. Черноморская глубокомѣрная экспедиція 1890 года. (Переп. изъ Изв. Имп. русск. геогр. общ.). Спб. 8 д. 20 стр.

Гордѣнко Е. С. проф. Исторический обзоръ дѣятельности харьковскихъ земскихъ учрежденій. Вып. I. Хар.: 1891. 8 д. 96 стр.

Грушевскій М. Очеркъ истории Киевской земли отъ смерти Ярослава до к. XIV ст. К. 1891. 8 д. XVI + 520 стр. + 1 карта. Ц. 2 р. 75 к.

Д. К. М. Воспоминанія о Н. И. Костомаровѣ. Отт. изъ ж. «Кievskая Стар.» К. 1891. 8 д. 10 стр.

¹⁾ Свѣдѣнія заимствованы изъ №№ 227—283 „Правител. Вѣсти.“ за 1891 г.

- Западно-русскій мѣсяцесловъ на 1892 г. Вильно. 1891. 8 д. 56 стр.
- Колмаковъ Н. М.* Очерки и воспоминанія. Съ 1816 г. Отт. изъ «Рус. Стар.» Спб. 1891. 8 д. 92 стр.
- Колоски. Збрывыкъ казокъ та оповиданнivъ. Од. 1891. 16 д. 114+II стр.
- Копильяревскій И. П.* Наталка-Полтавка. Малор. опера въ 2 д. Спб. 1891. 16 д. 48 стр. Ц. 7 к.
- Кубанскій сборникъ. Труды кубанск. обл. стат. ком., изд. подъ редакц. Е. Д. Фелицына. Т. II. Екатеринодаръ. 1891 г. 8 д. 42+VI+60+207+27+166+53+21+35 стр.
- Кубанская справочная книжка 1891 г. Сост. Е. Д. Фелицынъ. Изданіе кубанск. обл. стат. ком. Екатеринодаръ. 1891. 8 д. XXIV+191+XIII+629+XVI+126 стр.
- Къ 50-лѣтнему юбилею общества киевскихъ врачей. К. 1891 г. 8 д. LXXIV стр.
- Л' Коротъ бne Израилъ бe Киевъ (Къ исторіи евреевъ въ Киевѣ). Киевъ. 1891. 8 д. 45 стр.
- Марковичъ Д. В.* Омелько каторжникъ. Два платочка. На «Вовчонъ хуторѣ». Три разсказа. М. 1891. 16 д. 36 стр.
- Медицинскій отчетъ по змievскому уѣзду. Харьковъ. 1891. 8 д. 67 стр.
- Монтрезоръ В. Обозрѣніе растеній, входящихъ въ составъ флоры губерній киевск. учебн. округа: киевск., подол., волынск., черниг. и полтавской. Вып. V. К. 1891. 8 д. Стр. 419—508.
- Моравскій С. Федоръ Лисовскій.* (1709—1722). Очеркъ взъ внутр. ист. Малороссіи въ I пол. XVIII стол. Отт. изъ ж. «Киевская Старина». К. 1891. 8 д. 63 стр.
- Николаевскій календарь и справочная книга за 1892 г. Николаевъ. 8 д. 104 стр. Ц. 10 к.
- Отчетъ асѣевской нижней сельско-хозяйственной школы 2 разряда змievскаго земства за 1890 г. Хар. 1891. 8 д. 114 стр.
- Отчетъ одесского общественного еврейскаго народнаго, съ ремесленнымъ отдѣленіемъ, училища за 1889—90 уч. годъ. Од. 1891. 8 д. 40 стр.
- Отчетъ по одесскому техническому училищу при юго-западной ж. д. за 1890—91 уч. г. Од. 1891 8 д. 21 стр.
- Подолія. Историч. описание. Съ Высочайшаго соизволенія изд. при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ И. Н. Батюшковымъ. Съ 1 громол., 2 фотот., 46 грав. и 2 картами. Спб. 1891. 8 д. XXXI+264+99 стр.
- Richter A.* Geschichte der Evang.-Lutherischen Gemeinde zu Simferopol 1812—1891. Festschrift zum 50-jährigen Jubiläum der Kirche. Спб. 1891. 8 д. 39 стр.

Рогова О. И. Сынъ гетмана. Ист. пов. Съ рис. Слб. 8 д. 288 стр.

Русскій древности въ помятникахъ искусства, изд. гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковыемъ. Вып. 4. Христіанскія древности Крыма, Кавказа и Киева. Съ 168 рис. въ текстѣ. Слб. 1891. 8 д. 176 стр.

Słownik geograficzny królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Wydany pod red. B. Chlebowskiego i W. Walewskiego wedlug planu F. Sulimierskiego i z pomocą zgromadzonych przez niego materiałów. Zeszyt 131. Tom XI. Warszawa. 1891. 4 д. Стр. 801—880.

— То же. Zeszyt 132. T. XI. Warszawa. 1891. 4 д. Стр. 913—960.

Солнцевъ И. И. д ръ. Послѣдніе дни высокопреосвященнаго митрополита киевск. и галицк. Платона. К. 1891. 16 д. 29 стр.

Фабрициусъ В. Киевскій календарь на 1892 г. К. 1891. 8 д. 226 стр. II. 25 к.

Хрущовъ И. Богомольцы у святынь Киева. Старый Киевъ. Изд. 3-е. Слб. 8 д. 39 стр.

Чайченко В. Середъ крыжаного моря. Оповиданія. Од. 1891. 8 д. 76 стр. Ц. 15 к.

Турцевичъ Ар. Хрестоматія по исторіи зап. Россіи. Учебн. пособіе для учен. старш. клас. ср. уч. зав. Вильно. 1892. 8 д. XII+776 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Шеболдаевъ В. Очеркъ дѣятельности хирургического отдѣленія черниговской губ. земск. больницы за 1890 г. Изд. ред. «Земск. сборн. черн. губ.» Черниговъ. 8 д. 89 стр.

Шутуровъ Н. В. Илья Федоровичъ Тимковскій, педагогъ прошлаго времени. Отт. изъ ж. «Кіев. Стар.» К. 1891. 8 д. 73 стр.

Фирсовъ Н. Н. Содержаніе и характеристика галицко-водынской лѣтописи по Ипатьевскому списку. (Пробн. лекція). Казань 1891. 8 д. 14 стр.

ленъ зосталъ въ Глуховъ, зъ писмами вчора написанными, да еще въ добавку и зъ доношениемъ въ вой. енер. канцелярію о томъ, чтобы обстоятельно ко мнѣ написали о жителяхъ монастыра, которыхъ въ реестръ козацкій принять бы, ибо не означенено нѣ сотнѣ, нѣ села где они живутъ, въ томъ листѣ правителскому. Якову Дубровѣ, отправленному въ Глуховъ, далемъ наказъ въ 5 пунктахъ. Романъ молодикъ пріехалъ зъ Лубенъ, которому завтрапшего дня велѣлемъ возокъ зъ тютюномъ моимъ провадить до Селецкого, въ якомъ каменей 45, и пашущъ Зб, и, припровадивши, вручилъ би возъ и листъ къ нему писанній, зъ 4 рублями на проездъ, въ томъ же листѣ запечатанными. До его жъ Селецкого, довѣдавшись отъ отца Федора лучанского, же якоби рушиль зъ Токаровъ въ дорогу, послалемъ сторожа лубенского, жеби остоялся а подождалъ воза моего. Указомъ імпер. велич. предложилемъ п.п. Билиму и Даценку правленіе полковое содержати, до моего повороту, а самъ позно уже виехалемъ зъ Ромна къ Ахтирцѣ, до Гадячого трактомъ и, не едучи простою дорогою до Липового, заблудились по проводнику Івану Ющенку до футора сотниковой романской, и хучай оттуду поехалисмо были къ его футору Івановому, однакъ, округъ сотничій футоръ обехавши, знову къ оному приблудились, потому что дороги не было и серенъ великий паль, а тамъ въ томъ же футорѣ мусѣлисмо заночовать.

30. Рано поехавши оттуду, тако жъ блудили по степу, поколь около обѣдной години приблудились до Липового, где пообѣдалисмо. Хлопецъ Вѣжевскій признался, же у футорѣ сотнички романской, где ночовалисмо, заомнѣвъ шапки мої арманской зъ рожками бараковой, которую вищукать молодикови Івана Ющенка, отправленному отсюду, приказали. Пріехалисмо на ночь въ Гадячъ и кватиру въ дворѣ удови Кушевской, въ городѣ, имѣлисмо. Мартинъ Штишевскій, судя и наказ. полков. гадацкій, бувъ у насъ, который зъ разговору сказалъ, что отъ трави лихой на степу, до Сулаку лежачомъ, найдуючойся, ратовать конѣ и бидло оною заразившееся — медомъ патокою зъ горчицею змѣпавши и зливши въ горло коневи или скотинѣ.

31. Рано зъ Гадяча поехавши, переехалисмо черезъ Венчикъ и пріехали на обѣдъ до села Комишовъ, до замку Гадяцкого належачаго, о полуднѣ, и тутъ обѣдалисмо, куда отъ Гадяча будетъ миль близъ чотирохъ. А прежде въ Гадячу почтара роменского отправилемъ въ Роменъ, зъ трома листами до родителки, самой и правителей полковихъ; въ первомъ, виразилемъ вѣдомость, отъ п. Мартина завзятую, о порушенню близъ десяти недель, отъ Сулаку родителскому учинившомся; въ второмъ, о Селецкомъ, жеби повторне ему предложила сама сподарить реестръ лѣкарствъ данай ему и если оставатимутся гроши, купиль бы каруну и полкаруну штукъ по двѣ, и Романъ бы слуга вози воловіе споражаль, и предложила бы до Якова Дуброви, чтобъ ехалъ въ Глуховъ; а въ третемъ, до правителей, чтобъ колодниковъ дѣла розисковали зъ сотниками цѣлими и наказними, мѣючими на сей часъ пріѣхать въ Роменъ и ояє децедовали бы зъ артикуловъ правнихъ; такъ же писали бы въ Лубиѣ о присланню целовалниковъ, а въ Лукомле о присилкѣ щетчика Лаврѣна Кодинца, а въ протчіе сотнѣ — о зборщикахъ, сторожахъ полевихъ, пушкахъ, ценѣ всякой пашнѣ и сѣна и еще о чомъ вѣденія не прислани откуду. А такъ по отправленію кушаня въ селѣ Комишахъ, пріехалисмо на ночь до селца Злодѣевки, полковника ахтирского п. Лесевицкого, поздно барзо, куда отъ Комишовъ миль будетъ зъ три добрихъ, и тутъ ночевалисмо въ дому полковничомъ, где слуга его Румиѣцкій принялъ насъ, который сказалъ, что духовникъ государевъ отецъ Тимофѣй¹⁾) вчора зъ Тростянца поехалъ въ Москву и что Василь Кондратіевъ сумскій похороненъ въ Сумахъ.

КОНЕЦЪ ПРОТОКОЛА²⁾.

¹⁾ Тимофей Васильевич Надаржинский, въ монашествѣ Товій. См. вѣкторыл о немъ свѣдѣнія и его портретъ — въ „Молодиѣ“ на 1844 г. (Спб., 1844).

²⁾ Этими оканчивается первый томъ рукописи дневника, въ которомъ находятся 75 полулистовъ (150 стр.), изъ которыхъ три (20, 21 и 75) — чистые. Въ этомъ томѣ недостаетъ вѣсколькихъ полулистовъ въ срединѣ рукописи, о чёмъ сказано въ текстѣ. Рукопись переплетена въ кожу, на которой, по обѣимъ сторонамъ, по краямъ, вытѣсненъ бордюръ.

Протоколъ на 1725 рокъ.

Январій 1. П'яточокъ. Рано поехавши, пріехалисмо рано жъ до Ахтирки и, рано жъ, князю Михайлу Михайловичу Голѣцину кланялся, у которого засталемъ генерала маюра Роппа, полковника Псковского полку Лоренца и Нарвского полку Димитрія Федоровича Яропкина и многихъ; и обѣдалисмо у князя и до вечора позно забавились зъ шумомъ. Яковъ Василіевичъ и Коваль сторожъ пріехали въ Ахтирку отъ родителя, зъ Цариціна, зъ письмомъ ко мнѣ родителскімъ, что прибули въ Царицінъ 15 декабря, а оттуду сюда рушили 18 декабря жъ. Отъ брата п. Семена листъ поданъ же, въ которомъ пишеть, что люде мои 4 возами едутъ сюда, а хочай и болїшъ десяти лошадей купили были, однакъ разсужденіи трудность дороги нинѣшной, мѣли подлѣйшое продать. Шли за здорове князя Голштинскаго, которому цесаревна Анна Петровна въ малженство послублена, але еще не было малженства. Извѣстилисѧ, что въ Гилянъ съ полковъ Слободскихъ наряжено козаковъ 1000, а коммандиромъ надъ ними пойдетъ полковникъ харковскій Квѣтка.

2. Субота. Яковъ Василченко отправленъ въ Роменъ зъ Ковалемъ сторожомъ, черезъ которогго писалемъ до родителки зъ поздравленіемъ оборотомъ родителскимъ, до ясновельможной—о томъ же и до правителей полковихъ — о присланню ко мнѣ сторожъ двохъ. Музиканти княжіи были у мене, которимъ 5 зол. далемъ. Бувъ рано у князя, а оттуду у Яропкинихъ, а оттуду въ церквѣ; и знову у князя, и кушаль у его столу, и очинъ шумни были. Яропкинъ сказовалъ, что Монсъ, бывшій при государинѣ імператрицѣ камергеръ, за нѣкоторое свое преступленіе, казненъ плахою.

3. Неделя. Рано бувъ у п. Матвія Федоровича Боярскаго, суддѣ полкового ахтирскаго, и тамъ же видѣлся зъ аютантомъ княжимъ Петромъ Григор. Баскаковимъ и о Гилянѣ розговаривали. Его жъ Баскакова да секретара Василія Бѣрулева обославлемъ водкою и проч., за любовь пріятелскую. Часовъ послухавши у церкви ст. Георгія, въ господѣ кушалисмо. По обѣдѣ, поехалисмо зъ Ах-

тирки и пріохали, по заходѣ слонца, въ село замку гадяцкого Ко-
мишъ и тутъ почовалисмо, где дзигарикъ свой розбиралемъ и
направилемъ мало.

4. Понеделокъ. Рано вставши, горѣлку паленую пили и по-
ехали къ Венрику, куда будеть миль 2 добрихъ, и тамъ переку-
сивши мало, пріехалисмо до Гадяча, у милю едну. Сторожъ лубен-
скій Охрѣмъ да Дмитрія Постулниченка человѣкъ пріохали зъ
Ромна, которихъ отправилемъ до родителя зъ писмами и брата п. Семена,
въ которихъ привѣтъ виразилемъ, а особливе цедулою до
родителя: о указѣ бунчуковимъ, въ походѣ до Гилянѣ предлагаютъ
чомъ, о моей въ Ахтирцѣ битности писалемъ и на дорогу имъ 3
зол. далемъ и зъ подорожною. Пообѣдавши тамъ, позно уже, и
поехавши оттуду, пріехали на ночь въ Липовое село, въ 26 вер-
стахъ отстоящое, и тутъ почовали. Бутурлимъ хоружій (въ ком-
панияѣ при мнѣ бывшій зъ Яковомъ судденкомъ, Андрѣемъ моло-
димъ Заруднимъ, Иваномъ Ющенкомъ) въ разговорѣ своеемъ сказалъ
мнѣ, что Калюжновскій футоръ, доставшій намъ — самой Калюж-
ной батковщина, а не Калюжненковъ отца, которія и неповинни
Калюжненкамъ зватися, бо ихъ отецъ запорожецъ, родомъ зъ Нѣ-
жина, отъ старого Калюжного матки ихъ отца принятъ зосталъ,
которому и дочь свою, а ихъ матку, Калюжнову въ малженство даль.

5. Вокторникъ. При всходѣ слонца, рушивши зъ Липового,
пріехалисъ, передъ полуднемъ двома годинами, въ Роменъ, отстоячій
оттуду въ 30 верстахъ. Жена моя листъ зъ Глухова, писанняе ко
мнѣ и безъ мене принесеніе, вручила: 1) отъ ясновелможной — от-
вѣтній, повѣнчователкѣ; 2) отъ Троцкого канцеляристи, о его до-
мовомъ інтересѣ и о посланномъ реестрѣ за рукою гетманской бун-
чуковихъ; зъ войсковой енеральной канцелярії въ колегію малорос-
сійскую, а зъ Лубенъ отъ Петра Кулябки листъ зъ прошеніемъ на
актъ веселій сина его зъ дочерю п. Турковскаго господара га-
дяцкого, мѣючій чинитися януар. 8. Писарь Петрановскій, прій-
шовши, обявилъ укази, присланніе сюда на імя мое: 1) зъ колегіи
о індуктѣ, закупленной прежними індукторами, Петромъ Тарнаютомъ
зъ товарищи, за прежнюю сумму около 100000 зол., 2) зъ канцел-

лярій енер. о учрежденії кого зъ значковихъ, албо полковыхъ особъ, въ Гилянъ коммандиромъ и чтобы сотникъ лубенскій бувъ готовъ про запасъ; 3) о присланію щетчика; 4) о присилкѣ зборщиковъ. Посланій до Андріяша и Кулібки Якима повернулся и карту отъ Якима привезъ, а отъ Андріяша не взялъ, бо не далъ. Шапку зимнюю рисую покриль мнъ Авраамъ кушнѣръ. Казалемъ старшинѣ Дмитрия Постулника наказать за непослушенство, же самъ не едучи, зъ лубенскимъ сторожемъ своего футорного вислалъ. У лазиѣ милемся по вечерѣ, где и кошулю новую родителка дала. Листъ отъ Орановскаго о козакахъ сухонсовскихъ и перервинскихъ полученъ.

6. Середа. Крещеніе. До п. Федора и до п. судійной писма отправляемъ въ Прилуку, въ которихъ о зближеніи родителскомъ писалемъ. Григорій Манжось далъ доношеніе въ полковую канцелярію, что Андріяшъ росписки не далъ зъ такимъ предложеніемъ, же мѣль до князя Голющица Михайла Михайловича ехать. Шапку рисую принюсь Авраамъ, зробивши.

7. Четвер. До лубенскаго сотника и до Худолѣя писалемъ о пріуготовленіи имъ въ походъ до Гиляни. Получилемъ листъ отъ п. сотника глуховскаго о присланію сказки: почему владѣю Сварковомъ и того жъ часу отписалемъ и сказку послалемъ. Золотарь, зъ пари шорь зорвавши бляшки, взялъ переробить, а всей москенди изъ шматками у его фунт. 2. Лаврѣнъ Кодинецъ, посыланій въ Глуховъ, въ щетчики, не принять, того ради что за нимъ доношеніе было въ канцелярію, а не въ коллегію и того ради отправленъ въ домъ зъ указомъ до лукомской старшини, жебы доношеніе въ колегію поручное за нимъ дано. Зборщики чернускіе два, а одинъ чигириндуровскій непринятіе въ Глуховъ. Указъ до всей старшини о індуктѣ закупленной посланъ въ сотнѣ. Адамъ повернулся зъ Криму и привезъ всего товару: сафяну 30 бунтовъ, заполочи 20 окъ, вина простого и мусулеу по кухвѣ. Намѣрилемъ былъ схать въ Глуховъ, але надѣючись скорого пріезду родителскаго, оставилемъ тую дорогу.

8. Пятокъ. До родителя виправленни Воротелякъ, Іванъ Ющенко, Федко Глинній и Пархомъ, атаманъ жовинскій, и черезъ

нихъ писалемъ до родителя, а родителка сани ликомъни розныхъ въкупъжъ послала. Писалемъ въ Глуховъ до леневелможной о моей въ Ахтирцѣ бытности и до правителей, п. сотника глуховскаго и Троцкаго, о наданію мнѣ курѣнчиковъ сух(оносовскихъ) и перер-(винскихъ)¹⁾.

Петрановскому казалемъ пописать укази въ Чорнухи и Чигирицдуброву о присланію грамотнихъ въ зборщики. Віехалемъ зъ Ромна рано и пріехалемъ до футорця Березового озера, где молодай дрикганчуку буланострокатій зчѣлановатѣвъ(?) барзо. Оттуду поехавши, прибули въ Куцуїевщину, где коней брата п. Андрѣя стрижаковъ и третяковъ на станѣ 32 стоять, а тамъ же воловъ моихъ самъ пересмотрѣлемъ 18, зъ которыхъ двохъ велми худихъ казалемъ взять на брагу, а такъ всѣхъ воловъ останется 16. Оттуду поехавши, прибули въ Андрѣевку, где горѣлки 10 куфъ, а однадцятая неповна, дванадцятая дана шинкарцѣ Лавринисъ по отездѣ родителки. Тамъ же конѣ мои тарани перемѣнилемъ була-ними родителскими, которими пріехавши въ Токарѣ, старосту пя-наго засталемъ, а горѣлки въ коморѣ 2 куфи. Перемѣнивши тамъ коней, але взявши въ помочь пару буланихъ, пріехалемъ позно въ Луку, где засталемъ Никиту Плетюнку, войта моего сварковскаго, и Романа лисого, которіи и писмо дали мнѣ отъ Якова Дуброви, въ якомъ пишеть, что на мѣсто Плетюнки учинилъ войтомъ Пантелеимона Забару; такъ же и о тютюну ознаймуетъ, же въ Ка-люжномъ половину шнуроў, тоестъ 1200, повязаль тютюнникъ въ напушѣ, и надѣючись около 200 каменей, а меншая половина, то есть 1000 шнуроў, неповязаны. Въ Тулиголовахъ казановъ ужо мѣло устроитись 11, а дванадцатий не обискался; и о томъ пишеть, что вдова Максимиха, сварковская подданая наша, зъ подданства перейшла до козака. Плетюнка даль реестръ мнѣ, въ кото-ромъ означении пахарѣ сварковскіе: одни двосошне зубажаліе велми, а другіе односушие, мѣючіеся добре; именно двосущніе: Федоръ

¹⁾ Можно понимать, что Марковичъ выпросилъ у Гозицкаго, въ Ахтиркѣ, козаковъ сухоносовскихъ и перервинскихъ себѣ въ „куречики“.

Заика, Васко Муравой, Василь Король, итого чловѣка 3, а односношніе: Андрѣй Дмитрено, невѣстка его, Евхимъ Оврученко зъ братами, Яковъ Василченко, Иванъ Пугавченко, Артемъ Ларченко, Степанъ Швецъ, Самуило Сохаченко, итого 8 чловѣка.

9. Суббота. Рано въ Лудѣ дригантовъ своихъ легчанихъ трохъ осмотрувалемъ, гиѣдого, воронострокатого и бѣлого, которое середніе сити показались. Буланенкихъ приблудъ двохъ посатихъ осмотрувалемъ, зъ которыхъ одинъ вихожуватись показался. Опанасъ, бувшій староста, зъ женою були у мене и вимѣрались отъ нанесен-наго на ихъ пороку. Рибу, у криницѣ задихающуюся, ловили и цѣберъ привезли при мнѣ. Пообѣдавши тамъ рано, прїехалемъ въ Сухоносовку о полуднѣ и при мнѣ Плетюнка. У винницѣ былемъ, где на З казани горѣлка робится, а на четвертій не починалася. Горѣлки виробили, по сказцѣ Орановскаго, 24 кадки, а кадка квартъ вѣдерковихъ 50, и зъ тоеи горѣлки раздано на шинкъ 21: въ Любнѣ, Лохвицю и Переображенцѣ по кухвѣ, а тутъ на лице кухва 1 горѣлки большая. Тютюну осмотрувалемъ, который барзо хороший показался, а всего 3000 зъ чимсь пашушъ. Отъ Черняховскаго писмо мнѣ врученно, въ которомъ обявляетъ, что полковникъ Шереметевъ, по указу коллежскому, не хочетъ половинихъ взимать радионовъ и порціоновъ, да въ томъ же листѣ онъ же, Черняховскій, просить опредѣленія себѣ двохъ или трохъ чловѣка, на послугу. У вечериѣ булисмо, которую отсиѣвалисмо за попа запишишагося. Подданая наша, которой синъ затратилъ гропей Орановскаго 109 зол., просила респекту, въ чомъ ей отказано.

10. Неделя. Отецъ намѣстникъ Красногорскій и старшина чорнуская были у мене зъ обсильками. Бондаренки козаки приходили ко мнѣ за тимъ, что велено имъ готовитись къ походу, а отъ нихъ братъ молодшій посланъ въ походъ низовій. Звѣраку атаманомъ чорнускимъ устроилемъ. Старшинѣ чорнуской говорилемъ, жебы по моемъ отездѣ, зъехали въ Сухоносовку и тутъ бы приготворили о млину, що край церкви, сколько за годъ прибилѣ надѣя-тись и тое бы отъ мене давано на церковъ, а млинкомъ владѣти мнѣ. Пошъ отецъ Якимъ давалъ мнѣ суплѣку, писанную до отца

протопопи пѣратинскаго, въ якой громада просить его о тое, чтобы поповъ синь въ діакони посвятился. Той же старшинѣ говорилемъ, если отецъ протопопъ пѣратинскій не учинитъ мнѣ справедливости зъ отца Якима, задолжившагося мнѣ, то жѣбы они, заехавши въ село, учили разсмотреніе и письмомъ росправили. Орановскому казалемъ зъ Перервинацъ въ позику взять зъ ями 150 четвериковъ жита лѣкомъ. Плетюнку старостою въ Сухоносовцѣ устроилемъ и ему же шинки лохвицай, лубенскай, сухоносовскай и перервинской, и футоръ Криворудскай вручилемъ. Казалемъ Алексѣйцеви 6 коней подлихъ до двора сухоносовскаго зъ стада вилучить для поездки старостѣ и для дворовыхъ потребы. Далемъ наказъ въ 11 пунктахъ Орановскому и листъ до отца протопопи пѣратин. о дѣлѣ нашемъ зъ отцемъ Якимомъ, а Алексѣйцеви наказъ въ 6 пунктахъ, и передъ вечоромъ виехалемъ зъ Сухоносовки. Пріехавши въ Лохвицю, былъ въ шинку своемъ, где шинкаръ сказовалъ, что по порахунку Романа остался онъ за давній напитокъ виноватъ 64 зол., а вновъ взялъ горѣлки кухву у 80 зол., и меду кухву у 30 зол., и барило меду же по вимѣру. Поехавши оттуду, пріехалемъ позно въ Луку, где Тарасъ наказанъ кіемъ, за тое что оставался въ Пузникахъ, а насть не здоганялъ. Ходилемъ у винницю, где винника вдарилемъ за тое, что самъ снать лугъ, а водка царовала. Отецъ Федоръ приходилъ и горѣлки пробовали, ажъ худа.

11. Понеделокъ. Конѣ, бывшіе дриганті, гнѣдого и вороно-строкатого поставили жесть панскими конми. Чернецъ зъ Красногорскаго монастырца, за кухвою горѣлки, обѣщанною отъ родителки, туда пріехалъ, которому оному видать казалемъ. Отецъ Федоръ лу-чанская подарилъ мнѣ дуба болѣе двохъ саженъ должною, кото-рого казалемъ послать въ Сухоносовку старостѣ, на трубницю. Ви-ехалемъ рано зъ Луки къ Андрѣевцѣ, а на дорозѣ отецъ Федоръ споткавши, доносиль онѣкоторомъ безчинії, въ селѣ проявившомся. Пріехалемъ въ Андреевку, куда потомъ и родителка пріехала, и обѣдалисмо. Отъ Гамалѣйки старой Михайловой былъ листъ про-сителній на актъ веселній, мѣючій въ дому ихъ чинитись, внуцѣ

еи, а дочерѣ п. Ивана Гамалѣи¹⁾, сотника лохвицкого, зъ Елисеемъ Заруднимъ узюмскимъ, януар. 29. Просилемъ у родитељи жита до винницѣ сухоносовской и обѣщала хочъ зъ Журавки, хочъ зъ Савинецъ видать. Казалемъ войту и дворнику Федору винайти берестъ на трубницю до Сухоносовки. Передъ вечеромъ поехали оттуду и иріехали, осмой год. зъ полудня, въ Роменъ, где да-кови и господареви приказали де що зъ родителскихъ інтересовъ. Обявила жена моя, же въ скринцѣ родителской, викиненой зъ свѣтлицѣ въ сѣнѣ, знайши грошей 70 зол., старихъ копѣекъ. Писмо отъ старости шабалиновскаго подано мнѣ, въ которомъ пишетъ о посланныхъ сюда трубницахъ двохъ и двохъ кадкахъ. Отъ п. Федора прилуцкаго, другое, о его отездѣ въ Глуховъ и таковимъ далъ вѣдать ему и панея его, когда родитель въ домъ повернется и прибудетъ.

12. Вовторокъ. Писарь Петрановскій приносиль 3 указы, безъ бытности моей сюда зъ коллегія принесеніе: 1) о спусканю овецъ зъ сими баранами; 2) о присланю вѣдомости въ коллегію о солѣтрѣ, почему продается; 3) объ откупѣ ловлѣ рыбной въ Обмачевѣ. Сторожъ чорнускій посланъ въ Глуховъ зъ доношеніемъ въ колегію о селѣтрѣ. Зъ листомъ до отца протопопи глуховскаго обѣ Орановскомъ и зъ другимъ листомъ до Василя гоеподара о домашніхъ інтересахъ. Гаврило мой молодикъ, пасинокъ атаманскій и сторожъ глинскій, отъ родителя зъ Богучаровъ отправленіе, пріехали зъ листами; онъ же Гаврило говорилъ: 1) что жоней купили мои люде 14, а 3 вози идетъ; 2) что за горѣлку первую взяли грошей 7 (?); 3) онъ, особливо, за 4 барилѣ взялъ 134 рублѣ; 4) за тютюнъ взяли 1000 зол., а въ Астраханѣ продали 30 каменей по полъ 7 зол.; 5) покупки, родзѣнки, макѣдали, рижу 8 каменей, баранковъ 20, шовку простого 20, а кренционого 6 фунтовъ;

¹⁾ Вдова генер. есаула Михаила Авдредовича Гамалѣи, который получилъ отъ Мазепы, въ 1694 г., с. Безсалы и Ивакники, въ 1708 г.—с. Позники и отъ Скоропадского въ мартѣ 1709 г.—с. Вел. Нески. За участіе въ Мазепиномъ дѣлѣ Михаилъ Гамалѣя жилъ въ Москвѣ, въ ссылкѣ, до 1715 г. Онъ живѣть былъ еще въ 1723 году.

6) въ Астраханѣ моего тютюну оставилъ 1000 папушъ; 7) за горѣлку Якова прислали гроши Федоръ, а себѣ купивши, запровадили въ Судакъ. Онъ же Гаврило посланъ до родителки зъ листами родителскими и моими, черезъ которого и о житѣ писалемъ, просячи онаго до Сухоносовки. Посланъ указъ до Звѣраки о бытіи ему при правленіи атаманскомъ въ Чорнухахъ. Посланъ указъ до Гузенка, жебы зъехалъ до Самойловича за роспискою — значковый ли онъ или бунчуковый и буде бунчуковый, то жебы бувъ готовъ въ походъ. Такъ же и до Цися указъ — готовитись ему въ Гилянъ. До сенецкого сотника о присланю сюда Джиггиля съ росписками отъ значковыхъ о поготовости въ Гилянъ. Сторожеви глинскому, зъ походу прійшовшому, далемъ сукна тузѣнку локотъ 5, за тое що Вѣжевского хлопця зловиль въ осени, въ Прилуцѣ, и привьюзъ въ Глуховъ. Черезъ его же отправилемъ цисма: 1, до Петра Зарудного и Василя сотника наказного, о прибытіи ихъ сюда, а 3, до Федора Зарудного и писара глинскаго о зъеханію ихъ въ село Луку ради слѣдованія о безчиніи проявившемся. Лютню взялемъ и настроилемъ и, впервое, игралемъ. Вѣрши дочкамъ своимъ на привѣтъ родителскій сочинилемъ.

13. Середа. П. Василь глинскій пріехалъ и привюль коня вороного мнѣ, у Горюновича за 60 зол. купленаго, а ему отъ мене приходится зол. 25; и Зарудний пріехалъ. Іеромонахъ Ави-мелехъ зъ гори Синайской бувъ у мене и обѣдалъ. Зъ канцел. енер. Зъ укази прінесены: два о присланю зборщиковъ таковыхъ, якъ указъ требуетъ, а третій о принятію мужиковъ нѣкоторихъ въ козаки въ Бодаквѣ, по изслѣдованію црапорщика Волжина. Зъ Сенчѣ доношеній 2 прислано: 1) о индуктѣ, а 2) о ценѣ пашни. Гаврило повернулся зъ Луки и сказалъ, что родителка жита 100 четверти зъ Журавки видать обѣщала приказать до Сухоносовки. Понъ левченскій зъ суплѣкою явился на сотника наказ. роменскаго. Шевці Лисого наказалемъ и робить черевики зъ сафяну далемъ. Вѣрши Олесъ на привѣтъ родителскій написани. П. судіна глинскамъ була и просила на весѣлло дочерѣ своей, мѣючее 17 сего генваря отиравоватись зъ синомъ Панченка прилуцкаго.

14. Четверъ. Родитель мой пріехалъ въ Роменъ, въ ночь, год. зъ полночи около другой. Родителка пріехала зъ Луки, передъ службою, въ Роменъ. Молебенъ благодарственій бувъ и зъ иушечнимъ поздравленіемъ. Укази послані 2: одинъ въ цѣрквицкую, а другій въ лохвицкую сотнѣ, о перемѣнѣ непринятиихъ зборщиковъ и отсыпцѣ въ Глуховъ. Писалемъ листъ до правителей о зборщикахъ неисчисленныхъ и зъ церковниковъ, что онѣ въ недостатку другихъ избираются. Пробавили день и вечеръ зъ шумомъ цицѣніемъ. Подводи въ Глуховъ отправлени 3, между которими отсюду пошло моихъ 4 воли, а зъ ними и Леско кухарь, да на тихъ подводахъ два стацки каретки и сиалнѣ, меду прѣсного кухва, орѣховъ бочка, мѣди фунт. 20 и олова столко жъ, а велено имъ на Камень схать для забрання оттуду переда сиалнѣ. П. Семенъ братъ почовалъ зъ нами.

15. Пятокъ. Архимандритъ гори Синайской Авимелехъ обѣдалъ. Зъ сотнѣ чигириндуровской доношенія о інтересахъ сотенныхъ принесени, такъ же и зъ сотнѣ чернуской. Булисмо у вечору у и. Несторовича зъ братомъ и. Семеномъ, Заруднимъ и Василемъ глинскимъ, которій бардакъ персидскій даровалъ мнѣ. Романъ поѣхалъ въ Сухоносовку росквѣтоватись въ шинкахъ зъ Плетюнкою, которому всѣ шинки поручени. Червоного своего и еще щось Романъ и Мартинъ придали Ілкови важничому на покупку тютюну.

16. Субота. Гаврило собою данніе и. Семену денги, за 4 барилѣ водки 134 р., отобралъ и отдалъ намъ; зъ тихъ грошій послалемъ черезъ Романа до Сухоносовки 100 зол., зъ которыхъ винявши 10 зол., казалемъ кувить овса для коней, на Засуллю стоячихъ, зъ тихъ же грошій заплатилъ и. Василю глинскому 25 зол., за коня вороного. Зъ тихъ же грошій Антонови, отежджающему въ Кіевъ, по братовъ, далемъ 40 зол., на покупку минеи общей, тріодѣ постной и вина полинкого. Гаврило и Демянъ принесли отъ пана Семена грошій 8 мѣшечковъ и 4 р. П. Семенъ подарили маѣ рися, а ему табакеръ золотую. Указъ зъ колегіи обѣ откупѣ перевозовъ чернѣговскихъ озеръ и проч. прине-

сенъ. Леонтій Яківський зъ двома пословитими отправлені въ Глуховъ, до колегії, на опредѣленіе ихъ къ магазейну. Гузенко повернулься зъ Лохвицѣ и привезъ отъ Самойловича писмо, и росписку отъ Цися, а за роспискою отъ Самойловича знову ехать ему предложено. Сторожъ чорнускій пріехалъ зъ Глухова зъ отвѣтомъ отца протопопи глуховскаго, что чарторійскаго поча дочерь отдана замужъ. П. Андрій братъ пріехалъ въ Роменъ. Писалемъ до Орановскаго о прибытіи его сюда. П. Семенъ братъ говорилъ, что хоружій Корсунъ виноватъ намъ грошей 44 р. Казѣмиръ отправленъ въ Глуховъ зъ листами, черезъ котораго писалемъ до господара о розныхъ інтересахъ.

17. Неделя. Архимандритъ Авимелехъ воду святилъ и крестъ показовалъ, въ которомъ сказовалъ часть животворящаго дерева и моши на обоихъ сторонахъ ст. мучен. Пантелеимона, да ст. апостола Варфоломея. Яковъ Дуброва повернулся зъ Глухова и реестра господарей глуховскаго и тулиголовскаго и ключницкіе привезъ зъ собою. Обѣдали много числа людей зъ старшинами до шуму. Зъ Савѣцкимъ писаремъ поссорился. До п. Ностеровича ходилисмо.

18. Понеделокъ. Ілкови далемъ грошей еще на покупку тютюну и табаки 190 зол. Мартинъ купилъ 2 вѣдерки меду по 9 зол., на що и на іншіе потребы дано ему же грошей зол. 50. Орановскій пріехалъ и зъ нимъ Плетюнка. Указъ объ откупѣ въ Чернѣговѣ перевоза и протчихъ зборовъ цублѣкованъ.

19. Вовторокъ. Орановскій зъ Яковомъ Дубровою грошей въ нась взяли 100 рублей и зъ нихъ вилѣчивши дали 100 талляръ церковнихъ, а 200 зол. войту должникъ отъ мене. Микита Плетюнка въ Глуховѣ отпущенъ и ему бъ тамъ болішъ тижня не бавитись, о чомъ къ господару писано. Отецъ протопопъ Савѣцкій бувъ у мене и говорилъ о Орановскомъ и дочерѣ отца Іоанна намѣстника. Сотникъ олишевскій и наказ. полков. нѣжинскій зъ хоружимъ полковимъ нѣжинскимъ же, бывшіе въ Сулацѣ, обѣдали и отехали. У вечера Комаровскій зъ Коленскимъ и Джулаемъ смѣшніе строили жарти. Зъ Глухова отъ Столповскаго писмо привнесено и приложеній трактатъ мирний шахового посла Ісмаїлъ Бѣка и

министръ его императорского величества. Указъ зъ канцелярии присланъ о нарадѣ значковыхъ зъ бунчуковими, вместо радовыхъ козаковъ, въ Гилянъ. П. Андрѣевая братовая прѣехала въ Роменъ. Гаврило въ допросѣ своемъ сказалъ мнѣ: 1, что Федоръ да Демянъ въ Сулацѣ продавали горѣлки вѣдерко по 6 рублей; 2, зъ горѣлки, собою припроваженной въ Астраханъ, возилъ опь въ Сулакъ бариль 4 и въ нихъ вѣдерокъ роменскихъ 22; 3, да съ той же горѣлки продали они, пасипавши куфу, короткую бажану (?) у полъ 14, албо полъ 15 вѣдерка.

20. Середа. Золотарь приносилъ трость и срѣбро оправу, которое заважило 8 лот. Кійлянъ данъ золотареви для позлоти, а на оній и на трость данъ червоній. Родитель черезъ мене Петрановскому далъ гримей зол. 50. Петрановскій да Орановскій зъ мѣщечка денегъ моихъ вилѣчили 474 зол., отдали сотникови наказному Данилови Савускову, якіе опь у Смоленска, 721 году привезши, стратиль на мою потребу, и въ томъ мене киѣтоваль. Хлонцеви далемъ на расходы 10 зол. П. Василь глинскій прїехалъ зъ зваромъ родиннимъ, что родилась дочь ему Татіяна 18 числа. Повериулись подводи зъ Глухова, возившіе туда меду бочку, мѣдь и олово. Увѣдомилисмося, что сира 4 кухви, а масла 10 фасокъ моего на Засуллю есть. У лазнѣ милисмося. Мартинъ штабу жалѣза далъ ковалімъ робить завѣси до дверей, до будинку сварковскаго. Іванъ копюшій родителскій веселле свое зъ Малашкою сего вечора началъ имѣти. Указъ зъ канцелярии принесенъ о присилѣ зборщиковъ именнихъ. Донашеніе отъ старшини лубенской принесено, что Лаврентій Кодинецъ посланъ въ Глуховъ въ щетники. Гузенко повернулся зъ роспискою Самойловича, что онъ готовъ будетъ въ Гилянъ.

21. Четверъ. 200 руб. денегъ далемъ атаману роменскому на купленіе воловъ, якіе денги пѣратинскій писарь Семенъ Петрановскій да слуга мой Демянъ въ дому его лѣчили и отдали. 100 р. зъ собою до Глухова взялемъ денегъ, а еще 4 осталось. Родитель подарилъ куницѣ 21 нечиненіхъ. Веселле брачное Ивану копюшому отправилося въ дому родителскому. Сотникъ и атаманъ лубенскіе,

и лукомскій сотникъ и прочіе попрѣздили. Отъ родителя унѣвер-
сали подписані о содеряніи овесь и походѣ значковихъ до Гиля-
ни. Комисари полковіе Черняховскій и Христичъ прїехали въ Ром-
енъ и презентовали мнѣ указъ, зъ колегіи къ нимъ отправленій,
чтобъ сношеніе имѣли они зъ комисарами полку гадяцкого въ рас-
положеніи дракунскихъ полковъ, дабы оное было равномѣрно.
Трость, оправивши, принесъ золотарь.

22. Пятокъ. Родитель и при немъ я, брати п. Андрѣй и
п. Семенъ и п. Несторовичъ виехали зъ Ромна рано, передъ свѣ-
томъ, а правленіе полковое поручено п. есаулѣ Семену, черезъ Пе-
трановскаго. Прїехали на обѣдъ въ Смѣлое, куда и Казѣмиръ,
посланній въ Глуховъ, зъ листами отъ родителя, повернулся зъ
письмомъ отвѣтнимъ ясневелможной. Брать п. Андрѣй зъ Смѣлого
отпущенъ назадъ въ Роменъ, черезъ котораго писалемъ до роди-
телей и жени своей обѣ Орановскомъ, дабы его одружить хочъ
за дочь отца Іоанна, хочъ за Гапку, свойственную нашу. Якову
Дубровѣ далемъ пункта, почему Федора допросить. Пріѣхали от-
туду передъ вечеромъ у Корсаковъ футоръ и тамъ съ полчаса за-
бавивши, на ночь прїехалисмо до Козацкой и тамъ до всходу мѣ-
сяца опочили, а поехавши знову оттуду, прїехалисмо передъ свѣ-
томъ у Каменъ.

23. Субота. Рано посыѣдаломъ зъ братомъ п. Семеномъ и п.
Несторовичомъ. По сиѣданію скоро свѣтать стало; зъ благослове-
ніемъ, взятымъ отъ родителя, поехалемъ и пріѣхалемъ до Тулиго-
ловъ, где засталемъ у імбарѣ въ 7 кухвахъ великихъ 80 зъ лиш-
комъ горѣлки, у винницѣ на 11 казановъ стала горѣлка робитися,
а винникъ Сова майстеръ, который послѣ Козѣ сталъ робить у
винницѣ сего 16 януар. Свиней у сажу 25 обрѣтается. У винницѣ
на кадку горѣлки 4 коробки жита, 1 овса, а одна солоду жит-
ного; а зъ четверти молотого борошна 4 коробки виходитъ; зъ
четверика глуховской мѣри виходитъ 3 посатки и коробка моло-
того борошна остается, а зъ четверика жита, на солодъ зроблен-
ного, придавши овса поль 2 четверти, виходитъ коробокъ 20, а
иногда 21. Поехавши оттуду, пріехалемъ въ Глуховъ у вечеру,

куда потомъ и родитель пріехаль. Засталисмо въ дому швакровъ обоихъ, Горковскаго и п. Антонову.

24. Неделя. Раво булисмо у господина брегадира, который сказовалъ намъ зъ вѣдомостей заморскихъ отъ Амстердама, что въ портѣ Либавскомъ появилась риба чрезвичайной величины, которая по одному потоку рѣки заплила у верхъ и, за убувшию водою, осталася на песку; а она въ долготу 24 аршина 6 вершковъ, самая большая толщина 12 аршинъ, высота 3 аршина и 10 вершковъ, хвостъ кончится двома хвостами, а разстояніе одного отъ другого 4 аршина, пространство ея рота 16 аршинъ и полъ, зубовъ въ ей числомъ 495, въ длину 2 аршина 10 вершковъ, передище зуби ея 1 аршинъ и полъ, у верхней части въ носѣ щетина длиною въ перстъ, очи въ ей 9 дуймовъ, то есть четверть аршина съ полвершкомъ, а разстояніемъ одно отъ другого въ 3 аршина, въ 10 вершковъ зъ полвершкомъ. По службѣ у п. сотника билисмо и тамъ по чарцѣ водки випивши, заехали до прокурора, где и обѣдалисмо. Поехавши оттуду, на люду зъехалисмо съ ясневелможной, п. Федоромъ п. Кондзеровскимъ, ехавшимъ зъ Гамалѣевки, зъ которими, въ дворѣ заехавши, просидѣли довольно. Укази зъ канцеляріи енер. дани миѣ 4: 1) о присланію нѣкоторихъ зборщиковъ, 2) пункта въ доношеніи інструкціи обервалтмейстерской о нерубаніи лесовъ заповѣдныхъ, 3) о подозрѣніи на судей, 4) о послухахъ служителямъ.

25. Понеделокъ. Демяна доирашовали о послушаніи его, и отвѣтъ его прописалъ. Троцкій и Столповскій були у мене. Отецъ протопопъ зъ попами были у родителя. Шклара зъ войтомъ сварковскимъ послалемъ въ Сварковъ. Былисмо въ церквѣ ст. Анастасии, а потомъ обѣдалисмо у ясневелможной. Поехавши оттуду, билисмо у брегадира и просидѣли долго. П. Федоръ зо мною ночевалъ и п. Семеномъ братомъ.

26. Вовторокъ. Тарнавскій рано приходилъ. Були рано у Кошелева и тамъ родитель листъ записалъ на себѣ за лошадей пару безъ данихъ (?) его Кошелевихъ въ продажу, за 28 рублей пущеныхъ. Обѣдалисмо у ясневелможной, где и ігуменія Каравеевскаго

монастыря и компанией приехавши, обѣдали. У вечера булисмо въ Сухарева и тамъ просидѣли. Листъ отъ Столповскаго зъ Ярославца получилиемъ зъ цедулою etc. Гаврило зъ ключникомъ были въ склену и вина зо всякоаг антала по 2 бутылки взяли.

27. Середа. Отець протопопъ глуховской бувъ у мене и разговорували объ Орановскомъ. Реестровъ чили наказовъ господарскихъ пересмотрувалемъ и 17 речій начитадемъ неисполненныхъ. Зъ Ромна припроважени, на 3 подводахъ воловихъ, сира куховъ 4 и масла дѣжокъ 4. На мѣстѣ рукавички суконніе купилемъ за 2 зол. и 5 копѣекъ. Обѣдалисмо у ясневелможной, где и пожевгналисмо. По обѣдѣ заехали до брегадира, где посидѣли долго и простились. До Хрилунова Лаврентія заехали, куда и Бурковскій по томъ пріехалъ и до куреня моего въ походѣ просилься. Пріездилъ Стаковичъ просить до Кошелева въ лоти играть Зарудкай и Голубиха були у родителя у вечера. Родитель сталъ ускаржатись на ноги опухліе и боль въ нихъ. Указовъ 3 зъ канцеляріи енер. принесено ко мнѣ, на мое имя: 1) о присилцѣ радовыхъ козаковъ въ Глуховъ, нараженніхъ до Гилянѣ, для смотру, 2) о взятіи расписокъ у бунчуковыхъ о пріездѣ ихъ въ Глуховъ, тожъ для смотру, въ февр. 10 числѣ, 3) о непринятію бѣглихъ крестьянъ и где бы появились они, взятію онихъ за караули. Коленскому казалемъ отписать до старости овдоколскаго, писавшаго ко мнѣ зъ требованіемъ наставленія о бѣглихъ крестьянахъ вѣкоторого смоленскаго шляхтича, познавшаго онихъ въ Овдоколлю, зачимъ согласно указови къ нему отписано, что самъ долженъ тую трудность отбывать. На горѣ бувъ, где казалемъ Гаврилови взять шаргамѣнъ, вовни, кунтушъ легкій и прочая.

28. Четвергъ. Імператорское величество Петъ Алексѣевичъ, по дѣлахъ, великий преставился, а манѣфестъ о немъ февр. 18 выражень, а преставился противъ сего числа, рано зъ полночѣ, 6 години 20 минуты. П. Минѣцкій, бувши у мене, далъ карту до своего чоловѣка о выдачѣ намету его, которій на своей ценѣ, то есть 100 зол.. отпускается. Покушавши, родитель отехалъ въ Каменъ, ~~зде~~ передадъ зъ крестьянамъ Кошелева Лоховимъ, что онъ

О Т Ъ Р Е Д А К Ц И И.

Въ „Киевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельные изслѣдованія по истории южной Россіи и разнообразные материалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, рассказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народного быта, или служитъ проявленіемъ народного творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычай религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Бібліографическая свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по истории южной Россіи сопровождаются критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ истории южнорусского народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежать въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція просить авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

„Киевская Старина“ выходит въ 1892 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, 1-го числа каждого мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Открыта подписка на „КИЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1892 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписька принимается въ редакціи журнала „Киевская Старина“, Кузнецкая, № 14.

Редакція отвѣтаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг. подписчики благоволять немедленно по полученіи слѣдующей книжки присыпать заявленіе о не полученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Киевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 и 1891 по **8 р.** за 12 книжекъ, съ пересылкою **10 р.** При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдельныя книги за 1882—91 г. по **1 р.**

Издатель И. М. Гамаль.

За редактора Е. Нивлицкій.